

ИЗ АРХИВОВ САМИЗДАТА

ЖЕСТЯНОЙ АНГЕЛ

ИЗ АРХИВОВ
САМИЗДАТА

ЖЕСТЯНОЙ АНГЕЛ

Генри Каттнер
ЗЕМНАЯ ЗВЕЗДА

Рон Гударт
ЖЕСТЯНОЙ АНГЕЛ

Эдгар Пэнборн
КОМПАНИЯ СЛАВЫ

Алан Дин Фостер
МОКОВА ПРОГРАММА

ВРАТА ЗЕМЛИ

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Сидней Дж. Баундс «Одушевленные»

Дж. Ф. Боун «На четвертой планете»

Дж. Брайан Кларк «Врата Земли»

Майкл Саара «Наемник»

Маргарет Сент-Клер «Садовник»

Томас Когсуэлл «Обретенный рай»

ЖЕСТЯНОЙ АНГЕЛ

(из архивов самиздата)

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2018

ББК 84 (7 Сое)-44
Ж 22

Составитель серии А. Лидин
Редакторы И. Летберг и И. Кремнев

Ж 22

Сборник «Жестяной ангел». — СПб.:
«Издательство «Северо-Запад», 2017. —
832 с. — (Желтая серия). Тираж 30 экз.

ISBN 978-5-93835-691-7

КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

ISBN 978-5-93835-691-7

© Перевод В. Федоров

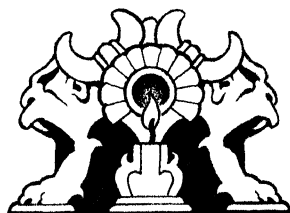
© Оформление

ООО «Издательство

«Северо-Запад», 2017

Генри КАТТЕР

ЗЕМНАЯ ЗВЕЗДА

ГЛАВА I. НАЧАЛО

Несмотря на пылающую жару индийской ночи, кондиционированный воздух создавал в этом помещении дворца прохладу и уют. Для делового кабинета помещение это могло показаться слишком роскошным, в остальном же оно вполне сошло бы за любой нью-йоркский гостиничный номер. За небольшим столом со стеклянной столешницей и стоявшим на ней саквояжем «гладстон» сидело трое белых. Когда вошли двое индийцев, они встали и почтительно поклонились радже, невысокому человечку с дряблым лицом, непричесанными усами и слишком большими и красными губами для его желтоватого лица. Раджа почти не обратил внимания на это приветствие, не сводя глаз с кожаного саквояжа.

— У вас есть Земная Звезда? — спросил он.

— Да, — ответил один из трех европейцев у стола. Он открыл саквояж, отомкнул встроенный в него металлический кейс и достал футляр с драгоценным камнем. Раскрыв его, он выложил открытый футляр на стол.

У раджи пересохло во рту. Не удержавшись, он чуть вздрогнул.

— Земная Звезда... — прошептал он.

На черном бархате внутри футляра пылал огромный самоцвет, напоминающий формой линзу и обворожительно прекрасный, потому что в самой его сердцевине пламенили лучи живого света. Под мягким светом в комнате скрытые в камне цвета менялись и перемещались. Он походил на алмаз, но ни один алмаз на свете не был таким чудесным.

Секретарь раджи испустил глубокий вдох.

— Углерод, — прошептал он. — Древовидный папоротник возрастом в несколько миллионов лет...

— Несколько больше, сэр, — перебил его один из европейцев, не отводя взгляда от камня. — Для создания Земной Звезды потребовалось необычное давление. Он поступил, знаете ли, из новых пещерных рудников под Атлантикой, когда брали на пробу керны с огромных глубин. Земная Звезда создана из древовидного папоротника — но тот папоротник почему-то залегал глубже, чем считалось возможным. Он намного тверже алмаза, хотя, конечно, тоже является углеродом. И он единственный существующий...

— Есть и Земная Звезда в короне вашего правителя, — тихо уточнил раджа.

По лицам членов группы пробежала сдержанная улыбка.

— Так оно и есть, и это к тому же превосходная имитация. Повторяю: вы будете единственным обладателем существующей Земной Звезды.

Раджа опустил на стол тонкую руку с перстнями, сверкающими бесценными камнями.

— Значит, договорились. Мой секретарь даст вам чек.

Внезапно лунный свет заслонила какая-то фигура. Незвестный, казалось, выскочил из ночи, запрыгнув через открытое окно и легко приземлившись на толстый ковер. А то окно выходило на настоящую бездну, простиравшуюся до речного ущелья далеко внизу.

Внезапные движения европейцев и быстрый жест секретаря раджи сразу же застыли, когда в затянутой в перчатку руке незнакомца показался пистолет. Запрыгнувший стоял не шевелясь, сжимая одной рукой легкий металлический трап, тянувшийся за окно, в темноту. Одет он был, как обычный летчик, но лицо его скрывала черная шелковая маска.

— Не двигайтесь, — произнес он низким, и явно измененным, голосом. — Нет, не делайте этого!

Пистолет слегка дернулся, в остальном ничто не выдавало выстрел, но один из европейцев тихо выругался, его рука упала, как плеть, обездвиженная выстрелом.

— Нейропистолет, — любезно пояснил человек в маске. — Он, знаете ли, может и убить... Благодарю вас, что не ше-

лохнулись. А теперь... — Он зацепил гибкий трап за стул и осторожно приблизился к столу. — Земная Звезда, да?

— Не дури, — посоветовал незнакомцу секретарь. — Тебе нечего и надеяться продать ее. Она уникальна.

Незнакомец не ответил, но в его вопросительном взгляде сквозило веселье. Самый высокий из европейцев прорычал:

— Продать ее? Осел — неужели ты никогда не слыхивал о Мерлине?

Покуда он произносил это, его стопа слегка переместилась к стулу с прицепленным к нему трапом. Но тут же застыла, когда Мерлин повернулся к нему.

— Ты узнаешь меня?

— Я слышал о тебе.

— Хорошо! — голос Мерлина внезапно стал резким. — Тогда слушай! У меня есть способы выяснить то, что я хочу узнать. Я обнаружил, что определенные силы, правящие вашей страной, решили продать Земную Звезду нашему другу радже. За какую цену, не знаю, но она должно быть просто сказочная. Если б те деньги пошли на нужные цели, я б не явился сюда сегодня.

Высокий европеец мягко пнул по стулу. Металлический трап, скользнул по ковру, и исчез за окном. Мерлин этого явно не заметил, хотя его лишили возможности отступления.

— Но деньги-то те пойдут на оружие, — продолжал между тем Мерлин. — А вы, господа, и те, кто за вами стоит, пытаетесь разжечь новую войну. А что до вас... — Он взглянул на раджу. — То вы — слабоумный дегенерат. Не двигаться! Вероятно, это первый раз, когда ты услышал правду, но теперь тебе предстоит выслушать ее. Ты самый богатый человек на Востоке, и ты унаследовал не только огромное состояние, но и власть. Но Земную Звезду ты купишь не на собственные сокровища. Ее покупка будет означать налоги для твоих подданных, которые и так уже с голоду пухнут. Во поэтому-то я здесь и нахожусь.

Мерлин опустил взгляд на лежащий на столе раскрытый футляр.

— Думаю этот кусочек углерода порождает беды. Поэтому я заберу его. Имитация, сделанная, чтобы заменить его, раджу не заинтересует. Так что...

Он сунул камень в карман и двинулся обратно к окну. Другие наблюдали за ним, сузив глаза. Отсутствия своего металлического трапа Мерлин явно не заметил.

В одной руке он по-прежнему крепко сжимал пистолет, но в другой теперь держал предмет, похожий на маленький фонарик.

— Возможно, вам интересно узнать, каким образом я прошел вашу охрану и сигнализацию. Прилетев на гидроплане.

— Но... мои глушащие двигатели лучи... — вытаращил глаза раджа.

— Они простираются только на 300 футов. Я завис на-много выше этой точки и спустился по трапу. А вот и он.

Трап прилетел из темноты словно маятник. В голосе Мерлина прозвучало нескрываемое веселье, когда он сунул «фонарик» обратно в свой летный комбинезон.

— Хитроумный прием... но у меня есть очень мощный магнит. А теперь я вас покину, господа...

Когда он ступил одной ногой на подоконник, его внимание на какой-то миг отвлеклось, и самый высокий европеец тут же среагировал. Гортанно выругавшись, он прыгнул вперед, схватил Мерлина, и сжал одной рукой запястье руки со странным пистолетом.

— Держи его! — завизжал секретарь и метнулся к своему сигнализатору тревоги. К нему присоединились и другие европейцы.

Мерлин боролся молча. Противник попытался втолкнуть его обратно в помещение, это была ошибка. Новоявленный Робин Гуд бросил оружие и схватился теперь за трап обеими руками. Европейца неизбежно подняло вместе с ним. Перевесив, двое сцепившихся противников вылетели по дуге в ночь, когда цепляющиеся за трап пальцы прошли мимо цели, в каком-то дюйме от нее.

— Стреляй! — завизжал раджа. — Застрелить его!

Поднялась пальба из окна. Смутно видимые в лунном свете, две фигуры боролись меж собой на хрупком металлическом трапе над бездной.

— Его маска...

Из темноты резко и отчетливо донесся голос.

— Мартелл!

Голос перерос в пронзительный крик. Одна из фигур камнем ухнула вниз. Секретарь стоял у окна с фонариком в руке. Он сфокусировал луч на цели, человеке в летном комбинезоне, отвернувшем от света лицо. Теперь с крыши ночь пронзили и другие лучи, заливая Мерлина безжалостно-ярким светом. Резко треснул выстрел.

— Они в него попали, — обрадовался раджа. — Автоматчики на крыше не промахнулись.

Рука Мерлина поднялась, вслепую нашаривая трап. А затем — он внезапно пропал! Трап и новоявленный Робин Гуд исчезли.

Раджа в чистом изумлении уставился на пустое небо.

— Как?..

— У него на гиروهлане наверняка стоит автоматика подъема трапа. Она просто смотала трап и подняла его. — Высказавший это мнение европеец посмотрел на свой разряженный теперь пистолет. — Лучше бросьте теперь за ним свои гиروهланы.

По кивку раджи секретарь торопливо выскочил за дверь.

— Мы его настигнем, — выразил уверенность властитель.

— Нет, не получится. У Мерлина самый быстроходный гиروهлан. Он уже проворачивал подобные фокусы. Но на этот раз... ну, он потерял свою маску.

— Ты узнал его?

— Стоун узнал, прежде чем упасть. Он выкрикнул тогда его имя. Помните? Мартелл.

— Какое-то обычное имя? — недоумевающе нахмурился раджа.

— Мы со Стоуном работали в тесном контакте. Он откуда-то знал это имя и это лицо. Из новостных роликов... из газет... все знают Сета Мартелла и его сыновей. Я тотчас же свяжусь с моим правительством. Можно мне воспользоваться вашим видеотелефоном?

— Да. Верните Земную Звезду, и я ее куплю.

— Значит, — мрачно промолвил европеец, — договорились.

ГЛАВА II. ПОБЕГ

Лицо Сета Мартелла, словно высеченное из кремня, избородили резкие морщины, когда он сидел, уставившись на лежащую у него на письменном столе сложенную газету. Через окна высящейся над Нью-Йорком квартиры-пентхауса лилось теплое солнце, серебрила седые волосы и подстриженные усы Мартелла. Он выглядел каменным, пока не поднял век и не посмотрел на стоящих перед ним троих юношей.

Сет Мартелл считался одним из самых влиятельных людей в Америке. У него были связи с военными, он занимал высокое положение в правительстве, и честность его никогда не вызывала сомнений, равно как и преданность своей стране. Он всегда непоколебимо служил собственным идеалам, каких бы личных жертв это ни требовало. И вот теперь...

Теперь в его серых глазах проглядывала боль.

Он посмотрел на троих сыновей и помедлил, барабанив короткими мозолистыми пальцами по сложенной газете.

— Ну?

Ни один из трех не сказал ни слова.

Мартелл протянул руку к кнопке вызова, затем убрал ее. И посмотрел на самого высокого из троих.

— Тони. Мерлин это ты?

Тони — темноволосый, поджарый юноша, с очень острыми черными глазами и энергичным худощавым лицом — вопросительно вскинул бровь.

— Я, сэр? Тот о...

Присущая Мартеллу сдержанность на миг отказала ему, и он резко бросил:

— Отвечай!

Тони посерьезнел.

— Нет, сэр, — спокойно ответил он. — Я не он.

— Фил.

Второй юноша, белокурый и коренастый, вынул изо рта мундштук.

— Нет, сэр.

— Джимми.

Третий из троицы несколько походил с виду на Тони, хотя и выглядел менее зрелым. Проглядывающая на лице Тони энергичность переходила у Джимми в энтузиазм, мальчишеский и приятный. Бросив быстрый взгляд на братьев, он колебался и наконец сказал:

— Я не Мерлин, сэр.

— Ладно, — вздохнул Мартелл. — Ступайте в солярий, мальчишки, и подождите. Следователи скоро будут.

И замер, не шевелясь, разглядывая ногти, пока сыновья не вышли.

Едва выйдя за дверь, Тони тут же покинул братьев.

— Скоро буду с вами, — пообещал он вполголоса, и поспешил дальше по коридору. Остальные направились на застекленную веранду, через десять минут к ним присоединился и старший брат, с совершенно бесстрастным лицом. Он подошел к окну и постоял, глядя невидящим взором на нью-йоркские небоскребы, ожидавшие скорого наступления XXI века. Затем принялся задумчиво насвистывать.

— Сет настоял на беседе с нами до приезда детективов. Молодчина.

Джимми кивнул, нервно закуривая сигарету.

— Именно так. Но все это... я этого не понимаю.

Серьезные глаза Фила бросили на него вопросительный взгляд.

— Ты уверен? Власти, несомненно, думают, что вор один из нас. Хотелось бы мне знать ...

Последовало короткое молчание. Наконец Джимми спросил:

— Да в любом случае, кто такой этот Мерлин?

— Самый хитроумный вор в мире, — повернулся к нему Тони. — Действовал по всему миру, по меньшей мере, два года. А в нынешние времена это многое значит. Во многих отношениях он смахивает на Робин Гуда. Убивает только для самозащиты — и ни разу ради личной выгоды.

— Многим преступникам удавалось не один год избегать ареста, — вставил Фил, — но они все — мелкая сошка. Не настолько важны, чтобы привлечь внимание. Но вот Мерлин, все думают, что у него многолетний опыт. Помните, когда

умер Джейннисон? Губернатор? Его убил Мерлин, и никто не знал почему, пока не выяснилось, что Джейннисон был одним из самых крупных политических рэкетиоров в стране. Да, Мерлин своего рода Робин Гуд, но закон не встанет на сторону Робин Гуда.

— И, — сардонически добавил Тони, — один из нас — этот самый Мерлин. Так все утверждают.

— И который же? — усмехнулся Фил.

— О, это выяснят. Составят наши психологические профили — схемы наших характеров — и сверят их с анализом действий Мерлина. А детекторы лжи сообщат, который же из нас и есть Мерлин. Это, знаете ли, точная идентификация.

Джимми раздавил сигарету, молча шевеля губами. И внезапно повернулся к остальным.

— Вы чертовски легкомысленно смотрите на это дело! А что, если это правда? Что, если один из нас и правда этот вор, вы понимаете, что это означает для Сета? Его сына покажут всему миру как вора и убийцу. По Сету ударят нами, я это точно знаю. Но я знаю также, что для него значит честь. Он приобрел ту серебряную пластину у себя в черепе именно потому, что думал больше о своей чести, чем о своей жизни. И теперь ...

— Заткнись, Джимми, — тихо произнес Фил. — Мы все это знаем. Но что мы тут можем поделать?

— Наш младший брат собирался предложить Мерлину признаться, — пробормотал Тони. — Трогательное чувство. Заголовки в прессе по всему миру. Сет сразу же подаст в отставку со всех постов — он ведь такой. Все узнают, что сын Сета Мартелла и был... тем самым Мерлином.

— Мерлин мог бы, — произнес Фил, — ...исчезнуть.

— Ему придется исчезнуть навсегда. Допустим, Филип, этот парень — я, и допустим, я исчезну. Подписанное признание будет столь же действенным. Как только я исчезну, оно докажет, что я — Мерлин. За нами никто и никогда не приглядывал. Как сыновья Сета, мы выше всяких проверок психологического профиля. К Сету мы наведывались

раз в месяц. В остальном же оставались вольными птицами и имели массу времени делать все что нам заблагорассудится. В том числе и заниматься разбоем!

— В любом случае, люди нынче не могут просто пропасть из виду, — крикнул Фил. — С этим телевидением, специализированной связью, телефаксами и тому подобным такое просто невозможно. Где, черт возьми, человек может прятаться много лет?

— В Иностранном Легионе, — хмыкнул Тони, и подождал. Взгляд его пристально прошелся по лицам двух братьев.

На них появилось выражение удивления, пораженности и недоверия. И исчезли. В глазах Фила проступило выражение упрямой мрачности. А лицо Джимми показало ... волнение.

— В Легионе? — переспросил он.

— Да. Оттуда никого не выдают. С 1960 года, когда основали эту компанию. Ни у какого правительства нет в Легионе своей руки. Правительства только пользуются услугами этой компании, и та предоставляет их, точь-в-точь как герцоги Гессенские продавали своих солдат воевать за другие страны. Когда есть слишком грязная работа, какой не хочется заниматься всем прочим, правительства обращаются с просьбой к Легиону — и отказываются от экстрадиции. Полярные крепости. Под-Сахара. Дозоры на марсианских каналах. Опасное патрулирование на космических маршрутах. Фирма это частная, и коль скоро попадешь в нее, то на Земле и на Марсе тебя уже никто не сможет тронуть. Покуда ты служишь в Легионе. Живут в нем, как правило, недолго.**

— Веселенькая мысль, — крикнул Фил, пыхтя трубкой. — Кстати, а который же из нас тот самый Мерлин?

— Этот парень — я, мальчики, — улыбнулся Тони. — И именно к этому уходу я и готовился. Я намерен пропасть из виду. Направиться в Легион. И... ну, я хотел, чтобы вы об этом знали. Сету я этого, конечно, сказать не могу. Но...

— Черт меня побери, — откровенно изумился Фил. — Ты увел Земную Звезду?

— Совершенно верно.

— Странно. А она — надо же такому случиться — есть у меня самого. В полом зубе.

— Да вы оба спятили, — заявил Джимми. — Она у меня.

— Бесполезно, — покачал головой Тони. — Нет смысла подаваться в легион всем троим. Хватит и одного. Поэтому...

— Минутку, — прервал его Фил. — А что, если мы исчезнем все трое? Никто не станет выдвигать обвинения против всех троих, когда двое из них явно невиновны. У меня, по воле случая, у самого есть этот камень...

— Да, — хмыкнул Тони. — Но не гони лошадей. Мы оба заходим в тупик. Я уезжаю сейчас же. Отправляюсь в Легион, а вы — остаетесь здесь.

— Мы встретимся с тобой там, — упрямо заявил Джимми.

Спор продолжался — безрезультатно. Джимми и Фил твердо стояли на своем. Каждый из них настаивал, что камень похитил именно он. И, если они не будут сопровождать Тони, то просто отправятся следом за ним сами по себе.

— Так что нам лучше держаться вместе, — решил наконец Фил. — Так у нас будет больше шансов.

Тони плотно сжал губы.

— Вы спятившие дураки! А ведь вы именно так и поступите ... ну, оставайтесь здесь. А я пошел за амфипланом.

— А что, если следователи прибудут сюда первыми? — спросил Фил.

— Задержите их. И не сводите глаз вон с того окна.

Джимми задумчиво пожевал губу.

— Как ты собираешься выбраться? Если есть охрана...

— Узнаете, — сверкнул белозубой улыбкой Тони.

Повернулся к двери — и исчез, явно ни о чем не беспокоясь. Но пока он спешил по коридору, душу его грызло беспокойство. Охрана, несомненно, будет следить и постарается воспрепятствовать такой попытке к бегству. Оставалось надеяться только на слепое везение.

Он вошел в большую сверкающую кухню, голое помещение с фресками на стенах. Все кухонные приспособления были встроенными, так что плиту, столы и все прочее можно было выдвинуть одним нажатием кнопки. В обычном же режиме кухня пустовала.

Острые глаза Тони пробежались по кухне и наконец остановились на ближней панели. Он подошел, откинул ее, открыв черневшую за ней дыру. Это был кухонный лифт. С одного взгляда вверх он убедился, что маленькая кабинка находилась внизу, хотя насколько далеко, он не знал. Тони ловко опустил ноги в шахту лифта и ухватился сильными пальцами за тросы.

И закрыл за собой панель.

В шахте было не совсем темно. Сверху просачивался рассеянный бледный свет, и Тони плавно, осторожно дал себе заскользить на самое дно шахты. Рисковал он при этом немало. Если он вскоре не найдет опоры в виде кабинки лифта, то его пальцы неизбежно ослабят хватку на тросе. Ведь это же квартира-пентхауз в небоскребе.

Он соскальзывал по тросу все ниже и ниже, сдирая кожу с ладоней. Стало темнее, а внизу виднелась только бездонная тьма. Тони зацепился ногами за трос, отдохнул несколько мгновений, хотя и не смел долго задерживаться. Время было дорого.

Потом он снова заскользил вниз. Теперь он пребывал в полнейшей темноте, и все начало болеть от усталости. Ладони жалила саднящая боль. А плечи так и гудели.

Тут стопы Тони соприкоснулись с заостренным верхом лифтовой кабинки.

Облегченно охнув, он расслабился, по-прежнему держа тросы обмотанными вокруг запястья, чтобы его вес не увлек кабинку слишком резко вниз. Но миг спустя он уже стремительно опускался, иногда снижая скорость спуска, когда осторожность пересиливала настоятельную необходимость поспешить. Там, наверху, его ждали в пентхаузе Джимми и Фил, и их сейчас, наверное, уже допрашивали следователи. А Сет... невидимое в темноте лицо Тони помрачнело. Сет наверняка страдал. Приверженность старика идеалам человечности оказалась поставлена против его искренней любви к своим трем пасынкам. И одним из этих трех был Мерлин.

Наконец кабинка негромко стукнула о дно шахты. Маленькая щель света указывала на панель в подвале привратника. Тони открыл панель, пустив ход лезвию ножа и понемногу приподняв панель, пока не убедился, глядя через щелку, что в помещении пусто.

Остальное прошло на удивление легко. Найденные в чулане комбинезон и кепка стали вполне удовлетворительной маскировкой, и Тони, неся контейнер с мусором, банально прошел мимо служивого, поставленного на посту снаружи. Оставив свой контейнер на тротуаре, он, не останавливаясь поспешил к углу. И тут его остановил чей-то окрик.

— Эй ты! Подожди-ка минутку!

Тони повернулся. Тот служивый следовал за ним, сверля его взглядом и с подозрением наставив на него палец.

— Ты куда это направился?

Улица была почти пуста. Тони не стал дожидаться охранника и сам поспешил к нему, свободно свесив руки по бокам — до последнего мгновения. А затем, когда в глазах охранника мелькнуло узнавание, а рука нырнула в карман, Тони взметнул кулак в жестком апперкоте. Удар этот нанесли со столь близкого расстояния, что прохожие его не заметили. Единственным звуком оказался глухой стук кости о кость. Тони подхватил упавшего охранника и быстро утащил его в подвал, где и оставил лежать. Охранник совершенно лишился сознания.

Никаких других охранников не попало, и больше Тони никто не задерживал. Он добрался до своей цели — надежно упрятанного маленького, оборудованного гироскопами скоростного амфиплана и поднял его через отверстие в крыше. К счастью, у него заваялось в кармане немало денег — их вполне хватало на покупку амфиплана, а не только для аренды, будь у него такое желание. Но, как и у всех самолетов этого вида, на приборной доске имелся прибор типа «почтовый голубь», с помощью которого этот самолет могли в любой момент направить радиолучом в родной гараж.

Пальцы Тони пробежались по приборам. Самолет был отличным — маленьким, скоростным, построенным наподобие толстой сигары, с выдвигаемыми крыльями и шасси. Юноша развернул самолетик по широкой дуге, которая вскоре привела его прямо к пентхаузу, который и был его целью.

Вися над ним, он немного погадал, что же именно там сейчас происходит и ждут ли еще его Фил и Джимми. Ну...

сейчас важнее всего действовать быстро. Следователи уже наверняка насторожились. И вид подлетающего амфиплана предупредит их о грядущих неприятностях. Тони проверил приборную доску, сделал несколько глубоких вдохов — и снизился быстрее, чем требовала техника безопасности полета. Ветер засвистел пронзительно, почти на ультразвуке.

Небоскреб метнулся к нему, словно разящее копье. Его верхушка, казалось, так и собиралась насадить амфиплан на свое острие. Но управляли самолетом руки опытные, и амфиплан пролетел, не задевая стену, резко останавливаясь, чуть ли не выбивая у пилота кости из суставов, когда управление брала на себя автоматика. Тони боролся с головокружением, уставившись вперед слезящимися глазами. Слишком сильно влево...

Он скользнул на амфиплане вперед. Вон оно, то окно. За ним он увидел широкую спину Фила, и одну руку, вытянутую в предупреждающем жесте. Значит, следователи уже прибыли. Но где же Джимми? Точно определить Тони не мог.

В солярии между тем звучал какой-то незнакомый голос. Наверное, один из следователей...

— Ну, мы найдем его. И детекторы лжи дадут нам нужные нам сведения. Попытка опорочить Сета Мартелла это самое подлое дело, какое когда-либо совершил этот Мерлин.

— Вы просто псих, — бросил Джимми.

— Да? Это видел один из наших людей. Мерлин открывал сейф Мартелла — пытаюсь запрятать туда Земную Звезду и возложить вину на Мартелла. Наш человек находился слишком близко, и Мерлину пришлось спешно сматываться. А теперь скажите: который же из вас это был?

Тони поднял брови. В дело вступил новый элемент. Пытаться возложить вину на Сета... да, это и правда смахивало на чертовски подлый фокус. Значит...

Тони тихо свистнул и увидел, как Фил дернулся в сторону, что-то крича. К окну полетело что-то тонкое. Тони мельком увидел бледное юное лицо Джимми, а затем парня швырнуло в пространство так, что он чуть пролетел мимо цели. Тони схватил его за руку и потянул назад, когда парень закачался на краю амфиплана. Самолет слегка просел под добавочным грузом, затем снова поднялся,

когда вступили в действие автоматические компенсаторные стабилизаторы.

Из солярия донесся треск и резкий крик боли. Появился Фил, с бесстрастным и ничего не выражающим лицом. Он прыгнул к амфиплану, аккуратно приземлился и тут же вернулся. В руке он, как увидел Тони, держал сдернутую им со стола бронзовую фигурку.

— Гони! — резко выкрикнул он. В окне появились какие-то лица. Злобно рыкнул чей-то пистолет. Фил со смертельной меткостью метнул фигурку, разбив над группой лиц стекло, и следователи шарахнулись прочь, когда на них градом посыпались осколки. И почти сразу же вернулись — но руки Тони уже нашли рычаги.

Амфиплан взмыл ввысь. Он описал кривую в сторону юга, пока далеко внизу не стали видны сияющие воды пролива Лонг-Айленд-Саунд.

— За нами гонятся, — напряженно предупредил Джими. — Я вижу самолеты ...

Фил коснулся рычага. Верхняя рама самолета тут же затянута прозрачной оболочкой, заставив амфиплан еще больше походить на толстую сияющую сигару.

Тони направил самолет вниз со скоростью ракеты. Почти у самой поверхности воды он перешел на глиссаду, войдя в Саунд почти без всплеска. Свет заслонила зеленая полупрозрачная среда, ставшая темнее, когда амфиплан ушел под плавным углом в глубины.

— Не слишком глубоко, — предложил Фил. — Нагрузки корпус не выдержит.

Тони не ответил. Он барабанил пальцами по кнопкам управления, пытаясь придать кораблю наибольшую скорость, прежде чем преследователи обнаружат его лучами прожекторов. Если они сумеют добраться до открытых вод Атлантики, то им уже ничто не грозит — за исключением несчастного случая. Но вот в Саунде они были далеко не в безопасности.

Внезапно воды впереди зашипели и запузырились от жара. По ним пустили воздушную торпеду. Тони бросил корабль вверх и почти сразу же снова нырнул поглубже, резко смещаясь влево. Прежде чем его спутники смогли вдохнуть,

корабль рванул обратно тем же путем, каким приплыл, возвращаясь по своим следам.

— Какого черта ... — выругался Джимми.

Пальцы Фила впились в предплечье младшего брата.

— Хорошая мысль, Тони.

— Может быть, — кивнул тот. — Спрячемся в устье Гудзона. Там нас никогда не станут искать. А потом ночью выскользнем, снова поднимемся в воздух ... и направимся прямо к Компании.

— А как окажемся там, то будем в безопасности, — заключил Джимми. — Из Легиона выдачи нет, а?

— Только в ад, — заметил, усмехаясь, Тони.

ГЛАВА III. ЛЕГИОН ПРОПАВШИХ

— Итак, — произнес толстый коротышка с выбритой головой, — вы, значит, хотите вступить в Легион. Да?

Тони окинул его взглядом. Этот грязный кабинет на окраине северо-африканского города не производил впечатления. Но вот этот коротышка его почему-то производил. Одетый в грязно-белый льняной тропический костюм, со сверкающим от пота лицом, для трех братьев он представлял собой судьбу. От его решения зависела их участь.

— Да, — ответил Тони. — Мы хотим вступить в Легион. Ну?

Коротышка улыбнулся, барабанил по заваленному письменному столу короткими и толстыми пальцами.

— Ну. Давайте посмотрим. Вы прошли медосмотр. Ваши фамилии... Энтони. Филиппс. Джеймсон. — Светло-голубые глаза вспыхнули злостью. — Вам лучше бы помнить их. Сперва это бывает трудно, но вы к ним привыкнете. Я, разумеется, не знаю, почему все поступающие в Легион меняют имена. Выдачи-то ведь нет. Однако... Вы вступаете на пятилетний срок. Если вы пожелаете уйти раньше, то можете

купить себе свободу, коли у вас есть деньги. Если же их нет, то вам придется отслужить положенный срок.

Вы можете попытаться сбежать. Возможно, вам не удастся, и в таком случае вам поручат охранять урановые шахты Марса. А уж оттуда еще ни разу никто не сбежал. Сбегать там не рекомендуется. — Взгляд голубых глаз сделался теперь твердым как сталь. — Пытаться сбежать едва ли разумно. Помимо всего прочего, когда вы нас покинете, то больше не будете под защитой Компании.

Он провел пухлой ладонью по сверкающей от пота голове.

— Что-нибудь еще?*

Тони взглянул на братьев и покачал головой.

— Ничего. Что будет дальше?

— На посту в Под-Сахаре нужны люди. Это легкая работа для новобранцев, требуется просто приглядывать за коптами и не давать им выходить в набеги. Вот!

Прогудел звонок вызова, и вскоре вошел человек, одетый тускло-серое обмундирование Легиона. Войдя, он небрежно отдал честь.

— Сэр.

— Капитан Бреди, — обратился к нему толстый коротышка, — эти трое отправлены в Под-Сахару. Новобранцы. Энтони, Филипс, Джеймсон. Пообщайтесь с ними там.

И с этими словами коротышка с головой погрузился в наваленную у него на столе гору бумаг. Тони с интересом посмотрел на вошедшего офицера и увидел перед собой худощавую фигуру, человека с крайне усталым, изборожденным глубокими морщинами лицом, запавшими глазами и подстриженными усами.

«Опустившийся искатель приключений, — подумал он, — да притом еще и уставший».

— Следуйте за мной, — сказал Брэдли и вышел из кабинета. Братья вышли следом под пылающее белое солнце. В нескольких метрах от конторы стоял вертолет, и капитан показал на него.

— Антрэ¹. Мы полетим и поговорим в пути. Пока мы не доберемся до Под-Сахары, субординация в силу не вступает, и поэтому если у вас есть какие-то вопросы — я к вашим услугам.

¹Entrez — (фр.) входит (Здесь и далее — прим перев.)

Он указал на вертолет, и братья забрались в него следом за ним. Капитан быстрыми, привычными движениями поднял вертолет в воздух и направил его в стремительный полет на юг.

— Я сделаю остановку в Азуаде. Можете приобрести там сигареты и снаряжение, личные вещи, какие вам могут понадобиться. То есть, если у вас есть какие-то деньги.

Тони сузил глаза, но сказал лишь коротко:

— Есть немного.

И передвинулся на потертом кожаном сиденье, искоса взглянув на капитана Бреди. Осунувшееся лицо капитана оставалось неподвижным, а глаза сделались щелками, когда он шурился при этом бьющем в лицо пылающем свете.

Тут из глубины вертолета донесся голос Джимми:

— А что, собственно, такое Под-Сахары?

Голос Бреди поскучнел, привычно повторяя заученный рассказ.

— Ну, где-то лет двадцать или около того тому назад под Сахарой был обнаружен лабиринт из пещер. Там обитали доисторические египтяне — копты. Из-за какой-то древней катастрофы они оказались погребенными под землей, и обитали там, постепенно умножаясь в числе и приспосабливаясь к своей среде обитания. Фактически — там своего рода колония египтян, существующих еще с додинастических времен. Копты трудились на рудниках, и были... ну, городом горняков под Сахарой. Когда та катастрофа заблокировала вход, горняки не смогли выбраться — и потому остались там.

— А как же насчет пропитания? — спросил Джимми. — И кислорода?

— Насчет того племени коптов есть много такого, чего мы не знаем. Пропитание... ну, в основном, они питались рыбой и грибами. Под Сахарой расположено Полуночное море. Много веков пустыня сама была морем, но постепенно вода ушла под землю. Что же до кислорода, то, должно быть, существовали какие-то отдушины до того, как мы взорвали некоторые, хотя обнаружить их так и не удалось. Возможно, через речные пещеры, ведущие в это море.

Капитан Бреди потер глаза темной от загара рукой и повторил:

— Мы много чего не знаем об этих коптах. Дикие, свирепые — но чудесные горняки. Легион поставлен там поддерживать порядок. Предотвращать набеги на племена, живущие на поверхности. Копты поклоняются Исиде, или Луне — не знаю, кому именно. Вероятно, это одно и то же божество. Держитесь от них подальше, если не вооружены. Не шутите с их религией и не заходите ни в какие туннели с высеченными там эмблемами Луны и систра¹.

— Это почему же?

— Из-за религии, юноша. Ни один белый человек никогда не видел Каабу — Черный Камень — в Мекке. Он для мусульман священен, точно так же, как и Алу — группа самых глубоких пещер — священна для коптов. Они говорят, будто там обитает Амон Ра.

— Амон Ра? — поднял брови Джимми. — Древнеегипетский бог?

— Верно. «Сокрытый Свет». У нас с коптами своего рода вооруженное перемирие, при условии, что мы не слишком сильно вмешиваемся. Когда они преступают черту, мы даем им плетей и отгоняем назад. Фигурально говоря, конечно. — Рука Бреди коснулась застегнутой кобуры у него на бедре.

— Как там, вы сказали, называются те священные пещеры? — внезапно спросил Фил.

— Алу.

— И что это значит?

— Страна Света. — Бреди оглянулся. Лицо его заинтересованно посветлело. — Вы изучали египтологию?

— Нет... боюсь, не изучал.

Глаза капитана разом утратили свой горящий взгляд.

— Гм. Это мое маленькое хобби. Страна Света — Сокрытый Свет — Исида, я всегда гадал, что же там существует в Алу. Но так и не выяснил. И не ожидаю такого. Но не удивился бы, если б там оказались обломки цивилизации.

Он негромко хохотнул.

---

¹ Систр — древнеегипетский музыкальный инструмент.

— Правда, командант¹ со мной не согласен — я говорю о командане Дескье, это ваш командир. Но он не может сказать мне, как же тогда были построены пирамиды, или объяснить столь многие загадки Египта. По моему мнению, космические путешествия открыли за много веков до того, как до них доросли европейцы. Да... — Он задумчиво кивнул. — Загадка. Цивилизация кочевников на Ниле, а затем, внезапно, расцвет и упадок цивилизации. Откуда она взялась? Она была в упадке, еще когда добралась до Египта. Я теряюсь в догадках...

Он повернулся к приборам управления.

— А вот и Азуад. Полчаса. Вы найдете много лавок. Не покупайте никаких вин — в Под-Сахаре их держать не станут. А вот «бренди» — неплохое. И трубки в Легионе служат лучше, чем сигареты.

Под гиропланом расстилалась серая заплата на буром фоне, всхолмленная равнина Сахары. Виднелись и точки выцветшего зеленого цвета — отчаянно борющиеся за влагу и жизнь деревья. Капитан Бреди посадил вертолет на свободное пространство.

— Всем выйти, — крикнул он. — Партэ²! Помните, полчаса на все про все.

Братья смотрели вслед худощавой фигуре на пропеченной солнцем площади, пока та не исчезла в глубинах бара. А затем переглянулись.

— Ну! — пробормотал Джимми. — Значит, мы теперь в Легионе!

— Под-Сахара. Гм. Пошли, у нас только полчаса. Посмотрим-ка на этот Азуад. — Тони поколебался, сжал руку Фила выше локтя и поднял взгляд. — Вертолет?

— Да. — Фил, прищурясь, взглянул на небо. — Погоди... не правительственный вертолет. Частный. В любом случае, что из того? Экстрадиции-то нет.

— Знаю, — тихо проговорил Тони. — Но Земная Звезда слишком ценна. У кого-то могут появиться... кое-какие мыслишки.

---

¹ Commandant — (фр.) командир (подразделения численностью до роты.)

² Partez! — (фр.) Выходите!

— Возможно, мне лучше отправить ее по почте домой, — усмехнулся Джимми.

Взгляды трех братьев скрестились. И, любопытное дело, в тот миг над братьями проплыла тень — тень вертолета, на мгновение обдав их холодком после этого палящего африканского солнца. Это уже походило на предзнаменование.

— Интересно, у кого из нас на самом деле этот камень? — вслух задал себе вопрос Фил.

— У меня, — ответил Тони. — Пошли. Мне охота выпить.

И двинулся первым, раздвигая плечами толпу разного сброда, обычной для всякого пограничного городка гольт-бы. Вонь от смеси запахов кунжута, нефти и менее знакомых ароматов стояла до тошноты сильная. Кругом повсюду жадно рыскали десятки дворняг и жужжали бесчисленные мухи.

Братья купили табака и зашли в какой-то бар, темный и жарковатый. Подойдя вперевалку к тускло освещенному углу, где они сидели, толстый туземец подал им контрабандный джин. Позади них, как заметил Тони, находилась дверь, наполовину открытая, скорее, чтобы позволить проникнуть свежему воздуху, чем дать выйти местным миазмам. Он закрыл ее небрежным движением ноги.

Джин не относился к числу хороших, но он был крепким. А кроме того — необыкновенно дорогим. Джимми скривился.

— Сейчас уйдет чертовски много приличных денег. У нас есть десять минут. Думаете, нам понравится эта Под-Сахара?

— Она кажется... интересной, — медленно произнес Фил. — Капитан Бреди определенно много что знает об этой Стране Света. Интересно, что это за копты там проживают?

— Крутые ребята, — хмыкнул Тони.

Последовало короткое молчание. Появился официант, снова наполнил стаканы, и убрался. И тут...

— Мерлин! — прошептал тихий голос.

Пальцы Тони сжались на стакане. Фил сидел совершенно неподвижно.

Голова Джимми слегка дернулась; а затем он стал неподвижен.

Тони оглянулся, и другие последовали его примеру.

Рядом с ними стоял невысокий, круглолицый человек, сверкая из-под пробкового шлема темными бусинками глаз. Тропический белый костюм на нем выглядел только что вышедшим из прачечной. Глаза его прошлись острым взглядом поочередно по всему трио. По лицу промелькнула тень разочарования и исчезла.

— А вы кто такой, черт побери? — поинтересовался у круглолицего Тони. Незнакомец сверкнул белыми зубами.

— Личный секретарь некоего раджи. Один из вас уже видел меня. Кто именно, я не знаю. Однако...

— Он сумасшедший, — крикнул Фил. — Совсем спятил. Выпьем, ребята.

— Меня зовут Зада, — продолжал секретарь, не обращая внимания на реплику перебившего его Фила. — Я знаю, что один из вас тот самый Мерлин и у него Земная Звезда. Я хочу вернуть ее.

Тони посмотрел на Заду.

— Думаешь, у кого-то, похитившего камень, хватит глупости держать его при себе?

— У Мерлина — да. Потому что он хочет гарантировать, что определенная... сделка... не состоится. Была создана имитация камня, настолько идеальная, что обман можно обнаружить, только сравнив с оригиналом. Кто-то может попытаться продать поддельный камень, выдав его за оригинал — и предотвратить такой сговор Мерлин сможет, только предъявив настоящую Земную Звезду. И поэтому он не избавится от камня. Если... не будет вынужден.

Тони задумчиво отхлебнул джина.

— В этом заведении как-то дурно пахнет, — заметил он. — Кто-нибудь заметил?

— Я не хочу, чтобы полиция нашла вас или Земную Звезду, — сказал Зада. — Если я верну ее сам, то раджа заплатит мне любую цену за обладание камнем — и первоначальные владельцы ничего не смогут доказать. Мои частные сыщики отследили вас досюда. А теперь... — Он извлек небольшой пистолет. — Вы встанете и выйдете по одному через дверь позади вас. Идите и дальше гуськом. Мой вертолет совсем рядом. Мы вылетим в мою страну, а там... — Зада снова

сверкнул зубами. — Думаю, там будет не слишком трудно узнать, кто именно из вас Мерлин.

Тони поколебался, вспоминая увиденный им ранее в небе вертолет. Зада держал пистолет почти скрытым под курткой, но смертоносность этого оружия сомнения не вызывала. Братья обменялись взглядами.

— Встать! — прошептал Зада.

Тони подчинился. Он повернулся к двери, открыл ее, и вышел на солнце. Другие последовали за ним.

— Налево, — скомандовал Зада.

Они медленно двинулись по переулку, заваленному отбросами и насыщенному вонью. В поле зрения не виднелось ни одной живой души — лишь пробежала мимо бродячая дворняга, поджав хвост.

— Шагайте через площадь. Пистолет у меня в кармане, но палец я держу на спуске. Не делайте никаких подозрительных движений.

Губы Тони побелели. Он вполне догадывался, что именно произойдет, коль скоро они с братьями окажутся пленниками на борту вертолета. Для достижения своих целей Зада не остановится перед пытками. Если только...

Но никаких признаков помощи не обнаруживалось. Они прошли через площадь к стоящему в центре ее небольшому гироплану. Дремавшие в тени низких зданий бездельники глядели на проходившую мимо группу с полным безразличием. Они прошли дальше, к бару, мимо его двери...

Из бара вышел капитан Бреди. Он поколебался, внимательно глядя запавшими глазами на открывшееся зрелище. А затем стал двигаться словно отпущенная сжатая пружина.

Зада почувствовал опасность. И начал было резко разворачиваться, выхватывая из кармана пистолет, но рука Бреди злобно рубанула ребром ладони по позвоночнику секретаря, на шее.

Зада негромко крикнул. И рухнул, словно мешок муки. Бреди небрежно нагнулся, взял пистолет и сунул его в карман. Лишенные юмора глаза капитана смотрели без всякого намека на эмоции.

— Пора улетать, — изрек он. — Пошли.

Братья молча последовали за Бреди к его вертолету и без единого слова поднялись в воздух и понеслись на юг, пока это пятно на пустыне, Азуад, не пропало за горизонтом.

И за весь путь капитан Бреди ни разу не упомянул о том деле, в котором он сыграл роль спасителя. Усмехнувшись про себя, Тони вполголоса заметил:

— Из Легиона выдачи нет.

— Да, — кивнул Фил. — Дьявол защищает своих.

Джимми не сказал ничего. Он был слишком занят разглядыванием пологих барханов и бескрайних равнин Сахары.

Под-Сахара! Подземный лабиринт — оазис под раскаленной, безжизненной и бескрайней пустыней! Для трех Мартеллов, она была, в первую очередь, облегчением, после пылающей жары пустыни. Хотя даже в начале возникало ощущение подавленности, когда металлическая кабина погрузилась в шахту и осязаемо почувствовалась тяжесть нависавшей над ними толщи земли.

Кабина остановилась, казалось, лишь через много часов, и панель на ее голой стене ушла вбок. Через открывшийся проем замерцало бледное свечение, озаряя лица людей каким-то сверхъестественным светом. Свечение это, казалось, исходило от самих стен.

— Фосфоресцирующая краска, — пояснил, кивнув на стены, Бреди. — Уберегает от лишних хлопот. Раз в год распыляем ее на стенах и потолке, для наших надобностей яркости хватает. Пошли.

Все четверо вошли в проход. Он оказался не длинным и заканчивался металлической дверью. Бреди достал из кармана, какой-то штырь и на недолгий миг направил его на замок. Панель открылась.

А за порогом простиралась пещера.

Она казалась огромной, тускло освещенной и столь же чуждой всему земному, как какая-то отдаленная планета, гигантская полая полусфера в сплошной Земле. Насколько мог судить Тони, полусфера эта достигала в диаметре миль так двух. Тусклый свет просачивался с потолка, словно солнечный, просачивающийся сквозь густую тучу. Когда Бреди

нарушил молчание, то его голос прозвучал в этом месте серебристой мягкой серости совершенно неуместно.

— Вот наш форт. Вон там... — Он показал. — Это вход в туннели коптов. Мы охраняем выход на поверхность. Хотя копты уже довольно давно не пытались совершать никаких набегов на поверхность. — Бреди зашагал по кое-как проложенной тропе, и остальные последовали за ним. — Они ненавидят бедуинов, точь-в-точь как древние египтяне. К нам они особой неприязни не питают, если мы не становимся у них на пути. Но не будь разрабатываемые коптами залежи минералов столь ценными, их вполне могли бы предоставить самим себе. Но Легиону заплатили за гарантию активного продолжения разработок.

Тони не ответил. Его глаза постепенно приспосабливались к этому странному свету. Он поднял взгляд на потолок, который был и видимым, и невидимым. Никаких подробностей разглядеть не удавалось. Простиравшийся выше камень, казалось, загораживала завеса в виде сияющего облака. Небосвод этого мира, подумал Тони. Мира, созданного здесь, наверное, когда Сахара была еще морем, а не пустыней. Что там недавно сказал Бреди? Что-то насчет доисторической, могущественной цивилизации в додинастическом Египте... и настолько давней-предавней, что копты по-прежнему поклонялись Исиде в сокровенных пещерах Алу, куда никогда не проникал ни один белый человек. «Там обломки цивилизации», — сказал тогда Бреди.

Да, в этом сверхъестественном мире-пещере было трудно поверить чуть ли не во все на свете. В голове Тони проплыл обрывок одной полузабытой поэмы:

*Но пред тобою обелиск
Открыл свои иероглифы,
С тобой играли гиппогрифы
И вел беседы василиск...¹*

Они находились не в форте. За пределами палисада из прочного, тускло поблескивающего металла не удавалось

¹ Оскар Уайльд «Сфинкс» (пер. Н. С. Гумилева.)

разглядеть ничего. Но вот резко прозвенел колокол, ворота раскрылись, и появился человек в форме легионера.

Даже в этом ненормальном свете его лицо казалось странно бледным — лишенным всякого цвета, словно выгоревший папирус. Он выглядел утратившим всякую плоть чуть ли не до грани полного истощения, и поэтому глаза и рот у него смахивали на черные провалы. Казалось, будто кепи Легиона носил на макушке череп.

Он отдал честь, и Бреди козырнул в ответ.

— Привет, Джеклин. Сообщи командану Дескье, что я здесь.

Джеклин посторонился, дав всем войти. Тони обнаружил, что за палисадом стояло с десяток сборных металлических хибар, и не виделось никаких признаков жизни. Так вот, значит, что станет отныне их домом!

— Ну? — осведомился Бреди. — Разве ты не...

— Рад видеть, что вы вернулись, сэр, — голос Джеклина стал напряженным. — Командан час назад отбыл на поверхность. К нему пришло сообщение... Возникли неприятности, сэр. Копты... они похитили Руджеро.

Капитан Бреди посмотрел на свои ногти.

— Сейчас полнолуние, не так ли?

— Да, сэр.

— Ладно. Мне нужно четверо человек. В полном вооружении. Мы выступим, как только они будут готовы.

Джеклин поспешил выполнить приказ.

— Это ... — спросил Тони, — обычное дело здесь, внизу?

— Нет, — покачал головой Бреди. — В полнолуние копты выбирают жертву, которая будет символизировать Осириса. Мужа Исиды. Обычно все делается втихую, и жертвой бывает, конечно, копт.

— И какого рода это жертвоприношение? — с напускным спокойствием поинтересовался Джимми.

— Вырожденная форма египетской религии. Согласно легенде, Сет, злой бог, приревновал к Осирису и предал смерти, разорвав его тело на четырнадцать частей. Копты... мыслят буквально.

Бреди втянул в себя воздух.

— Желал бы я побольше знать об их мифологии. Церемония славит Исиду Лунную. Раньше ей всегда служил какой-то копт. Но сейчас... — Он потянул себя за подстриженный ус. — Руджеро забрали в Алу для принесения в жертву. А это означает неприятности — уйму неприятностей. — Но в запавших глазах капитана не проглядывало никакого страха, только взволнованное предвкушение. — Алу! Страна Света!

И Тони внезапно понял. Бреди много лет терялся в догадках относительно этого полумифического пещерного мира внизу, места, куда ему запрещали соваться строгие правила. И вот теперь, в отсутствие командана, долг требовал от Бреди спасти похищенного легионера. Это был его долг — и его шанс.

— Разрешите и нам отправиться с вами, капитан, а? — попросил Тони.

Джимми и Фил обменялись удивленными взглядами. А потом Фил кивнул.

— Да! Как насчет этого?

— Вы же не обучены, — заколебался Бреди. — Не знаете, что и как...

— Обращаться с оружием мы умеем.

— С карбоновыми пистолетами?

— С ними мы сможем научиться достаточно легко.

— Да ... они просты. Но... ладно, — внезапно решился капитан. — Вы новички, и значит, Алу вас не отпугивает. Ваша троица и Джеклин. Годится!

И крикнул легионеру с лицом, похожим на череп:

— Джеклин! Тащи снаряжение! Я беру этих трех новобранцев. Пойдем!

Тони усмехнулся братьям. В конце концов, их знакомство с Легионом все-таки будет волнующим — если не смертельным!

ГЛАВА IV. ПОД-САХАРА

— Я пробыл здесь почти пятьдесят лет, — сказал Джеклин. — Тут ничто и никогда не меняется. И я первый раз за все это время вижу, чтобы копты вышли из-под контроля. Разумеется, иной раз они пытались устроить резню среди бедуинов, но против нас они никогда ничего не имели. Странно.

Группа быстро продвигалась по тускло освещенному туннелю, с капитаном Бреди во главе и следующими за ним остальными. Они уже примерно час продвигались по этому лабиринту ходов, через который безошибочно находил путь капитан. Теперь же он оглянулся и заметил:

— Совершенно верно. Я этот лабиринт знаю довольно хорошо, но Джеклин способен пройти по нему хоть с завязанными глазами. Он сам практически копт. Пятьдесят лет не был на поверхности.

— Должно быть, вам нравится здесь, — заметил Джимми.

— Тут — ад, — очень тихо отозвался Джеклин. — Бывал когда-нибудь в последнее время в Нью-Йорке? Да? И на что нынче похож прежний бург?

— За пятьдесят лет он сильно изменился, — признал Фил. — Но это вы и так уже знаете.

— Но Таймс-сквер... она ведь там, а? Помню, я, бывало, ощущал пустоту, когда уезжал из этого городка. Боже, как бы мне хотелось снова увидеть его... но не по телевизору. Фактически, — медленно продолжал он, — мне хотелось бы снова понюхать свежего воздуха. А не эту искусственную вентиляцию. И увидеть свет звезд, и подрастающую зелень.

— И солнце, — понимающе кивнул Джимми. Он бросил взгляд на Джеклина — а затем перестал дышать, увидев выражение на бледном лице legionera. Выражение ужаса — и ненависти! Оно тут же пропало. Джеклин проигнорировал последнее замечание.

— Я был одним из первых космонавтов, — сказал он. — С моего времени в космонавтике произошло много улучшений, пришедших с жидким горючим, вместо пороха, и с этими новыми гравитационными экранами на магнитной индукции.

Но, полагаю, это все то же плавание на кораблях — будь двигателями хоть пар, хоть парус, а это никогда не изменится. Под тобой будет море, или вокруг тебя космос. Мы...

— Ш-ш! — предупреждая поднял палец Бреди. — По-годь!

Они остановились, но кругом не раздалось ни звука. Капитан расслабился.

— Мне подумалось, будто я услышал взрыв. Полагаю, слышалось. Ну... кстати, вы уверены, что умеете обращаться с карбоновыми пистолетами?

— Это нетрудно, — отозвался Тони. И достал оружие, похожее на увеличенный револьвер с чашеобразной полостью там, где следовало быть курку. Достав из кармана кусок угля, он сунул его в эту чашу, где кусок угля крепко держали на месте зубцы, и поднял пистолет. — Прицелиться не так легко, как из «кольта», но силовой заряд все разносит вдребезги, не так ли?

— Верно, — согласился Джеклин. — Но следи за отдачей. Жми на спуск полегче. И смотри, чтобы не кончился уголь.

— Забавно, — заметил Тони. — Уголь, кажется, не очень хорош в пистолете.

— Эта штука основана на атомной энергии, — чуть рассмеялся Бреди, — ...на высвобождении кванта, хотя я и сам не понимаю научных принципов его работы. Работает только на углероде. Уголь это карбон, углерод, — и он дешев. Поэтому, если копты выходят из-под контроля, мы сражаемся с ними при помощи того самого угля, который они добывают для нас. Довольно несправедливо, но это все в практике Легиона.

— Да практически и во всем, — сухо отметил Тони. — Сколько еще идти, капитан?

— Мы шли ровно... погодите! Тут кто-то есть. Не прикасайтесь к оружию, если я не дам команды.

Тони устоял перед собой. Какую-то секунду он ничего не видел; а затем туннель внезапно заполнился десятком экстравагантных фигур. Облаченные в облегающую одежду незнакомой текстуры, белокожие туземцы с ясно проглядывающими сквозь плоть синими прожилками. Их сильные лица походили на орлиные, с крючковатыми носами и ненормально большими

глазами, в которых зрачки почти закрывали радужку. Волосы этих коптов... на лицах у них растительности не было... смахивали на выгоревшую солому, вившуюся мелкими кудряшками. Они казались безоружными, но все тело Бреди внезапно напряглось, когда он выжидающе стоял там.

Вперед выступил, подняв руку, копт, стоящий впереди прочих, более высокий, чем остальные, и в коническом головном уборе. Он заговорил по-английски.

— Зачем вы здесь, капитан Бреди?

— Если легионеру будет причинен какой-то вред, то коптам придется плохо, жрец, — предупредил Бреди.

— Я понимаю, — кивнул жрец. — Произошла ошибка. Некоторые из наших юношей... их уже подобающе наказали за вмешательство в дела, в которых они не смыслят. Ваш легионер возвращен в форт, капитан Бреди. Если вы вернетесь, то найдете его там.

Тони заметил брошенный жрецом наполовину завуалированный взгляд на своих соотечественников. Бреди тоже увидел его, и потянул себя за ус.

— Вы молвите правдивые речи?

— Я молвлю правдивые речи.

— А допустим, мы вам не верим. Допустим, мы ... двинемся дальше.

По рядам коптов пробежало волнение. Они искоса переглянулись. Жрец предупредил:

— Неподалеку отсюда начинаются лунные проходы. Те, куда вам нельзя заходить.

Бреди, казалось, пребывал в нерешительности.

— Мы вернемся. Но если наш легионер не находится в безопасности в форте...

Улыбка жреца выглядела внешне бесхитростной.

— Он будет там.

— Ладно. Кругом! Аллон!

Тони повернулся кругом вместе с остальными. Но прежде чем хоть одна стопа оторвалась от каменного пола, их прервали. Жрец повысил голос, отдавая срочный приказ на незнакомом языке. И все увидели, как из-за какого-то камня

выскочила огромная забрызганная кровью фигура в лохмотьях.

— Убить этих гадов! — проревел бычий голос. — Сжечь их!

— Командан Дескье! — вырвалось у Бреди... И тут...

— Пистолеты к бою!

Из глубины рядов коптов ударил, словно копье, бледный луч и поразил Дескье прямо в бизонью грудь, почти не закрытую лохмотьями мундира. Еще один луч задел Тони. Тот почувствовал волну нестерпимого жара и выхватил висевший на поясе карбоновый пистолет. Тр-рах! Злобно рыкнуло оружие Бреди, и тепловой луч оставил Тони в покое. Тот вставил в чашу угольный заряд и, почти не целясь, нажал на спуск. Смертоносные пистолетики устроили настоящую бойню. Но коптов насчитывалась чуть ли не дюжина, и в туннеле на несколько мгновений закружился хаотический водоворот боя, где господствовал рычавший команды глухой голос Дескье.

— Кроши их! Всех до одного! Целься им в пузо!

Дым рассеялся. Копты лежали среди красных пятен беспомощными горами. Тони опустил пистолет и обеспокоенно огляделся. Джимми, морщась от боли, потирал руку там, где тепловой луч превратил ткань в пепел. Филя явно не задело, равно как и Джеклина, но капитан Бреди массировал бедро и тихо ругался. Что же до командана Дескье, то никак нельзя сказать, ранило его в этом бою или нет. Он получил с десяток ранений еще до начала боя.

Завороженный взгляд Тони так и приковало к нему. На могучем теле Дескье выделялись мышцы, как у быка, его широкая грудь, покрытая косматой растительностью, тяжело вздымалась. Голова командана была обрита, но тем не менее в лице его проглядывало что-то львиное. Лохматые кустистые брови затеняли сверкающие маленькие глаза, а полные чувственные губы были плотно сжаты. Дескье почему-то напоминал Тони Нерона или Калигулу — римского деспота-дегенерата.

Теперь же Дескье надменным движением откинул голову назад.

— Джеклин! Глянь, нет ли у жреца исцеляющего луча! Он нам понадобится.

Когда легионер поспешил вперед, командан перевел взгляд на других. Тони коснулся этот холодный взгляд, и он ощутил, как по спине пробежала странная дрожь. Дескье обвел Тони долгим внимательным взглядом и переключил внимание на Бреди, но прежде смерил равно долгим взглядом Фила и Джимми.

— Форт погиб, — сообщил он. — Копты взяли его и вырезали всех легионеров. А шахту на поверхность они взорвали как раз после того, как я добрался до Под-Сахары. Мне только-только удалось уйти... пещера так и кишит ими.

Тут вернулся Джеклин, держа плоскую коробочку со встроенными в нее линзами. Он коснулся кнопки и повернул линзу, сфокусировав ее на бедре Бреди.

— Спасибо... чуть полегчало... Вы знаете, что копты похитили Руджеро?

— Да, — кивнул Дескье. — Я подстерег одного копта и заставил выдать мне немного сведений. — Он взглянул на свои руки, достал ножичек и принялся чистить ногти. — Что именно это означает, я не знаю. Возможно, джихад — священную войну. Хотя такого ещё не бывало...

Капитан поднял руку.

— Достаточно, Джеклин. Займись команданом.

Но Дескье нетерпеливо покачал головой.

— Некогда. — И отвел Бреди в сторону, в то время как Джеклин повернулся к остальным. Двое офицеров отошли на несколько шагов и понизили голоса.

Тони пристально посмотрел на коробочку с линзой, когда Джеклин применил ее для обработки руки Джимми.

— Что это за хреновина?

— Приборчик коптов. Как он действует, никто не знает. Они сами не в курсе. Он перешел к ним от предков... это луч, усиливающий активность клеток. Нарращивает клеточную ткань. Предотвращает инфекцию... ну как?

— Шикарно, — оценил Джимми, коснувшись руки. — Но еще немного побаливает.

— Это ненадолго...

— Вы, трое новобранцев, — обратился к ним Дескье. — Слушайте меня. Мы спускаемся ниже. В Алу. Джеклин, ты отправишься за подмогой.

Тело легионера с лицом, похожим на череп, конвульсивно дернулось. Он уставился на командана во все глаза.

— За... подмогой?

— Правильно, — кивнул Дескье. — Ты знаешь эти пещеры. Есть и другие выходы на поверхность. Приведи подмогу. А мы спрячемся и дождемся тебя. Копты не будут ожидать от нас, что мы отправимся прямо в их штаб, и поэтому мы именно так и поступим.

— Но... — Джеклин провел языком по пересохшим губам. — Мне придется выйти на поверхность?

В его голосе проскользнула странная нотка ужаса.

— Не спорь. Шагай! В одиночку у тебя будет больше шансов добраться, чем со спутниками, поэтому... алле!¹

Джеклин отодвинулся на шаг, остановился, и повернул обратно. И произнес деревянным языком:

— Я не могу отправиться на поверхность, командир.

— Это почему же? — очень мягко осведомился Дескье.

— Солнечный свет убьет меня.

Наступило недолгое молчание.

— Почему?

— Я обгорел в космосе. Вот потому-то я и вступил в Легион. Это, знаете, своего рода аллергия. Я настолько сильно обгорел в космосе под прямыми солнечными лучами, что даже профильтрованный сквозь атмосферу солнечный свет убьет меня за несколько часов.

Тони ощутил в желудке дурноту. Так вот почему Джеклин пятьдесят лет оставался в Под-Сахаре. В тюрьме с ее насмешкой в виде свободы...

— Пусть отправляется один из других, сэр!

— Я отправлюсь, — вызвался было Джимми... Но Дескье рыкнул на него:

— Молчать! Ты знаешь эти пещеры, Джеклин...

— Их знает и капитан!

— У него сильный ожог. Тот тепловой луч задел ему кость. Долгого пути он не выдержит. Вот! — Дескье наклонился

¹ Allez! — (фр.) Ходу!

над мертвыми коптами и принялся быстро стаскивать с них одежду.

— Если солнечный свет тебя убивает, не вылезай из этого наряда.

— А в пустыне?

— Винты, дурак... бинты! Если понадобится, то, когда доберешься до поверхности, передвигайся по ночам.

Джеклин принялся молча облачаться в одежду копта. И повторил без всякого выражения:

— Это убьет меня.

Дескье бросил ему охапку одежды коптов и усмехнулся.

— Ты проживешь достаточно долго для вызова подмоги. Если копты вырвутся из Под-Сахары, то облава на них будет похожа на ловлю тысячи блох. И кроме того, мне неизвестно, что именно за всем этим стоит... но уж точно тебе говорю — не пустяк. Если...

Он прыгнул как пантера. Его обутая стопа с тошнотворным хрустом врезалась в мясо и кость. Пораженный этим внезапным движением, Тони увидел, что Дескье прыгнул прямо на коптского жреца, из руки которого выпал лучевой проектор. Забрызганное кровью лицо жреца скривилось от боли, и повернулось вверх, когда он вскрикнул.

— Не сдох еще, да? — прошептал Дескье, искаженным от ярости голосом. — Ну ничего — скоро сдохнешь.

И убрал ногу. Но поднятая рука жреца почему-то остановила его. Копт наполовину выпрямился. Его тонкий голос стал пронзительным:

— Спускайтесь же в Алу, дураки! Но вы придете слишком поздно. Исида уже восстала — а с нею и обитающие в Алу боги. Прежде чем проход в другой мир снова смогут расчислить, мы уже восторжествуем... и Земля вострепещет перед мощью Древних! Да... перед Древними, кои властвовали над Четырьмя Реками, прежде чем их сыны бежали в Египет! Ступайте же в Алу, дураки! Вы найдете смерть!

Жрец упал на спину... и умер.

ГЛАВА V. ПЯТЕРО ПРОТИВ БОГОВ

Прошло немало часов. Возглавляемые команданом Дескье легионеры расположились лагерем на маленьком скалистом островке Полуночного моря, бездонного озера чернильно-черной воды, простирающейся за пределы видимого. Бледное свечение с потолка пещеры, далеко в вышине, рябь, пробегающая по не знающему приливов и отливов, ленивому морю. Сцена эта представлялась почти невероятно фантастической, и Тони, стоящий на посту у входа в расщелину, где спали остальные, едва мог представить, что он по-прежнему пребывает на Земле, а не под поверхностью какой-то чуждой планеты.

Они шли быстро, украдкой проскальзывая мимо расставленных коптами часовых, пользуясь преимуществами всех неиспользуемых туннелей, ведомые больше инстинктом, чем знанием. Город коптов они обошли стороной, спускаясь все глубже к тем запретным вратам Алу. И теперь, на берегу Полуночного моря они были готовы с головой погрузиться в неизвестное.

— Мы не можем оставаться здесь, — крикнул Дескье. — Рано или поздно они нас здесь найдут. Но вот в Алу у нас есть некоторый шанс. По крайней мере на нашей стороне будет элемент внезапности.

Он был прав, Тони знал это. Беспокойно шевельнувшись, он взглянул на карбоновый пистолет и проверил заряд. Мысли его устремились обратно в Нью-Йорк и в цивилизованный мир, который, казалось, отделяли от них миллиарды миль. Мир, навеки потерянный для него — и его братьев. А взамен они приобрели — вот этот!

На плечо Тони опустилась рука.

— Ладно, — промолвил Дескье. — Отправляемся.

Тяжелая челюсть командира выпятилась вперед, когда он направил пристальный взгляд вдаль, над водой.

Один за другим подтянулись и остальные, оборванные, растрепанные, небритые. Шагая, Бреди кривился от боли в

негнущейся ноге. Лицо Джимми осунулось. Но вот Фил казался таким же кряжистым и неуязвимым, как всегда.

Дескье повернулся к подчиненным, оценивая холодным взглядом состояние своей команды.

— Ладно. Шагом марш!

И первым двинулся вперед. Следом за ним — Бреди. За капитаном последовали и братья. Тони уловил, как Фил подмигнул ему, и несколько замедлил шаг, пока офицеры не оказались за пределами слышимости шепота.

— Да?

Рука Фила коснулась кармана гимнастерки.

— Полка я спал, меня кто-то обыскал. Мне думалось, я сплю, но когда проснулся, то этот карман был расстегнут.

— Ого! — поднял брови Тони. И прищурясь, глянул вперед. — Кто...

— Не знаю. Но... кто-то. После этого нам лучше не смыкать глаз.

Фил обменялся с Тони многозначительным взглядом и ускорил шаг. Тони нахмурился, пытаясь вычислить, что же именно означало это новое развитие событий.

Дело в Земной Звезде? Как-то маловероятно, что в Подсахаре кто-то мог знать подробности кражи и ее последствия. Более вероятным выглядел мотив мелкого воровства — если Филу и в самом деле не приснилось произошедшее. Но Тони почему-то почувствовал в душе нарастающую опасность. Ведь глубоко под поверхностью планеты по-прежнему полыхали губительные огни Земной Звезды.

Дескье? Он едва ли мог знать о камне. Бреди? Возможно, встреча с Задой, секретарем раджи, возбудила подозрения капитана. Или... Джимми? Не искал ли он Земную Звезду, пытаясь узнать, у кого же из братьев она спрятана? Такая возможность существовала, если б Джимми не продолжал настаивать в разговорах с братьями, что похищенный камень именно у него.

Лицо Тони не переменилось, но рука коснулась рукояти карбонового пистолета. С оружием на бедре он чувствовал себя безопаснее. Некоторое время он шлепал дальше,

напрягая все чувства и пытаясь уловить, откуда может грозить опасность. Конечно же — со стороны коптов.

Когда группа шла вокруг Полуночного моря, не появилось никого из этого подземного народа. Наконец, они подошли ко входу в туннель, и тут Дескье остановился посоветоваться с Бреди. Последний показал на высеченный на камне над входом знак — полная луна в окружении полумесяца.

— Луна и сistr, — кивнул капитан. — Это одни из запретных врат. Дверь в Алу.

— Отлично, — крикнул Дескье. — Пошли. Берегитесь ловушек.

Они вошли в туннель. Тут стало темнее, хотя со стен и потолка просачивалось смутное освещение, вызванное, наверное, какого-то рода излучением. Проход круто пошел вниз. Им явно мало пользовались, и в некоторых местах его уже почти завалило обломками, там legionерам пришлось проползать с большим трудом. Здесь оказалась весьма полезной бычья сила Дескье. Великан-командан не знал усталости, и в какой-то момент ему пришлось чуть ли не нести Бреди, так как слабая нога капитана еще больше ослабла.

— Интересно, доберется ли Джеклин до своих, — шепнула Тони Джимми.

— Бог его знает. Если нет, то мы в беде.

— Ну и что, если доберется? — усмехнулся Фил. — Ведь мы-то по-прежнему в Алу!

Туннель сделался еще круче. Теперь на стенах виднелись полустертые высеченные изображения, символы, носящие следы неизмеримой древности. Один такой знак озадачил Тони, это был крест в круге. Почему-то он напомнил ему о словах умирающего коптского жреца: «...Древними, кои властвовали над Четырьмя Реками, прежде чем их сыны бежали в Египет». Этот крест в круге тронул какую-то струнку в памяти Тони, и он почему-то понял, что этому кресту предназначалось символизировать четыре реки. Но... как он ни старался, большего ему вспомнить не удалось.

Встречались и другие высеченные знаки, изображающие, по большей части, сistr и лунный диск. Их высекали на камне, чувствовал Тони, задолго до того, как в Египте воцарились фараоны, еще до того, как династию стала

представлять корона в виде змеи. Тони ощутил легкий холодок при мысли о тех бесконечных веках, опустошивших лежащий наверху мир и оставивших нетронутым этот путь в Алу.

До Египта — цивилизация. А в Алу... что же там?

А вот души командана Дескье никакое предчувствие не коснулось. Его массивная фигура неумоимо маршировала вперед, практически неся на себе истощившего силы Бреди. Они спускались все ниже и ниже. Ноги у Тони начали гудеть от усталости, а утомленный походом Джимми весь поник. Бесстрастное лицо Фила не отражало никаких эмоций, но вокруг рта пролегли морщины напряжения.

Все ниже... ниже... и ниже! В тайное сердце Земли... в запретный край. И самое сильное беспокойство у Тони вызывало то обстоятельство, что их никто не останавливал. Возможно, копты не обнаружили вторгшихся к ним чужаков. Или, возможно, копты знали, что путь в Алу и не нужно охранять.

Иной раз Тони перехватывал взгляд, бросаемый на него Дескье, который беспристрастно сверлил братьев глазами, словно с озадаченным любопытством. Но командан не говорил ничего, пока они, наконец, не вышли в большую пещеру, в которой проглядывались три входа в туннели, кроме еще одного, на пороге которого они и стояли. Дескье остановился, обшаривая пространство ищущим взглядом.

— Устроим лагерь здесь, — коротко распорядился он. — В середине. Так, если нас найдут копты, то нам не отрежут отступление. Наш путь — тот средний туннель. А, капитан?

— Да, кивнул Бреди. Именно над ним луна и сistr.

Пятеро спутников в молчании устало двинулись к центру пещеры и скорее повалились, чем опустились на каменный пол. Они здорово устали. Один только Дескье сидел, широко расставив ноги, с пистолетом наготове в руке, глядя кругом и сверкая ледяными глазами.

— Спать, — распорядился он. — Я покараулю.

Тони с благодарностью подчинился. В пещере воцарилась тишина. Но... она была нарушена.

До спутников очень слабо, словно из бесконечной дали, донеслось ритмичное пение. Приглушенное и едва слышимое, оно доносилось чуть ли не ниже порога слышимости.

Дыхание Бреди с шипением вышло у него сквозь зубы.

— Слышите это?

— Ну и? — осведомился Дескье.

— Песнопение Сета. Они где-то начинают церемонию Осириса, там, где принесут в жертву Руджеро.

— Именно там они разорвут жертву на куски, не так ли? — догадался Тони.

— Да. Командан... — Бреди не закончил фразу. Хватило и одного взгляда на мрачное лицо Дескье.

— Не будьте дураком, капитан. Отдохните — и остальные тоже. Отдых вам нужен. Вы достаточно хорошо понимаете, что мы не сможем спасти Руджеро.

Это верно, подумал Тони, когда расслабился, растянувшись на каменном полу, но тем не менее, его не покидало странное неприятное ощущение в основании позвоночника. Где-то среди этих пещер зверски приносили в жертву белого человека, и эта мысль не способствовала здоровому крепкому сну. И все же Дескье был прав. Единственный шанс легионеров заключался в дальнейшей скрытности...

Как-то раз Тони наполовину проснулся и обнаружил, что командан прилег, а караулил капитан Бреди. Он бродил по пещере, пристально разглядывая высеченные на камне Луну и сistr. В тусклом свете его изможденная фигура выглядела словно пугало огородное. Когда Тони снова постепенно погрузился в сон, то сообразил, что слабое песнопение сделалось громче...

И теперь тон его сделался иным — торжествующим!

А затем Дескье потряс Тони за плечо, прижав ладонь ко рту легионера. Глаза командира ярко сверкали.

— Ш-ш! Ни звука! Разбуди остальных.

Тони молча подчинился. Никаких признаков Бреди не видно, сообразил он.

Ступая, как кошка, Дескье возглавил трех братьев, направившись в туннель. Скрывшись за первым поворотом, он прошептал:

— Бреди пропал. Когда я проснулся ...

— Что с ним случилось? — спросил Джимми. — Копты?

— Возможно.

— Но разве тогда они не убили бы и нас?

Дескье провел ладонью по выбритой голове.

— Необязательно. У них могли быть другие планы. — Он неприятно улыбнулся. — Так что Бреди пропал. Поэтому нас остается четверо. — Во взгляде этих холодных глаз появилось странное выражение скрытности. — Пошли. Мы по-прежнему направляемся в Алу.

— Да что толку? — спросил Тони. — Если копты нас уже обнаружили...

— А возможно, и нет. Возможно, Бреди отправился попытаться спасти Руджеро. Хотя я в этом сомневаюсь... но мы не должны упускать никаких шансов. Наша цель — Алу. Поэтому — аллон!

Трое братьев обменялись взглядами. Их число сокращалось раз за разом. Сперва весь гарнизон форта, потом Джеклин, и вот теперь капитан Бреди. Тони ощутил укол сочувствия к этому обветренному старому солдату. Что бы там с ним ни произошло, Бреди погибнет, продолжая сражаться.

— Он не попытался нас предупредить, — вполголоса проговорил Джимми.

— Мы не знаем всего оружия этих коптов, — хмыкнул Дескье. — Бог его знает, откуда они его достают. Иной раз они внезапно выскакивают с каким-нибудь супернаучным устройством, произвести которое им совершенно не по силам. Это загадка. Ответ мы, возможно, найдем в Алу.

На взгляд Тони, это выглядело странным парадоксом. Рыскать среди руин забытого прошлого в поисках супернауки будущего. И все же... откуда пришла в Египет могущественная цивилизация? Какая тайна скрывалась за этой загадочной мощью коптов?

Никакого ответа быть не могло, во всяком случае пока. Четверо спутников продолжили поход, спускаясь все ниже и ниже. Теперь они уже находились под Полночным морем, решил Тони, поскольку туннель изгибался в длинную петлю. Не только под пустыней Сахара, но также и под подземным морем.

Дорога бесконечно тянулась перед ними. Но конец наступил неожиданно. Все четверо спутников настолько вымотались, что едва поняли, что серебристое излучение тоннеля сменилось красноватым свечением, более ярким и напоминающим вулканическую активность.

Дескье предупреждающе поднял руку. И пошел разведать, а вскоре поманил к себе и остальных. Его массивная фигура вся застыла, увидел Тони.

И, шагая вперед, он увидел и еще кое-что. Туннель закончился. Он вывел в пещеру.

Пещеру, бывшую целым миром!

Миром под пустыней и под морем! Перед искателями приключений лежала Алу, Страна Света, и глаза человеческие никогда еще не глядели на столь странное зрелище. Средоточие древности, с обломками могучих строений и вытянувшимися на плоском полу пещеры павшими колоннами. Оно походило на Помпеи и было намного древнее Помпей. Оно было величественней Карнака, и куда чужеродней, чем ветшающий Ангкор-Ват. Вдали, к потолку пещеры, поднималась пирамида... касаясь его, поддерживая его, словно легендарное мировое древо Иггдрасиль, как считалось, поддерживало Землю.

Из-за той пирамиды пламенел красный свет.

Алу! Намного древнее, чем можно вообразить, колыбель расы, что властвовала давным-давно! Алу, которую египтяне включили в мифологию в качестве своего рая.

При виде чистого, подавляющего величия открывшейся людям панорамы те онемели, словно некая рука могла ударить по нечестивым устам. Перед ними вытянулся огромный, пустынный и мертвый затерянный мир, крепко хранящий свою тайну, как хранил ее с тех времен, когда еще не было фараонов. Не удивительно, что пирамиды так и оставались загадкой — сооруженные какой-то внеземной наукой. Той же самой наукой, которая воздвигла эти колоссальные строения Алу!

В сотне футов высилось квадратное беломраморное здание с дорическими колоннами по обе стороны открытых врат. Взгляд Тони каким-то непреодолимым порывом пригнуло к нему.

— Слышите это? — привлек внимание братьев Дескье.

Братья прислушались, но не заметили ни звука. Командан крикнул.

— Он исходит из того храма. Приготовьте пистолеты. Мы войдем туда. Если что, стреляйте первыми.

Четверо спутников бесшумно двинулись по плоскому камню пола. На полпути к двери Джимми сжал руку Тони выше локтя. И показал, с белым, как мел, лицом.

— Глянь-ка на это!

Тони так же, как и другие, посмотрел, куда показывал брат. Стоявшие вдалеке два строения соединялись арочным пролетом. И по этому пролету двигались фигуры.

Фигуры с человеческими телами — но с нечеловеческими головами!

Различить в такой дали подробности было невозможно, но в тех шедших по арочному пролету существах явственно присутствовало что-то ненормальное. Они прошли величавым строем и пропали.

— Помнишь, что нам сказал тот жрец? — прошептал Джимми. — В Алу живут боги!

Тони подумал о древнеегипетских богах, людях с головами зверей, птиц и рептилий. Не могли ли в этой пещере выжить какие-то чудовищные гибриды? Он отмахнулся от этой мысли.

— Маски, Джимми! Не будь идиотом. Пошли.

Дескье побудил их направиться к квадратному зданию.

— Быстрее! Мы сможем там спрятаться, пока не узнаем об этом месте побольше. Держите пистолеты наготове.

Когда они переступили порог, ледяные глаза командира обшарили взглядом сумрак храма. Повсюду был высечен символ Осириса, знак рогатого быка. Крошащиеся, разбитые колонны сделали интерьер храма каким-то лабиринтом. Пол был завален разбитыми каменными блоками.

Здесь царил сумрак, но один луч красного света проникал, подобно пламенеющему мечу, через прореху в стене и падал прямо на тронное возвышение в противоположном конце храма. Тони и остальные смотрели на длинный проход к трону и сидящую на нем статую — статую человека, одетого в стилизованные ниспадающие одежды, человека с

головой быка на человеческих плечах.

— Вперед! — прошептал Дескье. И сжал пистолет. Тони ощутил, как ладонь ему холодит рукоять его собственного оружия. Приближение к трону казалось бесконечным. Невероятное путешествие среди обломков забытой цивилизации! Так могла приближаться к Осирису какая-нибудь заблудшая душа... На ум Тони невольно пришел отрывок поэмы.

*Пятьсот жрецов хранили дверь,
Пятьсот других молились, стоя,
Пред алтарем его покоя
Гранитного, — и вот, теперь*

*Ехидны ползают открыто
Среди поверженных колонн,
Алом разрушен, и склонен
Надменный мрамор монолита.¹*

Дескье остановился. Его фигура на мгновение застыла, словно окаменев. Пистолет вскинулся, нацеленный в статую на троне.

И теперь Тони увидел то, что уже ранее понял командир. Перед ними восседала на троне вовсе не статуя. Это существо было живым!

ГЛАВА VI. ПЕРЕД БОГАМИ

Остановить палец Дескье на спусковом крючке могло только одно — и это одно случилось! Чудовище на троне заговорило.

Руки на подлокотниках трона дернулись, и из нечеловеческой пасти полился хриплый, почти невнятный голос.

— Нет! — простонало быкоголовое создание. — Это Бреди... Бреди!

Дескье так и окаменел от чистого изумления. И опустил, наконец, пистолет, бритая его голова так и сверкала от пота.

¹ Оскар Уайльд «Сфинкс» (пер. Н.С. Гумилева.)

Тони слотнул ком в горле, прожигая взглядом этот гибрид на тронном возвышении.

Бреди? Капитан Бреди?

— Это сделали со мной те дьяволы, — продолжал тот же хриплый голос. — Хирургия, командан, супер-хирургия. Помните их целительный луч? Они пересадили тело и шкуру быка к моей голове и в громадной степени ускорили своим лучом клеточную активность. Я... я не смею шевельнуться. Эта голова настолько тяжела, что переломит мне позвоночник если... если...

— Нам грозит сейчас опасность? — негромко спросил Дескье. Глаза его обшаривали темные углы.

— Вы обречены, — вымоловил Бреди. — Тутмос сказал мне, что за всем этим стоит адский план. Тутмос — это верховный жрец. Он один из очень немногих, кто знает тайну Алу. Он рассказал мне... почти все. Думаю, это приятно щекотало его эго, злорадствовать из-за своего торжества ...

Бычья голова тяжело свесилась и внезапно снова вернулась на место.

— Возможно, шанс все же есть, — сказал Бреди. — Не знаю. Ваши пистолеты... Слушайте! Если вы сможете добраться до пирамиды и разнести машину на атомы ...

— Что за машину? — спросил Дескье.

— Машину, которая уничтожит Европу! Того же рода машину, которая создала Луну, много веков назад! Ту самую машину, которая потопила Атлантиду!

У Тони перехватило дыхание. Атлантиду? Теперь он вспомнил значение того символа креста-и-круга. Это был знак Атлантиды, четыре реки на острове-континенте. И тихо прошептал:

— Древние, кои властвовали над Четырьмя реками, прежде чем их сыны бежали в Египет.

— Да, — подтвердил Бреди. — В этом-то и состояла тайна Египта, его цивилизации. Люди и раньше об этом догадались. Много веков назад, когда по Европе бродили кочевые племена, Атлантида была континентом, где процветали культура и наука. Континент тот был нестабильным — под ним бесконечно продолжалась вулканическая деятельность. И страна начала погружаться в море. Тутмос рассказал мне,

как ученые Атлантиды планировали предотвратить свою гибель.

Они создали Луну. Из дна Тихого океана они вырвали часть Земли и с силой закинули ее в космос. Они думали, что это снизит давление под Атлантидой и спасет их цивилизацию.

У них не получилось. Контролируемые ими силы оказались слишком могучими. Атлантида ушла на дно океана, забрав с собой науку, какой мир никогда не знал и наверное, никогда не узнает вновь. Но прежде чем произошел тот потоп, немногие атланты бежали на восток, через Геркулесовы Столпы, в Египет.

Бычья голова кивнула.

— Это были предки подземных коптов. Они обнаружили Под-Сахару за много веков до наступления эпохи фараонов, и нашли Алу. Они построили такой город, какие существовали в их атлантических долинах. И отправили некоторых из своего числа цивилизовать народы долины Нила, и те атланты стали верховными жрецами и богами. Они создали богов!

Как создали и меня — сделали богов с головами быков, крокодилов и шакалов, чтобы запугать суеверные племена, которым требовались для поклонения осязаемые боги. А потом путь на поверхность перекрыло каким-то древним катаклизмом, и таким образом, атланты оказались здесь в западне. Несколько жрецов сохраняли их культуру. Остальные выродились. Вот они-то и стали коптами.

Но жрецы по-прежнему сохраняли жизнь древней религии, используя свою хирургию и целительные лучи для создания новых богов и правя коптами посредством страха. Они планируют создать вторую Луну и поднять со дна Атлантиду. Они желают править Землей, как властвовали над ней в давние времена.

Тонкие руки Бреди сжались в кулаки.

— Меня поймали в пещере, где я стоял на страже — применили против меня какой-то парализующий луч. А потом притащили меня сюда и рассказали, что намерены сделать. У них есть машина, способная вырвать с лица Земли всю Европу и отправить ее в космос, чтобы она стала еще одной Луной.

— Но ведь это же разрушит весь мир! — не выдержал Тони.

— Это и есть часть их плана. Они утратили всю свою науку, и у них сейчас есть только немногочисленные машины и приборы, дошедшие со времен исхода из Атлантиды. Да и те постепенно теряют свою силу. В той ушедшей на дно Атлантиде, Тутмос и его собратья могут найти оружие и тайны, которые дадут им возможность снова править миром. Но сперва они планируют создать еще одну луну — уничтожить Европу и разрушить землетрясениями, приливными волнами и бурями почти всю Землю. Они-то здесь в Алу будут в безопасности. И выйдут на свет после того, как Атлантика стечет в ту огромную бездну, которая останется на месте уничтоженной Европы. Вот тогда они и вернутся в Атлантиду, к западу от Канарских островов.

— Машина для создания Луны! — Голос Дескье сделался почти презрительным. — Невероятно!

— Однажды это удалось проделать. Принцип тут заключается в вибрации. Колонна марширующих в ногу солдат может при резонансе обрушить мост — ты сам это знаешь. Нужная вибрация способна разрушить здание. Ультразвуковые волны могут разорвать молекулярную структуру Земли, и у Тутмоса есть машина, вибрацию которой можно сфокусировать сквозь тело планеты. Сперва в Европе возникнут небольшие толчки, потом сильные землетрясения. Они станут еще сильнее. И наконец, оторвет весь континент, и центробежная сила закинет его на орбиту. Тутмос подробно все объяснил ...

Бычья голова вдруг резко дернулась вперед. Раздался резкий звук, как будто сломалось что-то хрупкое. Тело капитана Бреди медленно накренилось, согнулось и опрокинулось.

Дескье, выругавшись, прыгнул вперед. Подскочив к капитану, он коснулся чудовищной морды, отдернул руку, а потом пощупал, бьется ли сердце Бреди. Миг спустя он пожал плечами.

— Ну, он рассказал нам достаточно. И теперь... — Командан выпрямился и поочередно обвел взглядом лица

братьев. — Теперь мы должны найти ту машину и уничтожить ее... так ведь?

Похоже, он ощутил какое-то неясное недовольство, когда трое братьев дружно кивнули. Но слова он затем произнес достаточно банальные.

— Нам нужна информация. Хорошо! Сперва нам нужно найти кого-то, кто может снабдить нас ею. Вероятно, этого самого Тутмоса... но, полагаю, выбирать нам не приходится.

— Вы верите в рассказа капитана Бреди? — порывисто спросил Джимми.

Дескье в ответ обвел рукой все их окружение.

— Гляньте на все это. Это построила никак не современная цивилизация. Я долго прожил в Под-Сахаре и ... ну, могу, по меньшей мере, проверить этот рассказ, прежде чем начну действовать. Разрешите напомнить вам, что задавать вопросы — не ваше дело. — И уперся в младшего из братьев холодным взглядом.

— Я добуду эту информацию, командир, — быстро вызвался Тони.

— Отлично, — кивнул Дескье. — Мне не нужно говорить вам ничего, вы и так уже все знаете. Большинство коптов знают английский; а если попадется тот, кто не знает — приведите пленника сюда. Мы подождем.

Тони взглянул разок на ужасное распростертое тело, бывшее недавно капитаном Бреди, небрежно махнул Филу с Джимми и двинулся в путь. Он поспешил по затененному проходу из колонн, пока не вышел из храма. Там он остановился, пригнувшись в темноте, и выглянул наружу.

Кругом не наблюдалось никаких признаков жизни. Вдали смутно вырисовывался вход в туннель, по которому они вошли в Алу. Тони прокрался ползком вдоль стены строения и осторожно выглянул за угол. За ним он увидел тот арочный переход, по которому прошли «боги», но теперь он пустовал. Каким же будет теперь логичный план действий?

Затерянный город протянулся на много миль и выглядел будто бы необитаемыми развалинами. Однако, обитатели там, как знал Тони, встречались, там проживали, хотя бы верховный жрец Тутмос и его служители — и, наверное,

копты, хотя вряд ли, поскольку они обитали только в пределах своего города, уровнем выше. При этой мысли Тони невольно поднял взгляд. Над потолком этой пещеры находилось Полуденное море, а над ним — город коптов, а еще выше — сама Под-Сахара. Неисчислимые тонны земли давили на психику, так что дыхание захватывало. Однако...

Тони стряхнул это ощущение, попытался сориентироваться и двинулся наугад. Да, у него имелся компас, но в этой среде он был бесполезен, как вскоре обнаружилось. Но расстояние он мог довольно хорошо оценить, взяв за ориентир громадную пирамиду, видимую почти с любой точки в городе Алу.

Он держался в тени, там, где не сиял мерцающий красный свет. Что именно вызвало то вулканическое свечение, Тони не знал, хотя и рискнул сделать несколько предположений. Он направился к пирамиде.

Это был город мертвых. Целые геологические эпохи назад он был обитаемым, населенным уцелевшими выходцами из утонувшей Атлантиды, но теперь его наполняла только пыль веков. Тишина, и везде символ Исиды, лунной богини, высеченный на камнях...

Пирамида сделалась ближе, и Тони заново изумился ее громаде. Она тянулась все выше и выше, вплоть до самого потолка пещеры, казалось, поддерживая его, словно колонна. Возможно, так оно и было — он судить не мог. Но когда он подошел ближе, то увидел, что пирамида эта — полая. То тут, то там на ее наклонных гранях виднелись освещенные амбразуры.

И по-прежнему не раздавалось ни единого звука, хотя их и не требовалось. Поблизости от него в грани пирамиды смутно виднелся сводчатый вход, и он осторожно прокрался к нему. У порога он заколебался. Следует ли ему рискнуть войти в эту пирамиду, которая вполне могла быть твердыней его врагов? Поиски в покинутом городе казались задачей тщетной, и Тони, пожав плечами, смело шагнул внутрь. Пистолет был у него в руке, а угольный патрон — в чаше, готовые к немедленному применению.

Проход наклонно тянулся вверх, внутрь пирамиды. Он тускло освещался длинными полосами, похожими на неоновые трубки, тянувшимися по потолку. В их рассеянном свете Тони и крался дальше.

В этом коридоре напрочь отсутствовали двери и вообще что бы то ни было, во всяком случае, поначалу. Затем он внезапно заметил то, что сперва ускользало от его внимания — ряд панелей в стене. Как можно их открыть, выходило за пределы его понимания, пока наконец одна такая панель не показалась попроще других. Тони нажал на какую-то не слишком умело спрятанную пружину — и панель открылась.

И он заглянул сквозь металлические прутья в огромную клетку.

На миг-другой он подумал о зверинце, а затем ему сделалось дурно, и у него закружилась голова от тошноты. Это и в самом деле был «зоопарк» — но содержались в нем не животные. В нем содержались ... боги!

По клетке бродили искусственные чудовища, созданные Тутмосом и его служителями, люди с головами существ из тератологической мифологии. Здесь и в самом деле находились древнеегипетские боги, шакалоголовые, ибисоголовые, быкоголовые, и даже несколько с головами крокодилов, омерзительно установленных на человеческие плечи. Клетка была освещена настолько ярко, что эти существа Тони не видели, и тот быстро выскочил, закрывая панель. Здесь он явно никакой информации добыть не мог. Он подавил сильный импульс пустить в ход карбоновый пистолет и избавить тех жалких существ от нескончаемого кошмара их существования. Если это был пример могущества Тутмоса, то он не сулил ничего хорошего в отношении власти атлантов над Землей!

Тони двинулся дальше по коридору. Из своего небольшого знания египтологии он знал, что не все боги были злобными, подобно Сету. И Осирис, и Амон Ра относились к людям благожелательно, также как на самом-то деле и Исида. Наверное, вначале вся религия была доброй и стала упадочной и выродившейся с ходом веков в этом сокрытом мире-пещере. Явная параллель с сатанизмом...

И все же вопрос заключался не в суеверии. Речь шла о логике и науке, о холодных фактах, в которых и коренилась расовая мифология. За завесой так называемой «магии» скрывалась чуждая и мощная культура, рожденная в Атлантиде задолго до того, как в Шумере поднялся Ур, а на Тигре и Евфрате — Аккад.

Тони шел все дальше и дальше, и нем все росло холодное беспокойство. Никто не появлялся и не преграждал ему путь. Он не раз поглядывал на карбоновый пистолет, но оказался не готов к тому, что под ним провалился пол, и он, корчась и извиваясь, упал в темноту.

Он тяжело рухнул на твердую поверхность и, крикнув и выругавшись, упал ничком. Прежде чем он смог подняться, Тони почувствовал на себе тяжесть мускулистых тел. Сковы- ваемый темнотой, он упрямо продолжал драться, но пистолет у него вырвали чуть ли не в самом начале схватки. Тьма тут стояла не кромешная; присутствовало какое-то смутное свечение, но глаза Тони — в отличие от зрения его врагов — к нему еще не привыкли.

Наконец он оказался распростерт на полу, где его держали в неподвижности крепкие руки.

Глухой голос пробормотал какой-то приказ. Свет стал ярче. Тони зажмурился, уставившись вверх из своего положения на полу. И обнаружил, что находится в какой-то голой камере, с зарешеченной дверью в одной из стен. Держали его пятеро сильных мускулистых коптов... но Тони почти сразу же увидел, что никакие это не копты. На лицах у них отсутствовала свойственная этой расе подземных горняков печать вырождения. Они выглядели жестокими, а не глупыми. Жестокими... а также надменными, гордыми! Гордыми от знания о культуре, уходящей в непроницаемую дымку утраченной древности.

Один из этих людей стоял у стены — и это был настоящий великан с короткой бородой-лопатой, с ниспадающими вокруг его лица мягкими, глянцево-черными, слегка завивающимися волосами. Он отличался той же красотой, что и лезвие прекрасного клинка, прочного и смертоносного, и его крючковатый нос изгибался словно шамшер. Светло-голубые глаза, не мигая, глядели на Тони...

— Я — Тутмос, — представился он на не совсем безупречном английском. Тони не мог подавить легкого движения, и голубые глаза сузились, но жрец всего лишь улыбнулся.

— Ты меня знаешь? Это странно. Наверное, ты говорил с... Осирисом!

Он кивнул жрецам, и те ослабили захват рук. Легионер вскочил на ноги, но не сделал ни единого враждебного движения и молча стоял, глядя на Тутмоса.

Атлант огладил бороду.

— Ты мудр. Это помещение будет твоей тюрьмой, и, если ты не причинишь никаких неприятностей, то какое-то время поживешь. Мы не убиваем без необходимости.

— Всего лишь девять десятых мирового населения, — мягко уточнил Тони.

— А это, — улыбнулся Тутмос, — как раз необходимо. Нас всего горстка против миллиардов. Даже та мощь, какую мы восстановим, вновь подняв Атлантиду, не даст нам возможности завоевать Землю — если Земля не будет и без того почти завоевана, с ее морскими, воздушными флотами и вооружениями, уничтоженными катаклизмами.

— Вы действительно ожидаете, будто вам удастся создать вторую Луну? — В голосе Тони звучал откровенный скептицизм. Но жрец нисколько не обиделся.

— Да. Такое однажды уже проделали. Ту машину, которая создала Луну, построили в Атлантиде, и мы здесь построили дубликат. На это потребовались целые века, но ее наконец закончили. Она покоится в сердце этой пирамиды — и она уже работает.

— Работает? — Тони невольно огляделся по сторонам. — Я что-то не...

— Здесь и сейчас ты, конечно же, ничего не чувствуешь. Позже, может, и почувствуешь, хотя в Алу мы в безопасности. Машина задает вибрацию и разрыв молекулярных связей в определенном слое земной коры под Европой, и интенсивность этой вибрации будет постепенно увеличиваться — пока Европа буквально не распадется от этой тряски на куски. Через неделю или даже раньше произойдет заключительный катаклизм. Европа исчезнет,

оставив на месте себя бездну, в которую схлынут воды Атлантики. И Атлантида восстанет вновь!

— Это, — сыронизировал Тони, — будет Неделей Старой Отчизны, да?

Тутмос не ответил. Он повернулся к другим и сделал жест. Один из них убрал в стену зарешеченную дверь, и вся группа жрецов гуськом вышла из камеры. Дверь со стуком закрылась.

Выйдя из камеры, Тутмос улыбнулся из-за решетки своему пленнику.

— Твои спутники скоро присоединятся к тебе. Отыскать их нам будет нетрудно. Они достаточно скоро сами явятся к нам, и тогда у тебя появится компания.

— Берегитесь, как бы один из них не разнес вам голову на атомы, — заметил Тони.

Тутмос разом утратил свою улыбку. Он потянул себя за бороду-лопату и произнес:

— В Аду мало кто шутит. У нас всегда есть потребность в новых богах, а ты будешь хорошо выглядеть с головой шакала на плечах.

— А ты б распрекрасно выглядел с крысиной, — согласился Тони, — да только она у тебя и так уже есть.

Верховный жрец произнес что-то неясное, прожег Тони взглядом и ушел. Тони оставили одного. Тот пожал плечами и произвел инвентаризацию имевшегося у него добра.

Его полностью обыскали. Карманы его пустовали. Карбонный пистолет и угле-патроны у него забрали. Не нашлось никаких инструментов, с помощью которых он мог бы покинуть эту камеру.

С другой стороны, тут могла быть какая-нибудь скрытая панель. Тони потребовался час, чтобы убедиться в ее отсутствии. Наконец, он сел и принялся ждать. Ничего иного ему не оставалось. Он все-таки получил информацию, за которой отправился сюда. Машина атлантов находилась в сердце этой пирамиды, но он был безоружен и не имел никакой возможности отправить сообщение Дескье или своим братьям. Он немного подумал, что же происходило с Филом и Джимми, и сколько те станут ждать. А когда они наконец устанут ждать, что тогда предпримут?

Да что они могли предпринять, находясь в западне этого Алу, города науки и бездонной древности? Четверо человек, Дескье и братья, против могущественных сил величайшей цивилизации, какую когда-либо знала Земля? Четверо против могущества, сделавшего в свое время Египет непобедимой империей.

Четверо против богов!

ГЛАВА VII.

МОЩЬ АТЛАНТИДЫ

Глухой стук сверху вывел Тони из той полусогнутой позы, в которой он сидел, заставив встать во весь рост, приковав взгляд к потолку. Взгляд этот он поднял как раз вовремя, чтобы увидеть, как один участок откидывается на петлях, позволяя упасть в тюрьму телу человека, молотящего руками и ногами. Тони прыгнул вперед, чтобы не дать сбрасываемому в потолочный люк рухнуть на пол. Им оказался Фил.

Белокурые волосы Фила были растрепаны, на лице проступила щетина желтой бороды, но коренастое тело, как всегда, бугрилось стальными мышцами. Он все еще сжимал в руке выданный ему карбоновый пистолет, и его глаза с облегчением встретились взглядом с Тони.

— С тобой все в порядке?

— Да. — Большого им говорить не требовалось, настолько глубоким было понимание между братьями.

— За тобой кто-нибудь гонится? — быстро спросил Тони.

— Никого не видел.

— Наверно, захватил их врасплох. Но они подоспеют. Нам придется действовать быстро, пока у нас есть шанс выбраться отсюда. — Он бросил взгляд на зерешеченную дверь. — Мы можем вынести ее и карбоновым пистолетом, но я не знаю дороги. Вскидывай-ка мне на плечи, малыш. Выберемся через потолок.

Фил передал брату пистолет и, когда Тони встал на колени, забрался ловко к нему на плечи. Тони медленно выпрямился, придерживая одной рукой Фила.

— Я... тревожился о тебе, когда ты не появился. И пошел следом.

— Посмотри, не удастся ли тебе открыть ту панель... С Джимми все в порядке?

— Все о'кей. Малыш очень крут... Есть!

Панель откинулась на петлях, и короткие сильные пальцы Фила тут же сомкнулись на краю проема. Тони с силой толкнул брата вверх. Какую-то секунду Фил провисел там, затем его тело, извиваясь, поднялось наверх, и груз с плеч Тони исчез.

В то же миг из-за зарешеченной двери раздался крик.

Оттуда ударил, словно копье, бледный луч. Тони ощутил мучительную боль в боку. Он невольно вскинул карбоновый пистолет и выстрелил в сторону двери. Металлическая дверь исчезла во вспышке белых огней. Кто бы там за ней ни находился, — тоже бесследно исчез.

Но набегали и другие. Тони обменялся с ними выстрелами. Услышав голос Фила, он рискнул бросить взгляд вверх. Фил лежал, распластавшись на полу, протягивая руку в камеру.

— Прыгай сюда!

— Не могу, — бросил Тони. — Меня тут живо прихлопнут...

— Придется рискнуть. Я слышу, как подбегают и сюда.

— Оставь. Вернись к Дескье. Передай ему, что машина в основании этой пирамиды. Я выберусь через дверной проем; если мы будем выбираться разными путями, то у одного из нас будет больше шансов. Гони!

Возникла короткая пауза, прерываемая рыком карбонового пистолета. Затем Фил ответил:

— Ладно. Удачи!

Его ноги заскребли по полу наверху. Панель со стуком закрылась. Тони скривился, сообразив, что Фил-то теперь безоружен. Но все равно у него будет больше шансов сбежать, чему у самого Тони, так как проход, ведущий — возможно! — к свободе, преграждало с десяток жрецов.

Тони снова выстрелил. Передние жрецы рухнули, а другие заколебались. Резко выстрелил пистолет. Один жрец согнулся и бросился бежать... а за ним последовали и остальные.

Напрягши все чувства, Тони поспешил следом за ними. Проход этот выглядел явно голым, и тишину в нем нарушал только стихающий топот бегущих ног, но, как он догадывался, тут могли скрываться какие-то ловушки. Приведет ли этот путь к спасению? И... удалось ли спастись Филу? Узнать не было никакой возможности — во всяком случае, пока.

Перед Тони вытянулся пустой коридор. Он сжал пистолет, чувствуя, как холодный металл оружия придает ему уверенности, даже несмотря на опасность со стороны Тутмоса и его могущества. Потенциальным возможностям этого пистолета не было предела. При достаточно мощном заряде, сардонически подумал Тони, он мог снести всю эту пирамиду. К несчастью, у него как раз и не имелось никаких боеприпасов кроме обоймы в рукояти пистолета.

У бокового коридора он заколебался, сообразив, что этот новый туннель вел вверх. Жрецы не будут ожидать, что он выберет этот путь — и поэтому он выбрал именно его. И, как оказалось, он поступил верно.

Тони выбрался по этому туннелю на небольшой балкон с видом на пологий пандус пирамиды. Под ним тянулись подобно гигантским ступеням массивные блоки каменной кладки, и Тони заколебался, когда взглянул вниз. Раздавшийся позади него в туннеле шум помог ему принять решение.

Оно чуть не запоздало. В поле зрения появился какой-то жрец, открыл рот в беззвучном крике, подымая в одной руке короткий металлический прут. Тони вскинул карбоновый пистолет и нажал на спуск. Ничего не произошло.

Боезапас иссяк.

Тони отреагировал непроизвольно и инстинктивно. Швырнув пистолет прямо в лицо жрецу, он тут же быстро пригнулся, бросаясь в прыжке нырком на противника. Над головой у Тони воздух пронзил луч света. Затем он врезался в колени жрецу и тяжело обрушил того на наклонный пол.

Следить за этикой было некогда. Тони ударил подло и сильно. Оставив жреца без сознания, он перемахнул через перила балкона и понесся вниз по пологой лестнице пирамиды, скача по сооруженным из гигантских блоков огромным ступеням, рискуя на каждом прыжке сломать шею. Но... ему удалось уцелеть.

Как только Тони добрался до основания пирамиды, то оказался в сравнительной безопасности. Вне этого красного свечения тени стояли густые, и Тони воспользовался даруемым ими преимуществом, принявшись красться к видимой им далеко впереди стене пещеры. Но прежде он провел короткую рекогносцировку, надеясь найти Фила. Разведка ничего не дала. Либо Филу уже удалось спастись, или же он пал жертвой жрецов Тутмоса.

Никаких признаков волнения не наблюдалось. Тони гадал, почему. Наверное, побег пленников не имел для атлантов большого значения. Они отличались чрезмерной самоуверенностью — и, вполне возможно, по веской причине. Победить науку, способную разорвать пополам Землю, будет не так-то просто.

Около входа в храм Осириса Тони ускорил шаг. В ушах у него возник шум хриплого дыхания и шарканье шагов. На пороге он заколебался, но не увидел в сумраке внутри храма ничего. Погодите-ка! Далеко внизу под тронным возвышением лежали два неподвижных тела. Одно, конечно же, принадлежало капитану Бреди. Но вот другое...

Тони сорвался в бег. И все же он в достаточной мере сохранил осторожность и бежал как можно тише, хотя едва-едва подавил готовый сорваться с языка вопрос. Уж не нашли ли атланты вторгшихся в Алу? Принадлежало ли это тело Дескье, или... Джимми?

Оно не принадлежало ни тому, ни другому! Тони споткнулся о карбоновый пистолет, мгновенно схватил его, и одновременно увидел, что рядом с фигурой Бреди лежал Фил, без сознания и залепанный кровью. Из зияющей у него в груди дыры сочилась красная жидкость. Но Тони смог уделить брату только один взгляд. Рядом с ним, между тянущимися к потолку колоннами сцепились в схватке двое человек — Джимми и командан Дескье!..

Джимми находился в далеко не выигрышном положении. Он дрался без оружия и пытался удержать руку, в которой Дескье сжимал пистолет. И командир мало-помалу вырывался из захвата противника. На лице офицера Легиона не проглядывало никакого выражения, но глаза его выглядели черными и смертоносными, как мокрый бархат. Джимми задыхался, и из пореза под одним глазом у него сочилась кровь. В общем, силы у него почти иссякли.

— Брось пистолет, Дескье! — хлестнул словно кнутом голос Тони.

Реакция командира оказалась неожиданной. Одним движением он отпустил Джимми и отскочил назад. И, скрывшись в тени колонны, выстрелил в Тони.

Выстрел ушел в пустоту. Тони поднял собственное оружие — явно то, которое уронил Джимми, но Дескье уже бежал со всех ног, уворачиваясь словно призрак. Какого дьявола! И тут Тони сообразил, в чем дело. Дескье вовсе не был трусом. Но, с другой стороны, не был он и дураком. У него иссяк боезапас. Причину объяснил валявшийся на полу патронташ, с оторванной пряжкой. В схватке Дескье лишился своего пояса с патронами.

Он выскочил через дверь храма и исчез. Тони уставился на Джимми.

— Какого черта?

Весь побелевший парень задыхался.

— Вернулся Фил. Он увидел тебя в пирамиде... рассказал нам, где у них машина. Но меня ранили ...

— Да. Ты говори, малыш, говори. — Тони стоял на коленях возле лежащего без сознания Фила, оказывая такую первую помощь, какую мог.

— Дескье отправил меня за стены храма караулить. Я слышал крик Фила, вбежал сюда. И успел увидеть, как Дескье... — Юноша сглотнул. — Он убивал Фила. Выстрелил ему в грудь. Я попытался остановить его ... а потом вошел ты.

Веки Фила затрепетали. Тони отдал пистолет Джимми.

— Ладно. Беги-ка покарауль снова. Берегись Дескье. Если он появится...

— Я воспользуюсь пистолетом. — Голос юноши прозвучал смертоносно и мрачно. Рука Джимми сомкнулась на рукояти, и он торопливо выбежал по темному проходу.

Фил сейчас смотрел на брата, изогнув губы в кривой улыбке.

— Так ты, значит, тоже выбрался из пирамиды, да? Хорошо.

— Что случилось, парень? — Тони тщетно пытался остановить поток крови.

— Ничего особенного. После того, как я добрался сюда, Дескье не стал меня перевязывать. А вместо этого обыскал меня. Ничего не нашел, конечно. Но... спросил меня, где же Земная Звезда.

Последовало короткое молчание.

— Откуда... — прошептал Тони.

— Не знаю. Дескье что-то пронюхал. Он охотится за камнем. Думал, будто тот у меня, а когда не нашел его при мне, то попытался заставить сказать меня. Методы у него были не очень... приятными. Полагаю, вот тогда-то я и закричал. Я набросился на Дескье. Выяснил, что ранили меня не настолько сильно, как мне думалось. Он выстрелил мне в грудь.

Фил закашлялся.

— Вполне можешь больше не стараться, Тони. Я первый из нас, кому предстоит отойти. У меня есть предчувствие, что будет и еще один. Но один из нас троих все-таки должен выкрутиться.

— Я доберусь до Дескье, — очень тихо произнес Тони. Его худощавое темное лицо напоминало мрачную медную маску.

— Спасибо. И приглядывай за малышом, ладно? Я... Я...

Из рта Фила хлынула кровь. Он затрясся в кашле. Тони спешно разорвал рубашку, мастера импровизированный добавочный бинт.

Но это ничего не дало. Через десять минут Тони молча стоял рядом с телом брата, глядя на полностью расслабленные теперь, при смерти, бесстрастные черты лица. На него тяжело давили эти тени храма Осириса. В некотором смысле, можно было считать, что Филу вполне повезло, смерть застигла его в Алу, стране асфоделей, где, по мнению древних египтян, бесконечно скитались души.

Тони повернулся и медленно зашагал по проходу. На пороге храма он обернулся и посмотрел назад. Наверное, Фил будет вечно покоиться тут — и это было таким саркофагом, каким немногие могли похвалиться.

— Не двигаться, — скомандовал тихий голос. — Ни на дюйм! Поосторожней!

Но реакция резко развернувшегося Тони была произвольной. Чуть ли не рядом с ним, но за пределами легкой досягаемости стоял командан Дескье.

— Поосторожней! — повторил Дескье. — Вот ваш брат осторожности не проявил. — Где он?

— Там... Он не пострадал. Через несколько минут он придет в себя. И будет только ошеломлен. Мой-то пистолет не заряжен, но вот его — вполне. Поэтому...

Дескье усмехнулся и провел ладонью по выбритой голове.

— Приведите его в чувство. Быстро! — Рявкнул он, когда Тони заколебался.

Тони медленно прошел туда, где у стены храма лежал Джимми. Опустившись рядом с телом юноши, Тони принялся похлопывать его по щекам. Подняв разок взгляд, он увидел, что командан внимательно наблюдает за ним, сузив глаза.

— Где Земная Звезда? — потребовал ответа Дескье. — Она у тебя?

— Не знаю, о чем вы болтаете, — хмыкнул Тони.

— Вот как? Тогда позвольте мне объяснить. Тот видеозвонок, из-за которого мне понадобилось подняться на поверхность — его направил один человек по имени Зада, секретарь некоего раджи. Он мне все о вас рассказал. И предложил мне целое состояние, если я верну ему камень. Ну... я намерен именно так и поступить. Меня уже тошнит от Легиона, и это мой единственный шанс купить себе выход и жить как принц. Поэтому... где камень?

Тони ему сказал, но его ответ был непечатным. Дескье скривил толстые губы в презрительной улыбке.

— Отлично. Но помните, я все равно заполучу его.

— Да, много толку вам будет теперь от этого.

— Я отсюда выберусь. Но сперва нам предстоит уничтожить ту машину Тутмоса. Ваш брат приходит в себя. Заберите его с собой. Мы направляемся в пирамиду.

Тони угрюмо поднял на ноги еще наполовину не очнувшегося Джимми и поддержал его.

— Мы же безоружны. А там десятки жрецов...

— Вы и останетесь безоружными, — отрезал Дескье. — Я умею палить из пистолета лучше любых троих бойцов. Аллон!

Тони крикнул и тронулся в путь, таща на своих плечах большую часть веса Джимми, так как парень медленно оправлялся от того оглушившего его удара. Губы его сжались в тугую, бледную строчку. И он, и Джимми были полностью во власти Дескье, а тот был настолько эгоцентричен, что без колебаний выполнил бы собственные планы даже перед лицом гибели, угрожавшей всей Земле. Равно как и его жадности! Тони в какой-то мере чувствовал в этом офицере ту толкающую его на действие силу, годы заброшенности и одиночества в Под-Сахаре, бывшей для Дескье тюрьмой, наверное, похуже, чем для любого другого.

Держась в тени, они двинулись к пирамиде. Тони и Джимми шли впереди своего конвоира, все время ощущая безошибочно нацеленный им в спины пистолет. В пути не наблюдалось ни признака, ни движения, указывающего на присутствие атлантов.

— И как ты собираешься добраться до той машины? — спросил наконец Тони. — Она же охраняется.

— Я могу перестрелять хоть десяток коптов, — уверенно заявил Дескье. — Войдем напрямую без всяких затей. Найдем себе проводника — заставим его показать нам дорогу. Если кто-то встанет у нас на пути, то пожалеет от этом. Войдем туда, разнесем машину вдребезги и снова выйдем. А потом... я выясню, у кого же из вас Земная Звезда.

Тони не ответил. Он молча шел дальше, отчаянно подыскивая про себя какой-то план. Но дело казалось безнадежным. Выхода не было.

Наконец их отделяла от пирамиды только широкая площадь. У ее края троица остановилась.

— Мы обойдем вон то строение — видите его? — показал Дескье. — Оно выступает на открытое пространство... Никакой охраны я не вижу, но какая-то там, возможно, есть.

Трое спутников стояли в тени, у угла высокого каменного обелиска. И на них в полной тишине — и со смертоносной яростью — набросились два десятка фигур.

Пистолеты Дескье были у него в руках. Раздалось, будя эхо в мертвом городе, рычащее потрескивание карбоновых пистолетов. Тони не видел командира, того снесла с ног дав-ка яростно дерущихся тел. Рядом с собой он расслышал, как ругается и слабо наносит удары Джимми. Жрецы-атланты не применяли свои излучатели, наверно, потому что полагались на свое численное превосходство. Это было их ошибкой!

Исход боя решила свойственная Дескье бесстрашная ярость в бою. Пистолеты его беспрестанно ревели. Его трижды сшибали с ног, наконец он поднялся, являя собой страшную фигуру, подобную горгулье, с капающей из десятка ран кровью. Его голый череп отблескивал в красном свете черным. Он убивал противников одного за другим, пару за парой, безжалостно, злобно, и наконец, колотя пистолетом, как дубиной, устраняя навалившихся грудой на Тони последних жрецов.

— Не могу зря терять боезапас, — проворчал он. — Встать! Оба! Живо!

Тони встал, Джимми поднялся рядом с ним. Несколько жрецов, увидел он, все-таки спаслись, и даже сейчас бежали к храму. Дескье поднял пистолет, заколебался, и опустил его.

— Пошли!

Тони уставился на поле боя. Десятки ... нет, больше сотни жрецов хлынули из пирамиды, образуя фалангу, собираясь всей массой преградить путь к порогу. Во главе этой массы стоял Тутмос, без труда узнаваемый по своей бороде лопатой. Убегающие жрецы присоединились к своим сотоварищам, и эта маленькая армия молча стояла, охраняя вход в пирамиду.

— Лучеметы не применять, — распорядился Тутмос. — Полагаю, они годны лишь на короткой дистанции.

— Вперед! — прорычал Дескье, выставив пистолеты, и гоня перед собой пленников. Они медленно двинулись через площадь.

Командир выстрелил. Какой-то жрец с воплем упал. Ряды сомкнулись, скрывая его от глаз.

Дескье стрелял вновь и вновь. Его пистолет щелкнул пустой обоймой; он разрядил другой. А затем потянулся к патронташу — и Тони услышал ругательство.

— Боже!¹ Эти проклятые копты! Жрецы... они сорвали с меня в схватке патронташ!

Тони остановился, и обернулся. Дескье стоял, расставив ноги, нацелив на жрецов бесполезные без угля карбоновые пистолеты. Лицо его застыло каменной маской.

Тутмос что-то крикнул и поднял одной рукой пропавший патронташ. И издевательски помахал им.

— Есть хоть кроха угля? — проскрежетал Дескье. Двое остальных покачали головами.

Жрецы двинулись вперед.

— Теперь тебе не суметь уничтожить машину, Дескье, — сказал Тони. — Ты обрек на гибель весь мир — и себя.

У Дескье побелели костяшки пальцев; он стоял, словно высеченный из гранита. Его черные глаза, сузившись глядели на надвигавшуюся толпу.

— Как тебе это нравится, Дескье? — издевательски рассмеялся Джимми. — Теперь ты больше никакой не командан, а просто парень с разряженным пистолетом. И... тебе предстоит умереть, Дескье. Тебе предстоит умереть!

ГЛАВА VIII. НОВАЯ АТЛАНТИДА

Напряжение стало нестерпимым. Жрецы наступали медленно, словно удостоверившись, что их дичь уже не сбежит. Во главе шагал, улыбаясь и поглаживая одной рукой бороду, Тутмос.

¹ Dieu! — (фр.) Боже!

— Сдавайтесь, — призвал он. — Вам ничего не сделают — некоторое время. Пока нам не понадобятся новые зверобог!

Лицо Дескье пошло красными пятнами. Но в нем по-прежнему не проскальзывало ни малейшего страха. Он стоял перед этой толпой, все еще сжимая пистолеты... и вдруг сунул один в кобуру и принялся обыскивать свои карманы.

— Быстро, дураки! — отбарабанил его негромкий голос. — Посмотрите, нет ли у вас чего-то, что можно применить как боезаряд. И необязательно уголь — сойдет и углерод.

Тони метнул быстрый взгляд на толпу жрецов. Дескье негромко торжествующе вскрикнул и извлек из кармана гимнастерки единственный угольный патрон.

— Отлично! Один-единственный, но ... — Он сунул патрон в чашу пистолета.

На смуглом лице Тони появилось странное выражение, чуть ли не веселья.

— Жди! — шепнул он Джимми, схватив его за руку выше локтя.

Дескье шагнул вперед.

— Стоять! — крикнул он, подняв пистолет.

Верховный жрец не ответил и только сверкнул зубами в улыбке. И продолжал идти ....

И Дескье выстрелил.

Тутмос, казалось, удивился. Он остановился, подымая руки к груди, превратившейся в красную массу кровавого месива. И уставился на свои окровавленные пальцы.

Из толпы жрецов донесся шепоток ужаса... когда Тутмос пал! Верховный жрец Алу был мертв!

Дескье не стал медлить. Сделал шаг вперед, затем другой, словно ожидая, что его враги отступят. Но жрецы не отступили. Они угрюмо сбились в плотную массу... и двинулись вперед.

На сей раз командан остановился, кривя толстые губы. Рука его бесполезным жестом нырнула в карман гимнастерки. Но никаких боеприпасов там больше не имелось.

Тони улыбался. Он коснулся рукава Дескье.

— У меня есть для тебя пуля, командир.

— Вот как? — расширились сверкающие глаза Дескье. — Где...

Взгляд Дескье сфокусировался на том, что держал на ладони Тони. Там лежал, сверкая в красном свете Алу, напоминающий формой линзу, огромный драгоценный камень. Похожий на алмаз — но он не был алмазом.

— Земная Звезда! — На лице Дескье выступил пот.

— Давай, — прошептал Тони. — Возьми ее, командир! Это углерод. И ты сможешь применить его в качестве пули. Угольный патрон убьет одного человека. А этот самоцвет намного тверже камня. Карбоновый пистолет будет беспредельно мощным. Ты сможешь снести им всю пирамиду... командан!

Дескье по-прежнему не шелохнулся, и Тони ловко вставил драгоценный камень в чашу пистолета. Он покоился там в своей странной оправе, невообразимо прекрасный, содержа в себе свое огненное сердце, предвещающее величие и смерть. Драгоценный камень... но также и углерод. И глаза Дескье не отрывались от этого камня.

— Стреляй, — подзуживал Тони. — если ты выстрелишь, то потеряешь Земную Звезду. А если нет... это означает смерть.

Лицо командана сверкало от пота. Он на мгновение поднял взгляд на толпу жрецов, подошедшую уже очень близко. Его массивное тело затряслось от муки нерешительности. Обладать Земной Звездой — и знать, что обладание ею означало верную гибель! Ему требовалось всего лишь нажать на спуск, и его враги будут разнесены на атомы. Но если он это сделает...

То потеряет Земную Звезду!

— Так значит это был ты! — прорычал он Тони. — Мерлин...

— Огонь!

Дескье почти невольно поднял пистолет и нацелил его. Он шептал под нос ругательства, откладывая до последнего мгновения решение, которое рано или поздно должен будет принять. А слишком долго он ждать не смел. Жрецы уже приблизились.

Мерцающее красное свечение сделало черты Дескье ало-черными, глаза его злобно пылали, терзаемые мукой и ужасом.

— Черт тебя побери! — выругался он. — Я... я...

Палец его прижался к спусковому крючку. И... остановился.

Потому что остановились жрецы. Они устали на Земную Звезду. И тоже застыли в неподвижности.

— Тот камень! — воскликнул один из них. — Тот камень!

Сцена замерла. Внезапно жрецы заколебались и подались назад. Тони услышал, как ахнул Джимми. Он тоже гадал что бы все это значило.

Он так и не узнает. Наверное, в давно забытые века, из под Атлантиды выкопали другую Земную Звезду, которая образовала часть религии Атлантиды. Знать этого Тони не мог. Но он сообразил, что жрецы узнали этот камень, или, во всяком случае, так им думалось. Они склонились перед ним!

И Дескье мгновенно понял, какая тут открылась для него возможность.

— Идемте, — негромко велел он. — мы войдем в пирамиду — и разнесем вдребезги ту машину.

— Ты спятил, — воспротивился Тони. — Уж этого жрецы не потерпят!

Дескье осклабился. В его руке без предупреждения появился другой пистолет. Взмахнув им, он обрушил его на Тони. Тот почувствовал, как его треснули по голове, и резко пригнулся. Охнув от боли, он зашатался и повалился на великана-командана.

Джимми схватил Дескье за руку, но офицер отмахнулся от него, и парень растянулся на камне. Дескье с Тони тоже грохнулись на камень. Со стороны жрецов донеслись негромкие крики. Они снова двинулись вперед, напрочь утратив свой суеверный страх.

Сильные пальцы Дескье вцепились Тони в горло, он злобно сжал их, сверкая крошечными глазами. Хотя он лежал внизу, бой выигрывал он. Тони наносил по лицу командана удар за ударом, но явно без толку. Он почувствовал рядом с собой Джимми, увидел, как парень пытается оторвать эти железные пальцы от шеи брата.

И еще Тони увидел лежащий поблизости на камне карбоновый пистолет.

— Джимми! — прохрипел он. — Пистолет... пирамида...

В глазах Дескье вспыхнул смертоносный огонек. Пальцы его судорожно сжались, вызывая мучительную боль в позвоночнике Тони. Но Джимми все понял, и метнулся нырком к пистолету. Схватив его, он навел оружие на пирамиду и на надвигающихся жрецов.

Дескье заорал, словно раненый зверь. Пальцы его расслабились. Ему каким-то образом удалось высвободиться, вскочить на ноги и броситься на Джимми.

— Нет! — проревел он. — Не...

Из дула пистолета рванула бушующая вспышка опаляющего пламени. Создавшее Земную Звезду невероятное давление вырвалось на волю. Оно проложило проход сквозь ряды жрецов прямо в пирамиду, расплавляя и разрушая сплошной камень страшной мощью своего толчка. Казалось в этой... пуле... таилось вулканическое пламя самой Земли!

Перекрывая крики жрецов, донесся оглушительный гром. С грани пирамиды с грохотом рухнул массивный каменный блок. Все строение прогнулось. Из него вырвало целую грань. Верхушка отвалилась и с громом упала вниз, подняв тучу пыли и обломков.

Тони, пошатываясь, поднялся на ноги и устоял наверху. С потолком пещеры что-то происходило. Эта пирамида и вправду была поддерживающим потолок опорным столпом. И теперь, когда опора исчезла...

Сверху посыпались камни. По потолку разбежалась огромная паутина трещин. В вышине сверкнуло что-то серебристое, сверкающее в этом алом свечении красным. Тони вспомнил, что над Алу находилось... Полночное море!

И этот не знающий ни солнца, ни приливов, ни отливов океан теперь сквозь пробитую в его дне трещину изливался в пещеру!

Падающая вода стала колонной, потоком, ревущей Ниагарой. Она затопила обломки пирамиды. Потоп с грохотом хлынул вперед, и ноги Тони лизнули ледяные воды. Схватив за руку Джимми, он толкнул его прочь от этого наводнения.

— Нам надо выбраться отсюда!

— А... как? Как нам это сделать?

— Можно попробовать...

Их голоса переросли в крики, но походили на еле слышный шепот, заглушаемые могучим ревом хлынувшего океана, изливавшегося в Алу. Жрецы бесцельно метались кругом, и среди них, увидел Тони, носился и командан Дескье. Офицера окружила кучка атлантов. Они пытались свалить его, словно окружающие бизона волки. Даже безоружный, Дескье все равно был сильнее своих противников.

Джимми молча указал на эту сцену. Тони оскалил зубы в невеселой усмешке.

— Ну и что? — произнесли его губы. Он вспоминал Фила...

Братья бросились в улицу-поток, где черная вода поднялась уже по колено. Сзади донесся еще более сильный грохот. Пещеру наполнил новый звук — глухое шипение, словно рвущегося пара. Бросив быстрый взгляд назад, Тони увидел поднимающиеся за обломками пирамиды малиновые тучи. Так значит, тот красный свет Алу и в самом деле был вызван вулканической деятельностью. И теперь ледяные воды Полуночного моря находили огонь расплавленной лавы...

С грохотом упали новые камни. Оглядываясь назад, Тони увидел спешащую следом за ними единственную фигуру — Дескье, потрепанного, истекающего кровью великана с плеском рассекающего воды под градом камней, падающих со сводчатого неба Алу. Вокруг него повсюду падал этот смертоносный град. Один брошенный Тони взгляд запечатлел вид Дескье упорно стремящегося вперед, сгорбившего тяжелые плечи, оскалившего зубы в невеселой усмешке...

А затем он пропал! Его похоронил под собой камнепад с потрескавшихся небес. На мгновение там, где он был, появилась груда каменных обломков, а затем тоже исчезла, когда мимо пронеслись вздымавшиеся бурлящие волны.

Тони ничего не сказал, но с трудом прорываясь мимо храма Осириса, где лежало тело Фила, он поднял руку в странном, быстром жесте, отдавая честь. Наверное, Фил узнает теперь, что его смерть была отомщена...

Темные воды уже бурлили у входа в туннель, который вел в мир выше уровнем. На пороге Тони остановился, чтобы окинуть последним взглядом развалины Алу. Красное свечение

стало теперь более темным и более мрачным. В вышине бесконечно клубились пламенеющие тучи, камень под ногами трясся и дрожал. Изливающаяся с потолка пещеры Ниагара походила с виду на сплошной обелиск, и в голову Тони пришла странная мысль.

— Облачный столп днем, и дымовой столп ночью...

Алу, дочь Атлантиды, погибала, как погибла ее мать-континент. Ее убивали огни Земли и потоп, уничтожая все живое, разрушая культуру, которая сумела выжить с незапамятных туманных времен, за целые эпохи до появления Древнего Египта. Огромные храмы, наполовину затопленные бушующими водами, обрушивались в руины. Во всей этой огромной пещере наступала темнота.

Вдали все еще виднелся арочный пролет. И теперь Тони разглядел, что на нем находились фигуры, как и в тот первый раз. Фигуры выглядели странными, с уродливыми головами...

Жалкие, ужасные зверобоги Алу, созданные наукой покойного Тутмоса!

Тони на миг бегло увидел далекие фигуры, обрисованные черным на фоне красного дыма. А затем... пролет рухнул.

Над Алу властвовала ревущая смерть, несущая разрушения!

Тони повернулся к побелевшему Джимми. Вода уже хватала их за бедра.

— Вперед, — крикнул он. — Нам надо выбраться отсюда. Живо!

Они бросились вверх по туннелю...

Остальное было чистым кошмаром. Они каким-то образом отыскиали путь, все время следуя по проходам наверх, скрываясь от перепуганных, неистовствующих коптов, пробегая через коридоры, чьи стены тряслись в тисках землетрясения. Они подымались все выше и выше, найдя наконец одного перепуганного копта, согласившегося вывести их на поверхность. Его собственный мир распался вокруг него на куски, а он желал только сбежать. Вскоре после этого его раздавило в рухнувшей пещере, но перед братьями дальше тянулся непрерывный ход. И они с трудом полезли дальше...

Сквозь трещину в камне просочился в желтом сиянии дневной свет. Измотанные, оборванные, грязные, как огорodные пугала, двое братьев протиснулись на яркое солнце. Вокруг них расстилались пологие барханы. Они находились в какой-то небольшой каменистой долине.

Братья рухнули на песок и много часов пролежали там не шевелясь, едва сознавая, что над ними светит палящее солнце.

Разбудило их негромкое гудение мотора гироплана. Тони, сощурившись, поднялся в сидячее положение. Сделал он это как раз вовремя и благодаря этому увидел, как гироплан мягко приземлился неподалеку и из него вылезла фигура в летной форме.

Джимми все еще спал. Тони наклонился вперед поздороваться с новоприбывшим. Глаза у него затуманились ото сна, и он сперва не узнал этого пилота — пока последний не достал автоматический пистолет и не навел его недрогнувшей рукой.

И тогда он увидел, что перед ним Зада, секретарь раджи.

Тони, чуть покачиваясь, поднялся на ноги, с бессильно свисающими по бокам руками. Округлое лицо Зады сияло торжеством.

— Повезло, — вымолвил он. — Я часами кружил тут просто на всякий случай. Вас я увидел просто случайно...

— Копты, — проговорил, еле ворочая языком Тони. — Они...

— Знаю, — кивнул Зада. — Ваш легионер — Джеклин — все-таки сумел выбраться. У входа в Под-Сахару стоит целая армия. Но... где Земная Звезда? Если вы спаслись, то значит ,Дескье ее не заполучил.

— Она пропала. Дескье ее таки заполучил — и пустил в ход. Земная Звезда уничтожена, Зада.

Секретарь раджи заколебался. Что-то увиденное им в глазах Тони заставило его сообразить, что последний говорит правду. На округлом лице Зады внезапно вспыхнуло яростное недоумение.

— Исчезла! Значит...

Он поднял пистолет, побелев губами в ярости от крушения своих планов.

— Может быть! Если же ты лжешь, то я найду камень на ваших трупах.

Тони напрягся, готовясь к прыжку, который, как он заранее знал, будет бесполезен. Но, прежде чем он успел сделать свой ход, вперед метнулась другая фигура. На убийцу ринулось стройное тело Джимми.

Рывкнул пистолет Зады. Джимми вскрикнул. Азиат снова нацелил оружие на Тони. Слишком поздно. Руку его уже держали железной хваткой, а в мрачных глазах его противника стояла смерть.

Зада пронзительно закричал.

Тони не произнес ни слова. Он очень медленно, очень тщательно, выгнул руку Зады назад. Палец последнего по-прежнему лежал на спуске. Пистолет нацелился в сердце убийцы.

И тогда Тони улыбнулся — и мышцы его руки сократились.

В неподвижной тишине пустыни выстрел прозвучал оглушительно громко.

Тони дал обмякшему телу соскользнуть на песок и снова повернулся к Джимми. Парень был мертв. Пуля Зады проделала в коричневой рубашке аккуратную маленькую дырочку.

Миг спустя Тони отнес тело брата к гироплану, погрузил его на борт и последовал за ним. Заведя мотор, он поднял гироплан над пустыней.

Под ним вытянулась Сахара, белое безлюдье под пылающим жаром солнца. На севере он разглядел военный лагерь, прибывшие ко входу в Под-Сахару слишком поздно войска. Тони установил маршрут и полетел мимо.

Пустыня уступила место Средиземноморью, а то, в свою очередь, уступило место Атлантическому океану. Вокруг свернулась синевя ночи. Волны серебрил лунный свет. Тони открыл в полу люк и позволил телу брата соскользнуть в океан. Фил покоился в храме Осириса — а Джимми будет лежать под волнами, что скрыли Атлантиду.

Он вернулся к управлению, глядя невидящим взором вперед, на пустой горизонт. На западе лежал Нью-Йорк. Теперь он мог вернуться туда, прятаться дальше не имело смысла.

Никто больше не узнает, кто же такой был Мерлин. Кто-то, может, и догадается, кого-то, может, и сумеет убедить, что Земную Звезду похитил либо Фил, либо Джимми — но они никогда не осмелятся выдвинуть такое обвинение, и Сету Матреллу не понадобится идти ни на какие компромиссы со своей честью и своими идеалами.

Только Тони будет знать, что Мерлином был его брат Фил.

Он пробыл десять минут наедине с Филом в том храме Осириса. И, прежде чем умереть, юноша сказал Тони правду — Мерлином был он. И отдал на хранение брату Земную Звезду. Но теперь об этом никто и никогда не узнает.

У Тони перехватило горло. Он воззрелся на неясный горизонт, на сливающиеся небо и море, зная, что за ним лежит Нью-Йорк и жизнь, которую он мог начать с того места, где ее покинул. Жизнь, которую он должен прожить — один.

На западе сделалось чуть светлее. На фоне неба высились столпами света самые высокие небоскребы Манхэттена.

Рон ГУЛАРТ

ЖЕСТЯНОЙ АНГЕЛ

ГЛАВА 1

Маленький морщинистый артистический агент искал свои руки. Стоя на четвереньках под огромным алюминиевым столом, он пожаловался:

— Не могу же я пойти на похороны без своих клешней.

Берт Шенли, развалившийся в жестяном складном кресле около северного панорамного окна здания «Метро-Итало-Америкэн Артист», отозвался, не поворачивая головы:

— Ты не идешь на похороны. Тебе предстоит их увидеть только по телевизору. — Этому молодому блондину было почти двадцать девять лет. Вокруг него повсюду расстился Большой Лос-Анджелес.

— Для человека с моими способностями устанавливать связь со СМИ это одно и то же.

— Шлепси Макси Уэйнсмит, глава отдела артистов-звезд МИА и непосредственный начальник Берта, выполз из переднего отверстия между тумбами блестящего стола.

— Не хочу никого называть поименно, но если мои грабли зарыл некий остряк-пес, то пойдет большая вонь.

Рядом с Бертом на медной качалке дремал скорбного вида рыжий кокер-спаниель. Открыв один грустный голубой глаз, он поглядел на ползающего агента.

— Ну и простак же ты, — сказал пес. — Думаешь, зверь с моим положением должен ковыряться в земле? Вздор! Слушай, когда мы на прошлой неделе были в Париже, одна графиня, настоящая графиня, умоляла меня зайти к ней на яхту и...

— Ты не можешь заставить его помолчать? — предложил Шлепси Макси, кривобоко вставая с толстого подогретого ковра в своем огромном кабинете.

По-прежнему тяжело сидя в кресле, Берт ответил:

— Он умеет снова включать свой рубильник.

— Ему не полагается этого уметь, — пробурчал его начальник. — Где я в последний раз надевал свои грабли?

— Когда щипал за локоток ту финскую бимбу, которая держит рельефную карту при репортажах «Си-Би-Эс» о землетрясениях, — напомнил ему кокер.

— Ты прав, — согласился агент. — Вот тогда-то я должно быть и...

— Унес их помыть в туалет, — подсказал сонный пес. — Ты всегда так делаешь, приласкав кого-нибудь.

— Я ее не ласкал. — Шлепси Макси поспешил в ванную. — Если я хочу кого-то приласкать, то начинаю не с локтя.

Берт поерзал в кресле.

— Возможно, мы с Бузотером сумеем вернуться после похорон, — предположил он. — Они почти начались. — Он кивнул на тянущийся по южной стене ряд из восьми больших экранов телемониторов.

— Нет, нам надо поскорее разработать маршрут этого тура по лагерям и госпиталям. — Шлепси Макси вышел из ванной с подсоединенными к запястьям красивыми, молодыми и не морщинистыми руками. — Я действительно рад, что заменил этими старые.

— Ты бы их потерял, не будь они привинчены, — обронил пес.

— Успех, — заметил Шлепси Макси, — странно действует на индивидов. Тебя, Бузотер, он сделал остряком-самочкой. Помню, когда нашел тебя в 1995-м году в собачьем вольере Большого Лос-Анджелеса, ты был тощим и жалким...

— Но даже тогда во мне было нечто, не поддающееся четкому определению, — напомнил Бузотер, почесывая правое ухо левой задней ногой. — Это то, что называется свойством звезды, приятель. Где сегодня все те другие шавки? В собачьем раю, дружок. Но вот я... я самый ходовой товар в СМИ. Слушай, когда я в прошлом месяце был в Каире, председатель «Арабской ассоциации ассасинов-любителей» сказал...

— Думаю, — молвил Шлепси, — что, возможно, мы ошиблись, сделав его способным говорить. Возможно, хватило бы просто умения играть на пианино и быть привлекательным.

— О чем я и говорил тогда, — бросил Берт, поднимаясь на жестяном кресле в вертикальное положение.

— Да, но оснастить его голосовой коробкой и упрятать в него миникомпьютер стоило всего 14000\$, — возразил маленький агент. — МИА всегда считала, что жить нужно на широкую ногу.

— Правильно, — поддержал пес. — Видели последние данные по рейтингу «любви того Бузотера»? По выборке во вторник вечером, я получил 74,3%. Это очень близко к 75% и не так уж далеко от ста. И этот рейтинг, к тому же, не только от электронного вторжения «Нильсона-Гэллапа». Он также получен от мониторов мозговых имплантов МИА, засаженных в черепа тысячи двадцати шести репрезентативных телезрителей...

— Ты уверен, что мы не сможем сделать его не говорящим, Берт?

— Теперь уже нет.

— Все взрослеют и матереют, — указал рыжеватый кокер. — Даже собаки-киборги.

— Только не вздумай отпускать какие-нибудь остроты во время похорон. — Шлепси Макси расчесал синтетической правой рукой свои редкие, похожие на перья, волосы, а затем расположился в облегающем кресле.

— Что еще хорошо в собаках, — сказал Бузотер, — так это то, что они не сентиментальны. — Он положил переднюю лапу на свой влажный черный нос, сделанный из пластика.

— Включи-ка седьмой экран, ладно, Берт? — попросил маленький агент МИА.

Берт поднялся со складного кресла.

— Похороны идут на пятом экране.

— Я знаю СМИ или нет? Включай-ка седьмой.

Пожав плечами, Берт подошел к пульта.

— Раз уж ты встал, — попросил его Бузотер, — то принеси мне суповую кость.

— Ха, — ответил Берт, садясь на чугунную качалку около ряда экранов.

— Да где бы ты был, если бы не прицепил свой фургон к моей звезде, пустомеля?

— Жил бы по-прежнему женатый, в секторе Санта-Моника, — отозвался Берт.

На седьмом экране обнаженная маленькая блондинка визжала в диком наслаждении:

— Ты подбираешься все ближе, Ханнекер. Попробуй еще.

— У меня парик все сбивается набекрень, Шериз.

— Мда, — вздохнул Шлепси. — Это Ханнекер, гроза джунглей, не так ли?

— Звезда «Готического часа джунглей», — ответил Берт. — И это, как тебе отлично известно, экран монитора, который наблюдает за спальней твоего дома.

— Но ведь это забавно, не так ли, Ханни? — спросила маленькая обнаженная блондинка, стоявшая на голове посреди гигантской смятой постели.

— Ну, это не похоже на все прочее, — признал сорокадвулетний актер в набедренной повязке из леопардовой шкуры. Парик у него съехал на лоб. В массивных руках он сжимал конец длинной синтетической веревки. Другой конец был привязан к осветительному прибору высоко под сводчатым потолком спальни.

— Брось, перемахни сюда на своей лиане, — подзуживала его Шериз.

— Включи-ка теперь пятый экран. — В синтетической правой кисти Шлепси имелся миниатюрный диктофон. Говоря в большой палец, он распорядился. — Отменить в конце этого тринадцатилетнего цикла шоу Ханнекера.

— Твоя жена, — заметил Бузотер, — страшно миниатюрная, Шлепси. Неужели тебе нравятся эти крошечные маленькие...

— Что меня действительно восхищает в Шериз, так это ее нахальство. — Шлепси улыбнулся, отчего по всему его лицу зарябили новые морщины. — Она ведь знает, что там эта чертова камера.

— Как и ко всем, — произнес низкий голос под пятым экраном, — смерть пришла вчера рано утром, 7-го сентября 1999 года, к Нильсу Фергюсону, бывшему свыше сорока лет излюбленным персонажем шоу-бизнеса. Этот одаренный чревоуещатель...

Берт подался вперед на кресле-качалке.

— Закадровый голос похож на Пьера.

— Кого? — переспросил его начальник.

— Пьера Хока, — подсказал Бузотер. — Знаменитого репортера, приятеля Берта.

— Пьеру полагалось сегодня вернуться из Мексики. Он сказал мне, что собирается освещать похороны Фергюсона.

— И вот, из Приюта Старых Чреовещателей в Пасаденском секторе Большого Лос-Анджелеса, катит по обсаженной деревьями улице знакомый фургон службы Перемещения Соединенных Штатов, — продолжал невидимый диктор.

Экран показал движущийся по залитой послеполуденным солнцем улице черный автомобиль.

— И на борту машины мы замечаем серебряное изображение архангела Гавриила. Хорошо известный символ, вызывающий у всех и каждого из нас муки при мысли о нашей смертности и все же предлагающий нам также и утешение. Потому что мы исполняемся безмятежности, зная что наше правительство, действуя через службу Перемещения, обеспечит всем и каждому из нас, когда настанет печальный день, достойные похороны совершенно бесплатно. Да, мы...

— Пьер никогда бы не стал зачитывать правительственную рекламную вставку так прямолинейно, — подсадовал Берт.

Вытерев искусственным пальцем уголок глаза, Шлепси сказал:

— Ладно, давай перейдем к твоему маршруту, Берт. Но говори потише из уважения к бедному старине Фергюсону.

Экран показал крупный план серебряного Гавриила, который был символом службы Перемещения США.

— Вот он, — съехидничал Бузотер. — Жестяной ангел. Ну, когда и если я представляюсь, то мне хотелось бы чего-то более впечатляющего. Когда мы в последний раз были в Москве, мне в некотором роде намекали, что в Кремлевской стене, возможно, еще осталось немного места и...

Шлепси протянул БERTу голубой лист факсовой бумаги.

— Ты будешь довольно близко к линии фронта.

Изучая маршрутный список, Берт хмыкнул:

— Десять остановок за четыре дня? О, мы нагрянем в армейский лагерь США в Чиуауа. Да, у самого фронта, все верно.

— Никакой риск не слишком велик для наших парней, — заявил Бузотер. — Сражающихся так храбро с беспринципными мексиканскими партизанами-террористами, дабы политический климат к югу от границы мог вернуться... — Он перестал вещать, залившись лающим смехом. И все еще даваясь от смеха, перекатился на спину, дрыгая лапами.

— Мы сделали его слишком умным, — вздохнул Шлепси. — Следующий пес-киборг, которого МИА сделает своей звездой, будет потупее.

— Обратите внимание, — произнес диктор низким голосом, — на очаровательную маленькую копию фургона службы Перемещения США, следующую за большой машиной, везущей бранные останки Нильса Фергюсона к месту его последнего успокоения в Пасаденском филиале бесплатного кладбища. С.П.С.Ш. Машина поменьше везет тела двух всемирно известных и всеми любимых кукол Нильса Фергюсона. Снуки Мак-Хуки и Элмера Чуддика...

— Предполагается, что это был Уилбер Чуддик, — поправил Шлепси.

— Пьер Хок не допустил бы таких ошибок, — бросил Бузотер. Он все еще валялся на спине, посмеиваясь и дрыгая ногами.

— Обрати внимание, — указал Берт кокеру. — Ты тоже войдешь в тот колдовской фургончик.

Шлепси изучал взглядом желтый лист факсовой бумаги.

— Вот кто будет участвовать в шоу вместе с вами, — нашел он. — Санни Лой-младший...

— Ясное дело, — хмыкнул Берт.

— Этот парень любит устраивать шоу для солдат, — сказал Шлепси. — Помнишь, как он неустанно трудился во время Бразильской войны? А во время Непальского конфликта он десантировался на фронт. И тогда же мы получили и Анну-Марию Верфель.

— Ради какой-никакой, а классности, — добавил Берт.

— Парням она нравится. Эти ее блорнокассеты за морем идут нарасхват.

— Мексика не за морем, — уточнил Бузотер. Спрыгнув со стула, он трусой пересек ковер.

— Неважно, где эта дыра, главное, там клюнут на девушку с гигантскими сиськами, — отмахнулся Шлепси. — У меня где-то здесь есть сценарий затемнения, которое делает Бузотер с Анной-Марией.

— Только не с этой малюткой. — Бузотер стоял на двух ногах перед утопленным в стену белым холодильником агента. — У меня слишком много поклонников-детей, чтобы я появлялся в кадре с какой-то грудастой девкой, электронно раздвигающей ноги.

— Это всего лишь двухминутный скетч, Бузотер. Затемнение. Ты это делаешь, чтобы поднять дух наших бойцов, которые...

— Тебе чертовски повезет, если я вообще отправлюсь на эту дурацкую гастроль. — Бузотер стащил лапой с полки холодильника сэндвич со ржаным хлебом и синтезированной ветчиной. — В Канаде вот очень хотят, чтобы я сделал серию дог-шоу. Ты ведь знаешь, где Канада, тупица?

— Да, и знаю, какие предложения мне пришлось отвергнуть, чтобы отправиться в этот проклятый тур, — огрызнулся Шлепси. — Из-за этого маленького жеста МИА подбросит на гонорары примерно 460000\$.

— Так зачем же его делать? — спросил кокер, тыкаясь пластиковым носом в верхнюю половинку ржаного хлеба.

— Это полезно для рекламы, — растолковал ему Берт.

— Ты очень популярен среди солдат, и не спрашивай меня, почему, — сказал Бузотеру маленький агент. — Фактически правительство специально запросило тебя. А вот и еще одна причина, по которой я желаю, чтобы ты это сделал. Похоже, что в паре этих шоу выступит сам президент.

Бузотер поднял взгляд и моргнул.

— Ты имеешь в виду президента всех Соединенных Штатов?

— Нет, не он. Этот слишком занят, — ответил Шлепси. — Но президент округа Западного побережья.

— Надувательство, — проворчал пес. Он слопал выглядывший настоящим кусок ветчины. — Президент Западного побережья. Не так уж плохо. Хотя, я надеялся на самого большого босса. Но все-таки. Какое-никакое, а начало. — Он сглотнул, облизал зубы. — Эй, вот идея. Мы делаем этот

дурацкий скетч, и я разыграю его с президентом, вместо той похотливой бимбы.

— Это будет забавно. — Берт помахал взятым им сценарием скетча. — «Входит Анна-Мария, держа голову Бузотера между своих громадных грудей», вот как он начинается. Вы с Илаем Кацем будете отлично выглядеть, делая это.

— Илай Кац? — переспросил Бузотер. — Так зовут президента округа Западного побережья Соединенных Штатов?

— С июля. Когда умер другой президент.

— И явился жестяной ангел, чтобы забрать его, — снова залился смехом пес. — Ну дела, никогда мне не понять, ребята, ваших нравов и народных обычаев. Смех да и только.

— Ансамбль нео-свинга дока Бенсена, — сказал Шлепси.

— Чего? — не понял Берт.

— Ансамбль нео-свинга дока Бенсена, тоже едет в Мексику с вашим шоу.

— Им лучше суметь сыграть в моем ключе. — Бузотер вернулся к исследованию открытого холодильника.

— Великие и почти великие, — говорил между тем диктор, — выстроились, дабы увидеть, как фургон службы Перемещения кладет гигиенический гроб-капсулу в отведенную ему щель.

— Этого хватит, чтобы воздать дань уважения Фергюсону, — решил Шлепси. — Выключи его, Берт. Нет, погоди. Попробуй еще раз седьмой.

— Ты уверен?

— Давай, Берт.

— Ладно.

— Ух ты, — восхитилась обнаженная Шериз.

— Давайте все разом.

— Похоже, Ханнекер отправился домой, — заметил Берт поворачиваясь спиной к экрану.

— Господи, теперь это «Лилипуты Нолана», — молвил Шлепси. — Ну ладно, Берт, вы с псом весело проведете время в Мексике, где бы та ни находилась. Лимузин МИА заберет вас завтра рано утром у вашего жилища и отвезет в аэропорт. Используйте остаток сегодняшнего дня для упаковки вещей и всего такого прочего.

Берт взял лежавшие на краю стола начальника поводок и ошейник.

— Пошли, Бузотер.

Кокер-киборг долгий миг хмуро глядел на ошейник, а затем протрусил, чтобы покориться ему.

Берт увел пса.

ГЛАВА 2

Берт Шенли жил в трехкомнатном пузыре, причаленном у берега сектора Малибу. Когда наступили сумерки, он расхаживал по плавно покачивающейся гостинной. Бродя среди открытых чемоданов с видеофоном в руке, закусив нижнюю губу, он набрал еще один номер.

— Как тебе понравится положить мне копченую ветчину на сибирский солдатский хлеб? — спросил Бузотер, растянувшийся у прозрачной стены, глядя на океан.

— А как тебе понравится пойти к свиньям?

— А, — отметил киберпродвинутый пес. — Еще один блестящий ответ.

— После трех лет с тобой я...

— Добрый день. «Конгломерат Ньюс Нетворк», отдел рекламы, — поздоровалась красивая чернокожая девушка появившаяся на экране видеотелефона, размером с тарелку.

— Марти тут?

— Какой Марти?

— Марти Хейнц?

— Минутку. Кто ему звонит?

— Берт Шенли из «Метро-Итало-Америкэн».

Девушка улыбнулась.

— Я слышала, МИА ищет принцессу джунглей для шоу Ханнекера Грозы Джунглей?

— Оставайтесь с CNN, — посоветовал Берт. — Сейчас не время связывать свою судьбу с Ханнекером. Кроме того, я в отделе артистов-зверей.

— У меня есть кот, умеющий переходить дорогу...

— Мне очень важно поговорить с Марти Хейнцем.

— О, конечно, извините. В любом случае, не забывают обо мне.

— Не забуду.

— Полагаю, я сам сделаю себе этот чертов сэндвич, — проворчал Бузотер, — пока ты общаешься с этой чернокожей бимбой.

— Смотри, не поперхнись.

— Тебе лучше надеяться, что я не задохнусь, приятель. — Бузотер протрусил через гостиную. — Ведь тогда у тебя больше не будет сладкой жизни. Именно я держу тебя на плаву.

— Алло, алло? — сказал появившийся на экране Марти Хейнц, полноватый измотанный мужчина тридцати двух лет. — Я не очень хорошо вас вижу, повторите, пожалуйста, кто это?

— Берг Шенли, Марти. Что-то стряслось с твоим видеофоном?

— Нет, выскочили контактные линзы, — объяснил сотрудник рекламного отдела телесети. — Оттого что стучу себя по голове и говорю «Ой!».

— А почему ты стучишь себя по голове?

— Из-за ситуации с Пьером Хоком.

— Именно поэтому я и звоню. Не могу ничего добиться от автоответчика в доме Пьера в секторе лагуна. А обе его бывшие жены в отъезде. Где он?

— Если бы я знал, — ответил Марти.

— Разве он не вернулся из Мексики?

— Нет. Он делал один из своих репортажей — ну, знаешь, человеческая сторона войны с Пьером Хоком — с мексиканского фронта около Чиуауа. Прошлой ночью мы потеряли с ним связь.

— Думаешь, он попал в руки врага?

— С Пьером такое запросто могло случиться. Ему почти все враги, — отозвался Марти, на пробу тыкая себя по голове. — Особенно нынешняя администрация в главном штабе в Вашингтоне.

— Неужели у нас нет никакой коричневой эрзац-горчицы? — крикнул из кухонного закутка Бузотер. — Я вижу тут только желтую.

— Поищи за подсолнечными семечками.

— Пьера? — спросил Марти.

— Я говорил с Бузотером.

— Как живется с самым знаменитым псом Америки?

— А как, по-твоему, может житься другу, поверенному и спутнику кокер-спаниеля?

Марти, кивнув, предложил:

— Тебе следует позволить мне подыскать тебе работу у нас. Ты мог бы начать с 3000\$ в неделю. Знаю, это немного, по сравнению с тем, что ты заколачиваешь в МИА, но...

— Нет. Я на какое-то время задержусь там, где нахожусь, — отказался Берт. — Наряду с прочими причинами, мне нужны деньги. Итак, что еще ты знаешь о Пьере?

— Не многое. Возможно, он попал в лапы к мексиканским партизанам. Или же он мог просто застрять там в каком-нибудь ресторане для гурманов. Ты ведь знаешь, как падок Пьер на иностранные блюда.

— Не похоже на него, пропадать из виду, не сказав никому ни слова.

— Придется мне воспользоваться эрзац-желтой. — Бузотер вернулся, держа в зубах толстый сэндвич с пастромами¹.

— Не говори с полным ртом, — сделал ему замечание Берт. — Завтра я отправляюсь туда, Марти. В Мексику около Чиуауа. Возможно, я смогу что-то сделать.

— Завтра? — Марти стукнул себя по голове. — Ой! Надеюсь, Пьер появится до завтра. Но ты совершенно прав, возможно он не появится.

— С кем из ваших сотрудников я могу связаться в Мексике?

— Дай подумать. — Марти на несколько долгих секунд закрыл глаза. — Лучше всего с Джоанной. Возможно, тебе понравится Джоанна. Она тоже в рекламе. Слишком стервозная для меня и примерно на десять фунтов ниже установленного мной минимума требуемого веса для женщин, но тебе она может понравиться. Ты ведь был однажды женат на тощей стервозной девице, не так ли?

— Было дело, — признал Берт. — Как там полностью зовут эту девушку, и где мне ее найти?

— Джоанна Барли, — сообщил Марти. — Квартирует она в отеле «Пахаро-Риц» в Гуаймасе. Когда я говорил с ней в

¹ Пастрами — засоленное подкопченное мясо (Здесь и далее — прим. ред..)

последний раз, она вообще ничего не знала о бедняге Пьере. Но возможно, тебе все равно захочется поговорить с ней, раз она такая тощая и стервозная. И, слушай, дай мне знать, если добьешься с ней успеха.

— Ты вставишь это в шестичасовые новости?

— Просто мне любопытно, — ответил полноватый Марти. — Ах, да. По-моему, она еще и племянница Илая Каца. Ну, знаешь, того парня, который президент округа Западного побережья Соединенных Штатов?

— Тот Илай Кац, знаю, — сказал Берт. — Он будет выступать в части нашего тура по лагерям и госпиталям.

— Исполняя со мной затасканный пародийный номер. — Пес-звезда держал одной лапой сэндвич, обгрызая его края.

— Возможно, тут есть шанс для рекламы, — прикинул Марти. — Доблестный дядя встречается с родимой сотрудницей CNN в разгаре боя. Что-нибудь в таком роде.

— Никакая растрепанная бимба не отодвинет меня на второй план, — пообещал Бузотер.

— Я подумаю, — пообещал в свою очередь и Берт полному телерекламщику. — Дай мне знать, если будут какие-то известия от Пьера.

— Само собой. Удачи тебе в Мексике. Это бессмысленная война, но... — Марти повесил трубку.

Динь-динь, дон-дон.

— Звонят в дверь, лопух, — указал Бузотер, расправляясь с эрзац-пастрами.

Берт поднялся по скату к двери, выходявшей к наружному пешеходному мостику.

— Да? — осведомился он в микрофон домофона.

— Доставка из ресторана «Грик Вэй», — отбарабанил показанный Берту сканирующей камерой элегантный молодой человек в белом комбинезоне. — Две порции псари плаки¹, одна имам баялды², дополнительный заказ — колокитакия яхни³ и сувенирное меню.

— Я не заказывал никаких...

— Впусти его, — приказал Бузотер. — Это для меня.

¹ Псари плаки — греческое блюдо, запеченная рыба с овощами.

² Имам баялды — турецкое блюдо, тушеные фаршированные баклажаны.

³ Колокитакия яхни — греческое блюдо, тушеные кабачки.

— Тебе не полагается есть греческих блюд, — указал ему Берт. — Вспомни, что сказал доктор Нэйр о твоём чувствительном желудке.

— Мне всегда могут вставить новый,пусти парня.

Помедлив секунду, Берт щелкнул замком, открывая дверь.

— Заходите.

— Добрый вечер, сэр. — Подтянутый молодой разносчик улыбнулся. — Не хотите ли взглянуть на мое обручальное кольцо?

— Нет.

— Жаль. Я только сегодня обручился и по праву горжусь и очень доволен собой.

— Ладно, где оно?

— Да здесь, у меня на пальце. Посмотрите, прямо опал, сэр. Заметьте, как он сияет и сверкает, сверкает и блистает. Да, совершенно верно, не сводите с него глаз. Он прекрасен, не правда ли, сэр? Такой мирный и спокойный, такой спокойный и расслабляющий. Заставляет вас уснуть при одной мысли о нем.

— Да, в некотором роде... — Берт поднимал руку к голове, но повалился на пол, не успев завершить этот жест.

Опустившись на колени рядом со спящим теперь Бертом, молодой человек сказал ему:

— Ровно через сорок пять минут вы проснетесь, сэр. Вы ничего не будете помнить о моем визите, не так ли?

— Именно так, — пробормотал во сне Берт.

— Когда кончишь играть, Гудини, — сказал молодому человеку Бузотер, — то можешь подойти сюда.

— Гудини не был гипнотезером. Наверно, вы думали о...

— Я думал о принесенной тобой греческой жратве.

— А, но в этой коробке у меня на самом деле ничего нет, — объяснил молодой человек подходя к псу-киборгу.

— Именно с этим и плохо у вас в УНСС, — зарычал Бузотер. — Никакого внимания к мелким деталям.

— Перевернитесь, — предложил молодой человек, — так, чтобы я мог ввести эти новые данные в ваш компьютер, Бузотер.

Пес послушно вытянулся на боку.

— В следующий раз принеси еду.

— В следующий раз я буду совершенно иным лицом, — ответил молодой человек, доставая из кармана безупречно чистого комбинезона отвертку.

ГЛАВА 3

Когда они заходили на посадку, часть аэродрома взорвалась.

Поле изрыгнуло в сухой послеполуденный воздух комя грязи. В нескольких направлениях завился штопором черный дым. Затем вылетела целая стена окрашенного в защитный цвет здания столовой, устремляясь по спирали в небо, словно какой-то примитивный летательный аппарат. Взмывали ввысь, подобно булавам жонглера, бутылки с кока-колой, и проносились сквозь дым тысячи ломтиков жареного картофеля.

— Скажи пилоту, что он должен приземлиться где-нибудь в другом месте, — распорядился Бузотер. Он занимал место у окна.

— Вероятно, это просто скандалят какие-то твои фанаты. — Берт сидел, откинувшись на спинку кресла рядом с псом. С открытым факс-журналом на колене. — В Мексике все очень любят фейерверки.

— Если хоть один волос упадет с моей головы, — предупредил Бузотер, — то я устрою фейерверк у тебя под задницей. — Он прижался пластиковым носом к псевдостеклу. — А ведь я мог в эту самую минуту быть в Канаде и наслаждаться аплодисментами толпы. Когда мы были там в прошлый, раз средняя дочь премьер-министра предложила...

— Нам придется немного покружить над аэродромом, ребята, — объявил голос пилота военного самолета. — Похоже, какие-то партизаны подняли внизу суматоху.

Сидевший по другую сторону прохода бородатый иностранный корреспондент «Ридерс Дайджест» вытер широкий лоб. А затем вскрыл еще один пластиковый пакет со ржаным виски.

— Не ожидал, что так скоро увижу мрачное лицо войны, — заметил он поднося ко рту надорванный край пакета.

Толкнув задней ногой Берта, Бузотер предложил:

— Спроси у этого козла, нельзя ли и мне глотнуть.

— Нельзя, чтобы по прибытии в Чиуауа от тебя несло перегаром, — принялся увещевать его Берт. — Тебе вообще не полагается пить, особенно после того, как ты умял прошлым вечером все те греческие блюда.

— Да я их... — пес умолк на полуслове, разразившись лающим кашлем.

— Что?

Пес-киборг фыркнул и прыгнул Берту на колени, сумев ткнуть его одной лапой в пах.

— Уф, — произнес Берт.

— Извините, — окликнул Бузотер иностранного корреспондента. — Я хотел бы промочить горло и...

— Вот это да, ты же Бузотер, верно? — Кончики усов инкора загнулись кверху, когда он улыбнулся. — Позволь мне сказать тебе, как сильно я восхищаюсь твоей работой, Бузотер. Ей-богу, всякий раз, когда я не ношусь вокруг света для «РД» и не рассказываю народу о всевозможных отдаленных краях, то усаживаюсь перед теле...

— Всякий вздор можешь пропустить, — перебил его Бузотер. — Давай сюда виски.

— Ну, это, — молвил инкор, прижимая к груди пакет с виски и убирая его подальше от прохода. — Вы имеете в виду что... хотите выпить прямо из этого пакета?

— Ты живо уловил суть, яркоглазик.

— Ну, не знаю, можно ли... я хочу сказать, что мне никогда еще не доводилось выпивать с собакой. В смысле, я допускаю что вы один из самых известных, если не самый известный пес в этом нашем безумном старом мире. Но все невозможно избавиться от мысли о... ну, о бешенстве. О собачьей чуме...

— Их ты зарабатываешь, только если я укушу тебя, приятель. А уж это я попытался бы сделать в последнюю очередь. — Он издал звук словно отплевывался.

Корреспондент поймал взгляд Берта.

— У него есть собачья миска? В смысле, такая мисочка с надписью «Бузотер». Я мог бы налить ему стопку в...

— А иди ты, — презрительно бросил Бузотер и спрыгнул в проход.

Берт попытался схватить его.

— Эй, не уходи.

— У пилота должна быть бутылка чего-то.

— Вы будете рады узнать, — раздался из интеркома военного самолета тот же голос, — что все партизаны перебиты. Поэтому мы сделаем еще один заход на посадку.

— Возвращайся на место и пристегнись, — велел псу Берт.

Тихо рыча, Бузотер прыгнул через Берта обратно, двинув ему лапой в пах, и снова занял место у окна.

— Что там пьют все эти мексикашки?

— Можешь спросить у представителя мексиканского правительства, который должен нас встречать.

Бузотер вертелся, пока Берт не застегнул ему ремень безопасности.

— Текилу, — вспомнил рыжий кокер. — Когда мы доберемся до нашего клоповника-отеля, можешь сгонять и привезти мне ящик текилы.

— Не знаю, — отозвался Берт, — продают ли в Мексике спиртное собакам. Возможно, там боятся бешенства, собачьей чумы...

— Твое остроумие плохо переносит путешествия, — Бузотер закрыл глаза и притворился, будто задремал.

— Разумеется, он определенно был из этих, — сказал загорелый армейский капитан. Он нажал кнопку, которая снова закрыла окно машины, и убрал в кобуру лазерный пистолет. — Наверняка.

За окном на пыльной дороге ведущей с военного аэродрома в Чиуауа, падал на землю мексиканец в белом пуловере.

— Да, совершенно верно, — согласился маленький потрепанный жизнью доктор Ла Верга, сидевший рядом с другим задним окном. — Это определенно был партизан, или, по крайней мере, сочувствующий им. Когда поживете в моей стране подольше, сеньор Шенли, то будете способны замечать их с такой же легкостью, как капитан Уинслоу.

Берт сглотнул. Голова у него по-прежнему оставалась повернута, и он не мог оторвать глаз от умирающего на обочине мексиканца.

Невысокий представитель мексиканского правительства протянул руку через широкое заднее сиденье, на котором они сидели вчетвером, и опираясь локтем о колени Берта, потрепал по кудрявой голове кокер-спаниеля.

— Как говорят у нас в стране, я приветствую вас в Мексике с мучо густо¹, сеньор Бузотер. Вы, наверно, не знаете об этом, но ваше чудесное шоу, «Те Амо Бузотер», как оно называется у нас, смотрят по всей...

— Можешь, как говорится у нас в Штатах, поручиться собственной задницей. Я об этом знаю, — уведомил маленького доктора Бузотер. — Мой рейтинг в районе Чиуауа твердо стоит на 64,7%. Не такой хороший, как в США, но такое, вероятно, из-за этой вашей дурацкой войны и из-за того, что у вас все еще такой низкий уровень грамотности.

— Ха-ха, — засмеялся доктор Ла Верга. — Рад видеть, что за кадром вы демонстрируете то же язвительное остроумие, что и в кадре. Это, как любят говорить у нас, муй буэно².

— Как, по-вашему, она из этих? — Капитан Роулэнд Б. Уинслоу из армейского пресс-корпуса сузил небесно-голубые глаза. И кивнул на женщину, работавшую на кукурузном поле, мимо которого они ехали. Руки его потянулись к кобуре.

— Нет, — поспешил заверить его Берт.

Поглаживающий Бузотера доктор Ла Верга оторвался от своего занятия и поднял взгляд.

— Не думаю, капитан.

Капитан, усмехаясь, снова откинулся на спинку сиденья.

— Ну, сэр, давайте тогда забудем ненадолго это дело, Берт. Можно называть вас Берт?

— Можно.

— Достаточно хорошо. Так слушай, Берт. Мы все действительно донельзя рады, что ты привозишь сюда эту собачонку. Я хочу сказать, что наши солдаты, особенно пехота там, на фронте, действительно любят эту маленькую...

¹ С большим удовольствием (исп.)

² Очень хорошо (исп.)

— Слушай, поклонничек, — оскалил пластиковые зубы Бузотер. — Незачем доходить до того чтобы называть меня, как вот этот знахарь, мистером Бузотером, но если ты еще хоть раз назовешь меня собачонкой, то я всажу эти старые резцы в твой жирный зад. Сабе¹?

Капитан Уинслоу рассмеялся.

— Он миляга, не правда ли? Сам я ни разу не смотрел его шоу. Поддержание бдительности занимает у меня почти все время. Равно как и мои обязанности по отношениям с общественностью. Однако, я понимаю, почему наши мальчики увлекаются этой маленькой...

— В каком именно отеле вы нам забронировали номера, Уинслоу? — спросил Бузотер.

— Вы остановитесь в отеле «Бласко-Ибаньес» — самом лучшем в городе, — ответил капитан. — В том районе очень мало пропартизанской деятельности. Полагаю, за последнее время в пределах пяти кварталов было взорвано не больше одного-двух зданий. Вы ведь согласны, доктор?

Маленький Ла Верга снова потрепал Бузотера по голове.

— Да, не бойся, приятель. Там ты будешь в безопасности.

— Там — возможно, — пробурчал Бузотер. — А вот когда я отправлюсь туда, где эти полоумные палят друг в друга, это будет совсем иной коленкор.

Берт, понизив голос, спросил армейского мастера рекламы.

— Вы видели Пьера Хока, пока он был тут?

На лицо капитана Уинслоу набежала легкая тень.

— Не часто. Мы с Питом не очень ладили.

— У вас есть какие-нибудь соображения насчет того, где он может быть?

— Никаких.

— Я слышал, его все еще не нашли?

— Насколько мне известно, нет. — Машина приближалась к городу. Сжав кулак, капитан дружески ткнул им в бок Берта.

— Будь я на твоем месте, Берт, я бы сосредоточился, пока нахожусь в Мексике, на своей собаке. А о Пьере Хоке пусть беспокоится кто-нибудь другой. — Он снова ткнул кулаком в бок, чуть посильнее. — Понятно, что я имею в виду?

— Вполне, — ответил Берт.

---

¹ Понял? (Исп.)

ГЛАВА 4

Бузотер вытянулся на роскошной постели, толкая носом металлическую линейку по странице потрепанного атласа.

— Рядом? — переспросил он. — Если эти мексикашки не переврали масштаб, то отсюда до Гуаймаса от трехсот до четырехсот миль. — Он постучал по голубому участку карты передней лапой. — Если переть отсюда прямо по Калифорнийскому заливу.

Берт надевал в ванной свежий гастрольный костюм из брюк и пиджака.

— Мы туда не спешим. Аэрокрейсером дорога займет не больше полчаса.

На Калле Виктория внезапно громыхнул взрыв.

— Я думал, партизаны ничего не взрывают вокруг этой площади, — заорал Бузотер.

Опустившийся у окна Берт осторожно посмотрел вниз.

— Это всего лишь солдаты правительства.

Пес-киборг спрыгнул с постели под балдахин.

— На фронте будет просто шикарно. Они расстреливают и взрывают штатских... можно себе представить, что эти полумные делают с солдатами.

Застегивая молнию на мундире, Берт подошел к видеофону. Бузотер расположился под стулом с изогнутыми ножками.

— Почему бы тебе просто не позвонить этой тощей телебимбе в Гуаймас и просто не спросить у нее, как там поживает старина Пьер?

— Нам нельзя звонить в Гуаймас, не забыл? — напомнил ему Берт. — Во время войны действует квота на несрочные междугородние звонки. Моя очередь звонить в Гуаймас наступит только послезавтра.

— К тому времени она, вероятно, намного больше узнает о твоём старом приятеле.

Берт набрал номер из трех цифр.

— Добуду нам транспорт.

— Нам? Ваш покорный слуга не собирается тащиться куда-то за четырёста миль. Лучше здесь похраплю.

— Нет, я не могу оставить тебя одного, я тебе не доверяю. Ты уже пытался заказать в «обслуживании» ящик джина.

— Я попробовал текилы в баре внизу и решил...

— Его номер, — произнес с экрана видеофона человек с усталым взглядом.

— Привет, Баблз, — поздоровался Берт. — Дай мне поговорить с Санни.

— Он репетирует.

— Мне надо его кое о чем попросить.

Гнусавый голос за кадром крикнул:

— Кто это?

— Берт, как бишь его там, из МИА, — ответил усталоглазый Баблз.

— Берт? Ему это понравится.

Баблза отпихнули, и его сменил на квадратном экране сухопарый мужчина семидесяти лет. Это был Санни Лоймладший, одетый в клетчатый пиджачный костюм с жилеткой и свою знаменитую кепку без козырька.

— Как дела, Берт? Хорошо. Так вот, взгляни-ка вот на это. Тебе это понравится, проглотишь и облизнешься. — Комик поднял жилистые руки к лицу и выполнил серию сложных жестов. Завершив их, он так и подпрыгивал в ожидании реакции зрителя.

— Санни, мне нужен аэрокрей...

— Ну? Смешная была или не смешная?

— Что?

— Шутка.

— Так это была шутка? — переспросил Берт. — То, что ты выделял руками?

Из-за спины комика почтенных лет появилось усталое лицо Баблза.

— Он собирается устроить представление для потерявших на поле боя слух солдат. И он должен отправляться прямо...

— Это был анекдот на языке знаков, Берт, — объяснил Санни. — У меня их на двадцать две минуты. Хочешь я...

— Пора отправляться, — настаивал Баблз.

— Если Берт хочет увидеть все двадцать две минуты... У меня такой финал что твоя шляпа так и взлетит.

— Санны, считается, что ты здесь управляешь всеми делами МИА, — сказал Берт. — Мне нужен транспорт до Гуаймаса.

— До Гуаймаса? Я играл там вчера для раненых с ампутированными конечностями. Они не в таком хорошем состоянии, как глухие ребята. И поэтому я выделил им одиннадцать минут высокопробной потрясности.

— Ему надо ехать. — Баблз уволок Санни из кадра, и экран видеофона померк.

— Проклятье, — выругался Берт.

— Не звони пока больше, — сказал необычно тихим голосом Бузотер. Он вылез из-под стула и бесшумно крался к двери в номер.

Берт положил трубку и последовал за псом по толстому ковру с узором в виде цветов. Бузотер дернул головой, показывая на дверную ручку. Берт ухватился за ручку и распахнул дверь.

В коридоре в нескольких дюймах от того места, где была дверь, стоял на коленях красивый мужчина с волнистыми волосами. Он стоял, молитвенно сложив руки, и говорил:

— ...благослови Боже этого кудрявого песика и дай ему еще более высокий рейтинг в... О, здравствуйте, и благослови вас Бог.

Подождав, пока этот красавец не встанет, Берт спросил:

— Что вы делаете перед нашей дверью?

— Молюсь. — Красавец улыбнулся. На подбородке у него была ямочка. — Наверное, вы не узнаете меня в этом обыденном контексте. Я преподобный Спад Скаддер. — Он подал руку.

— Вы заняты в шоу-бизнесе? — спросил Бузотер, нюхая темную штанину достопочтенного пастора.

— Точно, Бузотер. Преподобный Спад Скаддер, видео-евангелист. Возможно, вам доводилось видеть мои марафонские спасения, или, наверно, вы видели, как я читаю молитву в конце вещания. Я появляюсь сразу перед «Звездным флагом»¹ по четырёмстам каналам в США и...

— Он не позволяет мне так долго не ложиться.

Берт несколько секунд помассировал языком передние зубы, изучая взглядом теле-проповедника.

¹ Перед Государственным гимном США.

— Так чем же вы занимались прямо у нас перед дверью?

— О, это у меня такая привычка. Я молюсь за тех, к кому особенно привязан или о ком особенно беспокоюсь.

— А что это у вас на лацкане? — Бузотер встал на задние лапы и вытянулся, стремясь рассмотреть.

Скаддер потер пальцами копию символа службы Перемещения США.

— Это то, что в народе называют «жестяным ангелом». Я здесь выполнял кое-какую работу для СПСШ... И Санни Лоймладший был достаточно любезен попросить меня принять участие в этой следующей серии представлений для солдат, которые собираетесь показывать вы. Я буду открывать представления молитвой.

— Это должно быть потрясным, — Бузотер потрусил обратно в номер.

— Послушайте, — сказал Скаддер, когда Берт принялся закрывать дверь. — Пока я молился, то невольно услышал ваш разговор по видеофону. Возможно, на то была Божья воля, чтобы я его услышал. Вы пытаетесь найти того, кто бы подвез вас в Гуаймас?

— Да, — подтвердил Берт. — Вы можете нам помочь?

— Безусловно. Я сам лечу туда сегодня вечером, — сказал священник. — Вы с малышом будете желанными гостями на моем аэрокрейсере.

— Это официальный самолет службы Перемещения? — захотел узнать Бузотер.

— Фактически да.

— С «жестяным ангелом» в натуральную величину?

— Да, на нем есть герб СПСШ.

Бузотер помотал лохматой головой.

— Слишком страшно, — решил он. — Это все равно, что лететь на катафалке.

— Мы согласны. — Берт опустил руку и сгреб пса. — Когда вы отправляетесь?

— Мне надо помолиться еще за пару человек. А потом я свободен, — ответил Скаддер. — Полагаю, мы встретимся минут через пятнадцать в холле у фонтана.

— Лучше в баре, — попросил Бузотер.

ГЛАВА 5

Пляж «Новый Мирамар» был построен над водой залива. В полмили шириной и две мили длиной, покрытый реалистичным на вид светло-золотистым песком. Он поддерживался тонкими пластиковыми колоннами. На середине, примерно в миле от старого пляжа, где стоял Берт, он заметил что-то сверкающее в лучах заходящего солнца.

— Это, должно быть, она, — подумал он вслух.

Следовавший за ним по эрзац-песку, недовольно сопящий Бузотер пробурчал:

— Кому-то придется вычесывать из моей шерсти весь этот песок. Мои поклонники ожидают от меня безукоризненной чистоты.

— Ха, — прищурившись, Берт убедился, что металлический блеск, замеченный им, это и в самом деле робот-диктофон. В отеле «Пахаро-Риц» им сообщили, что Джоанна Барли со своим механическим секретарем где-то на новом пляже.

— Глянь, что за кастрюля на том парне, — заметил Бузотер, когда они петляли, обходя лежащих тут и там немногочисленных любителей солнечных ванн. — И вообще, сколько времени займет эта охота на бекасов? Мне следует вернуться в Чиуауа и репетировать.

— Первое выступление у нас только завтра вечером. — Он разглядел вытянувшуюся рядом с начищенным до блеска танкообразным роботом стройную длинноногую девушку в шортах и пуловере.

— Мне представляется, что Илай Кац не очень прочно усваивает услышанное, — возразил, осторожно трюся по песку, Бузотер. — Ему понадобится время, чтобы выучить все реплики и гримасы для нашего...

— У тебя будет тот чертов скетч с Анной-Марией Верфель, как и планировали первоначально, Бузотер.

Бузотер глухо зарычал.

— У гильдии актеров-зверей есть филиал в Мексике?

— Ну, нельзя же и в самом деле ожидать, что президент части Соединенных Штатов выступит в каком-то кое-как сляпанном скетче с затемнением и...

— Но вот мне снижать имидж — пожалуйста, — съехидничал пес-звезда. — Держу пари, что тысячи канадцев в Манитобе и тому подобных городах не бодрствуют ночь напролет, с нетерпением ожидая появления Илая Каца в дог-шоу.

— Да? — подняла взгляд на Берта длинноногая девушка. Он остановился в нескольких футах от нее.

— Марти из «Конгломерат Ньюс» в БЛА предложил мне связаться с вами, если вы Джоанна Барли.

— Да, это я. Который Марти?

— Марти Хейнц. Я Берт Шенли из «Метро-Итало-Америкэн».

Девушка поднялась с песка. Она улыбнулась. А затем подошла и опустилась на колени рядом с Бузотером.

— Это, должно быть, Бузотер. — Она погладила пса-киборга по голове и спине, мягко тыкая пальцами в бока и подбрюшье. — Очень хорошая работа, сделано очень достоверно.

— Это что, еще одна пограничная проверка? — сварливо осведомился пес.

Она осторожно крутанула ему пластиковый нос, прежде чем встать и спросить Берта:

— Кто над ним работал?

— В основном, всю работу выполнил...

— Она спрашивала меня, тупица, — перебил его Бузотер. Он поднялся на задние ноги, опираясь передними лапами о голые ноги девушки. — Я вас завораживаю, не правда ли?

— Я в некотором роде увлекаюсь автоматами, — сказала Джоанна псу. — Я много слышала о тебе.

— Гм, — произнес ярко сияющий робот-диктофон. — Не желаете ли закончить заметку, мисс Барли?

— Пока нет, Эймос.

— Не дуйся, — утешил робота Бузотер. — Я способен затмить почти любого, хоть человека, хоть автомат. В основном, это потому, что я нечто большее, чем просто плоть и кровь, хотя даже когда я был всего лишь таким, то и тогда выделялся из стаи. Хорошо помню тот судьбоносный день в собачьем вольере, когда...

— Мисс Барли, — прервал его Барт, — я приехал спросить вас, не знаете ли вы еще что-нибудь о том, что случилось с Пьером Хоком. Он был мне, в общем, почти что другом.

— Да ну? А я и не знала, что у Пьера есть какие-то друзья. Как интересно. — Она в последний раз погладила пса по голове, попросив его: — Дай мне поговорить несколько минут с мистером Шенли, Бузотер, а потом я вернусь к тебе.

— Пойду полаю на чаек. — Пес отошел на несколько ярдов.

Джоанна Барли была в почти такой же высокой, как Берт, стройной девушкой с рыжевато-белокурыми волосами.

— Да, они такие, не правда ли? — сказала она Берту.

— Кто?

— Мои волосы почти того же оттенка как у Бузотера.

— Да, я заметил, — признался Берт. — Постараюсь не допустить, чтобы это повлияло на меня.

— Вы не очень-то его любите?

— Да, не очень. Что насчет Пьера?

Джоанна покачала головой.

— Боюсь, что на самом деле больше ни слова, — ответила она. — Никаких следов его с тех пор, как он пропал. И не появилось никого, кто мог бы сообщить нам, чем занимался Пьер за несколько часов до того, как исчез. Я проверяю кое-какие свои источники, включая некоторых деятелей подполья. Пока ничего.

— Над чем он работал?

— Насколько мне известно, над обычным материалом Пьера Хока. Всякой лабудой, интересной для широкой публики, о человеческих судьбах и тому подобное, — сказала Джоанна. — Когда я в тот день говорила с ним во видеофону, у меня возникло ощущение, что он работает над чем-то иным. У него было такое лукавое, довольное выражение лица... ну, нет, дело, скорее, в том, что он пытался выглядеть откровенным и невинным. Для Пьера такое почти невозможно.

— И ни единого намека? — спросил Берт. — Он не навел вас на мысль о том, над чем он мог работать?

— Он не имел привычки доверяться человеку моего ранга в CNN.

— Где он был, когда звонил вам?

— Все еще в Чиуауа.

— Вы не знаете, куда он потом собирался отправиться?

— Я знаю, где ему полагалось быть в тот день, позже, и где он так и не появился, — ответила рыжеватая девушка.

На краю поднятого пляжа Бузотер принялся выплевывать перья чайки.

— Низкосортный пластик!

— Где? — спросил девушку Берт.

— Он договорился о встрече с моим дядей. Но так и не явился на нее.

— С Илаем Кацем?

— Да, дядя Илай был здесь с прошлой недели.

Бузотер вернулся к ним с запутавшимися у него в усах несколькими эрзац-перьями пляжных декоративных чаек. Он растянулся на боку около блестящего робота-диктофона.

— Видел бы ты, какие дешевые схемы в этих птицах.

— Что Пьер собирался обсуждать с вашим дядей?

Девушка пожала плечами.

— По словам дяди, ничего важного. Одна из затей Пьера, типа за кулисами с нашими лидерами.

— Он работал один?

— Да, как обычно. Пьер — один в поле воин, — ответила Джоанна. — Так что никакого оператора не порасспрашиваешь... но послушайте-ка.

Берт теперь заметил что глаза у этой стройной девушки зелено-голубые.

— Что-то еще?

— Я собиралась проследить в Чиуауа, куда тянется паратройка неясных ниточек. Сколько вы собираетесь там пробыть?

— Два дня.

— Да. До того я должна бы успеть туда вернуться. Я с вами встречусь.

— Мы остановились в «Бланко-Ибаньес», — уведомил ее Бузотер. — В случае, если там никто не знает, кто такой Берт, просто спросите, где номер сеньора Бузотера.

Джоанна протянула руку Берту.

— Мы с вами скоро увидимся, и я дам знать, если услышу о Пьере что-нибудь новое. — Она нахмурилась, наблюдая за его лицом, когда он пожал ей руку. — У вас озадаченное выражение лица.

— Вы куда приветливее, чем я ожидал, — улыбнулся он ей.

— И вдобавок, совсем не такая тощая. — Бузотер встал, стяхивая с себя синтетический песок. Присев на задние лапы у левой ноги девушки, он протянул ей правую переднюю. — По Большому Лос-Анджелесу ходит слух, что ты деваха с недовесом и бестолковая.

— Бузотер упражняется в тактичности, готовясь к встрече с президентом, — пояснил Берт, слегка пнув в бок собаку.

Бузотер опрокинулся на спину прежде, чем Джоанна смогла наклониться и пожать лохматую лапу.

— Вы застали меня в удачный день, — усмехнулась она. — Невозможно предсказать, какой я буду, когда попаду в Чиуауа.

Страхнув с себя последний песок, Бузотер заметил:

— Редко встретишь молодую леди с таким интересом к более техническому, как у вас...

— Угум, — перебил блистающий робот. — Нам все еще надо сделать немало замечок, мисс Барли, а день быстро заканчивается.

Берт сочувственно улыбнулся ей, прежде чем увести Бузотера. Оказавшись за пределами слышимости, он похвалил его.

— Ты смягчаешься. Называешь ее молодой леди.

— Очень жаль, — заметил пес, — что ты так увлечен своими поисками бедного старины Пьера. Иначе бы ты заметил, что эта Джоанна Барли высококлассная деваха.

— Я заметил.

ГЛАВА 6

— Нет, он заучивает реплики для нашего шоу завтра вечером. — Берт начал закрывать дверь номера.

— Боже, — огорчился стоявший в коридоре рослый и сильный молодой негр. — Боже, сэр, я ехал сюда от самого Эль Пасо, когда услышал, что он будет здесь. Позаимствовал у своего дяди грузовик с соевыми бобами, чтобы...

— Перехватите его завтра, — предложил Берт. — Поболтайте в холле и дождетесь.

— Я должен вернуть грузовик в Эль Пасо до этого, а то соевые бобы испортятся. — Негр извлек из кармана кителя подушечку для печатей и ручку. — Видите ли. Я региональный вице-президент американского клуба поклонников Бузотера, сэр. Мне бы крайне хотелось приобрести отпечаток его лапы и автограф на глянцевом снимке.

— Ему требуется пять минут чтобы написать свое имя. — Берт еще чуть приоткрыл дверь. — А иногда и десять, если он не совсем правильно зажмет в зубах ручку. Сегодня нет времени для...

— Боже, а у меня эта шикарная новая ручка. — Чернокожий юноша поднял ее к самому лицу Берта. — Заметьте, она инкрустирована самоцветами.

Взгляд Берта притягивал к себе особенно яркий красный камень, украшавший колпачок ручки.

— Очень красивая.

— Я купил ее на магарыч от скупщиков сои. Обратите внимание на этот красный камень, сэр. Видите как он пульсирует и сияет, сияет и пульсирует. От него трудно оторвать взгляд.

— Да, — согласился Берт, отступая от двери.

— И он также, в некотором роде, вызывает дремоту, не так ли? Дремоту и откровенный сон. Держу пари, вы можете вытянуться прямо здесь, на ковре, и заснуть, сэр.

Берт повалился на пол и уснул. Негр протянул руку за дверь в коридор за большим широким чемоданом. Занеся его в номер, он закрыл дверь и позвал:

— Пошли, Бузотер. Нам надо кое-куда съездить.

— Ты потратил достаточно времени на болтовню. — Бузотер лежал на постели, с раскрытым сценарием около носа.

— Заноси свою задницу в этот чемодан.

Пес чуть склонил голову набок.

— Почему, собственно?

— Меня попросили принести тебя во временно устроенный в Чиуауа штаб управления несекретных и секретных служб. — Агент УНСС открыл дверцу в стенке чемодана. — Сигай на борт.

— Обычно полагается забирать и передавать информацию там, где я нахожусь, — напомнил ему Бузотер, не сходя с большой постели.

— Думаю, пришла пора для полугодовой настройки. — Он приглашающе похлопал по чемодану.

— Похоже, это будет сезон унижений. — Пес медленно слез на пол. — Вот этот гиббон таскает меня туда-сюда в летучем мясном фургоне, а теперь и вы, ребята, хотите запихнуть меня в чемодан.

— О вашей поездке в Гуаймас с тобой тоже захотят поговорить.

По пути к чемодану УНСС Бузотер перепрыгнул через распростертую фигуру Берта и уже на пороге принялся.

— Что вы перевозили в этой штуке, гуано?

— Контейнеры для перевозки животных не входят в стандартное снаряжение УНСС, — ответил агент. — Нам пришлось позаимствовать этот чемодан из зоомагазина. Думаю, тот парень держал в нем сову.

— Могли бы сперва вымести свиное дерьмо. — Бузотер, пригнув голову, зашел в чемодан.

Захлопнув дверцу, негр сказал:

— Одна из девушек в конторе подбросила для тебя в чемодан горсть собачьих галет.

— Собачьих галет? Да ты хоть понимаешь, что когда мы в последний раз были в Париже, то я ужинал не меньше чем в...

— Теперь тебе придется сидеть тихо, иначе пропадет всякий смысл в этом чемодане. — Агент УНСС вынес Бузотера из номера и ушел, оставив загипнотизированного Берта спать на ковре.

Берт потерял нос, а затем пошарил той же рукой кругом.

— Гм, — промолвил он, — как же так вышло, что я заснул на полу? — Поднявшись в сидячее положение, он провел пальцем туда-сюда по ноздрям. — И в носу тоже странное ощущение.

— ...Господи милостивый, помоги, пожалуйста, БERTу стремительно оправиться от той хвори, которая его свалила, — говорил голос где-то в номере. — Ну вот спасибо, Господи. Похоже, он уже начинает оживать.

Берт ммуро посмотрел на стоявшего на коленях у постели под балдахином преподобного Спада Скаддера.

— Вы сунули мне что-то под нос?

— Фактически да, Берт, — улыбнулся преподобный. — Я всегда ношу в своем облачении пузырек с нюхательной солью. На среднем евангелическом собрании зачастую случается довольно много обмороков и протраций.

— Который теперь час?

— Далеко за полночь.

Берт встал и, пошатнувшись, ухватился за поручень кровати.

— Как вы здесь оказались, достопочтенный?

— Я читал несколько молитв перед вашей дверью и случайно приник глазом к замочной скважине, — объяснил красивый евангелист. — К своему большому удивлению, я заметил, что вы разлеглись на полу. Я позволил себе войти и...

— Отмычку вы тоже носите в облачении?

— Фактически да. — Скаддер схватил одно из менее тяжелых кресел номера и подвинул его Берту. — Присядьте и отдохните. У вас был какой-то приступ, да? Я собирался вызвать врача отеля, как только закончу свои особые молитвы. Как оказалось, добрый Господь, вот уже в который раз стал наилучшим лекарством.

Постояв еще несколько секунд, Берт сел.

— Вы обнаружили меня на полу?

— Прямо вот там, рядом с тем столом со странными ножками, — показал Скаддер.

— Последнее, что я помню это... — Берт не сумел закончить фразу. — Не могу вспомнить последнее, что я помню. Давайте-ка посмотрим, мы с Бузотером репетировали его скетч. Было около десяти, и я подавал реплики за Анну-Марию... эй, а где же Бузотер?

Достопочтенный Скаддер широко развел руками.

— С тех пор как я вошел, я его в глаза не видел.

Берт покинул кресло и принялся бродить по номеру.

— Бузотер! Эй, Бузотер!

— По-моему, его вообще здесь нет, — сказал Скаддер.

— Ой. — Ни в одной из комнат Берт не обнаружил ни малейших следов пса. — Вы бывали в последнее время в баре отеля?

— Я не часто посещаю его, Берт, — ответил улыбаясь Скаддер.

Берт помассировал подбородок.

— На что же он жаловался сегодня вечером? Вроде никаких необычных жалоб... так что невозможно сказать, куда он намылился.

— Ваш пес имеет привычку убегать?

— Нет. — Берт подошел к видеофону и набрал номер портье.

Поскольку уже было за полночь, везде дежурил андроидный персонал.

— Добрый вечер, сеньор Шенли. Чем могу служить? — спросил хромированный портье.

— Гм, — начал было Берт. — Неважно, ничего. — И повесил трубку. А почтенному пояснил:

— Бузотер стоит для МИА несколько миллионов баксов. Лучше пока не трепать налево-направо, что он пропал.

Красивое лицо священника приняло серьезное выражение.

— А не мог ли его кто-то забрать?

Берт так и сел.

— Бузотера похитили?

— Такая мысль приходит мне в голову после того, как я обнаруживаю вас без сознания на полу номера.

— Раньше этого никто никогда не пробовал, — усомнился Берт. — И по-моему, я просто уснул. Сами знаете, как это бывает, когда ты в первый раз в новой стране, от этого клонит в сон.

— А вы случайно не заметили где-нибудь поблизости какого-нибудь подозрительного субъекта? — спросил Скаддер. — Никто не заходил к вам в номер сегодня вечером?

— Нет, — Берт потер подбородок сильнее. — По крайней мере, по-моему, нет. За исключением того, что когда вы упомянули про кого-то зашедшего сюда, у меня появилось какое-то смутное впечатление, всего лишь мгновенная вспышка какая-то... но нет, здесь никого не было.

Загремела дверная ручка.

Вскочив с кресла, Берт распахнул дверь.

— Где тебя черти носили?

Бузотер подмигнул Берту.

— Проснулся, Златовласка? — и, проскочив между ног Берта, протрусил в номер. — Служили полуночную обедню, падре?

— Мы оба беспокоились о тебе, Бузотер, — сказал Скаддер.

Бузотер уселся на том месте, где прежде валялся Берт, и почесал задней ногой ухо.

— Ну, мне вдруг захотелось местной жратвы. Этот дуэньо спал, как убитый, так что я рискнул отправиться один.

— Тебе не полагается... — раздраженно бросил Берт.

— А тебе, дубина, не полагается настолько выматываться, гоняясь за журавлями в небе и пропавшими знакомыми, чтобы потом заваливаться спать на ближайшем ковре.

— Ну, — вмешался в их перепалку преподобный Скаддер, раз теперь все в порядке, то я пошел. Спокойной ночи, Берт. Спокойной ночи, Бузотер. Благослови Бог вас обоих.

После того, как он ушел, Берт двинулся к постели, чтобы взять сценарий.

— Все в порядке? — пробормотал он.

ГЛАВА 7

Капитан Роулэнд Б. Уинслоу из пресс-корпуса армии США наклонился вперед и постучал по пуленепробиваемой перегородке, отделявшей их от водителя лимузина цвета хаки.

— Полагаю, вам лучше подрулить к тротуару, капрал. — Другой рукой загорелый капитан прижимал к уху крохотный наушник.

— А это еще что такое? — Лежавший на сложенном армейском одеяле Бузотер дремал.

Капитан нервно улыбнулся Бертю.

— Черт знает что вы подумаете о наших предосторожностях.

Берт держался за ручку двери.

— Еще одна угроза взрыва?

— Боюсь, что да. — Сконфуженно смеясь, капитан перевел взгляд своих небесных глаз на сапоги. — Отдел безопасности как раз в эту секунду предупредил меня.

— Что вы там говорите, — закричал капрал, серокожий мужик сорока одного года. — Что там насчет взрыва?

— Незачем так орать, капрал. Возможно, это еще один розыгрыш. Вы же знаете, что за народ эти мексиканцы, только дай им телефон, и они тут же примутся звонить и убежать.

— Вы хотите сказать, что я, возможно, вожу гроб на колесах? — Капрал расстегнул ремень безопасности и, спотыкаясь, вывалился на вечернюю улицу.

Поставить машину на тормоз он не удосужился.

Армейский автомобиль прокатился несколько ярдов вниз по склону и врезался в стационарного робота-мусоросборника.

— Это должно бы покончить с бомбой, — хмыкнул Бюзотер.

— Нам в действительности известно только одно, — сказал капитан Уинслоу. — Кто-то позвонил и сказал, что в этот лимузин заложена бомба и она должна взорваться в восемь пятнадцать. И отпустили несколько оскорбительных замечаний насчет собачонки.

— Сейчас уже восемь двадцать, — указал Берт. Открыв дверцу со своей стороны, он выпрыгнул из машины.

— Что и приводит меня к мысли, что это просто шутка. — Уинслоу выскользнул следом за Бертом. — Хотя, как я заметил, у этих людей очень плохо с чувством времени. Так что...

— Что сказали обо мне? — Бюзотер еще сидел в коричневом автомобиле.

— Всего лишь несколько инсинуаций по-испански. — Капитан сунул руку в машину, схватил пса за шкуру и выдернул его оттуда.

— Я, между прочим, знаю много языков, балда.

Капитан снял шляпу и провел пятерней по выгоревшим волосам.

— Мы вполне можем постоять на безопасном расстоянии, пока не прибудут саперы.

— Сперва наш аэрокрейсер. А теперь автомобиль, — пожаловался Бюзотер, усаживаясь на тротуар. — В котором часу, говоришь, она должна рвануть, недоумок?

— Время близится к восьми тридцати. — отметил Берт. — Перейди сюда, подальше от автомобиля.

— По-моему, — сказал серый сержант, пригнувшийся в дверном проеме ресторан-автомата тамаль-тако¹, — я слышу, как горит фитиль.

— А я, по-моему, слышу, — отозвался Бузотер, — как сотни солдат с горящими глазами топают ногами и свистят. Мне полагается выйти на сцену в девять, капитан, а мы все еще во многих милях от временного лагеря номер 14.

— Нам отправили еще одну машину, — уведомил Берта капитан Уинслоу. — Так что малышу незачем изнывать от беспокойства.

Бузотер схватился зубами за левую штанину брюк Берта.

— Заскочи в этот ресторан и возьми на дорожку цыпленка тамаль.

Не обращая внимания на пса, Берт спросил Уинслоу:

— Сколько из этих угроз взрыва оказались не ложными?

— Примерно 20%, — ответил тот. — Во время войны что-то пробуждается в людях, склонность к розыгрышам. Вот и отлично, вон наш новый транспорт.

По улице подъезжала, громыхая, тяжелая машина. Это был соединенный грузовик-трейлер с выведенными на бортах по трафарету надписями: «Книгомобиль министерства пропаганды США». Он притормозил и остановился прямо напротив брошенного лимузина.

— Не там, сержант, — предупредил Уинслоу, сложив руки рупором. — В той машине, возможно, бомба.

Водитель книгомобilia опустил стекло в дверце.

— Что вы говорите, сэр?

— Я сказал...

Лимузин с оглушительным грохотом взорвался.

Берт схватил Бузотера и нырнул в ресторан с глинобитным фасадом.

— Остра бомба², — заметил человек, ужинавший за ближайшим столиком.

— Вы случайно не цыпленка-тамаль едите? — спросил его по-испански Бузотер.

---

¹ Тамаль — мексиканское блюдо, толченная кукуруза с мясом и красным перцем. Тако — мексиканский пирожок из*кукурузной лепешки с начинкой из фарша, томатов, салатных листьев и сыра с острым соусом.

² Ещё одна бомба (*исп.*)

— На самом деле, это квази-цыпленок, — ответил тот. — Кстати, как вышло, что ты заговорил?

— Ну, я между прочим, Бузотер, — оскалил зубы Бузотер. — Вы, несомненно, неделю за неделей сидели как приклеенный перед телевизором, наслаждаясь моим шоу. Ну, а что касается технических аспектов этого...

— Мы снова можем ехать, — объявил, появляясь в дверях, капитан Уинслоу. Лицо его покрылось сажей и пятнышками масла. — Никто не пострадал, и наш книгомобиль все еще на ходу.

Бузотер отказывался покинуть ресторан, пока Берт не уступил и не согласился купить ему на вынос тамаль.

Усталое выражение не сходило с лица Баблза, пока тот неистово подпрыгивал на месте за кулисами, размахивая руками и пытаясь привлечь внимание Санни Лоя-младшего.

— Санни, Санни, — гримасничал он. — Не те зрители, не тот материал!

А на широкой сцене из настоящего дерева Санни Лой-младший со все возрастающей серьезностью, рассказывал серию анекдотов на языке знаков.

— Он перепутал. Вот в чем дело, — объяснил с грустным видом Берт Баблз. — Выдает свои двадцать две минуты анекдотов для глухих зрителей. После того, как он сорок лет облегчал жизнь нашим парням в форме, иной раз обязательно должны случаться какие-то накладки. — И снова принялся прыгать и сигналить. — Санни, Санни!

— Ничего себе введение к моему выступлению, — фыркнул Бузотер и спрыгнул с игрушечного пианино, на котором он вытянулся.

— Как обычно, спасти положение приходится мне. — Встав за задние лапы, он принялся толкать перед собой маленькое пианино.

Взволнованный Баблз сообразил, что затеял пес, только когда пятьсот солдат, сидевших в театре под куполом, принялись свистеть и аплодировать.

— Господи, он намерен влезть в выступление Санни.

Разместив пианино прямо под лучом прожектора, Бузотер уведомил солдат:

— Вы еще ничего не слышали.

Берт вздохнул и отвернулся, собираясь уйти. Он тронулся вниз по пандусу к одному из трех ресторанов, расположенных в центре развлечений временного лагеря номер четырнадцать. Они здесь находились близко к зоне боев, но купол и толстые стены не пропускали никаких звуков войны.

— Я вообще-то не шибко увлекаюсь сатирой и юмором, — заметил капитан Уинслоу. Он сидел один за шахматным столиком. — Я посмотрел несколько минут выступления Санни и ни разу не улыбнулся.

— Будь вы глухим, могли бы понять лучше. — Берт уселся напротив сотрудника пресс-корпуса и сделал знак роботу-официанту.

— Хочу дать вам один небольшой совет, Берт, — сказал Уинслоу.

— Соевый кофе и глютеную горячую булочку, пожалуйста, — попросил Берт подкатившего к нему оливковокожего официанта.

— Мы здесь подаем только пиво и тако, сэр. Если вы желаете каких-то изысканных яств, то вам придется отправиться в...

— Тогда пусть будет пиво.

— Да, я хочу немного потолковать, — продолжал капитан.

— О чем?

— Да в общем-то ни о чем особо серьезном. Просто я был бы действительно рад, если бы вы перестали так упорно разыскивать нашего друга Пьера, — усмехнулся капитан. — Как я понимаю, ваша задача заботиться о собачонке. Мне бы очень не хотелось отправлять жалобу вашему начальству в Большом Лос-Анджелесе, но...

Несколько секунд Берт сидел, молча глядя на загорелого капитана.

— Армия тоже ищет Пьера?

— Не могу сказать, — ответил Уинслоу. — Однако, если его кто-нибудь ищет, то им, вероятно, не хочется, чтобы вы с вашим псом путались у них под ногами. На вашем месте я бы занимался исключительно тем, за что вам платят.

— Это официальное предупреждение?

— Черт, — рассмеялся капитан. — Это вообще не предупреждение. Всего лишь дружеский совет и... смотрите, у входа стоит девушка с огромным бюстом и пытается встретиться с вами взглядом.

Берт обернулся.

— А, это Анна-Мария Верфель. Должно быть, что-то насчет скетча. Извините.

Анна-Мария была красивой девушкой, приблизительно пять футов десять дюймов ростом, с ярко-рыжими волосами.

— Привет, Берти, — поздоровалась она, когда он добрался до нее. — Бузотер сейчас исполняет на бис колыбельные песни, так когда же нам, по-твоему, устраивать наше маленькое художественное чтение?

— Пошли. — Он взял ее под руку. — Вероятно, тебе придется выйти прямо на сцену и начинать. Иначе он будет и дальше выступать.

— Я хочу, чтобы ребята меня видели, — сказала Анна-Мария, когда они поднимались по пандусу. — Потому что, если верить «Биллборду», в последнее время мои кассеты лучше всего продавались в наших вооруженных силах. Это вызывает у меня своего рода приятное такое чувство... О'кей, Берт, мы оторвались от капитана Уинслоу.

— А? — Берт замедлил шаг, когда из голоса рослой красивой девушки внезапно улетучилась вся глупость.

— Убедись, что Уинслоу за тобой не идет, а после того, как мы с Бузотером закончим свой номер, прокрадись ко мне в примерную. Это комната номер пять с золотой звездой на двери. Я должна с тобой поговорить.

— О чем?

— О Пьере Хоке.

ГЛАВА 8

Испачканный в масле маленький техник, капрал артиллерии, неохотно застегнул молнию на ширинке.

— Ну, ладно, — сказал он великолепно сложенной Анне-Марии Верфель. — Хотя это определенно лучший способ

проверить работу этих шуток. — Он похлопал вымазанной маслом рукой по кассетному плееру. — Понимаете, поскольку входное отверстие часто засоряется из-за...

— Здорово, — улыбнулась Анна-Мария. — Я очень ценю, что вы, армейские ребята, так горите желанием починить мою дурацкую старую машину. Однако, сейчас нам, мистеру Шенли, Бузотеру и мне, действительно надо репетировать, сгладить все мелкие шероховатости в нашем шоу.

— По мне, так ваше выступление вечером было и так захватывающим, мисс Верфель, — заверил ее капрал. Рука его все еще парила поблизости от ширинки. — За всю свою жизнь завязанного театрала я, по правде говоря, ни разу...

— Да, здорово, просто шикарно. — Анна-Мария направила его к двери гримерной, положив ему руку на плечо.

— Может, мне, по крайней мере, наладить вашу собаку, раз уж я здесь?

Бузотер оторвал голову от сувенирных подушек на диване.

— Тем же способом, каким собирался починить эту машину?

Вымазавшийся капрал покраснел.

— Не следует так говорить при мисс Верфель. Для тех, кто понимает истинную ценность народного искусства, она...

— Вы были очень милы. — Анна-Мария вытолкнула его в коридор. — Возможно, что как-нибудь в другой раз у нас будет приятный разговор.

— Это было бы... — Закрывшаяся дверь отрезала окончание прощальной речи.

— Не могу больше определить, — призналась Берту рослая рыжая актриса. — Как, по-твоему... он какой-то шпион или просто еще один пылкий поклонник?

— Он казался не очень-то сладострастным, — заметил пес, взбивая лапой сувенирную подушку с надписью «Бразильская война 1990 года». — Конечно, глупое выражение на его физиономии могло быть вызвано...

— Зачем кому-то отправлять шпиона следить за тобой? — спросил Берт, стоявший в углу, прислонясь спиной к стене в углу гримерной и сложив руки на груди.

— Потому, — ответила рослая девушка, — что я агент УРА.

Бузотер фыркнул.

— Разве это не Учительско-родительская ассоциация?

— Она нечто большее. — Девушка остановилась рядом с плеером, ткнув его локтем. — Мне действительно хотелось, бы что б эта проклятая штука заработала. У меня есть не-смонтированные копии моих двух новых сегодняшних блорно, и я действительно желала бы увидеть их. Некоторые актрисы вообще не желают смотреть на...

— А нечто большее, чем что, собственно, УРА? — спросил Берт.

— Нечто большее, чем УРА. — Анна-Мария взяла с туалетного столика кассету, коснувшись ей подбородка. — УРА — это одна из немногих ныне существующих истинно либеральных организаций, и, как таковая, она настоящий оплот свободной мысли и действия. Хотя вам это, возможно, неизвестно, но у УРА есть собственный тайный отдел сбора разведанных. Вот в нем-то я и работаю.

— Надо же, как удачно, — обронил, посмеиваясь, Бузотер. Он повертелся, устраиваясь еще удобнее среди подушек. Положив лапу на глаза, он снова захрапел.

— Ладно, — сказал Берт девушке. — Что ты знаешь о Пьере?

— Знаю, что он работал над большой сенсацией.

— В какой области?

— Вот этого не знаю. — Стоявший перед туалетным столиком с зеркалом неоплетенный стул закрипел, когда она уселась, скрестив красивые ножки. Поглаживая себя по колену кассетой, имитирующей сношение, она продолжала: — Когда Пьер натыкался на что-то крупное, его походка всегда делалась странной. Такой странно подпрыгивающей, взволнованной и крадущейся. В последний день перед исчезновением он так вот ходил вприпрыжку по всей Чиуауа.

— Что-то связанное с войной?

— Без понятия, — покачала головой Анна-Мария.

— Теперь, когда ты упомянула об этом, — вспомнил Берт, — то, по-моему, Пьер в тот день выглядел каким-то ликующим.

— Ты разговаривал с ним?

— Не напрямую. Пьер отправил мне видеogramму, обещая встретиться, когда он вернется в Большой Лос-Анджелес, — сказал Берт. — Да, он так и подпрыгивал от возбуждения.

Анна-Мария накренилась вперед, отчего ее большие груди негромко хлопнули друг о друга под малиновой майкой.

— У меня, Берт, есть некоторые сведения о том, куда Пьер мог в тот день направляться.

— Куда же?

— Я бы сама туда отправилась, — сказала девушка. — Только, по-моему, это и впрямь небезопасно. — Она помолчала, рассеянно сунув кассету в тенистую ложбинку между грудей. — До меня доходят всякие слухи из самых разных источников. За музеем Панчо Вильи¹ расположена особенно незаконная часть города...

— Да, я знаю, где это.

— Там есть одна таверна под названием «Лимонный Слепец», принадлежащая некоему Хименесу, — продолжала Анна-Мария. — Если верить тому, что я слышала, этот Хименес что-то раздобыл. Какую-то информацию, и хотел продать ее Пьеру.

— Ладно, я сгоняю туда и...

— Эфиоп на поленнице, — прошептал Бузотер, тыкая носом в сторону двери.

Берт рванул к ней и распахнул ее.

— ...и знаю, Господи, ты не обратишь внимания на фантастическую величину ее бюста и увидишь скрытый в ней огромный талант. Да, Господи милостивый, уведи эту, по существу хорошую девушку Анну-Марию Верфель с темных и грешных путей механизированного блуда в залитые солнцем кущи... О, привет, Берт.

— Снова молимся, так?

— Фактически да. — Красивый священник, улыбаясь, встал. — В конце концов, это же мое призвание. А когда трудишься на виноградниках Господа, то рабочий день не нормирован.

— Вам следует создать профсоюз, — предложил Бузотер, подходя к дверям и пристально глядя на улыбающегося евангелиста.

— Ну, спокойной ночи, и благослови вас Бог. — С этими словами преподобный Скаддер коснулся лба кончиками пальцев и удалился.

¹ Панчо Вилья — один из лидеров Мексиканской революции 1910 — 1917 годов, мексиканский национальный герой.

Берт вернулся к Анне-Марии.

— Есть какие-нибудь соображения насчет него? Чей он агент?

— Преподобный? — Она покачала головой. — Насколько я слышала, он действительно тот, за кого себя выдает. Просто он чересчур усердный.

— Особенно у замочных скважин. — Берт остановился рядом с диваном, где снова устраивался Бузотер, и схватил пса за загривок. — Брось, пошли. Дичь появилась.

ГЛАВА 9

— Они явно боятся меня, — заметил Бузотер. Он стоял, широко расставив ноги на изрытой выбоинами мостовой, и скалил зубы.

Стоявшая по другую сторону узкой улицы стая диких собак колебалась. Они следили за Бузотером, выстраивались клином, опустив головы и глядя исподлобья. Со стороны этого скопления на ночной улице доносилось недружное угрожающее рычание. Берт потянулся за прихваченным с собой в эту поездку станнером. Он носил его под курткой.

— Перестань корчить им рожи и идем дальше, — велел он псу. — Теперь мы должны быть неподалеку от кафе «Лимонный Слепец».

— Начали они, — огрызнулся Бузотер, рыча на стаю.

— Я сделал тебе одолжение, решив сегодня обойтись без поводка. Но если ты намерен затевать драки...

По улице проехал, громяхая, тяжелый грузовик. Черная машина с серебряным Гавриилом на дверце.

— Наш старый друг жестяной ангел. — Бузотер встал на задние лапы и отдал честь водителю. — По крайней мере, за рулем тут не его святейшество Спад Скаддер.

— Ты здесь увидишь множество машин службы Перемещения, — заверил его Берт. — почтенный говорит, что они помогают справиться с потоком погибших.

— Очень утешительно, — хмыкнул Бузотер. — Валяйте, бегите себе, шавки подзаборные.

Грохочущий фургон смерти заставил подюжины диких рассыпаться кто куда.

Из узкой щели дверного проема впереди доносился слабый шум и лилось немного света. На мостовой лежал, растянувшись на спине, мужчина в нижнем белье. По всему его телу протянулась полоса дымчатого света.

Бузотер остановился обнюхать лежавшего.

— Хорошо, что я держался подальше от текилы.

— Пор фавор¹, — обратился к Берту малоодетый гражданин, поднимаясь в сидячее положение. — Вы не могли бы одолжить мне песо на автобус?

Остановившись дать ему монету, Берт спросил:

— Далеко ли отсюда до «Лимон Сьего»?

— Диос!² — Бросив монету в специальный карман у него на трусах, раздетый поспешно перекрестился. — Вам туда лучше не соваться, сеньор. — Широким взмахом руки он указал на свое плачевное состояние. — Мой вид — ерунда по сравнению с тем, что стрясется с вами, если вы зайдете в это отвратительное заведение.

Бузотер приглядывался к происходящему. Из щели дверного проема вырывались клубы дыма и звуки гитарной музыки.

— Интересно, есть ли у них там телевизор. Мне хотелось бы выяснить реакцию рядового обывателя на...

— Где это заведение? — настаивал Берт.

— Совсем рядом, сеньор. Вы найдете его в конце следующего переулка слева, — сообщил ему раздетый мужчина. — Если дойдете туда живым.

— Спасибо. Пошли, Бузотер.

Когда они приблизились к переулку, пес заметил:

— Ты обратил внимание, что тот грузовик с жестяным ангелом выехал именно из этого переулка?

— Ну и что?

— Странное место для собирания наших павших смертью храбрых.

— Может, шофер остановился купить пива?

Лохматый кокер вдруг задрожал.

¹ Пожалуйста (исп.)

² Боже! (исп.)

— Полагаю, ты не захватил мое шерстяное одеяло, — упрекнул он Берта. — Сейчас пойдет дождь.

Ночное небо и правда сделалось все черным, а теперь упало и несколько капель теплого дождя.

— Могу взять тебя на руки и держать у себя под курткой, — предложил Берт.

— Нет, спасибо. Предпочитаю сохранять достоинство даже в подобной дыре.

Переулок змеился между двух невысоких глинобитных домов со странно изогнутыми фасадными стенами. Начавшийся дождь уже прокладывал в грязи небольшие канавки. Вокруг не раздавалось ни звука, за исключением шума дождя. А в конце улочки виднелась лишь глухая темень.

— Должно быть, у них сегодня выходной, — Бузотер бежал рядом с Бертом, избегая луж и куч мусора.

Защищавшие некогда парадный вход в кантину¹ ржавые ворота из кованого железа висели, распахнутые настежь, но передняя дверь была заперта. Два небольших окна с низкого фасада заведения смотрели на улицу через черные очки из квазистекла. Берт забарабанил в дубовую дверь.

Бузотер съежился на кирпичном крыльце. Дождь пошел сильнее, так и хлещет.

— Когда я окажусь дома, мне понадобится молочный шампунь. — Он крутанулся, прижав лапы к двери. — Шпилька есть?

— Для чего мне шпилька?

— Неважно. — Кокер покусывал себя. Он осторожно извлек из гущи своих кудряшек кусок тонкой проволоки. — Сойдет. — Зажав проволоку в зубах он поковырял ей в дверном замке «Лимон Съего». — Хорошо, что эти месикашки не приемлют ничего чересчур современного.

Берт наблюдал за его работой.

— Ты всегда это с собой носишь?

— Не люблю, когда меня куда-то не пускают. — Снова упрятав проволочку к себе в шерсть, он пригласил: — Давай открывай.

Берт попробовал дверь. Та раскрылась внутрь.

В заведении стоял сильный запах кукурузной муки и пролитого вина. Ливень выбивал дробь по черепичной крыше.

¹ Кантина — погребок, закусочная, таверна (исп..)

— Добрый вечер, — крикнул на пробу в сумрак Берт.

— Буэнас ночес, — добавил пес. Он шмыгнул вперед Берта по шершавому деревянному полу, запрыгнул на смутно видимую стойку и пробежался по ней. — Выключатель здесь.

— Это кое-что, — промолвил, оглядываясь кругом Берт. Почти вся дюжина столов кантины была перевернута. А рекламные плакаты и религиозные эстампы в рамках содраны со стен.

— За стойкой также валяется уйма старых счетов и тому подобной ерунды. — Пес спрыгнул на пол.

Берт прошел за стойку и опустился на колени, чтобы перебрать остатки бумаг.

— Здесь нет ничего, относящегося к Пьеру Хоку, только к бизнесу кантины, — заключил он. — Видишь что-нибудь иное? — Он встал и, прищурившись, посмотрел через отполированную стойку. — Бузотер?

— Здесь, — крикнул пес.

Слева от стойки находилась ведущая наверх закрытая лестница. Бузотер стоял на верхней площадке.

— Что там наверху?

— По-моему, — ответил пес, — тут некогда была спальня. Ее, как ты сказал бы, обшаривали.

На полу лежал спущенный надувной матрас. Рядом с ним стоял робот-релаксатор в виде кресла, с погнутыми ножками, весь выпотрошенный. Под ногами валялись перемешанные части диктопишущей машинки и кофеварочного сервомеханизма.

— Никаких признаков хозяина Хименеса, — констатировал Берт.

Бузотер полз на животе по полу параллельно плинтусу. Он прилягивался, бормоча себе под нос.

— Ага! — воскликнул наконец он и сунул лапу в отверстие, похожее на крысиную нору.

— Ты превращаешься в крысолова?

— Даже субъекту с такой дрянной наблюдательностью, как у тебя, полагалось бы суметь заметить, что эта крысиная нора — поддельная. — Бузотер терпеливо что-то извлекал из норы. — Это явно тайник, хотя опередившие нас полудурки прозевали его. Вот погляди, что это такое.

Берт взял найденный Бузотером ком смятой бумаги. Перебравшись к мобильной световой полоске, он развернул его.

— Эй, это же копирка заметки, — сказал он. — Заметки, написанной Пьером.

— И что же это исчезнувшее звено может сказать в твою пользу?

— Господи Боже! — вымолвил Берт и выбежал из спальни.

ГЛАВА 10

Доктор Ла Верга поднес заметку поближе к лицу.

— Очень интересно, — сказал он. Часть его маленькой морщинистой головы скрывал большой черный зонтик, который он держал поближе к себе. По зонтику барабанил ливень, голос маленького доктора слегка отражался от зонта. — Очень интересно.

Берт сунул руку под черный зонтик, пытаясь выхватить записку.

— Вам известно, где Илай Кац?

— Ун моменто. — Ла Верга не выпустил записку из рук. — Позвольте мне убедиться, что я все это понял. У вашего друга Пьера Хока прекрасный стиль, не правда ли? Сжатый и разговорный, и все же совершенно...

— Если верить этой заметке, то у нас осталось только полчаса, чтобы найти проклятого президента. — Берт махнул рукой в сторону неясно вырисовывающегося фасада отеля «Бласко Ибаньес». — Я ничего не могу добиться от чинов секретной службы у него в номере, за исключением того, что президента Каца там нет.

— Напомни мне, чтобы я сказал Кацу, что один из его холуев пытался пнуть меня в зад, — попросил Бузотер. Он сидел под бахромчатым тентом отеля, глядя на торчащего под дождем Берта.

— ...Широчайший заговор, шире всего, что мне когда-либо доводилось разоблачать, — прочел укрытый под большим черным зонтиком доктор. — Очень волнующе. Не правда ли? «Отменить мое освещение похорон Фергюсона, останусь

здесь еще на несколько дней... определенно знаю, только что Илай Кац будет убит... и, Диос, дальше он ставит сегодняшнее число и время всего... — Доктор Ла Верга поднес к уху голосовые часы. — Всего через двадцать две минуты. — Он задумчиво вернул Берту скомканную копирку. — Почему же, хотел бы я знать, ваш амиго не отправил эту записку?

— Вероятно, потому что до него добрались раньше. — Берт постучал пальцем по последней строчке. — Пьер говорит, что затем он намерен встретиться с Илаем Кацем и предупредить его. Этого, явно, так и не произошло. — Осторожно сложив копирку, он положил ее во внутренний карман. — Думаю, что Хименес, парень заправляющий «Лимоном Съего», должно быть, припрятал выброшенную копирку и...

— Время летит, — напомнил Бузотер. — Если мы не собираемся спасти президента, то пошли в отель. В подобные вечера я действительно люблю выпить дымящийся эгг-ног¹ с...

— Вы знаете, где он? — снова спросил маленького доктора Берт. — Когда я вас заметил, мы шли искать капитана Роуланда Б. Уинслоу.

— О, разве капитан не в отеле? — спросил из-под зонтика доктор Ла Верга. — А я направлялся сюда, навестить его.

К тротуару подрулил, обкатывая их брызгами, черный автомобиль. Бузотер подпрыгнул, стряхивая с себя грязь.

— Шампунь и эгг-ног, вот что мне требуется. Пусть себе грохают на здоровье президента, мне на это...

— Черт, — воскликнул, нагибаясь через переднее сиденье своего автомобиля службы Перемещения США, преподобный Спад Скаддер. — Что ты говоришь, Бузотер?

— Вы не знаете, где может находиться Илай Кац? Парни из секретной службы здесь в отеле думают, что я их разыгрываю. — Берт рванул по мокрой улице к машине. — Но я получил сведения что его... что сегодня кто-то попытается его убить, примерно через двадцать минут.

— Уже через семнадцать, — поправил Бузотер.

— И небезынтересно, как сеньор Шенли и его одаренный маленький перро² раскопали эти... — начал было доктор Ла Верга.

¹ Эгг-ног — горячий пряный напиток с сырым яйцом и молоком (исп..)

² Собака (исп..)

— Заканчивайте, — предложил Берту преподобный. — Я только что видел президента Каца в городской аудитории на авениде Индепенденсии. Он репетирует свою речь для выступлений в лагерях.

— Пор супуэсто!¹ — хлопнул себя по маленькой морщинистой голове Ла Верга. — Мне следовало это запомнить.

Берт прыгнул в черную машину и щелкнул пальцами.

— Поехали, Бузотер.

— Не возражаешь, если я поеду как-нибудь в другой раз? — вежливо спросил пес.

Какую-то секунду Берт хмуро смотрел на пса, затем спросил:

— Доктор Ла Верга, не проводите ли вы Бузотера в наш номер?

— С удовольствием, сеньор.

— Не разрешайте ему пить ничего крепче пива. — Дверца машины захлопнулась, и преподобный рванул к аудитории.

— Я ощущаю, — заявил массивный мужчина в пиджачном костюме, — некую слабо завуалированную критику наших методов и нашей эффективности. — Он уперся растопыренной пятерней в грудь Берта.

— Через десять минут, — настаивал Берт, — кто-то совершит покушение на президента.

— Вы когда-нибудь читали книгу под названием «Секретная служба: оплот надежности в тревожный век»? Она только что вышла в виде микрофишки, — отпарировал массивный агент секретной службы, стоявший при боковом входе в аудиторию, преграждая путь Берту и преподобному Скаддеру. — Она даст вам неплохое представление о том, как тщательно мы проверяем любое здание, где находится президент. Пусть даже западного округа США. Собирается...

— Ты уверен, Хэнк, что там нет никаких несанкционированных лиц? — спросил Скаддер. — Ливший в переулке дождь превратил его темные волосы в кудри.

¹ Ну конечно! (исп.)

— Абсолютно, достопочтенный, — заверил его агент.

Из зала донесся голос читавшего речь президента:

— ...Вы, ребята, на мой взгляд, оплот надежности в этот тревожный век...

— Сколько парней у вас обыскивало это здание? — спросил Берт.

— Не могу вам сказать, — ответил Хэнк. — Вы, конечно, понимаете, что если такие сведения попадут не в те руки или окажутся в распоряжении определенных крикливых журналистов, то...

— Хэнк, — перебил его достопочтенный Скаддер. — Пропустив нас, ты никому не повредишь. Я уже был здесь сегодня, толковал с президентом Кацем о выступлениях.

— ...Не обращать внимания на инсинуации и выпады определенных крикливых тележурналистов, — говорил Илай Кац. — Могу вас заверить, что эта война — справедливая, как и справедливы большинство войн, если рассматривать их в далекой...

— Ладно, — решил сотрудник секретной службы. — Можете войти, но не вздумайте критиковать или пугать президента этими историями о покушении. Он и так с трудом заучивает речь.

Как только массивный Хэнк посторонился, Берт поспешил подняться по выложенной кафелем лестнице за кулисы. Преподобный Скаддер последовал за ним.

— ...Свобода слова, в моем понимании — огненный меч...

Берт остановился у опущенного занавеса. Илай Кац стоял на середине сцены. Высокий седовласый мужчина, освещенный желто-белым лучом прожектора. Берт, прищурившись, прошелся взглядом вдоль края раздвинутого занавеса.

Внезапно он увидел, как на балконе что-то сверкнуло, задетое краем света желто-белого луча.

— Берегитесь, мистер президент! — крикнул он.

И галопом вылетел на сцену. В тот самый миг, когда он сбил президента с ног, раздался треск длинноствольного бластера. Спину ему обдало жаром, а затем загорелся задник.

— Вот он! — крикнул кто-то. — Хватается за люстру.

— Застрели его, застрели этого ублюдка!

— Крайне не хочется уничтожать эту люстру. Это действительно изысканный образ...

— Стреляй, черт побери!

— Слишком поздно, он перелезает на потолок!

— По аварийной лестнице за ним, живо!

— Ценю вашу помощь, мой мальчик, — поблагодарил Берта президент округа западного побережья США. И отряхнулся, прежде чем протянул ему руку.

На сцену вышел преподобный с ведром песка и бросил его на горящий задник, гася пламя.

— Он должен быть огнеупорным, — возмутился Хэнк.

— Тебе нельзя считать что-либо само собой разумеющимся, — с улыбкой сказал ему Скаддер.

— Это что, еще один тонкий выпад в адрес секретной службы?

ГЛАВА 11

Бузотер поправил небрежно надетую им соломенную шляпу, ткнув жесткие желтые поля передней лапой.

— Акценты прошлым вечером хорошо шли у солдат, — сказал он упражняясь в походке с важным видом. — Возможно, я заряджу этот номер с кекуоком¹ и выдам еще пять минут шуток о нацменах...

— Расхаживай на ковре, ладно? — попросил его стоявший у видеофона Берт. — На голом полу от тебя слишком много шума. Да, я продолжаю звонить капитану Уинслоу. Все еще занят? Ладно, попробую позже.

— Танцуют дети кекуок, — невнятно произнес нараспев гудящим голосом Бузотер. — Как называется наша следующая точка?

— Городок Делисиас, — уведомил его Берт. — К югу отсюда, еще ближе к зоне боев.

— Меня уже дважды пытались взорвать, — указал пес. — Это достаточно близко к фронту.

Берт набрал еще один номер.

---

¹*Кскуок — исгритянский танец.

— Доктор Ла Верга здесь? — спросил он покрытую белой эмалью робота-медсестру.

— Нет, сеньор, он как у нас говорят, не акви. Ло съенто мучо.¹

— Жалко, — подсадовал Берт, вешая трубку, — что у меня нет возможности что-нибудь выяснить о вчерашнем покушении.

— Да какой-то полоумный подложил в нашу машину бомбу, — хмыкнул Бузотер. — Чего тебе еще нужно знать?

— Не о покушении на тебя, о покушении на президента Каца, — уточнил Берт. — Не сумел даже выяснить, удалось ли поймать киллера.

— У тебя искажено представление о ценностях, — заметил Бузотер. — Илая Каца могут разнести в клочки, а твои доходы будут неуклонно увеличиваться, но когда не станет Бузотера, то для тебя и денег больше не будет. — Он сбил набекрень желтую соломенную шляпу и загнал обратно быстрым движением задней ноги. — Принеси-ка мне мою подборку анекдотов о нацменах.

— Десять минут такого материала это многовато, — попытался втолковать псу Берт. — Да и вообще, акценты у тебя ужасны, они все получаются похожими на шведский.

— Им и полагается походить на шведский, — огрызнулся Бузотер.

Хлопнула распахнувшаяся дверь номера.

— Незачем волноваться, — успокоил первый из двух ворвавшихся крупногабаритных субъектов. — Просто замрите там, где стоите.

— Кто вы, черт возьми? — спросил Берт.

Второй субъект закрыл дверь.

В одной руке он держал бластер, а в другой удостоверение.

— Мы агенты Управления Несекретных и Секретных Служб. Я — агент Сэндберг, а это мой напарник, агент Чехов.

Бузотер откашлялся.

— А вы часом не ошиблись, ребята? — Он посвистел немного «Когда на юге спать пора». — Вы бы не хотели вернуться, когда его...

---

¹ Не здесь. Он очень занят (исп..)

— Моему старшему очень хотелось бы иметь такую собаку, — сказал, обыскав Берта, агент Чехов. — Зачтите им их права, агент Сэндберг.

— Сейчас ваша очередь, агент Чехов. Я зачитывал права тому трясу, Скаддеру.

— Но вы их зачитываете намного красивее меня, агент Сэндберг.

— Ну, я пару лет назад заказал по почте курс по аудиовизуальной технике работы, — промолвил крупногабаритный агент правительства США. — Ладно, зачту. — Он сунул пистолет подмышку и придерживал его там рукой, пока обшаривал себя.

— У нас есть что-нибудь особое для допроса собак, агент Чехов? Какие-нибудь особые правила?

— Такие же, как для людей.

— Мне кажется, что летом пришла какая-то директива, примерно в то время когда вы и миссис Чехов отправились в отпуск на Канарские острова.

— Зачем, — спросил Берт, — вы сюда пришли, ребята?

— Незачем волноваться, — заверил его агент Чехов. — Это связано с тем маленьким инцидентом прошлым вечером.

— Я же вам сказал, что обо мне кто-то позаботился. — Бузотер обогнул группу и запрыгнул на постель. — Я, ребята, смотрю на это дело так. Та бомба была...

— Не делайте признаний, пока я не зачту вам права, — перебил его агент Сэндберг.

— В любом случае, мы говорим не о бомбе. А о покушении на жизнь нашего президента.

— Ч-ч-черт, — прорычал пес. — Да вы хоть видели в последнее время какие-либо рейтинги популярности, шуты гороховые? На третьем месте вы обнаружите отнюдь не фамилию гастролирующего президента. Мне кажется, Америке нужно не что иное, как понимание приоритетов и...

— Вот оно, — обрадовался агент Сэндберг, трясая найденной им в кармане брошюрой. — Мой долг уведомить вас, имя и фамилия подозреваемого, что я имею все полномочия агента УНСС...

— А разве вам не полагается вставить его и свою фамилию в документ? — Бузотер сдвинул шляпу так, что та скрыла его глаза.

— Полагаю, вы правы, — нахмурился агент Сэндберг. — Ладно, попробуем снова. — Мой долг уведомить вас, мистер Берт Шенли, что я — агент Сэндберг, имею официальные полномочия агента УНСС.

— Вот так куда лучше, — одобрил Бузотер.

— Я нахожусь здесь для того, чтобы задать вам несколько простых вопросов, и вы вправе отказаться на них отвечать, пока не получите...

— На самом деле, — вставил агент Чехов, — мы зашли кое о чем уведомить его. Вероятно, все это можно пропустить.

— Я думал, тебе хочется услышать, как я зачту это?

— Хотелось, но нам сегодня надо проверить уйму народу, агент Сэндберг.

— Вы поймали убийцу? — спросил Берт.

— Покушавшегося на убийство, нет.

— Вы хотите, чтобы я рассказал о том, откуда мне стало известно о...

— В данный момент мы ни о чем не хотим вас спрашивать, — сказал агент Чехов. — Этим займется другая группа. Видите ли, УНСС будет в этом деле сотрудничать с УНБ.

— Мне кажется... — начал было Берт.

— Нам бы хотелось от вас только одного, — прервал его агент Сэндберг. — Чтобы вы находились здесь.

— Что значит находился здесь?

— Оставались в отеле «Бласко Ибаньес» в Чиуауа, пока наши следователи не побеседуют с вами.

— И сколько это может занять времени?

— Мы очень скрупулезны, — признался агент Сэндберг. — На это может уйти несколько дней.

— Нам надо выступить в Делисиасе, — возразил Берт. — Сегодня вечером.

— На самом деле, — уточнил агент Чехов, — выступает ведь вот этот малыш, не так ли?

— Мы считаем что ему нет надобности, — добавил агент Сэндберг, — оставаться в Чиуауа. С точки зрения УНСС, он может катиться колбаской.

— Нет, я должен его сопровождать, — настаивал Берт.

— Вы могли бы отправить его под присмотром той рыжей девушки с большой грудью, — предложил агент Чехов. — Как там ее зовут, агент Сэндберг?

Сверившись с записной книжкой, другой агент ответил:

— У меня она записана просто как «девушка с большой грудью».

— Анна-Мария Верфель, — уведомил агентов Бузотер. — И я отнюдь не в восторге от экскурсии с девицей подобного класса.

— Ну, сэр, — сказал агент Чехов, — это уж вы уладьте как-нибудь между собой. Только постарайтесь как следует, мистер Шенли, не покидать город, пока мы не явимся и не разрешим этого.

Берт перевел взгляд с одного крупногабаритного агента на другого.

— Ладно, я буду сотрудничать, — произнес он.

— Вот и отлично, — одобрил агент Сэндберг. Убрав записную книжку и брошюру с правилами, он открыл дверь. — Следуйте дальше, агент Сэндберг.

— Рад познакомиться с вами и вашим псом, мистер Шенли.

После того, как они ушли, Бузотер, все еще скрывая глаза под полями шляпы, спросил:

— Так что же мы теперь будем делать, гувернантка?

— Едем в Делисиас, — ответил Берт, — как и было запланировано.

ГЛАВА 12

Берт затолкал полосатую оберточную бумагу в старомодную мусорную дырку у постели.

— Она не совсем твоего размера, — определил он.

Бузотер стоял у окна, положив пластиковый нос на подоконник.

— Я себе хвост отморожу, разъезжая по городу в этой штуке, — заупрямился он. Наступали сумерки, а с ними и новый дождь.

— У нее есть чехол. — Берт поставил на пол большую позолоченную птичью клетку и развернул еще один пакет. — Вот, смотри.

Пес фыркнул, глядя ему через плечо.

— Что это за узор на чехле? Клубника?

— Очевидно, большинство людей вешают свои клетки с птицами на кухне.

— Будь у тебя хоть капля храбрости, будь ты хоть чуточку мачо, мы бы ушли по-наглому, — упрекнул его Бузотер. — Прошли бы прямо через холл и вызвали лимузин отвезти на лагерное представление в Делисисас.

— Залезай в эту штуку и постарайся втиснуться. — Берт подошел к видеофону и набрал номер остановившегося в этом же отеле Санни Лоя-младшего.

— Эта клетка б/у?

— Парень в зоомагазине говорит, что да... Алло, Баблз?

— Секундочку, Берт, — попросил его собеседник с усталым взглядом. — Я должен поднять его, — и исчез из кадра.

— Лапы прочь, — приказал несколько удаленный от аппарата голос Санни. — Номер вообще остается без финала, если меня требуется поднять вылезшему на сцену недотепе-перде тебя. Было достаточно плохо, и когда тот собачий сукин сын...

— Ни-ни, — предостерег Баблз. — На видеофоне как раз он.

— Что? Этот собачий сукин сын звонит, желая извиниться за то, что он загубил мое выступление, отвлекая внимание зрителей?

— Нет, другой парень. Берт, как там его.

— Хорошо же меня благодарят за то, что я спас его задницу, — возмутился Бузотер, обнюхивая кругом золотую клетку, но не забираясь в нее. — Он весь вспотел в предчувствии провала, когда я...

На экране видеофона снова появился Баблз.

— Он не позволяет мне его поднять, Берт.

— С Санни что-то стряслось?

— Стряслось, да только он не признает этого. — Печальное лица Баблза медленно качнулось из стороны в

сторону. — Он вбил себе в голову, что завершит свое сегодняшнее выступление танцевальным номером.

— Я начинал в шоу-бизнесе чечеточником, — донесся издали голос Санни.

— Когда приходит время репетировать шпагат, он не может подняться на ноги, — продолжал Баблз. — И он человек такой неистойвой гордости, что мне не позволено помогать ему.

— Ну мне ты можешь помочь ничуть не хуже, Баблз, — решил Берт. — МИА прислала для сегодняшнего представления новый номер, и нам нужен транспорт для доставки их в Делисиас.

— Кого?

— Рубиноффа и его попугая.

— Никогда о таких не слышал, — отозвался Баблз. — Помоему, это дохлый номер. — Он потер усталые глаза. — Ладно, мы можем втиснуть их в автобус с хористками. В шесть тридцать на пласе.

Бузотер сунул лапу в клетку.

— Я не собираюсь разъезжать с этим грузом из начинающих путан.

— Вполне сгодится, — заверил Баблза Берт. — Рубинофф это уса́тый паре́нь среднего роста, а его попугай...

— Избавь меня от подробностей, Берт. Просто гарантируй их явку ровно в полседьмого. А теперь мне нужно идти и попытаться еще раз поднять его.

Где-то за кадром Санни уже стонал.

Берт повесил трубку.

— Все устроено.

— Все устроено, твою мать! — фыркнул Бузотер. — Ты всерьез думаешь, что я собираюсь ехать до самого Делисиса на скотовозе в компании...

— Ехать всего миль пятьдесят. — Он вынул из бокового кармана пакетик. — И это идеальная легенда. УНСС никак не станет ожидать, что звезда твоей величины будет разъезжать в подобном автобусе.

— Верно, — признал пес. — Как думаешь, они большой гам поднимут, когда обнаружат что нас нет?

— Не такой большой, какой поднимут Шлепси Макси Уэйнсмит и «Метро-Итало-Америкэн», если ты не проделаешь

все эти выступления для солдат, — прикинул Берт. — А я предан в первую очередь МИА.

— Да ну? — Бузотер сунул голову в открытую птичью клетку. — А я думал, что в верхней части твоего списка стоят Пьер Хок и по-разному одаренные дамочки.

— Я хочу сказать, — разъяснил Берт, — что если мне приходится выбирать между действием по указке УНСС и действием по указке МИА, то я выбираю МИА. Кроме того, не люблю когда мной командуют всякие хамоватые служащие правительства. — В пакетике находились большие лохматые усы. Берт прилепил их перед зеркалом. — Как это выглядит?

— Очень по-рубиноффски, — оценил Бузотер. — А что, если ребята из УНСС пойдут по нашему следу до Делисиаса и дальше?

— Сомневаюсь, что они станут за нами гоняться. Думаю, я не настолько для них важен, — рассудил Берт, поправляя усы. — Как только мы уберемся из Чиуауа, они, вероятно, забудут о нас.

Пес ответил долгим тихим вздохом.

— Надеюсь, следующий твой хитроумный план побега не потребует, чтобы я весь скрючивался.

— Лучше забирайся в клетку, — предложил ему Берт.

— Уф, — выдохнул, втиснувшись в клетку, Бузотер. — Подумать только, провести всю жизнь в такой дуре.

Берт в последний раз одернул усы. А затем набросил на клетку с Бузотером чехол с клубничным узором.

— Ай, — произнес Бузотер. — Полли хочет...

— Заткнись, пока не тронется автобус, — велел ему Берт сквозь щель в чехле клетки. — И завязывай с этим шведским акцентом. — Они сидели на самом последнем месте справа в хвосте автобуса. Дождь барабанил по крыше и оставлял дорожки на пыльных окнах.

— Он не шведский, — отозвался из клетки пес. — Это морской голос. Стоп машина! Йо-го-го!

— Извините, — обратилась к нему белокурая танцовщица, сидевшая по другую сторону прохода. — Вы чревовещатель, сэр?

Берт покачал головой.

— Я Рубинофф, а это мой попугай. Возможно, вы слышали про мой номер, «Рубинофф и его попугай»?

— О, да, — улыбнулась девушка. — То-то мне подумалось, что вы кажетесь знакомыми. Несомненно, я прочла о вас в «Дейли Вэрайэти».

— Я только закончил гастрольные недели в Де-Мойне, — сказал Берт, похлопывая себя по усам.

— Ай, — вымолвил Бузотер.

— Ваш попугай из Скандинавии? — спросила блондинка.

В автобус поднялся, стуча по ступенькам, робот-шофер. Усевшись на сиденье водителя, он просигналил в свисток, встроенный ему в левый большой палец.

— Отправление через пять минут. Сеньориты.

Большую часть металлического тела хромированного робота прикрывало яркое ало-желтое серапе¹.

— Еще пять минут, и мы вздохнем свободно, — сказал Бузотер.

— Ваш попугай очень разговорчив, — заметала белокурая танцовщица.

— Да, он... — Глаза у Берта расширились. В автобус поднимался агент Сэндберг.

— Незачем волноваться, юные леди, — объявил он. — Я официально уполномоченный агент США. Мы хотели произвести в вашем автобусе малюсенький осмотрик, прежде чем...

Робот-шофер снова дунул в свисток.

— Отправление через три минуты.

— А, знакомое лицо, — высунул нос из-под чехла клетки пес.

— Не свистите в эту штуку прямо у меня над ухом, — велел роботу агент Сэндберг.

— Нам лучше убраться, — решил Берт.

Запасной выход находился рядом с белокурой танцовщицей.

— Мы должны отправляться по расписанию, сеньор, — уведомил агента Сэндберга хромированный шофер. — Наша автобусная линия гордится своей...

¹ Серапе — яркая мексиканская накидка.

— Это важное государственное дело. — Сэндберг повернулся чтобы поспорить с шофером.

— Пошли. — Берт схватил клетку, нырнул через проход, перелез через девушку. — Извините, — и стукнул по ручке отпирающей заднюю дверь.

Дверь осталась закрытой. Затем, после еще одного толчка, распахнулась во влажные сумерки. Зазвенел колокольчик. Берт спрыгнул на каменные плиты пласы.

В автобусе агент УНСС что-то кричал, а некоторые из девушек визжали.

С хлопающим чехлом клетки, Берт пустился бежать по переулку.

— Я мокну, — пожаловался Бюзотер.

— Откуда они, черт возьми, узнали, что мы можем быть в том автобусе?

— Возможно, кто-то опознал тебя, несмотря на усы.

Берт внезапно поскользнулся на гладкой мостовой переулка. И врезался в белую глинобитную стену, ударившись локтем и выронив клетку.

Пес в клетке упал в лужу. А затем упавшая на бок клетка покатилась дальше, пока не налетела на железную решетку.

Берт восстановил равновесие, помассировал руку. Доковыляв до клетки, он поставил ее как положено.

— С тобой все в порядке?

Из клетки в ответ не донеслось ни звука.

Берт сунул руку в клетку и пошарил в ней.

— Бюзотер?

Пес куснул его пальцы.

— Да, с тобой все в порядке. — Он сунул клетку подмышку и снова побежал.

В конце переулка Берт свернул направо, и побежал по полого спускающейся узкой улочке.

Когда они выскочили с улочки, он чуть не налетел на припаркованный там автомобиль. Сделав разворот, он продолжал бег трусцой сквозь дождь.

Тут вспыхнули фары, заливая его светом.

— Эй, вы! — окликнула девушка.

Берт оглянулся и притормозил.

— Берт Шенли? Залезайте, с усами и всем прочим.

Подойдя к машине Берт спросил:

— Это Джоанна Барли?

— Она самая, — ответила рыжая девушка. — А где ваш пес?

— Здесь, — поднял клетку Берт. — Что вы делаете в Чи-уауа?

— Приехала с вами поговорить, — отозвалась девушка. — Почему вы слоняетесь по темным переулкам?

— За мной гонится УНСС.

— Тогда залезайте, — повторила девушка. — Я должна много чего вам рассказать, и мне неохота делать это перед целой оравой агентов правительства.

— О'кей, — Берт сел в машину.

ГЛАВА 13

По невысоким горам прокатился гром. Низко пригнувшись, Берт поспешно пересек усыпанную белой галькой автостоянку позади придорожного трактира. Рванув на себя заднюю дверцу автомобиля Джоанны, он сунул в машину крытый поднос.

— Вот твой обед, — сказал он. — И перестань теперь выть.

— Я пел, — ответил бузотер. — Упражнялся для сегодняшнего представления... Мы ведь собираемся выступить сегодня вечером, не так ли?

— Для поездки в Делисиас времени навалом.

Пес сдернул зубами металлическую крышку.

— А почему такие маленькие порции?

— Мне пришлось заказать тебе детский обед. — Берт принался было закрывать дверь.

— Мне кажется я что мог бы с легкостью пообедать с тобой и Джоанной в трактире. — Пес потыкался синтетическим носом в тарелки.

— В этой части Мексики не слишком много говорящих собак, — уведомил его Берт. — Мы же пытаемся не привлекать внимания, не забыл?

— Этот реллено¹ выглядит весьма жалко.

— Ешь и больше не пой, — Берт захлопнул дверцу и побежал обратно сквозь дождь.

Высокий потолок трактира пересекали темные балки. Световые полосы были вставлены в фонари из кованого железа. В трактире сидели лишь человек десять других обедающих.

— Сколько времени, — спросила Джоанна, стирая тонким пальчиком соль на кромке бокала с «маргаритой», — вы связаны с Бузотером?

— Очень давно. — Берт уселся напротив девушки, наблюдая за ее лицом. У нее были широкие выдающиеся скулы и смотрящие слегка исподлобья глаза. Она выглядела еще более миловидной, чем в тот день на пляже.

— В общем, как старый мореход, только с собакой.

— Конечно, поскольку я в некотором роде любительница механических изделий. Он завораживает меня, — сказала Джоанна. — Или скорее не он, а сама идея Бузотера.

Берт кивнул.

— Идея Бузотера дело-то хорошее, но замучить тебя способен только сам Бузотер.

— Не думал уйти из МИА?

— Да, частенько, — признался Берт. — Но все дело в том...

— Вашему мальчику понравилось?

Берт уставился на улыбающегося официанта.

— Прошу прощения?

— Очень застенчивый, не так ли? Слишком робок, чтобы зайти сюда.

— О, да, — ответил Берт, вспоминая свою легенду, что детский обед предназначался для его сына. — Ну, это у меня самая первая поездка в Мексику, к этому требуется немного привыкнуть.

— Мексика так непохожа на его военную школу, — добавила Джоанна, ответно улыбаясь слегка поклонившемуся официанту.

— Ах, они чересчур быстро преодолевают свою робость, — вздохнул официант. — А потом уж их не удержать. Взять хотя бы моего младшего Роберто, который...

---

¹ Фарш (исп.)

— Мы еще не совсем готовы заказать, — перебил его Берт.

— Си, я подошел только спросить не желаете ли вы взять немного сладкого для вашего мальчика. Наверное, мороженое?

— Он на бессахарной диете, — сказала Джоанна.

— Отлично, сеньора. — Улыбающийся официант, пятясь, удалился.

— Итак, — спросил девушку Берт, — что ты выяснила о Пьере? Обнаружила какие-нибудь следы его?

Волосы огладили ей голые плечи, когда она покачала головой.

— Он пропал без вести, — сказала она. — Но один из моих осведомителей в Чиуауа кое-что принес.

— Хорошо, что же это?

— Для выяснения этого мне придется съездить в Дуранго.

— Это в нескольких сотнях миль отсюда, не так ли?

— Да, в горах неподалеку от Дуранго есть партизанский лагерь. Да и весь штат Дуранго, по большей части, в руках партизан, о чем тебе, вероятно, известно.

— Ты не можешь туда ехать совсем одна, — решил Берт. — Что это, собственно, за ниточка?

— Всплыло кое-что из аппаратуры Пьера, — ответила девушка. — Включая один из его магнитофонов. Надо полагать, на нем есть какая-то информация.

— Что Пьер делал в Дуранге?

— Насколько я могла выяснить, ничего. Его аппаратуру нашли здесь, неподалеку от Чиуауа, партизаны из группы разведчиков. Они унесли находки к себе, в горы Дуранго.

— Все это дело...

— Извините, сеньор, — перебил его официант, — Наверное, ваш мальчик болен? Из вашего автомобиля раздается сверхъестественный вой.

— Он поет, — объяснил Берт. — Не расстраивайтесь из-за этого.

— О, си. Раз, по-вашему, опасности нет...

Когда официант удалился на приличное расстояние Берт продолжил:

— Все что здесь происходит... Исчезновение Пьера, покушение на твоего дядю, попытка УНСС удержать меня в

городе... Не знаю. По-моему, мы угодили в самую гущу чего-то такого, чего-то важного.

— Так говоришь, Пьер знал об их попытке убить дядю Эли?

— Да, он даже знал с точностью до минуты время покушения, — подтвердил Берт. — Как он его узнал?

— Возможно, чтобы узнать, нам придется найти его. — Она протянула руку и накрыла его ладонь своей.

Рука у нее была исключительно теплой.

— Да, придется, — согласился Берт. — Это означает, что мне придется на время забыть об этом проклятом туре, и МИА это не понравится.

— Я могу попробовать и одна. — Ладонь Джоанны осталась на его руке. — Я довольно хорошо знаю эту местность, и партизаны меня знают и доверяют мне.

— Нет. Я еду с тобой. — Он расслышал доносящееся с поливаемой дождем автостоянки пение Бузотера. — Я и Бузотер.

ГЛАВА 14

Берт поднялся в сидячее положение. Из кустов рядом с припаркованным автомобилем выпорхнули какие-то птицы землистого цвета. Их крылья громко хлопали, когда они поднимались в рассветную высь.

— Грм, грм, — бубнил спящий в ногах у Берта Бузотер.

Заглянув на переднее сиденье, Берт обнаружил что Джоанны там нет. Он вылез из машины.

День обещал быть теплым и ясным. Узкая боковая дорога, на которой они припарковались вчера поздно вечером, уже подсохла, а ночной холодок потихоньку таял.

Далеко слева от него в раннем утреннем воздухе закружила еще одна стайка испугнутых птиц. Легкая туманная дымка исчезала, когда он шел сквозь нее.

Берт двинулся прочь от дороги и автомобиля, в котором ночевал. Местность кругом была холмистой, каменистой, усеянной группами чахлых кустов и рощами тонких сухих деревьев.

— Неважный из тебя разведчик, — заметила Джоанна. Она сидела прислонясь спиной к узкому стволу дерева, вытянув длинные ноги. — Я слышала, как ты приближаешься.

— В самом деле? А я ведь шел на цыпочках. — Он начал было прохаживаться рядом с ней.

— У тебя сто квадратных миль свободного пространства, где можно присесть, — уведомила его девушка. — Выбери какое-нибудь другое место.

— Я нарушил твою медитацию? — спросил Берт, наполовину присев, наполовину стоя.

— Иногда я люблю побыть наедине с собой.

— Ладно. — Он выпрямился.

— Нет, подожди. — Девушка протянула к нему руку. — У меня один из моих приступов мрачного настроения. Извини.

— Да, ладно. Я могу побродить тут и попугать птиц, — сказал Берт. — Когда я проснулся, то заметил, что ты пропала, и забеспокоился.

— Многие из тех, кто спит со мной, чувствуют тоже самое, — обронила Джоанна. — Либо привыкаешь к этому, либо идешь своей дорогой.

Берт пожал плечами, а затем сел рядом с ней.

— Надеюсь, что некоторые из тех, с кем ты спала, добились чуть большей близости, чем я, — сказал он. — И не приводили с собой собак.

— На самом деле, таких людей было не так уж и много, — призналась Джоанна. — Тебе придется научиться сбрасывать со счетов почти все сказанное мной рано утром. В часы перед завтраком и восходом солнца я часто бываю крайне раздражительной.

— Я в эти часы обычно сплю.

— Похоже, ты мне начинаешь нравиться.

— Вот потому-то тебя и тревожит твоя раздражительность.

— Что-то вроде того, — ответила Джоанна. — Ты ведь был однажды женат, не правда ли?

— Однажды.

— На милой и простой непритязательной девушке?

— Нет, — уточнил Берт. — Она была придирчивой и злой, но хорошенькой.

— Значит, похожа на меня.

Берт окинул девушку изучающим взглядом. Чуть склонив голову вправо.

— Не совсем такая хорошенькая и чуть более придиричивая. Но в основном, схожего типа.

— Я пару раз чуть не вышла замуж, — призналась девушка. — А потом расстраивалась.

— Мы будем разыскивать завтрак или отправим кого? — спросил Бузотер. Бесшумно приблизившись к ним он сердито смотрел на них сквозь перекрученные ветви тернового куста.

— В двадцати милях отсюда есть маленький городок, — успокоила пса Джоанна, — с довольно приятным рестораном. Мы сделаем там остановку, Бузотер.

— Полагаю, мне снова придется съезжиться на заднем сидении и есть свою скромную пищу.

— Нет, — возразила, вставая, Джоанна. — Мы теперь в партизанском крае. Тебе не придется скрываться ни под какой личной.

— Дуй обратно в машину. — Берт поднялся, отряхивая брюки.

— Как только управлюсь со своим утренним омовением, — Бузотер затрусил прочь.

— Полагаю, хорошо, что он возник именно тогда, когда появился, — сказала девушка. — А то я подумывала кое-что сделать.

— Что?

— Вот это. — Она схватила Берта и быстро поцеловала его разок. Улыбаясь, она отвернулась и ушла.

Бузотер отводил душу на кухне.

— А теперь обратите внимание на эту часть, — говорил он повару. — Именно так надо лить, чтобы они выходили правильного размера и могли считаться настоящими шведскими оладьями.

Берт с Джоанной сидели за круглым столом у окна, выходящего на тянущуюся за ним извилистую горную дорогу.

— Ты уверена, что дядя ничего не знает о том, что происходит? — спросил он девушку.

Помешивая ложкой в кружке с соевым кофе, она ответила:

— Я говорила с дядей сразу после того, как мы сообщили, что Пьер исчез. И снова после того, как его пытались убить. Он не знает, для чего Пьер хотел встретиться с ним. — Она сделала еще несколько оборотов ложкой, прежде чем положить ее на клетчатую скатерть. — Должно быть, Пьер собирался предупредить дядю о готовящемся покушении.

— Жалко, что он так и не добрался до него, — подсадовал Берт. — Тогда бы мы знали, как же Пьер проведет об этом.

Джоанна попробовала соевый кофе, наморщила носик.

— Однако найденная тобой заметка, похоже, указывает, что покушение на дядю было лишь частью чего-то большего.

— Да, но кто же сцапал Пьера? Мне кажется, что партизаны — именно те люди, которые хотели бы прихлопнуть президента США, — поделился своими соображениями Берт. — Но теперь, похоже, что они сотрудничают с нами. Если это не...

— Нет, — покачала головой девушка. — Не думаю, что они нас обманывают. Они действительно хотят помочь нам найти Пьера.

— Ладно, значит, у партизан в плену его нет, и дядя Илай так и не увиделся с ним, — заключил Берт. — Кто же тогда взял его?

— Возможно, никто.

— В смысле?

— Нет-нет, тупица, шведские олады перевертывают не так. Твое запястье вращается совершенно неверно.

— Пьер, — предположила Джоанна, — мог и сам уехать, расследуя это дело.

— Не думаю. Он не... — Берт заметил, что девушка пристально смотрит в сторону двери. — Что такое?

— Наш первый связной, — ответила она.

В зал вошел и присел к ним за столик поджарый мексиканец в дорожном костюме.

ГЛАВА 15

Над головой расстиралось прозрачное голубое небо. Узкое и сухое ущелье извивалось между отвесных скал песочного цвета. В вышине кружили, клекоча в разреженном воздухе, серовато-коричневые ястребы. Бросив взгляд вверх, Берт заметил на скальном карнизе в тридцати метрах над ним человека с лежащим на коленях бластером. Они передвигались теперь на своих двоих, идя гуськом. Их вел новый проводник, коренастый молодой человек в костюме цвета сливочного мороженого. Близился вечер.

— Сколько еще до Шангри-Ла¹? — пробурчал Бузотер, осторожно продвигаясь по каменистой почве. — Представления для солдат — не такое уж потрясное дело, но там внизу у них хотя бы был воздух. Я вам скажу, что поднимает вонь, когда... Ой!

На тропинку прямо перед псом с шуршанием выползла длинная желто-коричневая змея.

— Не гоняйся за ней, — велел Берт.

— Ты кого предостерегаешь, меня или этого змея? — Пес попятился, а затем запрыгнул Берту на руки. — Не хочу иметь никаких дел со змеями и гадами.

Переместив Бузотера под мышку, Берт продолжил восхождение. Джоанна шла между ним и проводником. Он сосредоточился на наблюдении за длинноногой девушкой.

— Дермовый список, — тихо проскулил Бузотер.

— Чего?

— Ты уодишь в дермовый список, дубина, — пообещал Берту пес. — Одна из фальшивых рук Шлепси, вероятно, в эту самую минуту вписывает твою фамилию. Сперва ты превращаешь нас в беглецов от правосудия. Потом умыкаешь меня и вынуждаешь становиться соучастником в этом дурацком плане по спасению твоего идиота-друга Пьера Хока.

— Спасению? Что ты имеешь в виду? — Берт поднял пса вплотную к лицу. — Тебе что-то известно?

— Мне известно, что пока мы проводим все свое время, лазая по горам, — ответил Бузотер. — Будь я наедине с такой

¹ Шангри-Ла — вымышленная страна, аллегория Шамбалы.

классной девочкой, как Джоанна Барли, то не потащил бы ее в турпоход вверх по горному склону.

Покачав головой, Берт уронил пса наземь.

— Смотри, как бы тебя не унесли ястребы, ворующие цыплят.

— С годами твое остроумие не обостряется, — Бузотер увеличил темп, пока не затрусил рядом с рыжеволосой девушкой.

— Вы не могли бы меня подвезти, мисс Барли?

Джоанна опустила взгляд.

— Да, разумеется, — улыбнулась она и подняла его, прижав к своим грудям.

Выглянув из-за плеча девушки, Бузотер показал Берту пластиковый язык.

Портативный обогреватель распространял на несколько футов вокруг себя оранжевое свечение. На маленький каньон, где партизаны устроили временный лагерь, внезапно опустилась ночь. Командир этого лагеря сделался теперь спереди оранжевым. Это был невысокий мужчина лет тридцати с маленьким усиками и перечеркнувшим ему лоб и левую бровь тонким шрамом. Звали его Меркадо.

— А жратва здесь не слишком ужасная, — сообщил ему Бузотер, зарывшись мордой в пластиковую тарелку, наполненную оттаявшими тамалами. — Учитывая, что иначе вы живете в нищете и...

Берт схватил собачье блюдо за край и унес его в холодную темноту.

— Ешь молча, — посоветовал он, поставив блюдо на камень.

— Да в большинстве столиц мира моя застольная болтовня считается очень остроумной, балда. Когда мы в последний раз были в Монако, сама княгиня Эли...

Берт вернулся и сел рядом с Джоанной.

— Где нашли вещи Пьера?

Рядом со светящимся обогревателем высотой по колено были разложены магнитофон размером с ладонь и записная книжка в обложке из синтетической кожи с оттиснутым на

ней именем Пьера. Проведя ладонью над этими предметами, Меркадо пояснил:

— Все это сперва нашли какие-то мальчишки, в переулке около отеля «Бласко Ибаньес» в Чиуауа.

— Около отеля? — удивилась Джоанна. — Это странно, не так ли?

— Вот как? — Меркадо лишь поднял правую бровь.

— Я нашел еще кое-что, принадлежащее ему, — сказал Берт. — В кантине под названием «Лимон Съего», на другой стороне города от отеля. Мы сочли, что, возможно, Пьер исчез где-то там.

— Такое возможно, — согласился Меркадо. — Те ребята продали эти вещички одному... одному человеку, имеющему дело с товарами сомнительного происхождения. Один из моих людей приобрел их у этого человека. Однако, он проследил их происхождение. — Командир партизан помолчал, почесывая усы. — Я склонен считать, что узнанное им — правда.

— Пьер, — предположила Джоанна, — мог ехать на встречу с дядей Илаем в «Бласко Ибаньес», когда его кто-то перехватил по дороге. И он выбросил эти вещи, надеясь, что их кто-нибудь найдет.

Берт взял записную книжку.

— Ничего, — констатировал он. Оставшиеся в блокноте страницы были чистыми.

— Мы провели несколько простых экспертиз, — уведомил его Мекадо. — Похоже, на этих страницах ничего не написано, и никакой микропленки тоже нет.

Похлопав себя блокнотом по коленке, Берт спросил.

— А что насчет магнитофона?

— Вот тут нам больше повезло, — усмехнулся Меркадо. — Немножко больше. — Опустив руку, он включил маленькую машинку.

— Добрый вечер, — раздался из крошечного динамика глубокий грудной голос. — Это говорит Пьер Хок... заноса несколько непричесанных мыслей и обрывков данных на эту катушку номер...

— Это у него привычка такая, — пояснил девушке Берт.

— Он даже мямля, контролирует свой голос, — отметила девушка.

— ...Начинает выглядеть так, словно я наверняка наткнулся здесь на нечто крупное... не забыть еще покопаться в отношении ребят с жестяным ангелом. Все ли они в этом участвуют? Или только некоторые? Проверить это... То запланированное покушение на Илая Каца... — Наступила более длинная, чем обычно, пауза, как будто Пьер прохаживался по комнате, пытаясь мысленно что-то решить. — ...Оно пахнет как-то не так, не правда ли? Ну, поговори с ним об этом, предупреди этого липового ублюдка...

— Он недолго любил дядю Илая, — заметила Джоанна.

— ...Не все кусочки еще сложились в единое целое, но начинается вырисовываться интересная картина...

— Как насчет добавки?

Бузотер появился вновь, держа в зубах пустую тарелку.

— Тихо. — Берт стукнул пса по голове костяшками пальцев.

— ...После президента нам лучше сгонять в Хуарес. Да, в Хуарес и к Х. Маусу. У него должно найтись достаточно кусочков, чтобы все сделалось ясным... Еще одна сенсационная новость Пьера Хока. И это Пьер Хок, теперь уже заканчивающий... — Последовала тишина.

— Это все. — Меркадо выключил магнитофон. — Мне это мало о чем говорит. — Он следил за Бертом, выгнув правую бровь. — Но наверно, такому близкому другу, как вы...

Бузотер спросил громким шепотом:

— Нельзя ли мне теперь, по окончании большого вещания, получить еще немного харчей? Мне особенно понравился соус, которым вы, ребята, приправляете...

Схватив пса за клочок шерсти на спине, Берт перекинул его за спину в темноту. Тарелка застучала по камням.

— Тебе не следовало, — упрекнула его, вставая, Джоанна, — вымещать свою досаду на бедных неразумных животных, Берт. — Она отошла, протянула руки и позвала: — Бузотер, с тобой все в порядке?

— Это кто это неразумное животное? — возмутился пес. — Слушай, не далее как месяц назад я получил видеogramму из университета «Боулинг Грин», в которой меня просили...

— Для вас, — спросил Меркадо, постукивая по диктофону, — это что-нибудь значит?

— Да, — кивнул Берт. — Да, нам придется съездить в район Хуареса и повидать Х. Мауса.

— Значит, вы знаете, на что он намекает, сеньор?

— По-моему, да, — ответил Берт. — Прокрутите это еще раз.

— Прежде чем вы это сделаете, — сказала Джоанна, вернувшаяся, неся Бузотера, словно младенца на руках. — Я хочу, чтобы вы оба извинились.

Берт нахмурился.

— Ладно. Я сожалею, что швырнул тебя.

— Ты сожалеешь гораздо меньше, чем тебе предстоит в ближайшем времени, придурок. — Бузотер уселся рядом с обогревателем.

— Добрый вечер. Это говорит Пьер Хок, — снова начал магнитофон.

ГЛАВА 16

Машину в очередной раз вел Берт — настала его очередь. Они ехали проселочными дорогами по сухой холмистой местности. Пылающее солнце почти достигло полуденной точки.

— Ты уверена? — спросил он Джоанну.

Та сидела рядом с ним, положив тонкую руку ему на колено.

— Да, сегодня утром, прежде чем мы ушли, я долго беседовала с Меркадо. Партизаны не имеют никакого отношения к попытке убить дядю Илая.

— Если не партизаны, то кто же?

— Не знаю, — отозвалась Джоанна. — Возможно, какой-то сумасшедший вольный стрелок. Существует давняя традиция одиночек, отстреливающих президентов.

— Вздор, — заметил с заднего сидения автомобиля Бузотер. — Все громкие убийства в США за двадцатый век были частью заговора. Это самое последнее покушение не окажется чем-то иным.

— Одного и того же заговора? — спросил Берт.

— Нет, балда, разных, — ответил пес. — В такой идиотской стране, как Америка, никогда не будет недостатка в

заговорщиках. Жалко, что я не выпросил у партизан еще одну партию тортилий. Они готовят их в общем-то точно так же, как пекут шведские оладьи.

Сунув руку в свой рюкзак, Джоанна предложила:

— Вот, Бузотер, возьми одну из моих.

Пес поймал зубами брошенную тортилью из кукурузной муки.

— Премного благодарен, мисс Барли.

— Не за что, — отозвалась девушка. — Так значит, ты знаешь, Берт, где именно в Хуаресе собирался остановиться Пьер?

— Да, там есть поблизости деревня-коммуна, — объяснил Берт. — Лагерная стоянка парней, выбывших из Мексиканской войны, и парней, которые против нее. Называют они себя «Недовольными ветеранами».

— А, конечно, вспомнила девушка. — Пару месяцев назад я делала несколько рекламных роликов для углубленного пятнадцатиминутного документального фильма о них для «Конгломерат-Ньюс». Кто такой Х. Маус?

— Думаю, это шутовское прозвище.

Жевавший последний кусок тортильи Бузотер съехидничал:

— Чувство юмора у Пьера такое же острое, как у вот этого ла кукарача¹.

Над сухими полями справа от них пикировали огромные черные вороны. Берт направил автомобиль вверх по извилистой поднимающейся пыльной дороге, а затем пояснил рыжеволосой девушке:

— У нас есть один друг, который прежде работал Уолтом Диснеем. Думаю, Пьер имел ввиду именно его. Я знаю, что он с первых недель этого года работал с «Недовольными ветеранами».

— Понятно, — догадалась Джоанна, — отсылка к Микки Маусу.

— Да я на 17% популярней, чем когда-либо был Микки Маус, — похвастался Бузотер. — Но вынужден признать, что он все еще обходит меня по части использования в рекламе. У МИА вместо головы... извините, мисс Барли. МИА использует меня не так всесторонне, как могла бы. Взгляните, что делает

¹ Таракана (исп..)

студия Диснея. Там дают разрешение на использование даже самой персоны Диснея. Остановись-ка возле следующего леса, приятель.

— Зачем?

— Мне нужно... — Бузотер умолк, откашлялся. — Ну сам знаешь, Берт.

— Ладно, ладно. — Он съехал с дороги на участок с хрустящей желтой травой перед купой можжевельника.

Схватив зубами ручку, пес открыл заднюю дверь.

— Я мигом.

— Не гоняйся за птицами, — велел ему Берт.

Джоанна смотрела вслед трусившему меж можжевельников псу.

— Как-нибудь, — проговорила она.

— Как-нибудь что?

— Хотелось бы побыть с тобой совсем наедине.

По всему ровному полю пылали электрические бивачные костры на батарейках. Из темноты к автомобилю подошли трое лохматых юнцов с бластерами, висевшими на сгибе рук.

За рулем снова сидела Джоанна. Она остановила машину в нескольких футах от баррикады из бревен и металлолома.

— Держу пари, — сказал Бузотер, стоявший на заднем сидении, положив передние лапы на подголовник сидения Берта, — что жратва здесь еще хуже, чем у тех парней в горах.

— Что у вас за дело, ребята? — спросил первый добравшийся до них лохматый юнец. К нагруднику его фермерской спецовки был пришпилен перевернутый орел, являвшийся эмблемой «Недовольных ветеранов».

— Я друг Чака Тартера. — Берт нагнулся, задев Джоанну, к окошку со стороны водителя, где стоял недовольный ветеран. — Он тут?

— Чак Тартер? — Свет с приборной доски автомобиля позволил разглядеть недовольное выражение на его веснушчатом лице. — А, вы, должно быть, имеете ввиду Диснея.

— Да, это он.

— Разумеется, Дисней здесь, — кивнул молодой человек. — А вы кто?

— Берт Шенли.

— Минутку, мы вызовем его по рации.

— Спроси у них заодно, — предложил Бузотер, — что у них сегодня на ужин.

— Прошу прощения?

— Это наш пес. Не обращайтесь на него внимания, — сказал Берт.

Положив пальцы одной руки на край открытого окна, веснушчатый парень внимательно пригляделся к сидящим в машине.

— Ну и ну, это же Бузотер. — Он отскочил в сторону и замахал рукой своим спутникам, стоявшим у спутанной баррикады.

— Вот это да! Ребята, гляньте-ка кто у них тут. С ними Бузотер. — Он вернулся к окошку. — У вас тут очень одаренный зверь, сэр.

— Он настоящее благословение, — кисло отозвался Берт.

— Есть у вас пианино, ребята? — спросил пес.

— К сожалению нет. Только несколько гитар, — ответил ветеран, — и еще почему-то ксилофон.

— Жалко, — подсадовал Бузотер. — А то у меня новое попурри из сельского и городского блюза, от которого вы все сядете на... извините, мисс Барли. По части блюза на пианино у меня очень сильная левая лапа.

— Едрена вошь, а ведь это и вправду Бузотер, верно? — подивился средний ветеран. — Может, нам удастся достать ему...

— Насчет Чака Тартера, — вставил Берт.

— Кого?

— Диснея, — пояснил первый ветеран. — Слушайте, ребята, вы вполне можете заезжать. Черт побери, кому же можно доверять, если нельзя доверять Бузотеру?

— Это и впрямь удивительно, — молвил средний юнец. — Найти звезду конформистских развлечений среднего класса, которая, похоже, придерживается либеральной ориентации.

— Видели бы вы его левую лапу в «Кроу Джейн Блюз», — хмыкнул Берт. — Нам объехать дорожное ограждение?

— Мы уберем с пути кое-что из этого добра, — заверил его веснушчатый юнец. — Эй, Лют, иди познакомься с Бузотером.

— Сейчас подойду, — крикнул Лют, сдержанный молодой негр.

— Лют преисполнен благоговения, — объяснил средний ветеран. — У нас здесь не часто останавливаются знаменитости, ведь тут как-никак мятежный край. За исключением Санни Лоя-младшего, у нас не было никаких...

Джоанна завела двигатель.

— Не могли вы убрать кое-что из этого добра.

Все трое юнцов принялись расчищать дорогу автомобилю.

— Меня ценят даже в обществе не вписавшихся в систему, — молвил Бузотер, когда машина тронулась вперед.

ГЛАВА 17

Улыбающийся мужчина помахал им с видневшегося впереди конца ряда палаток. Он сидел на корточках рядом с голым клочком земли, ковыряясь в нем палкой.

— Здорово, Берт, — приветствовал он его, вставая. — Помоему, кукуруза у меня будет поздней.

Бузотер добрался до этого участка земли первым.

— Предполагается, что тут кукурузное поле?

Чак Тартер еще раз на пробу ткнул в землю палкой.

— Да, предполагается, что тут именно оно. — Он стер с ладоней землю о штаны своей фермерской спецовки. — Что тебя сюда привело, Берт?

Берт пожал другу руку.

— Это связано с Пьером Хоком.

— С Пьером, да? Ему полагалось... не гуляй по кукурузному полю, Бузотер.

— Как тебе удается определить, где оно?

— Днем видно ряды посадок, — ответил Тартер. — Ты что-нибудь понимаешь в кукурузе, Берт?

— Нет, — признался Берт. — Это Джоанна Барли, Чак.

— Рад вас видеть, мэм. — Тартер еще раз поковырял землю. — мы, «Недовольные ветераны», не сможем добиться успеха с нашим лагерем-коммуной, если не сумеем справиться с сельскохозяйственными трудностями. Все согласились выращивать злаки. Я выбрал кукурузу.

— Почему? — спросил Бузотер, роя землю лапой в том месте где ее ковыряли палкой.

— Ну, мне всегда нравилась кукуруза.

— Вы по-прежнему на него похожи, — не выдержала Джоанна.

Тартер улыбнулся, оглаживая редкие усы.

— Чтобы превратить меня в Уолта Диснея, потребовалось шесть месяцев, и для превращения меня обратно в себя самого потребуется, вероятно, столько же времени, если не больше. У меня в последние годы было не так уж много свободного времени, и поэтому я сохранил такое лицо.

— Оно придает тебе очень дружелюбный вид, — отметил Берт.

— Медики похимичили с лицевыми мышцами, — объяснил ему друг. — Поэтому я всегда произвожу впечатление, будто меня что-то веселит.

— Новый Уолт Дисней намного популярней, чем когда-либо бывал ты, — заявил Бузотер. — Прошлым летом я выступал с ним в плавучем театре в Омахе, и он очень нравился зрителям. Матери протягивали ему своих младенцев, умоляя поцеловать их, а девочки-старшеклассницы предлагали...

— Ну, — улыбнулся Тартер. — За последнюю пару лет я подвергся сильному давлению. И в некотором роде пристрастился к электростимуляции мозга, и это несколько повлияло на мою способность к здравому суждению. Теперь я думаю, что та попытка использовать скабресный материал, вероятно, была ошибкой.

— Вынужден отдать должное студии Диснея, — признал Бузотер. — Коммерциализацию они поставили как никто другой. МИА, безусловно, неспособна отличить локоть от... к примеру, там зарубили мою последнюю сделку на право таскать мое изображение на коробках с завтра-

ками и кинули мне паршивый контракт на «простыни Бюзотера».

— Твоя проблема, возможно, в том, что ты, по существу, не привлекателен, — уведомил пса Тартер. — Про себя я точно знаю, что не был таким, пока надо мной не поработали как следует. Люди не хотят, чтобы у них на коробках с завтраками было просто какое попало лицо. Так же как и на волочках, и...

— Я не менее привлекателен чем ты, зануда.

— Чак, — спросил Берт, — что насчет Пьера?

Его друг продолжал хмуро смотреть на пса.

— Рад, что мне больше особо не приходится иметь дел с артистами, — покачал головой он. И показал на палатку дальше в ряд. — Я живу вон там. Пойдемте туда, там и поговорим.

В нескольких ярдах позади ряда палаток высился сосновый бор. Ближайшие деревья отливали в отсветах электрических бивачных костров слабым оранжевым цветом.

В палатке Тартера имелись надувная койка и две фотокопировальные машины. Рядом с машиной побольше лежала пачка листовок.

— Мне полагалось сделать какую-то мебель, — извинился он перед Бертом и девушкой. — Но пока все как-то руки не дошли. По картинкам на учебной кассете я не слишком хорошо умею определять, как же надо держать этот проклятый нож. Вы не против присесть на постель?

— Ничуть. — Берт заметил что Бюзотер не зашел с ними в палатку.

Очистив постель от разбросанных на ней листовок, Тартер сказал.

— То, о чем я хотел поговорить с Пьером, мне не хотелось вставлять ни в одну их своих пропагандистских листовок. Честно говоря, круг читателей у них не слишком велик. Распространение — очень важное дело, даже с листовками, и когда ты сбрасываешь свой материал с самолетов, то просто не добьешься...

— Пьер здесь так и не появился, верно? — спросил Берт.

— Да, — ответил его друг.

— Я сделал вывод, что ему, должно быть, помешали.

— Кто ему помешал? — спросила девушка, усевшись на краю надувной кровати.

— Либо УНСС, либо... ну, это дело сложное. Мне придется рассказать вам всю историю, так чтобы вы поняли, — сказал Тартер.

— Ты сказал, помешали, — повторил Берт. — Ты хочешь сказать, что его мог кто-то убить?

— Такое вполне возможно, Берт, — согласился, не переставая улыбаться, Тартер. — Хотя есть и иные возможности. Понимаешь, некоторых из своих противников они устраняют именно так. Других же они могут какое-то время подержать у себя, для допроса и тому подобного.

— Это ведь именно вы, — спросила Джоанна, — и передали Пьеру сведения о планируемом убийстве дяди Илая?

— Кого? — переспросил, по-прежнему улыбаясь диснеевской улыбкой, Тартер.

— Джоанна — племянница Илая Каца, — объяснил Берт.

— Это интересно. — Он прислонился задом к большой фотокопировальной машине.

— Да, первоначальную наводку Пьеру дал я, отправил ее ему с курьером, которому все равно требовалось съездить в Чиуауа. Понимаете, когда я впервые прослышал, что Пьер здесь в Мексике, то понял, что он идеально подходит для использования собранного мной материала. Поэтому мы договорились встретиться здесь. Но прежде чем это случилось, я получил сведения, что они собираются попробовать убить президента, вашего дядю Илая, мэа, и я отправил сообщение Пьеру.

— Кто стоял за этим покушением? — спросил Берт.

— Полагаю, это были партизаны, — выказал догадку Тартер.

— Не они, — покачала головой Джоанна.

Берт стоял у полого палатки, пытаясь разглядеть в темноте Бузотера.

— У нас есть записанная Пьером пленка, — сказал он. — Судя по ней, он, похоже, думал, что во всем этом покушении было что-то странное.

— Странное? — Тартер почесал свои прилизанные волосы. — На мой взгляд, так это самое заурядное покушение.

— Откуда вы получаете свои сведения? — спросила Джоанна.

— Никому из своих друзей того времени я не рассказывал, — начал Тартер. — Ну, присягаешь не рассказывать... Я пять лет был тайным агентом УНСС. У меня все еще есть кое-какие связи, несколько способов выяснить, что именно...

Снаружи раздалось визгливое металлическое мычание.

— Что это? — спросил Берт.

— Тревога, — резко выпрямился Тартер. — Значит, какая-то беда.

Когда трое собеседников вылезли в ночь, к палатке подбежал веснушчатый юнец.

— Ну дела! — воскликнул он.

— Что такое? — спросил Тартер.

— Какие-то федералы США. — Он махнул рукой в сторону Джоанны и Берта. — У меня такое ощущение, что ищут они вас. — Он сделал глубокий тревожный вдох. — С полдюжины их торчит у баррикады. Четверо из них отбрасывают в сторону бревна и металлолом, тогда как двое других пытаются зачитать нам права по какой-то книжечке.

— Похоже, это Сэндберг и Чехов, — догадался Берт. — Агенты УНСС.

— Эти двое мне тоже не друзья, — кивнул Тартер. — Ладно, нам лучше на время удалиться в лес.

Берт окинул взглядом улицу справа и слева.

— Бузотер, Бузотер, — позвал он, сложив руки рупором.

— Сматываемся, — посоветовал Тартер.

— Мне не следует оставлять Бузотера. МИА это не понравится... и если унссовцы найдут его, то будут знать, что мы наверняка были здесь.

— Он достаточно толковый, чтобы позаботиться о себе. — Джоанна взяла Берта за руку и увлекла его за собой.

Тартер уже бежал к сосновому бору.

ГЛАВА 18

Позади почти час царила тишина. Они теперь находились в глубине темного леса.

— В этом я кое-что смыслю, — тихо произнес Тартер. — Умею выжить в дебрях. Думаю, мы оторвались от всех. — Он замедлил шаг и остановился.

Дышащий ртом Берт привалился спиной к стволу дерева.

— Те ребята, — сказал он, — наверняка продолжают искать нас.

Джоанна вытащила из рюкзака плиоплаток и вытерла им пот с лица.

— Возможно, ты для них поважнее, чем тебе думается.

— А может, Сэндберг и Чехов просто упрямцы, — возразил Берт, — и не любят, чтобы кто-то смывался от них.

— Тогда как насчет попытки поговорить с ними? — предложила девушка. — Разве такое решение не проще, чем бегство?

— Нет, — отверг он. — Я действительно считаю, что они затеяли помешать мне найти Пьера Хока. Фактически, у них, похоже, куда больше уверенности в моей способности добиться этого, чем у меня самого.

— Те двое, — прикинул вслух Тартер, прилизанные волосы которого все также идеально лежали на месте, — обычно рутинными делами не занимаются. И, могу вам сообщить, вяпались вы совсем не в рутинное... опс!

— Что? — Берт посмотрел туда же, куда устался его друг.

— Ветка хрустнула. — Тартер извлек из инструментального кармана на штанине фермерской спецовки станнер. — Сожалею, я никогда не ношу смертельного оружия. Это часть моей установки противника иррационального насилия...

Берт сосредоточенно вслушивался в звуки окружавшего их ночного леса. Ему подумалось, что он различил знакомое фырканье.

— Не оглушай его, — предостерег он. — По моему это...

— Черт, эта дрянь, которой ты смазываешь волосы, изрядно воняет, — сказал появившийся из темноты Бузотер. — Впервые учуял я вас еще за милю. — Он протрусил к ним и остановился перед Тартером. — Благодарите свои счастливые звезды, что у этих правительственных олухов нет каких-нибудь собственных собак.

— Где ты был? — спросил Берт пса.

Бузотер покусывал одно из своих лохматых ушей.

— Репей, — пояснил он.

— Я избавляю тебя от него. — Джоанна опустила на колени рядом с ним.

— Где ты был все это время? — повторил Берт.

— Часть его я хавал, олух, — ответил пес. — Спасибо, мисс Барли. Вы поступаете совсем в духе святого Франциска. Я делил маленький холодный ужин с одной замечательной на вид юной леди, когда пошла эта... дрянь. Я и не представлял, что есть такие больше... грудые женщины среди «Недовольных ветеранов». Полагаю, при любой войне или антивоенной есть свои обозные дела...

— Ты не очень-то легок на ногу, — перебил его Берт. — Не привел ли ты случаев к нам тех унсовцев?

— По крайней мере, от меня не разит, как от похорон шлюхи, — огрызнулся пес. — Извиняюсь, мисс Барли. Нет, дурень, я увильнул от погони и нашел дорогу к вам. Хотя меня одолевало сильное желание попросить Чехова и Сэндберга подвезти меня и вернуться к развлечению своих поклонников-солдат.

— Они все еще на стоянке? — спросил Тартер.

— Я довольно давно иду по вашему следу, — ответил Бузотер. — Хотя когда я задал стрекача, они все еще тыркались там. Мне к тому же пришлось забыть про десерт, а ведь на него предполагался пудинг, сделанный из органически выращенных фиников, изюма, кунжутных семян и...

— Сейчас будет самое подходящее время рассказать нам то, что ты собирался сообщить Пьеру, — сказал Берт Тартеру. — Так чтобы могли прикинуть, куда двинуть дальше.

— Нам лучше вернуться к выступлениям в лагерях RPQ, — посоветовал Бузотер. — Иначе «Метро-Итало-Америкэн» засадит нам кол... в задницу. Извиняюсь, мисс Барли.

Тартер прислушивался к звукам ночи.

— Похоже, за твоим щенком никто не шел, — решил он. — Ладно, Берт, вот что мне известно. Думаю, Пьер уже сам вышел на какие-то части этого дела. — Сунув в карман станнер, он уселся на землю. — За последние два года нарастало то, что вы могли бы назвать расколом. Шло все очень тихо, подковомерно. В основном, все сводится к следующему.

Они хотят сделать округ Западного побережья США отдельным государством, еще менее демократическим и свободным, чем Америка в целом.

— Кто это они?

— Всех имен я не знаю, — ответил Тартер. — И мне не удалось выяснить, кто там у них на самом верху, один ли человек или команда. Но точно знаю, что в этом участвует отделение УНСС побережья. Думаю, у них на стороне разрыва почти все 100%.

— Значит, — заключил Берт, — Сэндберг, Чехов и их компания, вероятно, работают на группу сторонников раскола.

— Почти наверняка.

— Вам удалось прихватить с собой какую-нибудь жратву, когда вы бежали? — спросил громким шепотом девушку Бузотер.

Тартер, с лица которого не сходила Диснеевская улыбка, продолжал:

— Ребята с жестяным ангелом тоже в этом участвуют. Опять же, только отделение западного округа. Они занимаются нейтрализацией и допросами.

— Нейтрализацией? — переспросила Джоанна. — Ты хочешь сказать — политическими убийствами?

— Вы правы, — улыбнулся бывший агент УНСС. — За последний год по всему побережью произошло где-то с дюжину или больше негромких убийств людей, стоявших на пути группы раскола. В число жертв, вероятно, входит и президент, предшествующий вашему дяде. Понимаете, у жестяного ангела идеальная крыша. Служба Перемещения США все равно занимается смертями, это гарантировано каждому гражданину. Благодаря этому, довольно просто сказать, что смерть от бластера на самом деле произошла от сердечного приступа. И также благодаря этому, довольно легко подвергнуть обработке кого-то, кто вообще не умирал.

— Тогда носители жестяного ангела могли стоять за покушениями на дядю Илая, — предположила девушка.

— Может быть. Хотя, судя по тому что я слышал, для них это покушение было немного броским. Большинство совершенных ими убийств так и не признали за таковые.

— Почему же ты, — спросил Берт, — не попытался сообщить что известно, правительству в Вашингтоне.

— Сомневаюсь, что мне бы кто-нибудь поверил, — ответил Тартер. — Парню, который порвал с УНСС и ненавидит эту паршивую войну. Нет, я решил, что будет намного действеннее позволить узнать все выясненное мной Пьеру. Позволить ему запустить эти сведения в СМИ.

— Он вот уже несколько дней, как пропал без вести, — прикинул вслух Берт. — Если бы они собирались устроить правдоподобную смерть, то должны бы уже это сделать.

— Вероятно, но нельзя утверждать наверняка, — оговорился Тартер. — Возможно, они намерены сделать его погибшим в бою и ждут подходящих условий. Конечно, существует и еще одна возможность...

— Что его забрали куда-то для допроса?

— Да, ты прав.

— Куда они могли его забрать?

— Думаю, в Большой Лос-Анджелес, — сказал Тартер. — Я почти уверен, что они используют помещения с жестяным ангелом для допросов и заточений. Здесь, в Мексике, у них нет пока помещений, подходящих для подобной работы. Если Пьер не убит, то его, вероятно, перевезли обратно через границу на одном из тех грузовиков США, которые тут видишь повсюду.

— Придется нам поискать его в Большом Лос-Анджелесе, — решил Берт.

— Возможно, мне удастся и так выпустить в эфир то, что у нас есть сейчас, — предложила Джоанна. — Это будет безопасней, чем пытаться штурмовать цитадель.

— У нас одни слова, — ответил ей Бузотер.

— Он прав, — сказал девушке Берт. — Конгломерат никогда не рискнет пустить что-либо из этого в новости. Если мы не найдем Пьера, то все это ничем не подкрепленные слухи.

— Полагаю, да. Я все время беспокоюсь, что тебя кто-нибудь застрелит.

— Если ты хочешь поковыряться в БЛА, то я могу втихую переправить вас через границу и помочь вам незаметно вернуться туда. А я тем временем, поскольку мне, вероятно, все

равно придется какое-то время задержаться подальше от стоянки, могу заняться мексиканской стороной этого дела. Посмотреть, не убит ли он уже где-то здесь.

Берт смотрел на рыжую девушку.

— Хочешь и дальше оставаться с нами?

— Вполне могу остаться.

— Не трудитесь спрашивать меня, — заявил Бузотер. — Поскольку тут демократия, у вас уже перевес голосов надо мной.

ГЛАВА 19

«Хот-дог» был двенадцати футов длиной и диаметром примерно в три с половиной фута. Он светился оранжево-коричневым цветом и стремительно двигался к ним со скоростью где-то свыше восьмидесяти миль в час.

Берт увлек Джоанну в кусты, бросив псу:

— Не вздумай бежать, облаивая их колеса.

Бузотер зарычал на пронесшийся грузовик из-за куста розово-зеленого симплокарпуса.

— Ведь предполагается же, что это тихая, спокойная часть Калифорнии.

По огромному «хот-догу» тянулась надпись двухфутовыми золотыми буквами: «Еще один придорожный киоск мамы Молли к вашим услугам!» И все это было привязано к раме грузовика.

Из-под «хот-дога» теперь вылезал негр в спецовке строителя. В руке он держал бластер и обшаривал взглядом узкую дорогу, которую ревущий грузовик только что проехал.

— Новые сосиски, — показала Джоанна.

Эти «хот-доги» достигали в длину лишь шести футов. Они проплывали над дорогой на высоте в тридцать футов.

— Я слышу с той стороны выстрелы. — И когда Берт кивнул в сторону горизонта, в поле зрения появились еще три плывущие по воздуху гигантские сосиски.

— Это загубит нашу встречу с теми друзьями Чака Тартера, — выразила опасение Джоанна.

— Возможно, вон те ребята и есть его друзья.

Бывший Уолт Дисней и тайный агент препроводил их на рассвете через неохраняемый отрезок границы. Прежде чем направиться обратно в Мексику, Тартер связался по радиотелефону с некоторыми из своих друзей, кочевавших по этой пустынной части Аризоны и разным частям нижней Калифорнии. Они должны были встретить Берта с Джоанной в маленьком городке Сан-Карпасо и помочь им проделать остальную путь до Большого Лос-Анджелеса.

— Они что, увлекаются стрельбой по сосискам? — спросила Джоанна, когда они вернулись на дорогу и снова зашагали вперед.

— Как я слышал, клуб «Сьерра» в последнее время делается все более воинственным, — ответил Берт.

— А я делаюсь все более усталым от топанья по грунтовым дорогам, — пожаловался Бузотер. — Давайте завяжем с этой игрой в сыщиков и попросим МИА прибыть за нами на милом большом аэрокрейсере. На одном из таких, где есть стюардесса с большими сиськами и встроенный бар. Я бы не отказался сейчас выпить холодного «буравчика»¹. Ты забываешь, что я не придерживаюсь ваших племенных табу, орангутанг, — отпарировал Бузотер. — Я способен опрокинуть до полудня рюмку-другую без всякого чувства вины.

— Доктор Нейр предупреждал тебя о твоём чертовом проценте жира, — напомнил Берт. — А твоя последняя электрокардиограмма выглядела, словно сообщение о землетрясении. Так что забудь о выпивке.

Когда их троица одолела еще полмили, то спутники увидели, что перестрелка еще идет вовсю. Примерно четвертью мили дальше по дороге у поляны в небольшом леске сцепилась между собой дюжина человек. У обочины дороги стоял еще один грузовик, на этот раз набитый двумя десятками спущенных воздушных шаров в виде «хот-догов». Спинай к машине стояло трое кряжистых молодчиков в спецовках строителей, отстаивавших ее в драке с четырьмя бравыми ребятами в камуфляжных куртках и штанах. Еще один строитель стоял около дверного проема новенького Придорожного киоска мамы

¹ Буравчик (gimlet) — коктейль из водки или джинна с соком лайма.

Молли, размахивая пистолетом перед носом двух девушек в камуфляже. А другой строитель нырнул за упавшего андроида в виде мамы Молли, стреляя по стройному юноше, пытавшемуся подползти к этому сверкающему новому пластиковому зданию с тыла.

— Это наверняка клуб «Сьерра», — определил Берт. Взяв за руку Джоанну, он повел ее в граничивший с дорогой лесок.

— Они что, защищают окружающую среду? — спросила она.

— Я знаю, что им не нравится видеть, как дикая природа оскверняется духом торгашества, — ответил Берт. — Давай подождем здесь, пока не кончится этот шум.

— Неужели тебе мало взрывов к югу от границы? — заметил Бузотер. — А теперь ты еще собираешься записать нас в компанию бомбистов.

— Только до БЛА.

— Грязь, — посулил пес.

— Чего?

— После твоей эскапады твое имя в Большом Лос-Анджелесе будет смешано с грязью, тупица, — пообещал ему пес. — Подвергать опасности мою жизнь, заставляя меня нарушить обязательства по контракту...

— Это дело поважнее.

— Только не для Шлепси Макси. — Бузотер протрусил в кусты. — Я мигом.

На поляне раздался страшный грохот.

— Вот и конец киоску по продаже «хот-догов», — заключила Джоанна.

Взрыв сквозь дым в ясный утренний воздух, киоск разломился на три крупных куска. И каждый сегмент начал распадаться на сыпавшиеся яркие осколки.

Пока остатки киоска мамы Молли падали со стуком и грохотом на землю, строители пробились к кабине своего грузовика. Они все втиснулись в нее, и грузовик умчался прочь.

— Еще одна победа сил природы, — прокомментировала Джоанна. — Теперь, наверно, можно спокойно пройти туда.

— Да, дай мне забрать Бузотера, и мы пойдем поговорить с клубом «Сьерра».

Берт огляделся вокруг, не слыша нигде пса. Покинув де-вушку, он двинулся в глубь леса. Миг спустя он что-то услышал и начал передвигаться тише.

— Живее, живее, дура, — говорил Бузотер. — Соедини с Сэндбергом. Я вам звоню не в час досуга.

Берт медленно и бесшумно прокрался вперед. В зарослях кустов, почти скрытый от чужих глаз, сидел пес с открытой в бок маленькой створкой. В передних лапах он держал крошечный микрофон.

— Он где-то в полевом управлении, — донесся гнусавый голос из динамика в бок Бузотера.

— Ну, так, пошевеливайся милочка. Я хочу сообщить ему наше последнее местонахождение и выяснить, что же задумал его огромный интеллект в качестве моего следующего шага в этой полоумной афере. Так что если можешь...

— Иуда! — Берт схватил микрофон из лап пса, оборвал шнур и швырнул его в заросли.

— Ой, — вымолвил Бузотер.

ГЛАВА 20

Крупный лысый мужчина прищурился и спросил:

— Ваш пес что, болен?

— Это чисто психосоматическое, — объяснил Берт. Они сидели под лучами яркого солнца на скалистом плато милях в десяти от недавно взорванного киоска по продаже «хот-догов».

Крупного лысого мужчину звали Буфорд Снелл. Он был вождем данного отделения клуба «Сьерра».

— Никогда раньше не видел, чтобы кто-то лечил захворавшего пса при помощи отвертки и плоскогубцев, — изрек он. — Не хотелось бы думать, что они вредят малышу, так как я предан делу защиты диких животных.

— Бузотер не дикое животное. — Берт оторвал взгляд от защитника окружающей среды и принялся наблюдать за тем, как работает Джоанна. Та расположилась на некотором расстоянии от остальных членов клуба «Сьерра», стоя на

коленях около скопища камней. — На самом деле, Буфорд, он — киборг.

— Больно слышать, — скривился Снелл. — Я идеологически против искажения природы. Именно потому мы и разделались сегодня утром с тем заведением по продаже «хот-догов». Не желаем, чтобы нечто подобное пачкало естественную красоту нашего окружения. И в особенности не любим этих ффраеров мамы Молли. Они все норовят прокрасться сюда втихаря, пытаясь поставить здесь свой ресторан. А мы разносим их вдребезги. А почему твой пес киборг, Берт?

— Это сделали, чтобы помочь ему в карьере, — разъяснил Берт. — А теперь насчет того, чтобы подвезти нас до...

— Какая карьера может быть у пса? Разве ты не слышал про закон о труде животных от 1989 года?

— Много раз, от самого Бузотера.

Снелл сидел в позе лотоса. Теперь же он сменил позу на вариацию оной и поглядел на Берта.

— Не хотелось бы думать, что мне придется разнести вдребезги деловое предприятие друга Чака Тартера, но...

— Бузотер занят в шоу-бизнесе, Буфорд, на телевидении, — внес ясность Берт.

— Чушь, никогда не смотрю телевизор, — заявил вождь клуба «Сьерра». — Нет, беру эти слова назад. Стараюсь не пропускать сообщения о погоде и вести с полей.

— Если бы мы смогли к сегодняшнему вечеру попасть в Лос-Анджелес, то...

— Хоть он и актер, не знаю, стоит ли ей кое-как чинить его. Берт вздохнул.

— Ты ведь слышал об УНСС, не так ли?

— Черт, конечно слышал. Управление Несекретных и Секретных Служб всегда пытается просочиться в клуб «Сьерра». Мы всегда способны засечь его агентов, потому что те никогда по-настоящему не ценят природу во всем ее блеске. Так что там насчет УНСС?

— Оно использовало Бузотера в качестве шпиона.

— Вот дерьмо! — Снелл распутал сплетенные ноги и встал. Дюжина не застегнутых клапанов на карманах его камуфляжных штанов куртки захлопали, словно крылья. — Убери его отсюда к чертям собачьим.

— Именно потому-то Джоанна работает над ним, — объяснил Берт. — Для того, чтобы он больше не был шпионом УНСС.

— Вот оно что. — Снелл несколько раз хлопнул себя по лысине. — Ты уверен, что она способна этого добиться?

— Она отлично умеет работать с механизмами.

Снелл снова медленно опустился в позу лотоса.

— Положусь на твое слово, Берт. Шпион УНСС... и ты ни разу не заподозрил?

— В общем-то нет. Вплоть до сегодняшнего дня.

— Обычно шпиона, как я уже сказал, можно засечь по мелким странностям в его поведении.

— Гм, — отозвался Берт. — Как насчет доставки нас в Большой Лос-Анджелес?

— Без проблем. После обеда я отвезу вас в городок и познакомлю с Винсентом Мидзуки. Он регулярно туда ездит, шофером на большом грузовике, доставляющем туда керамику. Вы наверняка можете теперь поехать вместе с вазами и тому подобным.

— Берт, — позвала Джоанна.

— Извини. — Он покинул вождя клуба «Сьерра» и присоединился к Джоанне. — Что?

— Внутри у Бузотера хранится всевозможная информация. Ты знал об этом?

— Нет. Я знал что он набит расистскими анекдотами и попури из разных песен. — Берт хлопнулся на землю рядом с ней. — Почему он набит информацией, и какого рода эта информация?

— Хам, кретин, раздолбай, — пробормотал Бузотер. Он лежал на боку и видел сны.

— Как мне представляется, — высказала предположение Джоанна, — УНСС использовало его для нескольких целей, а не просто для постоянной слежки за тобой и сообщения ему, насколько близко ты подобрался к раскрытию загадки Пьера Хока. Одна из этих других целей — оно, должно быть, отвело ему роль курьера. Ну, знаешь, для переноса информации с места на место. Поскольку вы с Бузотером разъезжали про всему миру, он был очень полезен.

Берт прижал ладонь к виску.

— У меня мелькнула какая-то... нет, потерял ее.

— Ты что-то помнишь?

— Урод тряпочный. Балда. Дурень, — произнес неугомонным голосом пребывающий без сознания пес.

— Когда ты упомянула, что он переносил информацию с места на место, мне подумалось, что я точно знаю, что именно ты имела ввиду. — Он покачал головой. — Никак не могу ухватить эту мысль.

— Когда у нас будет побольше времени, — сказала девушка, — то я, вероятно, смогу извлечь больше, скорее из самого Бузотера, чем из его внутреннего материала. Члены клуба «Сьерра» подвезут нас?

— Да, сегодня после полудня. Мы сможем отправиться с грузом местной керамики, — ответил он. — Что тебе удалось выяснить?

— Я не сумела проглядеть все, но о Пьере я знаю.

— Хорошо. Что же? Он жив?

— Да, и находится в секторе Глендейл.

— Глендейл?

— Именно там расположено главное кладбище службы Перехода США в Большом Лос-Анджелесе, — пояснила Джоанна. — Пьера держат где-то там.

— Значит, ко всему этому причастен жестяной ангел.

— Да, безусловно.

— Негодяй, стукач, сутяга, — пробурчал Бузотер.

— Я немного нахимичила с ним, кое-что удалила, — сказала Джоанна. — Когда он проснется, то больше не будет шпионом УНСС.

— Но по прежнему будет Бузотером, — вздохнул Берт.

Дюжина доподлинных индейских ваз, — прочел Бузотер надпись на той коробке, где растянулся. — Держу пари, что выделявая их, этот хмырь впереди втыкает в волосы перья. Именно такие они доподлинные.

Близился вечер, и они снова находились в Калифорнии, все еще в ста милях от сердца Большого Лос-Анджелеса.

— И давно ты работаешь на УНСС? — Берт сидел на псевдометаллическом днище грузовика.

— Я же тебе говорил, балда. Я совершенно не помню, что-бы работал на какую-то такую организацию, — ответил Бузотер. — Хотя я питаю огромное уважение и к вашей внешности, и к вашему интеллекту, мисс Барли, мне думается, вы все же напортачили у меня внутри.

— Сожалею, Бузотер. — Рыжая девушка сидела на коробке над Бертом, и ее длинные ножки покачивались туда-сюда около его лица. — Работая в полевых условиях, да еще инструментами немногим лучшими, чем набор для ремонта велосипеда, трудно что-то сделать лучшим образом. Я хотела гарантировать, что ты перестанешь быть агентом УНСС. Тебе, знаешь ли, имплантировали «жучка» паразитного управления.

— Так, чтобы мне не требовалось платить. — Пес потер морду передней лапкой. — А сколько, собственно, платят шпионам?

— Тридцать сребреников, — отозвался Берт.

— Тебе следовало бы разобрать на части вот этого дураля, — сказал девушке Бузотер. — Он говорит, словно подогретый Санни Лой-младший.

— Держу пари, — бросил Берт, — что ты добровольно пошел в шпионы.

— Я никуда и ни на что по доброй воле не шел, болван, — заверил его пес. — Даже моя блистательная карьера в шоу-бизнесе была навязана мне судьбой и Шлепси Макси.

— Эй, ребята, — раздался из динамика на потолке голос Винсента Мидзуки. — Возможно, нам светят кое-какие неприятности.

Берт встал.

— Что такое?

— Похоже, дорогу впереди перегородила полиция, — объяснил водитель. — Она обыскивает все машины.

ГЛАВА 21

Берт первым прыгнул на дорогу. Джоанна передала ему картонную коробку. А затем прыгнула к нему. Через мгно-

вание после того, как они приземлились, на черное шоссе линия автомобилей и грузовиков снова покатила вперед.

— Идиоты! — крикнул водитель выкрашенного в золото едущего следом грузовика, когда они пробежали перед его машиной и скатились с дороги.

— Он упомянет о нас властям, — подосадовал Берт. — Придется нам по-быстрому найти местечко, где можно спрятаться.

— Что вы там делаете, черт вас побери? — спросил Бузотер из освобожденной от керамики коробки. — Играете в «классики»? Давай-ка двигайся более плавно, тупица.

— Мы выбрали не очень хорошую местность для прятков, — сказала Берту Джоанна. — Оглянись-ка кругом.

Вокруг них в вечернем сумраке пылали ярким светом гигантские вывески, свисавшие на проволоке со столбов. Все вывески гласили: «Покупай-вилль». По обеим сторонам широкого шоссе высились огромные, соединяющиеся между собой здания.

— А где мы, собственно? — спросил из коробки Бузотер. — Хоть наметьте мне.

— «Покупай-вилль», — прорычал вслух Берт. — Это целый городок сплошь из магазинов, не так ли? Торговый центр размером с город.

— Как бы то ни было, — решила Джоанна, — а затеряться в «Покупай-вилле» можно, можно без труда.

— Попробуем. — Берт взял ее за руку, и они прогулялись к ближайшему входу в торговый город.

Почувяв их, прозрачные оранжево-пастельные двери распахнулись внутрь.

— Добро пожаловать в «Покупай-вилль», — приветствовала их стоявшая в дверях миловидная андроидесса. — Вот вам бесплатные подарочные чашки квазикофе, два билета на проводимую сегодня большую «Лотерею-тайнство везучего покупателя-вилля» и... коробку вам придется сдать на хранение, сэр.

— А где у вас зоомагазин? — спросил Берт.

— В крыле J, сэр. — Девушка улыбнулась. — Вы знаете где это?

— Не очень.

— Секундочку, — попросила андроидесса и, вытащив из юбки блузку, открыла их взорам свой живот. Там находился маленький телеэкран.

— Сейчас вы находитесь в крыле F, видите, там, где находится красная стрелка.

— У вас на экране нет картинки, мисс, — уведомил ее Берт.

— Правда? — Девушка андроид коснулась подбородком груди, пытаясь посмотреть на экран через большие реалистичные на вид груди.

— Вы не против хорошенько стукнуть меня в бок? Обычно это заставляет его снова заработать.

Берт слегка постучал хорошенькую андроидессу по боку. Никакой картинки не возникло.

— О, ударьте действительно крепко. Так было совсем не сильно, — улыбнулась андроидесса. — Помните, что, несмотря на все расходы, на какие пошел Покупай-вилль чтобы придать мне достоверный вид, я всего лишь машина. Меня можно стукнуть с какой угодно силой.

— Вот, — вмешалась Джоанна и с силой трахнула андроидессу кулаком прямо над бедром.

— Превосходно, мисс. Теперь вы видите карту, не правда ли, сэр?

— Да, я вижу где мы находимся, — откликнулся Берт. — А крыло J вон там.

— Самый легкий и простой путь до него — подняться вот здесь по скату в вестибюль K, через магазин психотерапевтических приборов и вперед, вокруг целительного источника минеральной воды. Однако, вам все равно придется оставить эту коробку здесь, сэр. Такова политика Покупай-вилля.

— У меня в коробке пес, — сказал Берт.

— Гав-гав, — пролаял пес.

— Похоже, он болен.

— Ничего серьезного, — заверил ее Берт. — Но мы хотим купить ему пальто и чемодан для его переноски.

— Надо подумать, — согласилась андроидесса. — Держу пари, развезжать в коробке совсем не забавно. — Она просунула руку в коробку. — Здравствуй, песик. Хороший

мальчик, хороший песик. Вы можете понести его на руках и оставить коробку здесь, сэр.

— Ладно, — Берт вынул из коробки пса и отдал коробку.

— Вы знаете, что именно нужно Большому Лос-Анджелесу? — К ним простирал руки*невысокий негр сорока двух лет. — Я скажу вам, что же ему нужно. Ему нужен человек, обладающий видением и смелостью на посту второго помощника мэра, и я...

— У нас пес простыл. — Берт выставил Бюзотера между собой и чернокожим политиком. — Нам нужно поскорее достать ему пальто.

По бокам от коротышки выросли двое более рослых негров.

— Прислушайтесь, — предложил тот, что слева.

— Это мистер Гордон Л. Мернер, — объяснила девушка андроид. — Он оказывает честь Покупай-виллю, проводя сегодня здесь избирательную компанию. Потому что Покупай-вилль считает, что информированные граждане это...

— Вам необязательно выслушивать меня сейчас, — сказал Гордон Л. Мернер. — Нет, сэр. Я вижу, что этот пес очень важен для вас. Я буду еще час бродить по магазинам и службам Покупай-вилля, а потом мы будем держать путь на север побережья и обратно в сам Большой Лос-Анджелес. Когда у вас выпадет минута, свободная от забот и тревог, вы придете ко мне и скажете: «Горди, теперь нам хотелось бы услышать, как именно ты рассчитываешь выкинуть вон того коррумпированного скота, что держит власть в самом прекрасном городе на великом Западе», и я с удовольствием вам объясню.

— Мы определенно так и сделаем. — Сунув Бюзотера под мышку, Берт быстро направился вглубь универмага.

— Теперь еще больше народу видело нас с собакой, — подсадовала не отстававшая от него Джоанна.

— Придется нам засунуть его в чемодан или что-нибудь в этом роде, — сказал он. — И приобрести для себя какой-то новый прикид.

— Возможно, мы зря убегает, — высказала мнение девушка. — Полиция могла перекрыть дорогу в поисках контрабандистов наркотиками или бутлегеров, ввозящих противозаконные машины для стимуляции мозга, или...

— Или нас, — заключил Берт.

— По-моему, мне больше всего идет одежда итальянского покроя, — вмешался Бюзотер, — так что помните об этом, когда будете выбирать мне пальто.

— Тебе больше всего пойдет сидеть в чемодане и помалкивать в тряпочку.

— Памяти я еще не лишился, — пригрозил пес. — Эти унижения и оскорбления, все до единого, войдут в мой список, придурок.

— Эй ты, вернись сюда! — Толстая дама в наряде из квазимехов для хождения по магазинам гналась вниз по скату за своей автоматической тележкой.

— Вы просто должны увидеть распродажу в пышечной, донеслось в ответ из голосовой коробки тележки.

— У каждого нынче собственное мнение, — заметила, пробегая, толстая дама.

— Интересно, — подумал вслух Берт, — а где здесь продаются сумки и чемоданы.

— Хочешь вернуться и посмотреть на ее живот? — осведомилась Джоанна.

Он покосился на рыжую девушку.

— Именно это тебя и беспокоило, мое прикосновение к ее животу?

— Вовсе нет!

— Эй, воркующие голубки, — прошептал Бюзотер. — Почему бы вам не перехватить какое-нибудь магазинное авто и не велеть ему отвезти вас куда надо.

— Дельное предложение.

Когда они добрались до верха наклонного коридора их окружило шесть тележек.

— Тележку, сэр? Тележку, мисс? Тележку для вашей собачки?

Джоанна выбрала тележку с голубыми колесиками.

— В магазин ручной клади, пожалуйста, — велела она ей.

— Разумеется, прямо в ту сторону.

За следующим поворотом в воздухе на высоте середины стены плавали на воздушных платформах двое человек в рабочих комбинезонах. С помощью электрозубил они удаляли часть вывески целебного минерального источника. Одно

большое слово «Официальный» уже лежало на полу. И рабочие всю отковыривали слово «Ханнекеровский».

— Быстро, однако, — подивился Берт.

— Что-то случилось с Ханнекером — грозой джунглей? — спросила Джоанна.

— Он переживает падение с вершины славы, — туманно объяснил Берт.

— Сегодня Ханнекер, завтра Берт Шенли, — пробормотал пес.

ГЛАВА 22

Берт сунул руку под парящий в воздухе стол, открыл новый чемодан из синтетической кожи и бросил туда горсть закуски.

— А теперь перестань ворчать.

— Что это? — спросил ворчливым шепотом Бузотер.

— Овощные фрикадельки. Жареный квазисыр на соевых кусочках и нечто, в чем я не уверен, — ответил он. — У них тут целый стол при входе. — Он тихо закрыл чемодан.

— Тыфу. Какая-то рыба. — пожаловался приглушенный голос бузотера. — Фу!

Слегка пнув новый чемодан, Берт обратился к сидевшей по другую сторону стола Джоанне.

— Хочешь что-нибудь?

Девушка держала у уха наушник и смотрела на маленький телеэкран с ее стороны стола.

— Пока нет. — Она убрала наушник и положила его рядом со своим бокалом.

Из наушника донесся тонкий голосок.

— Мы вернемся к ежевечерней сводке новостей об убийствах за день, когда после этой серии сообщений продолжатся шестичасовые новости.

— Либо перекрытая полицией дорога не очень важная новость, — сказал Берт, — либо они ничего об этом не говорят.

— По крайней мере, никто не вваливается сюда в Покупай-вилль, чтобы охотиться на нас.

— Насколько нам известно.

Из противоположного коктейль-холла, известного как «бар 26», они видели снаружи полускрытые сумерками дороги. Машины по прежнему останавливали.

— Фу! Фу!

Джоанна коснулась рукой белокурого парика, купленного в парикмахерской крыла Х.

— Есть какие-нибудь новые идеи насчет того, как нам продолжать наше паломничество в Большой Лос-Анджелес?

Берт снова приклеил себе фальшивые усы и надел неброский экскурсионный костюм с псевдомаргариткой на лацкане.

— Вероятно, нам придется добираться автостопом. По возможности, держась проселочных дорог и секторов поменьше.

— Стомильная прогулка пешком займет немало времени, — возразила девушка. — Возможно, нам удастся ... эй!

— Что?

— Включи свой экран.

Берт включил маленький квадратик перед ним, а затем сунул в ухо наушник.

На экране из правительственного аэрокрейсера выходил Илай Кац.

— Да, мальчики, — уведомил он кучку репортеров и журналистов. — Я вернулся сюда, в Большой Лос-Анджелес, раньше, чем ожидал.

— А что насчет этой попытки застрелить вас?

— Удалось добиться каких-то успехов?

— Устали от выступлений в лагерях мистер президент?

Дядя Джоанны улыбнулся репортерше, задавшей этот последний вопрос.

— Звезда нашего представления исчезла, моя милая, и это, в некотором роде, посадило нас на мель. Кроме того, как ни люблю я немного напомнить о доме нашим сражающимся войскам, всегда есть неотложные политические дела, которыми надо заняться...

— Дядя Илай, — произнесла Джоанна, выключая экран.

— Я его сразу узнал.

— Я имею в виду, что нам нужно всего-навсего позвонить ему. Он может прислать кого-нибудь забрать нас.

Бузотер завозился в чемодане.

— Есть еще этот суррогат квазисыра?

— Позже, — решил Берт. — Не знаю, Джоанна. Не думаю, что нам следует давать кому-нибудь знать, где мы находимся. Это может дать кому-нибудь шанс перехватить нас где-то между этим местом и твоим дядей.

— Это кажется маловероятным, — усомнилась Джоанна.

— Все равно.

— Ну, ладно, — уступила она. — Но слушай, он теперь вернулся. Добравшись до Большого Лос-Анджелеса, мы можем отправиться к нему, и он сумеет помочь нам освободить Пьера из лап жестяного ангела.

— Полагаю, он может посодействовать нам, — согласился Берт. — Пока не вызовет агентов УНСС.

— Тогда нам следует сперва направиться к его дому в секторе Лагуна.

— Да, именно так мы и сделаем.

— Вы знаете, что именно нужно Большому Лос-Анджелесу? — В «бар 26» вошли широким шагом Гордон Л. Мернер и его два телохранителя. — Не вставайте, ребята. Я скажу вам, что именно нужно, пока вы сидите здесь, наслаждаясь перерывом на коктейль. Меня зовут Гордон Л. Мернер.

Телохранители зааплодировали.

— Спасибо, ребята. А Большому Лос-Анджелесу нужно вот что. Ему нужен человек, который...

— Политики, — произнес Берт.

— Их кругом навалом, — отозвалась Джоанна.

— Политики могут разъезжать беспрепятственно, тебе не кажется? Их машины никто не станет обыскивать.

— Разумеется, — согласилась девушка. — Думаешь, мы сможем...

— Проехаться на халяву с Гордоном Л. Мернером, — закончил за нее Берт. — Если УНСС ищет нас здесь, то, вероятно, не сообщает всем наших фамилий. Так что он вряд ли что-то заподозрит. Ты представишься как аккредитованная сотрудница «Конгломерат Нетворк» и...

— Скажу ему что CNN сильно желает сделать углубленное интервью с ним, — закончила девушка. — Настолько сильно,

что мы хотим отправиться с ним на север побережья прямо сейчас. Сегодня же.

— Да, — согласился Берг, — это должно сработать.

Джоанна встала.

— Мистер Мернер, — окликнула она.

— Я еще пока не подошел к часу вопросов и ответов, милая леди. Поэтому не посидите ли, пока он не настанет.

Не обращая внимания на его слова, Джоанна направилась к нему, извлекая из потайного кармашка рюкзака свое удостоверение.

ГЛАВА 23

Слева плескался темный Тихий Океан. Аэрокрейсер шел на посадку с ясного ночного неба, разворачиваясь к полосе взлетно-посадочного поля сектора Лагуна.

— А возьмите проблему ниже стандартного пузыряного жилья, — говорил Джоанне Гордон. Внезапно нахмурившись, он подошел к одному из окон салона. — Эта чертова световая надпись на левом крыле погасла. Давно она отключилась?

Один из его рослых телохранителей занимался пилотированием. Другой подошел к Мернеру и пригляделся к крылу.

— Хм, оно и правда не горит, верно?

— А я-то лечу, полагая, что мы то и дело зажигаем надпись «Мернера в мэры!» для тысяч потенциальных избирателей внизу.

— Я могу заставить ее снова загореться, — заверил его телохранитель.

Бузотер лежал у стенки, свернувшись калачиком на новом чемодане.

— Есть в этом ведерке еще какие-нибудь жареные ребрышки?

Не глядя на прихваченное ими при последней остановке в ходе предвыборной компании Мернера ведерко, Берг ответил:

— Ты исчерпал свой лимит.

Отвернувшись от окна, чернокожий политик обратился к Джоанне.

— Когда же я встречу со съемочной группой? Завтра мы едем по разным гетто сектора Ралм-Спрингс. Это должно дать кое-какие острые кадры. Я могу подобрать любого оператора у его дома, когда угодно после семи утра.

— Наш мистер Хейнц свяжется с вами.

Аэрокрейсер приземлился с визгом и подскоком, вихляя по полосе неровными зигзагами.

— Я думал, ты обещал поусердней работать над качеством посадки. — Мернер хмуро посмотрел на пилота-телохранителя.

— На мой взгляд, эта посадка вышла куда лучше, чем...

— Эй, тот подскок подействовал! — воскликнул другой телохранитель. — Надпись снова горит.

Спрыгнув на пол, Бузотер спросил:

— Мернер, вы умеете танцевать чечетку?

— Как это?

— Возможно, мне удастся засунуть вас на место гостя в моем шоу. — И потрусил к двери выхода.

Кандидат поджал губы.

— Хотелось бы знать, как это скажется на моем имидже. Танцевать чечетку с собакой... Трудно определить, как может к этому отнестись электорат.

— Спасибо, что подвезли, — пожал Мернеру руку Берт.

— И за интервью, — добавила Джоанна.

— Дверь надо немного пнуть, — посоветовал Берту телохранитель.

Берт так и сделал, и дверь распахнулась в темень позднего вечера.

В десяти футах впереди них на освещенном лунной песке стоял человек с пистолетом и фонарем.

— Стойте где стоите, кто бы вы ни были.

Джоанна крепче сжала руку Берта.

— Это вы, Бэтсфорд?

— Кажется, вы мисс Барли?

— Она самая. Дядя Илай дома?

— Я не могу дать вам каких-либо сведений до тех пор, пока не проведу с вами стандартную проверку. — Бэтсфорд сократил расстояние между ними до пяти футов. — Этот пес на вид смышленный. Он умеет поворачиваться на спину и притворяться мертвым?

— Я даже Ибсена умею играть, увалень, — оскалился Бюзотер.

— Эй, а это часом не Бюзотер — звезда телесериала «Люби этого Бюзотера»? — Бэтсфорд, рыхлый мужчина шести футов ростом, подошел поближе и опустился на корточки на желтовато-коричневом песке. — Я большой твой поклонник, малыш.

— Бэтсфорд, нам действительно важно тотчас же увидеться с дядей Илаем, — обратилась Джоанна к сотруднику службы безопасности.

Не сводя маленьких глаз с пса, Бэтсфорд поставил на песок портативный электрический фонарь и вытащил из брючного кармана маленькую черную коробочку.

— Вот, мисс Барли. Мне нужны отпечаток вашего большого пальца, прижмите его в месте, помеченном литерой А, и звук вашего голоса. Для этого скажите что-нибудь в микрофон, помеченный литерой Б. Теперь, когда я вижу вас вблизи, то почти уверен, что это вы. Однако я должен быть осторожен. Именно в том и заключается весь смысл службы безопасности.

— Ты слышал анекдот об акробате-заике? — спросил Бюзотер.

Пока Бэтсфорд слушал, как пес рассказывает ему анекдоты, Джоанна проделала необходимые процедуры проверки личности. Через две с половиной минуты коробочка положительно библикнула.

— С вами полный порядок, мисс Барли, — Бэтсфорд встал. — Позвольте мне только обыскать этого телохранителя и можете направляться по проходу к дому.

Особняк Илая Каца представлял собой огромное круглое здание, покрытое цветными квадратами норила. Он стоял над океаном на сваях десяти футов высотой, и попасть туда можно было только по узкой сходне.

На конце сходни, при входе в дом, их встретил еще один сотрудник службы безопасности.

— Добрый вечер, мисс Барли.

— Добрый вечер, Афонский. Мы хотели бы поговорить с моим дядей.

— Одну минуту, — ответил высокий Афонский. — Сперва пройдите процедуру идентификации личности. Прижмите большой палец к точке, помеченной буквой А, и скажите пару слов в микрофон, помеченный буквой Б. — Он протянул ей коробочку, похожую на ту, которая была у Бэтсфорда.

— Я уже это делала.

— Мы стали очень осторожны, мисс Барли, после той стрельбы и враждебных действий в Мексике.

— Именно из-за этого нам и нужно с ним встретиться, — сказал Берт.

Охранник перевел взгляд с Берта на пса.

— Это ведь Бузотер, не так ли?

— Смотрите мое шоу, да?

— Один раз видел, — ответил Афонский. — Но оно оказалось не таким хорошим, как я ожидал.

— А что в нем не так? — потребовал объяснений Бузотер.

— Да в общем-то ничего. Полагаю, уйме людей нравятся подобные изощренные...

— Да уж можешь поручиться своим хером, еще как нравятся... Извините, мисс Барли.

Коробочка в ладошке Джоанны Барли бибикнула.

— Я вам растолкую, что такое хорошее шоу, — сказал Афонский, вставив все пальцы в отверстие замка передней двери, запрограммированного на определенные отпечатки. — Это то шоу, которое называют «Готический час джунглей». Вот шоу, где есть все. Этот Ханнекер...

— Наслаждайся им, пока можешь, — пожелал ему Бузотер. — Дни Ханнекера на телевидении сочтены.

Дверь распахнулась внутрь. Плавно изгибающийся коридор привел их в большую гостиную с окнами, выходящими на висевшую над черной водой террасу.

Илай Кац в домашнем костюме, стоял спиной к открытому окну с видом на море. В левой руке он держал суженный вверх бокал бренди, другую руку он прятал за спиной.

— Дядя Илай, — обратилась Джоанна, — мы должны с тобой поговорить.

— Да, милая. А я должен поговорить с вами.

Из-за спины появилась правая рука, держащая нацеленный прямо на них бластер.

ГЛАВА 24

— Вы тоже в этом замешаны, — констатировал Берт.

— Именно, мой мальчик. — Илай Кац пригубил бренди, глядя на них поверх края бокала. — Я, что называется, мозг всей операции.

— Дядя Илай, — проговорила тихим неровным голосом Джоанна. — О чем ты говоришь?

— Я хочу, чтобы вы присели вон на тот диван из настоящей кожи под моим портретом, — проинструктировал их президент западного округа США. — Я имею в виду людей. Не хочу, чтобы этот пес что-то пачкал.

— Подумать только, я ведь собрался позволить тебе поработать со мной, — посетовал Бузотер. Он забрался на запретный диван, разлегшись на самой крайней подушке. — Так застрели меня.

Кац сделал раздраженный вздох.

— Джоанна, будь любезна, смахни его на пол.

— Дядя, — сказала она. — Что ты имел в виду, говоря, что ты мозг всей операции?

— А что обычно делает мозг, милочка? Заправляет делами. Отлично, пусть остается там. А вы присоединитесь к нему.

— Так значит, вы собираетесь вывести Западное побережье из союза и управлять им сами? — спросил Берт, опустившись на диван рядом с псом.

— В него входят еще Айдахо, Монтана и, конечно, Невада. — Президент махнул рукой с бластером. — Присаживайся, Джоанна.

Девушка подчинилась.

— И ты также стоял за теми покушениями на себя самого?

— Это был небольшой отвлекающий маневр, с расчетом снять с меня подозрения, — объяснил ей дядя. — Если бы

этот ваш друг не сунулся не в свое дело, мы могли выпустить куда более интересное сообщение об инциденте.

— Вы все же повидались с Пьером Хоком там, в Чиуауа, — догадался Берт.

— Вы абсолютно правы, мой мальчик. Он явился ко мне обсудить предстоящее убийство, о котором как-то пронюхал. — Костюм Каца украшал узор из бутонов роз. Он провел пальцами по ряду бутонов, тянувшемуся вдоль бока. — Он рассказал и некоторые другие факты обо всем нашем заговоре и дал понять, что вот-вот раздобудет новые. А также намекал, что, по его мнению, планируемое покушение на мою жизнь не совсем настоящее. Поэтому мы решили на какое-то время убрать его подальше.

— Вы привезли его на базу «жестяного ангела» в Глендейле, — уточнил Берт.

— Не сразу, — сказал президент Кац. — Мы несколько дней держали его на складе в состоянии принудительного транса, прежде чем перевезти для допроса в главный филиал «жестяного ангела». — Он умолк и еще немного отпил бренди. — Тут нам не повезло, поскольку если бы мы допросили его раньше, то смогли бы узнать о вашем друге Уолте Диснее и суметь заставить его замолчать, прежде чем вы до него доберетесь.

Джоанна крепко сжимала руку Берта. Пальцы у нее похолодели и побелели.

— Дядя Илай, ну не можешь же ты всерьез говорить, что собираешься пытаться превратить Западное побережье в отдельную страну?

— Не только пытаться, но и преуспеть, Джоанна, — ответил он. — Ты знаешь, что нужно этому региону?

— Это мы уже слышали от одного цветного на пути сюда, — уведомил его вместо Джоанны Бузотер. — И еще он давал бесплатные ребрышки.

— Велите своему псу помалкивать, — приказал Берту Кац. — Убивать его мне к чему, но я сделаю это, если он и дальше будет дерзить.

— Дядя Илай, не могу поверить что ты...

— Не можешь? Ты знала меня всю жизнь. Ты думала, мне суждено вечно пребывать на вторых ролях? Отнюдь.

— И что же вы намерены делать сейчас? — спросил Берт.

— Боюсь, мой мальчик, что для вас нет никакой надежды, — сочувственно уведомил его президент Кац. — Джоанне, поскольку она родственница, мы попытаемся модифицировать мышление при помощи маленькой простой хирургической операции и небольшой шокотерапии. Она всегда была упрямым ребенком. Но мы все же должны заставить ее забыть все, что она узнала за время своей злополучной связи с вами.

— А ко мне вы тоже примените шокотерапию? — спросил пес. — Я ведь был одним из лучших ваших агентов, не так ли?

— Я всегда сдержанно относился к использованию вас в качестве курьера и шпиона. — Кац потер другие розы на своем костюме. — Мне это казалось каким-то недостойным. Такое движение, как наше, оно борется за установление нового и просвещенного правительства и руководства, которые продержатся долго. Продержатся не просто считанные годы, а десятилетия или даже века.

— Грядут тысячелетия, — съехидничал Бузотер. — В вашей команде все геи?

Кац, моргнув, посмотрел на пса.

— Что вы имеете в виду?

— Большинство крупных диктаторов вели себя малость, как бабы, — разъяснил пес. — А теперь вы развлекаете нас в наряде сплошь в цветочек. Костюмчик, конечно, очень модный, но я невольно гадаю, а не...

— Послушайте, мальчик мой, я такой же нормальный, как вы... такой же нормальный, как любой мужчина в Большом Лос-Анджелесе! — Кац повысил голос. Издав сердитый звук, он повернулся к ним спиной.

Бузотер ткнул Берта лапой в бок и кивнул на открытое окно:

— Приготовься дунуть туда, когда я сделаю свой ход, — прошептал он.

Кац круто развернулся лицом к ним.

— Что он обо мне сказал?

— Я сказал, что наткнулся как-то в Мексике на одного педераста в таком же костюмчике, как у тебя, только с пуансеттиями вместо роз.

— Слушай, почему бы тебе не...

— Расслабься, дядя Илай, — предложила Джоанна. — Мы должны обсудить все это. Ты всегда был благородным человеком, и я никак не могу поверить, что ты причинишь вред Берту или подвергнешь меня...

— Благородные люди странами не правят, — бросил ей дядя. — И фактически, я могу внести этого пса в один список с твоим другом Бертом. Так будет намного проще, меньше расходов. Ты не представляешь, во что обходится финансирование подобной операции.

— Одни только костюмчики в цветочек должны обойтись в фантастическую сумму, — вставил пес.

— Довольно. — Кац двинулся к дивану, замахиваясь пистолетом.

Когда президент оказался в двух футах от него, Бузотер увернулся от удара. Упав на пол, он вскочил на ноги и вонзил крепкие пластиковые зубы в руку Каца, державшую бластер.

Президент взревел и выронил оружие.

— Давай! — крикнул Бузотер.

Берт схватил Джоанну, увлекая ее за собой на террасу.

— В воду и дуй к берегу, — скомандовал он. Отпустив ее руку, он набрал воздуха в легкие и перепрыгнул через перила.

— Но я не умею пла...

Его окружили холод и темнота. Вес внезапно промокшей насквозь одежды потянул его ко дну. Берт боролся с этим и плыл по-прежнему, не погружаясь, под водой. Плыл до тех пор, пока больше не смог обойтись без воздуха.

Высунув голову из воды, он глотнул воздуха и снова нырнул под черную поверхность воды.

Он еще дважды повторял этот прием. А затем поднялся на поверхность и поплыл к берегу. Президентский дом на сваях выглядел крошечной точкой позади него, а Берт приближался к общественному пляжу. Дальше он плыл медленно, оглядываясь теперь кругом в поисках девушки.

В первые несколько мгновений пребывания в ледяной воде он думал только о том, как увеличить расстояние между собой и особняком.

— Мне следовало подождать и убедиться, что она ушла целой и невредимой, — подумал он теперь вслух. — Черт, обязательно следовало. Что она там сказала когда я прыгнул?

— Она сказала, что не умеет плавать. — Бузотер всплыл в нескольких футах левее Берта.

— Это оказалось единственным изъяном в моем плане.

— Что? Джоанна все еще там? — Берт принялся было менять курс.

Пес схватил его зубами за рукав.

— Да погоди ты, горячая голова.

— Я должен вытащить ее из того проклятого дома.

— Кац ее не тронет, во всяком случае, пока мы на свободе.

— Да, но...

— Мы должны успеть удрать, смыться отсюда, — настаивал пес. — Его громилы в любую минуту кинутся по нашему следу.

— Я не могу оставить ее в... не знаю. — Теперь впереди по берегу показался клуб. Сплошные пастельные огни и неолепнина.

— Если мы сумеем вытащить из тюрьмы Пьера и разоблачить весь этот заговор, — внушал пес, плывя по-собачьи рядом с ним, — то Кацу придется давать отбой. Он вынужден будет отпустить ее и удариться в бег. Его тогда будет волновать только одно — как спасти себя, любимого.

Какой-то миг Берт плыл молча.

— Ладно, — произнес он наконец. — Отправляемся в Глендейл.

ГЛАВА 25

— Снова за колючую изгородь! — Берт покинул тротуар, утаскивая с собой все еще мокрого Бузотера.

— Если мы будем и дальше все время нырять в «зеленку», то не доберемся до сектора Глендейл и к следующей неделе.

Укрывшись на лужайке с псевдотравой у закрытой конторы агента по продаже недвижимости, Берт ответил:

— Не хочу, чтобы какие-нибудь фараоны или кто-нибудь еще заметили нас, пока мы не высохли.

Услышанный ими автофургон выехал из-за угла и двигался теперь почти параллельно им. Он притормозил и остановился.

— Фургон знахарей, — прошипел пес.

Сквозь синтетические листья колючей изгороди трехфуртовой высоты Берт увидел поблескивающий на борту символ жестяного ангела.

— Все в порядке, — крикнул кто-то из кабины машины службы Перемещения США. — Вам незачем от меня прятаться. Фактически я...

— Ой! — выпалил Бузотер. — Это тот святоша из Мексики.

Берт нахмурился.

— Преподобный Спад Скаддер?

— Видит Бог, вы мне, вероятно, не доверяете, — продолжал преподобный. — Но если вы подойдете, я все объясню вам, к общему удовлетворению.

— Ой! — вымолвил Берт.

— Мы вполне можем подойти туда. Все равно он знает, что мы залегли здесь.

Кивнув, Берт встал высоко подняв руки.

— Ладно, мы сдаемся.

Достопочтенный Скаддер рассмеялся.

— Да погодите вы, — осадил он их. — Я на вашей стороне. Но полезайте в машину, чтобы я мог объяснить вам все, не опасаясь подслушивания.

Берт с псом медленно подошли к автофургону и забрались в него через задние двери.

— Жуть! — пожаловался Бузотер.

В задней части фургона стояли два непрозрачных пластиковых гроба стандартно-казенного образца.

Улыбающийся священник подъехал поближе к тротуару. Выключив двигатель, он присоединился к ним у гробов.

— Сожалею, что мисс Барли застряла у своего дяди, — сказал он. — Дело в том, что вы действовали чересчур быстро для меня.

— Откуда вы знаете, что именно произошло на берегу? — спросил Берт. — И откуда узнали, где именно мы находимся сейчас?

Оглаживая волнистые волосы и посмеиваясь, преподобный ответил:

— Господи, вы этого не оцените, Берт, но я действительно думаю, что так было к лучшему.

— Что именно?

— Ну, там в Чиуауа. Когда я нашел вас в спящем после того, как агент УНСС вас загипнотизировал, то...

— Кто меня загипнотизировал?

— Об этом можно будет поговорить позже. Я пытаюсь сказать вот что: я взял на себя смелость имплантировать вам маленькое передающее устройство.

— Имплантировать мне? — Берт захлопал себя по груди, а затем по рукам по ногам. — Вы хотите сказать, что оно прямо у меня на теле?

— Под мышкой слева, — уточнил Скаддер. — Незачем беспокоиться. Вы, возможно, слышали, что некоторые из имплантируемых устройств вызывают рак, но эти новые испытаны и вполне безопасны. Они действительно улавливают все, что...

— Так я с той ночи в Мексике разгуливал, передавая все, что говорилось около меня?

— Плюс улавливаемые моим оборудованием пеленги, — объяснил священник. — Это, безусловно, пригодилось.

Бузотер свернулся клубком в темном углу подальше от гробов.

— Кому же вы нас сдадите, преподобный?

— Разве вы не поняли? — засмеялся священник. — Я на вашей стороне.

— И что это будет за сторона? — спросил Берт.

— Ну, взгляните сюда. — Преподобный извлек из кармана своего костюма удостоверение. — Вот смотрите.

Берт прочел слоистую карточку, по которой постукивал палец Скаддера.

— «Предъявитель сего удостоверения Уолтер Р. Спад Скаддер находится на хорошем счету и является агентом Аварийной службы США, и действует с благословения и одобрения президента США в Вашингтоне». И что?

— У нас тоже имелись подозрения в отношении Западного побережья, — сказал Скаддер. — Поэтому я использовал

разные свои легенды с целью поразнюхать здесь. Когда же я выяснил, что вы, возможно, наткнулись на одну ниточку в этой ткани, то добавил вас к списку людей, за которыми надо следить. И, как мне кажется, правильно сделал.

— И что теперь? — спросил Берт, почесывая себя под мышкой.

— По-моему, ваш план не хуже любого другого, — ответил священник. — Освобождение вашего друга Пьера Хока выявит большую часть этого заговора. И это, скорее всего, вынудит Илая Каца отпустить Джоанну Барли, прежде чем он попытается скрыться. — Он улыбнулся Берту. — Не надо слишком сильно волноваться за девушку. Я поручил двум высокоуважаемым аварийщикам следить за президентским особняком.

— Мы ведь всего лишь импровизировали, — сказал Бузотер. — Как нам вломиться в штаб-квартиру «жестяного ангела» в Глендейле?

— Ну, знаешь, Бузотер, на этом фургоне с жестяным ангелом я могу заехать почти куда угодно, — отмахнулся преподобный. — В том числе и в ту крепость.

— Но сможем ли мы туда попасть? — не отставал пес.

Преподобный, смеясь, похлопал руками по двум гробам.

— Вы можете попасть туда в них.

Фургон остановился у ворот огромного кладбища. По обе стороны хромированных ворот стояли, медленно вращаясь на высоких пьедесталах, статуи Гавриила в натуральную величину.

— Закройте крышки, — велел через плечо преподобный Скаддер.

Берт высунул руку из пластикового гроба и закрыл крышку на гробе пса. А затем и свою. Пенополистироловая обивка на внутренней крышке остановилась в двух дюймах от его лица.

— И правда очень жаль, что вы не можете смотреть вместе со мной из окон, — подсадовал Скаддер. — УСПСШ в Глендейле что надо.

— Что за проблема, приятель? — спросил усиленный мегафоном голос.

— Еще пара покойников. — ответил священник.

— Двое? Ну и ну, ночь выдалась еще та. Должно быть, все отбрасывают копыта. Все обработаны и подготовлены к службе?

— Да, готовы к отправке.

— Ладно, заводи их, — приказал голос. — Вези и прямо по дороге к маленькой церкви. А не к залу Патриотов, ладно? В зале у нас трудится ночная бригада, ремонтирует Эйба Линкольна и Линдона Б. Джонсона.

Священник завез их на территорию кладбища.

— Мы в цитадели, ребята.

— Не понимаю, как кто-то может дышать в этом ящике, — отозвался приглушенный голос Бузотера.

Подмышка Берта, та что с микрофоном, начал зудеть. Он попытался подвинуть руку, чтобы почесаться, но не сумел.

— Тот зал Патриотов очень впечатляет, — говорил между тем священник. — Мне, правда, жаль, что нам нельзя будет проехать там. Там у них все любимые патриоты Америки в виде статуй. Каждая статуя вдвое больше натуральной величины. Возможно, это кажется слезливым и сентиментальным, но когда увидишь статую Ричарда М. Никсона высотой в двенадцать футов, это действует на смотрящего.

— Только этого мне и не хватало, — пробормотал Бузотер. — «Клуба кинопутешествий».

— Все патриоты у них стоят в характерных позах, — продолжал Скаддер. — Линкольн, например, подписывает декларацию об отмене рабства, а Линдон Джонсон поедает миску с перцем чили. Очень внушительно.

Берт попытался не потерять представление о времени, отсчитывая секунды. Ему казалось, что они проезжали по территории кладбища добрых пятнадцать минут.

Затем фургон остановился.

— Вот мы и у маленькой церкви усталого путника, — объявил преподобный. — Если верить тому, что мне удалось выяснить, данная конкретная церковь маскирует один из входов в тайные подземные сооружения.

Берту показалось, что он услышал шорох шагов по гравию.

— Теперь, чтобы проникнуть внутрь, вам придется позволить им занести вас в помещение и пройти погребальную службу. Вот после этого мы и сделаем свой ход.

— Вот и кончился идеальный день, — отозвался из гроба Бузотер. — Теперь мне придется высидеть все собственные похороны.

В следующее мгновение задние дверцы фургона распахнулись.

ГЛАВА 26

Попурри из священных гимнов заняло приблизительно тридцать секунд. Его сыграл где-то позади них орган.

После этого какой-то священник, бывший вроде бы человеком, а не роботом, провел отпевание.

— Господи, прими под свое божественное покровительство еще двух несчастных. Счастливого плавания. Тогда... как там их звали?

— Берт Шенли, — снабдил его информацией Скаддер. — И... мистер Бузотер.

— Разве у вас нет полного имени того другого?

— Нет... только мистер Бузотер.

Лежа в тесном гробу, Берт поудобнее перехватил рукоять станнера, одолженного ему преподобным еще в начале пути.

— Счастливого плавания, тогда, Берт Шенли и мистер Бузотер. Да будет ваш путь к дальнему берегу как можно приятней, и да оценят ваши любимые и близкие родственники эту простую, но все же действенную погребальную службу, предоставленную совершенно бесплатно правительством США, — прочел похожий на человека священник. — Ладно, давайте мне на подпись бланки, и покончим с этим. Через десять минут, если мы не получим еще одного покойника, я должен смениться с дежурства. Ночь сегодня выдалась еще та.

— Не сложите ли вы руки за спиной, святой отец, — предложил ему Скаддер.

— Что такое? Я не провожу никаких необычных ритуалов. Это против правил СПСШ, и не...

— Этот пистолет у меня в левой руке — станнер, — сообщил Скаддер. — Я бы не хотел применять его.

Берт с силой толкнул головой крышку гроба и крякнул от натуги. Наконец гроб раскрылся, и Берт смог сесть.

— Боже мой! — воскликнул маленький кругленький священник. — Это настоящее чудо.

Берт окинул взглядом часовню. В ней больше никого не было.

— Проклятие, — проворчал Бюзотер. — Не могу выбраться из этого дурацкого ящика.

— Великий день ныне! — воскликнул священник, с хлопком соединяя ладони. — Мистер Бюзотер тоже был воскрешен? Боже, двойное чу...

Преподобный Скаддер схватил маленького священника за руки, завел их за спину и сковал их. А затем прижал ко рту священника подушечку кляпа.

— Это кляп обработан так, что он безболезненно усыпит его на пару часов.

Маленький священник выскользнул из рук Скадера и съехал на пол.

Берт вылез из гроба и возился с крышкой гроба Бюзотера.

— Прекрати там дергаться.

— Открой его, открой, — требовал пес.

Стукнув несколько раз основанием ладони по пластиковому боку, Берт заставил крышку подняться.

— Все. Можешь вылезать.

Скаддер уложил лишнего чувств священника на церковную скамью.

— Вход на нижний уровень должен быть за той статуей святого Норберта вон там, в нише.

Бюзотер вылез из гроба.

— Он действительно неудобный, не гладкий и очень низкий. Напоминает мне то купе, которое нам досталось на «Новом восточном экспрессе», когда мы...

— Лучше всего будет двигаться побыстрее и оглушить станнерами охранников, если мы на них наткнемся, — проинструктировал их Скаддер. — думаю, я смогу доставить нас к комнате для допросов, где, скорее всего и держат Пьера.

Бюзотер запрыгнул в нишу и обнюхал одеяние святого Норберта.

— Подумать только, можно заслужить славу святого, просто разгуливая в женских тряпках.

Преподобный дотянулся и ухватился за простертую руку святого. Он потянул за нее вниз, и рука статуи пришла в движение. Когда она опустилась, часть стены ниши ушла в сторону.

— Вот наш вход, — указал он.

— После вас, — проявил вежливость Бузотер.

Третий охранник ночной смены уже спал. По пути сюда, когда они все углублялись под кладбище сектора Глендейл, им встретились еще двое. Улыбающийся преподобный оглушил станнером одного, а Берт второго.

Третий, тощий китаец в форме охранника, похрапывал в надувном кресле. Его черноволосая голова запрокинулась назад и касалась светло-зеленой металлической стены; его тяжелый бластер упал на пол рядом с ним.

Скаддер на цыпочках подкрался к нему и приложил к его лицу подушечку-кляп. Охранник китаец тут же впал в еще более глубокий сон.

Когти Бузотера слегка постукивали по ребристому полу коридора, когда их тройца продолжала путь вниз.

— Думаю, что комната для допросов за следующим поворотом, — прошептал Скаддер, когда они приблизились к концу этого сектора.

— Я схожу разведать. — Бузотер почти бесшумно протрусил к повороту в светло-зеленом коридоре и осторожно выглянул из-за угла. И быстро убрал лохматую голову назад. Осторожно вернувшись к ним, пес сообщил:

— Там впереди двое хмырей, бодрствующие и с бластерами.

— Подожди пару секунд, — велел Берт псу. — А потом начинай лаять и выть. — И прокрался вдоль металлической стены к повороту.

— Засада, — одобрил негромким шепотом Скаддер. И двинулся, чтобы присоединиться к Берту.

— У-у-у, гав-гав! — громко произнес Бузотер.

Вой прокатился по коридорам эхом отражаясь от стен.

— Матерь Божья! — воскликнул один из невидимых охранников.

— Давай сходим разберемся, Вирджил, — сказал другой.

— Только не я. Ни за что в жизни. Это баныши.

— Гав-гав, у-у-у.

— А по мне, это больше похоже на бродячую дворнягу. Пошли, выгоним ее отсюда.

— У тебя нет моего кельтского происхождения, и поэтому ты не узнаешь настоящего баныши.

— Давай, бегом!

Послышался топот бегущих ног.

Другой охранник выбежал из-за угла за секунду до Вирджила.

— Видишь, я же говорил тебе, что это...

Луч станнера преподобного угодил в него, и он пал.

Берт свалил Вирджила.

— Дворняга, да? — повторил Бузотер. — Не способны даже узнать...

— Нам лучше утащить этих парней с собой в камеры допросной, — предложил Скаддер.

В конце коридора находился ряд узких дверей, сплошь с «глазками». Бросив Вирджила, Берт подбежал к дверям и принялся заглядывать во все камеры слева направо.

— Пустая, пустая, пустая, Пьер, — перечислил он. И постучал в четвертую дверь. — Эй, он здесь. Привет, Пьер. Не слышу тебя.

— Похоже, что на этой двери замок, открывающийся на закодированные в нем отпечатки пальцев, — определил преподобный.

— Ну, в таком случае он должен быть установлен на отпечатки одного из этих ребят. — Он подошел к лишенным сознания охранникам. — Командовал вот этот парень, попробуем сначала его. — Схватив напарника Вирджила, он подтащил его к двери камеры Пьера и сунул пальцы правой руки в отверстие над дверной ручкой. — Не открывается.

Берт притащил Вирджила, попробовал его пальцы. Дверь издала негромкий недовольный звук и ушла в сторону.

— Мы пришли вытащить тебя отсюда, Пьер, — сообщил он своему другу.

Пьер Хок был коренастым взъерошенным шатеном тридцати четырех лет, с пышными усами.

— Ну, Берт, — проговорил он, — давно пора что-то предпринять для исправления моего положения. Подумать только, что прямо здесь, в самом сердце Большого Лос-Анджелеса, да при этом человека отнюдь не малоизвестного могут держать, практически в заключении, подвергать его дьявольским...

Преподобный показал журналисту свое удостоверение аварийщика.

— Хотел бы задать вам несколько вопросов, как только выберемся отсюда целыми и невредимыми.

Отряхивая свой потрепанный костюм репортера, Пьер ответил:

— Буду более чем рад дать вам интервью, преподобный. Но в данную минуту мне надо добраться до студии «Конгломерат Ньюс Нетворк» и открыть эту пугающую новость всей стране.

— Именно это мы и задумали, — заверил его Скаддер.

Пьер кивнул и вышел из камеры. Пройдя десять шагов, он остановился и обернулся.

— Да, Берт, послушай, — сказал он.

— Да?

— Спасибо, что помог мне выбраться отсюда.

— Не за что, — ответил Берт.

ГЛАВА 27

Берт сделал круг по своему кабинету, а затем остановился напротив окна во всю стену, стоя спиной к висящему над столом телеэкрану. В утреннем воздухе наблюдался легкий налет ярко-желтого смога и придавал всем высотным зданиям светло-золотой вид.

А телевизор между тем говорил:

— А теперь послушаем заявление Эдуарда Л. Корнуолла в Вашингтоне и его углубленный анализ этого беспрецедентного заговора, который, благодаря, в основном, собственному репортеру CNN Пьеру Хоку, был теперь разо...

— Погоди, Эдуард, поступают бюллетени. Да, что? Правильно. Вот Рауль Мартинес на мексиканской границе, где только что был задержан сбежавший президент Илай Кац.

— Да, Боб, — подтвердил Мартинес. — Сбежавший президент был задержан специальной коалицией из полиции штата, агентов ФБР и вылетевших из Вашингтона сотрудников УНСС. Когда его задержали, президент прятался в кузове фургона с сельскохозяйственной продукцией и...

— Ему следовало воспользоваться грузовиком с гончарными изделиями. — Берт выключил звук и набрал номер на видеофоне.

— Отель «Беверли Хиллз», флигель два, — ответила молодая телефонистка.

— Мисс Джоанна Барли еще в отеле?

— Мистер Шенли, не так ли?

— Да, — признался Берт.

— Мисс Барли просила передать, что для вас ее нет, мистер Шенли. Сожалею, — извинилась девушка. — Небольшая размовка?

Берт повесил трубку и сделал еще один круг по кабинету в «Метро-Итало-Американ».

— Вполне можно и начать, — сказал он самому себе. Вернувшись к столу, он щелкнул всеми переключателями ящиков, и все ящики выдвинулись.

Этим утром он принес с собой два чемодана. Один из них был тем, в котором он прятал Бузотера на одном этапе их бегства из Мексики. Теперь он применит его для вывоза материалов из своего кабинета.

Мельком взглянув на экран, он заметил Бузотера и вернул звук.

— Это интервью взято сегодня рано утром после того, как всемирно известный пес принял участие в дерзком побеге Пьера Хока из расположенного поблизости в Глендейле филиала УНСС.

Бузотер сидел в бронзовом кресле в пустой на вид студии отвечая на вопросы наклонившийся вперед чернокожей девушки.

— Я не верю в насилие, — говорил пес. — Именно поэтому я и применил против тех кладбищенских хмырей станнер.

— Мне кажется, Бузотер, что твои приключения в реальной жизни начинают становиться такими же волнующими, как и вымышленные, которые так любят многие из нас.

— Можешь ручаться в этом своим маленьким округлым... Да, Леона, это именно так.

Берт снова избавился от звука. Выхватив из ящика горсть факсовых сообщений, он бросил их в открытый чемодан.

— Рассортировать все это барахло я могу и дома.

Он заполнил один чемодан и начал набивать второй, когда на экране появилась Джоанна.

— Прямо из отеля «Берверли Хилзс», — сказал репортер, когда Берт опять включил звук. — Я понимаю, что на вашу долю выпало тяжелое испытание, Мисс Барли и поэтому я ценю ваше согласие поговорить со мной в это очень трудное для вас время.

Джоанна зачесала свои рыжие волосы на затылок и облачилась в полувоенный темно-бордовый комбинезон.

— Думаю, что это мой долг, — сказала она. — Некоторые люди пренебрегают своим долгом и бросают... Что ты хотел бы узнать, Бад?

— Скажите нам, уверен нашим зрителям будет интересно узнать, как вы вырвались из когтей своего дяди? — Бад, длиннолицый молодой человек, повернулся прямо к камере.

— Я говорю с Джоанной Барли, сотрудницей «Конгломерат Ньюс-Нетворк», которая также является племянницей Илая Каца, который до сегодняшнего утра был президентом округа Западного побережья США.

— Думаю, он все еще президент, — высказала свое сомнение Джоанна. — Требуется предпринять некоторые шаги, для того чтобы...

— Надо думать, — согласился Бад. — А теперь расскажите нам, как вам удалось сбежать из прибрежного особняка, где вас держал в заточении ваш зловещий дядя.

— Как ты знаешь, Бад, меня там бросили, — ответила Джоанна.

Берт поморщился и дернул себя за ухо.

— После того, как меня там оставил заботиться самой о себе некий человек, которому я имела глупость доверять, — продолжала девушка, — мы с дядей Илаем просто сидели

сложу руки. Когда он услышал, что Пьер на свободе и намерен выйти в эфир с полной историей этого заговора, то дядя Илай решил покинуть страну. — Она пожала плечами. — Что ни говори, а у дяди сильное чувство семьи. Он решил освободить меня и бежать.

— Изумительно, мисс Барли, — проговорил Бад. — Изумительный рассказ о смелости перед лицом...

Берт вообще выключил телевизор.

— Возможно, мне вообще не следовало оставлять ее там. Загудел видеофон.

— Алло?

С экрана смотрело морщинистое лицо Шлепси Макси.

— Хочу с тобой поговорить, Берт. Зайди ко мне в кабинет.

— Разумеется.

Бузотер лежал, вытянувшись около огромного алюминиевого стола Шлепси, и что-то лакал из миски.

— Отличное утро, орангутанг.

— Ты выглядел очень героично по телику, — сказал ему Берт.

Потирая синтетической рукой левый глаз, Шлепси сказал:

— Сегодня утром по видеофону мы обменялись кое-какими резкими словами, Берт.

— Я сейчас освобождаю свой кабинет.

Морщинистый маленький агент снова потер глаз, прежде чем поднять руку в останавливающем жесте.

— Я тут поговорил по душам с Бузотером.

Бузотер продолжал хлебать из миски.

— Не хочешь martinis? — Шлепси приготовил целый кувшин.

— Нет, — отказался Берт.

— Слушай, Берт, — сказал агент МИА. — Итог такой: хоть ты и не подчинился приказам и испортил тщательно подготовленные планы МИА по развлечению наших парней в Мексике... Несмотря на это, мы получили с этого чертовски много великолепной рекламы нашей студии. — Он хлопнул ладонью по толстой пачке памятных записок, телеграмм и заметок у себя на столе. — И видел бы ты, какие поступают предложения. Три издательства покет-буков и этот чертов «Клуб книги месяца» грызутся за книгу о приключениях Бузотера.

— Не забудь послать мне экземпляр.

— Не будь высокомерным, Берт, — пожаловался Шлепси. — Я пытаюсь сказать вот что: руководство «Метро-Ита-ло-Американ» считает тебя молодцом. По его мнению, ты умный и ценный сотрудник.

— Да ну?

— Кроме того, этот песик действительно любит тебя. Он все последние полчасы умолял меня оставить тебя. Это... ну, должен признаться, это заставило меня прослезиться при виде такой глубокой привязанности между парнем и его псом.

— Наоборот, — уточнил Берт. Сунув руки в карманы, он несколько секунд глядел в потолок. — Нет.

— Что значит нет?

— Нет, — повторил Берт. — Я уже почти все упаковал. И сегодня утром я чувствовал себя хорошо. Не из-за всего хорошо, но хорошо оттого, что ухожу отсюда. Так что если ты не уволишь меня, Шлепси, я уйду сам.

Бузотер поднялся в сидячее положение.

— Уходишь? Ты не можешь этого сделать после всей той риторики, на которую я пустился ради тебя.

— Всем до свидания. — Берт повернулся и направился к двери.

Бузотер зарычал и бросился за ним.

— Ничтожество. — И как раз в тот момент, когда Берт выходил, пес хватанул его за ногу.

ГЛАВА 28

Привлекательная чернокожая секретарша спросила:

— Разве вы не артист, как все остальные?

Берт сидел в приемной рекламного отдела «Конгломерата Ньюс-Нетворк» — на колене у него покоилась считыватель, заполненный прошлогодними микрожурналами.

— Нет, — ответил он улыбающейся девушке.

— Я большая поклонница визуальных СМИ, — пояснила она свой вопрос. — И могу поклясться, что вас недавно показывали по телевизору или в недавнем телеспектакле.

— Возможно, вы видели меня новостях три дня назад.

Она щелкнула пальцами.

— Точно. Вас спас Пьер Хок, или что-то в этом роде.

— Верно, — не стал спорить Берт.

— Вы ведь работаете в «Метро-Итало-Американ»? Я слышала, им нужна девушка на роль запасной жертвы в утреннем шоу «Первая помощь».

— Я больше там не работаю.

— О, — произнесла секретарша. — Убийственное это занятие, не правда ли? Как я понимаю, Ханнекер «гроза джунглей» тоже обречен? — Из-под ее стола раздался звук бипера. — Марти Хейнц примет вас сейчас, мистер Шенли.

Берт проследовал в кабинет друга и застал там Джоанну.

— Ты ведь знаком с Джо, не так ли, Берт?

— Мы встречались в Мексике. — Берт посмотрел на нее, кивнул и отвел взгляд.

— Мы с мистером Шенли по возвращении в Большой Лос-Анджелес потеряли связь друг с другом.

— Садись, садись, Берт. Я сию минуту закончу с Джо, и тогда мы сможем поговорить о твоём переходе на работу в CNN, — зачастил Марти. — Берт подумывает присоединиться к нашей группе, Джо.

Волосы у Джоанны по-прежнему были зачесаны на затылок и связаны тонкой черной лентой. А надела она еще один строгий комбинезон.

— О, так вы бросаете свою работу в МИА?

— Да, я также оставляю там Бузотера. — Берт сел на неудобный стеклянный стул.

Измотанный Марти вскочил на ноги.

— Надо найти одну папку. Если я попрошу доставить ее сюда работа, то на это уйдет целая неделя. Извините, что покидаю вас. Поболтайте пока, — и выбежал из кабинета через боковой вход.

— Похоже, ты в добром здравии, — сказала девушка после минутного молчания.

— А ты, похоже, вступила в ярды коммандос, — отозвался он. — Для чего ты так вырядилась?

— Этот наряд подходит к моему настроению.

Берт чуть склонил голову влево. И ничего не сказал.

— Как там Бузотер? — спросила Джоанна.

— Бешенством не страдает.

— А что, возникло какое-то подозрение, что у него бешенство?

— На днях он укусил меня за ногу, но я все еще жив.

— Старый добрый Бузотер, — улыбнулась Джоанна. — Он очень прагматичен.

Берт кивнул.

— Ты неплохо умеешь просто оставлять людей, — заметила девушка. — Меня, Бузотера... и кто знает, кого еще.

Берт встал.

— Я думал, ты умеешь плавать.

— Но я не умею, черт возьми, и...

— Когда я впервые увидел тебя, ты была в купальнике, ты и твои длинные ножки, — напомнил он ей. — И я полагал... Он оставил предложение незаконченным и подошел к окну. Из кабинета Марти он видел вдали океан.

— Что ты собираешься теперь делать? — спросила Джоанна.

— Работать в CNN.

— Тут очень неплохой пенсионный план, — вроде как одобрила она. — Не говоря уже о весьма удовлетворительном медицинском комплексе.

— Ты намерена какое-то время оставаться в Большом Лос-Анджелесе?

— С месяц, — ответила она. — Мне дали месячный отпуск и премию. — Она негромко рассмеялась. — Рекламу мне все это сделало очень странную. Мне постоянно предлагают всевозможные сделки. Подъезжали даже три издательства покет-буков и клуб «Книга месяца».

— К Бузотеру тоже.

— В самом деле? А тебя разве не просили тоже?

— Может, и просили. Я не слишком усердно отвечал на звонки.

— Знаю.

Он сделал несколько шагов в ее сторону.

— Ты пыталась дозвониться?

— Раз или два, — ответила она. — Я пришла к мысли что поскольку все обернулось более-менее к лучшему... ну, ты,

вероятно, поступил правильно, выходя из положения именно так, как ты вышел.

— Не уверен, — покачал головой Берт.

— Наверно, Марти мог бы устроить так, чтобы ты приступил к работе только через месяц.

— Это я могу устроить.

— Поскольку нам ни разу не довелось долго бывать наедине с тех самых пор, как мы встретились. — Она протянула руку за спину и распустила волосы, развязав ленточку.

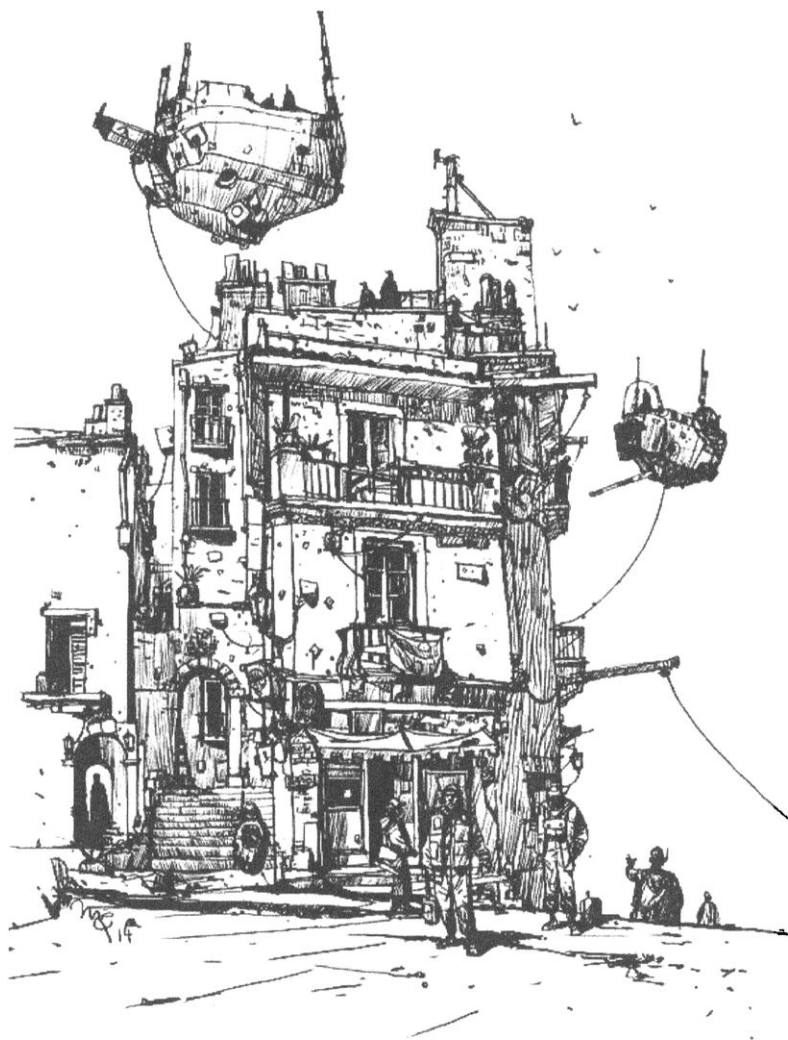
Берт поцеловал ее.

Эдгар ПЭНБОРН

КОМПАНИЯ СЛАВЫ

ГЛАВА 1. ДА БУДЕТ ЛЮБОВЬ!

*Возможно, мной осталась незамеченной
бесконечность. Но я найду ее даже в тра-
винке.*

Деметриос

Старик взмахнул вырезанным из орехового дерева посохом — ему нравилось ощущать его тяжесть. Но опираться на посох он не собирался. Старик был не более слеп, чем Гомер. Пройдя вдоль Харроу-стрит, он повстречал парня, ведущего лошадь к кузнецу, и девочек, с натугой тащивших от ручья корзины с выстиранным бельем.

— Добрый день, Гарт! Как дела у Фрэнки?

— Добрый день, Деметриос, — дружелюбно и застенчиво улыбнувшись, ответил парень. — Фрэнки чувствует себя прекрасно. — Гарт стоял в ленивой позе, оглаживая шею лошади и внимательно наблюдая за девочками. Те уселись на свои корзины — блузки насквозь мокрые, волосы встрепанные. Но и за стариком он наблюдал не менее внимательно: нельзя игнорировать рассказчика.

Лицо Деметриоса обладало странным свойством: казалось, оно беспрерывно приближается, летит к смотрящему — даже когда сам Деметриос оставался совершенно неподвижным. И — его распухшая в суставах длинная рука могла покоиться на ореховом посохе и в то же время указывать куда-то вовне, туда, где разворачивались чужие и незнакомые страны. Деметриос был высок — удобно для того, кто привык скользить взглядом над занятыми мыслями чужими головами. Его пепельные, слегка тронутые сединой волосы спадали на плечи прямыми прядями. Ему

было лет шестьдесят. Не то, чтобы старый — в возрасте. Он походил на свой ореховый посох. Он походил на вино, которое держали в бочонке достаточно долго, пока оно не созрело. И, возможно, способ его созревания был доступен не каждому. Парень по имени Гарт был в том возрасте, когда сердце человека готово любить весь мир. Он преклонялся перед Деметриосом: кто еще из стариков способен помнить имя прислуживающего при конюшне подростка? И не только его самого, но и его маленького брата? Деметриос не пользовался ни любовью, ни нелюбовью людей: просто они отдавали должное его профессиональному искусству рассказчика, и за то, чтобы послушать его, готовы были платить. Но его любила девушка, которую звали Солайтер. И он любил ее.

С другой стороны улицы к ним приблизился уличный торговец тряпьем. Торговец был старше Деметриоса. Подтакивая свою двухколесную тележку, он подъехал поближе. Поставил ее на упор и остановился, вытирая пот с лица грязной тряпкой. Над миром висел тяжелый июльский полдень. Ветер, вздымающий в горном воздухе клубы серой пыли, здесь не чувствовался. Он не долетал сюда. Хотя... Когда-то давно над этим жалким подобием города разразилась гроза, и ветер перемешал на улицах Набера грязь, отбросы и сточные воды, и все канавы центральной части города были переполнены мерзостью. Ветер передвигал тогда скопления грязи с одного места на другое — так, как это когда-то делала техника человеческого общества. Когда-то.

Ударяя себя в грудь кулаком, напрактиковавшийся в наглости торговец (всякая гласность есть хорошая реклама, как говорили в старое время — пока люди не расплевались с ним), так вот, торговец решил, что имеет право прокаркать:

— Димми, вы старый молодчага! Расскажите нам историю? Интересную к тому же историю?

— О вашей казни через повешение, Поттерфильд? — Произнеси эту фразу Деметриос тише, его голос все равно раскатился бы шагов на шестьдесят — на все занимаемое кварталом пространство. Одна из девочек хихикнула, прикрывая рот покрасневшей от стирки ладонью. Хихикнула и

покосилась на Гарта: тот медленно заливался румянцем. Ему было не больше пятнадцати.

Когда Деметриос возвышал свой голос, чтобы его было слышно в задних рядах толпы, его баритон иногда срывался на фальцет. Когда-то он немного пел — до тех пор, пока один музыкант не сказал ему, что слух у него не совсем верный. Голос Деметриоса больше годился на то, чтобы рассказывать сказки. Из окна первого этажа далеко высунулась женщина. Поверх ее волос была повязана тряпка. Деметриос спросил:

— Можно мне присесть здесь, мэм, пока я буду рассказывать историю? Такого рода, как вам нравится, историю?

Она сплюнула косточку персика в сточную канаву под окном и уселась на подоконнике:

— Ступени не наши. Мы — только арендаторы. Садитесь, где хотите, дорогой, и рассказывайте вашу историю. Я набью рыло любому, кто скажет, что вы не имеете на это права.

— Так, может быть, я расскажу историю специально для вас? И в ней будет говориться о любви. А Поттерфильду придется с этим примириться.

— У меня нет причин возражать против любви, — проворчал Поттерфильд, — как сказала муха, когда ее бедная задница слиплась от меда.

Деметриос сел в тень и сложил руки на набалдашнике посоха. Прикрыв глаза, собираясь, оглядывая полночный океан своих воспоминаний — так суперкарго тщательно просматривает свою память, отыскивая в ней местонахождение причалов и складов. Он почувствовал знакомый страх: сегодня не приплывет ни один корабль. Бывают дни, когда все идет не так, как надо.

— Я был тогда ребенком, — начал он. — По-моему, я еще не рассказывал историй о своем детстве. Это было, когда... нет, не так. Разрешите, я подумаю. Ветер восточный... Скверный ветер... Все истории начинаются с детства. Даже если о нем в истории не рассказывается.

Теперь слушайте. Я, рассказывающий вам это, родился в маленьком городке. Возможно, этот город показался бы вам большим. До Двадцатиминутной войны, с которой начинается Год первый по нашему календарю, в нем жили около трех тысяч человек. Думаю, теперешнее население Набера

едва ли превышает... Ну, может быть, четыре тысячи. Четыре тысячи лояльных граждан Королевской республики. — Никто не рассмеялся.

— Город, где я родился, назывался Гестервилль. В нескольких милях вверх по реке лежал Ганнибал — столица штата Миссури. Миссури был расположен — если смотреть отсюда — далеко на западе... Неважно, если вы никогда не слышали о Миссури. Кстати, за сто сорок пять лет до моего рождения в Ганнибале родился человек, которого звали Сэм Клеменс. Я вспомнил о нем потому, что он тоже любил рассказывать истории. В отличие от меня, это был великий рассказчик. Его истории были записаны в книгах, и каждая книга размножалась во многих тысячах экземпляров. Это называлось книгопечатанием — вы слышали это название. Мне говорили, что помимо ручного печатного станка, принадлежащего властям — того, который во внутреннем городе, — здесь, в Набере, существовал еще один станок. Истории Клеменса читались и ценились во всем мире. Этот мир, дорогие мои, был куда больше теперешнего, он был совершенно круглым. Клеменс писал свои истории под псевдонимом Марк Твен, и это имя получило гораздо большую известность, чем его подлинное имя. Имя имеет важное значение — благодаря именам мы можем хоть как-то общаться друг с другом. Истории Марка Твена не умрут до тех пор, пока не утрачены, пока не уничтожены все книги. И даже тогда некоторые из них будут определенное время передаваться из уст в уста. Мои истории печатаются не на бумаге, на воздухе. Кто знает, где оказывается история после того, как автор доверил ее ветру?

Затем — мне это известно — старик подумал, не рассказывать ли слушателям что-нибудь из истории Гека Финна... Нет смысла. Тысяча девятьсот девяносто третий — и снова у нас рабство, но теперь и методы, и сами названия сделались совершенно иными. И называется теперь рабство — Временная отмена нормального положения. Как смогут эти, не знающие, что такое дружба, люди понять, что означает открыто признанное рабство? Как смогут они понять негра Джима? «Все превосходно, и пошел я к черту!» — что они смогут понять в этой фразе? Смысл написанного исчез. Мир,

в котором жил Гек, — этот мир утерян так давно, что когда я мальчишкой читал о нем, он казался мне более отдаленным и чуждым, чем Аркадия, царство Пана... Что ж, они смогли б понять хоть что-то, если бы у меня хватило умения донести до них то, что понимаю я. Это ближе нам, чем двадцатое столетие — любой год этого столетия! Потому что теперь дряблая пластиковая туша промышленности покоится в могиле. Загрязненный воздух постепенно делается чище. Земля и даже замученное запакощенное море начинают восстанавливать свою красоту. Красоту, изуродованную и запачканную долларovým прогрессом. Этого прогресса больше нет. Именно так, и так и должно быть. Возможно, мной осталась незамеченной бесконечность. Но я найду ее даже в травинке.

Он понял, что молчал слишком долго. Открыл глаза и с привычной проницательностью осветил взглядом слушателей. Пусть они знают, что он не задремал от старческой слабости и не забыл о них. На лицах слушателей — внимание, один-двое проглотили появившиеся было улыбки. Пока Деметрис размышлял, подошли еще несколько человек. Он знал об их появлении, но от своих дум отрываться ему не хотелось. Теперь, когда грамотность стала редким явлением, рассказчик и тот, кто сообщает людям новости, должны самолично являться слушателям. А память слушателей обнаруживает поразительную силу. Должно быть, в эпоху газет и пишущих машинок эта способность к запоминанию была подавлена и находилась в загоне. Деметриос обвел взглядом кучку собравшихся. Некоторые лица вроде бы и знакомы, но имен он вспомнить не может. Единственное исключение — пухлое свежее лицо юного Гарта.

Возле его ног лежала перевернутая вверх дном парусиновая кепка. В ней поблескивали несколько монет. В основном, это были медные пенни Королевской Республики Катскиль. Грубо отштампованные, с оттиснутым — челюсти квадратные — профилем Брайена Второго. (Подобно своему отцу Брайану Первому, он именовал свою монархию Временным правительством. Священная цель этого правительства заключалась в восстановлении Соединенных Штатов Америки. Но было бы не совсем практично добиваться осуществления этой

цели прямо сегодня. Увы!) Среди пенни — поразительно! — сверкал уцелевший обломок прошлого. Разрешенное законом средство оплаты, но — большая редкость. Сохранившаяся со старого времени серебряная десятицентовая монета, стоимостью, по меньшей мере, в пятьдесят пенни Катскиля. Кому из собравшихся он обязан этим чрезмерно щедрым даром?

Почти наверняка это был темноволосый юноша, сидящий в стороне от остальных. Темноволосый держал на поводке серого волкодава. Льняная туника и набедренная повязка юноши были снежно-белые — свидетельство того, что их владелец принадлежит к аристократии. Неофициальное, но все же свидетельство. Закон на сей счет молчал, но никто, кроме аристократов, не появлялся на людях в одежде из дорогостоящего отбеленного льна. Простые обыватели носили одежду, сшитую неопытными руками жены, либо на потогонке, где работали крепостные. Тканью для одежды служила скверно сотканная шерсть тускло-коричневого цвета. Либо — так называемый «шерсть-лен», сотканный из льняных и шерстяных оческов. Аристократы гордились чистотой своих одежд, хотя на определенном уровне грязь рассматривалась, как признак силы и добродетели. Висящая у бедра юноши сумка и его мокасины сделаны из оленьей кожи. Их делали крепостные слуги — будущие рабы. Труд этих слуг идет на удовлетворение потребностей Внутреннего города и больших, расположенных за городской чертой поместий. Прямой, наивный взгляд юноши смущал Деметриоса. И еще — его неотступно преследовала мысль о смерти, постигшей тот, другой мир почти полстолетия назад.

— Думаю, история рассказывается всюду, где горит хоть искра жизни, где есть, кому слушать. В Гестервилле у людей были такие приспособления, что каждому, кто по молодости не видел их, они покажутся сказочной придумкой. Никто здесь, кроме Поттерфильда, не знает этих названий: телефон, автомобиль, радио, поезд, самолет. Естественно, вам было бы трудно поверить в их существование. Помните о космических полетах, Поттерфильд?

— Вроде, — сказал разносчик. — Это когда летят вверх, так? Никогда их не видел. Видел один раз. Придумали что-то вроде раковины и полетели на ней...

— И что же случилось с вашей раковиной? — спросил темноволосый юноша.

— Взорвалась, — сказал Поттерфильд. — Взорвалась, сэр. Понимаете, когда высвободилась приводящая ее в движение сила, что-то там не сработало. — Он подмигнул Деметриосу, показывая, что тоже сожалеет, что древняя мудрость (мудрость ли?) исчезла. Исчезла, не принеся людям никакой пользы. — Как-то моя приятельница раздобыла бутылку со спиртным. Это был лосьон для рук. Раз — и пусто! Тоже раковина. Вот это раковина! Мы тогда с ней сожительствовали. Это было почти пятьдесят лет назад. А сейчас мне, если хотите знать, — семьдесят, хвала Иисусу.

— Вспомните также об автомобилях, — сказал Деметриос. — А помните телефоны? Реактивные самолеты?

— Конечно. Вот сейчас, думаю, была бы у меня нужда в... так я бы просто взял, позвонил и... а, ладно.

Раздраженный навалившимися на него бедами (не последняя из них старость), Поттерфильд сунул руку под мокрую набедренную повязку, принялся скрестись. Вшам, блохам и крысам удалось не просто выжить в тот день — много лет назад, — когда разразилась катастрофа. Они — кишели. В последние два-три десятилетия, когда поднявшиеся воды оставались на одном уровне (лишь изредка чуть отклоняясь от него в ту или иную сторону), особо хорошие условия жизни настали для одной из разновидностей крыс — маленьких, короткохвостых, агрессивных. Одетые в темную шкуру, безжалостные, эти крысы облюбовали для себя жилье человека. Современное дешевое жилище, под которое уже не подводят бетонный фундамент. «Возможно, эти крысы — результат мутации плодовых полевых мышей Старого времени», — подумал Деметриос. Но вокруг нет никого, с кем можно было бы порассуждать на эту тему. Никого даже, кто знал бы слово «генетика».

— Богаче жили, а? — сказал Поттерфильд.

«Ему было около двадцати, — подумал Деметриос, — когда по городам хлестнул огненный бич, а сразу же следом —

быстротечная чума, и смерть от радиации, и страшные эпидемии, и не было средств понять, как с ними бороться, как справиться с ними». Великая Красная чума разразилась шестнадцатью годами позже, когда Деметриос оказался уже в Набере. Деметриосу было тогда двадцать девять лет. Поттерфильд был в то время просто юнцом. Если человек вообще может соответствовать определению «юный». И желания у Поттерфильда были простые. Если вообще бывают простые желания: потребности, как круги на водной поверхности, они распространяются в бесконечность. Сколько их было, таких же, как и Поттерфильд! Мужчин и женщин. Мужчин и женщин любого возраста. По переписи 1990 года, их было свыше четырех миллиардов. Несмотря на то, что в конце семидесятых — начале восьмидесятых годов наблюдался некоторый спад рождаемости и небольшое увеличение числа оставшихся одинокими женщин.

— Богаче жили, да не такое уж счастье — все время летать. Теперь у человека появилась возможность размышлять, — сказал Поттерфильд. — Трудно поверить, какие у меня теперь бывают глубокие мысли. Они у меня бывают все чаще. Продолжайте свою историю, Димми... Я сижу здесь, чтобы мне было интересно, так, вроде?

— Интересно будет. Если вы прежде не уснете. Вот в том мире я и рос. До тринадцати лет. Это был не слишком комфортабельный мир... Он ни для кого не был слишком комфортабельным — не считая тех бездумных, кто способен с удобствами расположиться и на краю вулкана. Разумеется, поскольку тогда я был ребенком, я тоже нередко бывал бездумным. Я...

— Э, Деметриос! — женщина в окне покончила с очередным персиком и вытерла рот ладонью. — Вулкан? Какое красивое и непонятное слово! Что такое «вулкан»?

— Простите, мэм. Вулкан — это такая гора с дырой на вершине. Время от времени через дыру прорывается земной огонь, и по склону горы стекает река расплавленного камня, сжигающая все вокруг. Вы, наверное, знаете, моя дорогая, что внутри Земли имеется огненное ядро? Дорогие мои, каждый день вы, в буквальном смысле слова, ходите по огню... А теперь хватит вопросов, или я не стану рас-

сказывать историю. — Парень по имени Гарт казался испуганным. Он даже с гауповатым видом поглядывал себе под ноги. Женщина же в окне была лишь удивлена, и вид у нее был недоверчивый. — Так вот, в том мире я и рос. Мой отец был врачом. Это был мудрый человек. Мать была художницей, она рисовала картины.

В Набере тоже были художники. Моя мать умела рисовать лучше, чем кто угодно, кого вы знаете... Ну, разумеется, у нее для этого были материалы и инструменты — лучше, чем есть сейчас. Мой отец был известен как доктор Исаак Фримен из Гестервилля, а меня звали... Ну что ж, мое имя было Адам Фримен. Я никогда раньше об этом не говорил. («Что это нашло на тебя, что ты захотел рассказать им об этом, ты так колебался и запинаясь? Да и не этого они хотят от тебя, Деметриос. Им нужна любовная история или волшебная легенда... Пусть даже что-то аллегорическое, если тебе того хочется. И если б ты был осторожен — потому что слова жалят, причиняя жгучую боль, когда рассказ идет о лишениях и нуждах, с которыми люди сталкиваются ежедневно. Но уж конечно, им не нужен рассказ о том, как все происходило на самом деле! Ладно, ветер — восточный».) Наверное, мне нужно быть как-то поосторожнее, мои дорогие. Меня тут звали не Деметриосом. Мое имя было: Адам Фримен.

Но сорок семь лет мое имя было: Деметриос... Достаточно долгий срок, чтобы увидеть, как поднялись воды и образовалось море Гудзона. А еще я видел мессию — семнадцать лет тому назад. И его мученическую смерть во имя тех, кого он пытался спасти... Я говорю о человеке, которого звали Авраам. Его казнили на колесе на площади Виселицы нашего города. Люди называли его пророком.

— Разве он не был пророком? — спросил юноша с волкодавом. — Извините... Я не хотел вас перебивать.

— Все люди — пророки, — сказал Деметриос, взглядом изучая юношу. То, что этот парень здесь — странно, хотя и не слишком странно. Жители Внутреннего города были вольны идти куда им вздумается. Их нередко можно было видеть на открытых для простого народа улицах — особенно если их сопровождали для охраны собаки или слуги. И хотя они редко

беспокоили себя тем, чтобы остановиться возле расположившегося на углу рассказчика, все же не было особых оснований удивляться этому.

— Но поскольку другие люди с этим никогда не соглашались, вероятно, никого именовать так и не следует. А меня именуют Деметриосом. Это имя означает «Принадлежащий земле». В древние времена люди поклонялись богине Деметре. Она считалась духом земли, всеобщей матерью... Она была известна и другими именами. «Деметра» — это имя, которое ей дали греки... Вам известно о греках, сэр?

Юноша выглядел смущенным — вероятно, потому что сэром его назвал человек, намного превосходящий его по возрасту. Но большинство носящих лен сочло бы такое обращение только естественным.

— Известно, — сказал он без тени заносчивости. И улыбнулся. — Из книг.

Деметриос кивнул.

— В таком случае вы хорошо знаете их. Я Деметриос. А если кто-нибудь окликнет меня на улице как Адама Фримена, возможно, я не пойму, что окликают меня. Отец звал меня «Ад». Для матери, уроженки Уэльса, я был Адамбэгем.

В 1993 году — по старому календарю — мне было тринадцать лет. Вспомните, дорогие мои, что эта страна тогда далеко простиралась во все стороны — на запад, на юг, на север. А сейчас — лишь часть ее не затоплена океаном. И по сравнению с тем, что было, наш Катскиль — как комок грязи из-под ногтя на огромном одеяле. Вот что такое вся страна, где живет наш народ, весь Катскиль. И вот что такое была страна, громадная страна, которая называлась Соединенные Штаты Америки. После 1993 года, как мы знаем, исторические записи не ведутся. Нам известен лишь наш маленький комок грязи из-под ногтя. Весь остальной мир распался на множество больших и малых государств. Может быть, такое положение по-прежнему сохраняется, но никакие известия более не доходят до нас. Нас разделил океан. Живущие в этих государствах объявили себя независимыми народами. Такими независимыми, что тут же принялись воевать друг с другом, используя оружие, от которого земля превращалась в шлак. Теперь такого оружия больше нет.

Жители этих государств объявили себя нациями, и образовались союзы наций, и ни у кого из них, дорогие мои, не хватило ума уклониться от этой глупости — войны. Нации способны проявлять справедливость и милосердие не в большей степени, чем любовь. Потому что они, в сущности, не что иное, как организованные людские скопища. Отдельно взятый человек может любить и может быть любимым. Такой человек может быть великодушным и добрым, может быть терпимым, он даже может быть смелым. Нации же подобных качеств не проявляют. Никогда. Скопище, толпа, не умеет ни думать, ни чувствовать. Дорогие мои, размышлять и чувствовать может лишь душа отдельно взятого человека.

Среди слушателей был какой-то узколицый. Решившись на что-то, он выбрался из толпы и зашагал прочь. Его облик вызывал раздражение у Деметриоса. Рискованно было бы клясться, что сможешь узнать этого человека при следующей встрече: черты лица отглаженные, невыразительные, нейтральные.

— В 1993 году мне было тринадцать. Помню, я прочел чикагскую газету. Чикаго — это был город, который сейчас затоплен океаном. Статья в газете была слегка подправлена цензурой, и я читал между строк. А мой отец сопровождал чтение мрачными комментариями. Мои родители считали меня взрослым. Мы — мои родители и я — были достаточно подкованы. Радио и телевидение подсказывали, каким должен быть наш образ мыслей. И в присутствии посторонних мы, казалось бы, думали надлежащим образом. Мы знали...

— Послушайте, — сказал Поттерфильд, — вы не рассказываете историю. Вы просто шлепаете языком о прошлом... А кому это надо?

— А, Поттерфильд! Жили-были когда-то два маленьких человечка. Женатых. Их звали Адам и Ева. У них было два маленьких сына. Одного звали Каин, а другого...

— А, дьяволыщина! Я ничего не говорил, я заткнулся.

— Мы знали, что близится война. И в 1993 году она разразилась. Двадцать четвертого июня 1993 года. Религия уже в те дни быстро теряла свое значение, но по старому

религиозному календарю это был день святого Иоанна Крестителя. Хотя не знаю, заметил ли кто-нибудь это. Теперь мы называем ее Двдцатиминутной войной. Но помню. И на вторую ночь я видел, как на горизонте вспыхивали бомбовые разрывы. Теперь невозможно сказать, по вине какого майора мир едва не покончил самоубийством. Мы...

— Еще как возможно, — сказал Поттерфильд. — Это вина русских.

— Это вам вдаблывали до тех пор, пока была возможность вдаблывать. А я помню, как какая-то радиостанция Южной Америки во всем обвиняла нас. Я поймал передачу по автомобильному радиоприемнику. Но вскоре батареи радиопередатчика сели, и настала тишина. Тишина с большой буквы. Догадываюсь, что тогда Соединенные Штаты находились в состоянии умопомешательства... но какое это сейчас имеет значение? Прочие народы прогнали почти в той же степени, что и мы, и вся созданная человечеством цивилизация была поглощена потоком.

— Черт! — Поттерфильд вскочил на ноги, пошатнулся, ухватился за ручки своей тележки. — Не желаю тут рассиживаться, слушая эти злонамеренные высказывания! — С грохотом и скрежетом он припустил прочь. Остановился на углу и выкинул руку с раздвинутыми рожками пальцами в сторону Деметриоса. Пожелал зла.

Главным образом для темноволосого юноши Деметриос отметил:

— Может быть, это идет последний патриот Америки. — Одна из четырех девушек-прачек встала, чтобы уйти, но ее товарки неуверенным жестом остановили ее.

Гарт придвинулся на шаг-другой ближе.

— У старого Поттерфильда никогда не было мозгов в голове.

— Ах, — сказал Деметриос, — вот это и отличает его от тебя или меня. — Женщина в окне сохраняла, казалось, свою прежнюю невозмутимость. — Бомбы предназначались для больших городов и стартовых площадок. Чикаго, расположенный в двухстах пятидесяти милях от Гестервилля, был уничтожен прямым попаданием. На идиотском жаргоне того времени эти бомбы назывались «чистыми». Означало это, что

люди погибали в основном от взрыва и огненной волны, а заражение атмосферы, по мнению тех, кто нажал кнопку, оставалось в приемлемых границах... Им упорно казалось, что главное — чтобы они сами остались живы, защищая свободу, или что, черт бы их там побрал, они защищали. Думаю, что люди на протяжении всей своей истории воображали, что ужас перестанет быть ужасом, если придумать для него какое-нибудь подходящее название.

Я решил рассказать вам, как стал Деметриосом. Только в этом и будет заключаться моя история. Не обращайтесь внимания на автомобили, самолеты, бомбы, все это чепуха. Вам приходилось слышать о них прежде. Как говорят, да пропади они пропадом! Но — чуть потерпите. Для того, чтобы рассказать историю о том, как я получил теперешнее имя, мне нужно еще немножко поведать вам о том, что происходило, когда закончилось Старое время.

Тогда распространились быстро протекающие заболевания. В продолжение нескольких дней болезнь быстро усиливалась, она была как пожар, и к концу этих нескольких дней человек превращался в труп. Только не путайте это со смертью от радиоактивного заражения.

— Красная чума? — спросил темноволосый юноша.

— Нет. Красная чума разразилась шестнадцатью годами позже... Разрешите подумать... Да, она была тридцать один год назад... Быстро протекающие заболевания... Быстрый мор — вероятно, его вывели в наших собственных лабораториях. Он вырвался оттуда и начал беспрепятственно распространяться... Задолго до войны раздавались требования, чтобы производство такого оружия было прекращено. Но правительство заявляло (и глало, как оно постоянно глало), что единственная забота Пентагона — разрабатывать такие газы, которые будут безопасны для тех, кто их пустит в ход. «Чистые» способы уничтожения ничтожных людшек... Ничтожных настолько, насколько может быть ничтожен иностранец.

— Пентагон?

— А... такое кошмарное здание в городе, называвшемся Вашингтоном. Построенное для ведения войны. Это была часть военной машины... Называлась эта машина, разумеется, Министерством обороны. Да, полагаю, что, скорее всего,

быстрый мор — дело человеческих рук. Но, как вы понимаете, у нас, когда мы гибли от него, не было ни времени, ни средств для его изучения. Конечно, военные не нашли бы в себе силы отказаться от такого рода игрушек. Мы не мешали военным. Они добились своего. Мы перенаселили землю. Расплодились до того, что пищи на всех не хватало. Без всяких ограничений истощали запасы полезных ископаемых. Не задумывались о будущем. Мы разрастались — как опухоль. Это разрастание было прекращено хирургическим путем. И хирургия оказалась превосходной. Но не разум управлял ею — хотя и так могло бы случиться. Это был голод, отравление окружающей среды и развязанная идиотами война.

Негодующая, с округлившимися глазами, девушка-прачка, уже прежде хотевшая уйти, схватила корзину и удалилась, таща за собой свою подругу. Если в эти времена жители Набера и верили во что-нибудь, то они верили, что Королевская Республика стремилась к скорому восстановлению Соединенных Штатов Америки, к возрождению Золотого века. Но две другие девушки остались, и Гарт вместе с ними, и усталая женщина с дружелюбным лицом, поставившая на землю корзину для покупок. И еще осталась держащаяся за руки молодая пара (возможно, они не особенно прислушивались к тому, что рассказывал Деметриос) и темноволосый юноша с волкодавом. Пес потягивался, зевал, показывая страшные клыки, улыбался, вываливая огромный розовый язык.

— И хирургия помогла, — сказал Деметриос. — Бесплодие и врожденные уродства, вызванные радиацией. А радиацию породили атомное оружие и атомная индустрия. Бесплодие и уродства — они теперь будут преследовать нас тысячу лет. Или пять тысяч — если мы протянем так долго.

— Два года назад я родила мью, — У него не было заднепроходного отверстия. Прожил он день. Забеременеть мне с того раза больше не удалось — хотя я и не пыталась предохраняться. Муж говорит, что все это — кара божья.

— Когда-то давно была у меня женщина. Почти жена, — сказал Деметриос. — Элизабет из Хартфорда. Она тоже зачала мяю. У него был раздутый череп, походивший на яичную скорлупу. Во время родов этот череп треснул, тогда же погибла и мать ребенка. А теперь скажите, что вы сделали, чтобы заслужить такую кару, мэм?

— Мы не знаем. Муж говорит, что все получит свое объяснение, когда придет мессия. А мессия может явиться в любом облике. В облике Авраама. В вашем облике.

— Нет-нет. Я — старый рассказчик историй, ничего большего.

— Тогда рассказывайте дальше историю, как вы получили это имя, дорогой мой.

ГЛАВА 2. ПЕСНЯ ВЫЖИВШИХ ПТИЦ

... Как этот ужасный океан окружает зеленую землю, так и в душе человека есть свой остров Таити, где царят мир и радость, остров, окруженный всеми ужасами этой полупознанной нами жизни.

**Герман Мелвилл,
«Моби Дик»**

Мое имя — Деметриос. Мои мать и отец умерли почти одновременно. Не знаю, как называлась эта болезнь. Судороги, продолжавшиеся несколько часов, сильнейший жар, лихорадка, а потом — кома. Быстро текущие болезни проявляли жуткую избирательность. И меня болезнь не затронула, хотя вокруг царила смерть, и едва ли осталось достаточно выживших, чтобы попытаться устроить похороны. Вероятно, я и остальные немногие уцелевшие, переболели легкой формой этого заболевания — как бы оно там ни называлось. Это только предположение, поскольку науки — в том смысле, как ее

понимал человек — больше не было. Цивилизация умерла одновременно с теми, кто корчился и затихал в неподвижности на улицах городов.

В Гестервилле было примерно три тысячи населения. Не думаю, что через несколько недель после Двадцатиминутной войны в живых там осталось более пятисот человек. Можете вы себе это представить: опустевшие дома и страшный запах смерти? Горячий Июль! В те редкие и короткие перерывы, когда переставали идти убийственные дожди, от земли к небу поднимались сплошные клубы пара. О, эти дожди! Горячие дожди, от которых не делалось легче. Которые не препятствовали гнить тому, что они не могли смыть. Бесконечные дожди. Дожди при полном безветрии. Дожди, от которых все сделалось насквозь мокрым. Небо было принесено в жертву и кровоточило водой.

Оставшийся в одиночестве человек — как я — мог выжить, только уподобившись крадущемуся зверю. Пища — там, где сможешь ее найти, каждая тень таит угрозу, все чуждо и враждебно. Наш дом, где лежали тела моих родителей, был разграблен бандой, состоявшей из полудюжины крестьян. Они бежали, пробираясь через руины нашего города, и походили на горсть сорванных ветром листьев. Мне удалось удрать незамеченным. Позднее я видел, как двоих из них пристрелили. Кто-то выстрелил в них через окно из винтовки. Кто-то, кто взял на себя функции закона, потому что закона более не существовало. Эти двое корчились какое-то время в судорогах, потом затихли. Их поливал дождь.

Гестервилль... Ну, думаю, сейчас он находится под водой. Иногда во сне я возвращаюсь в этот город. Возвращаюсь туда, где белеют кости. Однажды мне снова приснилось, что я попал в Гестервилль. Я увидел водоросли. Водоросли качались, окутывали белую статую, стоявшую в зеленой глубине. От этой статуи веяло чем-то добрым и загадочным... Она походила на мою мать, и я бы обнял ее, но вода была как непроницаемое стекло и не пустила меня.

Через день после того, как я спасся от грабителей, я решил уйти из Гестервилля. Никакой цели у меня не было, был только голод. Правительства, я знал, более не существовало. Когда человеку тринадцать лет, о большинстве действительно

важных вещей он уже знает... Как бы получше объяснить вам это? У всех у нас, дорогие мои, и у меня, и у вас, здесь, в Набере, есть правительство. Может быть, слишком деятельное правительство. Оно у нас существует дольше, чем в большинстве других мест. Я имею в виду — с тех пор, как человечество пережило Двадцатиминутную войну и другие несчастья. Люди в той или иной форме сохраняют институт правительства. Потому что это — необходимо. Подлинное безвластие для человека непереносимо. И не только для человека. Волки и дикие олени живут не по законам анархии. Они повинуются четко определенным законам. Законам весьма жестким, и те, кто нарушает их, обычно гибнут. Сорок семь лет назад в Гестервилле, как и в миллионе других городов, городков, селений, аппарат управления исчез в мгновение ока и полностью. Я бежал в ближайшее казавшееся мне спокойным место, но я знал, где я ни встречу взгляд человеческих глаз, возможно, увижу вскипающий ад.

Я прошел пешком несколько миль. Потом натолкнулся на косо стоявшую поперек дороги автомашину... Я имею в виду повозку с мотором, какие были распространены в Старом времени. Автомобиль. Автомобили в 1993 году уже не были многочисленны. Наибольшее их количество приходилось на время, предшествующее моему рождению. Популярные в семидесятых годах увеселительные прогулки на автомобилях к 1970 году пришли к полному и бесславному концу. Получали развитие иные способы путешествия. Их распространение в семидесятых могло бы сравняться с распространением автотранспорта. Но введение их в жизнь оказалось затруднено. Частично потому, что нефтяные и автомобильные компании в течение слишком долгого времени препятствовали проведению исследований в этом направлении. Частично — из-за повсеместного упадка энергии... Я имею в виду — человеческой энергии. То, что мы называем цивилизацией, основательно истощило наши силы... В автомобиле поперек руля лежал хорошо одетый мужчина. На заднем сиденье лежал мертвый ребенок. Очевидно, они были сражены болезнью: следов насилия не было видно. Очевидно, мужчина пытался добраться куда-либо, где он сможет получить помощь. Американцы верили,

что поиск, пусть он даже бесцелен и ведется в неправильном направлении, приносил пользу сам по себе. На телах не было заметно следов конвульсий. У моих близких, когда они впали в кому, наблюдалось то же самое. Думаю, что эти двое погибли от той же болезни. Умирая от этого мора, люди становились какими-то одинаковыми. И когда были мертвы — у них были спокойные лица. В автомобиле я нашел немного пищи и взял ее себе. Помню, как пели выжившие во время катастрофы птицы.

— Да будут они благословенны, — сказала женщина в окне.

— Да, с 1993 года, после того, как промышленность оказалась разрушенной, жизнь тех, кто не принадлежал к человеческой расе, получила новый толчок. Это было не то пение, каким мы теперь можем восхищаться по утрам, но птицы — пели. Сейчас, по прошествии сорока семи лет, я думаю, мэм, что под действием долго сохраняющихся ядов вымерли многие виды. Но другие виды выжили и размножились. В своем тщеславии мы все еще воображаем, что птицы поют для нас. Наверное, это пели малиновки.

Днем позднее, когда дождь на короткое время утих, я услышал за спиной звук звонка. По дороге на велосипедах ехали юноша и девушка. У них были свежие, добрые лица, и когда прошел первый приступ изумления, я не ощутил страха.

— Мы друзья... Не бойся, — сказала девушка. — Да, они были моими друзьями и остались для меня друзьями. Это были Лаура Уилмот и ее двоюродный брат Джордж Уилмот. Они выполняли роль разведчиков для следующей за ними группы, состоящей из семи человек. Предводительствовал группой суровый старик — Джуд Уилмот, дядя Лауры и отец Джорджа. Лаура и Джордж, как только узнали, что я остался в одиночестве, не задавая других вопросов, предложили мне присоединиться к их группе.

Их доброта потрясла меня.

— Выплачься, — сказала Лаура и распахнула мой и свой плащи, чтобы обнять меня. — Как тебя зовут?

— Адам, — сказал я.

— Хорошо, дорогой ты наш праотец Адам, — сказала Лаура, и мне стало смешно. Джордж, отличавшийся молчаливостью,

тоже издал какой-то звук. До тринадцати лет я был просто малышом, но теперь начал взрослеть. Джорджу, думаю, было лет девятнадцать — высокий парень с мягкими манерами.

Джуда Уилмота я бы назвал прирожденным командиром. Он тоже был добр — на свой манер — и обладал несомненными организаторскими способностями. Он умел вести за собой людей, умел отдавать приказы. Фанатик: идею, втемяшившуюся ему в голову, выбить оттуда было уже невозможно. Одной из этих идей было убеждение (один бог знает, откуда оно взялось), что на востоке дела обстоят лучше. И он бы продолжал отстаивать свою правоту, даже если бы для этого потребовалось дойти до Атлантического океана и прыгнуть в него. Джуд Уилмот мог быть суровым — командир должен быть суровым. И либо он вообще не обладал чувством юмора, либо утратил его, потрясенный случившимся ужасом. Я никогда не видел, чтобы он замышлял зло, чтобы он вел себя глупо или проявлял несправедливость.

В группу входили жена Джуда Миранда, тихая, старавшаяся держаться в тени женщина, и вечно угрюмый младший брат Джуда — Говард, отец Лауры. Была еще одна вдова, ее звали Андромаха Макариос. Она была соседкой Уилмотов, когда они жили в Канзасе. И еще — восемнадцатилетний сын Андромахи, Деметриос.

Кстати, через несколько месяцев велосипеды сделали столь же бесполезными, как автомашины. Шины рвались, подшипники изнашивались, а заменить их было нечем. Кончилась последняя капля машинного масла, а пополнить запасы было нечем. Вот как обрушился мир: после громадного несчастья настал период, когда стало не хватать мелочей. Это был хаос. И мы оказались более беспомощными, чем люди древних времен. Тем и не снилась никогда эра промышленности.

Андромаха держалась на отшибе от остальных и отличалась вспыльчивым характером. Возможно, она была такой всегда. Ее муж был одним из тех немногих, кто пытался прожить, работая на ферме вместо того, чтобы добывать из истощенной земли полезные ископаемые. Закалчивать доллары. Он умер, когда разразилась Двадцатиминутная война — от сердечного приступа. Как и все выжившие (я тоже), она все еще находилась в шоке.

Помню, как много раз она отставала от нас, и мы останавливались, чтобы подождать ее. И видели, что она стоит — просто стоит, подняв лицо навстречу дождю. И тогда Джуду или Деметриосу приходилось вернуться, чтобы пробудить ее, вывести из этого оцепенения. Она не сопротивлялась и не стала бы никогда противиться, пока с нею еще оставался Деметриос. И Деметриос, хотя ему было только восемнадцать, понимал это. Когда мы подружились, он рассказал мне, что в недавнем прошлом ему очень хотелось уйти из дома, порвать цепи (паутину, как он это называл) сыновней зависимости. Его отец мог без конца заботиться о часто болевшей Андромахе и настойчиво требовал, чтобы Деметриос следовал его примеру. Но теперь этот человек был мертв. Весь мир был мертв.

Как мне сделать, чтобы вы въяве представили себе Деметриоса — того, кто был моим другом, того, кто казался мне тогда таким старым, а теперь кажется таким юным? Джуд и Говард утверждали, что мы с ним похожи, как родные братья, хотя Лаура говорила, что ничего подобного она не замечает. Мы оба были темноволосые, смуглые. У нас обоих были нос с горбинкой и полная нижняя губа. Может быть, этим все сходство и ограничивалось. Когда я вспоминаю его лицо, я вижу не себя, не свой образ, а другого человека. Человека, которого я любил и который совсем не походил на меня.

С самой первой встречи мы с Андромахой в присутствии друг друга чувствовали взаимную неловкость. Что она ощущала, я никогда не знал и не узнаю. А я ощущал какое-то напряжение — будто она относилась ко мне враждебно, но на самом деле, возможно, ничего подобного не было. Она была маленькая, темноволосая. Ее возраст приближался годам к сорока. Но она была по-девичьи тонка и изящна и казалась мне не старше Деметриоса.

Думаю, Джуда Уилмота не слишком беспокоил весь этот набор бушующих среди нас эмоций. (А не все эмоции были порождены лишь чьим-то юным возрастом.) Мы обязаны были всецело увлечься его фантазией — насчет восточных штатов... Дорогие, он был рожден в Вермонте, хотя ему было только пять лет, когда его семья переехала на запад... Мы и были увлечены, потому что у нас не было доводов против. И

у нас не было такой, как у Джуда, решительности. Мы любили и уважали его. И вели себя — пока он был с нами — самым надлежащим образом. В нем было что-то старомодное. Он был очень щепетилен. Казалось, будто он человек девятнадцатого столетия Старого времени. Вернее — как я себе представляю человека девятнадцатого столетия.

Деметриос — до катастрофы — намеревался стать директором кинокартин. Такой директор... это означает, что он должен был руководить созданием таких движущихся образов... Вы слышали уже о кино, и я не стану останавливаться для объяснений... Когда-то я понимал, что такое фотография... Кино — это было великое средство развлечения людей двадцатого столетия. В период моего детства кино достигло уровня настоящего искусства. Это было единственное искусство, порожденное индустриальной эрой. Живопись, созданная с помощью масляных красок, получила свое развитие еще в конце Средневековья. Примерно в те же времена были определены закономерности гармонии и контрапункта. А кино было действительно — нововведение. Деметриоса захватили возможности этого вида искусства. Свое детство он провел на канзасской ферме. Но его отец, хоть и был фермером, много читал. Кинокартины Деметриос смотрел, главным образом, по телевизору. Но он сознавал, какие возможности драматического искусства кроются за тем убожеством, что он видел на экране телевизора. И он всей душой стремился к тому, чтобы войти в этот мир творчества и высвободить себя в нем. Создать новое, не виданное никем чудо. Думаю, что он мог бы сделать это.

Когда я встретился с ним и увидел в нем героя, он отрицал, что крушение нашего общества есть конец всему. Рациональный во всем остальном, он почему-то пришел к совершенно иррациональному убеждению, что когда люди восстановят общественную структуру, одновременно с этим будет восстановлен весь комплекс средств, на котором основано производство кинопродукции. Конечно, будет. Он забыл (и я был не умнее его), что кино было всего лишь видом искусства, существование которого всецело зависело от развитой инженерии индустриальной эпохи. Великая музыка может существовать и когда нет роялей

или сложно устроенных духовых инструментов. Дайте художнику или скульптору основные рабочие материалы, пусть самые примитивные, и искусство их выживет. Но у искусства Деметриоса оказались подрезаны корни. Он хорошо разбирался в творческой стороне дела, но очень слабо понимал его технические аспекты... Как он сказал мне, он этим еще не интересовался. Я знал еще меньше и, не задаваясь вопросами, принимал безоговорочно все, что он скажет. Теперь я понимаю, что он, вероятно, добровольно предпочитал не видеть, что кино погибло. Он понимал это лучше, чем я.

Я преклонялся перед каждым его словом и был счастлив принимать участие в... ну, мы называли это репетициями. Часто нам помогали (пожалуй, не слишком охотно) Джордж и Лаура. Иногда, по просьбе Деметриоса, в репетициях участвовала также Андромаха. Но она неизбежно вносила в них детский юмор и блеск своей приглушенной печалью веселости. Как и многие матери, она, любя своего сына, уважать его не могла, а если и уважала, то в весьма малой степени.

Деметриос руководил нами, обращаясь к однотомнику Шекспира — нашей единственной книге в этом путешествии. Он бушевал, разнося нас и наши исполнительские качества (а мы едва понимали, что такое спектакль.) Яростно требовал, чтобы мы признали реальность театральной иллюзии. Для него (и для меня тоже) Макбет, Лир, Розалинда, Фальстаф, все великие персонажи были столь же реальны, как Джуд, Джордж, Лаура, как я сам. Даже более реальны, потому что они были бессмертны. Мне бы хотелось верить, дорогие мои, что терзания Гамлета будут долго волновать людей и после моей смерти.

Итак — группа актеров, не имеющая зрителей — мы наугад брели от Миссури до Пенсильвании. Путь занял у нас два месяца, до Пенсильвании мы добрались уже только в сентябре. Но, честно говоря, у нас не было причин торопиться... Это было еще до того, как лопнула, словно пузырь, мечта Деметриоса. Может быть, напряжение, которое Деметриос вносил в репетиции, в значительной мере было вызвано нашей молодостью. Его молодостью. Некоторые, такие, как Говард Уилмот, могли сказать, что ему следует побыстрее стать

взрослым. Но это был щедрый жар, лишь схожий с фантазиями ребенка. Жар юноши, в значительной мере уже ставшего мужчиной, жар прирожденного артиста.

Кстати, я считаю Говарда Уилмота виновным в том, что случилось. Учитывая его легкомыслие, это было хорошо задумано.

Джуд (хотя я не думаю, что он сам бы мог сделать подобное) ничего не предпринял, чтобы предотвратить случившееся. Он только стоял в стороне и позволял, чтобы это произошло. Он не понимал, что происходит — пока не стало слишком поздно.

Мы были тогда в одном городке где-то неподалеку от Гаррисбурга. Это был совершенно пустой город. Там дул непрестанный мягкий юго-западный ветер. Ветер нес с собой дождь, льющий на пустую главную улицу. Улицу, заполненную лишь множеством серебряных теней. Маленький городок полностью принадлежал нам, мы могли делать все, что угодно. В то время, к сентябрю, еще можно было найти в продуктовых магазинах или покинутых жилищах пищевые консервы. Хотя, возможно, вместе с ними — и гниющие трупы. В этом, расположенном в долине городке... Хотя — я вспомнил, как он назывался, это был Абередо... в нем все оставшееся было в полном порядке. Вероятно, те, кто пережил войну и эпидемии, бежали из города, страшась наводнения. Через город уже текла, вздымаясь и ревя над отмелями, река. Жители предпочли оставить насиженное место и отправиться куда-то в поисках лучшей доли. Мы спрятались от дождя в одном из принадлежавших городу зданий — так мы делали и в других городах. Это был кинотеатр. А предложил остановиться в нем Говард.

Мы — когда-то задолго до этого — уже останавливались в кинотеатре. Мы с Деметриосом облазили его вдоль и поперек и использовали расположенную перед экраном сцену для репетиции «Отелло». Но на этот раз Говард взял на себя труд стать гидом Деметриоса. Он провел нас наверх, в кабину киномеханика. И начал нам все показывать... И Джуд был там, и Андромаха пришла тоже. А Говард поучал нас, выставая напоказ свою закоснелую мудрость автомобильного механика.

— Вот это кассета с кино пленкой, Димми, — сказал он. — Вот это — кинопроектор... Не гляди на эту чертову штуку, в ней больше деталей, чем в хорошем автомобиле. — Говард был сыт по горло нашими репетициями. Они надоели ему. Они впустую занимали время... Однако, не знаю, как он рассчитывал распорядиться сэкономленным на репетициях временем... Подозреваю, кроме того, он чувал, что некоторые выражения из словаря Шекспира не совсем благопристойны.

«Вот в этой коробке помещаются лампы кинопроектора. Посмотри, это действительно особый металл. Он создан таким, чтобы постоянно выдерживать сильный жар. И это тоже весьма непростые лампы. Не думаю, что остался в живых кто-нибудь, знающий, как сделать такую лампу — если допустить, что кому-то надо ее сделать. Видишь ли, это не похоже на занятие сельским хозяйством. Я имею в виду, что любой человек может взять участок земли и выращивать на нем растения, но, видишь ли, не осталось в живых никого, кто мог бы «вырастить» такие штуки». Он пытался казаться доброжелательным. Может, он думал, что ведет себя доброжелательно. А я не мог набраться смелости сказать ему, чтобы он заткнулся. «Взгляни, Димми, например, на эту кассету с кино пленкой. Ты знаешь, из чего делается пленка? Из пластмассы. Знаешь, из чего делается пластмасса? Из нефти. Все пластмассы делаются из нефти, — вещал Говард. Он прочел как-то статью насчет всего этого. — Из без всего этого, Димми, кино не бывает. Конечно, если все это просто игра...»

— Хорошо, — не споря, сказал мой друг. — Я прекращу эту игру.

И он спустился в зал. Он шел — внешне — как ни в чем не бывало. Но никого рядом с ним не было, кроме меня, и я ощущал — на душе у него такая мука, что я не мог слова сказать. А затем он быстро выскочил в дверь, под дождь, побежал вслед за ним, но не мог догнать его. И я не мог остановить его — я кричал; он выбежал на мост, перекинутый через мутный поток реки, перелез через перила и — исчез. Он не умел плавать. Я — умел. Я скинул башмаки и бросился вслед за ним... Надежды, конечно, не было. Течение тянуло его все вниз и вниз. Должно быть, я и сам хотел умереть. А

может — я не был таким дураком, чтобы попытаться сделать это. Возможно, звериная составляющая моей натуры не была еще готова к смерти. Помню, я вцепился во что-то, наверное, в плавающее бревно, и как-то выплыл к берегу примерно в четверти мили вниз по течению. Там и нашли меня Джордж и Джуд и отнесли обратно. Я не потерял сознание, я был опустошен до конца. Я все понимал, Андромаха кинулась ко мне, поцеловала. Она кричала:

— О, Деметриос, благодарение богу, Деметриос! Бедный Адам! Он умер, да? Деметриос, мне так жаль! Я знаю, как ты любил его, Деметриос, знаю!

Думаю, это Джуд Уилмот сказал:

— Андромаха, бог не терпит насмешек.

Но это был единственный упрек с его стороны. Остальные просто промолчали. И не думаю, чтобы Андромаха вообще слышала, что сказал Джуд.

Эта иллюзия ее никогда так и не оставила. Мы старались быть как можно мягче с Андромахой. Если угодно, с моей стороны это было своего рода сумасшествие — присвоить имя того, кого я так любил... В определенном смысле слова — стать самому этим человеком... Но... человек ко всему привыкает, даже к безумию. Казалось, от старой жизни, от Гестервилля, ничего не осталось. Мне даже мерещилось, что моя настоящая мать одобрила бы то, что я сделал. Мы пришли сюда, в Набер, и задержались здесь. В Набере уже был установленный порядок. Мы держались вместе, составляя единую группу. Так продолжалось некоторое время, наверное, около полугода. Потом Андромаха умерла. Тогда Джуд решил двигаться с остальными на Вермонт: ему совсем не понравился Набер. Джуд считал его безбожным городом. Но я предпочел остаться здесь. И так здесь и остался, рассказывая вам время от времени истории. Зарабатывая себе этим на жизнь. Помимо заработка респектабельного дворника.

Андромаха свихнулась еще на одном... Вернее, у нее был не один пунктик, а несколько. Но я расскажу об одном — потому что мне кажется, что этот пунктик составляет неотъемлемую часть моей истории. Она никогда не читала книг. Потому что вместо них у нее был телевизор. Но некоторые взятые из книг легенды были ей известны, и она странным

образом уверовала в них. После того, как я стал Деметриосом (а может, это Деметриос стал мной — не знаю, как тут сказать правильной), Андромаха начала много говорить о Томе Сойере. Говорила так, будто это был ее недавний хороший знакомый. Но в ее понимании этот великий герой Марка Твена ушел далеко от своего первоначального образа. Он приобрел черты Ланселота, и умершего Деметриоса, и Иисуса. Здесь, в Набере, она часами сидела — то в одном, то в другом месте — и грезил наяву. Она не разговаривала с Томом Сойером вслух, но выражение ее лица непрерывно менялось. Менялось на тысячи ладов — будто она беззвучно беседовала. И зачастую она уходила куда-то, но ни разу не попадала в беду и всегда возвращалась обратно. Мы постепенно все меньше беспокоились о ней. Она начала собирать растения и, возвращаясь, приносила полные корзины то того, то другого. Обычно это были одуванчики или подорожники... Или еще какие-нибудь такие же безвредные растения. Но однажды она принесла белоснежные, имеющие зонтичную форму грибы.

— Господи боже! — сказала жена Джуда Миранда. — В них же смерть! Вы не должны и касаться их, Анди. Господи боже!

— О, — сказала Андромаха. — Так они плохие? Тогда их надо выбросить, — сказав это, она захихикала. — Раз они плохие, они не нужны будут нам завтра, когда придет Том Сойер. Мне кажется, он сказал: «Завтра». А двумя днями позже она заговорила со мной как-то странно. С тех пор она окончательно заболела. Она не смотрела мне в лицо, разве что искоса, но все время называла меня Деметриосом. Должно быть, еще до разговора с Мирандой она наелась этих грибов. Прямо сырыми, видимо, там, где нашла их.

Мне никогда не приходило в голову вновь стать Адамом Фрименом. Через день после смерти Андромахи Лаура нерешительно попробовала назвать меня Адамом. Я лишь покачал головой. Дорогая моя Лаура. Мне часто хотелось сделаться ближе ей, но мир на двоих, в котором жила она с Джорджем, был миром старых обычаев. И места для третьего там не было. Я — Деметриос... И поскольку я — всего лишь

привратник у дверей дома любви, имя Деметриос, конечно, звучит лучше, чем Адам.

Краем глаза Деметриос заметил, что слушатели намерены расходиться. Это была история не из числа тех, что им нравились. Да и самому Деметриосу — тоже. Похоже, он умеет рассказывать придуманное лучше, чем правду (а что это — «правда?»), история рассказывалась сама, произвольно, сознание здесь участия не принимало — только память. Деметриос ощущал, как зноен ветер. Ощутил, как он устал.

— Сэр...

— Да, Гарт?

— Я просто хотел спросить, будете ли вы рассказывать нам дальше?

— Нет. Больше нет. Прошлой ночью мне снилось, что я еду на запад по железной дороге. Поезд вел паровоз с пузатой дымовой трубой. Ничего подобного я никогда не видел, разве что на картинках. Параллельно стальным колеям (их называли рельсами) длинной чередой ехали автомобили. Теперь, должно быть, от этих рельсов остались лишь изъеденные ржавчиной обломки. Разбросанные здесь и там по лесам... Нет, больше не буду...

— У моей тетки есть одна замечательная штука... Вы знаете? Тетка тоже умеет читать, Деметриос. У нее есть эта растолковывающая сны книга, где, как она говорит, объясняется все, что увидишь во сне. Я могу попросить ее, чтобы она посмотрела в книге, что означает ваш сон.

— Возможно, она скажет, что мне следовало бы отправиться на запад.

— Однажды она рассказала мне, как сделать, чтобы сны превратились в правду. Она вычитала это в книге. Нужно положить... э... некоторые предметы под подушку. Я несколько раз это сделал, и, знаете, один мой сон полностью сбывся.

— Говорят, что сейчас там джунгли, — сказал юноша с волкодавом. — На всем протяжении на запад от Пенсильвании до самого океана... Он называется Тихим океаном, сэр?

— Может быть, — сказал Деметриос. — Но поскольку поднявшиеся воды Гудзона образовали море... так же, как, должно быть, воды Миссисипи... это, вероятно, уже другой

океан. Вызывающий изумление подъем вод... За такое короткое время — как вам известно, всего за полстолетия. Мне говорили, что возле Набера уровень воды оставался неизменным уже примерно пять лет. Гестервилль сейчас, должно быть, находится под водой. Земля там слишком возвышалась над уровнем моря. Может быть, сохранились маленькие острова.

Из-за спины Деметриоса чей-то голос спросил:

— А лицензия на рассказывание историй у вас есть?

Юноша с волкодавом вскочил. Шепотом начал успокаивать свою зверюгу. Гарт обозрел новоприбывшего. Его руки крепко сжали удила лошади. Выражение наивности внезапно исчезло из его голубых глаз. Как захлопнулись ставни. Глаза повзрослели, сделались опасными. Деметриос, не торопясь, повернул голову. Это, мягко ступая в своих мокасинах, подошел полисмен. Деметриос узнал его — плотный человек в униформе, состоящей из темно-голубой рубашки и набедренной повязки. На рубашке вышит золотой круг. У пояса — дубинка.

— Теперь на это нужна лицензия, Джо?

— Если это делается на улице. Потому что собирается толпа.

— Джо, я рассказываю истории на улицах по крайней мере пятнадцать лет, и вы знаете это. Вы сами иногда останавливались послушать. — Смущение Джо — как легкая изморозь на поверхности пруда, схваченной ранним морозцем. — Этим я добываю средства к существованию... Не считая работы дворника.

— Не будем тянуть резину, сэр. Я не стану забирать вас... Мы не хотим доставлять неприятности. Но только: прежде, чем снова начнете рассказывать, получите лицензию. В Городском управлении.

— И сколько она стоит?

Джо прочистил глотку и оглянулся:

— Спрашивайте об этом не мое ведомство, а в Городском управлении. Расходитесь, граждане. Не бунтуйте. Не толпитесь. Очистите Харроу-стрит.

— Джо Парк, — сказала женщина в окне. — Ты сукин сын.

— Двигайтесь. Расходитесь. Не будем доставлять неприятностей.

ГЛАВА 3. НО ЧТО ЭТО – МИР?

То, что я знаю — громадно.

Знание превращает меня в бога. Имена, подвиги, живые легенды, страшные происшествия, восстания. Короли, странные голоса, страдания.

Созидание и уничтожение — все это одновременно вливается в широкие русла моего мозга.

Китс, «Гиперион»

Слушатели рассеялись. Деметриос попытался вспомнить, когда исчез урколицый. Должно быть, это случилось после тех высказываний о людях, толпах, народах — о том, из-за чего могли зашевелиться высокие господа. Те, кто живут во Внутреннем городе.

Как и всякий хороший дворник, Деметриос хотел бы быть законопослушным. Если только в законе есть хоть какой-то смысл. У него не было той внутренней зажатости (сродни отчаянию и опустошенности), которая давит на мозг бунтарей. Полиция столицы, каковой являлся Набер, не страшила Деметриоса. Ему редко приходилось видеть ее бесчинства. Точнее — он не хотел это видеть. В детстве он не ощущал ненависти к полиции (чувство, вполне понятное любому американцу, живущему в двадцатом столетии.) Его отец, человек проникательный, спокойный и обладающий чувством юмора, оберегал его от всяких неприятных происшествий.

Патрульный Джо Парк, выполнив свой долг, удалился. По дороге он сделал определенный жест женщине в окне — в ответ на ее оскорбление. Деметриос поднял свое негибкое тело. Быстрая, ловкая рука Гарта помогла ему. Лошадь фыркнула в шею Деметриоса. Гарт прошептал:

— Ненавижу этих глупых легавых, да станет дерьмом их пиво. — Усыпывать такое от мягкого, вежливого Гарта, было страшно. — Один из них избил Фрэнки на прошлой неделе. А Фрэнки ничего не сделал, только пописал немного на статую, что стоит на Лугах неподалеку от входа. Такая

с бородой лопатой, наверное, это святой Франклин. Многие делают это... Фрэнки только двенадцать. Он не имел права бить его.

— Факел не может пройти спокойно мимо этой проклятой статуи, — сказал юноша с волкодавом. — Не думаю, чтобы он обратил внимание на привязь, если бы я попытался остановить его. И обычно я тоже мочусь на нее. — Пес удовлетворенно замахал хвостом, услышав музыку своего имени. — Сэр, я — Ангус Бриджмен.

— Мир с вами, Ангус, — сказал Деметриос. — Мое имя вы знаете. — Его усталость исчезла — как будто исходящее от юноши тепло согрело его старое тело. — Думаю, нам лучше пойти — а вдруг у Джо есть глаза на затылке? И мне нужно посетить Городское управление... но не сегодня: я устал. Мэм, было ли в истории достаточно любви?

— Что ж, в ней была любовь. Я бы пригласила вас на чашку чая, но в доме беспорядок, а скоро вернется муж.

— В другой раз. Благословение с вами.

— И с вами, Деметриос. Будьте молодцом.

Мужчины шли по улице. А лицо женщины сделалось печальным — так на поле набегает тень, когда свет солнца скрывается в надвинувшихся облаках. И она занялась своей обычной работой.

В этом месте мне, автору этой книги, нужно сделать пер ебивку. Я вмешаюсь лишь ненадолго, обещаю вам, и после этого исчезну... Я хочу лишь сказать, что эта женщина — не выдумка. (О звезды днем, что это такое — выдумка?) Мне действительно пришлось останавливаться в ее доме при моем последнем возвращении в Набер, и в душе ее царили мир и покой. Она снова была беременна — разве вы не знали? Она, правда, да; но она обидчива, и мне не хочется называть ее имя. А теперь я исчезаю...

— Я должен покинуть вас, — на следующем углу сказал Гарт. — И, Деметриос, я попрошу тетку посмотреть в книге, что означает ваш сон. Хорошо?

— Попроси, Гарт, — сказал Деметриос, любуясь им. — А потом Расскажи мне.

— Вы путешествовали. На запад. По... железной дороге.

— Да, так. И, возможно, я ехал через Абередо. Но мысль об этом лишь слегка тревожит меня — не более, чем увиденная в лунном свете тень совы.

— Я скоро снова обязательно увижу вас.

— Хорошо, Гарт. Мир.

— Мир, Деметриос. Мир, мистер Бриджмен. — Гарт ушел. Был слышен удаляющийся глухой звук тяжелых шагов его лошади — вниз по Франклин-стрит. Вместо асфальтовой поверхности Старого времени, улица была замощена кирпичом. На Харроу-стрит, где уличное движение (запряженные быками телеги и тележки) было очень невелико, от древней мостовой кое-что еще сохранилось. И немало. Время от времени по приказу Городского управления, участки, разрушенные временем и непогодой, подвергались ремонту, и кучи грязи убирались. Идя бок о бок с невозмутимым юношей и его громадным серым псом, Деметриос размышлял над словом «мир». Теперь говорят «мир», как когда-то говорили «до свидания» или «до встречи». Использовать это слово начали давным-давно, еще до 1993 года. Но в двадцатом столетии это рассматривалось как проявление набожности. Считалось, что только религия знает, какой смысл кроется в слове «мир». Теперь подобным образом никто не думал — точно также за столетия забылось, что приветствие «здравствуй» когда-то означало пожелание здоровья. Но что это такое — мир? Нечто большее, нежели просто отсутствие борьбы и сражений?

— Вы действительно рассказываете истории уже пятнадцать лет? Это больше, чем три четверти того, что я прожил на свете.

— Должно быть, около пятнадцати, Ангус Бриджмен. А вам — примерно девятнадцать?

— Исполнится в следующем месяце.

— Пусть вас не затронут болезни. Да, поскольку это заинтересовало Набер, можно сказать, что я выбрал профессию рассказчика историй. Подражатели льстят мне... Нет, на самом деле знаю — некоторые из них лучше меня.

— Не ложная ли это скромность? Не думаю, чтобы они были лучше.

— Может быть. — В реплике юноши звучала суровость — словно дернул зажатый в руке поводок. — Обретая профессию рассказчика, обретаешь тщеславие. Мой отец служил для меня примером человека, проявляющего разумную скромность — что редкость для врача. (Думаю, среди современных знахарей подобного вообще не сыщешь.) Но мне присуще тщеславие.

Однажды, когда я праздно стоял на углу и в голове моей теснились мифы всего мира — это случилось. Я сказал:

— Послушайте меня, послушайте того, кто обращается к вам...

Мой голос звучал хорошо, и я начал рассказывать историю аргонавтов — с добавлением собственных выдумок... Вы — родственник Симона Бриджмена, того, кто был подлинным основателем Набера?

— Симон был моим дядей. Он был на шестнадцать лет старше моего отца, который... умер в прошлом году. Моему отцу было только четырнадцать, когда убили Симона. А Симон правил лишь немногим более двух лет — так, кажется? Потом его убили.

— Да, около двух лет. Когда я пришел в эти края с группой Джуда, Симон Бриджмен уже основал новый город. Город, в котором принимали беглецов. Весть об этом разносилась повсюду — даже учитывая царивший тогда беспорядок.

— Впервые я услышал, как вы рассказываете истории, четыре года назад. Это было на углу Брод- и Доувер-стрит, мне тогда было пятнадцать. Это было в июле, в полдень, было тоже очень жарко, все потели так, что воняло, а вокруг вас собралась порядочная толпа. Я был с отцом и не мог... не мог делать то, что мне хотелось. — В голосе Ангуса звучали теплые нотки: вспомнилось то, что произошло с ним в ранней юности. Деметриосу стало любопытно: не хотел ли этот парень тактично увести его от разговора о клане Бриджменов. Ходили слухи, что Бриджмены занимали слишком важное положение во Внутреннем городе, чтобы у Брайена Второго и его администрации возникало желание вступить в конфликт с ними. — В тот раз вы тоже рассказывали об аргонавтах. Вы загипнотизировали меня. Это я был Ясоном.

— Греки вряд ли смогли бы узнать вас.

— Их счастье. Вы торопитесь домой, Деметриос?

— А, дом: приятное местечко с любимой женщиной внутри. Я устал. Я — дворник у мэм Эстеллы на улице Красного Занавеса... Искусство, конечно, профессия благородная. Но человек должен есть. У меня всегда найдется время для вас, Ангус Бриджмен.

— Это хорошо. Сделайте мне одолжение: могу я рассмотреть вас поближе? Сейчас объясню. Я близорук. Я не могу рассмотреть, какую форму имеет Луна... Хотя мне рассказывали, какая у нее форма. Ну, вреда в этом нет, я могу представить ее, в меру моей фантазии. Мне просто повезло, что я услышал вас голос, когда поворачивал на Харроу-стрит. Разрешите мне увидеть вас яснее... Вы не возражаете?

Его руки легко легли на плечи Деметриоса (согнутый палец в петле поводка удерживал на месте Факела.) Факел тоже смотрел — пристально, настороженно, бдительно. Пес мог во мгновение ока полюбить или возненавидеть человека. Деметриос ощутил чистое дыхание Ангуса (их разделяли дюймы.) Увидел внимательно наклоненный широкий лоб. Ангус поднял лицо — на тот случай, если старик, в свою очередь, захочет изучить его.

Хотя жизненный опыт едва ли успел изодрать душу Ангуса, в лице его не было ничего аморфного, ничего незаконченного. Безупречные черты лица, на чистой коже играет румянец. У всех Бриджменов был большой прямой нос и выступающая нижняя челюсть. Суровый взгляд Ангуса смягчал его рот: нежно очерченный, смешливый. В превосходной формы руках чувствовалась скрытая сила. Густые темнорыжие, коричневатые волосы. Они достигали плеч, ложась поверх снежно-белой туники. Деметриос не мог вспомнить, видел ли Ангуса прежде, со Стивеном Бриджменом... Смерть Стивена — всплыло в памяти, — как шептались, была окружена тайной. Ходили слухи об отравлении. Но смерть любого находящегося на виду аристократа всегда возбуждала такого рода чирикание жителей Внешнего города. Ангус, должно быть, и в пятнадцать лет был так же красив, как сейчас. Вероятно, это было в тот день, когда любовь толпы вызвала горечь в сердце Деметриоса. Ему захотелось, чтобы они — как

только он начнет говорить — тут же ушли... Однако, должно быть, он рассказывал достаточно хорошо, раз Ангус запомнил его.

— Давайте станем друзьями.

— Хорошо, Ангус. — Ангус убрал руки.

— Вы были здесь, когда убили моего дядю... Год Третий... За целых двадцать пять лет до моего рождения. Политика... от нее дурно пахнет.

— Третий год... да. Меня не было на рыночной площади, когда это случилось. Горожане видели в Симоне Бриджмене вождя. Возможно, более тысячи людей говорили об этом открыто, и намного большее число склонялось к этому... Мы были просто потрясены происшедшим. Вы знаете, все мечтали, что после того, как была совершена чудовищная ошибка, человека начнут лелеять. Мы собирались научиться на нажитом опыте построить новый мир, освященный разумом и справедливостью... И так далее. А затем лидер, которого мы любили и которым восхищались, был убит прямо на рынке. Три головореза с ножами, и мы уже не знали, что делать. Мы, конечно, не знали, не имели доказательств, кто нанял убийц — если такое действительно было. «Никто их не подстрекал», — сказал Брайен, который тогда был просто находящимся в тени сподвижником Симона (до войны он был адвокатом Симона.) «Это были снедаемые завистью фанатики», — сказал Брайен.

— Там были люди, не так ли?

— Да, на рынке собралась небольшая толпа — послушать речь Симона и ознакомиться с его объяснением новой системы налогов. Убийство было мастерски сработано, Ангус. Прежде чем люди осознали, что случилось, убийцы были уже вне пределов досягаемости. А затем они скрылись в лесу. Но вы и так должны хорошо знать обо всем этом.

— Не слишком хорошо. Это произошло очень давно. Звучит, словно какой-то исторический отрывок. Как мученичество Авраама, которое произошло, когда мне было два года от роду. Ну может, не совсем так. В конце концов, мой отец был на рыночной площади и своими глазами видел ножи. То, что вы рассказали, согласуется с его рассказом. Никто не задержал убийц, и они без помех бежали.

— Да, Ангус.

— А Брайен Первый, тот, который придумал название «Королевская республика»... Господи, он что, никогда не заглядывал в словарь? Он тоже умер еще до моего рождения. Умер, пообещав возрождение Соединенных Штатов.

— Возможно, он заглядывал в словарь. Брайен Первый был умным человеком. Во всяком случае — проницательным. Он был из тех — настойчиво рвущихся к власти, — кто открыто заявляет своим современникам: «Эй, вы все слюнтяи. А я — другой, так что свое я возьму». Считается, что подобных парней отличает честность и широта души, хотя у них редко встретишь хоть крупицу того и другого. Старый надоевший прием: оправдать то, что от тебя пахнет, заявив, что от всех воняет. Распространенное среди людей двадцатого столетия «плевать на все» во многом объяснялось именно этим.

— Сейчас правит Брайен Второй. Диктатор Королевской республики на протяжении всей моей жизни. — На краю сознания Деметриоса — как крылья летучей мыши — мысль: «Агент-provокатор?» Деметриос прогнал ее: этот парень не может быть предателем, скорее он сам предатель. — Стена между Внутренним и Внешним городом была возведена еще до моего рождения. Пока мне не исполнилось тринадцать, обо всем, что за ней, я знал лишь в теории.

— Она была возведена в Четвертом году, Ангус. Брайен I заявил, что это ответ, который дают злу закон и порядок. Ответ на убийство Симона Бриджмена.

— Ах так? Построил стену против самого себя?

— Мы не знаем точно, кто нанял убийц.

— Гм. Деметриос, друг, уже несколько месяцев, как моя семья разрешила мне выход во Внешний город, не имея никакой иной охраны, кроме Факела. И у меня появилось ощущение... ох, я словно цыпленок, вылупившийся из яйца... могу я разговаривать с вами подобным образом? Вы не кажетесь испуганным... ну, осторожным... как ведут себя со мной большинство людей во Внутреннем городе. Вы не заискиваете передо мной, не стараетесь подобрать слова, которые, по вашему мнению, мне было бы приятно услышать.

— Мы — друзья.

— Да будет так, Деметриос. — Они медленно шли вдоль улицы. Факел был тоже доволен. Он следовал за ними сбоку и чуть сзади — как обучили, чтобы не путаться под ногами. — У моего дяди не было личной охраны?

— Думаю, так. Насколько я помню, Симон Бриджмен вел себя как человек, который думает, что ему не грозит физическая опасность со стороны окружающих. Брайен — его можно было бы назвать средневековым типом. А возможно, он — вне времени. Макиавелли его бы хорошо понял. Но ваш дядя, Симон Бриджмен, был человеком двадцатого столетия в полном смысле слова. До катастрофы он был бизнесменом. Это подразумевает, что он хорошо знал, как справляться с врагами. Он сражался с ними грязным оружием — деньгами, влиянием. Но перспектива получить нож в кишки его не беспокоила — такое случалось с князьями торговли в двадцатом столетии очень редко... Если только они не вмешивались в политику. Богатый человек двадцатого столетия хоть в какой-то степени был затронут культурой. Он предвидел грядущее бедствие. И пытался убедить своих богатых соседей (кстати, многие из них были настоящие вонючки) присоединиться к нему, чтобы создать место, где бы человек мог выжить. В горе была вырыта пещера, а саму гору переименовали, назвав Вечной... Жалкая альтернатива, сказал бы я: разве не было б только естественно, если горы и холмы окажутся снесенными с лица земли и исчезнут, подобно всем нам?

— Вернувшись к Первому году — почему вы пришли в Набер?

— Джуд Уилмот шел вслед слуху, который донесся до нас, когда мы миновали... миновали Абередо. Мы слышали, что здешняя община успешно развивается и что здесь принимают пришельцев. Мы были несколько обескуражены: ведь мы также слышали, что Ньюбург и другие расположенные вдоль Гудзона города уничтожены наводнением. Особенно тем, которое последовало за землетрясением, разразившимся где-то к северу от Олбани. Набер — этого названия мы не знали. Мы своими глазами видели, что натворил дождь: затопленные дороги, смытые мосты, на акры вокруг —

грязная, бурлящая вода... Вот причина, по которой путь от Миссури до Пенсильвании занял у нас время с июля по сентябрь. Однажды, когда мы уже прошли Абередо, нам встретилась маленькая группа вроде нашей. Только получилось так, что они уверовали, будто дела идут лучше на западе! Наш дорогой старый Джуд ужасно рассердился на них, а они рассердились на нас. Да здравствует различие во мнениях, от которого трещат черепа! Ну, поссорились мы с ними не слишком сильно. Они рассказали нам, что берега Могаука и Гудзона затоплены — от озер Пальца до самого моря. Что случилось с озером Онтарио — никто не знал. Они объяснили нам, что Набер — это недавно возникший город. Его ядро составила сохранившаяся от Старого времени деревня и какое-то фантастическое подземное убежище в нескольких милях в глубь страны от того, что в Старое время называлось городом Ньюбургом. Этот новый город построен сумасшедшими, говорили они — потому что бог решил уничтожить весь северо-восток Соединенных Штатов. Уолл-стрит каким-то странным образом нарушил душевное равновесие Иеговы. — Ангус улыбнулся. Он не совсем понимал, о чем идет речь. — Точно такое же пророчество было сделано в 1986 году, когда к Земле приблизилась комета Галлея... Мне тогда было шесть лет — можете представить себе подобное?

— Мой отец вспоминал о дождях.

— Дожди, да... Вернемся к тем поганым временам. До людей доходила весть о Набере. Мы прибыли сюда, влившись в толпу, идущую к Наберу со всех сторон. Ваш дядя хорошо отнесся к нам. Он находил возможности почти для всех и был суров только с теми, кто не хотел работать для нового города. Ангус, я помогал строить Симону Бриджмену башню на вершине вечной горы. А позднее при монархии... извините, при Королевской республике... Я клал камни в стену, что отгораживала (и защищала) ваше детство.

— А теперь, мне кажется, вы помогаете мне пересечь эту стену. Вы понимаете это, Деметриос?

— Бывает, что старики обязаны это делать. Иногда добрые намерения не угасают.

— Не думаю, что вы так стары.

— Достаточно стар... Ну, ваш очень умный дядя, Симон Бриджмен, вероятно, понимал, что приток беглецов из хаоса скоро иссякнет — более не существовало ни разветвленных сетей оповещения, ни многочисленного населения. Брайен Гормен, принявший после убийства имя Брайена Первого... что ж, при жизни Симона он казался никем. В нем не было ничего примечательного, если не считать сильного голоса, которым он изрекал абсолютно глупые шутки. Вздорное эхо того, что было оригинальным и острым, когда это произносили Авраам Линкольн или В. К. Филдс.

— Вследствие чего некоторых людей называют великими?

— Может быть, великий человек — это тот, чей голос отличен от общего хора его современников, и тем не менее заставляет услышать себя — безразлично, ведет ли он к добру или к злу. Великий человек может быть злым, точно так же, как может быть добрым. История дает полные портреты многих из них. Прочие же погребены в ее наслоениях и могут упоминаться лишь в сносках.

— У меня идет кругом голова. Деметриос. Я начинаю ненавидеть эту искусственно созданную аристократию, к которой принадлежу сам. У нее нет корней — не так ли? Скоро я поверю, что когда нас именуют знатью — на самом деле в этом звании лишь притворство, лицемерие и лизание задницы.

— Древние общественные модели возрождаются снова. Древние формы.

— Но это бессмысленно. Бессмысленно.

— Смысл любого явления темен... Жаждете ли вы познать смысла жизни, Ангус?

— Я читал книги... Я знаю, чем была Америка и чем может... Да, да, жажду. Как может человек не хотеть этого?

— Смыслы создаются людьми. Мы должны создать наш собственный смысл, а не искать его. — Ангус в изумлении уставился на Деметриоса. — Нацеленные на зло люди — властолюбцы, жестокие, завистники, глупцы, — все они тоже должны создавать свои собственные смыслы. Даже если они воображают, что бог или вождь дают им уже готовый смысл, должен быть еще акт его принятия, согласия. И все утопии

терпели поражение потому, что их основатели полагались на неверное мнение, что любой человек будет стремиться к воображаемому добру, если только оно окажется доступным его пониманию... Черта он будет стремиться! Он хочет того, что он сам наметал. И, возможно, эта придуманная им страна есть царство кнута и рабства.

«Не слишком ли много выкладываю я ему, не слишком ли быстро?» Деметриос понимал, что жизнь Ангуса во Внутреннем городе была подобна пребыванию в «глазе» урагана — там тоже тихо. Вокруг мчатся водоворотом политические течения маленького мирка, все еще остающегося в состоянии потрясения; старые законы и новые правила — вперемешку; ностальгия по эре науки еще отдается болью в культуре запряженных быками повозок, мечей и луков со стрелами. Деметриосу доводилось мельком видеть Брайена Второго — при редких псевдодемократических появлениях короля во Внешнем городе. И тот ему очень напомнил любившего фотографироваться итальянского диктатора середины двадцатого столетия. Труп диктатора, когда поток событий смел его, был повешен на фонарном столбе рядом с телом его любовницы... Все это произошло почти сто лет назад, но кое-где еще сохранились фотографии, на которых была запечатлена эта по средневековому непристойная сцена. Зачастую невыносимо трудно сознавать, что Средневековье живо всегда — во все времена.

— Создать свой собственный смысл... Деметриос, мне не следовало бы мешать вашему возвращению домой, но не согласились бы вы ненадолго зайти со мной на Луга? Там, у окраины парка, есть очень хорошая таверна... Разрешите, я угощу вас парой стаканчиков спиртного? Меня удерживают в состоянии мерзости, давая мне больше денег, чем я могу потратить... даже на женщин... Мне вообще не по нраву платить за любовь... Мы могли бы еще немного побеседовать. Посидели бы на траве у «Заведения Пэдди», где нас никто не сможет подслушать.

— Деметриос никогда не отказывался от того, чтобы выпить с другом. Я хорошо знаю Пэдди и иногда рассказывал там истории, которые могли не понравиться тем, кто собирается в храм. В Старое время Пэдди мог бы быть агентом по прокату автомобилей или разбойником с большой дороги.

Пройдя по Харроу-стрит, они попали в парк. Парк был расположен кольцом вокруг стены — той, которую помогал возводить молодой Деметриос. По другую сторону стены возвышался Внутренний город — террасы и построенные из серого камня здания, взбирающиеся к широкой, округлой вершине Вечной горы. Друзья неплохо выпили в длинном и низком доме таверны, сохранившемся, как говорили, со старого времени. На лягушачьем лице обслуживавшего их Пэдди было выражение вежливого, но нескрываемого удивления. Его удивляло, что старый Деметриос пьет с облаченным в белое Бриджменом. Но Пэдди был благовоспитанным пиратом, его единственная шутка состояла в утверждении, что он ни с кем не ссорится потому, что не сует свое рыло в чужие дела. На лужайке возле таверны было пусто. Удобно устроившись, Ангус с Деметриосом жевали понемногу сыр и пили двухлетнее катскильское. И наблюдали, как над холмами неторопливо растет столб шторма. Парк, известный под названием Лугов, был расположен достаточно высоко, чтобы увидеть море Гудзона. Только гора немного мешала.

— Вот вы видите это... У вас нет впечатления, что вы пришли на свидание с морем и небом?

— Не уверен, Деметриос. Я веду беседу со светом.

Неподалеку, там, где лежала более заросшая и дикая часть Лугов, стоял Храм. Возможно, это название было самым удачным — в нем мог поселиться любой бог. Но это безнадежное приглашение более не приводило богов к людям. Храм был сделан из бревен — примерно пятьдесят футов на двадцать, крыша подпиралась каменными колоннами (жители Катскиля готовы были спорить, что великого землетрясения к северу от Олбани на деле никогда не было.) Он был возведен десять лет назад на пожертвования одного филантропа из Внутреннего города. Филантропу казалось, что у простого народа должно быть какое-то место встреч. Для чего-нибудь вроде танцев. Он хотел, чтобы здание называли Моллом. Оно должно было походить на Парфенон, только побольше. Но когда деньги начали иссякать, филантроп разрешил сделать его поменьше и прямоугольным. По этой же причине фриз был не столь великолепен, как парфенонский — никаких сцен борьбы, просто узор, что выглядело,

пожалуй, изящнее, да и содержать его в порядке было полегче. Происходи дело в двадцатом столетии, филантроп мог бы нанять экспертов и послать их в Афины, чтобы сравнить свое детище с подлинником. И получить по телефону или радио известие: у каждой эпохи — свой собственный стиль.

У противоположных концов здания собрались две группы. Одна — толпа, состоявшая в основном, из молодых людей. Все — в темных туниках, платьях и набедренных повязках.словно живые лепестки, тянущиеся к центру цветка, они теснились вокруг бородатого наставника, облаченного в красную мантию. Вторая группа состояла из людей всех возрастов. Они беспрерывно кричали «Аминь!» Им резким голосом проповедовал мужчина в серой набедренной повязке — свою тунику он сбросил. Он беспрерывно прикладывал левую руку к резко выступающим ребрам рядом с сердцем — большой и указательный пальцы соединены в кружок, три остальных пальца отогнуты. Правой рукой, довольно убедительно выказывая удовольствие, он водил над печенью. Это были знаки Колеса и Плоти. По мере того, как усиливался культ Авраама, подобное можно было наблюдать в Набере все чаще и чаще. Некоторые твердолобые авраамиты заявляли, что правая рука должна находиться не над печенью, а над гениталиями — не исключалась религиозная война. Обе группы с плохо скрываемым раздражением игнорировали друг друга — как раз в духе любви и всепрощения. Шум, издаваемый ими, походил на бормотание, перемешанное со скрипом. Оба оратора не были особо хороши: голос авраамита был слишком хрипл, голос наставника — слишком мягок.

— Местная агора, — сказал Ангус.

— Да-а. Но мне кажется, что Сократ уже арестован.

— Возможно, я встречал уже этого наставника в красной накидке. Во всяком случае, мне кажется, что это наставник Джонсон. Не могу разобрать его лица, но не может же быть двух таких одинаково жирных, и оба — в красном. Не так давно сенатор Смит приглашал его во Внутренний город — хотя не думаю, чтобы сенатор стал верующим. Наставник Джонсон утверждает, что душа не может сбросить оковы плоти и воссоединиться с Единственной Бесконечностью, если человек не отвергнет ложную доктрину о сферичности планеты.

— Существует и неединственная Бесконечность?

— Да провались оно! Не надо спрашивать, ладно? Если мы принимаем, что в конце концов отправимся прямо на небеса, то ни к чему ломать голову, Деметриос. Лишь крайняя любовь к человечеству удерживает наставника на Земле, и возразить против этого нечего. Его уверения в этом звучали весьма привлекательно. Но он уверял — а я непочтительно жевал орехово-кленовое печенье, которое мне тайком передал такой же, как я, грешник. Так что чуткие уши наставника от моего чавканья винтом завились. Этим я наложил на свою душу еще более прочные узы.

— Вы не созрели для небес. А другой крикун — это Хольман Шаун, проповедник Общества последователей. Их иногда называют авраамитами.

— Они работают и во Внутреннем городе — пытаются обращать в свою веру. — Ангус помрачнел при какой-то мысли. — Деметриос, жизнь всегда была столь же причудлива и уродлива, как в наши дни в Набере?

— Думаю — так. Я посмел бы сказать, что соотношение всегда остается тем же самым. Может быть, так ведется еще со времен древности: небольшое количество ярких личностей, небольшое количество ненормальных и идиотов, множество тех, кто серединка на половинку... И повсюду рассыпаны крупинки странностей — словно крупинки перца по куску тушеного мяса.

Деметриос задумался, ощущая знакомую горечь. В первые годы своей уличной деятельности он иногда рассказывал о мученичестве Авраама Брауна. Рассказывал с болью, говорил о том, что видел собственными глазами. Но рассказ его был не совсем честен. Деметриос наводил лоск и глянец на дикость, на неисправимую тьму души человеческой. Бедный смельчак-фанатик Авраам сделался в его исполнении более значительным, чем в жизни. Кстати, о том, каким он был на самом деле, люди задумывались мало. Был ли Авраам Браун сумасшедшим или нет, но при жизни он отличался чистотой намерений и смелостью поступков. И за то, что боролся — погиб. Совсем как Христос. Нужно ли Деметриосу рассказывать, как зародился еще один жалкий мессианский культ — культ, в котором неизбежно будет извращено все

хорошее, чему учил его основатель? Культ, превращающийся в нечто чудовищное на потребу фанатикам и политикам от церкви?

— Дорогой Ангус, — сказал он, — мне иногда хочется понять. Что такое жизнь: тайна или система обдуманно простых и очень ограниченных поступков — лишь бы не причинить себе и другим серьезного вреда? Даже наставник Джонсон, возможно, изредка задается этим вопросом — если только все его силы не уходят на погоню за жратвой и деньгами.

— Мир протух, — сказал Ангус. Перемена настроения юноши застала Деметриоса врасплох. Ангуса охватило отчаяние — будто он сорвался с узкой горной тропы. — Он воняет. Не мир, разумеется, а человек. Грязное волосатое животное... Но будь оно проклято, не всегда же он был таким! Жестокость, подлость, жадность, подозрительность, больные душа и тело... Деметриос, я знаю вас не слишком хорошо. Это почти правда — я пришел повидать вас... Нет, скажу иначе: я следил за вами, я надеялся увидеть вас снова — с тех пор, как впервые, четыре года назад, я услышал вас. Уверяю вас, Деметриос. Знаете, во Внутреннем городе образовалась партия дураков, которые хотят сделать из меня политика. Они уже видят себя делателями королей. Власть воняет. Ох, Деметриос, что мне делать? Что я обязан делать? Миру не нужны люди вроде меня.

— Мир не может хотеть или не хотеть. Мир просто бредет на ощупь. Я понимаю: под словом «мир» вы подразумеваете большинство людей. Ответ тот же самый. Вы сами должны обрести свою цель и свое дело, Ангус.

— Как? Ведь я ничего не знаю. К а к?

— Если б мог, я бы сказал. Искусство вести за собой людей... Научить — этому? По крайней мере, могу сказать вам, что дела и факты никогда не бывают важными. А любовь — это не дело, это — страна, по которой мы отправляемся в путешествие.

— Деметриос, вы видели смерть Авраама?

— Да. И не верю, что мученичество может принести какую-нибудь пользу. Наша реакция на мученичество есть самооправдание. Мы помним и о чаше с ядом, и о кресте, но

неужели мы всегда должны проявлять мудрость Сократа и сострадание Иисуса.

— Вы расскажете мне об Аврааме?

— Да, мне нужно будет подумать над этим. А сейчас я устал, и на душе у меня беспокойно.

— Простите меня. Я задержал вас, когда вы хотели идти домой. Давайте встретимся здесь еще раз? Завтра, около полудня?

— Завтра около полудня. Мир.

— Мир, Деметриос.

ГЛАВА 4. СОЛАЙТЕР ЖДУЩАЯ

Никогда заранее не знаю, когда у меня появится друг.
Деметриос

Деметриос медленно брел к кварталу на окраине Внешнего города. Туда, где улица Красного занавеса перегораживалась похожей на ломоть аркой. И вместе с ним, словно облако комарья, двигались непонимание и усталость. Он был уже не тем, каким был до встречи с Ангусом. В их разговоре они ни разу не упомянули о полицейском, но Деметриос, оставшись один, вспомнил о нем. Ангус, выросший во Внутреннем городе и относившийся к полиции не слишком серьезно, вероятно, посчитал инцидент незначительным. В присутствии Ангуса, под влиянием его обаяния, Деметриос просто забыл о Джо Парке. То, что произошло, вновь всплыло в памяти. Теперь он мог думать только об этом. И Деметриос не был даже уверен, что ему понравится этот парень.

Ангус принадлежал к современному обществу. Деметриос, выходец из двадцатого столетия, к этому обществу принадлежал в гораздо меньшей степени. «Три часа назад я еще не знал его. Никаких гор вера не передвигает — разве что в набожных мечтах. Любовь сильнее, она не вынуждена, подобно вере,

питаться иллюзиями... Правда, возможно и такое, и тогда она сама себя отравляет, но необходимости в этом у нее нет».

Срезая путь к улице Красного занавеса, он свернул в гнетущего вида переулок. Слепленные из всякого хлама дома теснились друг к другу. Они были построены за год до убийства Симона Бриджмена, когда в городе-государстве Набере начали относиться к пришельцам менее приветливо. Дома клонились друг к другу, словно сплетничающие ведьмы. Симон Бриджмен, сын века пластмассы, так и не смог поверить в то, что лесопилки — дело надежное. Это осталось на долю Брайена I, который постиг также лук, стрелы, копья и томагавки. В наши дни бревна сплавляются по рекам, текущим в море Гудзона и в гигантский Дэлавер. А за горой Ораук расположена каменоломня, где выделывают хорошие жернова. Идя по переулку, Деметриос видел подбирающих объедки свиней, разбросанные повсюду отбросы, тощих, злющих, как ласки, собак и пьяных. Особой преступности в Набере сорок седьмого года не было. Преступники — словно пауки — затаились, забились по щелям.

Деметриос проворно шел, размахивая своим ореховым посохом. Глядел на тени, на поздний свет угасающего дня. Иногда старик без нужды заходил в подобные места — просто, чтобы еще раз убедиться, насколько глупа теперешняя жизнь. Бросить вызов черному пауку и после этого почувствовать себя... Нет, не моложе, но более причастным к жизни.

...Люди, живущие в джунглях, за пределами Катскиля и других государств, чрезвычайно дики, но вряд ли они демоны, как считают в народе. Они добровольно поселились там. Они могли бы покинуть джунгли и найти пристанище в одном из государств — в Катскиле, Мохе, Пенне. Но они этого не делают. А теперь я опять исчезаю ...

В целости и сохранности Деметриос вышел из переулка на улицу Красного занавеса — туда, где полиция не допустит никаких правонарушений. Улица пользовалась благосклонностью высоких лиц из Внутреннего города (и живущих на ней, разумеется, тоже.) В надлежащие часы прогулок люди

в белых туниках могли наслаждаться чистотой тротуаров. Местные обычаи требовали, чтобы отходы захоранивались в садиках за домами. Так что здесь не было роющих в мусоре собак и свиней. Деметриоса охватывало чувство гордости, когда он видел цветы и овощи, выращиваемые им для хозяйства мэм Эстеллы — хотя лишь при большом приближении можно было бы сказать, что это относится к работе дворника. Во многих домах по улице Красного занавеса хозяева разорились на окна и балконы, где у всех на виду сидели девушки — деля эти уютные местечки со спящими кошками. Очаровательная улица — по крайней мере для Сорок седьмого года.

Когда Деметриос добрался до дома мэм Эстеллы, на ступенях в одиночестве, играя на лютне, сидел Профессор. Он поднял в знак приветствия коричневый палец. Вырываясь из сердца, мелодия летела вверх и вдаль, словно набирающая высоту птица.

— Сегодня хороший день, — сказал Деметриос.

Профессор кивнул, извлекая из лютни рассыпающиеся бриллиантовой россыпью звуки. Обычно ему задавали вопросы, на которые можно ответить лишь «да» и «нет»: Профессор был мутантом. «Хороший теплый день. У меня появился новый друг, и, может быть, я счастлив». Блестящее арпеджио подтвердило, что счастье — возможно. Глаза Профессора были необыкновенно нежными, с золотыми искрами. Его кожа была покрыта рыжевато-коричневым загаром, волосы были коротко подстрижены, завивались. Деметриос предполагал, что кто-то из предков Профессора был чернокожим. Но — подобно многим другим жителям города Набера — Деметриос в таких вопросах не признавал прошлого. Деметриос и Профессор были друзьями уже не один год. Часто Профессор, когда он не был нужен мэм в ее гостиной, уходил с Деметриосом в город. Его присутствие и его лютня придавали рассказываемым на уличных углах историям новое направление. Это и то, что они совместно разделяли ложе Солайтер, создавало узы дружбы.

— Девушки, должно быть, уже встали.

Профессор кивнул. Музыка летела вдаль. Он улыбался редко — только когда дул южный ветер. Но сегодня ветер

дул с востока. В наклоне головы, в рисунке его великолепно-го рта Деметриос видел что-то от Гарта, а в длинных изящных руках — от Солайтер. Нет ничего странного, что в тех, кого любим, мы видим одни и те же черты. «Никогда заранее не знаю, когда у меня появится друг». Профессор решил, что сейчас самое время почтительно пожать плечами.

— Скоро увидимся снова, пайзан.

В сорок седьмом году это итальянское по происхождению слово вошло в строй языков Миссисипи — наряду с другими английскими выражениями нежности. Деметриос сжал плечо Профессора и вошел в публичный дом мэм Эстеллы. Мэм в компании с хорошенькой Глорией и болезненного вида Фрэн наслаждались чаепитием. Пили добытый по случаю розовый чай, о котором говорили, что это настоящий «Вулворт». Мэм при этом якобы рассеянно добавляла из кувшина в свою чашку пшеничное виски. Как сердито говорила ей Бабетта, говорила раз тридцать, если как следует напиться такого чая, то и полетишь. Военно-воздушные силы Катскиля! Сейчас туман так окутал мозг мэм Эстеллы, что она предоставила делам дома идти как им заблагорассудится. Это означало, что управление взяла на себя Бабетта. «Мэм, заявляю вам, что я уже нарастила порядочные мышцы, таская вам раз за разом чайник!» Чай такого рода вызывал беспокойство у добросердечной Бабетты.

— Сбрось фунтов тридцать, — мягко сказала мэм Эстелла, — и тогда, может быть, ты достаточно похудеешь, чтобы в тебе можно было разглядеть мышцы.

Блондинка Глория хихикнула. Губы Фрэн шевельнулись — будто она повторяла про себя отрывок из должностной книги. Фрэн была серьезная и благовоспитанная девушка. Побывать в ее постели было как получить академическую степень. Суровая Бабетта, прислуга за все, служила в доме, по меньшей мере, лет десять. И обладала умением злобно спорить. Она довольно любезно поздоровалась с Деметриосом (препирались они редко) и сказала:

— Она не занята, господин Деметриос. Входите.

Эстелла вздохнула — вероятно, слишком ее окутал алкогольный туман. И слишком надоел этот гнилой, непостоянный способ добывать деньги на жизнь.

Год назад Деметриос нашел Солайтер — она брела по лесу за окраиной города. Она сказала, что была в плену у бандитов, а потом спряталась от них и несколько дней ничего не ела. Кто она — Солайтер не могла вспомнить. Он привел ее к мэм Эстелле. Это был особый случай. Она не работала на мэм и разделяла свою комнату и кровать только с Деметриосом и Профессором. Клиенты ее не трогали — в противном случае Солайтер, Деметриос и Профессор не смогли бы по-прежнему держаться вместе.

— Не нужно обижать старого друга, — сказала мэм. — Мне она тоже очень нравится.

Эстелла доверяла Деметриосу. Кто бы еще холил и охранял ее сад за такую ничтожную плату? Да еще развлекал, рассказывая истории, посетителей гостиной — по-видимому, лишь из одного желания рассказывать. Где бы она нашла еще такого, как Профессор, лютня которого издавала то детский смех, то звон разбившегося сердца? Мэм Эстелла никогда не была ни злой, ни особенно жадной до денег. Вскоре она почувствовала расположение к Солайтер — и открыто его выказывала. А ведь Солайтер даже не помнила, кто она. Вероятно, грациозная, необычная девушка была запечатлена в толстой, закрытой ото всех книге — в Дневнике. Узнав о Дневнике, Деметриос подумал, что это и есть подлинное, хотя и в медленном ритме бьющееся сердце мэм Эстеллы, что он — ее сердцевина и сущность. Мэм Эстелла застенчиво гордилась унаследованным от Старого времени умением читать и писать. Никто, кроме нее самой, никогда не видел Дневника. Она не была такой тщеславной, как подавляющее число авторов. И способы заработать на жизнь у нее были иные — получше.

Солайтер была тоненькая, маленькая, хорошенькая. И, будучи тоненькой, маленькой, хорошенькой, она была совершенно безумной.

Деметриос поднялся по лестнице и прошел через длинный верхний зал, отвечая на ленивые приветствия девушек. Девушки готовились к ужину и ночной работе. Наконец Деметриос добрался до большой, уютной на вид комнаты в задней части дома. В этой комнате он жил — вместе с Солайтер и Профессором. Из комнаты можно было видеть сад.

И испытать чувство радости, видя, насколько он превосходит сады соседей. А если захочется — представить жизнь этих соседей; иногда Деметриос рассказывал Солайтер о них истории, выдумывая прямо из головы. Она сидела, наклоняясь, на большой кровати. Одета была — как он и ожидал — в перьяшливые, покрытые пятнами лохмотья. В этой одежде она работала. Связанные в узел волосы прикрыты грязной тряпкой. Щеки запачканы. Вид у нее был унылый. И выглядела она постаревшей — словно это входило в единый комплект с ее одеянием. Было ужасно видеть ее в таком виде. Но Деметриосу было утешительно знать, что все это — маскарад, защитная оболочка, позволяющая ей не привлекать к себе чужого внимания. Она выполняла свою работу — незаметно, тихо, словно мышка. Иногда на нее все равно обращали внимание: ее стройную грациозную фигурку просто невозможно было спрятать. Но все же одежда — убеждала.

Сейчас она была невидима для посторонних взглядов. Для всей расстилающейся за окнами планеты. Когда Деметриос закрыл за собой дверь, она медленно повернула темноволосую голову. В ее карих глазах — глазах, в которых прятались ночные огни, глазах, всегда потупленных, прикрытых в дневное время веками — вспыхнуло узнавание. Словно всплыла внезапно из темного омуты играющая огнями золотая рыбка.

— Солайтер ждала Деметриоса. — Он никогда не слышал, чтобы она использовала местоимение, которое большинство из нас склоняет весь день напролет. И половину ночи — тоже. Некоторые другие слова она также не использовала — словно предпочитала не вынимать из ножен короткое широкое лезвие великолепия языка. В этом убежище на троих Солайтер устраивалась так, как ей хотелось. Здесь, в этом убежище, ее и можно было всегда найти — тем, кто любил ее, как Деметриос и Профессор.

— У Солайтер пять сердец. — Она протянула руку с растопыренными пальцами. — Одно сохранилось, второе съели собаки, и еще одно для Иисуса. И еще одно для Профессора, и одно для Деметриоса. — Будь ей плохо, она бы так не сказала.

— Все мои, — сказал Деметриос и повторил: — А сегодня был хороший день. И хороший, и плохой. У меня появился

друг. А плохо то, что полисмен сказал, что для того, чтобы рассказывать истории, я должен получить лицензию.

— Лицензию? О-го! — Она не рассмеялась. Она быстро подмечала все угрожающее и безобразное. Солайтер боялась темноты, она всегда требовала, чтобы горела лампа или свечной огарок — даже когда удобно лежала между Деметриосом и Профессором. Она заметила однажды, что все живое ушло в джунгли, но и там иногда можно встретить друзей. — И сколько это будет стоить, Деметриос?

— Полицейский не сказал мне. Хотя, думаю, он знает. — Деметриос погрузился в роскошь своего кресла. Традиционный ритуал не мог начаться до того, как он не окажется в кресле. Это означало, что закончилась та часть дня, когда он должен быть вдали от нее. Солайтер не нравилось, что он уходит из дому и рассказывает истории, чтобы заработать немного денег. Это — как напрасная расточительность, когда он может остаться дома. Однажды, когда весь день шел дождь, он застал ее у окна: она благословляла тучи. Но она никогда не говорила Деметриосу (или еще кому-нибудь), что нужно делать. — Я завтра пойду в городское управление и выясню.

Она зевнула — словно звякнуло серебро. Покачала головой, отметая Городское управление. Отметая завтрашний день, неразборчиво нацарапанный и невидимый за кляксой невозможного. Она сорвала с головы тряпку и бросила ее на пол. Когда вошел Профессор, она уже выдвинула стол со стулом на середину комнаты. Профессору она улыбнулась тоже.

Профессор закрыл дверь на засов и, скрестив ноги, уселся на пол возле кресла Деметриоса. Лютя заговорила — будто составляла единое целое с его маленьким гибким телом. Заговорила нежно, влюбленно.

Солайтер принесла заветную коробку (никто не смел даже коснуться ее, в противном случае Солайтер приходила в ярость и разражалась слезами.) Зажгла свечи, расставив подсвечники по краям стола. Затем принесла, вытащив из сундука под кроватью, полосу красной материи, ножницы, полотенце, кусок мыла, тазик и ручное зеркальце. Таз она наполнила водой из стоящего возле кровати кувшина.

Солайтер мыла лицо.

Существует, должно быть, сто способов умывания. С фырканьем и плеском; быстро мазнуть и закончить; хрюкать, расплескивая воду; вдумчиво тереть кожу; взяв в щепоть, нести воду к лицу... Солайтер просто взяла мокрый кусок материи и тонкий обмылок и сняла грязь с лица и рук. (За мыло Дементриос и Профессор немало платили в магазине, обслуживающем главным образом тех, кто носит белые туники. Сколько это стоило — едва ли было доступно пониманию Солайтер, хотя она не раз спрашивала об этом. Сложение составляло для нее тайну, о вычитании она понятия не имела. А деньги — это то, что обычно есть у других.) Грязью — в основном — она измазалась сама. Для маскировки. Хотя она честно и упорно работала на мэм Эстеллу, Солайтер использовала эту меру предосторожности. Она помнила, как желанна ее кожа для ее любовников. А для других? Кто знает... Мэм старалась ограничить ее роль застиланием кроватей, мытьем полов, уборкой. Старалась не выставлять напоказ ее такую — измазанную в саже, в грязи, в жирных пятнах. И Бабетта была обычно поблизости, готовая вмешаться, если Солайтер понадобится помощь (а шуметь Бабетта умела.) Поэтому Солайтер почти никогда не бушевала и не плакала в их присутствии.

Ручное зеркальце было двусторонним. Безупречным. Редкостный осколок Старого времени. Одна сторона увеличивала отражение, что очень изумляло Солайтер. Она любила это зеркало — потому что его нашел для нее Профессор, он только не мог сказать, где. Солайтер расчесывала свои черные волосы. Волосы трещали, пускали искры и слабо светились. Причесывалась она еще одним сохранившимся от Старого времени сокровищем — расческой из настоящей пластмассы. Легкой, узорной, прозрачной и тонкой. Говорят, Старое время больше не возвратится.

Она могла подолгу оставаться в одиночестве — читая в своей душе, пока шло вечернее увеселение. Или просто придирчиво обозревая свою красоту. Она сбрасывала с бедер юбку и поглаживала рукой груди — круглые, имеющие форму незрелого бутона. Теплые тени лежали вокруг сосков. Солайтер в свете свеч поочередно поднимала вверх груди.

Она оторвала кусок красной материи, формой оторванное походило на туз бубен. Тщательно и бережно осмотрела его — будто материя была живой. Затем шлепнула обрывок на стол и резким ударом проткнула его ножницами — так что они, воткнувшись в дерево, остались стоять вертикально. Глаза ее стали раскосыми от боли, она простерла руки. Поза говорила: «Вот как это случилось. Вы можете видеть это?» На ней не было ничего, кроме длинных трусов из грубого необработанного льна. Затем спокойно, словно хорошая хозяйка, она придвинула стол обратно к стене — ножницы по-прежнему стояли вертикально. (Иногда ночью — если это была для Солайтер хорошая ночь — она выскальзывала из кровати и заканчивала ночь в одиночестве на столе. Ножницы при этом она, конечно, вытаскивала, а проколотую материю выбрасывала в мусорную корзину.) Она открыла одежный шкафчик, положила, сняв с себя, туда трусы и задумчиво принялась обозревать свой гардероб.

Пока она размышляла, лютя Профессора молчала. Из менее чем дюжины платьев Солайтер выбрала длинное, с поясом тускло-красного цвета, с желтой отделкой и изящными костяными молочно-белыми пуговицами. Чтобы купить это платье, Деметриос и Профессор сложили свой заработок за месяц. Даже более, чем за месяц. Из прочих костюмов она лишь один надевала, выходя на улицу. Этот костюм состоял из широких брюк и жакета цвета пожухлой листвы. И когда она шла в нем, то очень походила на мальчика. Лютя ликующе запела. Это одна из хороших ночей Солайтер, и до того, как настанет ужин — время любви.

Она стояла голая, так что ее любовники могли видеть ее.левой рукой она — подчеркивая — поддерживала груди. Правая рука вытянута, предупреждая, что время еще не наступило. Деметриос смотрел на тонкие стебли ног, расширяющиеся к амфоре бедер, смотрел на ее тело, на темный треугольник, видел неожиданное смещение цветуще-розового и темного на его вершине, видел ее мудрое, печальное лицо. Вместе с безумием уживалась мудрость, и вместе они составляли Солайтер.

В открытое окно ворвался порыв ветра. Рука Профессора шевельнулась — он показал, что хочет закрыть его. Но

Солайтер качнула головой. Она надела платье. Застегивать не стала — теплая плоть светилась. И сказала Деметриосу:

— Солайтер готова.

Поняв, он отнес ее на кровать. И медленно и нежно (только так можно) овладел ею. Над домом, над всем этим горестным городом шел дождь и дул ветер. И в их шуме, где-то вне его ликующего, тяжело трудящегося тела, Деметриос услышал желание.

Право выбирать, кто из ее любовников и когда сольется с ней, принадлежало Солайтер. Накал ее страсти был так силен и разрушителен, что частого повторения этого она бы просто не выдержала. Какие-то вызывающие отвращение тени сгрудились под потолком. Они походили на диких кабанов, выбежавших на опушку леса. Деметриосу подумалось, что его тело — лишь оболочка, в середине которой бьется пламя. Мягко и успокаивающе бормотала лютня. Солайтер вытянулась, чтобы коснуться левой руки Профессора. Она всегда так делала — в минуты долгой любви Деметриоса. Однажды она призналась, что поступает так потому, что сила, извлекающая музыку из струн, вливается в ее тело. И мука превращается в песню.

Она закричала: сладостная боль достигла предела. И замерла, тихо вытянувшись. Через некоторое время она сказала:

— Деметриос...

Солайтер не была ребенком, но подобно ребенку любила, чтобы ей многократно рассказывали одну и ту же историю. И она расстроилась бы, если б оказалось, что изменено хоть одно слово. Она сказала:

— Деметриос расскажет Профессору и Солайтер историю об Ане-гусятнице.

ГЛАВА 5. ОНА БЫЛА ЧИСТОЕ ЗОЛОТО

Аня была принцессой Перанелиоса. Это происходило давным-давно, когда волшебники были даже главнее королей.

Короли могут облагать налогами, могут приказать отрубить голову. А волшебники могли сделать так, что люди (и короли тоже) просто исчезали во мгновение ока. Вынужденное исчезновение, должно быть, было неприятной штукой, хотя после того, как дело было сделано по всем правилам, никто обычно не возвращался, чтобы описать, что он при этом чувствовал. Как утверждали жители Перанелиоса, это было не просто исчезновение (исчезали примерно так: фа-з-п!), нет, когда человек исчезал, оставалось маленькое серое облачко пустоты (иногда оно было грязно-лилового цвета.) Затем облачко со слабым шипением тоже исчезало (примерно вот так: ф-сс-п!) Иногда по прошествии длительного времени исчезнувший возвращался в Перанелиос. Возвращался с совершенно неправдоподобным рассказом о том, что очнулся он в Китае или в Бруклине (мы-то знаем, что на самом деле таких стран нет), и что вернулся он, пользуясь случайными оказиями. Если эти люди продолжали мешать волшебникам, те — как правило — заставляли их исчезнуть снова.

Волшебники наиболее часто использовали этот фокус (телепортация — это не просто не имеющее смысла слово), когда к ним приставали с глупыми вопросами в то время, как они занимались медитацией.

Аня была хорошей принцессой. Маленькой девочкой она никогда не спорила и всегда помнила, что надо мыть руки. И никогда не забывала оставить на краю золотой тарелки немножко еды для бедных. Для тех, конечно, которые этого заслуживали. Она старалась быть хорошей. Она учила уроки, была добра с куклами, придворными и слугами. Она знала, что дети сами должны готовить себе еду, а не приставить к маме. А когда у короля было плохое настроение, она говорила только: «Да, папочка» или «Нет, папочка», или «Может быть, папочка». Она была чистое золото. Все считали, что из нее получилась бы превосходная королева. Но поскольку у нее было три старших брата, и все отличались завидным здоровьем, это было исключено. Ничего не оставалось, как готовить ее к замужеству с каким-нибудь знатным человеком — и притом, не слишком уродливым.

Когда она выросла и стала уже не маленькой девочкой, а взрослой, готовой выйти замуж принцессой, ее начала

беспокоить одна вещь. Ей нравилось чувствовать, что ее любят и ею восхищаются (это ведь так по-человечески), но один из самых важных придворных не проявлял к ней ни любви, ни восхищения. Это был Главный волшебник. У него был длинный циничный нос, а звали его Меннок Мозес. И, кстати, никто из тех, кого заставлял исчезнуть Меннок Мозес, никогда не возвращался обратно. Равнодушные волшебника глубоко задевало Аню. Она думала покорить своим обаянием старую скотину, но это желание не было искренним. Волшебников такого ранга нельзя казнить — разве что казнить их во сне. А на это отец Ани не соглашался. Сама она не могла его убить — ведь она была хорошая. Мысль о волшебнике продолжала мучить ее, она думала об этом каждый день — вплоть до того дня, когда король сказал ей, что решил устроить пышную свадьбу. Аня будет выдана за принца Пом де Тер.

— Но, папа...

— Я вижу, ты собираешься возражать мне, — сказал король Дагобер (у принца Пом де Тер были во рту массивные золотые зубы. А еще сделанные из слоновой кости — во весь оскал. Но собственных зубов у него не осталось. Ему было уже семьдесят два года, и он играл на скачках.)

— Ты знаешь, что мне не хочется выходить за него, папочка, — сказала принцесса Аня.

— Знаю, — злобно посмотрел на нее король Дагобер. — Не хочешь. А чего же ты хочешь?

Король хотел выдать ее за принца Пом де Тер, потому что он был богат. И у него были большие запасы безоарова камня. Опечаленная, вышла от отца Аня и направилась прямо к Менноку Мозесу.

— Мой отец говорит, что хочет выдать меня замуж за принца Пом де Тер.

— А знаешь ли ты, — сказал Главный волшебник, — что ты помешала мне рассчитывать орбиту кометы Болови?

— Извините. Мой отец говорит, что я должна выйти за него.

— За кого? За Болови? Он умер в 1846 году.

— За Пом де Тер.

— А, за него... Ты перестанешь мне мешать? А ты за него выходить не хочешь?»*

— Я люблю ученика сапожника.

— Так выходи за него.

— Отец говорит, что я должна выйти за принца Пом де Тер.

— А, да убирайся!

Выкрикнув это, Главный волшебник сделал волшебный пасс (мы бы этого движения наверняка и не заметили), и принцесса Аня исчезла. З-з-п — и она оказалась где-то за тысячи и тысячи миль. А Меннок Мозес скреб свой лысый череп, наблюдая, как с шипением рассасывается на полу бледно-лиловое пятно пустоты — ф-с-с-п! Ведь на деле он хотел сказать: «Исчезни, о принц Кто-ты-там-есть!» Волшебник вздохнул, ощутив на миг сожаление, и вернулся к своей работе.

Принцесса Аня оказалась в Пераселене (это по ту сторону Китая.) Жители Перанелиоса оплакивали свою дорогую принцессу, но никто, даже король Дагобер, не смел мешать Менноку Мозесу, когда тот был занят. Дагобер начал потихоньку подыскивать для принца Пом де Тер какую-нибудь принцессу из своих дальних родственников. Он надеялся, что свадьба все же состоится.

А Аня? Она оказалась в Пераселене, где все наоборот — хотя и не слишком. Она очнулась на покрытом травой лугу. Луг окаймляли очень красивые деревья, покрытые летней листвой. А еще там был очаровательный пруд, где плавали белые, коричневые и пестрые гуси. Гуси вылезли из воды, собрались вокруг принцессы Ани и зашипели.

— Перестаньте шипеть, — сказала Аня, — или я позову вашу гусятницу.

— У нас нет гусятницы, — сказал гусиный вожак. — Она оставила нас. Не смогла ужиться с женой фермера. И с самим фермером тоже.

— Тогда я буду вашей гусятницей (потом мы официально заключим договор.) И я приказываю: перестаньте шипеть. Я беру на себя всю ответственность, потому что по профессии я — принцесса.

— А можно нам попутись? — спросил гусиный вожак.

— Вполне, — сказала Аня. — Паситесь, если хотите.

Гуси паслись и были очень довольны. В это время пришла жена фермера, посмотреть, что происходит.

Я забыл сказать, что гуси умели гоготать по-человечески не хуже, чем шипеть. И что принцесса Аня была одета в шитое золотом платье. И еще на ней была очень миленькая шаль, которую подарил ей рано утром первый министр за то, что она такая хорошая. Но жена фермера была старая и близорукая, и она забыла, что гусятница уволилась.

— Где ты украла эту странную одежду? — спросила она. — Почему ты не следишь за гусями? Кем ты вообще себя воображаешь?

— В моем дворце эта одежда не вызывала бы неприязненных замечаний, — ответила принцесса Аня. — Гуси ведут себя очень хорошо, им нужно только, чтобы их понимали. В ответ на ваш третий вопрос скажу, что я — принцесса Аня из Перанелиоса. Но я готова временно быть вашей гусятницей — для того, чтобы набить опыт и ради заработка. Потом мы заключим, может быть, более приемлемое соглашение. Надеюсь, что в скором времени мне удастся связаться с Перанелиосом.

— Кто ты есть, — сказала жена фермера, — вылетело из твоей головы. — И она гибким прутом огрела принцессу по спине. Она была женщиной, на которую доводы не слишком действовали. И принцесса Аня, поплавав, не смогла придумать ничего, кроме как быть послушной.

Так и обстояли дела. Прошло какое-то время (время в Пераселене измеряли иначе, часов там не было — ведь в этой стране все было наоборот, хотя и не слишком.) Ане приходилось вставать до рассвета, завтракать (завтрак был легкий: сухой от старости хлеб с маслом, стакан молока, свиная отбивная) и идти присматривать за гусями. Это означало, что она должна оберегать их от лис и волков, не давать гусятам простудиться, ощипывать с гусей пух... вам никогда не приходилось ощипывать живого гуся? Мне тоже не приходилось... А еще она была вынуждена отбиваться от сына фермера, который все раз за разом повторял, что хочет на ней жениться. И она должна была сохранять свои силы. Зимними вечерами, когда гуси находились в загоне, она читала фермеру отрывки из «Упадка и падения» Гиббона или Пруста. Фермер начал чтение этих двух книг еще в юности. Теперь его зрение ослабло, но он надеялся закончить хотя бы одну.

Мрачная, трудная жизнь была у маленькой Ани, и часто ей думалось, что у нее есть только единственный друг. Это был гусиный вожак, который любил сидеть, греясь на солнышке, рядом с ней и слушать истории из придворной жизни Перанелиоса. Дураки и гуси поверят во что угодно.

— Ну, продолжай, — сказала Солайтер.

— Конечно. В этом месте я всегда жду, когда меня подтолкнут. Разве не так?

Кроме того, я подумал, что ты спишь. Итак, мы вернемся во дворец Перанелиоса. Дела там шли плохо. Младший из братьев Ани умер от кори. Второй по возрасту отрекся от трона на трех языках и стал священником. А что произошло со старшим сыном, прекрасным принцем Губертом? Да ничего. Кроме того, что он, вооружившись до зубов, выступил в поход против визиготов. Это было не просто бесполезное, но и опасное предприятие. Более опасное, чем кататься на лыжах. И тогда у ученика сапожника возникла идея.

Он был красивый парень, а звали его Ганс. Принцесса Аня встретила с ним только однажды, когда отдавала в починку несколько поношенные хрустальные шлепанцы. Аня и Ганс поклялись вечно любить друг друга. Поклялись, правда, в некоторой спешке, потому что она торопилась успеть на освящение одного учреждения. В день исчезновения Ани Ганс как раз хотел принести ей починенные шлепанцы (кстати, работа была выполнена прекрасно.) Он поклялся страшно отомстить Менноку Мозесу. А поклявшись, начал размышлять, что бы сделать в более практическом плане. Но минули годы, прежде чем старший сын ушел на войну и тем дал Гансу, по крайней мере, зародыш идеи. Ганс нашел способ передать королю Дагоберу следующее предложение: он отправляется на поиски принцессы Ани и тем сохраняет трон для династии. Вознаграждение потребовал обычное: полкоролевства и принцессу. Это предложение было начисто отвергнуто Дагобером.

Довольно скоро, однако, пришла весть, что визиготы, как можно было и предвидеть, сделали из принца Губерта национального героя. И находились уже лишь в нескольких милях от ворот столицы Перанелиоса. Дагобер переменил свое мнение. Поскольку Меннок Мозес был по-прежнему занят,

король вызвал к себе ученика сапожника. Он великодушно принес извинения за поспешное решение и спросил, остается ли предложение в силе.

— Остается, Ваше невыразимое величество, — сказал Ганс. — За исключением того, что теперь я вынужден произвести дележ таким образом: шестьдесят на сорок. Инфляция.

— Пятьдесят пять на сорок пять.

— Шестьдесят на сорок.

— Согласен. Возьмете ли вы с собой кого-нибудь из лиц королевской крови? Нужен ли вам конвой из копьеносцев и слонов? Деньги на дорожные расходы?

— Нет, Ваше великолепное Величество, — сказал Ганс, который полагал, что он рыцарь типа Галахада, только более практично настроенный. — Нет, я намерен отправиться на поиски в одиночку и без пышности. Это привлечет меньше внимания. И... — здесь он действительно подставил под удар свою шею, — если я потерплю неудачу, делайте со мной, что хотите.

Дагобер подумал, что в конце концов никто из тех, кто исчез по воле Меннока Мозеса, никогда еще не возвращался. Делать было нечего, разве что готовиться к встрече с визиготами. Всего лишь. Но король был человеком, которому нравилось выигрывать пари — когда это было возможно.

— Договорились», — сказал он и злобно глянул на Ганса. Ганс вышел из дворца и — как часть страшной мести — тут же поспешил в Менноку Мозесу. Он предложил волшебнику десять процентов от его шестидесяти, если Меннок тут же добровольно вернет принцессу. Он был умным парнем и знал, что в легендах принцессы всегда возвращаются. Но Меннок Мозес наорал на него.

— Я мог бы сделать так, что если того захочу, может исчезнуть все королевство. И я получу десять процентов из шестидесяти? Забудь об этом. Кроме того, я никогда не возвращаю никого из исчезнувших — это вопрос принципа. (На самом деле, он просто не знал, как это делается.) Но я скажу, как разыскать ее. И главное — скажу это совершенно бесплатно.

— Как, о Источник сверхчеловеческой мудрости, — если ученику сапожника можно так именовать вас?

— Что ж, спасибо, сын мой. Итак: примерно в одно и то же время отправься на восток, запад, север и юг. Затем возьми налево и направо и попадешь прямо в Пераселену — никак не промахнешься. Принимайся за дело сразу же. Очень приятно было с тобой познакомиться.

Ученик сапожника Ганс примерно в одно и то же время отправился сразу на восток, запад, север и юг. Затем принял направо и налево... И не заметил ничего, что было бы похоже на Пераселену. Он спросил у малиновки:

— Ваше преосвященство, где здесь дорога на Пераселену?

— Он занят, — сказала малиновка. — Я жена его преосвященства. Добираясь сюда, ты, наверное, взял слишком вправо. Но теперь, если возле здания школы ты повернешь налево, то уж никак не промахнешься.

И бедный Ганс приобрел богатый опыт таких встреч — пока, наконец, не встретился с чужестранцем, который не стал говорить, что он никак не промахнется, а просто сказал, где находится Пераселена. На блуждание ушло время, много времени.

А тем временем в Перанелиосе королю Догоберу — впервые за все его долгое и славное царствование — пришла в голову здравая мысль. Он попросил Меннока Мозеса (вежливо, и когда тот был не слишком занят) сделать так, чтобы визиготы исчезли. Что старик и сделал, ничем, кроме раздраженного ворчания, не наказав короля. Он бы позаботился об этом раньше, если б знал, что этого хочется Дагу, и не хочет ли Даг еще чего-нибудь?

— Нет, о Господи, — сказал король Дагобер, торопясь уйти, пока есть возможность. — Нет, все остальное просто потрясающе. До свидания.

А Ганс, следуя инструкциям чужестранца, добрался наконец до очаровательного коттеджа, где жила Аня-гусятница. Он ее сразу узнал, хотя она, конечно, несколько повзрослела. Жена фермера уже умерла — от злости, — но фермер все еще надеялся прочитать всего Гиббона. В тот самый момент, когда Ганс постучал в дверь, Аня-гусятница читала фермеру 2004 страницу Пруста. Теперь у нее

было меньше времени на чтение, поскольку ей приходилось вести домашнее хозяйство и так далее, но фермер был терпелив и по-прежнему желал подробно ознакомиться с каждым предложением. Если Аня не совсем сразу узнала ученика сапожника, то это потому, что ее голова была занята великим множеством других дел. Но затем она вспомнила, что он как-то связан со своей профессией. И она вспоминала все больше и больше и спросила его:

— Ты принес мои шлепанцы?

— Нет, извини, забыл. Но, любимая половина души моей, я пришел, чтобы увести тебя обратно в Перанелиос, и за это твой благородный отец отдаст мне половину королевства. Вернее, шестьдесят процентов.

— Но я не могу... дорогой. Отдай это Джо, он же первый взял, ты сам это знаешь... Извини, я говорила со своим младшеньким, у него сейчас период...

— Прекрасно, — сказал сын фермера, — прекрасно было хотеть немного не видеть этих маленьких вонючек.

Кстати, он уходил к колодцу, а сейчас вернулся... Я имел в виду — сын фермера... Он изо всех сил старался быть хорошим мужем.

— Конечно, — сказала Аня-гусятница, — это было ужасно мило подумать об этом, но сам видишь, как обстоят дела.

— Мы будем счастливы, если вы останетесь пообедать с нами, — сказал сын фермера. — Возможно, моя любимая несколько тугодумка. Не желая никого обидеть, скажу, что у нас в доме вообще черт-те знает, что делается.

— И счастливо случилось так, что его появление на сцене, — сказал фермер, — оказалось не менее, как примером того, как взаимно восполняется недостающее к всеобщему удовлетворению, и оценив, не торопясь, происходящее, он, возможно, предпочел бы предложить, что его странствия...

— Он может долго продолжать в том же духе, — сказала Аня. — Конечно, оставайтесь обедать с нами... Ганс. — Она вспомнила его имя.

Итак, Ганс остался обедать. Он гладил по головкам детей (дети были еще в том возрасте, когда учатся ходить),

выражая восхищение фруктовым напитком и салатом... Его познакомили с гусиным вожакom, который тут же ущипнул парня. И как только это стало удобно, направился Ганс обратно в Перанелиос... Ты спишь?

— Солайтер не спит, — зевнула Солайтер. — Потому что она знает, что это еще не все.

— И, вернувшись в Перанелиос, Ганс, как и подобает честному юноше, рассказал королю Дагоберу, как обстоят дела. В заключение он сказал: «Посему, Ваше верховное величество, сделайте со мной все, что вам угодно». И король Дагобер сделал его министром финансов. Меннок Мозес... ну, у него были свои трудности: он женился на колдунье, которую звали мисс Дающая, и они жили вместе долго и счастливо. А другие персонажи этой истории были, пожалуй, слишком молоды, чтобы сделать то же самое. Ты спишь? Спишь... М-м, пожалуй, достаточно.

Она проснется, чтобы поужинать, когда он или Профессор принесут сюда, наверх, ужин на всех троих. Затем, если глаза Профессора сделаются умоляющими, она затеет с ним игру с кнутом: у Профессора иногда возникает потребность, чтобы его отстегали. Частью безумия Солайтер было то, что она научилась доброте и пониманию иных форм безумия — безумия других людей. А потом, ночью, она погрузится в настоящий сон. И, может быть, среди ночи она проснется и встанет, чтобы вытащить из стола ножницы. Деметриос решил, что самое лучшее сейчас — ждать. Жизнь — в основном — хорошая штука. Какая жалость, что всегда что-нибудь мешает — будь он проклят, этот полисмен!

В мозгу его возник прекрасный и величавый образ Ангуса Бриджмена. С высоты своей юности Ангус смотрел на него сверху вниз. Во взгляде его было любопытство и, возможно, нежность. Порыв ветра. По крыше хлестнул дождь. А потом опять стало тихо.

ГЛАВА 6. ОСКОЛКИ РАЗБИТОГО ЗЕРКАЛА

*...я вспоминаю то, чего никогда не было,
вспоминаю Золотой век.*

Дневник мэм Эстеллы

Деметриос поднялся, когда восход играл золотом и киноварью. Солайтер, как обычно, ночью встала, чтобы навести в комнате порядок. Потом она некоторое время посидела возле окна. Звезды гасли, и ее мысли бездумно неслись вслед ветру. Теперь она спала, и коричневые руки обнимали ее. Возраст Профессора, должно быть, приближался к пятидесяти. Солайтер — девятнадцать-двадцать. А вместе они походили на нежно обнявшихся детей.

Тихо и осторожно Деметриос оделся, спустился вниз. Сон освежил его. Смех, визг, суетня, сопровождавшие ночную работу в заведении мэм Эстеллы, случайные рыдания, удары, выкрики, редко нарушали его покой. Ночью Ангус ему не приснился. Если бы сны приходили к нам по желанию, кто бы тогда просыпался?

В большой кухне мэм Эстелла наслаждалась ранним утром. На железной крышке сложенной из кирпича печки, в которой горели дрова, пел алюминиевый, сохранившийся со Старого времени чайник. Такая печка называлась кухонной плитой. В сорок седьмом году найдешь не много таких хороших кухонных плит — с отлитым из железа верхним покрытием, с легко снимающимися крышками. Мэм Эстелла получила ее — по заказу — от пресловутой Компании по спасению имущества Нупала (Нупал — это вниз по побережью.)

— Доброе утро, господин Деметриос.

Мудрый черный кот с оптимистическим видом вился у лодыжек мэм Эстеллы — целый шкаф любви, но Дженни принимала его лезть всерьез и считала, что это прекрасно.

— Раннее время для вас, не так ли?

— Рановато. Доброе утро, Стелл.

По утрам туман мэм Эстеллу никогда не окутывал. Пока весь дом отсыпался после шумной эротики прошедшей ночи (спали до полудня), они с Дженни были уже на ногах, весь мир был в их распоряжении. «Утро — самое прекрасное время», — говорила Эстелла, — единственное время, когда можно поразмышлять». Мысли ее получали отражение в дневнике, течение их было непредсказуемо.

Посреди груды мусора стояла Дженни, весна ее давно кончилась. Набер был высокого мнения о ее кошках. Больших и злых серых крыс больше не было, но были вытеснившие их маленькие крысы, вероятно, мутанты. Лишь кошки не давали новому поколению людей стать жертвой серьезной эпидемии.

Эстелла, не испытывая сомнений, заключала сделки с Компанией по спасению имущества Нупала. От этой Компании она уже получила очаровательный чайник, прекрасные, тонкой работы, сделанные из железа пластинки (в основном, они пошли на облицовку камина в спальней комнате) и великолепную двухуровневую цветочную вазу, которой не уставали восхищаться клиенты. На прямоугольной верхней подставке мэм Эстелла выращивала анютины глазки и маргаритки. С нижней овальной вздымались вверх два здоровенных тюльпана. Ваза была чисто-белая, без единого изъяна, без трещин. Она была сделана из чего-то вроде фарфора. Никто в наши дни не знает, как делать подобные вазы. Деметриос и Эстелла начали свою жизнь в то время, которое в народе еще иногда называют двадцатым столетием. Они помнили, для чего первоначально предназначались такие предметы. Вспоминали об этом с грустью, когда в холодное зимнее время приходилось выскакивать во двор — посетить известную пристройку. Живущий в первом столетии — с огрызками корней памяти, уходящими в иное время — человек с нежностью вспоминает некое место, обычно связываемое с деньгами.

Компания по спасению имущества посылала свои запряженные мулами повозки, сопровождаемые хорошо вооруженной охраной, во все части известного мира. Эти повозки появлялись всюду, куда вели разрушающиеся дороги Старого времени или пыльные, проложенные в теперешние

премена, проселки. Люди Компании перерывали, исследуя, всякий хлам, в поисках сокровищ, могущих принести прибыль. Ходили слухи, что поисковые группы Компании занимались воровством, грабежами и так далее. Убийственно опасное занятие, конечно, и люди Компании никогда не забывали возможности такого исхода. Сейчас, в сорок седьмом году, Компания подумывала об основании литейного производства. Древесный уголь предполагалось добывать в чащах Нупала, а железосодержащую руду — в шахтах на севере, заброшенных в Старое время за нерентабельностью. Компания также решила поглотить некоторые маленькие предприятия, набирающие силу в Мэйпластоке. Запасы угля, в основном... Но ведь вы еще ничего не знаете о Нупале. Включенный в состав Королевской республики согласно мэйпластокскому соглашению Двадцать первого года, Нупал тем не менее сохранял полунезависимость и бережно лелеял ее. Нупал не обращал бы на Набер внимания — если б не доллары Набера.

— Городское управление, — сказал Деметриос, направляясь к уборной, — эх!

— Лицензия, о которой вы говорили?

— А, такое мог придумать лишь идиот, которого осенило после хорошей выпивки. А у вас есть бумаги от них?

— Еще бы, — с достоинством сказала Эстелла. И, уже более кротко добавила: — Ну, эту бумагу мы получили из Мэйпластока и заплатили сказочно дешево... Сделано это было быстро, и для этого мне пришлось... кое-что сделать. Сами понимаете.

— Конечно, дорогая. В Старое время было слишком много бумаг. Они захлестнули нас, как говорил мой отец.

— Садитесь, Димми, — сказала Эстела, когда Деметриос вернулся. Дженни прыгнула к нему на колени и выставила остроконечные носки туфель. — Я хочу угостить вас яйцом.

— Большое спасибо — если это вас не слишком затруднит.

— Чш-ш, — сказала мэм Эстелла, похлопывая его по руке. Ей было шестьдесят пять... Когда мир обрушился, она была юной, восемнадцатилетней матерью. В те времена она работала на фабрике одного из городков Коннектикута. — Лицензия на рассказывание историй! Не могу понять, куда

катится мир. Иногда эти, из Внутреннего города, заходят слишком далеко... мешают, суют свой нос в чужие дела, вмешиваются. И налоги, налоги, налоги! — Осторожно раздавив яйцо, она вылила его содержимое в кастрюлю. По утрам мэм Эстеллу тянуло к умеренно-революционным взглядам. Позднее — когда день постепенно склонялся к вечеру — эти взгляды на мир менялись, и Эстелла находила утешение в перегнанном из зерна спирте.

— Прекрасное яйцо, — сказал Деметриос. — Думаю, оно получено от кур Сомервилля. Баб говорит, что у девочек Обадии не все в порядке. — Деметриос по достоинству ценил знакомство с двумя куриными семьями, роющимися на заднем дворе. Одной семьей правил вспыльчивый красный петух Сомервилль. Второй — степенный пестрый Обадия. Ценить-то он ценил, но Бабетта вбила себе в голову заботиться о курах и не терпела ничего постороннего вмешательства.

Сбить Эстеллу с избранного курса было трудно.

— Димми, я даже сомневаюсь, безопасно ли вести дневник. Тут один парень всюду сует свой нос, говорит, что я теперь не совсем здорова, может быть, потому что пью слишком много чая. Скажем, а вдруг он удерет с моими тайными записями? Теперешние окаянные законы позволяют ему это сделать. И тогда я буду перед чужими нескромными взглядами, как голая. Буду голая перед этими стервятниками. Никакого уважения к моим седым волосам. Если они считают, что это ведет к ниспровержению... да пусть они поцелуют меня в задницу, честное слово! Что хорошего можно ниспровергнуть в Набере, а?

— У вас не седые волосы, — сказал Деметриос. — У вас прекрасные темные волосы. Вот у меня — действительно седые. Берите свой чай и присаживайтесь, Эстелла. Если хотите, расскажите мне о вашей тайной книге.

— Нет, Димми, — она принесла ему чай. Отступила на шаг, чтобы поцеловать его в макушку. Погладила ее — длинную, редковолосую, плохо причесанную. Похожую на соломенную крышу. Но она переменяла мнение, что чая нужно пить как можно больше, и содержащаяся в излишнем порядке кухня получила соответствующее указание. (Бабетта

все, что ей поручали, выполняла со щеголеватой аккуратностью.)

— Нет, мне часто хочется рассказать о ней, но я никогда этого не сделаю. (Тебе не нужно этого, Дженни.) Это просто книга, она вроде... книги. (О'кей, я ж говорила, что тебе этого не нужно.) Ее могу читать только я. — Но она не сразу ушла из кухни к себе в спальню. Медлила у двери — день Дементиоса начинался трудно. Первоначально комната Эстеллы была примыкающей к кухне кладовой. Она лелеяла свою комнату, как оленья мышь лелеет свое гнездышко, и никто, за исключением Бабетты, никогда не получал приглашения зайти туда. Единственное выходящее на восток окно смотрело на кухонный дворик. И через окно заглядывало в комнату свежее, юное утро.

— Не надо оправдываться, — сказал Дементиос. — Я вашу тарелку и все остальное. Вашу книгу должны читать только вы.

Она постояла у двери еще немного — глаза трезвые, спокойные. Возможно, ей хотелось услышать, как вдруг она говорит то, что обычно не выражается словами — и то, о чем нам так трудно не говорить. Одно дело любовь, совсем другое — одиночество. Не существует ни одного языка для выражения подобных понятий, разве что — несколько слов и еще меньшее число удачно подобранных словосочетаний. В них отражаются кусочки правды — как в осколках разбитого зеркала.

— Что ж, не будем создавать себе дополнительных трудностей, — сказала мэм и закрыла за собой дверь.

Кратчайший путь от улицы Красного занавеса к Городскому управлению (именно его выбрал Дементиос), вел через Площадь виселицы. На Площади прохожий видел виселицу, позорный столб, плаху для кнутабойства. Это была та самая виселица, на поперечине которой висел избитый плетью и замученный колесом Авраам. Он висел у всех на виду — чтобы все могли видеть, что ждет врагов государства. Некоторые говорили, что его вовсе не намеревались убивать. Мрачные многоквартирные дома и лавки окружали Площадь. Они

также сохранились со времен Авраама — грязные, задушенные здания. Избавить от них сможет только огонь, который раньше или позже пожрет их. Что сможет сделать вооруженная ведрами пожарная команда Набера, когда в груды этого высохшего деревянного хлама будет брошена искра? Некоторые из тех, кто в сегодняшние времена высовывался из окна, чтобы в подробностях разглядеть очередное бичевание или повешение, должно быть, семнадцать лет назад отталкивали друг друга локтями, чтобы занять место, откуда хорошо был виден растянутый на колесе Авраам. Многие из видевших это зрелище уже умерли естественной смертью (нынешний мир плохо приспособлен для юмора, так что ссоры ведут к тому же исходу.) Другие умерли от оспы, холеры, желтой лихорадки. Некоторые, возможно, просто убрались отсюда, оставив свое жилье пришельцам, которые, вероятно, с тем же возбуждением наблюдали смерть новых Авраамов. И забрасывали их камнями.

Миновав Площадь виселицы, человек проходил вдоль пары круто взбирающихся в гору кварталов, и его взгляду открывалось Городское управление. Расположенное у основания пирамидально уходящего вверх Внутреннего города, оно представляло собой весьма скверный образчик архитектуры. Сложенное из бревен двухэтажное здание с двумя поддельными, обрамляющими входную дверь колоннами. Над управлением, подавляя его, возвышалась квадратного сечения колокольня. Колокольня бы смотрелась просто превосходно, не будь она слишком велика для такого здания. Она была по крайней мере вдвое больше, чем нужно. Колокольню построили, чтобы поместить в ней великолепный, сохранившийся со Старого времени бронзовый колокол. Колокол нашли в развалинах какой-то церкви, его отливку датировали годом... а, да что там! Фальшивые колонны поднимались в высоту на добрых два этажа. Будь они настоящими, а не сделанными из покрытых штукатуркой реек, на них можно было бы водрузить устойчивую к любым потрясениям арку (арки не было.) Но поскольку колонны были просто прилеплены к зданию — словно бинт, наложенный на больное колено, — пространство между ними было занято маленькой верандой, так

называемым Балконом, откуда государственные мужи обращались к народу. В целом, здание производило сумбурное впечатление, и все же Деметриосу казалось, что оно построено в стиле девятнадцатого столетия. К концу этой, по сию пору оплакиваемой эпохи этот стиль начал увядать. И все же он оставил свои отметки всюду — даже в Миссури здание Городского управления было построено в двадцать четвертом году после Катастрофы, построено для Королевской республики, и какой идиот воскресил этот стиль, наверное, навсегда останется тайной. Можно не обращать внимания... и все же эта проклятая колокольня смотрится хорошо.

Перед зданием был разбит просторный, хорошо возделанный сквер. Сквер выглядел даже мило, траву в нем регулярно скашивали. Приземистое здание Городского управления являлось одним из четырех проходов через восьмиметровую стену, сплошным кольцом окружавшую Внутренний город и Вечную гору. Пройдя по центральному коридору — конечно, для этого нужно иметь пропуск или идти с кем-то из граждан Внутреннего города, — человек попадал на прекрасный широкий бульвар. Бульвар тянулся — изнутри — вдоль всей стены. Он так и назывался Уолл-стрит, улица Стены. Стена протянулась каймой вдоль основания пирамиды — около двадцати миль в окружности. Пирамиду образовывала скала — ее создала природа. А человек украсил ее сверху еще и чем-то вроде выпуклости. Стена изгибалась — вверх-вниз, соответственно изгибу холмов, но пирамидальная ее форма все равно просматривалась отчетливо. Впечатление усиливалось треугольной каменной башней, возведенной на вершине Вечной горы. Башня была построена по приказу Симона Бриджмена: он сказал, что хочет видеть, как новый мир приходит к нему. Это было последнее создание его мозга, которое он увидел в законченном виде. Ему не пришлось войти в роскошные залы, расположенные на вершине пятидесятифутовой башни: он был убит через неделю после того, как последний кирпич был уложен на свое место. И Брайан I, первый диктатор Королевской республики Катскиль, который любил говорить сжато — потому что берег свое время и был

внимателен только к тем, кого знал лично, — декретировал: башня будет стоять, как вечный памятник на вершине Вечной горы. Она будет освящать память о великом и добром духе скончавшегося Симона Бриджмена, спасителя своего народа, пророка нового мира. Аминь. Над башней дули ветры. В сорок седьмом году помещения башни были заняты Брайаном II, королевой и придворными, и Деметриосу дальше Городского управления ход закрыт.

Поднявшись по склону, он прошел через сквер. Лишь чуть запыхался. День уже занялся — душный, будто Деметриос притащил сюда с собой всепроникающий ужас Площади виселицы. Несколько скамей, расставленных по скверу, уже были заняты бездельниками. С рассветом полиция очищала сквер, но как только наступали часы затишья, они возвращались. На траве валялась тряпичная кукла — какой ребенок смог оставить своего друга в таком состоянии? Деметриос, пристойно расположив ноги, присел на скамью. Понаблюдав, как к управлению подошла вкрадчивая желтая сука. Влюбленный пес-дворняга рьяно толкал ее в зад и, наконец, возле ступеней, покрыл ее. При действе присутствовали три пса меньшего размера. Сука внимательно и терпеливо взирала на мир. По ступеням спустился полисмен с метлой, но подметать не стал, а лишь оперся на нее.

— Куда мне обратиться насчет лицензии?

— Какого рода лицензия?

— На рассказывание историй.

— Вы, должно быть, сошли с ума.

— Мне сказали, что теперь на это требуется лицензия.

— А... Ага. Вторая дверь направо, обратитесь к сержанту.

Деметриос прошел между колоннами туда, где находилось средоточие силы и власти города. Внутри кисло пахло мочой. Войдя во вторую дверь, он увидел ждущую уборки, накопившуюся за ночь грязь. Единственную меблировку узкого помещения составляли две восьмифутовые скамьи, стол, сбоку которого стояли сохранившиеся со Старого времени медная плевательница и тяжеловесного вида стул. На стуле восседал столь же тяжеловесный сержант. В дальнем конце виднелась закрытая дверь, на которой было написано «Лейтенант». Здесь ждали три старых пьяницы, в том числе

парализованная старуха с кровоподтеком под глазом (она, похоже, уже перешагнула предел, когда чувствуется боль), оборванный мужчина лет сорока, бормочущий что-то в ладони и настороженно озирающийся — как бы не подслушали, и хилый юнец со страшными глазами, вероятно, находящийся под действием укрепляющего. Деметриос подумал, что они похожи на больных, терпеливо ждущих приема к врачу (доктор Юстиция сейчас занят.) Пьяниц, должно быть, поместят в одиночку на день-два. Что ждет нервно бормочущего — неизвестно. Юнца, вероятно, предупредив, отпустят. Если только за время своих ночных походов он не нанес кому-нибудь серьезных увечий. За годы своей жизни Деметриос отметил, что в Набере отсутствуют обычные для цивилизованных государств молодежные бунты. Молодых так мало в наши дни! Может быть, в Старое время не следовало так безоглядно разбрасываться ими. Словно они — пластмассовые куклы... пушечное мясо... те, кого можно послать на войну во Вьетнам.

Теперь эти пятеро плюс сам Деметриос должны были просто ждать. Они уже изучили каждую трещину в покрытых штукатуркой стенах, каждую колеблющуюся тень на усыпанном соломой и опилками каменном полу. Скверное обыкновение заставлять людей ждать, ждать и ждать — неотъемлемая черта любой формы бюрократии. Будет ли это автократия с восседающим на вершине монархом, будет ли это олигархия или так называемый суверенный народ, психологический запах коридоров ожидания везде тот же самый.

— Я пришел, чтобы выяснить насчет лицензии на рассказывание историй...

Может быть, ему не следовало обращаться к сидящему за столом сержанту так прямо. Тот продолжал писать. Деметриос ожидал, что к нему отнесутся — как это всегда бывает — невежливо. Это стереотип поведения маленьких начальников. Раздражало, что нельзя прочитать — вверх ногами — что там пишет сержант. Может быть, бедняга — писатель и как раз пытается закончить книгу. Сержант раз за разом макал перо в чернильницу. Наконец остановился, но откладывать перо не стал.

— Кто вы — как вы там сказали?

— Я — Деметриос. Мне сказали, что я должен получить лицензию на рассказывание историй.

Лягушачьими глазами сержант сердито уставился на Деметриоса. Наконец он сказал:

— Не присядете ли? Вам нужно увидеть лейтенанта... Я не занимаюсь лицензиями.

— Какого лейтенанта?

— Обычного. Нам положен только один.

Как бы уступая тупости посетителя, сержант махнул пером в сторону двери в дальнем конце комнаты.

— Когда я смогу увидеть лейтенанта обычного?

— Лейтенант Броум... считаете, что вы сошли с ума?*

— Нет.

— Значит, нет. Лейтенант Броум занят. Ждите своей очереди.

Деметриос сел рядом с терзаемым беспокойством юнцом.

— Еще один теплый день.

— Не разговаривать! — сказал сержант.

Парень отодвинулся на дюйм — он не разговаривает. А вот как насчет признания виновным в соучастии? Вероятно, скрытый от глаз лейтенант Броум был восьми футов ростом. Медленно протащился час — наконец кончился.

В единственном окне (стекло — серое) жужжал молитву шмеля черный вентилятор — просил больше света. Окно смотрело на север, с солнцем оно знакомо не было. Тем не менее, помещение заполнила колышущаяся жара. Жара протискивалась сквозь древние запахи, для воздуха места не оставалось. Тощий юнец придумал себе забаву: перекачивал по тыльной стороне руки мраморный шарик, загоняя его в грязную манжету рубашки. Забавлялся с четверть часа, пока сержант не прорычал:

— Прекрати это, понял?

Нервный, бормочущий в ладони мужчина подпрыгнул, как от хлопка. Взгляд, искоса брошенный юнцом на Деметриоса, возобновил их хрупкое товарищество во грехе. Прикрывшись рукой, любезный ребенок произнес бессмертное:

— Трахал я их всех!

Наконец юнца, отделив от остальных, послали к лейтенанту Броуму. Вернулся он, как и ожидал Деметриос, скоро. В открытую играл своим мраморным шариком. Он лукаво подмигнул Деметриосу и, насвистывая, вышел. Остальные после вызова не вернулись: не было сомнения, что в кабинете лейтенанта Броума был второй выход. Сидящий за столом сержант вздохнул:

— Можете войти.

Пятница, 19 июля 47 года .

Этим утром Д. ужасно рано ушел в городское управление выяснять насчет этой проклятой лизензии. Пожалуйста, милый боженька, не дай, чтобы они дали ему отворот, чтобы они задели его гордость, из-за которой он когда-нибудь влетит в неприятности, ему не нужно было пачкаться об это дерьмо, а он уже старый, и я вспоминаю то, чего никогда не было, вспоминаю Золотой век, когда я жила на Шеннон-стрит с Сэмом, Стивеном и Ледой, и еще там был Маркус, мой мальчик. Вот как это было, как же так, мы говорили, что мы все будем для него родителями, и тогда было прохладно, почему же я говорю, что этого никогда не было? Сэм, я сейчас его вижу как живого, его рыжие волосы и длинные ноги и его некрасивую и такую милую челюсть — будьте-на-те, вижу так же четко, как мою морицинистую руку, которая держит это перо, и всегда еще Маркус, сын Сэма и мой, хотя Стив на матрасе был всегда лучше, но никогда и близко он меня так не любил...

Маркус с его желтыми кудряшками, его несло то туда, то сюда, его головка была, как милый золотой месяц, вышедший из тумана, если б кто только знал, какие прекрасные и нежные они были, как же я могу писать, как будто всего этого никогда не было? Маркус умер, но жил, он жил, ему уже было почти три, мне было пятнадцать, когда я родила его, это точно, я знаю, и это был Золотой век, а если Маркус жил, то и все они жили: Сэм, Леда, Стивен, и мы жили в том доме на Шеннон-стрит, номер два, дешевое жилье, потому что рядом был проезд под полотном дороги, и никакого сада, только перед домом был маленький, размером

с почтовую марку. В основном жратву, да, нам доставлял Стивен, он работал на обувной фабрике, занимался этим дерьмом день за днем, так что у нас была жратва, и у меня, и у Сэма, и у Леды, что называлось, мы жили благополучно. И были люди, которые постоянно занимались этим, это у них было вроде профессии, а мне это никогда не нравилось.

Сэм, у него была гитара, и Леда, и я могли петь.

Стив говорил, что у меня настоящий альт. Бывало, Эйб Логан, тот, который был любовником Стива и все же был ничего себе, Эйб приходил к нам и оставался на неделю или две, и у него был магнитофон, и он знал много старых вещей, и Стив их знал тоже. Они однажды вместе выступали на радио. Эти вещи назывались «Мадригалы», и Сэм мог изобразить на гитаре их гитарную партию, вы никогда не слышали, все вы, таких приятных вещей, а мы все повернулись на этих «Мадригалах». Добравшись до этого, которое было в прошлом, я говорю себе: тебе бы лучше не добираться до этого прошлого, лучше не надо. Маркус был просто помешан на «Мадригалах», и как начнется музыка, он тут же начинал смеяться и танцевать, и ходить с важным видом, показывая свой красивый маленький пенис, а Сэм не дал доктору говорить, когда доктор сказал нам, чтобы мы не давали ему этого делать, все это проклятая глупость, сказал Сэм, всем им нужны только доллары. Маркус, ну, конечно, все было открытием для моего Маркуса, и можно сказать, что он дорос до трех лет, танцуя и с песней. Ох, как это было ему тяжело, когда я отняла его от груди... его рост был, как поцелуй, это был красный мед, и солнечный свет любовался им.

Лейтенант Броум выглядел так, будто еле скрывал страстное желание утешать, успокаивать и быть любезным.

— Извините, что вам пришлось ждать. Этот дурак не дал мне знать, что вы уже здесь, Дементиос, не так ли? Слышал о вас раз или два. Жаль, что возник этот вопрос с лицензией, но управление утопией основано на определенных принципах, я уверен, что вы и сами это понимаете. Конфету с укрепляющим? Согласен, сейчас слишком рано. Иногда я съедаю одну — работа у нас напряженная и так далее. — Он

откинулся небрежно, на вежливом лице было написано понимание, что Деметриос тоже относится к числу проницательных. Тех, кто знает, какими путями идет мир. Немножко уступить здесь, немножко быть помягче там. Никому не наносится никакого ущерба. Все счастливы. Лейтенант Броум был почти квадратный, цвет лица желтоватый. Под ногтями было чисто. Но живот его был несколько вздут, лицо сыроватое. Полуатлет, полураспустеха.

— Я рассказываю истории о том, что было до 1993 года.

— До чего? А, это. Сами понимаете, говорить мы будем о другом. Оглянитесь назад, посмотрите, что делалось в нисутопическом обществе. Оглянитесь. И что вы увидите? Ничего, кроме устаревших и обветшалых идей, Деметриос. Демократия вместо закона и порядка утопии. Монархия вместо утопической Королевской республики. Все эти проклятые социалистические вольности вместо утопической этики. Благодарение богу, существующая администрация собирается разработать новые этические принципы, которые будут еще лучше нынешних. Много лучше. — Деметриоса охватил озноб. — Благодарение богу, — сказал лейтенант искренне, — теперь мы начинаем понимать, что значит управлять на основе подлинно утопических принципов! И как избавиться от всех этих проклятых ниспровергателей, пусть только посмеют высунуть свою голову. — Но, закончив эту пылкую речь, выражающую его религиозно-политические взгляды, лейтенант Броум снова расслабился. Он снова стал разумным, практически настроенным человеком. Он глядел на Деметриоса серьезным, почти любовным взглядом, настойчиво — словно рыболов, следящий за дерганьем уходящего вглубь поплавка. Глядел туда, где бьется смутно видимая добыча. Не задерживаясь, лейтенант продолжил:

— Деметриос, полагаю, вы сами понимаете, что правительство, управляющее на основе утопических принципов, не может, как бы то ни было, примириться со случайным, беспорядочным и нерегулярным рассказыванием историй. Поскольку это может подорвать сами основы свободы и утопизма.

Ужас в том, что он не боится, что я засмеюсь. Он бы не потерпел моего смеха. О, если вселенная бесконечна, должен быть мир, где старый Деметриос наберется смелости встать и, отойдя на шаг от этого истукана, своим длинным ореховым посохом смахнуть со стола беспорядочно нагроможденные бумаги. А потом вообще уничтожить их, смыть к черту потоком смеха. И должен быть еще другой мир, в котором Броум сам поймет, насколько это смешно, и сам рассмеется, и весь проклятый мир будет очищен этим смехом. Но, черт бы его драл, все это происходит в какой-то другой вселенной, всегда где-то там, и никогда здесь — в мире, к которому мы прикованы. Где так не смеется, может быть, вообще никто, никогда...

Лейтенант сказал еще что-то, так тихо, будто пробормотал про себя. Деметриос вынужден был попросить повторить.

— Я сказал, Деметриос, что лицензия стоит всего лишь двадцать долларов.

— Двадцать?

— Двадцать.

— Это убивает меня. Как дворник наиболее уважаемого публичного дома на улице Красного занавеса, я зарабатываю четыре доллара в неделю... Щедрая, но все же не царская оплата. Как рассказчик историй — с кепкой на тротуаре — я могу набрать, возможно, еще два доллара... Это если будет хорошая погода и я буду выходить на улицу пять-шесть дней в неделю. Мои расходы почти равны тому, что я зарабатываю. У меня нет никаких заслуживающих внимания сбережений.

— Прискорбно, — сказал лейтенант. — Если б это зависело от меня, я бы принял во внимание перечисленные вами затруднения. — Его лицо — будто он вслушивался во что-то, происходящее внутри — как остекленело. И внезапное озарение. Превосходная, просто роскошная мысль, и он нашел для нее наконец подходящие слова. — Видите ли, не я пишу законы. — Блеск этого озарения повел его еще выше, к дальнейшим высотам: — Не неся жертв, нельзя создать утопию... Разумеется, в некоторых случаях неизбежные... гм... затруднения могут быть, так сказать, минимализированы... в обмен на... не знаю, как выразить эту мысль...

— Сколько?

— Что?

— Сколько стоит, чтобы мне позволили остаться тем, кто я есть, делать то, что я делаю, рассказывать мои истории, заниматься моим траханым делом? Хоть на время. Сколько стоит, чтобы вы подождали?

— Очень откровенный разговор завязался у нас сегодняшним утром. Не так ли? — сказал лейтенант Броум. И хихикнул, постукивая пальцами по крышке стола.

— Все еще утро?

Лейтенант Броум встал и потянулся. Он приоткрыл, потом закрыл обе ведущие в его кабинет двери — в помещение, где сидел сержант, и в боковой коридор. Очевидно, чтобы проверить, нет ли подслушивающих.

— Человек никому не сможет помочь, если он вечно занят, — сказал лейтенант мягко. — Уже около одиннадцати часов. — Он вернулся к столу, бросил в рот еще одну конфетку. — Это экспромт... — Никогда и ничего Броум экспромтом не делал. — Сколько еще рассказчиков в Набере принадлежат к Обществу последователей?

Колокол башни загудел, загремел. От прерывистого гула издрогнула скала. Одиннадцать ударов гигантского сердца. Когда вновь появилась возможность говорить и слышать, Деметриос сказал:

— Весьма никудышная идея.

— Давайте, Деметриос. Чем дольше вы будете таиться от меня, тем дольше мне придется занимать ваше драгоценное время. Вы спрашивали, сколько будет стоять, чтобы я подождал. Немного. Но за определенного рода сведения вы, может быть... скажем так, сорветесь с крючка. С крючка закона, я имею в виду. И учтите (я говорю с вами откровенно и прямо, Деметриос), я — не такая уж маловажная фигура во Внутреннем городе.

— Но я почти никак не связан с другими рассказчиками. — Деметриос изо всех сил старался преодолеть недоверие, ошеломляющее недоверие сидящего по другую сторону стола. Как будто дремлющий тигр действительно добр, потому что кажется добрым. — Мы крайне отдалены друг от друга. Художники не могут объединяться в организации, это противно их натуре.

Пальцы издавали легкий стук. Недобрые глаза смотрели куда угодно — только не в глаза Деметриоса.

— Согласно новому положению, я имею право вести расследование деятельности — я цитирую — «выступающих публично рассказчиков и других лиц без определенных занятий...» Как давно вы знакомы с Джоном Себерлингом?

— Я никогда не слышал о нем.

— Странно. Он вас знает. — Пальцы прекратили барабанить и сделали какую-то запись в черной тетради, похожей на книгу. Дорогостоящая вещь. Тетрадь была переплетена в тяжелую бумажную обложку. Такие тетради начала выпускать в этом году мейпстонская фабрика. Уже было выпущено некоторое количество.

— Марк Уолтон? Эднга Мак-Эллой?

— Я знаю об Уолтоне, хотя никогда не встречался с ним. Я слышал песню, которую пела Мак-Эллой... Еще она рассказывала сказку — совершенно не имеющую отношения к политике. И аудиторию ее составляют, в основном, дети... Лейтенант, могу я сказать, что рассказывание историй — все же «определенное занятие»?

— В самом деле. Кроме того, в настоящее время вы работаете, — голос перекрыл перебранку пальцев, — в качестве дворника в заведении общественных увеселений, зарегистрированном под названием «Мэм Эстела». Так?

— Конечно.

— Какую часть среди посетителей этого заведения составляют жители Внутреннего города?

— Не имею представления.

— В самом деле. Много ли среди работающих в заведении членов Общества последователей?

— Насколько я знаю — их нет. Но к этому обществу принадлежит Фрэн. И Бабетта раз или два ходила на устраиваемые последователями Праздники любви. «Как мне убраться отсюда вовремя, чтобы предупредить их?» Пальцы продолжали барабанить.

— Практикуется ли в заведении «Мэм Эстела» мужская проституция?

— Насколько я помню, термин «проституция» был объявлен незаконным тем же постановлением, которое узаконило

заведения, расположенные на улице Красного занавеса. В заведении нет мужчин-увеселителей, поскольку это было объявлено незаконным четыре года назад.

— На протяжении всей истории, — лейтенант декларировал наизусть (пальцы стучали), — преступление против природы считалось незаконным. Доказано, что это один из методов дьявола, с помощью которого он пытается уничтожить человечество. Метод заключается в том, чтобы принудить расу к самоубийству. Это — научный факт. Потому, естественно, данное преступление законным в Набере никогда не считалось. — Деметриос сидел тихо. Организация заведений общественных увеселений относилась к временам Симона Бриджмена. А тот в открытую любил как женщин, так и мальчиков. Брайан I не пожелал уничтожить заведения. Брайан II чуть подлатал законы, но он стремился лишь немножко отработать назад. Однако Деметриос понимал, что нельзя спорить с переписчиками истории. — Кстати, Деметриос, Общество последователей по-прежнему использует ручные печатные станки?

— Иисусе, они у них есть?

Лейтенант, вздохнув, отложил перо. Наигранного добродушия — как не бывало.

— В своих любопытных рассуждениях вчера на Харроуэстрит вы говорили о печатных станках. Как мне доложили, ваша речь вызвала интерес у публики. Кстати, как ваша фамилия? Похоже, я никак не могу найти ее в моих записях. А кое-что в этих записях может кое-кому не понравиться.

— Вы изумляете меня. Моя фамилия — Фриман. — Лейтенант сделал запись. — Вчера, лейтенант, я упоминал о печатных станках, имеющихся во Внутреннем городе. О них всем известно. На них печатается газета «Гермес» и другие официально разрешенные властями издания. А если я упомянул о том, что возможно, где-то в ином месте, существует другой станок, то не потому, что лично видел его. Я только следовал слухам.

— Которые могут быть опасными и безответственными. Далее. Между 33-м и 47-м годами — поправьте меня, если я ошибаюсь — у вас было обыкновение публично рассказывать о якобы фактических подробностях смерти Авраама Брауна,

иностранного происхождения, последовавшей в 30-м году на Площади виселицы данного города. Это верно?

— Я был на Площади виселицы и видел его смерть. Да, на протяжении этих десяти лет я несколько раз рассказывал об этом. Рассказывал по просьбе людей, хотевших услышать о его смерти.

— А — пусть не публично — за последние четыре года?

— Ни публично, ни в частном порядке.

— Почему не рассказывали?

— Я почувствовал, что интерес к этой истории начал приобретать болезненный характер. Возможно, он всегда был таким. Подлинная правда встречалась недоброжелательно. Поэтому мне показалось, что рассказывать об этом — не в общественных интересах.

— А как вы пришли к заключению, что вправе судить об общественных интересах?

— Каждый гражданин имеет право судить об общественных интересах.

— Интересно, — сказал лейтенант и сделал запись. Пробормотал что-то сквозь зубы. — Не лучше ли честно признаться, мой дорогой Деметриос, что вы не раз повторяли рассказ этой истории в очень частном порядке? Вы рассказывали ее друзьям, или... гм... на тайных встречах Общества последователей? Гм-м?

— Я не лжец. Я никогда не присутствовал ни на одной их встрече — если у них есть встречи. После 43-го года я никому не рассказывал историю о мученичестве Авраама.

— Можете идти, Деметриос. — Пристальный взгляд лейтенанта — снизу вверх — говорил без всяких экивоков: «Ты еще будешь молить, чтобы я повторил предложение». Опираясь на ореховый посох, Деметриос встал. — Нет, поди-ка сюда на секунду, Деметриос.

— Вы не имеете права так говорить со мной.

— Я исправлюсь. — Лейтенант улыбнулся. — Деметриос, если тебе случайно вдруг доведется снова рассказывать об Аврааме Брауне — в твоей интерпретации, — ты пожалеешь. Это принесет тебе несчастье, Деметриос. Независимо от того, будет ли у тебя лицензия, о которой мы говорили. Полагаю, это достаточное предупреждение. Понятно?

— До свидания, — сказал Деметриос, поворачиваясь к нему спиной. Возможно, недалеко то время, когда воцарится династия Броума, и тогда спиной к нему не повернешься. Деметриос миновал сержанта. Вышел под — по-новому — бесконечно любимое солнце.

ГЛАВА 7. ПРОРОК АВРААМ ПРИШЕЛ ИЗ ЧУЖОЙ СТРАНЫ

*Но Иисус, обернувшись,
сказал им:
Дщери иерусалимские, не
плачьте обо мне, но плачьте
о себе и о детях ваших.*

Лука, 23; 28.

Юноша сказал: «Давайте встретимся здесь снова. Завтра, около полудня?» Итак, на Луга, на лужайку у трактира Пэдли, откуда видно море и небо. Я опоздал?

Нормальным глазам открыта гармония горизонта. Но она неведома широко раскрытым близоруким глазам Ангуса Бриджмена. «Такие глаза видят мир по-иному», — подумал Деметриос. Его собственные глаза были еще 20-20. Об ослаблении зрения он знал лишь в теории. Я опоздал? В XX столетии автоматически принимали, что «нормальное» зрение есть зрение «исправленное», равное в очках единице, и только. Это определение было полуправдой. И с какой легкостью старая технология обеспечила бы Ангуса линзами! Но Симон Бриджмен и его товарищи, зарываясь в гору, не могли предвидеть, что когда-нибудь может понадобиться искусство обработки линз. Ангусу жилось бы гораздо лучше, если б он смог видеть нормально. Мир, заполненный скрытно ползущими теньями, сделался бы более безопасным... Ну,

не многие тени ползут настолько скрытно, чтобы остаться незамеченными для неподкупных глаз и носа Факела... Да, конечно, мальчику следовало бы иметь очки. Разве никогда не существовал Левенгук, этот друг Вермеера, сработавший великолепные линзы — давным-давно, в XVII столетии? Будь у него линзы, Ангус вскоре бы забыл, что у него не такое зрение, как у всех. Он бы наплевал на свою миссию... Был ли Вермеер близорук? Неизвестно. Истину уже не отыщешь под наслоением трехсот семидесяти пяти лет истории — включая сорок семь лет современного варварства. Да еще учитывая, что двести лет никто не замечал, какой он был хороший художник.

Но Ангус не сможет достать очки. Я опоздал? Какой безутешный вид был у него, когда он стоял посреди лужайки. Червь боли извивался, полз, верша смутный путь от сердца, от желудка, куда-то в кишки, где этот путь, видимо, заканчивался. Конечно, он не мог опоздать. Менее чем час назад сотрясилось здание Городского управления — часы били одиннадцать. Менее часа назад подвергал его лейтенант тяжкому испытанию. А оттуда до Лугов только полмили расстояния, он не мог не расслышать, как громадный бронзовый колокол отбивает полдень. Беспокойство, не опоздал ли он, вызвано свойственной старикам суетливостью. Он прислонился к одному из прекрасных кленов, растущих вдоль края лужайки. Возле Храма уже собралось несколько бездельников — Ангуса среди них не было.

В полдень и в полночь весь город трепетал, словно от боли, под ошеломляющим боем, отсчитывающим полных двенадцать ударов. К веревке колокола подводил Бейли-слепого Маленький Рейбен... Бейли не нужна была помощь — это было просто одно из действий, в которых выражалась их любовь. Узловатые руки сами находили веревку. Как говорили, часть каждой ночи Бейли-слепой сидел, скрестив ноги, с намотанной на предплечье веревкой — ждал. Маленький Рейбен за это время мог выспаться. Бейли-слепой подчинялся часам, стучащим в его мозг. Часы эти шли точно, как какое-нибудь механическое диво — каждый час расщеплялся на секунды и минуты, будто тающая под солнцем льдинка.

В народе немало судачили о том, что будет, когда Бейли-слепой умрет. Бейли был стар. Смерть его могла случиться каждую минуту — а колокол должен был продолжать звонить. Некоторые полагали, что с этим может управляться Маленький Рейбен. Рейбен умом походил на ребенка. Поэтому, утверждали сторонники одной из теорий, он будет просто счастлив выполнять работу Бейли-слепого. Приверженцы другого течения отвечали на это: «Весьма маловероятно».

РАЗ!

Удар часов заставил его вскочить с земли. Кто-то...

ДВА!

Кто-то, одетый в белое (на расстоянии трудно было рассмотреть) шел по позлащенной траве, приближаясь к Храму.

ТРИ!

Нет смысла бежать вслед этому человеку. В его фигуре и походке нет блестящего изящества Ангуса...

ЧЕТЫРЕ!

Ангуса, который радовался, что дневной свет так приветлив... Ох, он не...

ПЯТЬ!

Он не пришел на встречу со мной. Он забыл, хотя сам заговорил о...

ШЕСТЬ!

Говорил о встрече. Он говорил так, будто почти полюбил меня. И что я мог бы дать ему...

СЕМЬ!

Дать в обмен за то, что он оказал мне честь своим обещанием? Сухие крошки пирога мудрости и ни капли вина...

ВОСЕМЬ!

Ни капли вина Юности, чтобы подсластить их. Обещание было дано в тот момент...

ДЕВЯТЬ!

В тот миг когда мы только вступили в неизведанную страну. Как можно любить по обязанности? Это я беру...

ДЕСЯТЬ!

То я даю — какая глупость! Любовь совсем иное. Любовь (если она...

ОДИННАДЦАТЬ!

...если любовь вообще существует) это и есть та страна, где мы должны встретиться...

ДВЕНАДЦАТЬ!

...куда приходят только из чувства приязни...

Деметриос подошел поближе к Храму. Подошел, чтобы удостовериться еще раз в том, что уже знал наверняка. Глаза его и раньше знали правду: Ангуса здесь не было. Деметриос увидел бы его сразу. Точно так же глаза не могли бы не увидеть, как ошеломляюще прекрасны покрывающие деревья листья. Вслед первому червю боли пополз второй — туда, где обо всем можно забыть. Что нужно Деметриосу? — почихать, покашлять, поваляться в сене. Что ему нужно? — хорошая выпивка.

Он вошел в трактир Пэдди. Увидел заполненное прохладой помещение, бар, кабинки, накрытые столы, посыпанный свежими опилками пол. И вдруг ощутил уже знакомую печаль: Ангус не пришел. Пэдди, вытирающий стойку бара, глядел на него с молчаливым вежливым любопытством. Его улыбка постепенно сделалась шире — рот стал лягушачьим. Казалось, он открылся потому, что поблизости появилось насекомое — и сейчас его слизнет молнией мелькнувший язык.

В одной из кабинок сидели двое неопишемого вида мужчин, похоже, коммивояжеры. Ели то ли ланч, то ли поздний завтрак. Мужчины, жуя челюстями, вполголоса обсуждали какую-то приватную тему. Таверна Пэдди была процветающим местечком, расположенным вблизи от Стены короля Брайена, так что торговля шла с жителями как Внешнего, так и Внутреннего города. К таверне вела длинная, прилично сохранившаяся дорога, берущая начало от Великого южного шоссе. Великое южное шоссе шло откуда-то с севера. Проходило через Мейпсток и Кингстаун, вскользь по окраине Набера и тянулось далее на юг — через Нупал, через джунгли, до самого Софрана. Там оно поворачивало на запад, через покинутую людьми, отравленную ядом пустыню и достигало Пенна. Пенн был тоже республикой, но не Королевской.

Среди прочих посетителей лишь один был знаком Деметриосу — он начинал глубокую пьянку с пива Пэдди.

— Добрый день, Пэдди, — сказал Деметриос, с комфортом располагая ноги на металлической подножке. — Возможно, сегодняшний день хоть для вас чем-то хорош.

— Ну, солнце светит, господин Деметриос... Я имею в виду, светило бы, если б мне удалось уговорить моего нового перяху вымыть окна. Ну и что?

— Оно светит в силу привычки, господин Пэдди, — словно шутник, продолжающий улыбаться, когда ему отрезают голову. Потому что он помнит, что это только шутка. Маисового виски, Пэд, мне нужно приобщиться к маисовому виски.

Пэдди потянулся за кувшином.

— Сегодня, если угодно, темно-голубое. Кстати, как я слышал, он не смог сказать им что-либо шутливое потому, что у него перехватило дыхание. После дождя все вокруг выглядит очень мило.

— Зевс помочился. Всемирный потоп Старого времени — в Абередо?

— Ага, — длинная рука Пэдди принялась вновь протирать стойку. — Абередо?

— Город в Пенсильвании... В Пенне, где я побывал однажды. — Деметриос подтолкнул монету в расплывшуюся возле стакана лужу. — Вероятно, вы там никогда не были.

— Даже не слышал о нем.

— Налейте еще, дорогой мой. Если вас не затруднит — я буду пить медленно.

— Никаких затруднений, сэр.

— Обзывать меня сэром, ирландское чудовище? Старый Дон Кихот, твои латы проржавели, и ржавчина рассыпалась, словно красная перхоть. И, понимаешь ли, не только время тому причиной. Некоторые рождаются уже старыми. — Сидящий неподалеку старый пьяница уже погрузился в пивную дремоту. Он был старше Деметриоса. Он тоже родился в эпоху пластмасс и коррупции. Двигатель внутреннего сгорания его фантазии, наверное, уже выдавал драконов, волшебников и попавших в беду красавиц. На красавицах были белые лабораторные халаты и костюмы от Сакса с Пятой авеню. Коммивояжеры, закончив свое совещание, сидели, сцелив обломки зубов — переваривали пищу. Что ж, к наступлению ночи, если у них хорошие лошади, они, может, будут милях в двадцати-тридцати от Набира...

Так, Деметриос. За эти сорок с лишним чертовых лет ты мог в любое время уйти из Набера, но всегда находил какую-то причину этого не делать... возможно, потому, что в тебе пустила ростки обманчивая уверенность, что на самом деле за пределами республики вселенная кончается. Покинуть ее, значит отправиться в неизвестное. Но причины все же были — в подсознании. Была Элизабет из Хартфорда, любимая, не слишком яркая Элизабет. Она была ему как жена — даже лучше — в течение восьми лет после того, как он разлучился с Джорджем и Лаурой. Они были вместе вплоть до того, как она умерла, родив мью с громадным раздутым черепом. Мью тоже, по случайному милосердию судьбы, не выжил. Двадцатые годы (для меня — тридцатые), десятилетие оргий, порожденное Красной чумой. Когда бушевала Красная чума, почти все в Набере поверили, что конец человеческой расы близок. Но и тогда, конечно, выправилось, как это всегда бывает. И человек все пытается и пытается найти какой-то новый путь. Он ощущает зуд в гениталиях и называет это сотворением Жизни. Как будто все иное происходящее есть нечто меньшее жизни. Но что еще может в той же степени пощекотать нервы? Что ж, может, для нас это было в Тридцатом году, когда пророк Авраам пришел из чужой страны. Авраам, который верил (как все святые всех древних времен), что нечто, что он называл любовью кого-то, кого он называл Богом, больше, чем доллар или оргазм. Не знаю. Нельзя за хлеб расплатиться абстракциями. Нельзя любить абстракцию. Любить можно только конкретного человека. Любовь указывает путь куда-то вовне. Она сминает, зовет, и она может стать ядом или бессмыслицей. Или превратиться во что-то вроде духовной мастурбации, когда облегчения — нет. Убита душа его?

Почему ты не смог прийти, Ангус? Будь ты здесь, это одно могло почти удовлетворить меня. Даже если б ты никогда не пожелал прикоснуться ко мне. Но твое отсутствие — это шип в моем сердце. И оно помогло понять, что я люблю тебя.

Пророк Авраам пришел из чужой страны...

Деметриос кинул монету и осушил стакан. Ударил своим ореховым посохом в опилки и направился к двери. Кивнул коммивояжерам. Те подняли любезные хари, полагая, вероятно, что Деметриосу понятно, что такое дороги и открытые небеса.

— До свидания, — сказал он и вышел под колышущийся солнечный свет. Свет превратил Храм и его обшитые дранкой стены в какое-то фантастическое подобие Парфенона, переместившегося в тень Вечной горы.

Он зашагал к Храму. Глаза профессионально (хотя и чуточку пьяно) оценили собравшуюся у его стен толпу. В основном — молодые и сравнительно молодые. Детей, готовых разлететься с воплями, едва речь пойдет о трагическом — нет. И тот, одетый в белое, который пришел по улице, с изгибом тянувшейся от юго-восточных ворот Внутреннего города. (Этим путем, вероятно, пришел бы Ангус.) Но это не Ангус. Просто чужак. Деметриос отметил, что он что-то говорит маленькой группе людей в таких же белых туниках. Затем по одному, по двое, приняв крайне беззаботный вид, одетые в белое направились обратно к юго-восточным воротам. Обращавшийся к ним с речью, заботливо выдерживая расстояние, шел последним.

Что-то происходит во Внутреннем городе. Там, где живет Ангус. Со временем, новости просочатся к нам. Мы узнаем то, что нам позволят узнать.

Тлеющий огонь горя, вызванного отсутствием юноши, тлеющий огонь гнева на лейтенанта Броума и на закон, запихнутый в задницу, перемешались с маисовым виски и тяжелым июльским зноем. Несколько глаз в спокойно стоящей толпе уже вопрошали: не хочет ли старик рассказать нам историю?

Он прислонился спиной к колонне храма. Его ребра знакомы с каждой выбоиной слагающих его кирпичей. Две недели назад он сидел здесь, развываясь, и рассказывал им андерсоновскую «Русалочку». Рассказывал так, как сказка преломилась в линзах его памяти. «Деметриос, если тебе

случайно вдруг доведется снова рассказывать об Аврааме Брауне — в твоей интерпретации... — Деметриос положил на тротуар возле ног перевернутую кепку — ...Независимо от того, будет ли у тебя лицензия, о которой мы говорили...»

— Послушайте меня. Послушайте того, кто говорит с вами. Я расскажу вам, как пророк Авраам пришел из чужой страны.

Он родился, дорогие мои, в городе, который назывался Бетчелом. Этот город находился в штате Мэриленд. Он родился в 1988 году. От Бетчела у него остались в памяти только название и случайные детские впечатления. Дело в том, что его семья переехала жить в Огайо. И он жил в Огайо, он был пятилетним ребенком, когда бомба смела город, называемый Вашингтоном, со страниц истории. Все это он рассказал мне, когда мы с ним спокойно беседовали за день до того, как его предали.

Аврааму было не тяжело вести разговор. Мы болтали, как могут болтать двое мужчин, имеющих некоторые общие интересы. Он не осуждал меня за агностицизм. Хотя его убеждения не позволяли ему понять неверие. Он был человеком среднего роста, с рыжеватой бородой, со светлыми, спадающими на плечи волосами. Глаза у него были голубые. Говорил он просто, и, как мне кажется, большинство его последователей унаследовали от него эту простоту речи. Они — последователи — составляли небольшой отряд, состоящий примерно из пятидесяти святых. В основном, это были дети. На их белых туниках было нарисовано перечеркнутое крест-накрест колесо. Символ выражал их веру в то, что Бог отвергает механические приспособления. «Больше никаких машин», — провозгласил Авраам. Ему казалось, что его устами говорит сам Бог. Запретить употребление в пищу мяса, молока, яиц, запретить употребление кожи. Нельзя ни убивать, ни угнетать ни одно живое существо. Идея эта старше Будды и никогда не смогла продержаться более одного дня. «Если люди хотят куда-нибудь идти, — говорил Авраам, — пусть идут». Пусть идут, подобно детям, что шли с ним — сперва в северные джунгли, а потом на юг, к Наберу. Авраам предполагал превратить Набер в Новый Иерусалим.

Я повстречал эту группу уверовавших во фруктовый сад ныне скончавшегося Сесилия Мэйсона, который позволил им

использовать сад для устройства палаточного городка. Это было уже после того, как пограничные посты разрешили группе вход во Внешний город. Теперь сад перешел во владение сына Сесия. Вам могут показать место, где была разбита палатка Авраама. Именно туда последователь Иуда привел полицию Набера и в их присутствии обвинил пророка в намерении свергнуть государственный строй. Мне довелось немного поговорить с Иудой в тот день... В том же самом саду. Это был человек, внутренне опустошенный, хотя ни тогда я не понимал его мотивов, ни сейчас не понимаю. Но думаю, что его поступок объясняется не жадностью к проклятым деньгам. Видимо, он хотел, приняв на себя роль величайшего грешника, привлечь к учению внимание всего мира и возбудить у людей сострадание. Став ненавидимым козлом отпущения, он принял на себя груз греха, намного превышающего все греховное. Он отверг вино жизни и принял смерть от удушья, как бы говоря: «Взгляни, о Господи, что я смог для Тебя сделать!»

Я беседовал также с последователем Матиасом из Гран-Гора, который верил, что Авраам наложением рук исцелил его от оспы. Еще он верил, что Авраам — второе воплощение Иисуса Христа, сын Божий, вернувшийся через две тысячи лет, чтобы спасти мир. Матиас даже намеревался написать историю жизни Авраама — ту часть, которую он провел на земле. Возможно, сейчас он этим и занимается: после мученичества Матиас покинул Набер... и я не знаю, ни что произошло с ним, ни верит ли он по-прежнему, что мир был спасен Авраамом.

До двадцати восьми лет Авраам зарабатывал себе на жизнь ремеслом плотника. В Огайо, где находилось довольно большое поселение выживших. Он не сказал мне, как оно называлось. Но он сказал, что это были годы, когда в нем озарение боролось с глупостью. Наконец он понял, что это Бог и Дьявол ведут сражение за его душу. Тогда по велению Бога Авраам — одинокий и голый — ушел в джунгли. Он сплел себе из травы одежду и сандалии. Подошвы сандалий были деревянные. Он их вырезал ножом — своим единственным оружием. Никогда этим ножом Авраам не проливал ни чьей крови. Очистившись в чащобах, Авраам построил себе убежище и разбил сад, достаточный для удовлетворения его нужд. Мне приходилось слышать красивую легенду о лисе,

который отводил его к съедобным растениям, находил для него грибы и ягоды. Но сам проповедник Авраам никогда не говорил мне такой чепухи. Он слишком хорошо знал и любил зверей, чтобы говорить неправду о них. И поскольку он вел себя тихо, вреда не приносил, и движения его были медленные, они сами приходили к нему. Меня не удивило, что он знал легенду о святом Франциске Ассизском, и что он называл святого Франциска «мой брат»... И — по крайней мере, мне — он никогда не заявлял о своем сверхъестественном происхождении. Думаю, его единственной заботой было рассказать людям, что они должны жить в мире с самими собой и почитать Бога, в которого он верил... В этом своем лесном убежище он прожил три года, и к нему присоединился последователь, которого звали Джон. На второй год — тот, кто принял имя Симон. А на третий — Иуда.

...И мне пришлось локтями расчищать пространство для моей мэм Эстеллы. И еще примечать, что дорога, чтобы спасти шкуру, еще не перекрыта. Наиболее ученое определение, какое я могу подыскать для слова «непрактичный» — «это характеризует того, чья деятельность всегда оказывается безрезультатной, так что мы можем не беспокоиться». Было бы очень практично жить, следуя принципам Авраама (хотя, может быть и скучно) — если бы все были Авраамами, а не жадными до протеинов сексуальными бурдюками с ералашем в башке — как я или вы. Как маленький двоюродный брат Джаспер, который, когда был слишком юн, мужественно услаждался за амбаром с этой скороспелкой Лили Литлджон. Но это не был просто секс: Джас стащил здоровенный кусок пирога с мясной начинкой, который они и поделили. А потом эта маленькая чертовка Лили раззвонила о случившемся на всю округу. Однако это дело домашнее. Теперь — Эстелла.

Пятница, 19 июля.

Он опаздывает, но перед уходом, сказала Бабетта, не забыл подоить Джулию. Мне не хочется пить чай, пока

я слышу, как Солайтер возится на кухне. Я хочу начать переделывать эту книгу из просто Дневника в Историю моей жизни. Если пишешь каждый день — это как будто только смотришь из окна, но История жизни — это совсем другое, это как будто взбираешься на холм, как было видно с задней части нашего дома в Райбурне у проезда под полотном дороги, нет, наверное, это было уже в парке. Я помню обломок скалы, и оттуда, сверху, с холма, можно было видеть на мили.

Когда дом у проезда дороги был напрочь разрушен взрывом, который, как говорили, уничтожил Нью-Йорк, этот город был в сорока пяти милях от Райбурна, я как раз спустилась в подвал поискать банку персикового варенья, у нас была пинта этого варенья. Я его сделала сама, они все любили его. Когда я очнулась, я была наполовину засыпана рухнувшим на меня потолком, одна балка пригвоздила мою ногу так, что мне понадобился час или два, чтобы освободиться. Я знала, что нога не сломана, но что-то подпирало балку, а она была двойная, в три дюйма толщиной, я не могла освободиться, не могла до тех пор, пока мне не удалось оторвать железный прут, которым я расколола в щепы это что-то и подняла немножко, как рычагом, эту балку, так что она поднялась на дюйм, и я выползла. Вся балка была покрыта паутиной. Она была серая и перемешана с кровью, кровь текла из моих пальцев, потому что прут оторвать было нелегко, и я сорвала ноготь, освобождаясь от проклятой балки, придавившей мою ногу, а балка все глубже разрывала мне икру, пока я пыталась вылезти, и все это время я слышала, как выли сирены и кричали люди, но как-то затихающе, и на миг один раз я поверила, что мы уже перестали уничтожать их, а они нас, это было бы очень хорошо, но от нашего дома вообще почти ничего не осталось, и еще я знала, Господи Иисусе, что все они были там, все они должны были быть там — и Стив, и Сэм, и Леда, и я все время спрашивала, Господи Иисусе, почему не кричит мой маленький Маркус, почему он не кричит? Там не было ничего, чем бы я могла отрезать свою ногу, поэтому мне пришлось действовать как рычагом этим траханым

прутом, а когда я освободилась — то ли через час, то ли через два, я, ругаясь, начала собирать персиковое варенье с пола подвала, должно быть, было так, потому что когда я выползла из руин под звезды, оно было у меня в руке, и тогда я поняла, что случилось, вспомнила, как собирала его. Не знаю, где я выбросила это проклятое варенье. Сброшенный взрывом телевизор пролетел через всю комнату, и он лишь ударил его в затылок, лицо Маркуса вообще осталось неповрежденным, а у Сэма было вспоротое горло, это сделал осколок стекла, и непонятно, что произошло со Стивом и Ледой, но они оба были мертвые и лежали так спокойно, что, должно быть, их убил взрыв. Я отнесла Маркуса на вершину того самого холма, его лицо было совсем не поврежденным, и я никогда не знала с того дня, как проделала этот длинный путь, что можно увидеть с этого холма, я сидела там, и из моей ноги текла кровь, и кровь стекала в странную красную лужу, Господи Иисусе, я могла видеть на мили и мили.

Позднее, когда я уже работала в этом доме, в те дни он принадлежал заведению мистера Флура, потом он умер и оставил дом мне, так вот позднее муж спрашивал, что это за длинный шрам у меня на ноге. Но я никогда никому не говорила этого, никому, за исключением Бабетты, потому что когда она говорит, каждое ее слово отзывается в моем сердце. Может быть, мне не следовало пытаться писать о том, что произошло, после случившегося, но каким-то образом получается так, что я должна это сделать, потому что тот великолепный мир более никогда не вернется и, может быть, все люди должны знать... Так вот, увидьте меня воображаемые те, которые когда-то прочтут это! Мне кажется, они должны знать, что моя жизнь не была «все прекрасно».

По прошествии этих трех лет, Авраам отправился вместе со своими последователями проповедовать жизнь в простоте. Он полагал, что вследствие происшедшего в 1993 году, люди готовы принять его учение. Оказалось, это не так. Целое поколение сошло со сцены — тридцать лет, включая годы

Красной чумы. Двадцатилетние мужчины и женщины уже не имели личных воспоминаний о том, каким мир был прежде. Они мало верили в разрушенный прежним поколением мир. Люди, и молодые, и старые, хотели просто жить... Ну, как обычно, в общем-то, живут люди: делают грубые ошибки, ищут чему угодно, их преследуют навязчивые идеи. Полуобразованные обезьяны, лишь мельком думающие о будущем и никогда не задумывающиеся о прошлом (а разве мы сами не такие, дорогие мои? Это трудно, это мучительно — быть чем-то большим.) Когда Авраам проповедовал, большинство слушавших его сперва тарасили глаза, потом шептались, потом уходили. Немногие составлявшие исключение, сделали его верными сподвижниками.

Авраам обнаружил, что его слушатели, главным образом, дети. Если он спрашивал себя, почему так происходит, то, видимо, нашел лишь следующий ответ: они невинны, неиспорчены и так далее.

Он направился на север — через Пенн, в земли народа, который мы нынче называем моха. Вместе со своими учениками на чем-то вроде плота он пересек море Гудзона... В те дни к югу от Тикондероги надежной переправы не было... И вошел в страну, которую некогда называли Новой Англией. Здесь он нашел гораздо больше сторонников. Повсюду в этой стране, говорил он мне, он находил маленькие общины, державшиеся вместе. Некоторые приходили в упадок, но несколько общин почти процветали. На древний манер они обеспечивали всем необходимым сами себя — способ, который так эмоционально презирали самовлюбленные интеллектуалы конца Старого времени. Но дети, которые бежали из семей, чтобы присоединиться к Аврааму, не всегда делали это лишь от скуки или плохой жизни. (Зачастую они, скрываясь, шли по чащобам следом — пока не оказывались слишком далеко от дома, чтобы их можно было отослать обратно.) Во многих из них полыхал огонь подлинной веры — я сам это видел. Авраам сперва пытался отправлять детей обратно, потом сдался и стал считать их преданность проявлением Божьей воли. Их стали называть Армией Авраама или Бродячими оборванцами. И еще было название: крестовый поход детей. Маленькие слабые

поселения трепетали при их приближении: Армии Авраама нужно было есть. Но дети никогда не устраивали беспорядков, не воровали, не совершали никаких насильственных действий. До беды на острове Адирондак их насчитывалось свыше двух сотен.

Последователь Андрей остался в Моха, чтобы найти место для постройки Нового Иерусалима. Моха была прекрасной страной, постепенно дичающей и покрывающейся джунглями. Город можно было возводить где угодно. Но когда Андрей вновь присоединился к Аврааму (это было на севере), он также рассказал о городе, называвшемся Набером. И пророк повернул на юг, направляясь к нашему городу. Он следовал, как сказал мне, голосу Бога, во сне повелевавшему ему идти к Наберу.

В город он вошел на исходе осени, почти в день, который мы отмечаем, как День грядущего — в этот день когда-то Симон Бриджмен и его товарищи вышли из своего убежища в горе и поняли, что земля не полностью уничтожена. Набер, в отличие от других городов, готовился встретить Авраама со страхом и злобой. Особенно злобствовал некий Цефас, глава гильдии плотников. Цефас бил тревогу и возмущал народ против проповедей Авраама. Найдя какое-то древнее дубовое колесо от телеги, он объявил, что Авраама следовало бы растянуть на нем на Площади виселицы. «Авраам, — кричал он, — угрожает перевернуть вверх дном всю утопию. Он носит на груди изображение перевернутого колеса, — говорил Цефас, — так пусть он ляжет на колесо спиной и даст нам возможность увидеть, как проповедник покатится на нем в Новый Иерусалим».

Между тем, дорогие мои, легенда об Аврааме все ширилась. Его орда голодных детей (после оспы у Гран-Гора их осталось только пятьдесят) внушала страх, словно близящаяся саранча. Но это не полностью объясняет то, что случилось. Почему ненавидели Христа, который никогда никому не причинил зла? Почему мы требуем, чтобы распятие повторялось снова и снова? Может быть, дорогие мои, потому что Иисус говорил: «Возлюби ближнего своего?» Пилат не нашел за Иисусом вины, но уступил крикам и выдал его толпе. Правда, Авраам был официально судим магистратом

Городского управления и, как враг государства, приговорен к одному часу публичного наказания. Но судья Бруск говорил в тот же день, что у него не было намерения осуждать Авраама на смерть. Он решил, что Авраам должен провести у позорного столба один час — не больше.

— Да и это, — говорил он, — было сделано просто, чтобы успокоить общественное волнение.

О, позволить народу спорить... Есть уже опыт: народ спорил с Пилатом, народ спорил с архонтами Афин. Последователь Иуда привел в сад полицейских. Он встал возле палаток Авраама и позвал его. А когда Авраам вышел, Иуда поцеловал его в лоб и сказал:

— О, мой учитель!

Затем полицейский сержант спросил:

— Это тот человек, который говорил, что город нужно разрушить, чтобы на его месте построить другой город?

Иуда ответил:

— Это он.

Деметриос заметил, что у Храма появились несколько новых лиц. И еще шли, приближались, сминая траву Лугов, и среди них — двое в полицейской униформе. На некотором расстоянии за ними шел какой-то парень в зеленой рубашке — увидев толпу, он прибавил шагу. Не Ангус: для Ангуса фигура слишком кряжистая. Гарт? Гарт должен сейчас работать в конюшне... Может быть, сегодня у него длинный обеденный перерыв... Это был Гарт.

«Он хочет предупредить о чем-то».

— И Авраама заставили предстать перед магистратом, и члены магистрата стали допрашивать его... Честно говоря, мне рассказывали, что они даже хотели объяснить Аврааму, почему Государство считает необходимым подвергнуть его наказанию — или пусть он признает, что заблуждался. Но Авраам стоял молча.

И тогда его вывели из здания Городского управления. Толпа, предводительствуемая Цефасом, намного превышала

числом полицейских, и — отбила его у полиции. Руки Авраама привязали к колесу, украшенному гирляндами чертополоха. И заставили Авраама нести его на Площадь виселицы. И я видел, как судья Бруск вышел на балкон Городского управления и кричал вниз, в толпу: «Не нарушайте закон и порядок. Не нарушайте!» Не многие, кроме меня, могли услышать его.

Авраам отнес свою ношу на Площадь виселицы. К позорному столу уже были привязаны два преступника. Один — вор, другой — не имеющий лицензии нищий. Поэтому толпа подняла колесо на поперечину виселицы. Авраам висел на виселице, а толпа забрасывала его камнями. Нищий воззвал к нему от позорного столба:

— Господи, не забудь обо мне!

Но если Авраам и ответил ему, ответа не было слышно. Был слышен стук камней.

Там, на Площади виселицы, со мной заговорил один христианин. Он напомнил мне строку из Евангелия от Матфея: «И все, о чем говорили пророки в священном писании, исполнилось. Все ученики покинули его и бежали». Я спросил его, сколько раз, сколько еще раз будут распинать Христа? На мой вопрос он только горестно покачал головой и, ничего не ответив, ушел.

Когда день сменился вечером, Авраам вдруг закричал:

— Где же Новый Иерусалим?

Я слышал, как чей-то голос ответил ему из толпы:

— Не здесь. Господь, Бог мой, не здесь!

И тогда Авраам умер.

ГЛАВА 8. САМЫЙ СЧАСТЛИВЫЙ ДЕНЬ МОЕЙ ЖИЗНИ

Много героев было до Агамемнона, но все они, неоплаканные, поглощены бесконечной ночью. Они остались никому

ни известными, потому что не было вдохновенного поэта, попевшего их.

Гораций. Оды, IV; 9.

Двое в темной униформе приближались небрежной походкой — не хотели вызвать тревогу. Шли в нескольких ярдах позади Гарта, усмехались с невинным видом. Гарт не обращал на них внимания — не заметил? Деметриос уронил свой посох к ногам Гарта. И одновременно с Гартом нагнулся за ним — конечно, Гарт нагнулся, да снизойдет на него благословение! Когда их головы сблизились, Деметриос пробормотал: «Ты можешь помочь одним. Затеряйся в толпе, быстро!» Мгновение потрясения — Гарт понял. Голубые глаза сделались, как у лиса. Так лис выглядывает из кустарника. И метнулся за спину жирной женщины, стоящей в десяти футах от Деметриоса. У женщины были завитые, уже начавшиеся распускаться, волосы.

— Лицензия есть? — этих полицейских Деметриос не знал. Но они его знали. «Что я должен делать? Что я докажу — что я рассерженный дурак? О, Солайтер!»

Его первая мысль была о ней.

— Лицензия?

— Пойдем, — сказал мясистый полицейский. — Будете объясняться с Броумом.

— Жандарм! Казак! — закричала женщина с завитыми волосами. — Он ничего не сделал, он только рассказывал нам о святом Аврааме!

— Расходитесь, граждане. Займитесь своими делами. — Женщина повиновалась, как и все прочие в глазающей на Деметриоса и полицейских толпе. Тощий полицейский схватил Деметриоса за руку. Его руки были тяжелые, тряслись от волнения.

— Что ж, я иду с вами без сопротивления. Не забудьте мой посох, это палиндром. Потеряйте его или сломайте, и вы об этом пожалеете.

— Что?

— Палиндром. По крайней мере, держите его вверх ногами, тогда его сила не так действует.

— Может быть... э, пусть он сам несет это, Кас? Если это действительно то, о чем он говорит.

— Ну, я ему не верю, — сказал мясистый Кас. Но весь долгий путь через Луга к городу нес посох в вытянутой на всю длину руке и перевернув вверх ногами — хотя точно и не знал, какой конец верхний.

— Разве мы идем не в Городское управление?

— Броум занят, мистер, — сказал Кас. Деметриос заметил, что его губы скривились в недоброй улыбке, но не был точно уверен в ее значении. — Воспользуйтесь на время нашим гостеприимством, мистер. — Тощий теперь держал Деметриоса за руку не более, чем символически. — Побудьте нашим гостем, мистер, — добавил Кас.

Тюрьмой служило приземистое одноэтажное каменное здание. Оно было расположено на дальнем конце переулка. Откуда к Лугам вела узкая дорожка. Над маленькой тюрьмой распростерли угрюмо листья карликовые дубы — над двориком с одинокой скамьей, над караульной вышкой. В вышку были вделаны кольца: к ним привязывали лошадей. Или людей. Никаких других строений возле тюрьмы не стояло. Ни солнечного света, ни ветра... Был ветер, и шелест листьев подчеркивал тишину. Был день, но Деметриосу показалось, что на землю пал вечный вечер.

Одноглазый, с небритой физиономией тюремщик, уставился на Деметриоса. Связка ключей казалась слишком огромной для него. Он смотрел с недоверчивым удовольствием человека, который с дубинкой в руке может выйти против сорвавшегося с привязи быка.

— Кас, кого это вы привели ко мне? Это же не лентяй — нищий. Что вы сделали для своей страны, мистер? Залезли в чужую мошну? Изнасиловали какую-нибудь маленькую вертихвостку? Нахулиганили на публике? А?

— Запри его покрепче, — сказал Кас. — А свои мысли держи при себе, Путни. Броум сказал, никакого панибратства.

— У меня есть для вас новость, мистер Кас. Можете хвататься за голову, но все мои апартаменты заполнены — все три, мистер Кас. И что вы на этот счет думаете?

— Тогда сунь его к Боско, они как раз составят хорошую пару. Но не панибратствуй с ним. О... и положи это куда-нибудь, — Кас осторожно поставил палку в угол. В угол

комнаты, служившей Путни приемной, кабинетом, кухней и спальней. Ночной горшок, выглядывающий из-под кровати, походил на плевательницу. Внутренняя дверь отворялась в коридор, ведущий к трем камерам. Путни всегда держал ее закрытой. Ему нравилось одиночество — собственное общество вполне устраивало его.

Деньги — те несколько монет, что Деметриос выудил из кепки — у него отобрали. И как только он — безвредный и безопасный — оказался по ту сторону двери камеры №2, Кас и тощий покинули здание тюрьмы. Путни не спешил.

— Я устрою вас тут с комфортом. Помните: не разговаривать. — И открыл дверь в коридор, идущий к навесу, где у него был склад.

— Он говорит, не разговаривать, — сказал похожий на медведя человек, сидящий по-турецки на охапке соломы. — Пускай вякает. Я — Боско.

— Деметриос. Как поживаете?

— Прекрасно до рвоты. Рад познакомиться с вами.

— Не разговаривать! — В камеру торопливо вошел Путни. На вилах — пук соломы.

— Никак не может разобраться, — сказал Боско. — Как приносить солому, не открывая дверь. Сдался, Путни?

— Всем сдаюсь, — Путни скинул солому и повернул ключ. — Отойди-ка. Школа у нас реформированная, мистер Воображение. В ней самообслуживание. Можете устраивать себе постель. — Он подпихнул солому к стене камеры, подправил вилами. Из зарешеченного, пробитого высоко на северной стороне окна, падал тусклый, водянистый, увядший свет. — Там — все деньги, что у вас были?

— Да. Когда я получу возможность встретиться с лейтенантом Броумом?

— Не могу понять, как это такие, как вы, приходят сюда. Фыркают, выпендриваются, а денег у них нет. Вы не такой уж тупой, должны знать, что здесь, как и всюду, за все надо платить. А насчет Броума — не беспокойтесь. — С раздраженным видом Путни вышел из камеры. Из-за двери он продолжил: — Кас или Джек, вероятно, потом получают указание, что с вами делать. Все будет хорошо, — он хихикнул. — Мы всегда сообщаем предварительно, с кого следующего будут снимать шкуру.

— Тонко, без сомнения, и мэм Эстелла сочла бы себя обязанной отплатить той же монетой. У меня начинается трудный период.

— Не разговаривать, — сказал Путни и убрался в свою берлогу.

— Джентльмены в других камерах отдыхают, — сказал Боско. — Один здорово избит и, насколько мне известно, вообще находится при смерти. Второй — почти столетний старик и потому настроен не слишком оптимистично. Сможете услышать, как он поет или просит свои витамины — что бы это ни означало. Не хотите ли конфету с укрепляющим? Свет здесь не зажигают из-за соломы.

— Спасибо, Боско, — Деметриос разжевал ароматную конфету, падающий из окна свет показался более приветливым. Успокаивающим. — Давно вы здесь?

— Достаточно давно, чтобы стать на три дня старше.

Сидя на соломе (сидеть было неудобно), Деметриос внимательно рассмотрел своего товарища по несчастью: гладко переливающиеся мускулы, плечи — как медвежьи окорока. Боско был волосат, строен, опрятен. Каштановые лохмы чем-то причесаны. От него пахло потом, но не застарелым потом, не грязью. Вероятно, когда появлялась возможность, он не пренебрегал мытьем.

— Ошибки и невезение кинули меня на дно, Деметриос. Понимаете, как раз когда мне случилось перелезть через забор, туда подошел молочный поросенок. Времени у меня было мало, но я разглядел, что поросят в выводке — хватает. Так что я прихватил его с собой и шел себе тихо-мирно, строя планы на ближайшее будущее. Я как раз решил поселиться с одной малюткой, когда из кустов выскочили эти двое легавых, чтоб они сгнили заживо. Те два ублюдка, что привели вас сюда. И (чтоб их расколошматил Христос!) почему они рыщут всегда в паре? Я бы, может, не справился и с одним Касом. Я засунул моего маленького приятеля так, чтобы его не было видно, но он так сучил ножками, так щекотал, что я не смог удержаться от смеха — будто кто-то одолжил мне денег. Этот Кас говорит: «Клянусь Богом, мне кажется, что у тебя что-то имеется за пазухой». Ну я ответил этому сукиному сыну, я ему сказал: «Я просто отношу его к

мамаше. Все, вроде, в порядке». Но они никогда не поверят человеку, если он не коренной житель города. Тогда тощий (это Джек Джелико, старайтесь держаться от него подальше) привел решающее доказательство: саданул меня по затылку дубинкой. У меня там до сих пор шишка. Не прошла за три дня, что я жду общественного защитника. Жду, пока он пернется откуда-то, где прохлаждает задницу среди лилий. А поросенка они забрали. Понимаете, я уже привык считать этого маленького поросенка своим. Да пусть я ослепну, если первоначальный владелец увидит от него когда-нибудь хотя бы шкуру или мосол. И это называется «Королевской республикой»?!

— Да, она действительно так называется. Вы сказали, что мы не из нашего города?

— Родился и вырос среди Бродяг. Может, я потомок самого Босса Гаммо... Он это, конечно, говорил о любом подающем надежды малыше, появившемся в его банде. Говорил, что иное место было у него, как ураган, и оно было, как ураган. Слышали когда-нибудь о Боссе Гаммо?

— Что ж, восемь лет назад в Набер вошел караван... Они называли себя Бродягами. Это как прогремело. О нем как били в колокол.

— Вот как! — тяжелое лицо Боско выразило тревогу. Но и печаль тоже. — Босс Гаммо никогда не стриг своих волос. Просто перевязывал их сзади пеньковой веревкой. Говорил, что у него в волосах сила, как то ли у Симсона, как то ли у Сэмпсона, то ли еще у кого-то.

— Там был один человек, он выглядел точно так. Они успели дать одно представление. Хорошие артисты, подумалось мне (я по профессии рассказчик).. Но затем начались беспорядки, затрещали головы, и полиция выгнала их из города. С тех пор пограничные посты Бродяг в Набер не пускают.

— Похоже на Королевскую республику. Восемь лет назад? Через четыре года после того, как я удрал от них. Небось, волосы у него были уже белые, а? У Гаммо?

— С проседью. Но, Боско, я его видел только мельком.

— Так-так, — охваченный горестными воспоминаниями, великан, не вставая с соломы, раскачивался взад-вперед. —

Восемь и четыре это двенадцать. Не так ли? И мне, должно быть, уже стукнуло тридцать, похоже на то. Ну, теперь я смог бы отколошматить Босса Гаммо — если когда-нибудь удастся повстречаться с ним. Понимаете, Деметриос, мне захотелось отлупить его, когда мне было еще восемнадцать. Но тогда было слишком рано. Когда в моей башке перестали вертеться звезды, когда я смог подняться с земли, Босс Гаммо сказал мне: «Боско, для нас двоих здесь слишком тесно. Когда-нибудь ты со мной сравняешься». Вот что он сказал мне. Не скажу, чтобы я этого не хотел. Он однажды вытащил себе девчонку прямо из-под меня. «Возвращайся, — сказал он, — когда решишь, что ты достаточно вырос и достаточно глуп, чтобы встретиться со мной. И мы потолкуем чуть по-подробнее». Что ж, теперь я наверняка смог бы его отлупить, только никак не могу найти. В прошлом году я поверил слухам и погнался за ними на Адирондак. Я был и здесь, и там... Иисус, я даже все время жил честно! Валил лес, потом подался на железные рудники в Халловее, был какое-то время гребцом на переправе в Олбани... ну, там это было почти рабство.

— Я слышал, что сейчас в тех местах бродят несколько банд Бродяг.

— Но банда Гаммо единственная, и она была первой. Босс Гаммо носился с идеей: телеги, запряженные мулами, певцы, акробаты, рассказчики, предсказатели судьбы и так далее. Другие в подметки не годятся Гаммо. Если б хотел, я мог бы присоединиться к любой банде. Это как я обязан — обязан поймать когда-нибудь Гаммо. Иногда мне думается, а что, если Гаммо уже умер? Значит, я никогда не смогу отлупить этого старого сына шлюхи. Они бы не стали менять название, по-прежнему назывались бы Бродягами Гаммо. А что, если б было не «Гаммо», а «Боско»? Бродяги Боско — ну, и как это звучит, а?

— Звучит великолепно.

Пока день шел на убыль, Боско все говорил — не переставая. Он говорил о мире, который Деметриос хотя и знал, но знал как-то искаженно. Будто между ним и остальным миром, где скрывались исчезнувшие истины Старого времени, повис некий занавес. На маленьких островах моря Моха

плездились пираты, бравшие чуть ли не фиксированную долю с торговли между Адирондаком и республикой Моха. Моха лишь номинально владела островом Адирондак. «Ангус, почему ты не смог прийти ко мне?»

Если не считать похищений женщин и детей, а также пыток, которым подвергали иногда капитана, чтобы выведать маршрут других судов, пиратство в море Моха представляло собой почти приемлемый вид разбоя. Нечто вроде дополнительного вида налогов. Ничего общего с жестокостями, творящимися на юге, в море Гудзона. Там буканьеры практически закрыли проход для всех судов, за исключением самых быстрых и хорошо вооруженных. В настоящее время разведчики пиратов в поисках добычи проникли далеко в глубь побережья, и недалек тот день, когда Королевской республике придется очищать от них свои владения. Для этого понадобится военно-морской флот, и будет это нечто вроде небольшой войны. Некоторые говорят, что люди из Коникута связаны с пиратами. Солайтер... Однако мир, который Боско лениво демонстрировал ему, обладает собственной силой, собственной мощью.

В те дни на Адирондаке все чаще и чаще видели рыжих медведей. В поселении, называемом Саубел, Боско показывали шкуру такого медведя. Шкура полностью закрыла пол помещения, имеющего размер двенадцать на пятнадцать метров. Это не ложь... В Вермонте иное бедствие: какая-то новая порода волков, о которой никогда и никто прежде не слышал. Чудовищные, черные, на длинных ногах и, как говорят, умные и ловкие, будто в них вселился сам дьявол... Боско слышал (хотя и не уверен, следует ли полностью верить этой истории), что живущие на отшибе где-то в Гемпшире семьи были полностью уничтожены стаями маленьких рыжевато-коричневых крыс. По своим повадкам крысиные стаи походили на муравьиные полчища... В Мэйне, а может еще где-то на востоке Новой Англии существует племя, поклоняющееся тигру с коричневой шкурой. Молящиеся именуют тигра Глазом Огня...

Сочащийся сквозь зарешеченное окошко зеленовато-серый свет дня потихоньку угасал. Путни принес обед, состоящий из тушеного мяса и жидкого чая. В камере №3

негромкий храп сменился древней песней, выводимой дрожащим голосом:

*Надеюсь, что имя мое написано
На стенах небесных дворцов.*

И снова — без изменения. И снова. Когда Путни внес еду в эту камеру, посыпался умоляющий старческий голос:

— Я хочу получить мои витамины. Я хочу получить мои витамины.

В дальнем конце коридора, так что до них никак нельзя было дотянуться, Путни поставил две сальные свечи. Свет свечей кое-как рассеивал тьму ночи. «Я хочу получить мои витамины». Из камеры №1 не доносилось ни звука. Путни торопливо сунул туда тарелку (брякнув ею об пол) и выскочил обратно, бормоча что-то. Что именно, Деметриос разобрать не смог.

— Когда-нибудь, Путни, — сказал Боско, — тебе бы лучше отдать старику его витамины. Что они такое?

— Они никакого отношения не имеют к тому, чем занималась твоя мамаша, — зло ответил Путни и захлопнула дверь, отделяющую его одиночество от их одиночества.

Прошел еще час. Через зарешеченное высоко в стене окошко была видна глубокая беззвездная тьма. И все же, скрытая саваном дубовой листвы, где-то там должна сверкать бриллиантовая россыпь звезд. Деметриос и Боско подсунули грязную посуду под дверь. Путни, храня угрюмое молчание, собрал ее. Старик в камере №3 захрапел. В другой камере по-прежнему царил мертвая тишина. Дверь Путни хлопнула снова, и более от него не было слышно ни звука. В окошко веял легкий ветерок — холодил камеру. Ветерок коснулся выставленных в коридоре свечей. Огоньки беспокойно затрепетали. Теплые маленькие огоньки набросили на Боско сетку теней. В их свете вертикальные прутья оконной решетки обманчиво казались совсем непрочными. Сквозь них явно можно было просунуть руку. И кто-то просунул руку.

Две руки, две маленькие руки. Пальцы — бледно светящиеся порознь огоньки — обхватили металл. К решетке прижалось лицо — тонуло в ее тени. Лицо было кругловатое, как

у Гарта, с такими же густыми бровями под желтыми волосами. Но все же более тонкое и — выражение беспечности. От беспечности Гарт давно отучился, а, может, он вообще никогда не позволял себе быть беспечным.

— Чш-ш! Эй! Деметриос!

Встав на цыпочки, Деметриос смог заглянуть в глаза мальчугана.

— Должно быть, ты — Фрэнки. — Глаза блестели: Фрэнки наслаждался опасностью.

— Гарт тоже здесь, я стою у него на плечах.

— Никуда не могу пойти, чтобы эта чума не увязалась следом, — сказал невидимый Гарт. — Вы одни, Деметриос?

— Ты бы заблудился без меня, Растяпа. Сам знаешь, у меня мозги, что надо. Эге, да здесь с ним еще кто-то!

— Можешь доверять мне, ребенок, — сказал Боско, беззвучно двигаясь на медвежьих ногах к двери камеры — чтобы вести наблюдение за коридором. — Я на стреме, Деметриос. Продолжайте беседовать со своими друзьями.

Фрэнки нахмурился: его одолевали сомнения. Деметриос кивнул: Боско не станет доносить на сокамерника. Вытянувшись изо всех сил, пытаясь увидеть Гарта. Оконный проем был слишком широк. Возле самого его уха Фрэнки пробормотал:

— Готовьтесь сматываться из этой фигни.

— Господи! Но тогда мне придется бежать из города.

— Мы уйдем тоже, — зашептал Фрэнки. — Все уйдем: вы, я и Растяпа... Для меня и Растяпы с тех пор, как ма умерла, дома чистый ад. Он только привлекает к нам этих грязных свиней, и всегда пьяный...

— Давай, Чума, ему не интересно слушать об этом. Но все верно, Деметриос. Мы все хотим смыться отсюда, мистер Ангус тоже...

— Вы видели его?

— Конечно, видели. Знаете, во Внутреннем городе идет чистка. Его мать... о, он сам расскажет об этом. За ним тоже охотятся. Он удрал прошлой ночью через северные ворота, он и собака. Охрану они нокаутировали. Днем он пробрался лесами к улице Красного занавеса и нашел возможность поговорить с мэм Эстеллой. Вас не было, когда он пришел туда. Мэм Эстелла его надежно спрятала. Я потолковал с ним — после того, как

увидел, что произошло на Лугах. Понимаете, мистер Ангус пришел, чтобы сказать вам, что дела у вас обстоят хуже, чем вы думаете. В народе говорят о вас. Называют вас авраамитом и иностранным шпионом. Это авраамитам устроили чистку, но не только им.

— Значит, Ангус, Ангус...

— Шпион, без сомнения, миссурийский.

— А? О да. Он просил передать вам, что это большая чистка. Нам лучше всего отсюда сматываться, делать больше нечего.

— Что случилось с его матерью?

— Она... Он расскажет вам, Деметриос. Похоже, она с теми, кто устроил чистку. Они... там, во Внутреннем городе, убивают авраамитов. И еще других, которые им не по нраву. Мистер Ангус не хотел рисковать, боялся, что навлечет беду на мэм Эстеллу, так что он опять в лесу. Он и его собака. И Профессор, и ваша женщина. А мы с Фрэнки заявили сюда, чтобы выяснить планировку тюрьмы. Сегодня ночью за вами присматривает только этот старый хрен?

— Только он, — обернулся Боско. — Подслушать нас никто не мог. Всю ночь здесь, как в могиле. Рассчитывайте на меня, ребята... Предлагаю вам свою руку. Никто больше меня не хочет выбраться отсюда.

— Скоро я и Ангус вернемся сюда.

— И я, — сказал Фрэнки.

— О'кей, — сказал им обоим Деметриос. Он ощутил, как его охватывает ужас. Ощутил, какой он старый. И содрогнулся, подумав, на какие чудеса способна любовь.

— После того, как мы вытащим вас, — сказал Гарт, — мы присоединимся к вашей женщине, Профессору и Фрэнки... В одном месте на Южной дороге.

— Нет, я тоже приду сюда с тобой и мистером Ангусом вытаскивать его, — сказал Фрэнки. Его руки вдруг соскользнули с прутьев. — Эй ты, неуклюжий!

— Увидим. Отпусти мои волосы, Чума.

— Фигу мы увидим. Вам понадобятся мои мозги. А они — что надо. Кроме того, это самый счастливый день в моей жизни.

— Увидим, — сказал Гарт, и лицо Фрэнки пропало во тьме, свеча погасла.

— У вас действительно хорошие друзья, — сказал Боско. В голосе его прозвучала зависть.

— Хотите пойти с нами? Мы будем рады, если у нас появится еще один друг.

— Я — с вами. Куда мы направимся, как вы считаете?

— На запад... А, не знаю. Мы решим это все вместе. Во сне я увидел, что иду на запад... Должно быть, все знакомые мне места находятся под водой.

— Как Бродяги Гаммо — вертятся в моей голове все время и никак от этого не избавиться. Вы из тех, что жили там еще в Старое время?

— Когда начали падать бомбы, мне было тринадцать. Если полюбил один мир, в другом чувствуешь себя потерянным. Но все старое кончилось. Унесено временем.

Моя мэм Эстелла в тот день в дневнике больше ничего не записала — хотя и не была под действием большой дозы перегнанного из зерна спирта. В тот день она вообще не пила много чая — любого чая. К семи дом заполнился посетителями, и девочки занялись работой, чтобы эти ослы раскошелились. И мэм Эстелла была занята, слишком занята и слишком беспокоилась, чтобы писать историю ее жизни. И я тоже — я, автор этой книги. Мне нужно рассказать, как Ангус, сын Стивена, вошел в боковую дверь Заведения общественных увеселений мэм Эстеллы, он вошел, как какой-нибудь мелкий лавочник или нищий...

Его впустила девушка, которую звали Солайтер. Она увидела, что сердце его сжато когтистыми лапами горя и гнева. Она увидела, что весь он снедаем ими — горем и гневом. И что его — как черная обезьяна — подмяла под себя усталость. И что его громадный серый пес не может защитить его. Вот и оказалось, что и в моем сердце тревога — нельзя сохранять хладнокровие, когда рыдает чужая душа... Мне бы следовало вырезать на вишневых косточках молитву, но,

Господи, какой в этом смысл?

— Не войдет ли он? — сказала Солайтер, и он вошел. Вошел в кухню, где сидела мэм Эстелла и пила совершенно невинный утренний чай. В него не был добавлен спирт. Просто это была ее последняя спокойная чашка чая за этот день. Он вошел, оглядываясь, как человек, за которым охотятся, и спросил Деметриоса. А ему ответили, что господин Деметриос уже несколько часов назад ушел в Городское управление и до сих пор не вернулся. «Плохо», — сказал Ангус.

Солайтер смотрела на него. Она была в своей обычной рабочей одежде, щеки — серые от грязи, поверх волос неряшливым тюрбаном намотана грязная тряпка. И она сказала:

— Он исцарапан ежевикой. Однажды ежевика исцарапала Солайтер, а Солайтер увидела яму, из которой вытекал ручей. В яме не было дна, и черная вода вытекала из самого сердца земли... Не хочет ли он, если ему угодно, присесть и отдохнуть?

И Ангус увидел сквозь завесу боли, что она беспокоится за него. «Беспокоится так, — подумал он, — как никто и никогда не беспокоился обо мне раньше».

Она прикоснулась к голове Факела. Пес тихо заскулил и прижался плечом к ее маленькому бедру. Он был слишком вежлив, чтобы вскинуть ей на плечи свои лапы — она была такая тонкая, хрупкая.

— Вы понравились ему, — сказал Ангус. — Не бойтесь его. И меня не бойтесь. Маскировка всегда надежно отгораживала ее от других людей. Но он, едва ли сам сознавая это, видел сквозь маскировку и ощущал на сердце незнакомое чувство.

Она сказала:

— Солайтер не боится. О, здесь она уже давно нашла любовь и доброту. Но что случилось с ним?

Она поразила его. Его потрясла до шока и измотала эта ночь — ночь насилия. И все же страдание не помешало ему понять, что она спрашивает о нем.

— О, — протянул он, — я тоже видел черную воду.

(Позднее мы узнали, и вы это тоже должны знать, что его мать делила постель с сенатором Праем. Прай — будущий калиф на час и оружие в руках короля Брайена, начавше-

по чистку. Ангус почувствовал, что память его отца осквернена. И отныне для Ангуса — словно соскользнул покров — приятная жизнь во внутреннем городе кончилась.)

— Что ж, — сказала мэм Эстелла. — Садитесь, садитесь. Берите кресло, выпьем чаю... Так что вы хотели от господина Деметриоса?

— Я должен предупредить его.

Скоро они узнали все — его имя, место, которое он занимает в этом сумасшедшем мире, узнали о его встрече с Деметриосом. Вернее, мне следовало бы сказать, что все эти сведения выуживала мэм Эстелла. Солайтер не задавала вопросов, только ходила туда-сюда, не спуская глаз с Ангуса. То уходила в тень, то выходила из тени. Можно было подумать, что она прозрачна, что это прекрасное привидение, измазанное грязью — привидение, передвигающееся взад-наперед под порывами ветра. Что это плененный свет, повиновущийся поворотам зеркала.

Она видела юношу с рыжевато-каштановыми волосами. Сейчас он был не в белой тунике, хотя наверняка по рождению имел на это право. На нем была серая, как у рабочего, куртка, серая набедренная повязка и роскошные сандалии. На запястье у него была сказочная игрушка — маленькие часы, очевидно, сохранившиеся со Старого времени. У пояса — нож в кожаных ножнах. За спиной у него не было ни лука, ни колчана — лишь огромный мешок. Она видела серьезное и прекрасное лицо... юноши, мужчины, ангела — не стоит выяснять, кого именно... Он пришел к ней из ниоткуда, он в беде и он нуждается в ней.

А он видел девочку, на которой была защитная, маскирующая ее одежда. И еще одеждой ей служила невинность. Такой она и останется навсегда в его памяти, даже когда и то, и другое будет отброшено.

Простите меня, если я слишком быстро двигаюсь по сюжету, если я вас вынуждаю спешить. Мне необходимо сообщить вам все факты — чтобы вы во всем разобрались, вы имеете право знать фактическую сторону дела, какой бы суматошной она ни была. Но мне, как автору, очень важным представляется то, что увидела мэм Эстелла: Солайтер была не просто призраком, а женщиной, озвученной любовью. Та-

кое может случиться с кем угодно... Жаль, что мы слишком редко осознаем это. И еще мэм Эстелла увидела, что то же самое одновременно произошло с Ангусом... Одно из редчайших совпадений, случающихся в мире. Случающихся в большинстве известных мне миров.

— Откуда именно с запада вы, Деметриос?

— Из Миссури. Когда-то эти края назывались Средним Западом. Вам приходилось путешествовать в тех местах?

— Не слишком много. Пару лет назад я добрался до побережья Нового моря — так его называют трапперы. В течение одного сезона я ходил с группой трапперов. Базовый лагерь мы разбили неподалеку от крошечного поселения, называемого Шатавка. Жили в нем главным образом, эти проклятые туземцы. Они называли море озером Эри и говорили, что из него можео пить. Я попробовал — Иисусе! Никогда нельзя верить туземцам. Но дальше в глубь страны вода в ручьях и родниках вполне хорошая. Плохая страна: там все время случаются землетрясения. Не сильные, маленькие землетрясения, зато каждый день. Будто Бог или кто-то там еще не может прекратить сердиться на самого себя. Туземцы говорят, что когда-нибудь этот кто-то устроит большое землетрясение. Бобры там — не сомневайтесь. Толстые, мех пышный, и там, и дальше к северу. Мы добывали там также серебристую лису и куницу... Конечно, проклятые красные крысы все время грабили ловушки. Попасть в беду там просто. Все время, пока мы охотились там, пугалом для нас был коричневый тигр. Он нападал на деревни на севере, но сами мы его не видели. Иногда мне любопытно, не байка ли он...

Бесконечный гортанный голос, похожий на детский, высвеченное огнем свеч лицо с резкими чертами — лицо тридцатилетнего мужчины. Деметриос чувствовал, что в нем нарастает теплое чувство к этому человеку. Будто уже шел по неизведанным дорогам, пробирался сквозь джунгли — когда силы иссякают, а цели не видно. Он вдруг понял, что рассказ Боско помогает ему выдержать напряжение. Боско не был

рассказчиком историй. Он рассказывал о том, что сам ощущал и видел, воображение у него было развито очень слабо... Ощущение весла в натруженной руке. Мрак и кислая вонь шахты, где ежеминутно — опасность. Тишина джунглей. На самом деле эта тишина кишит жизнью, наполнена скрытым жаром сверхизобилия, выжиданием, схожим с нетерпеливо-медленным выжиданием змеи. Выжидание, которое может оборваться ревом или вскриком, и которое никогда не обрывается беспричинно... Прошел еще один час...

*Надеюсь, что мое имя написано
На стенах небесных дворцов...*

— Когда-нибудь он поет что-либо другое?

— С тех пор, как я здесь — только эти две строчки. Их и еще — витамины. Путни говорит, что он здесь, как дома. Каждый раз, когда его освобождают, он быстро совершает какое-нибудь преступление и возвращается сюда снова. Понимаете... питательное тушеное мясо, никаких беспокойств, если не считать этих его витаминов, что бы они такое ни были. Камера №1 — другое дело. Они притащили этого человека прошлой ночью — он не мог даже ходить. Я не слышал от него ни звука, кроме стонов: сперва он стонал. Я окликал его, стучал в стену — он не отзывался. Ничего о нем я не мог добиться и от Путни: он что-то бормотал, и все. С того времени, как привели вас, я не слышал и стонов. Не слышал даже дыхания. Еда на тарелке, которую Путни забрал из его камеры, осталась нетронутой. Здесь, в Набере, позволяют убивать людей, не приговоренных к смерти?

— Мне так никогда не казалось. — Что ты знаешь обо всем этом, Деметриос, ты, голова которого заполнена сказками и легендами? — а мир тем временем развивается по своим законам...

— Может, это просто вина Путни. Настоящий барсук, отсиживает все время в своей норе. Парень мог уже умереть, пока он ждет указания, что делать. Тьфу!

Заглушенная возня в комнате Путни — и дверь тут же открылась. Яркий свет свеч, а Путни — распростерт на кровати, связанный и с кляпом во рту. Мальчик, мужчина и со-

бака торопливо прошли к двери камеры. Гарт остался сторожить Пути. Ангус в его серой куртке, в маске казался совсем незнакомым. Рядом с ним на негнувшихся ногах стоял Факел — оскаленный, оцетинившийся. Внюхивался во тьму, раскладывая по полочкам запахи.

— Чертова штука! — Ангус изо всех сил старался повернуть ключ.

— Этот, наверное, — указал на другой ключ Фрэнки. Ангус распахнул дверь. — Мозги, что надо, — сказал мальчишка. Он тоже был в маске.

Ангус быстро обнял Деметриоса, расцеловал его в небритые щеки.

— Я боялся на вас. Если бы они...

— Нет, мне не сделали ничего плохого. Со мной все в порядке. — У Деметриоса кружилась голова. Кто когда мог тут же осознать испытываемую им боль или радость? Осознается только — темнее стало или светлее. Позднее, вспоминая, люди дают тому, что ощущали, названия. — Это Боско, он хочет присоединиться к нам. Ему знакомы джунгли, он знает дороги. Знает места, о которых мы никогда и не слышали.

— Не подойдете ли вы поближе, Боско? Я близорук. — Боско шагнул вперед, чтобы подвергнуться придирчивому осмотру. Безжалостному осмотру. Вчерашний Ангус, вежливый, легко смущающийся мальчик, конечно, не просто исчез. Он растворился в Ангусе — командире. Не те времена, чтобы Ангус вчерашний продолжал жить, как он жил раньше. — Хорошо... Ладно. Пойдемте с нами. — Никто, похоже, не собирался оспаривать права Ангуса быть командиром. В критических ситуациях должен быть кто-то, готовый взять на себя право решать. Желательно — решить быстро и умно. Пусть это будет Ангус. Ангус, сказавший, что власть воняет, но тем не менее имеющий навыки власти.

— Меня посадили за то, что я спер молочного поросенка, мистер.

— Может быть, я попрошу вас научить меня, как это делается. И куда он делся?

— Его заграбастали легавые. — Боско заглянул в камеру №1. Деметриос только собрался последовать его примеру, как Боско пробормотал сквозь зубы:

— Уберите отсюда ребенка.

На полу камеры №1, распростершись, лежал голый мужчина — рот разинут, на ранах запекшаяся кровь. Грудь неподвижна. Деметриос знал его. И тогда Деметриос вышел из камеры и обнял Фрэнки за плечи.

— Пойдем поговорим с Гартom. — Проходя мимо Ангуса, он показал на камеру: — Хольман Шаун.

Гарт, оставшийся в комнате Путни, наблюдал за входной дверью. Глаза в прорезях маски сыпали голубыми искрами.

— Все в порядке, господин Деметриос?

— Все в порядке, Гарт.

— Насчет вашего сна, так тетка сказала, что... — Гарт глянул вскользь на оживившееся лицо Путни: прислушивается. — Ладно, потом.

— Я хочу получить мои витамины. Я хочу получить мои витамины.

— Ты получишь свои витамины, старина, — добродушно сказал Боско.

— Получу? Да благословит вас Бог.

*Надеюсь, что мое имя написано
На стенах небесных дворцов...*

Фрэнки выглядывал, выворачивался из-под локтя Деметриоса — требовал ответа.

— Что там было в той камере, куда вы не дали мне заглянуть?

Деметриос понимал: в двенадцать лет только дурак не знает, что такое обратная сторона медали. Обратная сторона — это печаль и горе. А Фрэнки дураком отнюдь не был.

— Мертвый человек, Фрэнки. Он был авраамитом. Избив, они оставили его в камере. Дали ему умереть. — Фрэнки уставился на него бездонными глазами. Не глаза — океан. И отрицание всякой возможности прощения. — Это обратная сторона, Фрэнки. Обратная сторона самого счастливого дня твоей жизни.

ГЛАВА 9. Я ТОЛЬКО ПРИШЕЛ ПОВИДАТЬСЯ С ВАМИ ПЕРЕД ВАШИМ УХОДОМ

Говорят, что художник должен отображать свое время.

И не говорят — почему. Может быть, они полагают, что зеркало творит то, что оно отражает. А если художник пытается возражать, всегда наготове Прокруст с его поржавевшим надежным ложем.

Автор

Над землей в ночи Набера поднимался туман. Плыл над домами, стоящими обособленно друг от друга. Дома всегда так: островки. Люди сгребают их в кучу, чтобы отдохнуть там от своих блужданий. Туман стлался по земле, любовно впитывал тихие звуки смеха, шепот любви и шепот отчаяния. Туман — это двусмысленность и чудо. Он как пар, но один глоток его, и человек делается — да будет мне разрешено так сказать — мудрее. В тумане можно найти — по крайней мере — мудрость непонятного. И ты оказываешься способен сказать то, что никогда не могло быть сказано при свете дня. Или сумасбродном лунном сиянии.

Туман плыл вдоль переулков и улиц, где спали даже деревья, и сливался с туманом, ползущим с востока, через разрез холмов. Воздух ночи пахнул солью, океаном, одиночеством. Туман иногда отступал перед светом мерцающей за окном поздней свечи. Иногда он редел, наткнувшись на стену дома, на столб, на отгородивший дворик забор. Дорогу показывали Гарт и Фрэнки. Деметриосу они казались выходцами из Средневековья. Их ясеневые луки и колчаны составляли часть их самих — как винтовка у солдата двадцатого века. Они помнили каждый поворот, словно лиса, досконально знающая холм, на склоне которого вырыта ее нора. Они знали каждый метр пути, ведущего от ужасной, расположенной в тени Стены короля Брайена, лачуги, где они родились, к Великому Южному шоссе. Здесь кончались Луга, и там, где

вздыхалась Стена, шла Внешняя улица Стены. Некоторые хибары вытянули навстречу дождю трехскатные крыши. Струйки сбегали по крышам, сливались. Отец ребят (когда он работал) был уличным уборщиком мусора и продавал фермерам навоз по бросовым ценам.

Деметриос шел сзади, поминутно — для успокоения — притрагиваясь то к их плечу, то к спине. В правой руке приятно ощущалась тяжесть орехового посоха. За ним шли Ангус, Факел и Боско.

— Далеко ли мы уйдем сегодняшней ночью? — Спросив это, Деметриос почувствовал отвращение: звуки, выпускаемые его глоткой, были старческие, ворчливые. А Ангус — тот не спал всю прошлую ночь, не спал с момента, когда началась чистка. Он побывал в самом аду, пока Деметриос лежал рядом с Солайтер и Профессором. Лежал не как-то — с удобствами.

— Недалеко, Деметриос, — мягко сказал Ангус. — Мы решили, что, когда соединимся с остальными, то направимся к заброшенному дому возле Южного шоссе и останемся там, но крайней мере до рассвета. Я слышал, что никто не появляется поблизости от него, боясь привидений.

— Очень хорошо.

— Нам не слежует оставаться там долго, мистер Ангус, — сказал Гарт. — Они могут послать по следу Деметриоса или по вашему следу ищек. Собаки обычно не боятся привидений. Да и люди их днем, наверное, не побоятся.

— Даже во Внутреннем городе некоторые не верят в них. — Голос Ангуса звучал невесело. — Я не верю.

— Вот как?! — в возгласе Гарта прозвучала тревога. Тревога эхом отозвалась в горловом, полном сомнения звуке, изданном Боско — сзади, из тьмы.

Но не так уж глубока была тьма — луна брала верх над туманом, и идущим казалось, что они пловцы, поднимающиеся из глубин к поверхности. Плыли по неведомым координатам дыхания и движения.

— Деметриос, тетка узнала в книге насчет вашего сна. Книга говорит, что железная дорога, увиденная во сне... когда дорога над водами... понимаете, была такая наука о... о подсознании... означает стремление отправиться в долгое

путешествие. Вот что сказала книга. Она говорила это каждый раз, как тетка открывала ее, а тетка читала прямо мне... Понимаете, я не имею в виду «читать», но каким-то образом тетка знает, что в ней написано.

— Я очень ей благодарен, — сказал Деметриос, вспоминая об эре науки. Более столетия наука кое-как сдерживала стремление человека искать в примитивной магии мистические истины и откровения. Но люди не научились принимать методологию науки — разве что очень немногие... (Насколько это тяжело, Деметриос не знал.) И наука не смогла преодолеть неверия, порожденного убеждением, что сама она находится в распоряжении дураков, одержимых жаждой власти. (Насколько тяжело преодолеть это?) В свое время компьютеры использовались для имеющих коммерческую основу астрологических, колдовских, ведьмовских и прочих «исследований». Для всей этой унылой и слякотной чепухи... Так может быть, мы погибли еще в те времена, задолго до 1993 года?

— Мы пересечем воды, — сказал Деметриос, — и повзрослеем. — Он надеялся, что чуткое ухо Гарта не уловило того, что скрыто в его словах. Сарказм и гнев взрывом рвались наружу — как рвота из переполненного кислотой желудка.

Гарт, добрый, хороший, отзывчивый. Разве не он помог мне выбраться из этой вонючей тюрьмы? Когда и кем было предназначено, что я должен превратить его в рационалиста двадцатого века?! Предположим даже, что я знал бы, как это делается... Он сын эпохи, когда разум сделался ненавистным... Все равно... На что надеяться? Что мы можем сделать? Покорно согласиться с тем, что новый период тьмы неизбежно обусловлен ритмом истории?

Периоды расцвета просвещения обычно длятся недолго: Греция, европейский Ренессанс... А потом бедное ужаснувшееся человечество снова откатывалось в пещеры и к глиняным горшкам. Неверная аналогия: человечество не отделимая личность, оно не забывчиво.

Что ж. Будем надеяться, что где-нибудь снова возгорится свет разума. Когда-то, через долгие века мрака, о

которых ничего не известно, кроме того, что это будет мир антиразума. Что еще?

Луна высветила нежное лицо Фрэнки.

А, провались оно! Гарт поддастся обучению. И Фрэнки тоже, и Ангус. Что, если это предназначено сделать МНЕ? Пернее сказать, предназначено мне мной самим. И — для начала приведи свои собственные мозги в порядок, Деметриос. Это — начало.

— Скоро — Южное шоссе, — сказал Гарт. Туман стался низко, возле колен. Он был, как белая беззвучная река, обтекал клены, вечнозеленые сосны, дубы. Голубовато-черные кроны вспыхивали и искрились под звездами.

Люди хотят то того, то этого. Они достигли Луны. Они отправили поражающие воображение приборы в пустыни Венеры, Марса, Юпитера. Оставаясь на родной планете, они увидели и услышали, что делается в чужих мирах. А заодно забавлялись краплеными картами, нервно-паралитическим газом и всепроникающими ядерными игрушками.

Аксиома выработанной человечеством этики: люди выбирают цели соответственно комплексу их потребностей и интересов, и информации, доминирующей в их сознании. Таким образом: цели хороши (какой выработан критерий «хорошего» — не так важно), если хороши желания, а информация правильная. Вывод (один из многих): старик, обладающий относительно достоверной информацией, не может быть освобожден от обязанности учить других... Как точно определить значение понятия «достоверная»? И понятия «обязанность»?.. Ох, что за чепуху я порю! Я старею...

Утробный, похожий на смех сдвоенный крик совы донесся из мутной тьмы — откуда-то с обочины дороги впереди. Сразу же — еще один, в ответ. Как показалось Деметриосу, кричали совсем рядом. Он увидел, что губы Фрэнки слегка шевельнулись. Усилившееся сияние луны высветило радостную улыбку Фрэнки. Деметриос прошептал:

— Это Солайтер?

— Познакомился с ней сегодня днем, — сказал Фрэнки. — Мозги что надо. — И позвал тихо: — Все о'кей. Это мы.

Три тени вынырнули из тумана. Туман, казалось, поредел. Но нет, он был все такой же. Очертания предметов были мягкие, расплывчатые. Все — как близорукость Ангуса Бриджмена, как колебания Деметриоса. Туман двигался вместе с путешественниками, он заглушал любое человеческое желание...

Тени превратились в людей, посмеявшихся бросить вызов ночи и джунглям. За спинами у людей были мешки. Это была маленькая и прекрасная Солайтер. Это был Профессор, несущий лютю. Лютя была плотно завернута от сырости. У самой широкой, наиболее массивной тени оказалось бдительное лицо Бабетты.

— Ты их знаешь, это друзья, Факел, — тихо сказал Ангус. Факел опустил уши, беззвучно сделал несколько шагов вперед. Так беззвучно, словно это текла струйка дыма. Солайтер шагнула навстречу, протянула руку, здороваясь с ним. Теперь их стало восемь.

— О, Деметриос! — Солайтер не поцеловала его. Она прижалась лицом к его груди. Крепко вцепилась в него — словно искала убежища в его тощем теле. — Деметриос, Деметриос, посвященный земле!

— Мое имя... Ты знаешь это, любовь моя?

Деметриос забыл, что он говорил ей. Солайтер никогда ничего не забывает. Она забыла только себя.

Фрэнки и Гарт вели наблюдение за дорогой — один в одну сторону, другой в другую. Никто никогда не появляется на дорогах ночью, даже на Великом Южном шоссе. Почти никто. Приличные люди ночью не путешествуют.

— Солайтер должна что-то сказать... не сейчас... потом... скоро. Наверное, Деметриос обрадуется. Солайтер хочет идти с палкой, как Деметриос. Профессор думает, что кто-нибудь срежет палку для Солайтер.

— Обязательно срежет, — сказала Бабетта. — Да благословит вас Бог, Деметриос, я только пришла повидаться с вами перед вашим уходом. Затем я должна вернуться к моей мэм: она не сможет прожить без меня и трех дней.

Таким образом, в путь уходят семеро. Нет, больше, поскольку одна из поразительных особенностей любви состоит в том, что любимые уходят вместе с нами — в нашей памяти...

Теперь я знаю, что это правда, я, тот, кто пишет эту книгу. Однажды древний старик (я был тогда не больше мухи) взял меня на колени и сказал: «Вот так здрасьте! Что это за здрасьте? Здрасьте, маленький, здрасьте, маленький, вот так здрасьте!» Я вытянул руку, схватил его за бороду и поцеловал. Для маленьких рыбок море необходимо. Так и я теперь окружен любовью моего отца, моей матери и других людей. Но тогда на коленях у Белой Бороды (я не знаю, кто он был, не знал этого никогда), я открыл, что вселенная состоит из отдельных людей, и они открывают дверь в страну любви, и дают вам войти туда. Так было у меня с Белой Бородой. А со многими у меня ничего подобного не было... Что ж, я ненавистен им. И я не помню о них.

Деметриос унесет с собой образ Бабетты. И сохранит его на протяжении всего пути — каким бы это путь ни был. Даже сейчас его мучило, увидит ли он ее когда-нибудь снова. И он не забудет Бабетту — ее щедрое сердце, приветливую непосредственность, круглое лицо и открытую улыбку.

— Можно мне одолжить ваш топор? — спросил Ангус.

— Конечно, — продолжая наблюдать за дорогой, ответил Гарт. — В любое время, когда вам угодно, мистер Ангус. Фрэнки!

Фрэнки вытащил из-за пояса маленький, сохранившийся со Старого времени туристский топорик. Снял кожаный чехол, и острое лезвие, схваченное небывалым морозом радугой, сверкнуло в свете луны. На языке жестов Фрэнки объяснил (и очень понятно), что для него забота о Топоре — дело святое. А также, что он не понимает, почему бы мистеру Ангусу и ему самому не попользоваться этим Топором.

— Гарт, — сказал Ангус, — давайте так: мистера Ангуса больше нет. Для меня нет места во Внутреннем городе. И я не хочу быть там. Я не хочу быть нигде и ни с кем — только с вами. С Друзьями.

Гарт наблюдал за дорогой.

— Хорошо, Ангус. Вон там дуб, попробуйте отрубить от него сук.

Фрэнки вложил топор в ладонь Ангуса и пошел рядом с ним. Потом, когда Ангус рубил, он оттягивал сук вниз. Затем стоял рядом. Пока Ангус обтесывал изгиб сука. Превращал его в рукоять. Наконец Ангус вернул топорик. Фрэнки обтер лезвие рубашкой.

— Этот топор, — сказал Ангус, — нужно как следует беречь. — Фрэнки молча кивнул. Он не считал нужным скалить по этому поводу зубы. Только улыбнулся как-то по-особому. Улыбка ослепительно сверкнула и исчезла. Ангус отнес посох Солайтер. Она вывернулась из рук Деметриоса, взяла палку и взвесила ее на ладони.

— Дерево еще сырое, — сказал Ангус. — Она пока еще не совсем как надо.

— Он будет как надо, — сказала Солайтер. — Все поможет этому: и звезды, и камни. Теперь, если Солайтер споткнется или устанет, она сможет опереться на палку.

— Нам нужно идти, — сказал Гарт. — Фрэнки, пойдем со мной и поищем, где отходит проселок к заброшенному дому. Я могу не заметить его.

— Белый камень, помнишь?

Они медленно шли сквозь туман по Южному шоссе. Через несколько сотен шагов Фрэнки сказал:

— Он там. Давайте я пойду впереди: я вижу в темноте лучше всех. А вы выстроитесь цепочкой и держитесь друг за друга.

— Прошло уже больше часа, как ты ни разу не назвал меня Растяпой.

Много времени спустя (не по обычным меркам измерения времени), когда они шли сквозь непроницаемую тьму леса, и палец Деметриоса цеплялся за пояс Гарта, Солайтер — за его пояс, и остальные тоже — цепочкой, словно составляя единое тело, — Деметриос услышал:

— Больше никогда не называй меня Чумой.

Они шли. По временам Фрэнки предупреждал (достаточно громко, чтобы Боско, замыкавший цепочку, слышал его): «Здесь перекресток» или «Валун, не споткнитесь». И наконец

(конечно, не по обычным меркам измерения времени): «Мозги что надо видят впереди лунный свет...» Журчащий смех пробсжал вдоль цепочки Друзей. Фрэнки сам захихикал первый.

Выйдя вслед за Гартom и Фрэнки под бледный свет, Деметриос не сразу увидел заброшенный дом. Дом стоял там, где тьма была наиболее густа, лес руками дикого винограда обнимал его. Во дворе, словно древки копий, торчали сосны — в два раза выше здания. И все же лес не полностью взял в полон древний дом... не совсем, пока еще не совсем. Деметриос увидел отблески лунного света на поверхности шиферной крыши. Тримя глазами — окна без стекол, а под ними, как разинутый в немом крике рот мьюта, — лишенный двери дверной проем.

Гарт задумчиво сказал:

— Внутри — каменные полы. Ни единой трещины, где бы из семян могли пробиться ростки. А может, пробились — как те сосны — если б туда попадало хоть чуть солнечного света.

— Колониальный стиль? — сказал Деметриос. — Наверное так, клянусь Богом. Никогда не знал, что в этих местах так строили. Хорошо бы придумать историю об этом доме.

— Не знаю, — сказал Гарт. — Сейчас мы более чем в миле от Южного шоссе. Сюда никто никогда не заходит. Что такое колониальный стиль?

— Давно, в Старое время, когда... То время можно назвать эпохой чудес. Наверное, дом возведен более трехсот лет назад.

— Во Внутреннем городе есть дом, построенный в колониальном стиле. Его поддерживают в порядке, ремонтируют. Называется он Голландским музеем.

— Голландцы, — сказал Боско. — Еще одно название для этих проклятых индейцев. Нет, вот в Олбани я видел старый дом, думаю, вот такие и называются колониальными, только правительство не разрешает входить внутрь.

Солайтер задрожала в кольце рук Деметриоса. Бабетта сделала знак Колеса.

— А, все это были обычные люди, — сказал Деметриос. — И все они давно умерли. А это просто дом, сопротивляющийся действию времени. — С криком из слухового окна вылетела сова. Через двор в лунном свете пронеслась тень. — Крепкие эти стены, Гарт?

— Крепкие... Камень. Все, что было внутри из дерева и пластмасс — разрушилось. То, что не совсем разрушилось, наверное, унесли люди. Шифер с крыши тоже, сзади его сняли почти полностью... Эй, Фрэнки, не надо! — Но Фрэнки уже с важным видом подошел к дверному проему и крикнул, подражая воплю совы:

— Эй, вы, ху-ху! Кто-нибудь из ху-ху дома? — На оклик Гарта он возразил: — Разве мы не собираемся войти внутрь?

На протяжении трех веков в доме царила тишина. Слышно было лишь бормотание ветерка да шуршание какой-то мелкой живности, устроившей за прошедшие столетия здесь свое жилье. Профессор — наготове — встал у проема, рядом с Фрэнки.

— Нельзя ли как-нибудь разжечь свет? — проворчал Боско. — Я бы не возражал, если бы стало хоть чуть-чуть светлее.

— В моем мешке есть огниво, — сказал Гарт, — и можно изготовить сосновые факелы.

— Солайтер может зажечь огонь, — сказала Солайтер.

— Прекрасно. — Деметриос понял, что все они, включая его самого, ждали согласия Ангуса. Укрывшись широкой курткой Ангуса, Солайтер зажгла огонь. Огонь высветил золотом их — одно возле другого — лица. Солайтер как бы впала в транс. Гарту пришлось коснуться ее руки, напоминая о факеле, который он держал наготове.

Это было хорошо продумано — сосновые сучья с туго намотанными на них тряпками. Только нужно время от времени пропитывать тряпки соком сосны... Скипидаром, если вы настаиваете. Сучья были обструганы, так что их можно было вставить в специальное приспособление с пазом вроде подсвечника. Его можно было при нужде воткнуть в землю или прикрепить к стене. Вокруг паза — защитное кольцо, как на рукоятке рапиры. Кольцо предназначено защищать держащую факел руку. Хороший факел горит ярко и достаточно ровно. И достаточно долго. В эру электричества факелы могли производиться в массовом количестве — для продажи, как предметы старины. История свидетельствует, что ничто бесследно не пропадает. Все, что касается огня — тоже.

Гарт поднял вверх свой факел. Вслед за ним Друзья вошли в дышащее тишиной здание.

ГЛАВА 10. ...ЕСЛИ Я СМОГУ НАУЧИТЬ ВАС НАБИРАТЬСЯ СО МНОЙ ТЕРПЕНИЯ...

Многие полагают, что все уже сказано и сделано. Вы придумали что-то новое — и вас приветствуют и даже снимают перед вами шляпу. А потом снова говорят, что все уже сказано и сделано.

**Эжен Делакруа,
дневник, 1824 г.**

Сосновый факел Гарта, воткнутый в камин, освещал лицо Ангуса, сидящего рядом с вытянувшимся на полу Факелом. Деметриос сонными глазами смотрел на дорогие ему лица. Что такое яд ревности, вводящий во грех и заставляющий человека чувствовать себя владельцем другого человека? Наверняка старый человек способен сохранить свою душу чистой от этой дурости — по крайней мере, когда его окружают преданные друзья. Неизбежна ли боль потому, что среди них есть тот, кто любит, и та, кого любят? Нет, конечно. Для Ангуса и Солайтер в любом случае разница невелика: через какое-то время они будут охвачены любовной лихорадкой. Деметриос вспомнил, как нечто подобное этому вспыхнуло когда-то между ним и Элизабет из Хартфорда. Может быть, и по сию пору этот огонь не угас бы, если бы Элизабет не умерла. Смерть задула пламя любви, и сейчас Деметриос понял, что не может даже вспомнить, какого цвета были у нее глаза.

Лютня Профессора разслала вопросы по затянутым паутиной углам. И — словно играя в прятки — ей отозвалось эхо. Маленький факел освещал потолок огромного помещения. Потолок казался бесконечным. Солайтер сидела на одеяле рядом с Деметриосом. По другую ее сторону, по-турецки скрестив ноги, сидела Бабетта. Ее пухлая тень танцевала на стене рядом с тенями Ангуса и Солайтер. Если Деметриос повернет голову, он увидит широкое доброе лицо Бабетты. А

когда они уйдут через джунгли на запад, он потеряет ее, ему нужно быть готовым к этому. Он потеряет мэм Эстеллу, девушек, даже сам Набер. Город, которому он отдал сорок семь лет своей жизни. В котором у него было свое место.

Пока Гарт и Фрэнки вели наблюдение, Боско, умевший с удобствами устроиться где угодно, завернулся в шерстяное одеяло Гарта. Потом караулить будут он и Ангус — до рассвета. Ангус предупредил, что утром они, скорее всего, уйдут по лесной дороге, отходящей от дома на юго-запад. Дорога шла параллельно Великому Южному шоссе. Само Южное шоссе было небезопасно для беглецов — пока они не перейдут границу Катскиля. Когда-то, бежав из дома, Гарт и Фрэнки прошли мимо по этой дороге. Тогда их мать была еще жива. Любовь к ней и угрызения совести заставили их вернуться обратно.

Деметриос уснул раньше, чем угас последний язык огня факела. Паровоз с пузатой трубой мчался на запад. На запад, за Абереда. Он грохотал, кашлял, плевался грязью. Паровоз остановился у водокачки. Человек (на груди у него было вышито имя: Авель Каин) предупредил машиниста:

— Осторожно, воды ужасающе мало. Дело в том, что ее взяли, чтобы покрыть ею землю, и осталось ее мало. Нельзя повернуть стрелку часов обратно ко временам Ноя, нет, сэр. Вероятно, никто не узнает, где он, пока не настанет... э... водяная смерть.

Я, автор, очень хорошо знаю, где нахожусь. Проблема состоит в том, чтобы понять, где меня нет.

Женщина с рыночной корзиной протянулась поверх плеча Деметриоса — спрашивала у глухого фермера:

— Что сказал этот человек?

Печальная маленькая девочка с аденоидами и геморроем глядела на Деметриоса. Она не ведала, что такое улыбка. Деметриос ответил вместо глухого (а может, только хотел ответить):

— Мы едем в Гестервилль. Мы там увидим, что воды мало.

Женщина не слышала его, мать печальной девочки с отворачиванием смотрела сквозь Деметриоса. Но это был уже Гестервиаль. Все в Гестерви-и-иль!

Пути, кроме как вниз, в гладкую зеленую воду, не было. Вниз, вниз. Станция неясно вырисовывалась в глубине вод. Поезд с пытением промчался вдоль набережной. Пассажиры выплывали и опускались вниз — как и сам Деметриос. Выплывали из открытых вагонов, где сиденья были плетеные... открытый воздух, заполненный дымом воздух, нет воздуха... Пассажиры медленно плыли вглубь, в зеленую воду. В зеленой воде-воздухе спокойно стояли какие-то белые фигуры. Темные фигуры брели куда-то неизвестно зачем... мы все живем в темноте, разве не так?.. и в плотной темноте человеческой...

— Деметриос, — мягко сказала Солайтер. — Деметриос очень шумит. — Она нежно терла его лоб — как делала прежде, когда его мучили ночные кошмары. Сонная путаница исчезла. Глупый сон — как лицо, исчезнувшее в толпе. Дом был залит зыбким светом. Деметриос не мог понять, то ли это рассвет, то ли свет заходящей луны. Ангуса нигде не было видно. Там, где прежде сидел Ангус, Деметриос увидел пересекающий стену шрам: штукатурка отвалилась, обнажив дранку. Пятно формой походило на Северную Америку. Прямо перед ним висел паук — большой, серый. Здешний гражданин и мусорщик. Лелеял свою каплю яда и факел своей жизни. Фрэнки спал, положив голову на колени Солайтер. Спящий, он выглядел не на двенадцать, а скорее на девять лет. Ангус и Боско караулят.

— Это лунный свет?

— Нет. Начинается день. Поет птица, она тихо говорит: моя любовь может спать.

— Это малиновка, — сказала Бабетта. Она говорила так же тихо, как Солайтер, из боязни разбудить Фрэнки. — Скоро, несмотря на туман, я смогу разглядеть дорогу обратно.

— Вы не можете пойти с нами? Нет, я знаю, что вы нужны мэм.

— Я должна быть с нею. Можно я ей скажу, что вы вернетесь обратно? О, разумеется, я так ей и скажу. Я имею в виду: будет ли в моих словах правда?

— Откуда я могу знать? Да и разве старики когда-нибудь возвращаются?

— Стыдно, Димми! — Бабетта затрясла его за плечи. — Стыдно впадать в такое уныние! Придите в себя, перестаньте мучить себя дурацкими мыслями!

Ежась от утреннего холода, Деметриос сел.

— Да... Да. Нам нужно найти место, где не станут требовать лицензий на рассказывание историй.

При свете дня он оглядел древнее помещение. Когда-то, наверное, это был зал для приемов, где собирались мелкопоместные дворяне в париках и штанах до колен. Лестница, изгибом ведущая во тьму второго этажа, обвалилась, верхняя площадка рухнула. Вероятно, обрушили лестницу время и вода, стекавшая через дырявую крышу. Там, где лестница обрывалась, внизу громоздилась куча штукатурки и сгнившего дерева.

— Нам нужно найти место, где люди, стараясь улучшить жизнь, не ухудшают ее.

Солайтер кончиками пальцев, не будя Фрэнки, с нежностью гладил его кудри. Он шевельнулся, задвигал бедрами по одеялу. И снова затих. Приоткрытый рот — как поэма Эроса.

— Солайтер должна сказать... Солайтер беременна.

— О...

— От Деметриоса, — сказала она, улыбаясь ему. Свет дня делался все сильнее. — Она хотела этого. Она знает свой календарь. — Из тени смеющейся зазвенела лютня. — Уже месяц, как она и Профессор забавляются только игрой. Пайсан говорил, что ему хотелось этого. Семя — Деметриоса.

Элизабет из Хартфорда, ее бесполезные мучения, ужас рождения и двойной смерти... Но даже тогда были хоть какие-то шансы, на их стороне был закон больших чисел: наследственность Элизабет давала определенную вероятность, что ей удастся преодолеть наложенное двадцатым веком проклятие.

Но разве не считается, что большинство родов проходят нормально: три из пяти... Когда вообще случаются роды... а

в противном случае как бы удалось спастись человечеству от полного вымирания?

— Солайтер... Моя любимая Солайтер... Два месяца? Три?

— Почти три, — гордо сказала Солайтер.

— Мы уйдем из Катскиля, найдем безопасное место, где сможем обожждать, когда придет твое время. — Безопасное место — где оно? — Бабетта, дорогая, порвите с авраамитами. В Городском управлении меня спрашивали об авраамитах, работающих у мэм Эстеллы. Я, конечно, ничего не сказал. Фрэн следовало бы бежать из города.

— Предоставьте это мне. Не беспокойтесь. — И добавила странное вырежение, сохранившееся от Старого времени — его еще использовали, когда хотели возразить: — А вы — занимайтесь своими делами, Димми.

Вошел Ангус. Гарт, стоявший на коленях возле Фрэнки и Солайтер, поднялся.

— У нас все в порядке? — спросил Ангус. Гарт походил на сказочного принца, глаза его спали. Ангус неожиданно взъерошил волосы Фрэнки. Спросил — подчеркнуто внимательно — у Деметриоса: — Отправляемся в путь?

Солайтер разожгла в очаге огонь. Бабетта поджарила хлеб и грудинку. Кроме того, Бабетта прихватила с собой то, без чего нельзя отправляться в путешествие: крупу и сухие фрукты, копченое мясо, сухари, фляжку вина. У Ангуса с собой были деньги. Гарт, Боско и Фрэнки заявили, что будут охотиться и ловить рыбу. Глядя уходящим вслед, Бабетта даже всплакнула немного. Они уходили в утренний туман, который и сбивал их с пути, и служил прикрытием. Шли дорогой, которая могла увести их в любом направлении, а может быть, дорога вела в никуда. Бабетта смотрела им вслед — остроглазым, зорким Гарту и Фрэнки, старому, странно изменившемуся теперь приятелю Деметриосу, прекрасной девочке Солайтер, загорелому Ангусу, массивному с мягкой походкой чужаку Боско. Солайтер опиралась на дубовую палку, как-то по-смешному похожую на посох Деметриоса. (Она, потерявшая, быть может, больше всех, — казалось, она была счастлива, что уходит). А сколько лет на

самом деле Солайтер, Бабетта не знала. Серый пес Ангуса казался частью его самого. А Боско — Бабетта решила, что он человек непростой: его настороженное лицо ничего не поведало ей о его внутренней жизни. Глядя им вслед, Бабетта шмыгнула носом, вытерла последнюю слезу тыльной стороной ладони и безутешно побрела обратно — занять свое привычное место в этом мире.

Но много позже она присоединилась к нам. Об этом я расскажу, если смогу научить вас набираться со мной терпения.

Суббота, 20 июля.

Итак, они ушли в туман, как сказала Бабетта, ушли на восходе солнца, они ушли из дома, о котором тот мальчик сказал нам, когда он пришел сюда, когда он был в беде. Я лучше не буду писать ни того, какой дорогой они ушли, ни как его зовут, потому что может кто-нибудь прийти и прочитать мою книгу — до того, как я сожгу ее. А этого бы мне не хотелось делать, потому что было бы глупо так поступить с Историей моей жизни. Я не хочу делать этого, но нужно, чтобы эти бандиты не получили информации. Бабетта сказала, что Д. сам сказал, что он вернется обратно.

Он тоже вернется, одетый в радугу, они будут по сравнению с ним совсем дураками, а он выгонит их из Храма, как это сказано в Книге... О, как мне продолжить!.. А он был просто мой старый Деметриос, который работал дворником, и никогда никому не доставлял беспокойства. А если он специально для меня сказал, что вернется обратно? Он всегда поступал так, чтобы другим людям не было от этого плохо, а ему лучше было бы всегда говорить прямо, а он все рассказывал истории. Они ушли в туман, и может быть, у них даже нет достаточно пищи... Ладно, этот Гарт хороший мальчик, и может быть, в Солайтер больше разума, чем я думала, и она не станет для них обузой. Ладно, пусть я буду думать о чем-нибудь другом, например, о том месте на дороге — это когда я ушла из Райффорда.

Я пришла сюда не по желанию, это было в основном вынужденно. На дороге всюду были столкнувшиеся автомобили, а в них — мертвые люди. Мой шофер был не так уж плох, он сказал, что его зовут Элом, и что он вел десятиколесный грузовик с мороженой рыбой в Нью-Йорк. Он сказал, что на всей дороге какой-то сумасшедший дом, это был взрыв Бомбы, ему пришлось съехать на своем десятиколеснике с набережной, чтобы не с толкнуться с «Фордом», который вел какой-то ненормальный. Форд мчался прямо на него, и он повредил голову, я имею в виду моего Шофера, но он выбрался и пошел прочь оттуда, а вся мороженная рыба там так и осталась. Несколько дней мы были вместе, и мы шли на запад, потому что он сказал, что у него есть знакомые в Рочестере, а мне не было разницы, куда идти, все равно надо было куда-то идти. Когда ему хотелось этого, он укладывал меня на обочине дороги и делал это, не обращая внимания, что кто-то может пройти мимо, меня прохожие тоже не заботили, я просто тихо лежала и смотрела в небо — пока он не кончит, а ему всегда нужно было только одно: туда-обратно. Он добывал для меня пищу и однажды отбил нападение то ли двух, то ли трех бандитов, которым хотелось получить то, что у нас было. А в Биконе его застрелили и ограбили. Я переправилась через реку на моторной лодке с какими-то сумасшедшими, которые думали, что это Море Галилейское и что они видели Спасителя, идущего по водам. Лодка во время шторма с дождем опрокинулась, и они, ослы, пошли на север. Я пошла с ними, шла вплоть досюда.

Мне не хочется писать о том, как я стала заниматься этим. В любом случае, я пришла в Набер случайно, я не собиралась сюда прийти. Основатели уже начали приводить здесь все в порядок, был устроен постоянный лагерь со специальными чиновниками, которые говорили людям, куда им идти и что делать. Это всегда есть разница, когда людям есть, чем заняться, а не просто болтаться вокруг да около, как те сумасшедшие со своим Морем Галилейским. Мистер Флур был одним из таких чиновников, он работал по прямым указаниям Симона Бриджмена. Я помогала в работе с беглецами, варила им горячий суп и делала перевязки, а когда через два-три

месяца правительство Бриджмена решило организовать публичные дома, мистер Флур был первым.

Мистер Флур был добр со мной, он был моим другом. Ему не нужны были женщины, хотя он нравился им. Наверное, женщине легче понравиться, если ты ее не хочешь. Он говорил, что было бы не так уж плохо разрешить оба вида секса, потому что это бы послужило бы доказательством, что люди все равно этим заниматься не будут. Д. иногда говорил похожее на то, что говорил мистер Флур.

Мистер Флур был маленьким, похожим на воробья, он был меньше, чем я, но я всегда относилась к нему с большим уважением, и он говорил, что у меня хорошая деловая голова и чувство порядка. Раз-другой я видела, как он вытаскивал из ножен свой нож, который всегда носил с собой, чтобы, когда нужно, сохранить в доме порядок. Но я никогда не видела, чтобы он был вынужден пустить его в ход, людям достаточно было его слов, и они успокаивались.

Когда убили Симона Бриджмена, я думала, что это почти как убить самого мистера Флура. Он был вне себя от горя. Он мог смеяться над некоторыми идеями Симона Бриджмена и критиковать их, но никто для него не был лучше его, они были друзьями, и я верю, что он действительно считал Симона Бриджмена богом, я никогда не замечала, чтобы он думал о ком-нибудь еще так же, как он думал о Симоне Бриджмене. Две недели он только пил. А потом он стал таким, как будто из него вынули душу, он стал внутри вялый и слабый. Он говорил, что цена всему миру — меньше, чем стоимость кучи дерьма... говорил это, разумеется, не на людях, он всегда был вежливым. Ну, со временем он как-то выправился, но никогда уже не стал вновь таким, каким он был при жизни Бриджмена.

Иногда у него появлялось желание поговорить со мной о клиентах, которых я обслуживала. Он смеялся, что у него появлялось даже что-то вроде румянца — не из-за самого по себе этого дела, а из-за того, как я об этом рассказывала. Я не возражала.

Так продолжалось несколько лет. Мистер Флур вел дела хорошо. Посетителей у нас было много... Удивительно, как часто людям ничего не надо — только поговорить, и может

быть, им иногда нужно еще кое-что, чего они не могут сделать со своими женами и так далее, а если б могли, то и этого им, вероятно, было бы не нужно. Уходя от нас, они чувствовали себя лучше, во всяком случае — спокойнее. Мистер Флур говорил, что с идеалистической точки зрения мы — предприятие общественного пользования, действительно, наш дом служил общественным интересам.

В 11 году Набер поразила оспа. Мне кажется, что кто-то занес ее к нам извне. Мистер Флур говорил, что все плохое приходит извне, а внутри всегда безгрешно, как на необитаемом острове, не знаю, что он этим хотел сказать. Две наши девушки умерли, а мальчик, которого мистер Флур особенно любил, хоть и выздоровел, но после болезни у него лицо оказалось изрытым, как сыр, он не смог больше оставаться у нас и ушел, наверное, он вообще ушел из Набера, потому что мистер Флур измучился, пытаясь разыскать его, но так и не нашел.

Во время оспы он также много помогал больным, и я считаю, что в Старое время он был врачом, и очень хорошим врачом. Но сам он никогда не говорил этого. И когда с кем-нибудь знакомился, то вытягивался во все свои пять футов и два дюйма роста и говорил: «Я — мистер Флур». И слово «мистер» произносил так, что в нем будто звенел лед.

Когда оспа закончилась, можно было заметить, как тяжело на его душу давит память о Старом времени. Ну и о мальчике Шауне, том, который ушел от нас. Мистер Флур не хотел больше говорить со мной о клиентах, но он расспрашивал меня о Райфорде, о Сэме, Стиве и Леде. А иногда спрашивал о Маркусе. Он сидел рядом со мной, пока я рассказывала, и гладил меня, если я начинала плакать. Потом однажды ночью мистер Флур сказал мне, что он написал завещание, по которому дом и лицензия перейдут ко мне, если с ним что-нибудь случится. Все, что мне нужно будет сделать, это сходить в Городское управление, все нужные записи уже сделаны, не будет никаких затруднений, и еще он сказал, что ему было бы очень приятно, если бы маленькую комнату, где он спал, я сохранила бы такой, какой она была при нем, и чтобы в ней остались картины, нарисованные Шауном, и чтобы я никогда не использовала ее для приема

посетителей. Разумеется, я сказала, что все это сделаю, и так это навсегда при мне и осталось, только я иногда захожу в эту комнату, просто чтобы посидеть и отдохнуть, только картин там осталось лишь две, они странные, я знаю, что у Шауна были еще другие картины, но сейчас их там нет. Да, на одной картине Святая Дева, только дитя у нее — тряпичная кукла. А на другой картине нарисована большая породистая лошадь, и лошадь как бы взбирается на радугу. Лошадь вся желтая и фиолетовая, и невозможно понять, как лошадь может выглядеть подобно этой. Однажды я показала Деметриосу эту комнату, и он сказал: «Боже всемогущий, что стало с этим мальчиком?» Все, что я могла сказать ему, так это то, что он ушел и мы так и не смогли отыскать его.

Так вот, мистер Флур сказал насчет завещания, и еще он сказал, что у меня хорошая голова, и что я не должна больше плакать о Маркусе, потому что этот плач делает меня не такой хорошей, и что все пройдет, как зажил шрам на моей ноге... ну, шрам остался, но мистер Флур считал, что он хорошо зажил. Он умер, лежа в кровати. И он перед этим (это я точно знаю) совсем не пил. Мы вошли к нему утром и увидели, что он мертвый, он выглядел совершенно как умерший естественной смертью, а потом заметили, что между ребер у него торчит его нож.

Он не был старым, не был больным или еще что-нибудь. Я не понимаю, как человек может сделать такое — не важно, как бы плохо ему ни было... и верю, что это выходит как бы не нарочно, наверное, не нарочно, разве людям не интересно всегда узнать: что произойдет дальше?

Весь день лесная дорога вела Друзей к югу и к юго-западу. Вокруг стояла удивительная, непривычная ушам Деметриоса тишина. В Набере, даже в ночной тиши, всегда можно было, по крайней мере, расслышать поскрипывание деревянных стен и балок домов, мышиное шуршание, иногда — звук падения прогоревшего куска угля сквозь решетку камина, мяуканье кошек и лай собак, чей-то шепот, шаги. Днем улицы были беспрерывно заполнены звуками — визжали тележные колеса, стучали копыта, кричали ослы и

вопили уличные разносчики. А здесь не было даже ветра. За весь день туман так и не рассеялся, он просто поредел, и с неба лился водянистый свет, позволяя хоть как-то видеть дорогу. В полдень остановились. Друзья скорее ощущали, чем видели, что солнце в зените. Деметриос спросил Боско, всегда ли джунгли заполнены такой тишиной. «Мне стыдно за мое невежество, — сказал Деметриос, — но в Старое время джунглей не было — разве что очень далеко от известных мне мест. А потом я все время жил в этой теплице — в Набере. Вокруг все зарастало джунглями, а я знаю о них лишь понаслышке».

— Всюду, где пролегает дорога, даже такая заброшенная, как эта, — сказал Боско, — там еще не настоящие джунгли. Подлинные джунгли — это когда с трудом пробираешься от дерева к дереву и стараешься запомнить, как будешь возвращаться назад. Вот через такие джунгли, если хочешь срезать дорогу, приходится пробираться на западе Мохы, вблизи Онтарио. Мне самому непонятна эта дорога. Никогда не видел, чтобы лесная дорога шла так далеко — и ни одного наследного пункта. И не встречал, как вы сказали, такой тишины. Мы должны бы слышать зверей, а не только птиц, как все это время. Наверное, причиной этому туман. Сырость. Понимаете, звери чувствуют запах нашего пота и прячутся. Все живое боится человека... разве не странно?

— Чудные оленьи следы, — сказал Фрэнки.

Боско глянул на его брата. Во взгляде его было терпение.

— Это не оленьи следы, Фрэнки. Их оставил кабан. И большой — секач.

Солайтер обессилено сидела между Профессором и Ангусом. Услышав, что сказал Боско, она задрожала. Весь день она шла пешком, и первоначальный энтузиазм — с момента встречи с Деметриосом — растворился в усталости. Боско заметил ее тревогу.

— Не бойтесь, — сказал он. — Кабан не нападает, если только не подумает, что на него охотятся. Или если человек не ломится в то место, которое он считает своим. Кроме того, след оставлен еще вчера.

Ангус, глядя на Солайтер, кивнул:

— Факела след не заинтересовал. Будь запах свежий, он бы рвался в погоню. Хотя и словил себе на завтрак утром кролика.

— Убил такое маленькое существо. — И все же рука Солайтер с любовью гладила свирепую морду Факела.

— Он должен убивать, чтобы жить, — сказал Ангус. Ему было чуточку не по себе: реальный мир плохо соотносился с натурой этой женщины.

— Солайтер знает это, — сказала она. — Люди тоже. Мясо — это хорошо. Все жестокие. Звери. — И услышав ее тихий, захлебывающийся смех, Деметриос ощутил страх. Сейчас она, не владея собой, разрыдается. Будет почти беззвучно плакать. А руки будут лежать на коленях ладонями вверх — будто ждет милостыни — и никто не знает, что же это за милостыня. И как ее дать.

Профессор тоже слышал этот смех. И прежде, чем полился поток слез, он обнял ее тихонько — так обнимают попавшего в беду ребенка. Ангус в недоумении уставился на Деметриоса. Но пока Солайтер охвачена горем, нельзя ничего говорить, а если отойти с Ангусом в сторону для объяснений (это пройдет, и надо принимать Солайтер такой, какая она есть), она все будет смотреть им вслед, а потом может последовать взрыв ярости. Поскольку она умеет впадать в ярость, хотя никому и никогда эти взрывы не приносили вреда — разве что настроение испортится. А став свидетелем этого, будет ли Ангус по-прежнему ей поклоняться?

Гарт и Боско в замешательстве косились в сторону. Но Фрэнки, просле первого мига тревоги и непонимания, быстро сунул руку в притороченный у бедра мешок. И вытащил оттуда деревяшку («Яблоневое дерево», — подумал Деметриос), а на ней — восхитительная резба. Лежащий олененок, свернувшийся, словно спящий котенок, но глаза — открыты. Вещица была не больше японской нэцкэ с изображением смеющейся старухи, которое когда-то, давным-давно, лежало в числе прочих чудес на письменном столе доктора Исаака Фримена. Фрэнки вложил олененка в ладонь Солайтер.

— Это сделал Гарт, — сказал он. — Наверное, вам понравится. Сам я таких красивых вещей делать пока не умею.

Слезы перестали литься, пальцы схватили олененка.

— Фрэнки... О, какие у него глаза!

— Если хотите, оставьте его у себя, — сказал Фрэнки. — У меня еще будет тысяча таких. Он, мой брат, делает их все время...

К началу вечера Друзья достигли места пересечения лесной дороги с замощенной дорогой Старого времени. За пересечением лесная дорога шла дальше — и терялась в тумане. А дорога Старого времени казалась такой заброшенной, такой бессмысленной, что казалось, она имеет меньше отношения к Человеку, чем тропа, по которой они сюда пришли. На лесной дороге они могут найти следы телеги, проехавшей неделю или две назад. А дорога Старого времени фактически уже давно исчезла под густой растительностью, ее черная тусклая поверхность была сплошь покрыта травой и кустарником. Когда-то мороз, землетрясения, время привели к образованию крошечных трещин. А потом растения пробились сквозь них, и трещины стали большими. То здесь, то там виднелись тянущиеся вверх деревца. Пройдет не так уж много лет, и исчезнет сама память об этом дороге. И нигде на зеленом ковре не было видно ни единой оставленной людьми отметины. Наверняка дорогу неоднократно пересекали животные, но они проходили — и трава поднималась. Никакого видимого следа не оставалось. Вероятно, любой человек, который увидит такую заброшенную дорогу, ощутит озноб при мысли о духах и постарается как можно быстрее убраться отсюда. Но Ангус сказал:

— У меня в голове нечто вроде компаса. Наверное, такое выражение будет наиболее правильным. Вертите меня как угодно — я все равно каким-то образом пойму, где запад. Нужно только, чтобы было немного света, дневного или лунного — безразлично. Мой компас не действует лишь в полной темноте. Когда я был маленьким, я пользовался своей этой способностью, чтобы удивлять членов моей семьи. Так вот, мой компас говорит, что в течение последнего часа лесная дорога все время несколько сворачивала к востоку. Впечатление такое, что она поворачивает обратно к Великому Южному шоссе, куда мы не смеем и носа показать. А вот дорога Старого времени идет точно на запад. — Он качнул своими темными, спадающими на плечи волосами.

Улыбнулся — одной из своих редких улыбок — Деметриосу: «Впереди — чую носом — Тихий океан. Всего в трех тысячах миль от нас».

«Может быть, — подумал Деметриос, — так и будет продолжаться все путешествие. Может, так и должно быть: Ангус, необычайно мудрый для своих лет, берет на себя ответственность принимать решения и приказывать. Но он очень тактичен и потому будет советоваться со стариком. В таком случае, возможно, в этой группе из семи человек будет определенная демократия, а не столкновение семи различных желаний. Демократия семи плюс Факел. Возможно, подвернется случай и ему — на свой манер — высказать свое мнение».

Вероятно, предполагает автор, именно в этот момент Деметриос — посвященный земле — и решил основать свою собственную республику. Основать, если удастся сохранить демократию. Но республике нужны матери, чтобы рожать ей сыновей и дочерей. Деметриос это знал.

Друзья прошли по Старой дороге более мили. Дорога всюду выглядела одинаково. До наступления темноты Друзья разбили лагерь на обочине. Расположились с комфортом: решили даже, что разжечь костер — безопасно. Вокруг было тихо, безлюдно. Лишь тусклый туман по-прежнему плавал в воздухе. Печальный, словно воспоминания о былом, туман. И мысль о том, что Набер может выслать погоню, казалась нелепой. Всем, даже Ангусу. «Власти Внутреннего города, — сказал он, — ничего против меня не имеют. Им мешает только, что я вообще существую. Кстати, я говорил вам раньше, что они заняты переписыванием истории? Мой дядя Симон будет иметь теперь облик не святого, а хитрого злодея, Антихриста. Святые могут оказаться чуточку неудобны для Королевской республики: рано или поздно какой-нибудь болван возымеет страстное желание следовать их примеру. А это означает, что у легавых появится чертовски много работы. — Он мягким движением повернул палкой уголки костра. — Мое исчезновение устроит их почти

так же, как... ну, скажем, внезапная болезнь со смертельным исходом или стилет в спину. Конечно, то, что я исчез, может их немного беспокоить, но я ничем не могу помочь».

— Вернется ли туда когда-нибудь Ангус?

Он долго и пристально смотрел на нее через пламя костра.

— Нет, не думаю. Мечь — это не что иное, как проявление слабости — а зачем мне еще возвращаться? Спасать авраамитов? Они уже под колесами, а я — бессилен.

— Когда-нибудь, — сказал Деметриос, — авраамиты сами станут угнетателями. Древний ритм истории. Еще одно наказание, накладываемое историей на тех, кто слишком занят ее переписыванием. На тех, кому некогда читать ее.

— Наверное, я понимаю вас, — сказал Ангус. — Нет... я не вернусь. — Он подвинулся к огню, стараясь ближе увидеть лицо Солайтер. — Я хочу быть там, куда пойдете вы. Где вы будете в безопасности. — Он говорил тихо, и нельзя было понять, сказал ли он «вы», имея в виду только Солайтер или всех Друзей. Но внезапно тишина прервалась звоном лютины Профессора, а Фрэнки, быстро обогнув костер, опустился рядом с ним на колени, зачарованно глядя на перебирающие струны пальцы. В точно выбранный миг Профессор кивнул, и Фрэнки запел. Запел сперва застенчиво, а потом все увереннее. Говорят, эта песня была сочинена не так давно каким-то уличным певцом в Бракабане. Музыка явно была создана не в Старое время, а имени ее автора никто не знал:

*Не наступит ночь еще эта,
А она уже будет согрета
Янтарным огнем твоей кожи.**

*Еще не вспыхнет заря,
А губы твои прохладой
Ночной овеют меня.*

*И все-таки все бесполезно,
И жар, и прохлада исчезнут:
Любовь умирает тоже.*

ГЛАВА 11. ОНИ УВИДЕЛИ ЗНАК «КОНЕЦ ПУТИ»

...Но у нас есть враги (он назвал их волшебниками), которые по злобе своей превратили весь мир в сплошную воскресную школу. Прекрасно, сказал я. Все, что нам нужно — разыскать этих волшебников. Том Сойер сказал, что я болван.

Марк Твен.

«Приключения Гекльберри Финна»

Весь следующий день и еще следующий разрушенная дорога вела Друзей на запад (лишь чуть уклоняясь к югу.) Туман давил, туман был полон звуков. Деметриосу казалось, что он слышит то, чего не мог услышать, чего он больше никогда не услышит — абсурдное, древнее. Вот — из-за окутанных туманом деревьев донесся вой полицейской сирены... Не совсем такой же, но все-таки «йю-йю-йю»: патрульные машины предупреждают, чтобы им очистили дорогу.

— Попугаи, — сказал Боско, — маленькие белые попугаи.

— Понятно, — сказал Ангус. — У моей матери один такой сидит в клетке.

Часом позднее сирены начали внушать страх. Они кричали о несчастных случаях, бедах, пожарах.

— Чертова птица, — сказал Боско. — Днем такое не часто услышишь.

— Пасмурный день, — сказал Гарт. — А может, ему жена наставила рога.

— Я слышал такой крик прошлой ночью, — сказал Фрэнки. — Точно такой же.

Когда через некоторое время раздался новый вопль — ослабленный расстоянием, — Деметриос мог бы поклясться, что это заводской гудок, отмечающий полдень. Он спросил:

— Сколько времени, Ангус?

Тот посмотрел на ручные часы:

— Ровно полдень, Деметриос.

Автомобильная сирена... Заводской гудок... Автомобильная сирена... Ужасающий то ли крик, то ли блеяние. Может

быть, сам туман порождает это безумие? Похоже, туман за последние полчаса начал рассеиваться. Теперь Деметриос мог видеть белый размытый круг солнца. Его свет стал уже таким ярким, что было трудно смотреть на него. Может быть, это трубил олень? Или — вылетевшая днем сова? Гарт нахмурился, Фрэнки поглядывал по сторонам вопросительно. Но никто не сказал ни слова. Крик наконец утих.

Они увидели знак «Конец пути».

— Перекресток, а? — сказал Боско.

— Господи, — сказал Гарт, — как бы я хотел научиться читать.

Боско поймал взгляд Деметриоса.

— Не знаю, что эта штука означает, но сами видите: еще одна дорога, идет с юга на север.

Дорожный знак: древний металл, буквы уже почти стерлись. А за ним — продолжение все той же дороги Старого времени, беспорядочное перемежение черных пятен и зеленого покрова. Факел обнюхал знак и задрал ногу.

— Я, конечно же, научу тебя и Фрэнки читать, — сказал Ангус. — Или Деметриос, или мы оба.

— Солайтер может научить читать, — сказала девушка. — У Солайтера когда-то были книги. Немного.

— Чтение книг ведет к тому, что человек становится недовольным, — сказал Боско.

— Я не возражаю против недовольства, — сказал Деметриос. Боско любезно пожал плечами, но не нашел, что возразить. — Давайте пойдем дальше на запад. Если там действительно тупик, мы сможем повернуть обратно.

Старая дорога неуклонно продолжала идти дальше. Может быть, это была сыгранная кем-то давно забавная шутка. Может быть, после того, как знак был установлен, дорогу продолжили дальше. Может быть, кто-то просто нес этот знак, да ему надоело, он взял и воткнул его в землю... Все может быть в этом сумасшедшем мире. Когда Друзья впервые услышали смутный рев, отозвавшийся в конечностях, во внутренностях, Диметриос подумал, что нет, это не тяжелые грузовики, разбрызгивая грязь, заполняя воздух голубоватым ядом, мчатся по шоссе, чтобы прокормить чудовищный город.

— Должно быть, водопад, — сказал Боско.

Дорога отклонилась несколько к югу. Шум уменьшился. Когда пришло время разбить для ночевки лагерь, Друзья еще ощущали передающийся через землю грохот. Но он не занимал их мысли.

Однажды, за день-два до Абередо, мне приснилось, что отец жив. Это был глупый сон. Я испугался, хотя и любил его, хотя мы были друзьями, и отношения у нас были более легкие и доброжелательные, чем обычно бывает между отцом и сыном — ведь он не был тщеславен. Будь у меня волшебная палочка, или знай я молитву, с помощью которой можно было бы вернуть Старое время — что бы я сделал?

Деметриос порывался в памяти, вспоминая карты Старого времени. До Дэлавера вроде бы им больших рек встретиться не должно. Может, они уже приблизились к нему? Жужжащий отдаленный гул — как хаос, бормочущий во сне.

Ангус взял на себя первую двухчасовую стражу. Потом караулить будут Гарт и Фрэнки, потом Боско. Последняя смена — Деметриоса и Профессора, затем начнется рассвет. Деметриос разыскал свое одеяло, но спать он боялся: не хотелось, чтобы приснился Гестервилль. По другую сторону костра сидели Солайтер с Профессором — разговаривали. Ее губы двигались почти у самого уха Профессора. На его лице без конца сменялись выражения сомнения, согласия, размышления. Он отложил свою лютню. Он редко пояснял свои мысли движениями рук, но пальцы левой руки беспрерывно танцевали по сгибу правой — Солайтер смотрела.

Ах, пайсан! Может быть, ты не разговариваешь, потому что ты не хочешь этого. Если ты слышишь других, тех, кто любит тебя, а они могут понять твои ответы — разве этого не достаточно?

Мрак посветлел, когда взошла расплывчатая луна. Над головой висела Вега, рядом — еще несколько огоньков. Странная преходящая музыка проникла в окутавший Деметриоса покой. Она пугала, она — будто играло радио в мчащемся вдалеке бесшумном автомобиле. Деметриос услышал тихий рокот мотора, шуршание шин по мокрой мостовой. 'Это случилось снова. Он видел, как в ночной тьме обрывочно вырисовываются очертания Великого Медведя. Он видел, как ветви сплетаются в черное кружево. Под порывами легкого ветерка туман явно рассеивался. А... ветерок скользит по сплетению веток — вот откуда эта щемящая музыка... Рядом с ним на коленях стояла Солайтер.

— Ангус разостлал свое одеяло возле канадской ели, — сказала она. — Разостлал и ушел караулить.

— Да. — Ее нежная рука чуть отяжелела в его ладони.

— Теперь ничего не может быть между Деметриосом и Солайтер.

— Ничего.

— Пайсан это знает тоже. Это необходимо.

— Понимаю.

— Ангус благороден. Дитя будет в безопасности под его защитой.

— Уходи к нему. Это не Старое время.

— Что имеет в виду Деметриос, говоря о Старом времени?

— А, ничего. Уходи к нему, любовь моя. — Вплоть до этой минуты он и сам не знал, достаточно ли сильна его любовь к Ангусу, чтобы сказать это. Старая мифология умерла в муках. Но Солайтер — на свой собственный манер — поймет его. Нет такой меры, какой можно измерить ее мудрость. Мудрость, которая так во многом подобна ее безумию — так сказала однажды мэм Эстелла. И было бы глупо сопоставлять мудрость и безумие Солайтер.

Голубой лед Веги неясно виднелся сквозь туман. Деметриос слышал, ощущал водопад. И водопаду существовать не вечно — до следующего землетрясения, или до следующего изменения климата, через четыре миллиарда лет — или что там было установлено наукой? Деметриос с трудом стряхивал с себя паутину сна. Боско подрасывал в костер новую

порцию дров.

— Сейчас моя смена?

— Нет, сейчас только полночь. Заступаю я. Извините, что побеспокоил вас.

— Ничего. Все тихо?

— Достаточно тихо. Гарт и Фрэнки слышали волчий вой... Вдали. Гарт сказал, что, может быть, это был просто койот.

— Вой был слишком сильный, — сказал Фрэнки и разодел свое одеяло рядом с Деметриосом. — Это был волк, одинокий волк.

— Ну, если мой маленький братец от страха описался...

— Можешь считать, что я ошибся! — чирикнул Фрэнки, устраиваясь для сна. Гарт улегся рядом. Но Фрэнки не успокоился, скоро он зашептал: — Деметриос, вы спите? Что, если я попрошу вас рассказать мне историю?

Гарт зевнул:

— Не беспокойте человека.

— Никто меня не беспокоит. — Деметриос сел прямо на своем одеяле. Ночь была холодная, его кости болели. Он не привык спать на земле. — Можно, Фрэнки. Это чистая правда: в давние дни в Перанелиосе жил юный художник, на диво искусный. Хотя... несмотря на то, что я знаю все, не могу тебе сказать, стал ли он знаменитым. Его звали мистер Джон, и он хотел рисовать героев.

— Рисовать — это вроде как петь?

— В каком-то смысле да, в каком-то — нет. — Он обнял Фрэнки за плечи. Левая рука ощутила тепло горящих веток. Тепло успокаивало боль. — Они больше похожи, чем непохожи, а рассказывание историй похоже и на то, и на другое. Мистер Джон (он был ненамного старше тебя) ничего не хотел, кроме как стать величайшим художником, из всех, которые когда-либо жили на земле. Он посоветовался с Лесным обезьяночеловеком (а это был наиболее уважаемый критик во всем Перанелиосе), и Лесной обезьяночеловек спросил его: «Хотите ли вы стать величайшим художником из всех, кто когда-либо жил на земле, или вы хотите рисовать картины?» В определенном смысле мозги у мистера Джона были что надо. Приняв решение, он сел перед Лесным обезьяночеловеком на прекрасную спелую дыню. Дыню он принес с со-

бой, чтобы подчеркнуть тот факт, что у него намного больше здравого ума, чем у большинства критиков. Если человек хочет с кем-нибудь посоветоваться, он всегда ему что-нибудь приносит. Многое зависит от того, съедят ли подарок или выпустят им в дарителя. Потом мистер...

— А он?

— Кто именно — он?

— Он съел ее или запустил в мистера Джона?

— О! Одни говорят одно, другие другое... С такого рода вещами рассказчики историй сталкиваются постоянно. Мистер Джон, как я уже сказал, хотел рисовать героев. Он думал, что это наиболее интересно (не знаю, почему именно.) Но в Перанелиосе, как и везде, проблема состоит в том, чтобы найти героев.

— А где находится Перанелиос?

— По ту сторону горы Только-не-сегодня.

— Я так и думал. Мне тетка рассказывает всякие красивые истории. И все всегда происходит там, куда ты попасть не можешь. Но... — Голос Фрэнки был теплым, сонным. — Но мне всегда хочется больше слушать истории, чем спать. Всегда.

— У меня то же самое. Мистер Джон спросил своего отца, знает ли он, где найти героев. Отец мистера Джона участвовал в войне против пиратов. Он находился на борту флагманского судна, когда флот ночью скрытно прошел через залив Гор, чтобы атаковать тайную гавань пиратов. Но он не знал, где мистер Джон сможет найти героев. И, чтобы прекратить разговор, он предложил мистеру Джону стакан пива. Мистер Джон сердито посмотрел на него и той же ночью ушел из дома искать героев. Будущая картина волновала мистера Джона больше, чем его отца. Много позднее, когда он оказался без денег, он ухитрился продать картину одному адмиралу, который знал его отца. Цена была — одна почевка и тарелку супа.

В первый же день после ухода их дома мистер Джон повстречал мускулистого юношу, который на коне, вооруженный пикой, выехал сразиться со страшным свирепым драконом. Это было как раз то, что надо. Он попросил благородного юношу:

— Не будете ли вы так любезны держать вашу пику чу-

точку более полого? О'кей, именно так. Кстати, из-за чего вы сражаетесь? Хотелось бы, чтобы был повод. Девушка, на пример, или что-нибудь вроде того».

— Мы уже послали за ней, — сказал дракон. — Но она, к сожалению, чуточку опаздывает. Она всегда опаздывает».

— Девушки в наши дни недостаточно хорошо воспитаны, — сказал герой. Он был старше, чем вначале показалось мистеру Джону. — Теперь не то, что было раньше. Давайте, не будем ждать. Правильно ли я держу пику?

— Прекрасно, — сказал мистер Джон.

— Мой другой профиль красивее, — сказал дракон.

Они застыли в выбранной позе, и так получилась наи более ходовая картина мистера Джона. Он сделал несколько вариантов — улучшал, пририсовывал девушек и так далее... Но мистер Джон все не был удовлетворен: герой, а иногда и дракон обязательно походили на него самого. Он разыскал других героев — затруднение то же самое. Люди не видели этого: они, разумеется, искали сходства только с самими собой. И — разумеется же! — всегда его находили. Но сам мистер Джон знал истину. Когда он прибыл в столицу, она начала беспокоить его еще больше.

Тогда он решил посоветоваться с Большим Каменным Лицом, которое было установлено на одном из самых красивых проспектов столицы. Оно, как критик, пользовалось двойным уважением всего народа, поскольку вообще никогда ничего не говорило. В своей обычной манере никогда ничего не говорить оно сообщило мистеру Джону, что причиной затруднений, вероятно, является сам героизм. Ему следовало бы рисовать не героев, а только наиболее знатных, храбрых и прекрасных людей — каких он только сможет найти. Он попробовал последовать совету и почему-то заработал меньше прежнего. Хотя многие милые люди говорили ему всякие милые вещи. Понимаешь, затруднение было в том... оно было в том...

— На картинах все они были похожи на него, — сказал Фрэнки. — Но люди, которых он рисовал, не видели этого, правда?

— Правильно. Через некоторое время он понял, почему так происходило.

— Почему, скажите?

— Он сам был единственным человеком, которого действительно знал. Ему могли нравиться другие, он мог рисовать их, но никого из них он не знал. Он сам был — герой, вор, нищий, дракон, святой. Я забыл сказать, что его фамилия была Каждый. Мистер Джон Каждый.

— Мне кажется, что это печальная история, — зевнул Фрэнки.

— Мне тоже. Но, может быть, после хорошего сна она не покажется такой печальной.

— Может быть, нет, — Фрэнки завернулся в одеяло, и сейчас дже долгий вздох перешел в тихое-тихое похрапывание.

Мой долг автора сказать, что когда Деметриос сидел там, подкладывая в огонь маленькие веточки, сидел там до тех пор, пока не пришел Боско и не отдал ему часы, поскольку пришла его очередь вместе с Профессором нести караул, он придумал несколько других концовок этой истории. Некоторые из них более подходили бы для Фрэнки — учитывая его возраст. Какие только чувства можем мы вызывать! Зрелость должна бы означать нечто большее, чем просто знание этой кучи дерьма различного рода, в которую дети еще не вляпались. Но как часто это происходит? Можно было бы поговорить об этом немного, но вы уже проявляете нетерпение. Я не порицаю вас... Сейчас — Одинадцатая глава, и мы бредем сквозь туман вместе с Геком Финном, Данте, вместе со многими другими.

К утру туман снова спустился. Пробираясь сквозь него, Друзья неожиданно обнаружили, что старая дорога изменилась. Идти стало легче. Дорога теперь напоминала вполне приличную, хотя и неширокую улицу. Трава была примята, хотя и не уничтожена. Молодые деревца, представляющие для дороги наибольшую опасность — срублены. Здесь велись дорожные работы, и можно было ожидать, что кто-то платил за это. Шум водопада ослабел, он неумовимо менялся по мере того, как Друзья прдвигались на запад. Сейчас шум больше походил на рев

реки, сдавленной узкими берегами. Деметриос так же четко, как раньше, ощущал вибрацию почвы.

Новый перекресток.

Через полмили — еще один, пересекающая их путь дорога шла с юга на север. И на ней — двое. Сперва из-за тумана их фигуры казались неестественно большими, расплывшимися, затем очертания стали отчетливее. Двое, седые. Несущие в клетке птицу с золотистыми перьями. Они вежливо кивнули Друзьям, и мужчина спросил:

— Направляетесь к переправе?

— Если это там, где река — да, — сказал Деметриос. Этим утром Ангус, сонный и рассеянный после ночи, проведенной возле Солайтер, попросил Деметриоса влести группу.

Женщине не понравился такой ответ.

— А где еще она может быть? — требовательно спросила она. Возможно, она подумала, что то ли Деметриос, то ли ее муж — глухие, поскольку она повторила: — Я говорю, а где еще она может быть?

Ее муж, держа клетку (другого багажа у них не было), умиротворенно улыбнулся.

Солайтер подошла ближе и, вытянув губы, защебетала по-птичьи. Птица ответила веселой песней.

— Дай его сюда, — сказала женщина. — Я сказала, дай его сюда.

Она взяла клетку (несомненно, мужчина действительно был глухой) и прикрыла ее серой тряпкой, которая была заткнута у нее за поясом. Пение прекратилось.

— Мы пойдем сзади вас, дорогие люди, — сказала женщина. — Нужно, чтобы в дороге он был спокоен.

Фрэнки тотчас отстал, чтобы подружиться с ними, но они были то ли стеснительны, то ли напуганы. (Можно ли бояться Фрэнки? Да.) Птица приветствовала приближение Фрэнки бурной песней, и они снова торопливо прикрыли клетку. Деметриос наблюдал за его попыткой, приведшей только к тому, что плотно сжатые губы женщины испустили какое-то ворчание, а мужчина слабо улыбнулся. Вскоре Фрэнки сдался и внось присоединился к Друзьям. Он был растерян и, пожалуй, несколько рассержен. Но то, что он сказал, слышали только уши Гарта. Супружеская пара шагала в десяти ярдах

позади. Больше никто не появлялся. Потом все они спустились по долгому каменистому откосу к дому перевозчика.

Дом был окутан туманом. И над водой простирался туман. Казалось, он — бесконечен. И пока Друзья не подошли к самому дому, они вряд ли понимали, что поток — совсем рядом. А потом, усиленный высоким берегом, размеренный грохот окружил их со всех сторон. Как и предыдущие дни, туман, казалось, вот-вот поредеет. Но этого так и не происходило. А если и случалось такое, то напоминало мучительное поднятие занавеса, который по какой-то непонятной и глупой причине каждый раз самовольно опускается вниз...

Если вы когда-либо участвовали в любительских спектаклях (они не претерпели заметного улучшения со времен, когда их породил флирт первобытных обитателей швейцарских озер), то обратили внимание, какая путаница неизменно происходит с этим проклятым занавесом. Он застревает, он опускается слишком рано — прямо на шею тенора, он ведет себя, как угодно, только не так, как надо... Если вообще имеется занавес. Некоторые пытаются обойтись без него, контрабандой помещая исполнителей за специально установленной для этого перегородкой. А потом какой-нибудь толстяк со звоном роняет свое копье, и когда нагибается, то задом сбивает перегородку, и начинается такое, о чем очень хотелось бы вам рассказать... У обитателей швейцарских озер всегда был занавес... Узнав обо всем этом, вы, может быть, проникнетесь некоторой симпатией к автору, чья обязанность — покончить с туманом и тому подобными материями в этой главе. (У меня даже не было времени на мэм Эстеллу.) Вы полагаете, дорогие мои, что намного проще и безопаснее было бы, будь эта книга милым остросюжетным романом с быстрым развитием действия. Вы наверняка собирались потратить свое время на чтение именно такого романа... Какая жалость...

Дом перевозчика был старый, серый. Трава возле него была вытоптана (хотя никого более возле него сейчас не

было.) Кое-где стены поросли зелеными водорослями. Сверху парус парома был мокрым от сконденсировавшегося тумана. В обращенном к берегу окне была видна ярко горящая лампа. И виден был хозяин: завтракал, макая кусок хлеба в яичную болтушку, вытирая седые усы. Его имя было написано на доске, прибитой над дверью:

**Дэлаверская переправа
(Вашингтон спит здесь)**

Р. С. Ной

Переезд стоит 10 центов

Мистер Ной распахнул дверь прежде, чем Друзья успели войти. Это был седой титан, массивней Боско и выше Деметриоса. Вид у Факела сделался такой раболопный, какого Деметриосу еще не приходилось видеть. Смелость, правда, быстро вернулась к псу, но он так и не сделал никаких попыток подружиться с мистером Ноем (хотя мистер Ной уже улыбался — на свой особый, мрачный манер.)

— Так что вам угодно? — Это был просто огромный, громогласный, грубой внешности старик в серой набедренной повязке. Усы — вымазаны в яйце.

— Мы направляемся на запад, — сказал Ангус. — На какое время назначена ближайшая переправа?

— На любое: когда вам угодно. Я не придерживаюсь расписания, будь оно проклято. По какой причине, милые мои, вы решили отправиться на запад?

— Я оттуда родом, — сказал Деметриос.

— Это не причина. Сейчас там за Пенном, кроме джунглей, ничего нет.

— Нам не по нраву то место, откуда мы идем. Кстати, мистер, не приходило ли вам слышать что-нибудь о группе, называемой Бродягами Гаммо?

— Нет.

— Мы отдельно от них, — сказала женщина с птичьей клеткой. — Эй, поддержи ее, пока я выну деньги. — Но ей пришлось дернуть мужа за рукав, чтобы привлечь его внимание. — Я сказала, поддержи клетку, пока я выну деньги.

— Не нужно так торопиться, мадама, — сказал мистер Ной. — Мы никуда не двинемся, пока я не схожу в уборную и не вернусь обратно.

— Отвратительный тип!

Но это было сказано женщиной шепотом и после того, как за мистером Ноем закрылась дверь.

— Он долго не практиковался в вежливости, это верно, — сказал Боско. — Все, что я сделал, это вежливо задал ему вопрос.

Солайтер явно была очень напугана, но при прикосновении руки Ангуса, обнявшей ее, обмякла — глядела на него с доверием.

— Знаете, я не уверен, что мог бы поладить с этим парнем, — сказал Боско.

Фрэнки засмеялся.

— И не пытайся, человек», — сказал Деметриос. Фрэнки перестал смеяться и подошел к Гарту, который в эти секунды был самым спокойным из Друзей.

Мистер Ной вернулся и зашагал к пристани. Там он встал, преградив проход к его жалкой лодке, и протянул раскрытую ладонь. Женщина пошла первой. При этом она успела ожечь взглядом Ангуса, хотя тот уже отступил от нее в сторону. Женщина положила десятицентовую монету в ладонь мистера Ноя.

— У меня только половина того, что вы требуете. Плата за проезд возмутительно высока. Мы думали, что придется заплатить только десятицентовик.

— За половинную плату я могу довезти вас только до середины реки, — сказал мистер Ной.

— Никогда мне не приходилось слышать такой чепухи!

— Но за вторую половину оплаты я могу взять себе вашу птицу. Миленькая маленькая птичка, мне будет с ней веселее.

— Ну... ладно. Отдай ему клетку. — Ее муж вежливо улыбался сквозь туман. — Я сказала, отдай ему клетку. — Она вырвала ее у мужа и передала мистеру Ное. Мистер Ной снял тряпку.

Птица скосила один глаз на мистера Ноя и нежно запела.

— Во! — сказал мистер Ной. — Во теперь!

Когда платил Ангус, он все еще восхищался своим приобретением, но все же оказался достаточно внимательным,

чтобы заметить, что десятицентовиков — восемь. Один он отдал обратно. «За пса платить не надо. Он убил уже пару крыс, этим он более чем оплатил свой проезд». Наблюдая за странной супружеской четой, бредущей, спотыкаясь, к лодке и заранее искавшей местечко посуше, Деметриос заметил какие-то рыже-серые тени, с молниеносной быстротой мечущиеся под прикрытием травы и кустарника.

— Он хороший крысолов. В последнее время крыс стало ужасно много.

— О, для крыс он — смерть, — сказал Ангус.

— Клянусь Богом, я смог бы сделать из него лучшего крысолова на всю округу.

— Я никогда не смогу продать его.

— Не берите в голову. Он все равно может переправиться бесплатно. — После этого мистер Ной ничего не сказал. Он расправил мокрый парус, оттолкнулся и засвистел, призывая ветер. Что ж, ветер действительно начал дуть, и как раз попутный — примерно за пять минут до того, как засвистел мистер Ной. Под порывами ветра туман начал редеть, превращаясь в лениво плывущих духов и призраков. Стал виден путь; парус возвышался над серой водой...

Это зрелище всегда было чрезвычайно волнующим для мистера Ноя, в противном случае «Компании Дэлаверская переправа» вряд ли удалось бы удержать его на этом месте так долго. И если бы ему так не нравилось делать вид, что небольшое изменение метеорологических условий является ответом на его свист, происходит по его личной воле пожарателя ящ. Я полагаю, что он вправе позволить себе это маленькое тщеславие — особенно потому, что мною почти закончена эта часть книги. Часть, посвященная туману. В целом, вы были очень терпеливы, что весьма мило. Благодарю.

Факел убил крысу, а птица с золотыми перьями энергично запела... А потом: солнце уже светило так ярко, что можно было видеть ели и ивы противоположного приближающегося берега. Великая река, пусть и не самая широкая в мире.

Когда переправа закончилась, оставшегося позади берега не было видно. Не из-за ширины реки, а потому что он был затянут туманом. Очевидно, туман являлся неотъемлемым атрибутом этой местности. Они смотрели, как мистер Ной поворачивается на этот окутанный туманом берег. Деметриосу показалось, что он слышит, как поет золотая птица.

За пристанью продолжалась дорога Старого времени. Здесь она была в лучшем состоянии. И тумана тут не было. Каждая ветка, каждый мельчайший камешек и травинка были омыты ясным теплом полудня. На первом же перекрестке женщина сказала:

— Нам — по этой дороге.

И потащила своего мужа за руку — он застенчиво кивнул Деметриосу. Женщина с мужчиной ушли.

Друзья прошли еще с четверть мили. Каждый был погружен в собственные думы. Вдруг Солайтер остановилась, глаза ее расширились. Она все время шла рядом с Ангусом, поглядывая на него, хотя их руки ни разу не соприкоснулись. А сейчас она повернулась и побежала обратно. Бежала, сокращая путь, прямо по бездорожью. Из всех сил швырнула свою дубовую палку вслед ушедшей чете.

— Дураки! Идиоты!

Она попыталась выкрикнуть еще что-то, но задохнулась от подступивших к горлу рыданий.

Деметриос первым догнал ее, бережно схватил за плечи. Иногда в припадке ярости она начинала рвать на себе платье, царапать руки ногтями. Он почувствовал, как она вся сжалась. И еще больше сжалась, когда Ангус взял ее за руки. Но не пыталась освободиться.

— Что, если птица сейчас умирает? Она...

— Мне кажется, — сказал Ангус, — сказали, что это самец.

— Пусть он. Но он пел для Солайтер. Он пел для Фрэнки.

— Солайтер...

— Что ты этим хочешь сказать? Кто такая Солайтер?

О, Деметриос, Деметриос, что если Солайтер лишится своего безумия? Что будет делать Солайтер, лишившись безумия? Не было никакого группового изнасилования бандитов, Деметриос. Да... Да, она просто заблудилась. Она жила в Бракабане, пошла за город и потерялась, глупая тварь... Она

не знала, как вернуться в Бракабан и уходила все дальше... Потому что ее проклятая глупая мать приказала выгулять эту проклятую глупую собаку. Потом она должна была вернуться обратно, в дом, где мой...

Ангус растирал ей руки. Они, тесно сплетенные, расслабились. Ангус сказал:

— Когда перевозчик отплыл, птица пела.

Солайтер кивнула, улыбнулась — ослепительно, разумно. Но память уже захлопнула дверь, которую взрыв ярости приоткрыл на короткое время. Это было все, что узнали друзья о том мире, из которого пришла Солайтер. Фрэнки приносил ей ее дубовый посох, и она взяла его.

— О, Мозги-что-надо, — вздохнула она, — на следующем привале мы начнем изучение букв. Солайтер предупреждает, что это нелегкое дело.

— А что легко?

— Вот мой друг. Теперь Солайтер хочет музыки.

Друзья шли, а она раскачивала свою палку в одном ритме с посохом старика. Она шагала, взявшись с Деметриосом за руки. Но походила на свободный и ни от кого не зависящий дух. За ними, наигрывая маршевую мелодию, шел Профессор. Фрэнки, изображая барабанщика, вылез вперед. Вынув из мешка оловянную тарелку, он лупил по ней ложкой и под музыку Профессора распевал древнюю песню:

Мадемуазель из Армантьера, парле ву?

Мадемуазель из Армантьера, парле ву?

Ей лень бывает почистить колени,

Зато на спину ложится без лени,

Хинки-динки, парле ву!

(Иногда стихи не погибают, но этого не знал даже Фрэнки.) Гарт свистел, а временами и сам начинал петь. Ангус изо всех сил дул в зажатую между большими пальцами трувинку. Боско колотил себя в грудь и шлепал по бедрам — бум! — он изображал бас-барабан. А Факел, изумленный и восхищенный, носился вокруг — лаял. Вот так, музицируя

(стиль великолепный, хотя и необычный), Друзья приближались к одному из городов Пенна — мирному, процветающему, несколько консервативному Троттерсвиллю.

Дорога Старого времени кончилась. За деревьями виднелась современная грязная дорога. И, конечно, — следы копыт, сандалий, тележных колес. Распевая «Мадемуазель», Друзья вышли на эту дорогу и увидели совсем рядом — низкие крыши, огораживающие пастбища заборы, залитый солнечным светом шпиль церкви. Деметриос описывал Ангусу, что происходит по другую сторону города, там, где над дорогой поднимался невысокий холм. Это был целый спектакль: люди и собаки гнали стадо к деревне. Троттерсвилль был городом свиней и кур. Закукарекал петух. Боско улыбнулся.

Как всем известно, Троттерсвилль был основан в давние времена семьей по фамилии Троттер (или Троттерс.) Но статуя на лужайке изображала свинью. Она была выполнена в присущем концу двадцатого столетия стиле и походила (если не считать южной стороны) на сапоги всмятку. Надпись на пьедестале гласила: «Мое», но была замазана шпатлевкой и закрашена. Буквы все равно проглядывали. Очевидно, здесь имело место недоразумение. С южной стороны маленькая свинья больше всего походила на перевернутые ножницы. Все флаюгеры города изображали позолоченного петуха.

Друзья отправились искать гостиницу. Ангус был уверен, что деньги Катскиля имеют хождение и здесь. По вывеске с изображением головы борова нашли постоялый двор. Кроме того, согласно средневековой традиции, над входом была прикреплена еловая ветвь, чтобы даже неграмотные могли понять, что здесь продается спиртное. Деньги Ангуса действительно оказались пригодными. Комната на чердаке устроила всех, включая Факела. Спиртное было вполне приемлемое.

Лучше всего было то, что в городе сейчас находился цирк Сойера-Финна.

ГЛАВА 12. ЭТО НАШ ДОГОВОР С ПРИРОДОЙ

*Однажды решили Нод, Винкен и Бринкен
Отправиться в плавание в старом ботинке.
Плывут по лучу световому, не тужат,
И в море приплыли, а море-то — лужа.*

Юджин Филд. Стихи детства

Хозяин гостиницы с головой борова был старый, знал многое — наверняка из выживших со Старого времени. Ему казалось, что несколько лет назад он что-то слышал о Бродягах Гаммо. Что именно и где — он не помнил. «О них могут знать в цирке: эти старые цирковые болваны бывают всюду. Джейсон Смоллвейз разрешил им остановиться на своей земле. Выступления начинаются завтра. У них даже шатра нет, просто фургоны, уродцы и всякая всячина».

— Спрошу у них, — сказал Боско. — Кто-нибудь хочет пойти со мной?

— Я пойду, — сказал Деметриос. — Как вы сказали: Сойер-Финн?

Хозяин гостиницы подтвердил: «Т. С. и Г. Ф., как они себя называют. Возможно, они действительно думают, что они Том Сойер и Гек Финн. Но не стану утверждать наверняка, сэр... Это только мое предположение».

Фрэнки и Профессор решили идти тоже. Остальные либо слишком устали, либо были не в настроении, либо заняты. Они шли через сонный город. (Весь Пенн сонный, такой уж здесь климат.) Наконец — участок Смоллвейза. Сильно пахло зверями. Фургоны образовывали широкое кольцо — почти как военная расстановка конестогских телег. Акробат (на задку трико недавняя штопка) занимался растяжкой. Паренек прогуливал двух премило выглядевших лошадей. Седой джентельмен с квадратной челюстью пробовал цирковой кнут, щелкая о землю. Мужчина с черными усами гладил двух пум (пумы были в клетке.) Толстая женщина с огорченной миной тихо греблась на солнышке.

Боско пошел переговорить к пареньку с лошадьми. Старый джентльмен обеспокоенно глянул на Друзей. «Еще один комитет решил обязательно приобщить нас к цивилизации. Никогда не видел, чтобы комитеты набрали такую силу». Но нельзя сказать, что его слова прозвучали недружелюбно.

— Я никогда и никого не приобщал к цивилизации, — сказал Деметриос.

— Вот я гляжу на вас и полагаю, что вы действительно никогда этого не делали. А кто этот мальчик?

— Я Фрэнки, а это Профессор. Он не умеет говорить, но мисс Солайтер учит меня понимать, что он думает.

Старик кивнул:

— Вам нужна работа?

— Зависит от обстоятельств, — сказал Деметриос. — Мы направляемся на запад.

— Вы тут главный босс?

— Нет, Фрэнки. Я вице-президент. Просто Г. Ф. — Он позвал: — Т. С.! Мистер вице-президент! Пришли друзья! — Лютя Профессора зазвенела вопросительно. — О, это другой вице-президент. — Лютя потребовала большего. — Президент?.. Однако, вот как вы разговариваете!.. Его сейчас здесь нет... Т. С... Эй! Знаете, нет смысла идти на запад. Океан, острова, джунгли. Карт никаких нет... И можно ожидать чего угодно. — Он снял фрак, вытер со лба пот. — Я надену его завтра: у нас будет представление. Обязан надеть, чтобы, как говорит Т. С., соблюсти стиль. Но я не собираюсь доводить себя до смерти этой штукой. — Его голубые джинсы, такие же, как у Фрэнки и Деметриоса, были залатаны на задку и коленях. — Мистер вице-президент! Хотел бы я знать, что происходит с этим человеком! Каждый день спит после полудня.

Появились два крошечных существа — мужчина и женщина. С ними была еще одна женщина, почти нормального роста: четыре фута десять дюймов. Телосложение у лилипутов было безупречное. Темноволосый мужчина — около трех футов. Одинаковые лица рыжеволосых и голубоглазых женщин подтверждали, что они сестры.

— Т. С. не спит, — сказал мужчина (у него был высокий алты.) — У него разболелся тот большой палец ноги, но он

сказал, что придет. — Лилипут поклонился, как кланяются на сцене. — Я — Нод, забавное Чудо Современности. Имею честь представить вам мою жену Винкен и мою жену Блинкен. — В голосе его не звучало издевки, он как бы наслаждался сказанным.

— Я Блинкен, — сказала та женщина, что повыше. Она улыбнулась, развела руками. — Брак — это всегда так удобно!

— Я Винкен. — Глаза ее были скорее не голубые, а светло зеленые.

— До того, как мы вышли замуж, мы были сестрами Кэбот из Ловеллтауна... первоначально, конечно, Каботски... вы, вероятно, не из Массачусетса...

— Прекрати, Винк, — сказала Блинкен. — Это друзья.

Наконец появился другой вице-президент — тоже во фраке. Кроме того, на нем была изысканная фетровая шляпа — вероятно, только для того, чтобы он мог выразительным жестом приподнимать ее. Он был сама вежливость. Насколько помнил Деметриос, так в двадцатом столетии себя не вели. «Не знаю, о чем думал Г. Ф., позволяя стоять вам здесь на солнце. Пожалуйста, пройдемте в фургон».

— Я думал, — сказал Нод, — что хорошо бы мне вместе с...

— Блинкен пойти взглянуть на лошадей, — сказала Блинкен, — потому что...

— Блинкен всегда сама не своя, когда встречается с незнакомцами, — сказала Винкен.

— И вот так у них, — сказал Г. Ф., — все время. Будто разговариваешь с кем-то, у кого три головы.

— В том-то и фокус, — сказала Винкен и протянула руку, и все вместе они направились к фургону. Изучая взглядом незнакомые лица, она негромко запела под шелест своей длинной юбки:

*Нод, Винкен и Блинкен с веселою песней
Поплыли по луже: «Мы в море чудесном
Поймаем большую селедку! Ура!
Наш невод из золота и серебра!»*

Волосы у обоих стариков были белые, лица изрезаны морщинами, радужная оболочка глаз выцвела. Двигались они с

осторожностью (Т. С. и виду не подал, что его мучает больной палец), но не сутулились. Голоса у них были ясные, щеки розовые. Изысканными жестами они показали, где пол фургона лучше всего приспособлен для сидения. «Наша обстановка вызывает у нас смущение, — сказал Т. С. — Одному буколическому шерифу очень понравилось кое-что из нашей мебели. Включая кресло-качалку, к которому я очень привязан. Оно принадлежало когда-то моей тетушке. Разумеется, это неудобство — временное». Винкен обнесла всех спиртным, наливая в маленькие, с отбитыми краями, чашки. «Позвольте мне, моя дорогая...» — Т. С. молниеносно расстелил там, где она собиралась сесть, носовой платок.

Фрэнки водил по сторонам носом, словно кот, попавший в незнакомый для него дом. Но он был уже охвачен любовью, вследствие чего ему пришлось сесть как можно дальше от Винкен. И почему-то он был весь красный, а глаза сделались — совсем как у жука.

— Скоро начнутся лучшие времена, — сказал Т. С. — Что-то должно измениться. К лучшему. Так всегда бывает. Откуда вы идете, сэр?

Деметриос рассказал о Набере. Цирк Сойера-Финна никогда не бывал там. Но Винкен сказала, что несколько лет назад ей, ее сестре и их мужу приходилось кое-что слышать об этом городе. Деметриос рассказал и о Гестервилле, о культуре, которая погибла — в частности — и потому, что была охвачена ненавистью к самой себе.

— Да... да... мы надеялись, что этого не произойдет, — сказал Т. С.

— Что вы думаете насчет того, чтобы повернуть на запад, мистер Вице?

— О, боюсь, что мы не сможем этого сделать, мистер Насмешник. Все изменилось... Нам незнакомы тамошние острова. И, насколько я могу понять, там нет публики для цирка, Г. Ф., а мы должны зарабатывать на жизнь.

— Лютня наверняка придала бы блеск цирку, — сказал Г. Ф.

— Профессор думает, — заявил Фрэнки (при этом он несколько пускал пыль в глаза), — что он всегда пойдет туда, куда пойдём мы. — Лютня проиграла согласие. Затем Фрэнки непреклонно собрал все имеющиеся у него силы и, перестав

обращать внимание на остальных, обратился непосредственно к Винкен: — Сколько вам лет?

— Я так же юна, как и стара, милый Фрэнки.

— Тогда, наверное, все в порядке. — Он уперся в пол взглядом. — Только мне хочется, чтобы вы пошли с нами.

В тишине заговорила лютня. Винкен слушала. В замешательстве она взглянула на Деметриоса (он улыбнулся ей.) По его мнению, ей было что-нибудь от двадцати до тридцати пяти лет. Возраст лилипутов определить ужасно трудно. «Т. С. 5, — сказала Винкен, — недавно Нод, Блинкен и я беседовали с вами на одну тревожащую нас тему. Но тогда я еще не была готова к откровенному разговору. Мы постоянно думаем... ох, эти кретины уже почти довели нас до сумасшествия...»

— Они народ грубый, — но Т. С. знал, что последует дальше.

— Т. С., дорогой, участие в представлениях не принесло нам счастья, мы несчастливы, и вы знаете это.

— Черт возьми, дитя мое! Невозможно! — это была не совсем правда.

— Т. С., мы не на многое способны. Разве что бегать туда-сюда и быть маленькими. А эти кретины... ох... Блинкен говорит, что она утратила умение предсказывать будущее... Во всяком случае, она никогда особо и не умела это делать. Если б она могла выступать вместе с нами... но она слишком большая. Нод и я... о, мы танцуем, мы хорошо управляемся с лошадьми, потому что они любят нас. Но это не может далее продолжаться. Кретины хотят, чтобы мы были уродцами — и только. О, нам приходилось очень трудно, когда мы жили в лесу, а вы были просто ангелами, что забрали нас оттуда, но... Т. С., Г. Ф., кретины хотят одного — презирать нас. Они хотят думать, как чудесно быть такими, как они есть, а не маленькими. Если б мы были неуклюжими или безобразными, мы бы совсем им понравились.

— Чш-ш! — сказал Г. Ф. — Милая, этого просто не может быть. — Но, конечно, он все знал тоже. — Что мы станем делать без вас, Мэри Джа... Винкен?

— О... Завтра мы хорошо выступим. Не беспокойтесь. Утром на свежую голову поговорим снова. Я... — Винкен выскочила из фургона. Оглянувшись на Фрэнки. Можно сказать, выпорхнула.

Пятница, 26 июля

Для чего мы так тяжело трудимся, увеселяя людей? Есть два объяснения. Ради денег, тогда наш дом, куда люди приходят взвинченными, а уходят умиротворенными, почти разумными, так вот, наш дом имеет что-то схожее с тем, как мой старый Деметриос выходил на уличные углы и клал у ног свою кепку. Или ради любви — это как когда Бабетта, если у меня бывает плохое настроение, или совсем замучил артрит, или я выпила слишком много чая, приходит посидеть ко мне и рассказывает всякие сплетни, чтобы быстрее прошло время. Я тогда плохая компания, я сама знаю это, но она все равно приходит, да благословит ее Бог, и мы ругаемся из-за ничего, пока я не почувствую себя лучше.

Мистер Флур вот как говорил о том, что такое искусство: «Понимаете, мальчики и девочки, людям нужно не просто хорошее настроение. Надо, чтобы им казалось, что это потому, что к ним очень глубоко расположены. Им нужно почувствовать, что они — Личности, и другие видят это. И они хотят хоть кроху надежды, что холод, которым пропитан окружающий мир, не перейдет в ледяную боль. Что они — не пустое место». Вот что он говорил: «И не презирайте их за то, что они приходят сюда, потому что тогда вы должны презирать самих себя за то, что находитесь здесь — а мне бы этого не хотелось. Все, кто работает здесь, для меня достаточно хороши, а это означает, что они достаточно хороши и для всего этого траханого мира».

Может быть, человека, говорящего так, в наши дни, застрелили бы, потому что в Набере справедливости становится все больше, она густеет — как скисает налитое в кувшин молоко. Мы теперь защищаем Свободу и Демократию, а это означает, что тебе лучше ходить на цыпочках и не беспокоить начальство.

У нас новый музыкант, мне он не стоит ни гроша. Берет оплату главным образом едой и девушками, так что все в порядке. У него гитара, и некоторые мелодии он исполняет довольно мило, он называет их роком Старого времени, он забывает, что я была уже взрослая, когда в ходу был настоящий рок. Когда мне, Сэму и Стиву не хотелось слушать настоящую музыку, мы лежали и слушали рок, такое быва-

ло часто. Он довольно милый мальчик, но для Профессора мальчик не годится: тут нужен настоящий мужчина, у которого есть свои радости и горести — только это придает ему то, что авраамиты называют созревaniem души. Бабетта куда-то брала его с собой — пусть зреет.

Я называю его Джо, потому что его имя Джо. Девушки, если хотят, могут называть его Профессором. Но только не я. Когда он берет оплату нашим трудом, то в основном предпочитает Глорию. Вчера утром я услышала какой-то шум в комнате, где раньше жили Деметриос, Солайтер и Профессор. Это они были там, он и Глория. И вытворяли черт знает что, бегая с голыми задницами. Я видела, как они жадно рылись в вещах. Я знаю, что нам придется использовать эту комнату для нашего бизнеса, но Бабетта не хочет, чтобы этот вопрос был решен прямо сейчас. Эта сука Глория тянет лапу к вещам Солайтера, которые ей пришлось оставить. Вероятно, хочет украсть их и продать: половины ее задницы было бы достаточно, чтобы разорвать то, что носила Солайтер. Я с руганью выгнала их, потому что мне было противно видеть, как они хрюкают и занимаются французской любовью на кровати Деметриоса.

Некоторые из наших постоянных посетителей уже спрашивали: «Где Деметриос? Почему теперь в гостиной не рассказываются истории?» Все, что знает Джо — это несколько старых и плоских порнографических небылиц, каждый их слышал еще до того, как ему исполнился годик.

Я тут начала говорить кое с кем, что Увеселение подразумевает устройство особого места, которое можно назвать Особым миром, куда люди могут приходить, чтобы забыть о том проклятом мире, в котором они вынуждены жить большую часть времени. Как мистер Флур основал этот дом, и разве не об Особом мире думал маленький Шаун, когда рисовал свои сумасшедшие картины? И мой старый Деметриос. А может, я думаю о чем-то большем, чем увеселение — если может быть что-то большее? Нет, я не верю, что может быть более величественное дело, чем устройство таких Миров, особенно если все, кто захочет, смогут приходить туда, я бы, если б могла, создала такой Мир для Маркуса — если бы он жил...

Утром Друзья ознакомились с Троттерсвиллем — чтобы убить время до начала циркового представления. Т. С. дал друзьям бесплатные билеты. Было горько сознавать, что, действуя подобным образом, он никогда не разбогатеет.

Никто не мог разбогатеть в Троттерсвилле, за исключением так называемых покровителей, к которым принадлежали семьи землевладельцев, а покровители и без того уже были богаты. Некоторые ремесленники и бизнесмены, к которым принадлежал и хозяин постоянного двора, образовывали особую прослойку, сумевшую устроиться тоже довольно комфортабельно. Назывались они «тружениками». Группа, именуемая гильдейскими мастерами, управляла маленькими мастерскими и лавочками, но все необходимые запасы и материалы составляли собственность покровителей. В лавках и мастерских работали «благополучные» — или не работали нигде. Ангус, любивший все выяснять досконально, сказал, что «благополучные» именуются так потому, что общество принимает их благополучие близко к сердцу. Средства к существованию «благополучные» добывают, главным образом, обрабатывая арендуемые ими крошечные клочки земли. Арендной платой служит их труд: две трети своего рабочего времени они проводят на полях покровителей. Это Свободная Демократия: в свободные часы «благополучные» вольны делать, что им угодно — пока остаются дома. За первую попытку покинуть район своего проживания у виновного в наказание отрезается ухо. Вторая попытка обычно оказывается последней.

Троттерсвилль довольно хорошими дорогами связан с государством на юге, называемом Вирджинией. Оттуда в Троттерсвилль поступают идеи, а также чай, шелк и хлопок, которые нам так нравятся. Нравятся, несмотря на то, что для их производства используется рабский труд — вещь неслыханная в Свободных Демократиях. Управляющий Гильдией импортеров Троттерсвилля сказал Ангусу, что система, предусматривающая благополучных, прекрасно зарекомендовала себя на протяжении всей Христианской эры. Разве можно представить себе лучшую систему? Следовательно, если Ангусу здесь что-то не нравится, он вместе со своей собакой может убираться куда угодно.

Ангус не критиковал, он просто стремился узнать как можно больше. В тот день он сказал Деметриосу, что он хочет — узнавать. Старый голод, который он не мог удовлетворить, когда жил во Внутреннем городе Набера. Никогда не мог — если не считать книг. «Знавшие меня люди и представить не могли, что я действительно стремлюсь узнать правду. Ведь зачастую правда — это нечто неудобное и давно вышедшее из моды». Взяв по порции спиртного, он и Деметриос сидели в таверне, остальные, все еще смакуя, знакомились с городом. Встретиться договорились на цирковом представлении.

— Но я стремился узнавать правду, Деметриос. Я узнавал. Узнавал, например, почему вспыхнула эта старая война — сорок семь лет назад. В чем ее отличие от надвигающейся войны между Катскилем и Мохой? Еще несколько лет — и между Катскилем и Мохой начнется война. Начнется, потому что оба — крошечные, населенные дураками государства — претендуют на право разработки расположенных вблизи границы старых рудников.

Главное различие, вероятно, будет в вооружении. Мы теперь уже не умеем уничтожать людей в тех масштабах, как прежде. И не будем уметь, пока не создана новая технология, а для этого может не оказаться нужных ресурсов. Различие в вооружении ведет к различию в психологии. Теперь настает эпоха маленьких средневековых войн. Будут поединки, наиболее уважаемыми людьми сделаются доблестные воины... помните «Илиаду»? А на кнопки нажимать больше не будут... И все же это будет именно война. Воевать будут, потому что мы слишком глупы, чтобы перечитывать историю. И потому что у нас не хватает то ли ума, то ли храбрости, чтобы с уважением относиться к другим людям.

С уважением, а не с любовью. Твое мастерство пропитано горечью, Деметриос. — Деметриос не чувствовал горечи. Ему было больно, но боль была приятной: он любовался красотой рук Ангуса, благородными очертаниями его рта, попадом света, падающего ему на плечи. — «Ты» — так мы обращались друг к другу во Внутреннем городе. Иное еще осталось во мне... Вы, если хотите, можете иногда так ко мне обращаться.

— Мне бы это понравилось, Ангус. А во Внешнем городе такое обращение отдавало неуважением, насмешкой... Да, уважение. Любовь индивидуальна. Тот, кто заявляет о любви ко всему человечеству, либо лицемер, либо человек, занимающийся самообманом. Мы любим конкретных мужчин, женщин или детей, а не абстракции. Но в понятии «человек» уже заключается такая ценность, как уважение, а в обстановке уважения когда-нибудь смогут появиться и прилично ведущие себя политики. В конце XVIII столетия этот процесс начался в Американских штатах, но люди не смогли защитить достигнутое от гниения и коррупции... Никто не любит человека, это бедное чудовище. Точно так же художник не любит свое искусство: он живет в нем и для него, охвачен им. Но любви, насколько я могу проследить это взаимодействие, здесь нет. Я люблю, ты любишь... Любовь — это для тебя и Солайтер... Скажи мне, у вас двоих все хорошо?

— Очень хорошо, Деметриос.

— Любить можно Гарта или Фрэнки, Солайтер или меня. Меня или тебя, Ангус. — Он накрыл своей ладонью руку юноши. Рука ответила пожатием.

— Есть ли в любви телесная необходимость?

— Я стар, но перед смертью мне захочется обнять тебя.

— Змея в раю... не было ли ее имя: Ревность?

— Боже мой, — сказал Деметриос. — Вы дали мне сюжет для новой истории.

Ангус усмехнулся. Очень спокойно сказал:

— Однажды вы сказали мне... это было на Лугах, в тот день, когда мы познакомились... что любовь — это страна. Мне понравилось это выражение. — В Ангусе всегда сидел наблюдатель, даже судья, но это не убавляло тепла его души. «Скорее, — подумал Деметриос, — это качество делает его еще прекраснее».

— Громадная страна, — сказал Ангус, — там много дорог, и по ней всюду можно путешествовать без боязни. Я всегда буду нуждаться в вас, мой друг, — и теперь, и еще долго после того, как вы умрете.

Цирк Сойера — Финна шатра не имел, поэтому задний двор Смоллвейза походил на ярмарку. Часть двора — там, где словно театральные ярусы, поднимался невысокий полукруглый откос — отгородили канатом. Заплатив за вход (плату брали в воротах), зрители размещались там. Желающие могли прогуляться между палатками, где были выставлены разные разности. У ворот, высматривая Деметриоса с Ангусом, стояли Фрэнки и Солайтер. Остальные, предъявив свои бесплатные билеты, уже прошли за ограду. «Г. Ф. говорит, что это будет действительно первоклассное цирковое представление».

— Но он чем-то обеспокоен, Фрэнки? — спросил Деметриос. Солайтер поцеловала Ангуса и потерлась лбом об его грудь. «Котенок», — прошептал он.

— Беременный котенок. Ребенком Деметриоса.

— Они беспокоятся, — выпятив от волнения нижнюю губу, ответил Фрэнки. — Мистер Виргиль говорит, что зрители приходят какие-то уж слишком тихие.

— Я мистер Виргиль, — сказал стоящий в воротах мужчина. Его усы походили на руль велосипеда. Посмотреть представление пришло немного людей. Толпа, уже собравшаяся внутри, была маленькой. — В нашей программе участвует пума, и поэтому мы не можем пропустить вместе с вами собаку... Мне действительно очень жаль, ваш пес прекрасен. Фрэнки знает меня уже давно... минут двадцать. Так что он уже представляет, что вам следует делать.

— Что вам — тоже, — поглощенный своими мыслями, вежливо заявил Фрэнки.

— Мы с Факелом пока постоим здесь, — сказал Ангус. — Потом кто-нибудь сменит меня, чтобы побыть с ним, и тогда я войду. Но если поводок у меня, он никогда не позволяет себе непослушания.

— Запах. Кошачьих запах собаки приводит в ярость.

— Конечно.

— Как было бы мило, если бы все были такие обязательные, как вы, — сказал мистер Виргиль. — Действительно, они какие-то очень уж тихие. Так бывает, когда люди задумали какую-то пакость.

— Детей мало, — сказал Деметриос.

— Их в Троттерсвилле вообще немного. Такой уж это город.

— Разве не могут люди просто наслаждаться и быть хорошими вместо того, чтобы громоздить пакость за пакостью? — сказал Фрэнки. — Тем более в цирке? — Вместе с Деметриосом он вошел за ограду. Остановившись у черной палатки, испещренной каббалистическими знаками, он сказал: — О, да это просто старая Блинкен... — и исчез — искать и исследовать. Что-то он искал.

Деметриос, нагнув голову, вошел в палатку. У стола с двумя стульями, пристально всматриваясь в хрустальный шар, одиноко сидела маленькая Блинкен. «Задержни Внутренний Занавес, который никто не может... о, это вы, ха-ха! Все равно задержните. Это будет означать, что я занята... К сожалению, это дурачье в своем большинстве не умеет читать. — Она сняла усеянный блестками тюрбан. — Хитрое изобретение! Когда-то давно Т. С. изготовил его, будь оно проклято, для кого-то, имевшего слишком большой череп. Когда я в нем — слышу шелест давно минувших эпох. Шуршат, словно мыши. — Она привела в порядок свои прекрасные рыжие волосы. — Садитесь. Публика прибывает?

— Не слишком. Мистеру Виргилю не нравится их вид.

— Ого... это при его-то опыте! Держите мою руку, дорогой мой. Если кто-нибудь сунется, я читаю по вашей ладони. Или почитать на самом деле? Жизнь оставляет на нас свои письмена, только невозможно понять их... Великолепная рука старого садовника! Винкен большую часть ночи проплакала.

— Вот как?

— Комок нервов, а сегодня ей с Нодом предстоит танцевать на спинах лошадей. Она хочет, чтобы мы ушли с вами... если вы примете нас, Деметриос. Того же хочу и я, того же, думаю, хочет и Нод — только он не любит принимать быстрые решения.

— Для всех нас это была бы радость. Но мы с трудом представляем, куда же мы идем, Блинкен. «Запад» — это только слово, а мир круглый.

— Вы говорите правду, дорогой мой? Ну, что касается нас, то обстоятельства сложились так, что цирк Сойера-Финна принял нас, когда мы очень нуждались в них, а они в

нас, если сказать правду, — не очень. Это все доброта этих старых мальчишек. Жена мистера Виргиля умеет предсказывать будущее лучше, чем я, но мне нужно было найти хотя какое-то занятие. Сейчас она занимается продовольствием, стиркой и всем прочим — говорит, что предпочитает заниматься такими делами. Я чувствую, что все это временно. Т. С. и Г. Ф... Господи, я иногда уже думаю о них в прошедшем времени... — Блинкен глянула на Дементиоса. Видимо, она старалась понять, как он воспринимает ее слова.

— Было бы восхитительно, — сказал Дементиос, — если бы я мог в любое время, когда угодно, беседовать с вами — обсуждать различные грани истины. Нам с вами это никогда бы не надоело.

— Кроме того, я умею сервировать чай. Т. С. говорит, что если мы уйдем от них, то это разобьет его сердце. Г. Ф. рассуждает более разумно: «Видите ли, Том, я уходил всю мою жизнь, и что хорошего это принесли мне? Но мы — иная разновидность уродцев. Современные уродцы другие — вот они. Люди новой эпохи».

— Подобно Т. С. и Г. Ф. я живу в двух мирах. Мой дом — ни то, ни другое.

— Да где он — дом? У нас всегда — где мой дом? Для нас троих здесь — не наш дом, хотя... О, даже думать тяжело, что мы с ними расстанемся!

— Была лишь одна причина, по которой плакала Винкен?

— Нет, дорогой мой, — Блинкен отвела взгляд. Подняв голову, она прислушалась к шуму толпы за стенами палатки. — Господи, как бы мне хотелось быть такой маленькой, чтобы я могла участвовать в их номере! Нет, она думала о Фрэнки. И обо всех молодых, о том, что им предстоит в этом мире — когда мир навалится на них.

— В этом нет ничего нового, Блинкен.

— Конечно, разумеется! Это наш договор с природой... так прошлой ночью сказала Винкен: наслаждайтесь, сколько хотите (если можете), а затем возвращайтесь в исходное состояние. Но... как коротко время, отпущенное Фрэнки для жизни!

— Тот другой почти-вопрос, который вы почти задали мне. Нет, я действительно не могу сказать, куда мы

направляемся. Но мечтаю (всякий старик имеет право мечтать) о республике — как она набирается сил, взрослеет... Медленно, и сперва она будет развиваться изолированно от остального мира. Опустевшего, покрытого горами шлака... И основание республике положит горстка идущих со мной людей. Я не подбирал их... Тот мужчина, Боско, вероятно, покинет нас и отправится разыскивать некую группу Бродяг...

— Надеюсь, что он это сделает. Он мне не нравится.

— О... вероятно, настоящего зла в нем нет.

— Однако... — сказала Блинкен, — нет, конечно, наверное, я не права. Продолжайте говорить еще, Деметриос.

— Что ж. Я не подбирал их, и я не руковожу ими. Но когда придет время, выдвинется лидер. Это будет великолепный, великодушный лидер: для этого есть все возможности. Нас свели вместе любовь и случай. И я начинаю понимать, что у нас есть некоторые общие качества. Качества, возникшие вовсе не под влиянием Старого времени. Например, мы способны любить без ревности. Нам дорога образованная нами общность, но в то же время мы — раздельны, мы остается отдельными человеческими существами.

— В Старое время такое большое значение имела ревность?

— В год Катастрофы мне исполнилось тринадцать. Я был тогда мало знаком с ревностью, но моя семья была редким исключением для тех лет: семья мне давала не только образование, но не в меньшей степени учила любви. Ревность представляла собой социальную традицию, и тогда были еще люди, считавшие ее добродетелью. За двадцать-тридцать лет до моего рождения положение начало меняться. Тысяча девятьсот шестидесятые-семидесятые годы внесли в сексуальные отношения мир, великодушные и свободу. Это есть то, что для более ранних поколений было возможно лишь в неполной мере и почти неизбежно оказывалось сопряжено с горькими переживаниями. Катастрофа положила конец многим надеждам. Что ж, мы, Друзья, допускали и допускаем ошибки, многого мы еще не ведаем. Но насколько я могу понять, мы не ведаем и жестокости, подлости, жадности, зависти.

— То же самое и мы трое, Деметриос. Нод, Винкен и я любим друг друга. Мы вместе уже больше трех лет.

— Думаю, что такое возможно лишь в маленьких группах. Достаточно маленьких, чтобы не нарушались эмоциональные связи типа «человек-человек». Это главное условие. Одним из худших порождений Старого времени была урбанизация, отсюда — неспособность понять, насколько важны малые группы. Массовая коммуникация, которая, по замыслу, являлась просто одной из общественных служб, превратилась в доминирующее средство нивелировки и оглупления. Малые группы и сами забыли о своей значимости, без борьбы уступили мощи города. Можно полагать, люди помнили, что семья, племя, община были призваны служить нуждам отдельного человека. Первоначально он был необходим, этот монстр Франкенштейна. Но нельзя было допустить, чтобы он обратился против своего создателя — в противном случае разверзлась бы бездна ада. Деревня, большой монстр, была призвана служить нуждам семьи. На этом этапе зародилось централизованное управление. Неизбежно должен был появиться еще один монстр, самый громадный и безобразный — слуга деревни, который, как предполагалось, будет находиться в прямой связи с нею и непосредственно отзываться на ее нужды. Простая, очевидная идея представительного правительства. Но в ужасе и геме Старого времени это правительство могло расслышать самого себя. Идея оказалась невыполнимой. Невыполнимой! Именно так, поскольку и без того раздутое политическое управление разбухало, как неоперабельная... Что ж, может быть, мы, Друзья, начали то, что не сможем выполнить. Создание республики — это работа, достойная богов, а мы не боги. Но она со мной, эта мечта старика, и я надеюсь.

— Нам нужно найти остров, — сказала Блинкен. — Легче подыскать подходящие условия на острове.

Деметриос был счастлив.

Позднее ему часто доставляла наслаждение эта способность Блинкен к мгновенному восприятию и дальнейшему развитию обрисованной ею идеи. Будто художники-единицы рассматривают совместно написанную

картину и решают, что следует сделать, чтобы она стала еще лучше.

Шум толпы изменился.

— Черт, начались неприятности! — сказала Блинкен. Вскочив, она откинула занавес. — Будьте рядом со мной, мой друг, и держите наготове свою палку.

В глаза ударил солнечный свет. Бежали люди. Бездумно разинутые рты: людей мучил голод. Голод насладиться чужим несчастьем. Поэтому на первый взгляд казалось, что людей множество. Они бежали, падали, кувыркались — все к плоской площадке под созданными природой театральными ярусами. Туда, где — словно цветы, закрученные потоком, пытались удержаться на ничем не покрытых спинах лошадей одетые в кричащие костюмы Винкен и Нод. Вчера лошади были кротки и послушны. Деметриос гладил их. Сам видел на их спинах Винкен, Фрэнки и Нода. Сейчас лошади обезумели.

Они лягались, упирались, брыкались. Лошадь Винкен зашла в припадке удушья. Лошадь Нода испустила дикий, захлебывающийся визг. Г. Ф. ухитрился вцепиться в выроненный Винкен повод. И был, словно щепка, отброшен. Гарт кинулся на помощь ему. На бегу он крикнул Деметриосу:

— Ублюдки забросали их камнями! Насыпали перца... Им кажется, что это смешно!

Деметриос бросился туда. Блинкен уже давно опередила его. Деметриос увидел, как Винкен потеряла равновесие. Лошадь мотала шеей. Винкен едва не запуталась в гриве. И — чуть не упала кувырком. Лошадь металась. Толпа завывала от удовольствия. Пронзительный голос перекрыл общий вой:

— Устрой нам порноспектакль, детка! Разденься! Стрип! — остальные подхватили, скандируя в ритме: — Стрип! Стрип! Детка, стрип!

По наручным часам Ангуса Троттерсвилльская битва началась в 3.01 после полудня (пятница, 26 июля, 47 года.) Услышав, что происходит, он кинулся в ворота. Факел рвался с поводка, едва не выдергивая его из руки. Беспорядок начал достигать кульминации, когда один из

зрителей завопил петушиным голосом: «Выкинуть их отсюда!» И достиг высшей точки, когда Ангус ударил кричавшего. Закончилась битва в 3.05: Фрэнки вскочил на бочку и завопил:

— Бегите! Спасайтесь! Пума вырвалась из клетки!

Позднее Т. С. сказал Фрэнки, что это была самая замечательная ложь 47-го года... Нет, пожалуй, самая замечательная ложь десятилетия, если не века. Нужно отметить, что Фрэнки понадобилось почти шестьдесят секунд, чтобы примчаться к клетке и вместе с мистером Виргилом утащить ее за фургоны — с гладиолой. Где и оставить, накрыв брезентом.

За эти четыре минуты палка Деметриоса пришла в соприкосновение по крайней мере с одним черепом. Он надеялся, что череп принадлежит одному из тех, кто орал, требуя порноспектакля. Но слишком уж поднялась пыль, чтобы утверждать наверняка. Деметриос был свидетелем того, как появились Ангус с Факелом. Он позволил себе тогда небольшую передышку. Он задыхался, но готов был снова кинуться в бой (вот это удовольствие!). И тут, прежде чем Ангус увидел бросок и успел сдержать его, Факел сорвал с кого-то набедренную повязку. До потери этого атрибута приличия пострадавший выглядел почти как полисмен. Деметриос видел, как он кинулся искать повязку, да едва ли ему это удалось... Вероятно, лихорадочное воображение Деметриоса разыгралось. В целом это была прекрасная битва, хотя — учитывая его годы — она потребовала от Деметриоса слишком больших усилий.

Были и еще разбитые в кровь головы — убедительный аргумент! Гарт успокоил лошадь Винкен. И та, целая и невредимая, спрыгнула вниз. Г. Ф. схватил ее и на трясущихся ногах побежал под защиту фургона. Потом взор Деметриоса был утешен тем, как Гарт и Ангус лупили противников (не одного, многих.) Им советами и делом помогал Т. С.

Но исход битвы был решен Фрэнки. После его выходки все было кончено. Жители Троттерсвилля не просто отступили с поля сражения — их выхлестнуло.

ГЛАВА 13. НЕТ НИЧЕГО НАСТОЛЬКО ВЕЛИКОГО, ЧТО НА НЕГО НЕЛЬЗЯ ПОСМО- ТРЕТЬ

И я обернулся и увидел мудрость, и глупость, и безумие. Ибо когда есть царь, что зависит от человека? Даже замыслил что, то это уже сделано.

Тогда я понял, что мудрость превосходит глупость, как свет превосходит тьму.

Экклезиаст, II : 12,13.

Друзья и цирк Сойера-Финна, по тщательному размышлению, решили, что будет разумно отправиться в путь. Друзья с радостью приняли приглашение ехать вместе — до следующего перекрестка, откуда отходила ведущая на север дорога.

Ферма Джейсона Смоллвейза лежала к западу от Троттерсвилля. Ангус, Факел и Боско предприняли чудовищную по наглости вылазку в таверну — забрать оставшиеся там вещи. Факел сверкал огненными глазами. Ангус сверкал синяком под глазом. Боско на ходу поигрывал мышцами, словно медведь. Но никто их не тронул. Ничто из оставленного в таверне имущества не пропало — если не считать одного окорока (Боско сказал, что никакого сомнения, есть только один способ исправить положение.) После их возвращения оставшаяся часть дня была посвящена подсчету синяков и подготовке к назначенному на утро отбытию.

Ночные путешествия небезопасны где угодно, но в Пенне — особенно. Именно из этих мест приходили наиболее убедительные сведения о коричневом тигре. Он, как рассказывали, нападал на деревни и похищал людей примерно в этих местах. Иногда тигр выбирал для охоты какой-либо определенный район и оставался там неделями, а то и месяцами. Он был как бич божий. Говорили, что

шкура у него пушистая, цвета светлой корицы, а по ней — рыжевато-коричневые полосы. Из-за полос что утром, что вечером различить его было трудно, а если увидишь его и эту пору — делать что-либо, скорее всего, уже поздно.

Т. С. решил направиться к северу. Ему очень хотелось побывать с цирком в Новой Шотландии, там, где поселились евангелисты. Деметриос предупредил его, что евангелистов может там уже не оказаться: в тех местах изменился климат, а евангелисты предпочитают морозные зимы. Тем не менее Т. С. стоял на своем. А Друзья хотели идти на запад. Лунный свет, пожалуй, лишь в два раза слабее солнечного. Вот ночью-то, когда вокруг было хорошо, тихо, когда было и спиртное, и музыка, когда у всех было настроение, какое бывает только, если ты сидишь у походного костра, Друзья предложили Винкен, Блинкен и Ноду присоединиться к ним.

Итак (нельзя забывать о Факеле), Друзей стало одиннадцать.

Узнав о принятом решении, Т. С. расцеловал девушек, включая Солайтер, пожелал всем спокойной ночи и пошел спать. Г. Ф. еще посидел некоторое время с Друзьями — слушал Деметриоса, рассказывающего, как, возможно, появился коричневый тигр в этих местах. Ведь такая зверюга в обозримые времена была никому не известна. Это была история об одном из тех сумасшедших святых, которые в таком изобилии расплодились в давно минувшие года Старого времени. Незадолго до войны этот человек проникал в зоопарки нескольких больших городов, под покровом ночи газовым резаком выжигал замки клеток и выпускал зверей на волю. Некоторые полагали, что это был не один человек, а целая группа заговорщиков. Но Деметриос думал, что он был один. Во всяком случае, инциденты прекратились после того, как некто (он вел дневник и называл себя Джеком Освободителем) был найден мертвым возле клетки капского быка. Он выпустил быка, а тот забодал его. Это неприятная и несколько печальная история. Джек не любил зверей, он просто ненавидел весь мир... В недалеком будущем вспомнятся эти слова Деметриоса. Но — писать об этом сейчас не буду. Среди

освобожденных Джеком зверей была пара маньчжурских тигров — молодой самец и уже беременная самка.

Г. Ф., не забыв расцеловать девушек, тоже пошел спать. Госко ускользнул куда-то, его отсутствия в течение долгого времени никто не замечал.

Всем было покойно, лениво. Но даже наш герой Фрэнки не спал: сейчас новые члены группы Друзей будут рассказывать, что мир сделал им, и что они сделали миру. Потому что теперь они пойдут вместе. Теперь они будут делить с товарищами Деметриоса радость и беду, любовь и опасности.

— Нод, — сказала Винкен, — по рождению — Сейджи Охара. Это — известная ирландская фамилия. Без апострофа ее начал писать прадед Сейджи, Сеймус О'Хара, который в 1854 году приехал в Бостон из Бэлли-на-Хинча. Он не очень хорошо знал английский и не знал, как англичане пишут иностранные имена. Когда впоследствии Сеймус обнаружил, что апостроф выпал, он не снизошел до того, чтобы восстановить его. Итак, мы...

— ...Пропустив одно поколение, — сказала Блинкен, — подходим к тому времени, когда состоялась свадьба его внука Стоктона Охара и Тери Камаятсу. Стоктон женился поздно. Он познакомился с Тери, когда она стала слушательницей курса «Социально-идеологические матрицы», который вел Стоктон. Это было в Кембридже, штат Массачусетс. Длительное время детей у них не было. Стоктому исполнилось уже шестьдесят, он очень много раз подвергался просвечиванию рентгеновскими лучами. И это вдобавок к атмосферному и прочим радиоактивным загрязнениям среды (их уровень вежливо именовался нормальным.) Поэтому Стоктон решил, что он стерилен. В 1992 году он прекратил преподавательскую деятельность и, получив отставку, переехал жить в Хотон. Этот город находился вблизи границы Нью-Гемпшира. Там и застала их война. Этот город избежал бомбовых ударов (правда, волна радиации и туда докатилась.) Но он был совершенно уничтожен землетрясением Первого года и поразившей большинство населения чумой. Хотон представлял теперь едва ли больше, чем палаточный городок, разбитый среди

развалин. И тут, в Четвертом году, совершенно неожиданно у Теру и Стоктона Охара родился сын...

— ...Которому сейчас сорок три года, — сказал Нод. — И выходит, что он на два года старше своих любимых и болтливых жен. Они родились тогда в маленьком (но знаменитом) городке штата Массачусетс. Это было в Шестом году, и Винкен старше своей сестры... на два часа. Их отец, Игнатий Каботски, был ребенком вывезен из Польши. Его семья бежала от поразившего Европу голода 1918 года, и он никогда...

— Но Винкен не может быть больше двадцати пяти! — закричала Солайтер.

— Милая, мне сорок один год, — не глядя на Фрэнки, сказала Винкен.

— А вот я со своими тощими ногами и двойным подбородком смотрюсь на свои годы, — сказала Блинкен.

— Ты вообразила и ноги, и подбородок, — сказала Винкен, — разумеется, у меня все такое маленькое, даже признаки постарения, что это не заметно.

— Во всяком случае, кое-что у меня действительно отвисло, что и выдает мой преклонный возраст.

— Прекрасно! — сказала Солайтер. — И это тоже.

— Может быть, тяпнем немного вместе? — предложила Блинкен.

— Если можно мне вмешаться, то я продолжу. Итак, их отец Игнатий Каботски, эмигрант, никогда и не думал переделывать свою фамилию на Кэбот (хотя Блинкен пытается утверждать, что он это сделал.) Это был какой-то прискорбно извращенный снобизм...

— Естественная самозащита, — сказала Винкен. — Даже после войны в городе было полно идиотов. Мы выросли среди них.

— Игнатий Каботски был общепризнанным лидером тех, кто пытался после Катастрофы как-то восстановить город, — сказал Нод. — Это признавали и идиоты, и все прочие. Мать девочек умерла в Девятом году — когда вспыхнула дифтерия. Поэтому о ней остались лишь обрывочные воспоминания. Когда близнецы (очевидно, генетически не идентичные), вышли из младенческого возраста. Стало ясно,

что Винкен сделается такой, как я... Люди называют нас лилипутами... А Блинкен будет иметь обычный, или почти обычный рост. Игнатий верил в ценность образования. Это убеждение крепло по мере того, как множились поразившие его время бедствия. Он считал, что для того, чтобы избежать последствий совершенной глупости, девочкам необходимо запомнить только две вещи. Во-первых, всегда действовать, подумав. Во-вторых, никогда не иметь детей. Поскольку ум — качество не врожденное, а приобретенное, он дал себе клятву дать дочерям самые глубокие и разносторонние знания, какие только можно дать при создавшихся условиях. Невзирая на трудности, он дал девочкам образование, которое...

— ...Даже теперь дает нам возможность разделять всеобщее восхищение этим парнем, — сказала Винкен. Сейджи Охара вырос в обстановке, где одиночество (достаточно, впрочем, терпимое) было нормой. Хотон представлял собой руины, заселенные медленно двигающимися гигантами с разбитыми сердцами. Юность обычно не знает сострадания, оно познается позже — если человеку вообще суждено познать его. Так было и с Сейджи. Он никого не знал, кроме этих ошеломляюще громадных людей — и он не выносил их. Жалость к ним пришла позже, когда они уже спали в земле. Он любил свою мать, но она, как в тумане, жила в состоянии шока — примерно так же, как и все остальные. Старый отец Сейджи умел преподавать... но лишь средневековые бредни, к тому же — взрослым. Он сделал все, что мог, дав сыну базовое образование: научил его читать, писать, рисовать. Дал немного истории — для начала. Он умер, когда Сейджи было двенадцать. Теру продолжила начатое. И сделала все, что от нее зависело: Сейджи не стал хитроумным вырождаком. Когда ему исполнилось четырнадцать, она все еще верила, что он может начать стремительно расти, хотя его руки и ноги никогда не были непропорционально, по-щенячьи, велики — как обычно у растущих мальчиков. Одиночество в период жизни в Хотоне было абсолютным — частично...

— ...Потому что здесь имело место старое тщеславие, — сказала Блинкен. — После войны люди были поражены ужасом. В большинстве своем они жаждали присоединения к

каким-то организованным группам. Так, вы рассказывали нам, скитальцы стекались в Набер. Но не так было в Хотони и Ловеллтауне. Тамошние жители считали, что это внешний мир должен прийти к ним. Так и произошло: к ним пришли, проявив бездумную и невиданную жестокость. Затаившиеся, ждущие лучших времен, эти оставленные городом призраки были легкой добычей для пришельцев, дикарей... но вых дикарей. Сейджи работал с матерью на кукурузном поле (ему тогда было пятнадцать лет), когда из ниоткуда примчались три конника и похитили Теру. Сейджи они отбросили в сторону...

— Того, кто схватил меня, я укусил за запястье, и ощутил, как хрустнула кость. Он завопил, я упал в грязь. И они исчезли.

— Потом он увидел других из той же банды. Они поджигали дома и убивали соседей Сейджи — просто для удовольствия. Он бежал в леса и там присоединился к тем немногим, кому удалось спастись. Помимо жителей Хотона, там были беглецы и из других разоренных городов. Они образовали собственную банду. Несмотря на малый рост, они ценили Сейджи: он был злее любого гиганта и быстрее прочих изучил искусство жизни в лесах и охоты. Движения его были очень быстрыми. Оказавшись в джунглях, он сделался молчаливым. Молчаливым до жути. Он принял участие в некоторых актах возмездия...

— ...О которых он предпочел бы сегодня не вспоминать, — сказал Нод. — Нам так и не удалось поймать людей, похитивших мою мать, когда мне исполнилось семнадцать, я понял, что мы сами превратились в бандитов — ничем не лучше всех прочих. Я ушел от них и в одиночестве прожил в джунглях два года. Словно подслушивающая тень, я пробирался в людские жилища. Нуждался я мало в чем. Наконецники для стрел я изготавливал, оббивая кремни. Они хуже обычных?.. С моим легким луком я предпочитал их. Когда мне нужно было что-нибудь, что можно было добыть только с помощью кражи — я крал...

— ...Обязательно оставляя что-нибудь взамен, — сказала Винкен. — Это была его прихоть: оставить, например, шкурку кролика за моток пряжи.

— Горе тому, кто начинает вести с людьми такой диалог, — заметил мистер Виргиль.

— Он не мог даже оставить записку. Они не знали грамоты, Виргиль, — сказала Винкен.

— Они не убили меня, — сказала Солайтер.

— Вы — прелесть, — сказал Нод. — Просто иногда случаются исключения.

— На самом деле это было больше, чем прихоть, — продолжала Винкен, — поскольку Сейджи и тогда, и сейчас придерживался более строгих этических принципов, чем его скверные маленькие жены. Время от времени, к их чести, они пытаются следовать его примеру, но прогресс невелик. Гм. (Итак, перед вами совершенно исключительный человек, милая Солайтер.) Они, правда, имеют то образование, о котором он упоминал, но по временам с них слетает всякое образование. Так, например, было, когда Сейджи впервые увидел их. Будучи сам невидим для них, он наблюдал из леса, как они ковыляют по совершенно пустой дороге... Причем они понятия не имели, куда идут, поскольку всякий разум у них вышибло начисто. Можно сказать, что они тогда временно впали в идиотизм. Видите ли, Ловеллтаун был стерт с лица земли болезнью. Мы даже не знаем, что это была за болезнь. Никого из врачей Старого времени в Ловеллтауне не осталось. Возможно, это было какое-то новое заболевание: сильная лихорадка, жар, распухшие железы и — внезапный коллапс. Город пережил послевоенные эпидемии, дифтерию, красную чуму Шестнадцатого года, но эта болезнь его доконала. Погибли все. Я имею в виду: все, кроме моей сестры и меня. Выжили лишь две девушки, крохотные, красивые — объясняйте это как хотите. Когда мы поняли, что произошло, у нас была только одна мысль: уйти оттуда. Идти и идти по дороге, не имея никакой цели. Кроме одной: уйти. Бежать оттуда. Блинкен, которую я тогда знала как Софию, хотела...

— ...Умереть. По крайней мере, я так сказала. Но ты, Миранда, отвела меня в тень, уложила и, положив мою голову к себе на колени, сказала: «Нет, ты будешь жить...» И я выжила. Вскоре я уснула — таким глубоким сном, что окружающий меня мир исчез. Хотя...

— ...Может быть, все миры так же заполнены иллюзиями и обманом, как правдой, — сказал Нод. — То-то недоумевают тамошние философы.

— А когда она проснулась, рядом с нами уже стоял Нод. Держа в руке лук, голый и прекрасный...

— ...И вряд ли выше тебя, Миринда. У меня спутались мысли, они метались, их был миллион, и каждая пела хвалу жизни...

— ...А ветер играл твоими спустившимися на лоб волосами. Ты спала, и твоя грудь была белой и девственной.

— Первые слова, которые он сказал, когда Блинкен проснулась, были: «Пойдемте со мной, мы будем заботиться друг о друге и сможем не быть одинокими».

— Поэтому я поняла, что вещество, слагающее его тело, более тонко и прекрасно, чем субстанция, из которой состоят тела богов. А именно: что он состоит из плоти и крови. А теперь я объясню, откуда у нас эти имена. Только я буду говорить шепотом, потому что наш герой, без которого цирк Сойера-Финна, вероятно, был бы уничтожен, кажется, спит. Объяснение простое: наша мать, которую мы так плохо помним, знала это старое странное стихотворение, знала и музыку, под которую его можно было петь. Она пела нам его, чтобы мы уснули, и когда она умерла, нам пел отец и...

— ...Потом вы пели эту песню для меня, когда я дремал жарким полднем или ночью. Поэтому я и узнал ее. Потом я пел ее тебе, Винкен, когда ты забывалась сном... Нам было тогда очень плохо: умер наш ребенок. Потом мы встретились с цирком, и Т. С. был так добр, что предложил нам присоединиться к ним. Когда он спросил, как нас зовут, мы подумали, почему бы не назвать себя именами, пришедшими из детской сказки Старого времени? Верно, что мы духи особого сорта, но Шекспир годен не на все случаи жизни и... Да, — сказал Нод, — Фрэнки уже спит. Знаете, а звуки похожи на очень маленьких дельфинов.

— Где ты когда-нибудь...*

— ...Слышал очень маленьких дельфинов?

— В ваших снах.

Суббота, 24 августа

Уже прошло больше месяца, как ушел мой старый Деметриос, и иногда мы с Бабеттой играем в такую игру: пробуем догадаться, что произошло с ними за это время. Но эта игра ничего не дает. Бабетта сегодня сказала, что нет ничего настолько великого, что на него нельзя посмотреть.

Профессор был первым. Мне кажется, это было двенадцать лет назад, когда он появился на моем заднем крыльце со своей лютней и стал смотреть на меня своим особенным образом, как умел смотреть только он. А когда пришел Деметриос? Кажется, это было десять лет назад, но, может быть, я ошибаюсь. Но во всяком случае — до Бабетты. Солайтер была здесь только два года, но я любила ее больше всех, кого когда-либо знала. Мне никогда не хотелось спать с нею в одной кровати, как у меня бывало иногда с Фрэн, и в моей любви к ней не было ничего от материнского чувства. Но это была любовь, когда хочешь помочь. Я была потрясена, когда она пришла, она была совсем одичавшая, и она походила на запутавшегося в паучьих сетях ангела...

Мы с Бабеттой очень хорошо понимали, хотя и не говорили этого вслух, что вряд ли когда-нибудь снова увидим их троих, как не увидим и Гарта, и его задорного маленького брата, как не увидим и молодого аристократа — он был правильный, что надо, он мне очень понравился. Я думаю, что он принесет счастье Солайтер, во всяком случае, он постарается сделать ее счастливой. И это он вытащил Димми из тюрьмы. Бабетта сказала, что он человек практичного склада ума. Ладно, ну а если они вернутся назад, то это будет нескоро, а тут эта опухоль моей правой груди.

Надеюсь, я не стану говорить об этом с Бабеттой только потому, что у меня из-за этого тоска, ибо что она сможет сделать? Во всем Набере не осталось ни одного врача Старого времени, а все эти теперешние хирурги — просто цирюльники, они ничем не смогут мне помочь... Я верю, что когда пробьет мой час, я не буду из-за этого особо волноваться и суетиться, не я буду первая, и не мне быть последней. Почему люди болятся смерти — если только не убедят самих себя, что существует посмертная жизнь? Я в посмертную жизнь не верю. Я пыталась в нее поверить, когда умер Маркус, и

все еще пыталась, когда пришла в Набер, хотя что-то внутри меня говорило: ты дура, ты просто хочешь, чтобы такое было, а ничего такого нет.

Мистер Флур знал, что происходило со мной. И он сказал мне, голос у него был тихий и добрый, он сказал: «Стелл, ты когда-нибудь теряла сознание?» Я сказала, что да, два раза. Он сказал: «Смерть подобна этому. Когда нет движения ни крови в мозгу, ни движения воздуха в легких, ни мыслей, ни ощущений. Нет мыслей и ощущений — нет человека. Не относись с презрением к телу, Стелл, — сказал он. — Нет тела — нет личности». И с тех пор та борьба, что была внутри меня, прекратилась.

Смерть... да, это объяснимо, что мы ненавидим ее, потому что кажется, что за твоей душой приходит какой-то ужасный зверь. Но более чем наполовину это просто страх, это все равно, что бояться темноты. Я верю, что когда зверь приходит к тебе, ты каким-то образом понимаешь, что это недолго.

С недавних пор у меня появилась привычка брать с собой палку и опираться на нее, когда выхожу в сад, я знаю, что так ходил, опираясь на палку, Деметриос, только я это делаю потому, что у меня артрит. Наверное, я напишу о том, что увидела в прошлый раз. Когда вышла в сад.

Этот парень Джо стал чуточку лучше делать свою работу дворника, но работает в саду он спустя рукава, все время спешит и лишь обещает. Бабетта пытается наблюдать за ним, но он всегда находит новые способы, чтобы бездельничать на работе. За то время, как ушел мой старый Деметриос, некоторые части сада, который он содержал в таком порядке, заросли сорняками. Я сказала Бабетте, чтобы она не тратила силы на Джо, он на замечания плевать хотел (может, привык) и, может быть, сорняки колют его нежные пальцы. «Может быть, это так, — сказала она, — только Профессор всегда без возражений выдергивал сорняки, и делал он это добровольно и бесплатно». «Джо не Профессор, — сказала я ей, — пусть подрастет да повзрослеет немного. Как-нибудь...»

Возле забора есть участок, где Деметриос посадил для меня лилии, он там сажал их постоянно, некоторые ему

давали для меня соседи, а некоторые он разыскал сам, там, где в Старое время была сельская местность, там, где тогда были сады. Среди лилий были такие белые, раннецветущие, а еще были большие, душистые, тоже белые, но с золотой серединой. Деметриос называл их Регалиями, еще были желтовато-коричневые и, разумеется, были такие обычные, в том числе дневные и тигровые лилии, они совсем как те, что росли в Райбурне. Очень светило солнце, и я пошла назад, опираясь на мою палку, и, конечно, я думала о прошлом. Потом я увидела, что всюду трава и дикие вьюнки, и что всюду, где Джо ничего не сделал, сорняки растут еще гуще. И мне стало так плохо, когда я увидела это, что я даже начала выдергивать их. Но артрит сразу вышиб из меня эту идею. Но когда я прошла еще дальше вдоль забора, то наткнулась на тигровую лилию, это обычная лилия. И она тянула к солнцу свои похожие на большие ножи листья, цветы у нее безвкусовые, кричащие. У нее какие-то странные черные шишки, а бутоны полностью раскрылись. Лилия была вся оплетена вьюнками, а вокруг густо-густо росла кошачья мята. Лилия стояла так, под солнцем, и она походила на моего старого Деметриоса. Он никогда не спорил, из-за него я обо всех мужчинах и женщинах, живущих под солнцем, думаю хорошо, он нес свою ношу, и он не торопился сразу открыться мне. Вот и все... Я почувствовала себя лучше, вернулась в дом и выпила чаю.

Это только обман — сказать «хватит» тому, что как в тисках душит нас. А помочь сказать «хватит» может даже немного: хороший завтрак или чуточка спиртного, музыка, которая доносится откуда-то с улицы, или когда увидишь какое-то новое лицо, а оно чем-то нравится тебе, а может, лицо старое, но в нем есть что-то новое.

Но — хватит.

Гарт и остальные (кроме Фрэнки) сидели — ждали, беспokoясь, Боско. Хотя такой необходимости не было — по крайней мере, насколько это вообще касается физической безопасности человека. Г. Ф. говорил, что за все эти дни он ни разу как следует не выспался. Сейчас он, в шлепанцах и

ночной рубашке, разделяя общую тревогу, тоже сидел здесь. Он чувствовал себя огорченным, потому что не смог сказать Боско ничего толком о Бродягах Гаммо. Года три-четыре назад цирк побывал в одном городе на севере Мохы. Незадолго перед этим город был просто разграблен шайкой Бродяг, называющихся именно таким именем. Т. С. разузнал, какой дорогой ушли Бродяги, он не желал с ними встречаться. Ушли они на запад, но больше он о них не знал ничего. Боско принял это сообщение с философским спокойствием.

Примерно к полуночи, неслышно ступая, вернулся Боско. Под мышкой у него был окорок. И качалась, свисая из кулака, куриная тушка. «Может быть, даже, это тот самый окорок», — сказал он гордо. Деметриос вздохнул огорченно. Ангус неодобрительно нахмурился. Гарт вытаращил глаза. Видя все это, Боско надулся. «Ну, мне подумалось, что курица — это вроде как штраф... Понимаете?»

— Ввиду того, что они украли ваш окорок, — обеспокоенно сказал Г. Ф., — мне кажется, будто вы считаете, что имели право отплатить им тем же, Боско. Но все же мне представляется, что вы поступили не совсем правильно, Боско. Т. С. это бы не понравилось. Человек не должен поступать так. Вы залезли в чужой дом?

— В сарай, — достаточно кротко ответил Боско. По-видимому, он все же с почтением относился к Г. Ф. — как и к Деметриосу. Но любезности в его кротости не чувствовалось. Деметриос понял вдруг, что будет трудновато создать его республику, если одним из ее граждан окажется Боско. Но тогда — будет ли это республика? «Иисусе, — сказал Боско, — я-то воображал, что вы все будете довольны». Никто не ответил. Боско всмотрелся — особенно пристально — в лицо Гарта и ничего утешительного там не обнаружил. «Ладно, Иисусе, вы хотите втоптать меня в грязь только за то, что я что-то там взял. Может, лучше мне сменить масть. Не хочу насильно оставаться там, где я нежелателен. Я могу просто взять этот мой окорок и эту проклятую курицу и — до свидания. Бога ради».

— В этом нет нужды, — сказал Деметриос. И ощутил удивление от сказанного. Не он лидер.

— Вы с самого начала с нами, — сказал Ангус. — С самого начала, как группа Друзей ощутила себя единым целым.

Оставайтесь с нами, Боско. Оставайтесь и научитесь нашим путям. — Насколько помнил Деметриос, никто из Друзей еще никогда не говорил таким образом, с таким авторитетом. Сам бы он, не смутившись, не смог бы так сказать.

— Ну, Иисусе... — Вряд ли Боско сможет многому научиться. Пожалуй, лишь наполовину Ангус сказал то, что действительно думал. Но ему хотелось убедить и других, и — себя.

— Мы все время ходим по краю пропасти, Боско, — сказал Гарт. — Мы должны вести себя с людьми, сообразуясь с усвоенными ими правилами. Верно? А если сейчас обкраденные ищут вас, если они придут сюда? И, может быть, нам не удастся обратить их в бегство, крикнув, что пума выбралась из клетки.

Сказанное, похоже, дошло до Боско. Он забормотал что-то — громко, но растерянно, швырнул наземь окорок и курицу. Полез ладонью в затылок. «Ну, Иисусе...»

— Насколько я понимаю, — сказал Г. Ф., — вы сделали все, что от вас зависело, Боско. Отличный окорок.

Черты лица Боско разгладились. Когда Друзья отправились спать. Среди них снова царил мир. С рассветом мы помогли выкатить телеги на дорогу (Боско старался больше всех), и все утро двигались вместе.

К полудню мы остановились у перекрестка. Позавтракали (окорок съели тоже.) Затем, после многих прощаний, после того, как Т. С. скрупулезно выплатил Винкен, Блинкен и Ноду заработанные ими деньги и получил их расписки, после того, как Т. С. и Г. Ф. расцеловали девушек (Блинкен немного всплакнула), цирк Сойера-Финна двинулся по ведущей на север дороге. Хотя дорога, идущая на запад, сплошь заросла травой, через некоторое время мы нашли другую дорогу. Когда светит солнце — путешествовать нетрудно. Солнце накатывалось — значит, наступало время спать. Когда солнце вставало, все, что требовалось, это идти так, чтобы до полудня оно оставалось за спиной, а после полудня идти вслед ему. И так до тех пор, пока не кончался день.

Я, автор, сожалею, что вы, должно быть, уже не понимаете, какой точки зрения придерживался Деметриос. Но точка зрения (какое странное, неуклюжее словосочетание!), но точки зрения меняются, ослабевают, даже вообще исчезают. Мое тщеславие удовлетворено: мне удалось так много рассказать о нем... но этот человек был, как говорится, мне хорошо знаком. Мне довелось провести с ним, беседуя, так много часов. Во время наших совместных скитаний мне немало довелось наблюдать за ним. И много было задано — в обычной для меня лукавой, скрытной манере — вопросов. Так что мне хорошо известна его жизнь: и то, что было давным-давно, в Гестервилле, и подробности его жизни в Набере, радость и горе, с которыми было сопряжено его пребывание в публичном доме... Я знаю о взлелеянном им саде, о мэм Эстелле и ее чае, об Элизабет из Хартфорда, взбивающей в сохранившейся от Старого времени миски такой же древней ложкой тесто для домашнего печенья... А если я чего-нибудь не знаю, либо чего-то не оказалось записанным в моих записных книжках — значит, это вряд ли заслуживает упоминания. Значительная часть веса моего заплечного мешка приходится как раз на записные книжки. Потом по моей просьбе, Гарт переложил часть их в свой мешок. Насколько я помню, мне уже довелось упомянуть, что Гарт не умел читать. Ангус и Деметриос занялись им, и он быстро овладел грамотой. В отличие от мгновенно вспыхивающего Фрэнки, он с веселой настойчивостью (хотя и с не меньшей страстью) постигал искусство чтения. Но заметки в моих записных книжках он прочесть не мог: они были сделаны с помощью изобретенной мною стенографии. Кроме того, Гарт всегда был хорошим мальчиком и не стал бы заглядывать в чужие записи без разрешения. Я могу понять его отношение к подобным вещам. (Иногда мне хочется проанализировать это слово — «отношение». Оно не так абсурдно, как «точка зрения», но все же звучит достаточно по-идиотски.) Его отношение к таким вещам легко можно понять, поскольку подросток, на деле, не более загадочен, чем любое существо, в жилах которого течет теплая кровь.

Точка зрения Деметриоса (поскольку автор снова исчезает, читатель может истолковывать это словосочетание по собственному усмотрению), так вот, точка зрения Деметриоса сделалась какой-то расплывчатой. Она размазывалась под напором впечатлений. Кроме того, все чаще Деметриос ощущал, будто в его внутренностях находится какой-то отратительный червь — червь боли. И все мысли Деметриоса были окрашены ощущением присутствия этой твари.

Утром пошел легкий дождь. Он не помешал бы Друзьям, но Ангус решил, что сегодня им следует отдохнуть. Их приютил великолепный каменный амбар. Совершенно непогрешенный, он стоял там, где никаких домов и поблизости не было. К полудню дождь прекратился, выглянуло солнце, но Ангус сказал, что уже слишком поздно отправляться в путь. Кроме того, Ангусу показалось, что Факел чуть захромал после вчерашней охоты. (На этой неделе Боско потерпел неудачу, попытавшись первой же стрелой свалить оленя. Стрелял Боско из лука, который сделал для него Гарт — он мог сделать, что угодно. В охоте принимал участие и Фрэнки со своим священным Топором. Боско слишком поторопился, и выстрел оказался неудачным.) «Так что оставшуюся часть дня давайте побездельничаем, — сказал Ангус. — Пожужим оленину. Западный океан куда от нас не денется».

Деметриосу и на ум не пришло, что все это было сделано потому, что остальные Друзья обратили внимание на его состояние. Точно так же — на следующий день, когда они снова двинулись в путь — он и не заметил, что идут они медленно, с многочисленными остановками.

Ему доставлял наслаждение каждый сделанный им шаг, доставляло наслаждение чувствовать тяжесть орехового посоха. Очень приятно было, прислонившись спиной к древесному стволу, постоять, отдыхая, под солнечными лучами. Он заметил, что рядом с ним обязательно кто-нибудь находился — Солайтер, очень часто Винкен (тоненький голосок и необыкновенно зеленые глаза), иногда Фрэнки. В эти дни не слишком разговорчивый. Но наиболее часто рядом с Деметриосом шел Ангус. Ангус вообще

старался держаться поближе к Деметриосу — даже если кто-нибудь уже шагал рядом с ним.

Однажды, когда Деметриос вместе с Профессором и Ангусом укрывался от солнечных лучей под сенью развесистого дуба, он увидел, что Солайтер о чем-то разговаривает с Блинкен. Солайтер была страшно возбуждена. Так бывало с ней, когда она чувствовала себя плохо, но сейчас было что-то иное. Если только память не обманывала Деметриоса (но он обнаружил, что она уже настолько истрепалась, что это мешает ему рассказывать истории), Солайтер давно уже не впадала в такое состояние. В прошлый раз это было... да, незначительный эпизод, когда они были на подходе к Троттерсвиллю. А сейчас она явно была просто возбуждена. Так бывает с человеком, когда у него случается неожиданная радость — монета, сверкнувшая в дорожной пыли, или лицо друга, показавшееся в толпе чужаков... Деметриос услышал ее слова: «О да, Блинкен, давай все время будем вместе, и когда у тебя родится ребенок, ты, если захочешь, сможешь назвать дитя моим именем, а я, когда у меня родится дочь, назову ее твоим именем. Но, Блинкен, милая, никогда не называй меня Солайтер! Кто она такая, эта Солайтер? Такого человека никогда не было, была только я, а я — есть я. Я — это я, и мое имя — Ева.

ГЛАВА 14. КОГДА Я СТРОЮ, Я СЧАСТЛИВ

Но мы — духи иного сорта.

Шекспир, «Сон в летнюю ночь».

Мы двигались медленно. И, наконец, пришли туда, где воздух пахнул солью и морскими водорослями. Так иногда бывало в Набере и в других восточных городах и странах, когда ветер дул с Атлантики. На протяжении всей нашей жизни никто не пересечет Атлантический океан,

и, вероятно, сменится еще много поколений, прежде чем кто-нибудь переплывет его. Здесь не проложена граница Пенна. Здесь неизвестное и известное встречаются вместе — не более, чем встречаются бегущие по океану волны. И ветер дул с юго-запада — теплый ветер. «Может быть, там соляное болото, — сказал Боско. — Но, должен сказать вам, что так пахнул воздух на побережье Нового моря. Это было на севере Мохи, там часто случаются землетрясения, и на самом деле это море — не новое. Точно не знаю, где мы сейчас находимся, но думаю, где-то к югу от тех мест».

Это было морское побережье. Это было море. Ничто, кроме моря, не могло быть таким огромным, таким ошеломляющим, не могло внушать такого ощущения вечности... И оно появилось недавно, оно вздымало свои воды там, где недавно были лесса, города, поля, дороги. Новое море, старое... Деметриос сказал нам, что в предыдущее миллионолетие здесь был океан. Мелководный океан покрывал эту землю на протяжении бесчисленных веков. Вероятно, мы находимся уже где-то на юго-западе Пенна. Деметриос сказал, что мы еще не дошли до Абереда. Когда Нод спросил его, почему он в этом уверен, в ответе старика явно прозвучало сомнение. Он сказал, что его путь (должно быть, он имел в виду наше путешествие) протекает как сквозь пространство, так и сквозь время.

— Такой путь проделывает скала, — сказала Винкен. — Земля, вращаясь, уносит ее, а сама земная орбита вершит свой путь через Галактику.

Деметриос глянул на нее, в его взгляде была доброта и, пожалуй, изумление. Винкен не всякому по вкусу, но Деметриос и она стали близкими друзьями. Деметриос нес ее на руках, когда ее маленькие ноги начинали уставать, но в последние дни он сам чувствовал себя обессиленным. Их мешки и другие пожитки несли остальные Друзья.

— Пусть вас везет Факел, — сказал Ангус Винкен.

И иногда она садилась на его спину и проезжала короткие расстояния. Серый пес вышагивал с горделивым видом и смеялся, высовывая язык из пасти.

Но мы добрались до побережья, и вскоре наше путешествие пришло к концу. Мы наткнулись на город. Людей в

нем не было. Друзья двинулись было по древнему шоссе — оно вело прямо в море... Людей здесь не было совсем. Пустая площадь. Дома в большинстве своем обрушились и были оплетены виноградными лозами. Тихо покачивались древние дорожные указатели. За кварталом безлюдных домов лежала когда-то замощенная площадка. Думаю, это было то, что в Старое время называлось парковочной стоянкой. Лишь немногие сорняки смогли отыскать трещины в покрытии площадки и пробиться сквозь него. Безлюдье... На площадку накатывались волны с белыми гребешками — перешептывались.

С запада море ограничивалось лишь горизонтом. Но в его южной части стлался голубоватый туман, наводя на мысль, что там — земля. Мы пришли сюда ранним утром, и солнце светило из-за наших спин, бросая лучи на этот скрытый от наших взглядов остров. Мы увидели, как яркий луч света отразился от чего-то, может быть, это была боковина утеса, может быть, водопад. Деметриос описывал Ангусу увиденное. Потом они двинулись дальше, и я видела, как они остановились на самом берегу, там, куда докатывались маленькие волны. Деметриос все еще говорил, но слишком тихо, чтобы я могла что-нибудь расслышать. Его левая рука была на плече Ангуса, в правой руке был зажат посох, и он показывал то туда, то сюда. Деметриос рассказывал юноше, которому, чтобы хоть что-нибудь рассмотреть, приходилось напрягать свои близорукие глаза. Остров на юге, правду сказать, был так далек от нас, что, казалось, добраться до него можно лишь в мечтах.

Нам повстречался старый дорожный указатель, на котором было обозначено несколько названий. Под каждым названием было указано расстояние до этого города. Мне показалось, что одно из этих названий вроде бы «Аберато». Но Деметриос ничего не сказал. Он оглядывал развалины, и во взгляде его не было и признаков сожаления либо узнавания. Он спросил Гарта (возможно, он хотел лишь пошутить), знает ли Гарт, как построить лодку, чтобы добраться до острова.

— Нет, Деметриос, — как всегда серьезно ответил Гарт. — Но если вы расскажете мне, как это делается, и если лодку делают из дерева... и если мне не надо будет спешить, полагаю, что я смогу это сделать.

— Сентябрь, — сказал Боско. — Еще два месяца и, вероятно, — зима. Если постройка вашей лодки продлится до холодов, можно будет найти убежище в каком-нибудь из этих домов. Укрыться от непогоды можно даже в разрушенном доме.

— Если мы задержимся здесь до холодов, то как насчет того, чтобы сначала привести в порядок какой-нибудь дом? — спросил Нод. — Будем жить в нем и искать дерево для постройки нашей лодки.

Вероятно, все Друзья заметили, что Боско сказал «вашей», а Нод «нашей» лодки.

Укрывшись в саду от свежего и влажного, дующего с океана ветра, мы обсудили эту идею, а поскольку мы расположились в саду (пусть и древнем), к обычному нашему рациону были добавлены яблоки. Всем показалось, что идея хороша. Она была практичной, разумной, и в то же время достаточно глупой, чтобы быть интересной.

— Если мой ребенок родится в море, — сказала Ева (прежде она была Солайтер), — он будет жить долго, и шторм ему будет не страшен. Таково старое ловеллтаунское поверье. Верно?

— Поясни, что значит «старое», — сказала Винкен.

— Ему уже день. Его вчера, пока мы готовили грудинку и сравнивали животы, придумала для меня Блинкен.

— Часы, часы и часы назад, — сказала Блинкен. — Мой не так широк, зато больше.

— Фу.

— Ничем не могу помочь этому, — сказал Нод. — Я люблю всех женщин. Что ж, мне нравится идея с лодкой. Нам понадобится копченое мясо. Если Гарт строит лодку, я буду охотиться.

— Нам необходим остров. Мы с Деметриосом как раз пришли к этому выводу, когда Фрэнки выпустил пуму из клетки.

— Еще необходима удочка — в три раза длиннее самой лодки, — заявил Фрэнки. — Не забудьте.

— Остров, который мы видим, — сказал Деметриос, — на самом деле не так уж далеко отсюда. Может быть, нам придется искать какой-нибудь другой остров, подальше.

Если будет республика... если мы попытаемся создать республику... возможно, понадобится определенное время, чтобы она могла окрепнуть. Нужно, чтобы она могла спокойно развиваться. Нужно исключить попытки чужаков уничтожить ее, — он глянул на Профессора, который всегда был готов согласиться, или наоборот, опровергнуть сказанное Деметриосом. Профессор кивнул. — Пусть наш остров будет не слишком легко обнаружить, — продолжил Деметриос. — И он должен быть достаточно большим, чтобы на нем могли поселиться несколько сотен или тысяч человек, ценящих любовь и независимость.

Так что было решено строить лодку. (Боско вполголоса выругался, но толком ничего не сказал.)

Гарт обследовал прохудившееся серое здание, где мы решили укрыться от морского ветра. Фрэнки держался поближе к зости — на тот случай, если Гарту понадобится топор. Гарт пинал стены, прослушивал их. «Пригоден для жилья, — наконец объявил он. — Кроме того, здесь и вон там тоже можно найти материал для постройки лодки». Затем они вместе с Фрэнки вошли внутрь дома, чтобы проверить состояние балок, обвязки, полов и крыши. Остальные тем временем решили осмотреть город.

Внимание Деметриоса привлекла высовывающаяся из груды булыжника обугленная табличка. Буквы на ней гласили: «... баяные товары». Деметриос постучал по ней своей дубовой палкой, перевернул и обнаружил молоток. Заржавленный, но вполне годный к употреблению, настоящий молоток с металлической ручкой, на конце обтянутой, чтобы удобнее было держать, каким-то неизвестным нам материалом. Должно быть, магазин скобяных товаров сгорел до того, как его успели разграбить, и его сокровища оказались погребены под штукатуркой, всяким мусором и углем. Нод и Боско помогали нам. Покопавшись в руинах, мы извлекли (даже голова закружилась) две ручные пилы (еще в заводской смазке), несколько бочонков с гвоздями, обоюдоострый топор, бурав с набором сверл, рубанок. Были там, разумеется, и какие-то замысловатые приспособления, о которых Деметриос сказал, что это электрические приборы. Мы их выбросили.

Вернувшись, мы увидели, что Гарт и Фрэнки уже занялись ремонтом. Было огромное окно, стекло в котором каким-то чудом осталось целым. Остальные окна были разбиты, но их легко заделать. Так что зимние ветры будут для нас не страшны. Через большое окно мы сможем наблюдать, как меняется океан при заходе солнца. Камин был в полном порядке. И он был достаточно велик, чтобы в нем можно было готовить пищу. Здесь, в гостиной, мы и разместили свои спальные принадлежности. Были заметны следы крыс, но после того, как Факел одну-две ночи погонял их, шуршание в стенах прекратилось.

Увидев, что мы раздобыли в развалинах магазина, Гарт стал самым счастливым человеком на свете. Он просто излучал счастье, словно светился, и часть лучей попала на Блинкен. «Имея эти инструменты, — сказал Гарт, — мы сможем продолжить наш путь. Когда я строю, я счастлив». В последующие дни он беспрерывно работал. Началась зима (правда, мягкая, без морозов.) Пошли дождливые дни. Гарт не мог продолжить постройку лодки. Он занялся резьбой по дереву. Для каждого из нас он сделал по резной фигурке. Самому ему казалось, что в его искусстве нет ничего удивительного. Для Блинкен он вырезал лебедя с распростертыми крыльями, и она тут же сказала, что хочет, чтобы Гарт стал отцом ее следующего ребенка. Мы все были очень рады подаркам Гарта. Я надеюсь, что непринужденность в наших отношениях сохранится и далее. Что она останется и тогда, когда пути нашей жизни (как и должно быть) сделаются более запутанными.

В первый день нашей жизни в этом городе (вероятно, это все-таки был не Абередо) было решено, что один угол кухни будет отведен для хранения наших собственных инструментов. Фрэнки весь засветился от удовольствия, когда было объявлено, что надзирать за ними будет именно он. Его уполномочили делать выговор тому, кто забудет положить инструмент после использования обратно. Чистка инструментов тоже была возложена на Фрэнки. Ангус положил руки на плечи Фрэнки, и хотя он хотел сказать это в шутку, его слова прозвучали очень серьезно и торжественно:

— С этого дня и на будущее ты, Фрэнки, начальник рабочих инструментов.

В Старое время местоимение «ты» означало пренебрежение. Или так говорили, чтобы подчеркнуть торжественности обращения — как в данном случае. Или, наконец, так бывало в тех редких, вызывающих изумление случаях, когда двое или трое (может быть, даже больше, хотя мне никогда не приходилось слышать об этом (безбоязненно и с любовью, а не под давлением необходимости, страсти либо самомнения) соединяли свои жизни. Когда такое случалось, это часто обходилось без длинных речей — ведь так редко приходилось слышать нужные слова. Это — как особого вида объятия. Вот почему мне иногда бывает трудно с Профессором, хотя я очень люблю его. На острове Перанелиос (мы так называли его по вымышленной стране историй Деметриоса) мы никогда не посягаем на личную жизнь другого. Никогда не лезем с советами, как нужно сделать то, или другое («Я бы это сделал иначе».) Что ж, ваш автор чуть забежал вперед, противная привычка, извините. Мне только хотелось сказать, что начальник рабочих инструментов — не такая уж маленькая должность. И никто, кроме Фрэнки, не мог бы столь превосходно исполнять вытекающие из нее обязанности. А он занимал эту должность многие годы... Сейчас он пишет свою первую книгу. Так что подождите немного.

Судно, которое построил Гарт, представляло собой плот. Но не простой, а величавый плот, с парусом, килем, поворотным рулем и каютой. наших орудий и знаний не хватило на то, чтобы придать ему очертания настоящего корабля. Но это не имело значения: после первого пробного плавания мы поняли, что судно обладает всеми необходимыми качествами. Боско сказал, что эта штука не поплывет. Мы спустили наш плот на воду. Он был еще далеко не закончен: просто остов. Нам пришлось решить несколько задач, связанных с установкой руля и кия. Еще несколько раз плот выходил в пробные плавания, прежде чем Гарт был удовлетворен, и в знак одного удовлетворения установил мачту. Наше судно обладало прекрасными мореходными качествами... с чем

Боско никак не хотел согласиться. «Оно не выдержит веса каюты, — говорил он, — и тем более не выдержит нашего общего веса — когда мы все ступим на палубу».

Причины недовольства Боско на деле были иными. Он просто не хотел оставаться здесь. Равно как и вообще не хотел оставаться с нами. Кроме Ангуса, все Друзья, включая Боско, потратили много усилий и времени, обсуждая эту проблему. Вы сами знаете, как это бывает — собираются по двое или по трое по углам и без конца переживают одно и то же. Наконец, за дело взялся сам Ангус. (Было еще достаточно тепло, чтобы мы иногда — как раньше — ели в саду.) Ангус как-то вечером просто сел рядом с Боско и спросил:

— Вы действительно не хотите отправиться с нами на запад, Боско?

— Скажу вам честно, — ответил тот, — да, действительно не хочу. Но мне бы не хотелось разочаровывать вас.

— Лучше распрощаться, чем против воли идти с нами, если идти не хочется, — сказал Ангус. И добавил — в присущей ему манере, словно размышляя: — Конечно, мы все равно не смогли бы удержать вас. Это наша вина и наша ошибка.

Может быть, он действительно думал так. Может быть, тут сыграло роль его аристократическое воспитание: чуть подольстить, чуть подмаслить. Он никогда не льстил слишком много, так что трудно было понять, есть ли лести вообще. Разумеется, он никогда не льстил Деметриосу — потому что любил его. Не льстил он и мне: знал, что я сразу уловлю это... Ангус мог слегка подмаслить в разговоре с быстро вспыхивающим Нодом — чтобы заставить его остыть. Мог чуть польстить и Гарту, медленно соображающему, зато тонко чувствующему. И единственной причиной было то, что любя Гарта, он хотел сделать ему приятное. Вряд ли существует причина лучше.

— Раз вы заговорили об этом, — сказал Боско, — и у вас нет обиды, думаю, мне лучше уйти. Понимаете, я все думаю о Бродягах Гаммо. Если из того города, о котором говорил Т. С., они пошли на запад, то они не могли уйти слишком далеко. Дальше к западу — океан и джунгли. А им это не нужно. Им нужны люди, торговля, веселье. И, во всяком случае, мне

хочется разыскать босса Гаммо. Меня не очень волнует, что он, возможно, мой папаша, но дело в том, что я должен его отлупить. Даже если ему сейчас что-нибудь больше семидесяти, все равно он не мог стать кошачьим дерьмом. И когда я поймаю его, то задам ему трепку... ну, небольшую трепку. Конечно же, небольшую, я перестану бить, как только увижу, что он уже не может встать.

Итак, назавтра, ранним утром, Боско распрощался с нами. Каждый из нас сделал ему маленький подарок: Гарт — лук, Нод сплел из оленьей кожи новые сандалии и так далее. Пока все остальные были заняты раздачей добрых пожеланий и прочей чепухой, я шепнула Фрэнки, чтобы он пошел глянуть, на месте ли инструменты. Он подчинился, а вернувшись сообщил, что все в порядке.

— И вообще, в чем дело?

Он был раздосадован, хотя очень любил меня и до сих пор продолжает любить. (О, теперь уже нет.)

— Что пришло вам на ум, Винкен? — спросил мой Фрэнки мои Мозги-что-надо.

— Да так, — ответила я. — Просто мне захотелось знать.

А потом, вечером, когда Боско был уже далеко в джунглях, возвращаясь к жизни, что была ему больше по нраву, Ангус обнаружил, что потерял свои наручные часы.

— Должно быть, вчера, когда я пошел купаться, я оставил их на скале, — сказал Ангус. (Он и сам знал, что никогда не допустил бы подобной беспечности.)

Внешне ленивый океан намыл для нас небольшой песчаный пляж. Ангус любил, разбежавшись, нырять в волны. И продолжил это делать, когда для остальных погода стала слишком холодной. Поблизости от границы пляжа валялась статуя какого-то джентльмена по имени Вильям Пенн. То ли ее сбросило землетрясение, то ли кто-то свалил нарочно. Теперь старик лежал и с кротким недоумением смотрел в небо.

Я пошла с Ангусом помогать ему искать. Он водил рукой по пьедесталу, я совалась то туда, то сюда. Когда мы сдались, он сел и рассмеялся.

— Вот толстый ублюдок! — фыркнул он, и рассмеялся еще пуще. Но смеялся он, чтобы скрыть свои слезы: у Ангуса вызвать их было сравнительно легко. Мне кажется,

что плакать лучше, чем молча растравливать себя. И еще я знаю, что слезы Ангуса были вызваны тем, что сегодня Деметриос чувствовал себя особенно плохо. Он даже обмолвился — по крайней мере, так его понял Ангус, — что не надеется дожить до отплытия.

— Он живет в двух мирах, — сказала я. — Ему нравится жить в двух мирах.

— Вы читаете в моей душе. (Что ж, человеческая душа — моя область. Я должна знать, чего ожидать от человека.)

Ангус в раздражении ударил по колену.

— Два мира... Почему не три? Почему ему не дано увидеть третий мир, который он мечтал создать для нас — республику? Почему он не сможет дожить до этого? Это его мечта, все мы остальные только следовали за ним... Единственное исключение, может быть, только вы.

— Вам хотелось бы, чтобы все было справедливо?

— Хотелось бы, — сказал он, и слезы его высохли. — Знаете, он сказал... это было, когда его боли прекратились... но он был уже таким изможденным, измученным... Он, кажется, задремал. Возможно, он не знал, что я сижу рядом... Он бормотал что-то о заповедях Моисея.

— Может быть, он просто имел в виду, что все пророки похожи на Моисея: страна обетованная всегда остается где-то там, за горизонтом. — Он не ответил мне. Он взял мою руку и прижал ее к своему горлу. Я чувствовала, как там под кожей пульсирует кровь. — Страна обетованная... До того, как мы достигнем ее, нас ждет немало трудностей.

— Разве я этого не знаю, милый? Но ему доставляет удовольствие преодолевать их. Ему нравится видеть... а мне хочется выкупаться. — Он вскочил и сорвал с себя одежды. — Пойдешь со мной?

Погода была слишком холодная, но я в любом случае сделала бы это... Он такой славный, у него рыжевато-каштановые волосы, а сложен он как рафаэлевский ангел. Мне хотелось быть рядом с ним. Мы нырнули, поплавали, потом обсыхали на ветрке. Потом мы любили друг друга. Только так это могло произойти у меня с Ангусом — потому что он боялся за меня.

Да, верно, для лилипутов это рискованно, если только поблизости нет хирурга, который мог бы сделать кесарево

сечение. Но предыдущие роды, когда я произвела на свет ребенка от Нода, прошли хорошо... Как мне было скверно, когда девочка умерла! И я была готова пойти на тот же риск. Нам говорили, что у лилипутов роды не могут проходить нормально, но мне хотелось снова забеременеть. Ведь Нод и я не просто лилипуты: у обычных лилипутов непропорционально короткие ноги и большая голова. Может быть, мы — какая-то новая порода? Порода маленьких людей? Надеюсь, что это так. И разве не сам Деметриос сказал (в тот день боли мучали его меньше), что он хотел бы, чтобы в республике было много людей, подобных Ноду и мне? И разве мы однажды не начали придумывать такие дома, в которых могли бы совместно жить и большие, и маленькие, чтобы и тем, и тем было хорошо и удобно?

Она была такая маленькая, моя дочь. Она была так великопно сложена. А прожила она только три месяца...

У меня было молоко для нее, много молока. Ее убила дифтерия — одна из болезней, побежденных в Старое время. Но в наше время от дифтерии умирают снова...

Дикость Нода прекрасна, она разжигает во мне пламя, но мягкость меня привлекает тоже. Ангус такой мягкий, вежливый. Когда мы, тихие и умиротворенные, вернулись домой, Ева, бывшая Солайтер, улыбнулась нам, и в улыбке этой не было злобы.

Все начало зимы под руководством Гарта мы трудились над нашим судном. Зима в южном Пенне не такая, как мы ожидали. (Если только мы действительно находились на юге Пенна.) В Ловеллтауне в декабре и январе было иначе. А здесь — просто воздух стал холодным, шли бесконечные дожди, а снега почти не было. Убийственные морозы случались редко. Мы не знали, где взять материю для паруса. Деметриос предупредил, что шерстяные одеяла не годятся. Вода не скатывается по шерсти, и парус намокнет. Мы уже подумывали о том, чтобы послать кого-нибудь в ближайший город, чтобы купить льняную ткань. Но мы проходили через него и знали, что это захудалый, маленький городишко, и вряд ли нам могли бы там что-нибудь предложить. Кроме того, Ангусу не хотелось, чтобы Друзья разделялись.

Сам Ангус не мог покинуть Деметриоса. Он обещал оказать ему определенного рода услугу. Никто, кроме него, не смог бы это сделать. Ангус рассказал мне, что ему придется сделать для своего друга. Поскольку он разрешил мне написать об этом, остальные, когда прочтут, тоже все узнают. И, вероятно, они не будут слишком удивлены.

Мы придумали, из чего сделать парус: просто сшили вместе наши одежды. А на случай, если нужно будет одеться, разрезали одеяла. Но мы знали, что эти шерстяные обрывки понадобятся нам не часто — каюта защитит нас и от холода, и от дождей. И знали, что поплывем мы, вероятно, в страны, где царит тропическая жара. Мы были молоды и не стыдились своей наготы.

Профессор (И он молод? Да, и он — в нашем понимании.) большую часть времени проводил возле своего друга. Он всматривался в лицо Деметриоса и играл для него на лютне. Деметриос часто не произносил ни слова, но Профессор все равно понимал, какую музыку хотелось бы услышать больному. Он внезапно переходил от веселой к печальной музыке, или от незатейливой мелодии к контрапункту, такому сложному, что, следя за ним, Деметриос хмурился — но хмурился он от наслаждения. Профессор играл, понимая, чего хочется Деметриосу, — и мы не можем постичь, как он это понимает. И как бы ни менялось настроение Деметриоса, всегда звучало то, что ему хотелось бы услышать. Он путешествовал по стране музыки — до тех пор, пока боль снова не становилась слишком сильной.

Мне не по душе писать ни о страданиях Деметриоса, ни о тысячах унижительных подробностей, с которыми связано было его долгое умирание. Скажу только, он пересиливал свои муки. Но настало время, когда он понял, что больше терпеть не в силах. Однажды он сказал — в мягкой, но несколько презрительной манере лукавых эвфемизмов Старого времени — что жизнь гораздо лучшая штука, чем смерть, а жизнь в здоровом теле — лучше мучений. А в другой раз (рядом с ним находились Гарт, Фрэнки, Факел, Профессор и я) он сказал: «В смерти нет ничего загадочного. Смерть — подобно рождению — неизбежна. Умирать неприятно... но это не имеет значения.

Кроме вот таких очевидных высказываний, о смерти ни чего не скажешь. Говорить нужно о жизни. Поиграй нам немного Моцарта, Профессор... он был солдатом радости, и он знал, что такое — плакать».

А потом настал теплый мартовский день, когда мы, по без молвному согласию, оставили рядом с Деметриосом одного Ангуса. Мы сидели на берегу и иногда поглядывали на наше уж законченное судно. Натягивая якорный канат, наш корабль покачивался под порывами дующего с востока ветра.

Может быть, некоторые места этой книги вызывают у вас удивление. Сейчас, когда я пишу эти строки, темноволосой дочери Деметриоса, дочери его и Евы, уже исполнилось семь лет. Лишь двумя днями позже нее родилась дочь моей сестры. Она красивая и здоровая девочка. И она маленькая, как Нод или я.

Мне уже давно хотелось вновь посетить восточные страны. Путешествие было безопасным, меня сопровождали Гарт и здорово подросший Фрэнки. Несколько дней мы провели в Набере. Мэм Эстелла уже умерла. Бабетта решила уйти вместе с нами. С собой она взяла дневники мэм Эстеллы, картины Шауна, и еще кое-что, представляющее для нас несомненную ценность. Хорошо вернуться к своим. И хорошо вдруг понять, что вот он — конец этой книги, и я могу начать думать о других делах. Сейчас вечер, и дочь Евы, Миранда, ушла охотиться на светлячков.

Мы глядели на залив. Никто из нас не сказал: «Прощай». Каждый раз, когда мы в последнее время сидели с Деметриосом, это и было прощание. Каждый раз мы молча прощались с ним, и он знал это. Через час или два из дома вышел Ангус и сел на землю, а когда Ева подошла к нему, он набрал в пригоршню земли, поднял руку, и земля ссыпалась у него между пальцами.

Позже он сказал, что Деметриос по очереди расспрашивал его обо всех нас. Он хотел знать, в добром ли мы здравии, и что у нас на душе.

— А потом он сказал мне, — продолжал Ангус, — что боль стала невыносимой, она пересилила то наслаждение, которое он получал от жизни, и что пришло время сделать то, о чем мы давно договорились. И еще он сказал, как это могло быть, Винкен?.. Он сказал, что то короткое время, которое они провели вместе, принесло больше радости его уму и телу, чем, как он думает, было у большинства людей на протяжении всей их жизни. Разве это может быть правдой, Винкен?

Он спрашивал меня, как будто я знала. Я не знала, в каком смысле слова Деметриоса могли быть правдой. Но, подумав, я сказала Ангусу, что это, наверняка, было одной из границ правды — той, которую мог принять Деметриос.

Затем Ангус поцеловал друга, положил ему на лицо подушку и прижал — до тех пор, пока все не кончилось. Именно о такой смерти просил его Деметриос, говоря, что не испытает мук, если примет ее от рук Ангуса, и он завещал, чтобы Ангус позже сам решил, рассказать нам всю правду о его смерти или нет — как он сам того пожелает.

Мы хотели предать его тело морю. Но судно Гарта домчалось нас до острова быстрее, чем мы ожидали. До того острова, который мы видели с материка. Это был маленький, пустынный, местами заросший джунглями остров. Он не годился на то, чтобы здесь была основана наша республика. Но до того, как отплыть дальше, на поиски острова, который мы заранее называли Перанелиосом, мы остановились на нем — и тут кончается эта часть нашей истории. И мы похоронили здесь тело Деметриоса. Рядом с могилой — заросли дикого винограда. Лозы обвили ее, и каждое лето виноград приносил плоды.

Алан Дин ФОСТЕР

МОКОВА ПРОГРАММА

1

Сперва у него отобрали связь. Затем карточки. А потом кто-то спер все его достояние. После чего стащили одежду. Далее какие-то подонки муй рапидо¹ проделали осмотр-изъятие, распотрошив его от шеи до паха. Почки, печень, легкие, яички и глаза отсутствовали. А вот сердце оставили. Спрос на сердца нынче невелик. Где уж там, когда рынок наводнили отличные дешевые искусственные модели. Хоть титановые, хоть пороссячи — выбирай на вкус. После этого жертву одракулили и раскостили, забрав то, что было пригодно для последующего использования: кровь и костный мозг. Жалкие остатки этого несчастного бедолаги были разбросаны под непрерывно барабанившим дождем, словно тряпки, не способные оставить на мостовой даже пятен крови.

Анхель Карденас стоял, уставившись невидящим взором на эти останки, и перед глазами у него плавало райское видение: парок над чашкой горячего кофе и по-домашнему уютные кабинки в некоем кафе. И стоя там, среди вспыхивающих «мигалок», собравшихся машин и ворчащих федералов, Анхель гадал, почему же он, черт возьми, не сделал так, как ему неоднократно предлагал шеф Пэнгборн, и не ушел досрочно на пенсию. Фредозо Хаяки, помощник Карденаса, завершил запись малопривлекательной сцены и выпрямился. Хаяки был огромным полуяпонцем-полуперуанцем. Дружелюбный, экспансивный, с лицом, как у ребенка, массивный малый лет тридцати пяти, он внешне сильно походил на инкского Будду. Несмотря на космическую выпуклость своего живота, Хаяки отличался твердостью бетона. Выпрямившись и негромко крикнув, он сунул записывающее устройство в карман и подытожил обзор места преступления единственным кратким наблюдением:

---

¹ Муй рапидо — (исп.) очень быстро (Здесь и далее прим перев..)

— Осталось в самый раз, чтоб родственники могли предъявить права на останки. А, Анхель?

Карденасу в ответ пришлось повысить голос, чтобы его было слышно сквозь барабанную дробь юго-западного муссонного ливня. Крупные капли сверкали в резком ночном свете из ближайшего торгового комплекса, струясь с кончиков его вислых усов. Этот сладкий бодрящий дождь был на улице единственным, к чему не примешивалось никакой дряни или заразы. Хотя, если верить химическому анализу, произведенному фанатичными «зелеными вердес» и им подобными, то и летний ливень не выдерживал испытания на чистоту.

Привыкнет ли он когда-нибудь видеть на улице трупы? Даже после тридцати лет службы в Департаменте он не переставал поражаться изобретательности, которую проявляют люди, режущие своих сограждан.

«Ну почему, — гадал он, стоя среди ночи и ее огней, — я не уродился собакой, как Чарлибо?»

— Думаю, в полиции легче служилось в прежние времена, когда у граждан отнимали только деньги. — Он взглянул на напарника. — Ты почему весь промок?

В отличие от других мельтешивших вокруг трупа непромокаемых полицейских, Хаяки вымок с головы до пят. Дождь скатывался с его круглого лица, словно пот.

— Куртку забыл зарядить, — смутился напарник. А без энергии электростатический заряд, отталкивающий воду от дождевика полицейского, был всего лишь пустым обещанием. Хаяки выделялся на этой темной глухой улице как единственный промокший федерал.

Хотя этот здоровяк, вероятно, ничуть не возражал против подобного душа. Муссонные дожди, неизменно омывавшие эту часть североамериканского Юго-Запада с июля и до конца сентября, создавали желанную отдушину в той жестойкой жаре, которая царила там все остальное время года. Карденас-то точно наслаждался, чувствуя, как дождь струится по лицу. Благодаря патентованным усилиям тихо гудящего дождевика, все прочее оставалось совершенно сухим.

Тут из ниоткуда появился реклам. Материализовавшись из ночи, он с жужжанием стал носиться вокруг Анхеля, словно

пазойливая пчела в поисках цветка, и все это время через направленный аудио громко превозносил достоинства Новейших! Свежайших! Вкуснейших! Чипсов «Постито» с Лаймом-и-Сальсой! Карденас раздраженно отмахнулся от него, и реклам улетел досаждать Герговичу из судмедэкспертизы. Такие мобильные атакующие рекламы формально считались противозаконными, но, подобно вездесущим настенным рекламным плакатам былых времен, стоило их искоренить в одной части Полосы, как они живо появлялись в какой-то другой, бесконечно повторяя свои надоедливые призывы, выплевывая бессчетные купоны и пытаясь выудить вкрадчивыми речами адреса у раздраженных прохожих.

Гергович выпрямился под дождем.

— Внезапный разрыв нервов, — пробормотал он, ни кому конкретно не обращаясь. — С попыткой придать этому вид сердечной аритмии. — По служившим ему главным рабочим инструментом мед-очкам вереницей пробежали считываемые данные, мелькая за линзами, словно светляки. По частично затененному лицу медэксперта плясали мерцающие пастельные радуги. Лишь когда он отключил внутренние сигнальные огоньки, Карденас разглядел сквозь сверкающие сенсорно максимально прозрачные линзы глаза коллеги. — По крайней мере, все произошло быстро.

Он без большого энтузиазма хлестанул по мобильному рекламу и промазал.

Протянувшаяся от Санхуаны до Масматамороса развернутая макиладора производств и сборочных заводов Полосы Монтесумы представляла собой огромный концентрат промышленности, торговли, сборки, передовой технологии и пороков западного полушария. Бедные иммигранты с юга столкнулись тут с деньгами на развитие с севера и инфолктехом отовсюду. В результате образовалась небольшая популяция очень богатых людей, живущих рядом и господствующих над людьми, надеющимися на лучшее, но зачастую очень бедными. Если ты не смог добиться успеха на Полосе, говорили в душевниках Буэнос-Айреса, Баррераса и Лимы, то нигде не сможешь преуспеть. Работа не гарантировалась. Те, кому не удалось преуспеть, превращались в мрачных, потом в отчаявшихся и, наконец, в хищных, которых так

и называли — фералами¹. Когда кругом плавало столько блестящего, манящего кредита, отчаявшемуся иммигранту было чересчур легко покатиться по наклонной. Если ты не мог произвести что-то, то ты его крал и продавал.

Именно это и произошло с пользующимися наибольшим спросом органами этого бедолаги. Кто-то всегда нуждался в настоящей почке, а кто-то другой — в переливании не загрязненной крови. Продаваемая на черном рынке кровь была легко перевозимым товаром. Не вызывала трудностей и транспортировка глаз и жизнеспособных яичек. Карденас знал это лучше многих других. Его несообразно голубые глаза достались ему от донора. Вполне законным путем, их за биохиирили ему в глазницы, после того как сбунговали его собственные окуляры... Но это дело давнее, древняя история, чиповая пена. В данный момент ему требовалось идентифицировать мертвого парня.

Присутствие федералов и бригады экспертов на этой сырой глухой улице не собрало никакой толпы. В торговой зоне инурба Кецаль никто не прогуливался под дождем. Карденас и его коллег это вполне устраивало. Они не любили зрителей. Тишина предоставляла им возможность делать свое дело без помех в виде разных чужих глупостей. И что еще лучше, сюда пока не нагрянули СМИ. Как хорошо знал старший полицейский инспектор, вит-репортеры с места событий не любили дождя. Он здорово портил им прическу и макияж.

Несмотря на отсутствие части тела, в труп не было ничего достопримечательного. Он был одним из многих, регулярно находимых на улицах, неделю за неделей, месяц за месяцем, словно выброшенных с «американских горок» жизни по капризу какого-то лопнувшего ремня безопасности. Личности, лежащие растерзанными и разломанными, как этот неопознанный труп, у его ног, были скорее правилом, чем исключением. В буйных, бурных, бурлящих глубинах Полосы ничто не пропадало зря. Об этом заботились уличные падальщики и пожиратели тины.

Элен Ватуба склонилась над трупом. Быстро просканировав и найдя, что искала, она терпеливо копалась около оголенного левого предплечья. Там, среди порванных волокон

¹ Feral — (англ.) дикий.

мускулов и голубых капилляров, непосредственно под кожей находился миниатюрный фрагмент нерастворимого пластика с впечатанной в него информацией. Она осторожно переместила наконечник экстрактора в свой спецспиннер и выпустила туда крошечную находку. Через несколько мгновений она уже читала вслух ее содержимое. Карденас и Хаяки подошли послушать.

Для коренастой судмедэкспертши среднего возраста голос у нее был на диво чувственным. Чуткий к подобным явлениям Лаззарио из отдела кадров не прекращал попыток перевести ее в диспетчерскую. Но Эллен нравилось работать в полевых условиях и заниматься анализом, да к тому же она предпочитала работать не с живыми, а с мертвыми.

— Джордж Андерсон. Тридцать два года, женат, проживает в Ольмеке, Вест-Миньеро-Плейс, четыре-восемь-два-два-три-шесть. — Она заколебалась, покуда спиннер продолжал работать. — Похоже, он чист, как зад младенца; за ним ничего не числится. Нет даже нарушений при поездках на работу и обратно. Группа крови... — Она подняла взгляд на вечно скорбного Карденаса. — Хотите, чтобы я чпокнула остальной пузырь, инспектор?

Карденас покачал головой.

— Это я прочту, когда доставят проверенный и исправленный рапорт. Есть что-нибудь особо интересное?

Экспертша глянула совиными глазами на показания спиннера.

— В архивах он числится «промоутером», но не говорится, промоутером чего, и не указано место работы. Только домашний адрес.

— Значит, он работает на дому. — Хаяки беспокойно переступил с ноги на ногу. Он уже устал от дождя. — Тоже мне, оригинальный вывод.

Эллен улыбнулась возвышавшемуся и над ней, и над Карденасом блаженному великану.

— У тебя как, не возникает запор, когда ведешь наблюдение?

— Проведите глубокое сканирование. — Не обращая внимания на их пикировку, Карденас пристально смотрел на

тело, выглядевшее жалким и скукоженным в отраженном свете из ближних массивных строений.

Экспертша недоверчиво уставилась на него.

— Да зачем? — Она сделала жест считывающим извлеченный имплант спиннером. — Вся жизнь этого невезучего гражданина вот здесь, где ей и надлежит быть, доступна для беглого просмотра. В сухом месте, — с нажимом добила она. А когда на это не последовало никаких комментариев, предложила: — По крайней мере, давайте подождем, пока не вернемся с этим в лабораторию.

Инспектор едва заметно мотнул головой.

— Глубокое сканирование. Сейчас же.

Судмедэкспертша обернулась и крикнула своему начальнику:

— Эй, Герго! Инспектор хочет просканировать. На месте, прямо сейчас, хотя у нас есть идент-таблетка этого муэрто.

Гергович глянул поверх мед-очков.

— Интуит у нас он, а не я. Просканируй, Эллен.

Не скрывая своего недовольства, женщина сунула спиннер в чехол у себя на поясе и вынула из второй кобуры другой прибор. Включив его, она пробормотала себе под нос:

— А я думала у вас, чудил, не получается интуитить мертвецов. Не считите за неуважение, инспектор.

Тон Карденаса ничуть не изменился.

— Все так. Я не чувствую и не подозреваю ничего необычного. Просто хочу уйти отсюда, точно зная, что мы ничего не проглядели.

— Да, да; си, си, сеньор. — Сделав глубокий вдох, экспертша вернулась к работе. Карденас отвел взгляд. Извлечение подробной ДНК тела и последующий пропуск ее через Архивы займет несколько минут.

Хаяки крутился рядом; частично дворняга, частично грузовик, а в целом — деловой. Но мокрый.

— А зачем сканировать-то, Анхель? Есть какая-то причина?

И в самом деле, зачем? Что заставляло его беспокоиться о мертвых не меньше, чем о живых? Желание добиться справедливости? Или тут всего лишь проявлялась профессиональная гордость? Он показал на труп и сказал, не

оборачиваясь, не желая отвлекать от работы раздраженную экспертку:

— Хорошие волосы — дорогой трансплантат. Нежная кожа. Два регенерированных премоляра, а может, и больше. Сплошь хорошая работа. — И подняв руку, сделал жест в сторону окружения. — А это местечко никак не назовешь хорошим. Они не сочетаются. — Он оглянулся на помощника. — Зачем потрошить парня, не взяв то, что лежит снаружи?

Хаяки подумал.

— Одна почка стоит дороже, чем целый грузовик одежды.

— Да я не об этом. — Карденас прищурился, вглядываясь в усиленный дождем мрак. — Я имею в виду, что, спрашивается, гражданин из такого приличного, чинного района, как Ольмек, явный чистяк, делал в таком грязном урбе, как Кецаль, в такую скверную ночь? Почему он не сидел дома с женой, любуясь дождем или матчем между «Арсеналом» и «Чикаго»?

Через пять минут, почувствовав за спиной движение, он обернулся. Как раз вовремя, чтобы оказаться лицом к лицу с Эллен. Никто никак не прокомментировал его идеальную реакцию. Если кто и мог привыкнуть к выбивающим иной раз из колеи поступкам интуитов, так это другие полицейские.

Прежнее негодование сменилось у нее неохотным уважением с примесью намека на благоговейный трепет.

— Как вы догадались? — прошептала она.

Карденас не извлек никакого удовлетворения из подобного доказательства своей правоты. Он просто выполнял свою работу.

— Насчет чего? — ободряюще отозвался он, хотя уже отлично знал, о чем речь.

— О том, что в иденте этого муэрто что-то не так. — Женщина умная и восприимчивая, она внимательно пригляделась к наполовину скрытому дождем и темнотой морщинистому лицу инспектора.

— Не знаю. Как я сказал, мне просто хотелось сделать все тщательно.

— Да, вердад. — Ее внимание переключилось на очень дорогой и очень мокрый аппарат, который она держала в руке. — Имплантированный в него идент гражданина настаивает, что

он Джордж Андерсон из инурба Ольмек. А когда я соединила эту инфу с результатами сканирования ДНК и пропустила ее через Архивы, то показания прибора внезапно приняли такой вид, словно аппарат заболел корью. На моем красивом чистом экране повсюду высыпали сердитые красные точки.

— Ну так и кто же он? — спросил Хаяки, соблаговолив снова проявить интерес.

Она подняла экран, давая им прочесть.

— Зависит от того чему верить: местному иденту или национальному. Архивы утверждают, что на самом деле это некто по имени Уэйн Бруммель, из Большого Харлингена, штат Техас. И угадайте, что там говорится? Там тоже не указано никакого места работы, только домашний адрес. В Харлингене.

Карденас прищурился, глядя на маленький экран.

— Физическое описание совпадает. По крайней мере, совпадает с тем, что оставили эти пожиратели тины. — Он глянул мимо прибора на неинформативное, а теперь уже и какое-то зловещее тело. — Но остается все тот же вопрос: что же такой чистяк делал здесь, в Кецале? Да еще с двумя личностями в одном теле. — Он передал ей свой спиннер.

Она соединила его со своим, выждала необходимую пару секунд, давая двум полицейским приборам обменяться требуемой информацией, а затем аккуратно убрала свой обратно в кобуру.

— Откуда мне знать? Это ж вы интуит. — Приставив ладонь козырьком ко лбу, она взглянула на небо. — А погода проясняется. Завтра будет очень жарко.

Поскольку дело происходило поздним летом в пустыне Сонора, ее замечание было явно излишним.

— Что теперь хочешь делать, Анхель?

Карденас поразмыслил. Он знал, что ему следовало предоставить заниматься этим Отделу Убийств. Да только... Национальные Архивы не ошибались. А они настаивали, что тело принадлежало Уэйну Бруммелю из Большого Харлингена. Подделать подкожные иденты трудно. Идент же этого гражданина настаивал, что он Джордж Андерсон из Ольмека. И вместе взятые, они складывались в настоящий мьердяной магнит.

Он знал, что ему не следует лезть в это дело. Разбираться с такими делами — не его забота. Они с Хаяки просто по случайности оказались в данном районе, когда пришла «молния». При желании, он мог спокойно уйти оттуда. Но вместо этого он открыл свой спиннер и прошептал в микрофон номер, напечатанный на иденте мертвеца, записывая его на встроенный голком.

Хаяки это ничуть не удивило. Разочаровало, но не удивило. Он уже не раз видел подобное. Инспектор прицеплялся к противоречиям, как ремора¹ к акуле. Старший партнер теперь не уснет, пока не разберется с этим. А поскольку упорный начальник потащит с собой и Хаяки, тому тоже спать не придется.

И все же он попытался отвертеться.

— Поздно уже, Анхель. Может, она уже выключила телефон.

— А может, и нет. — Инспектор сверился с браслетом, куда его спиннер набирал не внесенный в телефонную книгу номер. — Да, уже слишком поздно для светских визитов. Но еще не слишком поздно узнать, что твой муж найден мертвым и ограбленным на глухой улице в гнилой части города.

Он слегка отвернулся от напарника, когда произошло соединение. Из спиннера раздался сонный женский голос. Экран же остался пустым: она выключила видеокамеру.

— Да? Кто это? Джордж?

Дождь уже почти прекратился. К завтрашнему дню порожденные редющими тучами бесформенные лужи начисто испарятся под лучами безжалостного солнца пустыни. Все будет выглядеть так, словно этого ливня вообще не было.

— Миз² Андерсон? — отозвался Карденас.

На другом конце линии возникла пауза.

— Кто это? По этому номеру нет никакого Андерсона.

Хаяки скорчил гримасу. Выражение лица Карденаса не изменилось.

— Говорит инспектор Анхель Карденас из Севамериканской Федеральной Полиции. В настоящее время я нахожусь

---

¹ Акуля ремора — рыба-прилипала.

² Миз — словечко, придуманное американскими феминистками, комбинирующее слова мисс и миссис (обращение соответственно к незамужней и замужней женщине.)

в торгово-промышленном округе Кецаль, где в данную минуту готовят к отправке в муниципальный морг Ногалес тело мужчины, идентифицированного как Джордж Андерсон, из Вест-Миньеро-Плейс четыреста восемьдесят два двести тридцать шесть. Это идентификация по подкожной ку, который дает вместе с адресом данный номер. Если это не миз Андерсон, то не будете ли вы любезны сказать, с кем я говорю?

Снова пауза, а затем осторожный ответ.

— А откуда мне знать, что вы тот, за кого себя выдаете?

Теперь уж и выражение лица Карденаса изменилось.

— А кем я еще могу быть? И если уж на то пошло, откуда я знаю, что вы миз Андерсон?

— Нет никакой миз Андерсон. — Голос оборвался. — Как... как он умер?

Карденас прикрыл голком ладонью и шепнул напарнику:

— Паникует.

Хаяки лишь кивнул. Он-то не заметил в голосе женщины ничего, намекающего на ее чувства, и уж определенно никакой паники. Но это ж был Карденас. Компетентному интуиту какая-нибудь выпавшая гласная, искаженная согласная говорили очень и очень о многом. А Анхель Карденас был не просто компетентным: он был фазом, самым лучшим. Муй дюробль.

— Этого мы не знаем. Пожиратели тины и скавы мало что оставили. Когда вы в последний раз его видели?

— Сегодня... сегодня утром, когда он ушел на работу. Вы уверены, что вы федерал?

— До крайности федерал, — заверил ее Карденас. — Так значит, вы не миз Андерсон. Но вы знаете Джорджа Андерсона, проживавшего по этому номеру и адресу? — И снова шепнул в сторону внимательно слушающему сержанту. — Плачет.

Хаяки опять-таки ничего такого в исходящем из спиннера голосе не услышал. На сей раз он так и сказал. Карденас резко покачал головой.

— Внутри. Она плачет внутри. — А в голком сказал: — Пожалуйста, мэм. Это обычная необходимая процедура. Вы знали покойного?

— Д-да. Я его знаю... знала. Вы совершенно не представляете, что с ним случилось?

— Нет, мэм. Вы знали также и Уэйна Бруммеля? И хорошо, если вы назовете свое имя, так чтоб я мог перестать называть вас «мэм».

— Я не знаю никого по фамилии Бруммель. Мне... я хочу увидеть его. Джорджа. Мистера Андерсона.

— Тру... Его забирают в полицейский морг, отделение в Ногаlese.

— Хорошо... я понимаю. Но сейчас я не могу приехать. Просто не могу. Здесь моя дочь, и я... сперва должна позаботиться о некоторых вещах. Скажем... в одиннадцать часов завтра утром подойдет?

Шепот Хаяки гарантировал, что через спиннер его не услышат.

— А он никуда не собирается.

Карденас бросил неодобрительный взгляд в сторону помощника.

— В одиннадцать часов вполне годится, миз Андерсон. Уверен, нам всем не помешает немного поспать. Вы когда-нибудь бывали в участке?

— Н-нет, но у меня персональный транспорт. Уверена, моя машина сможет его найти. — Она теперь запиналась. — Это просто ужасно и я... я не знаю, что буду делать. Что мне следует делать.

— Тогда я увижусь там с вами в одиннадцать, миз?.. — Карденас опустил спиннер и поднял взгляд. — Отключилась.

Хаяки пожал плечами. Его тело под неработающим дождевиком слегка дрожало от ночной прохлады.

— Не удивительно. Ты же только что сообщил ей об убийстве мужа, или дружка, или любимого жиголо. Ей нужно привыкнуть к этому, порыдать всерьез.

— Хох, — кивнул Карденас. — Это было бы нормальным поступком. Вот только дело это выглядит все менее и менее нормальным. — Блестящие над усами несообразно голубые глаза, принадлежавшие некогда прекрасной девятнадцатилетней француженке, пристально посмотрели на сержанта. — Почему она не подтверждает свою фамилию? Она ведь должна знать, что мы можем за пару минут вытащить ее из Архивов.

Хаяки поразмыслил.

— Хочешь отправиться теперь?

Инспектор поколебался.

— Нет, не сейчас. Поздно уже. Поверим ей на слово, и не толкуем любые сомнения в ее пользу.

— Какие сомнения? — Хаяки козил собственный спиннер.

— Черт, да не знаю я. Считай, что какие угодно. — И Карденас, повернувшись, направился к поджидавшей интрузивной машине.

Хаяки нашел, что искал, прежде чем дверцы официальной машины бесшумно разъехались в стороны, пропуская двух полицейских.

— Забавная штука. Согласно городским архивам есть некая Сурци Андерсон, проживающая по тому же адресу, что и наш Джордж Андерсон. Но она нам сказала, что никакой миз Андерсон нет. Не странно ли? Есть также некая Катла Андерсон, двенадцати лет, которая числится как проживающая в доме. Несомненно, не дочь Джорджа и Сурци. — Он сузил спиннер обратно в карман. — Что оставляет нас с вопросом, где же найти Уэйна Бруммея.

— Явно на пути в морг, в безмолвном симбиотическом общении с Джорджем Андерсоном. Чистяком, у которого нет ни жены по имени Сурци, ни дочери по имени Катла. — Бормоча про себя, Карденас расположился на сиденье напротив Хаяки. Дверца за ним автоматически задвинулась. Двигатель загудел на полном заряде.

— Хочешь последовать за телом?

Карденас покачал головой. Он и так знал, куда отправят тело. И не очень-то любил посещать данное место, особенно глухой прохладной ночью. Он и так провел там слишком много ночей.

— Медэкспертам нужно время для завершения работы. Думаю, они вряд ли найдут еще что-то значительное. А я устал и сбит с толку. Давай-ка съездим в «Студеное».

Хаяки свернул на нужную улицу. Какой-то реклам попытался прицепиться к окну, остерегаясь, однако, загораживать обзор водителю. Текущий по стеклу статический разряд отогнал его, и реклам с визгом улетел прочь. Этот разряд, как

и реклам, формально считался незаконным. Но работа полиции была достаточно тяжелой и без необходимости страдать от бесконечного парада летающих неоновых восхвалений закусовых, вит-шоу, технозабегаловок, соче-услуг, спортивных событий и разнообразных приборов — столь же замечательных, сколь и ненужных.

Сержант вел машину медленно, вливаясь в поток уличного движения. Хотя огромная масса народа, едущего на работу и обратно, пользовалась индукционной трубой с контролируемым климатом, на Полосе всегда присутствовало и независимое уличное движение. При сорока миллионах жителей, плюс-минус десять миллионов незарегистрированных лиц, размазанных, словно слой масла, от Тихого океана до Мексиканского залива, иначе и быть не могло. Но сейчас, с приближением полуночи, проехать было сравнительно легко. Вечерняя смена макиладоры все еще упорно трудилась, работая на широко разбросанных производственных и сборочных заводах и сопутствующих производственных мощностях, а основная масса трудящихся в ночную смену тронется на работу еще только через час.

Полицейский автомобиль без номерных знаков скользил себе напрямик сквозь почти бесшумный поток машин. Правда, один нонконформистский «ладавенц» ухитрился-таки реветь так, словно у него стоял не топливный элемент и аккумуляторы, а двигатель внутреннего сгорания, и издавал первобытный рык всякий раз, как прибавлял скорость, переходя с полосы на полосу. Хотя формально этот рев нарушал закон, запрещающий шумовое загрязнение окружающей среды, трое ехавших в машине ребят не злоупотребляли всерьез данной возможностью, и Карденас с Хаяки проигнорировали их.

Как только они выкатились из Кецаля, проехав под индукционной челночной станцией номер восемьдесят пять с ее непрозрачными поглощающими солнечную энергию стенками и терпеливо ждущими транспорта пассажирами, мрачные громады торгово-промышленного округа сменились архитектурной пышностью кодо-комплексов и закрытых торговых предприятий. Покрытые пленкой разнообразных полимеров, поглощающих солнечную энергию, эти пастельные строения

поднимали настроение своей гаммой цветов, после утилитарной мрачности Кецаля. «Студеное кафе» располагалось в конце одного такого пешеходного комплекса, перед гаражом и зарядно-заправочной станцией. У последней стояли только две машины, дозаправлявшие за ночь свои аккумуляторы.

Выруливая на пустующее пространство для парковки, Хаяки объезжал парочки и семьи. Пешеходов на улице попалось больше обычного, народ торопился насладиться принесенной дождем ночной прохладой. Завтра, когда солнце вновь утвердит свое вечное господство над этой высушенной частью света, все исчезнут в домах. Одна парочка чуть не налетела на Хаяки, когда двое полицейских приблизились ко входу в кафе. Глаза у обоих так и расширились, когда они охватили взглядом всю его массу. Сержант поспешил успокоить их одной из своих широких блаженных улыбок. Благодарная парочка проплелась мимо, двигаясь зигзагами более менее в сторону ближайшего входа в торговую галерею.

Коллег окутал порыв более прохладного воздуха, когда дверь в заведение просканировала их лица. Не найдя в них соответствия каким-либо известным или подозреваемым антиобам, дверь разрешила им войти.

Карденас любил «Студеное». Это кафе с аляскинским декором в духе ретро 2040-х, мягким освещением и смешанным бразильско-севамериканским меню напоминало о добрых временах его молодости. Хотя женат он был всего раз, в те дни несколько девушек назначали ему свидания. Начинались отношения зачастую хорошо, да только заканчивались шоком и настороженностью его партнерш, когда те выясняли, что он интуит. И объяснения, что мыслей он читать не умел, а всего лишь применял высокоспециализированную полицейскую подготовку, к которой у него обнаружилась особая предрасположенность, как-то мало укрепляли уверенность женщин в способности к финтам и уколам.

— Ты знаешь, что я думаю! — постоянно восклицали они.

— Да не знаю я, — неизменно возражал он. — Интуиты не умеют читать мысли.

— Но ты можешь экстраполировать все мои действия и все, сказанное мной. По тому, как я смотрю на тебя, по модуляции каждого изданного мной слога, по тому как я держу

левую руку, то тому как я... — Примерно на этом они и прерывали разговор, провозглашая: — Ты ведь знал, что я скажу все это, не так ли?

И без толку было заявлять о своей невинности. Большинство женщин были убеждены, что свидание с интуитом равнозначно попытке прорваться с разбегу сквозь первую линию защиты московского «Динамо»: девушку попросту переиграют, прежде чем она сможет толком начать игру.

Правда, размышлял Карденас, когда они с Хаяки расположились в пустующей кабинке, одинокую жизнь вели большинство полицейских.

Витализируясь перед ним, меню вежливо спросило, не хочет ли он аннулировать аудио и спокойно прочесть, какие фирменные блюда предлагает заведение. Правильно приняв отсутствие ответа Карденаса за разрешение продолжать, оно принялось перечислять особые ночные. Втиснувшись за столик на противоположной стороне кабинки, Хаяки раздумывал, заказать ли табачки с чипсами или фрежoadу с барбекю из капибары¹.

Вскоре после того, как заказы обоих передали на кухню, появилась официантка с кофе «кеоки» для Карденаса и двойным «эспрессо» и молочным коктейлем для сержанта. Горячий и холодный для худощавого и массивного, размышлял инспектор, взирая полусонным взглядом на подымавшийся над чашкой парок. Путаница с отождествлением недавно попавшегося им трупа сталкивалась в его мыслях со странной реакцией жены-не-жены покойного. Тут и интуитом быть не нужно, и так понятно, что со смертью этого чистяка связано нечто большее, чем обычное ограбление-и-раскулачивание. Это дело быстро превращалось в самое натуральное безумие, невменяемость, напряжение мозга, бред. Карденас такого не любил. Ему, как и большинству полицейских, нравилось, когда все складывалось прямо и просто. Четко и ясно уже на месте преступления. Лучшее сканирование покойного чистяка вообще не дало никакой идентификации, вместо того чтоб выдавать двойную.

Мелкая шайка нинлоков появилась раньше, чем заказанные блюда. Они вразвалочку миновали протестующую

¹ Капибара (*Hydrococus capybara*) — водосвинка, крупный грызун.

дверь, шедший впереди долговязый чифладо хлестнул его спиннером, идент которого перекрутили так, что он теперь не информировал, а отражал. За чингаруном амбулала группа негов и позок, хотя определить с первого взгляда, кто из них кто, было трудновато. Хаяки оглянулся через плечо, крикнул и помечтал, чтобы им поскорее принесли заказ из впавшей в спячку кухни.

Хавку на подносе официантка доставила к другому столику. Один/одна из нинов неопределимого пола просвиристел/а ей, сопровождая свист неприличным призраком, сочащимся из губограммируемого стимстика у него/нее во рту. Душистая дымовая скульптура окутала не желающую такого украшения официантку, клубы бледной непристойности пристали к ней, словно клейкий воздух. Ей пришлось отгонять клочья, размахивая руками. Смеясь над ее стараниями сохранить достоинство, нины выгнали парочку студентов из-за особенно удачно расположенного столика. Совершенно запуганная молодая парочка уступила его без звука. Рассовав по карманам свои светящиеся виты, они поспешно выбежали из ресторана.

Один из негов грубо схватил спешащую мимо девушку за зад. Хаяки начал было подыматься, но Карденас сделал ему знак сесть. Нег подержал перепуганную студентку несколько секунд, прежде чем отпустить ее. Инспектор знал, что он отпустит. Этот антиоб выкаблучивал такую серию явных движений, какую мог сынтуитить даже новичок.

Когда им принесли заказ, полицейские молча принялись за еду. Как и все прочие в кафе, они не обращали внимания на шумные и грубые выходки шайки. Коллективное хамство пока не являлось федеральным преступлением. Но создаваемая нинлоками какофония никак не успокаивала и без того смятенных мыслей Карденаса и не улучшала его пищеварения.

Почему та женщина не желала назвать им свое имя? Ведь она должна была прекрасно понимать, они и сами могли вскоре его узнать, и обязательно узнают. Почему она не признавалась, по крайней мере, в сожительстве с Джорджем Андерсоном? Или с Уэйном Бруммедем?

— Йолаолла! Си — ты — ты, с мерзкими усами. Который сидит вон там напротив эль гордо.

Не обращая внимания на это вмешательство, Хаяки продолжал доедать жареную рыбу. Да и все равно данный якк адресовался не ему, а Карденасу.

Инспектор оторвался от мяса бизона с яйцами. Вечно скорбные глаза смерили взглядом наголоватого нег. Метящий в чингаруны не достиг еще и двадцати лет, сплошное нахальство и бахвальство. Сколько ж он перевидал ребят вроде этого парня, занятых сжиганием своих душ словно спичек? Время было позднее, он устал и проголодался и был не в настроении нянчиться со всяким отребьем. Он мог предоставить разобраться с ним Хаяки, но ведь всегда существовала надежда. Надежда, что небольшой урок зародит намерк на понимание. Там, где это возможно, слова всегда бывали действенной ареста. В тюрьме-то ведь ребята обычно не склонны говорить с другими ребятами о ребячестве.

— Не делай этого. — Тон его был, как всегда, спокойным, но твердым. Возможно, сейчас чуть тверже, чем когда он заказывал ужин внимательному меню.

Подобного ответа нинлоко не ожидал. Это было заметно по быстрому взгляду, который он метнул на своих замерших в ожидании коллег.

— Кай-е, хомбер, нечего говорить ерунду. Якк здесь толкаю я.

Взяв нож и вилку, Карденас вернулся к еде.

— Просто не делай этого.

Наморщив лоб, нег подался к нему.

— Ты что, не слышал меня, хомбер? Просто смеха ради, чего такого «этого» ты не советуешь мне делать? — И выдал знающую ухмылку своим спутникам, а те улыбнулись остроумию своего заводилы.

Откинувшись на спинку стула, Карденас провел по губам матерчатой салфеткой. Небольшой заряд в ткани мгновенно очистил их.

— Ну, дружок, раз уж ты спрашиваешь, то в первую очередь тебе нужно отключить нож в ножнах на лодыжке. Разве ты не знаешь, что оставлять такую штуку включенной крайне опасно? Предохранитель может сдвинуться, и ты останешься без ноги. — Он поднял взгляд, глядя мимо вожака шайки. — А рослому пареньку у тебя за спиной

нужно забыть про потрошение моего напарника. Хотя он и держит наготове фиску, Фредозо ему живо руку сломает. А вам, юные леди, — продолжал он, обращаясь к паре позок, широко раскрывших глаза и потерявших былую уверенность, — лучше оставить свою артиллерию в кобурах. И лучше б вам не видеть, где моя пушка, потому что я ее не выхватываю, если не намерен пустить в ход. Для вас же лучше будет, если мне не понадобится откапывать ваши пушки из тех мест, где они, по-вашему, надежно спрятаны.

Пустившийся во всю прыть в отступление, пусть еще не физическое, чифладо прожигал взглядом невозмутимого инспектора.

— Йола, хомбер, да ты спаззуешь, приятель! Нет у нас ничего такого, о чем ты треплешься. Мы просто хотели немножко поболтать, сабе? Всего лишь...

— Месмо, Тайпа, — перебила его одна из девушек. — Этот хомбер интуит! Он компит все твои ходы! — Она и ее спутница уже пятились прочь от столика.

Улыбаясь и по-прежнему жуя рыбу, Хаяки поднял левую руку. Рукав задрался, открыв синий браслет, так и кишачий мигающими LEDами. Один витализировал символ-морфу, остановившийся в нескольких сантиметрах от лица коновода. Глаза нинлоко расширились, когда он сфокусировал на нем взгляд.

— Да мы ничего такого не хотели. — Приобретя внезапно куда менее внушительный вид, рослый парень в мгновение ока превратился из хищника в желе. Он пятился с такой быстротой, что едва не столкнулся с двумя стремительно отступающими позками. Глядя на двух негромко говорящих мужчин в кабинке, благодарная официантка возобновила обход клиентов.

Набив живот рыбой, с выпуклыми щеками, придающими ему вид гигантского бурундука, Хаяки печально покачал головой.

— Ох уж эти ребятки! В прошлом веке дела наверняка обстояли получше, когда молодежной преступности почти что не было.

Карденас кивнул, соглашаясь с напарником, и сунул свой кред в приемник стола. Следуя инструкциям крета, стол от-

правит стоимость заказа в бухгалтерию департамента в Ногалесе. Чаевые же Анхель, как всегда, оставил наличными. При таком способе владелец ресторана не мог отстегнуть ни креда в свою пользу. Кроме того, чаевые наличными несли с собой определенную ностальгическую ценность.

К тому времени, когда напарники вышли из кафе, а закрывшаяся за ними дверь вежливо поблагодарила их за посещение, единственный след шайки бесстрашных нинлоков состоял из слабого аромата духов позок, задержавшегося во все еще влажном ночном воздухе и теперь быстро рассеивающегося.

2

На следующее утро небо оказалось совершенно чистым. Карденас знал, что это верный признак грядущего под вечер ливня. Такова была предсказуемая ежегодная картина летнего юго-западного муссона, к которой он привык с детства. Говорят, июльско-августовские дожди нынче начинались раньше и длились дольше из-за глобального потепления. Для эскимосов это, может, и плохо, но вот для жителей Полосы — отлично. Невзирая на стремительные наводнения, лишние дождей в пустыне не бывает. Он вышел из индукционного челнока и зашел в штаб-квартиру отделения СФП в арко-плексе Ногалес.

Работа в последнюю смену прошлой ночью позволила ему нынче утром выспаться. Странное дело, но чем старше он становился, чем усерднее работал, тем меньше, казалось, нуждался в сне.

«Вот когда умру, тогда и буду готов уйти в отставку», — размышлял он, когда прибыл в морг. И знание, что накопившаяся у него пенсия обеспечит ему роскошные похороны, его почему-то мало радовало. Чудесная тема для размышлений, когда идешь извилистым путем к холодной мертвецкой. Туда, где в цилиндре из промышленного формагаза, предназначенного сохранять мягкие части тел, одновременно предотвращая разложение, содержались

останки Джорджа-Уэйна Андерсона-Бруммеля, не тронутые скавами.

Одиннадцать часов наступило и миновало. А потом и двенадцать. Начался отсчет послеполуденного времени. И никто по имени Андерсон, или Сурци, или Бруммель не появился в морге Ногалеса, дабы опознать, оросить слезами, осыпать проклятиями или же как-то иначе ознакомиться с телом Андерсона-Бруммеля. Морг не был любимым местом, где можно убить время. Покуда Анхель Карденас ждал, его постепенно одолевало нетерпение, потом досада и, наконец, голод.

В два тридцать он чпокнул свой спиннер и запросил идент самозванной не-супруги Андерсона-Бруммеля. Никто не откликнулся. Это могло быть хорошим признаком, если молчание означало, что она на пути к моргу. Но могло быть и плохим, потому что дом должен был автоматически переадресовать звонок на то средство связи, какое она носила с собой. В суматохе и беспокойстве момента, она могла и выключить его. Возможно, но маловероятно. Граждане теперь просто не путешествовали без постоянного контакта с остальной цивилизацией.

Однако всякое возможно, напомнил он себе. Особенно на Полосе, где жизнь полицейского бывала самой разной, но никак не скучной. Поэтому он подождал еще полчаса, прежде чем интуиция и желудок выгнали его из морга и погнали через людодвиг в Административный отдел.

Для входа в командный центр СФП Ногалеса требовалось миновать несколько более строгую систему безопасности, чем при визите в морг — или, если уж на то пошло, в «Студеное кафе». Необходимость в сложных мерах предосторожности была вызвана отвратительно большим числом личностей и организаций, имевших зуб на полицию. Эти добрые люди периодически пытались дать выход своим чувствам, взрывая все подряд: от счетчиков на автостоянках до отдельных полицейских и целых городских кварталов. Шедшая последние сто лет во всех сферах цивилизации миниатюризация затронула и область взрывчатки. На тех, кто вполне мог стать мишенью таких обид, лежала обязанность свести к минимуму индивидуальный доступ для врожденно недовольных.

Поэтому Карденасу пришлось пройти через коридор, в котором находилось не меньше пяти постов безопасности, причем на первом и последнем работали живые люди, а на трех промежуточных — машины. У него проверили идентификатор, измерили рост, вес и плотность тела, просканировали сетчатку глаз, измерили (и не нашли легкой) кору головного мозга и должным порядком пропустили его в святая святых Сеовериканской Федеральной Полиции, Ногалеское отделение.

За исключением болтовни переходящих из отдела в отдел полицейских и обслуживающего персонала из штатских, в просторном помещении было так же тихо, как в парке Сагуаро во вторник утром. В каждом открытом кабинете имелся свой глушак. В рабочее время все они были включены. В каждом из тесных кабинетов мог царить шумный хаос из брани ссорящихся полицейских, криков подозреваемых или тирад и бреда почти неуправляемых пьянчуг и психов. Но ни единого звука не вырывалось за пределы невидимых аннулирующих шум стенок, которые были намного действенней, чем тонкие перегородки из пластидосок, разделявших дежурный этаж на множество каморок.

Карденас шел через этот лабиринт извилистым путем мимо занятых техников, патрульных и бюрократов, огибая самодвижущиеся тележки с документами и подносы с едой, пока не оказался перед тем кабинетом, который искал. Прозрачная перегородка позволяла видеть Хаяки, увлеченного оживленным разговором с Дрози Семагарией. Хотя губы их шевелились, а Карденас находился не более чем в паре метров от них, до него не доносилось ни звука. Тем не менее он мог без всяких усилий уловить суть их разговора. Хорошие интуицы неизменно делались блестящими мастерами читать по губам, что оказывалось чуть ли не побочным продуктом их основной тренировки.

Глянув мимо Хаяки, Семагария увидел терпеливо ждущего снаружи инспектора. Протянув руку к столу, он провел пальцем по синей контактной полоске, выключая глушак. И когда он вслед за тем открыл рот, Карденас уже расслышал его слова.

— Заходите, инспектор. Мы как раз обсуждали дело.

В действительности, как прочел по движениям их губ Карденас, они спорили, на какую команду ставить в матче нынешней недели между Чиуауа и Сент-Луисом. Указывать на это инспектору показалось недипломатичным, и он небрежно спросил:

— Что-нибудь узнали?

— Э, нет, сэр, — пробормотал Семагария, после того как бросил нерешительный взгляд на Хаяки. — Никаких новостей.

— А как держалась при виде тела потерявшая мужа вдова, или кем там она ему, черт возьми, доводилась? — быстро вклинился сержант.

— Не знаю. — Карденас опустился на невзрачный, но удобный стул «лантиль». Накачанные подушки тут же прикоснулись к очертаниям его спины и ягодиц. — Она так и не появилась. — Хаяки поднял брови, когда инспектор по вернулся к стат-кранчеру. — Данный ею идент — фальшивка. Она просто не отвечает.

С облегчением ухватившись за занятие, позволяющее ему избегать взгляда инспектора, Семагария дал своим тренированным пальцам поплясать по вводам на столе. Щит приватности живо окутал тесный кабинетик покровом полутьмы, примерно так же, как глушак изолировал в нем звуки. Хотя они по-прежнему видели проходящих мимо сотрудников, никто из проходивших не видел тех, кто находился в кабинете. Стена на противоположной от стола стороне потемнела, стала туннелем, который заполнили данные.

— Номер в силе. — Когда Семагария работал, тон у него делался, как у какой-нибудь искусственной мембраны. — Набор. — Темный туннель обрамил бордюром из искр, указывающих на продолжение операции, но экран остался пустым. — Ответа нет. Соединение действует.

— Сделай проникновение, — проинструктировал его Карденас. И в ответ на удивленный взгляд спеца инспектор прореагировал весьма резко. — Нет, погоди, у меня нет ордера.

Семагария без энтузиазма кивнул. Он скинул запрос в отдел процедур. Последовала пауза в несколько минут. За это время никто не проронил ни звука, лишь «Боливийская

Лазурь» играла в настенных динамиках музыкальное сопровождение к «Инке». Через пять минут после подачи запроса прибыл должным образом одобренный, засвидетельствованный и зафиксированный ордер. Как только он присоединился к другим документам в досье Андерсона-Бруммеля, близ дна туннеля появилась маленькая светящаяся сфера.

Семагария мог работать с пультом и вербально, но если бы с ним кто-либо попытался заговорить, возникла бы паника. Лучше отделять команды от разговора. В вытянувшемся перед тремя полицейскими туннеле, насыщенном энергией, заплесали изображения. После того, как прошло еще минут десять усиленного кряхтения, спец откинулся на спинку стула и сцепил пальцы на затылке.

— Чертовски впечатляющая система охраны для частной резиденции. Это ведь частная резиденция?

— Насколько нам известно. — Карденас изучил взглядом экран. — Скогай перемышку с отделом поиска и спасения.

Семагария живо выпрямился на стуле.

— Инспектор, я не могу этого сделать! Эти порты зарезервированы исключительно для доступа при чрезвычайных случаях.

— А это и есть чрезвычайный случай, — сухо уведомил его Карденас. — Мы здесь имеем дело с покойником.

— Это вердад, — добавил Хаяки. — И дело это зашло в тупик.

— Продолжай, — мягко призвал оператора Карденас. — Если какой контролер засечет соединение, я возьму всю ответственность на себя.

— Тебе легко аблать, хомбер. А в мясорубку соваться мне. — Но тем не менее спец подался вперед и отбарабанил ввод.

Туннель, казалось, не хотел допускать взломщиков. Нахмурясь, Семагария бросил в цель вторую полицейскую грамму, а затем и третью, весьма редко применяемую.

— Вот гадство — я трижды стукнул молотком по порталу, а он все сопротивляется. Последняя грамма прямиком из корпорации «Влад Тарга» и, по идее, достаточно острая, чтобы прорубить даже брандмауэр какого-нибудь кейрецу. — Судя по поднятому на Карденаса взгляду, любопытство в

нем взяло верх над первоначальной опаской. — С защитой такого уровня сталкиваешься, скажем, в муниципалитете. Ее не встретишь на охране кода какого-нибудь обыкновенного чистяка.

— Это не кодо, а дом, — поправил его инспектор, — но мысль твою я уловил. Попробуй еще.

— Да войдем мы. Это же всего лишь личный ящик. — Семагария излучал спокойную уверенность. — Только крючкам потребуется немного времени на поиск нужного угла. Просто вы, на мой взгляд, должны знать, что кто-то потратил изрядную сумму на защиту своей частной жизни от чужих глаз.

— Для чего? — Взгляд Хаяки застыл, вперившись в глабины мерцающего туннеля. — Среднему гражданину такая обертка ящика не нужна. — Он бросил взгляд на напарника. — Что понадобилось скрывать какому-то законопослушному чистяку вроде Джорджа Андерсона?

Внимание Карденаса тоже сосредоточилось на туннеле. Покуда на заднем плане продолжалось зондирование ящика, туннель проигрывал трехмерные сцены из жизни семейства Семагарии в отпуске.

— Квиэн сабе¹? Может, Уэйна Бруммея. — Интуит, в отличие от своего спутника, не ерзал на стуле. Он привык оставлять машины в покое и предоставлять им выполнять свою работу.

Изображение на экране появилось лишь через двадцать минут. Карденас осознавал, что времени на это потребовалось на девятнадцать с половиной минут больше, чем ушло бы на стандартное санкционированное ордером электронное проникновение. И теперь, когда система связи постоянного места жительства находилась под прямым контролем полицейского уполномоченного, он внимательно глядел на интерьеры резиденции в Ольмеке, Вест-Миньеро-Плейс, 482236.

Зрелище было просто трогательным по своей банальности. Камера телефона показывала комфортабельную пустующую гостиную. Мебель, которую было видно, отличалась неожиданно высоким качеством. На стенах были заметны

¹ Quien sabe? — (Исп.) Кто знает?

картины в рамках, подразумевавшие у отсутствующих Андерсонов более высокие доходы, чем предполагали соседи. Это могло вызвать интерес, но не обязательно подозрение, счел Карденас. Граждане, которые могли бы себе позволить жить в просторных домах и эксклюзивном окружении, зачастую предпочитали распределять свой доход внутри дома, а не снаружи.

На противоположной стене светился «литегский» портрет с выключенным аудио сопровождением. Многослойная кристаллическая скульптура Сваровского перескакивала с одного конца кофейного столика из дерева итапуа на другой, и обратно. Но ими никто не любовался.

— Попробуй другие комнаты, — проинструктировал инспектор спеца. Семагария поработал полосками управления. Вид на задний двор демонстрировал скромный плавательный бассейн, характерный пустынный ландшафт и впечатляющий сверкающий фонтан, с калейдоскопическими макрочастицами, которые удерживались в великолепной коллоидной взвеси. Семагария вновь переместился в дом, сперва в ванную, потом в несколько удобных, хоть и ничем не примечательных спален и, наконец, в подвальную мастерскую или склад. В доме на Вест-Миньеро-Плейс, 482236, не шевелилось ничего, кроме произведений искусства.

— Это тодос. — Оператор выжидающе посмотрел на Карденаса. — В доме есть еще два фиксированных терминала, но они не витовые. Только акустические. Я также отслеживаю три мобильных, но доступа к ним у меня нет.

— Отлично, — кивнул Карденас. — Тогда просто ротай аудио.

Метнув на инспектора взгляд, говорящий об убежденности в пустой трате времени, спец выполнил приказ. Туннель остался пустым. Из динамиков не раздалось ни звука.

— Каса наса, — провозгласил оператор с видом окончательного приговора. — Никого нет дома.

— Может быть, она наконец едет сюда, — предположил Хаяки. — А возможно даже, что ждет тебя в море.

— Будь так, Мерриам отправил бы мне «молнию», — усомнился Карденас. Он уставился на туннель тяжелым взглядом,

словно собирался взять лопату и раскопать какие-то ответы. — Ты уверен, что там ничего не шевелится?

Семагария еще раз проверил показания приборов.

— Все, зарегистрированное на этот номер и на эту фамилию, находится в доме. Если они путешествуют, то без личных средств связи или под иным именем. — Спец показал взмахом руки на свой пульт. — Я показываю шесть зарегистрированных терминалов. Три стационарных, три мобильных. Пять статичных, один стертый.

— Вердад, — кивнул вставая инспектор. — Шестой номер Андерсон, вероятно, держал при себе, когда его распылили. Придоны наверняка первым делом стерли регистрацию на всей персональной электронике, чтобы ее не отследили при перепродаже. — Выгнув спину и потянувшись, он посмотрел на сержанта. — Ордер открыт. Давай-ка нанесем визит в этот дом. Мерриам даст мне знать, если эта не-миз Андерсон соизволит появиться в морге.

— Может, она пошла бакалею какую купить. — Хаяки пришлось повернуться боком, протискиваясь через вход в кабинетик стат-кранчера.

— На следующее утро после того, как ликвидировали его мужа? — Карденас зашагал впереди по коридору. — У большинства людей не было б тогда особого аппетита.

— У нее же ребенок, — вяло защищал свою версию Хаяки. — Да кроме того, он, по ее словам, не муж, а когда людей заталкивают в кризис, они делают много чего безумного.

— Безумной она не казалась. — Инспектор сделался задумчивым. — Судя по ее голосу, она насторожена, но не безумна. И мы договорились о встрече. Причем время выбрала она.

— Как я и сказал. — К сержанту вернулась убежденность. — В смятении женщина. Ей о ребенке думать надо. А кризис логике всегда помеха.

— Только без полицейских хокку¹. — Карденас свернул в коридор. — Не надо этого перед обедом.

Покуда патрульная машина сама находила дорогу в Олмек, двое федералов обсуждали возможные сценарии. Хотя все они не отличались особой вероятностью, полицейские не видели повода для излишней озабоченности. У них были на

¹ Хокку — японское трехстишие.

руках сбита с толку и, возможно, ударившаяся в панику женщина и скончавшийся гражданин, с опознанием которого возникало странное противоречие. Такое сочетание несколько не дотягивало по масштабам до общенационального бедствия.

Дом, к которому они подъехали, ничем не выделялся среди опрятных высушенных солнцем жилищ, составлявших зеленый пояс района, тянувшегося вдоль сухого русла реки. Хотя в пустыне Сонора «зеленый пояс» означал нечто меньшее, чем в иных частях страны. Тем не менее смотреть на петляющую ленту благоустроенной природы с ее вызывающими кактусами и борющимися за выживание пало верде¹ было куда приятнее, чем на еще один ряд типовых домов, какими бы привлекательными на вид ни старались их сделать застройщики. Передний двор резиденции Андерсона мог похвалиться зрелыми, выращенными с помощью генной инженерии «царицами ночи» и окотильос². Пара фигурно подстриженных пиракант застыла в приглашающих позах. Электронная охрана внешней стены без жалоб уступила полицейскому «сезаму» Хаяки, и напарники приблизились к дому.

Как знал Карденас, резиденцию такого класса должны защищать два-три индивидуальных сторожевых сенсора. Фирмы «Дженерал Электрик» или «Томпсон», а может, и «Динамо», если у них хватало денег. Эти приборы должны быть скрыты среди декоративной каменной облицовки. Карденас ничуть не удивился, когда из дома их никто не окликнул. Семагария ведь сказал, что дом пуст. И двое полицейских пока не увидели ничего, противоречащего этому утверждению. Двери в дом и гараж были заперты. Инспектор отошел назад, уступая место своему напарнику.

— Открой.

Ни какого-либо видимого замка, ни дверной таблички, конечно же, не наличествовало. Хаяки поводит трассером по имитирующему дерево композитному материалу, пока не обнаружил верхний и нижний засов. Его трассеру потребовалось

¹ Пало верде — паркинсония, дерево покрытое зслёной корой и колючками, практически лишённое листья.

² Окотильо — серо-зеленый кустарник, напоминающий кактус.

меньше минуты на расшифровку электронной комбинации и всего несколько секунд на открытие первого. Пока он водил прибором по двери, готовясь щелкнуть вторым, внутренний замок отворился. Из искусно скрытого динамика раздался приветствующий их голос.

— Извините, пожалуйста, за задержку. Я была в ванной. Не зайдете ли? — Дверь с негромким щелчком подалась на пару сантиметров внутрь. Хаяки отодвинул ее в сторону.

Как только Карденас закрыл за ними дверь, кондиционированный воздух заключил их в свои комфортные искусственные объятия.

— Я вышла, — объяснил голос Сурци Андерсон. — Одеваюсь. Чувствуйте себя, как дома. Я буду через несколько минут.

Полицейские проследовали от входа в открытый круглый кабинет. Сквозь полупрозрачный материал купольного потолка просачивался поляризованный свет. Карденас сразу узнал окружающую их обстановку: это была первая комната, подвергнутая Семагарией дистанционному обзору. Вит-фон «Мадрасинк», через который спецполучил доступ, по-прежнему находился на своем заряднике.

Хаяки расположился на резной кушетке, сделанной наподобие груды красного песчаника.

— Мебель, сделанная на заказ. — Он похлопал ладонью по псевдокамню, рассеянно ища ярлык. — Чего б там ни промутерствовал этот покойный бедолага, дело приносило ему немало настоящих зелененьких.

Карденас любовался произведениями искусства на стенах и под стеклом. При личном осмотре они производили куда более сильное впечатление, чем при обзоре через камеру вит-фона.

— Деньги могут быть у всякого. А у наших друзей Андерсонов есть к тому же хороший вкус. — И, повысив голос, обратился к остальному дому. — Можете не торопиться, миз Андерсон. Вы забыли о нашей встрече нынешним утром?

— Всего пару минут еще, — пришел ответ.

Карденас остановился перед пьедесталом, на котором вращался в величавой процессии мобайл¹ «Сери», подписанный «Франсиско». И одновременно что-то, услышанное в голосе Андерсон, не давало ему покоя. А Хаяки на кушетке раскрыл хардзин и манипулировал кончиками пальцев проекцию содержания, налаживая ее так, чтобы можно было обозревать под разными углами. Уж его-то в прямом ответе и тоне женщины точно ничего не настораживало. Но впрочем, его и не тренировали замечать или подозревать самые мельчайшие вариации в модуляциях человеческого голоса, различимые, наверное, всего одной сто миллионной частью населения.

Дело заключалось не в том, что Андерсон не извинилась за неявку на встречу в морге, и даже не в том, что она не признала этого. Нет, что-то проглядывало в интонации, в тембре ее ответа. Все люди, конечно же, разные. Все по-разному реагируют на моменты личного кризиса. Эксцентрик может ответить на него необъяснимой веселостью, какая большинству людей покажется отталкивающей. А в реакции Сурци Андерсон не наблюдалось ни ярко выраженной печали, ни оттенка раскаяния, ни проблеска ложного веселья. Вместо этого Карденас замечал лишь совершенно неестественную ординарность.

Отвернувшись от блестящих резных фигур из темно-коричневого дерева и не обращая внимания на их тихие мольбы задержаться и полюбоваться, он направился к выходившему в кабинет служебному коридору. Хаяки поднял брови, но остался на кушетке и не сказал ни слова. Никакие коридорные сенсоры или системы внутренней охраны не пытались преградить путь инспектору.

Он миновал открытую дверь, ведущую в спальню. Комната выглядела аккуратно убранной. Ничто не указывало на поспешный отъезд, не наблюдалось никаких признаков, что жившая в ней особа в замешательстве сбежала, куда глаза глядят. От мерцавших на стенах голограмм метазонных звезд до проектора одежды и безмолвного аудипузного генератора, выпускавшего плавающие в воздухе звуковые пузыри, в комнате все визуально пахло довольной жизнью

---

¹ Мобайл (*искусств.*) — подвижная абстрактная скульптура.

девицей доподросткового возраста. Один аудипуз проплыл совсем рядом. Инспектор ткнул его пальцем, и тот лопнул, издав пятисекундный вой, сходивший в нынешние времена за популярную музыку.

Когда же он приблизился ко второй спальне, слышанный ими ранее голос заставил его остановиться.

— Я как раз кое-что надеваю. Подождите, пожалуйста, в кабинете. — Снова голос Сурци Андерсон. Успокаивающий, вежливый, дружелюбный, даже приглашающий. Глаза Карденаса едва заметно расширились. В этом голосе отсутствовал один важный обертон.

Озабоченность.

Судя по этому голосу, сегодняшний день не отличался от любого другого. И обладательницу его ждали в этот день поход по магазинам, работа, поездка к дочери в соче, согласование даты визита в салон красоты, ленч с подругами. Что угодно, но только не опознание убитого может-быть-мужа. И, по-прежнему, никакого извинения за неявку на встречу в морге. Если уж на то пошло, она даже не попросила наведавшихся к ней назвать себя. А они с напарником вполне могли быть двумя бродягами, вышедшими на вечерний быстрый промысел.

— Миз Андерсон, это я, Рокко Санчес из борделя «Нободига». Вы опаздываете на работу.

— Минуточку, я еще не закончила макияж.

Круто повернувшись, инспектор сорвался с места в отчаянный спринт.

Выскочив из коридора, он на бегу окликнул пораженного Хаяки и помчался к передней двери с разрывающимися от напряжения легкими. Увидев выражение на лице напарника, сержант так и взмыл с кушетки, где сидел расслабившись, раскидывая в разные стороны хардзин и арахис. Рука Карденаса потянулась к дверной ручке.

Никакой дверной ручки на этой двери не было. Когда они вошли в дом, он не посмотрел, есть ли она. В конце концов, было вполне естественным полагать, что с внутренней стороны двери ручка есть. Но ничего такого там не наблюдалось: только гладкий, оформленный под дерево композит. Не откликалась эта вставшая на его пути преграда и на изустную команду, равно как и на обеспокоенное давление рук.

А позади них донесшийся откуда-то из отдаленной спальни женский голос пугающе объявил:

— Я почти готова. Надеюсь, вы не слишком заскучали, ожидая меня.

«Ожидая чего?» — со страхом гадал Карденас, лихорадочно сканируя края дверного проема. Он теперь был убежден лишь в одном: никакая Сурци Андерсон к ним не выйдет.

Отступив от двери, он выхватил пистолет и щелкнул им, активизируя пулевой ствол. Когда инспектор выстрелил, Хаяки отвернулся и закрыл глаза. В узком замкнутом пространстве входного коридора звук угодившего по двери заряда ударил по ушам исключительно громко. Когда разнесенный на мелкие кусочки композит разлетелся, в материале двери зияла дыра величиной с человеческую голову. К несчастью, по другую сторону дыры жестко блеснул сплошной металл.

— Интересная дверь для чистяка со средним доходом, — прокричал он и посторонился, давая место Хаяки. Бросившись на преградивший им путь барьер, сержант врезался в преграду всей своей значительной массой. Та содрогнулась, но не поддавалась. После второй атаки он погнул одну дверную петлю.

— Может, вместе сумеем, — немногословно проскрежетал он, тяжело дыша.

С третьей попытки двоим полицейским удалось-таки сорвать среднюю дверную петлю и наполовину выгнуть дверь наружу, хотя Карденас не ставил это достижение себе в заслугу. Протиснувшись через отверстие, он, спотыкаясь, вывалился на залитый солнцем стеклит ведущей к дому дорожки. Оглянувшись, он увидел, что Хаяки пытается пролезть в созданный ими проем.

— Тебе помочь?

Сержант не улыбнулся.

— У меня нет лишнего веса — я как тот кофе, который всегда пью, «Папуа Робуста».

А откуда-то позади него веселый и такой знакомый теперь голос отчетливо пропищал:

— Я готова — спасибо, что подождали меня!

А затем дом взорвался.

Служивший потолком кабинету центральный купол взмыл вертикально ввысь, полусфера из композитных, деревянных

и металлических стройматериалов устремилась к небу. Рваные, раздробленные обломки дома по Вест-Миньеро-Плейс, 482236, градом посыпались и на участок с пустынным ландшафтом, и на безлюдную улицу, и на ошарашенных соседей. Сила взрыва вытолкнула вылезавшего Хаяки через проем в передней двери и вышибла вместе с ним и саму поврежденную дверь. А Карденаса она отшвырнула на пару метров и едва не вырвала из ботинок. Мотая головой и избавляясь от последствий сотрясения, он не без труда поднялся на ноги и, пошатываясь, подошел туда, где на декоративном раздробленном граните, часто заменяющем на юго-западе газон, лежал его оглушенный и истекающий кровью напарник. Подойдя, он рассеянно отметил, что взрывом с сержанта сорвало половину куртки и большую часть брюк. Только носимое им под ними легкое, но практически непробиваемое силбелле спасло его от разрыва на части осколками пригородного дома, неожиданно превратившегося в смертельную шрапнель.

— Вставай. — Он ухватил напарника обеими руками за правую подмышку и поднатужился, пытаясь поднять. Гора пошевелилась. — Вамос¹ своей знатной задницей, Фредозо!

Огромным волевым усилием раненый сержант поднял себя на колени.

— Со мной все в порядке, Анхель. — Он поднял руку и ощутил пал шею и затылок. Когда он отнял ее, мозолистая ладонь скользнула сиропно-алой от крови. — Ну, может, малость стукнуло.

— Это вердад, компадре²? Давай — шунтуй. — Накренувшись назад, Карденас пустил в ход весь свой вес, волоча напарника к улице. А позади них за оградой уже собирались соседи. На лицах у них преобладали пустые ошеломленные выражения леммингов, которые внезапно очутились среди непостижимой для них драки. А откуда-то из обрушившегося дымящегося центра дома раздался крик Сурци Андерсон:

— На помощь! Ради бога! Я ранена! Неужели мне никто не поможет?

Хаяки заколебался, сводя на нет попытку обеспокоенного Карденаса продолжать двигать своего массивного, как гора, напарника к улице.

¹ Vamos — идем (исп..)

² Compadre — друг, приятель (исп..)

— Мы должны вернуться. Женщина, она...

— Не там, — оборвал его Карденас. — Это запись. Швелись!

Он продолжал тянуть Хаяки за правое предплечье, надеясь, что остальная туша сержанта потянется следом. А другой рукой он со щелчком открыл свой спиннер.

— У меня красный код на Вест-Миньеро-Плейс четыреста восемьдесят два двести тридцать шесть, в инурбе Ольмек! — рявкнул он в голком. — Ранен сотрудник. Повторяю, ранен сотрудник — требуется аэромед!

Все еще оглушенный, со слегка подергивающейся головой, Хаяки оглянулся, таращась на обрушившееся строение. Из поврежденных скрытых глубин, женский голос продолжал молить возможных слушателей о помощи. Хаяки неуверенно нахмурился.

— Запись? Анхель, ты уве?..

Они почти добрались до тротуара, когда дом взорвался по новой. На этот раз произошли множественные взрывы. Собравшаяся толпа любопытствующих соседей завопила. Те, кого не сшибло с ног, бросились бежать. Карденас почувствовал, как тяжелая рука взрывной волны шмякнула его на землю. Когда град обломков наконец прекратился, он попытался освободиться от заваливших его обломков стройматериалов и осколков разбитого окна. Хаяки лежал без сознания с сильным кровотечением из спины и затылка. Отпихнув в сторону объемистое тело бесчувственного напарника, инспектор принял сидячее положение, смахнул с глаз пыль и уставился на представшую перед ним картину.

Извилистая дорожка, шедшая раньше к удобному пригородному дому, вела теперь к дымящейся в земле яме. А нарастающий в вышине тяжелый гул приближающихся вертушек начинал заглушать поднимающиеся вопли и крики ошеломленных и раненых зевак.

Он никак не ожидал, что такое непритязательное жилище будет оснащено столь передовой системой безопасности типа «камикадзе». Вместо усилий оградить дом от вторжения непрошенных гостей, здесь вся идея состояла в том, чтобы впустить пришельцев в дом, а затем ликвидировать их. По ходу дела, владелец также терял свой дом и имущество.

Как мера безопасности такая техника была сокрушительно эффективной. Хотя, конечно, одноразовой. Чего же настолько сильно боялся недавно упокоившийся Джордж Андерсон Бруммель, если данный страх побудил его превратить собственный дом во взрывной эквивалент скромного полевого склада боеприпасов? Зачем он предпринял такие сложные и дорогостоящие усилия попытаться поймать в западню и убить?

Но более непосредственный интерес для Карденаса, по удобнее устраивавшего у себя на коленях избитую, истекающую кровью голову лишенного сознания Хаяки и глядевшего, как выпрыгивают из снижающейся головной вертушки мрачные аэромеды, представлял вопрос, где же, черт побери, эти Сурци и Катла Андерсон?

3

Только когда инспектор получил заверения, что с его напарником будет все в порядке, и вертушка увезла Хаяки, он позволил аэромедам очистить раны ему самому и обработать серьезно поврежденные участки спрейкожей. Предложение покинуть место происшествия он отклонил, отказавшись отправиться в госпиталь на готовой подвезти его вертушке. Как и следовало ожидать, бригады СМИ оказались на месте почти столь же быстро, как и аэромеды. И когда, наконец, прибыла бригада экспертов, ей пришлось столкнуться с обычным проходом сквозь рой витяков, забросавших новоприбывших вопросами, на которые те не могли ответить. Полицейские и пара департаментских мелькарей из Комрела оцепили их кордоном, когда две команды приступили к работе на месте происшествия.

Природа разрушения объекта исключила естественные причины, вроде взрыва бытового газа, еще до того, как старательные оценщики получили возможность поговорить с Карденасом. Не обращая внимания на свои раны и стараясь выкинуть из головы упорно встававший перед глазами образ потрепанного, лишенного сознания Хаяки,

инспектор настоял на своем желании подключиться к работе экспертов.

— Произошла первоначальная детонация, являвшаяся в такой же мере приманкой, как и убийным зарядом, — рассказал он расспрашивающим его, — за которой последовал добавочный манок в виде раненой женщины, зовущей на помощь. А потом целая серия вторичных взрывов. — Он пинком отбросил в сторону скрученную полосу металлической плакировки стены. — Кто б там ни кохонил эту касу, он хотел гарантированно убить любого и всякого, кто окажется в доме.

Экспертша стояла на коленях, вода сканером над все еще дымящейся выемкой в большем кратере, применяя высококлассный инфосос, которым так славился департамент.

— Довольно экстремальный способ разделяться со взломщиками.

— Зависит от того, какая у тебя страховка. — Бросив избранную горстку грязи и осколков в сопло прибора, похожего с виду на портативную ультразвуковую печку, ее напарник терпеливо ждал, когда тот выдаст внятные результаты. — Некоторые компании готовы оплатить замену всего уничтоженного, если домовладелец сможет доказать, что они экспиали двух или более непрошенных гостей. — Он натянуто улыбнулся. — Это, конечно же, в высшей степени незаконно, а также нельзя оправдать с точки зрения морали. Но попробуй добейся в суде обвинительного приговора корпорации, оплатившей стоимость разрушенного. У массы чистяков есть сомнительные полисы с исчезающими дополнительными пунктами, которые касаются ликвидации взломщиков. — Он нахмурился и крепко хлопнул по печке.

— Вот мы и заработали, — пробормотал он, пристально глядя на быстро появившиеся показания. — Довольно шикарный набор ингредиентов. — Он бросил многозначительный взгляд на внимательно слушающего Карденаса. — По части умерщвления ваши подозреваемые проявляют весьма изощренный вкус. Объемники «Хеллекс», хлопущки «Тарифа» и желе «Джафна». Сплошь последовательно устроенные и подрываемые микрами «Тайчуг», которые запрограммированы на реагирование в сочетании с манком

в виде барышни, попавшей в беду. — Он бросил на интуитивный более долгий взгляд. — Я слышал предварительные замечания. Ваш открытый спиннер направил их в центр города. Как вы догадались, что это была запись, и в доме никого нет?

Карденас наблюдал за тем, как продвигается дело у других экспертов.

— Беспокойство в голосе показалось мне наигранным. Актриса она хорошая, но все равно ее слова — лишь игра.

Специалист кивнул и сделал жест в сторону развалин, среди которых копались его коллеги.

— Кто б там за этим ни стоял, он, безусловно, не хотел дать кому-нибудь выбраться.

— Или что-нибудь найти. — Опустившись на колени, Карденас что-то вытащил из мусора. Это была верхняя половина куклы со все еще влажными желатиновыми глазами, весьма похожими на настоящие. Отсоединенная, она автоматически уставилась на него прозрачными синтезированными окулярами.

Спец моргнул, вываливая содержимое пачки в пакет с образцами.

— Что найти?

Инспектор не бросил, а осторожно положил кусок гомункулауса обратно на землю. Что-то в этих синтетических глазах заставило его поворошить ногой обломки, чтобы завалять куклу.

— Если б я это знал, мне не пришлось бы задаваться подобным вопросом. Но я все же знаю, что никто не превращает свой дом в такую изощренную бомбу просто с целью умуэрвить пару скраггеров.

Несмотря на раны, он настоял на своем праве присоединиться к ассессорам, которые работали на улице, опрашивая ошеломленных жителей дотеле мирного района. Двое департаментских мелькарей деловито массировали СМИ, изо всех сил стараясь убедить эту мошкарку, что полиция никак не могла предотвратить данное разрушение.

Несколько проживающих поблизости граждан вышли, спотыкаясь, из своих жилищ, оснащенных индивидуальными системами безопасности. На их лицах наблюдалось

ошарашенное выражение типичных чистяков, для которых повседневное существование состояло из относительно предсказуемых забот по поводу счетов, работы и семьи. Обыкновенных, повседневных проблем, не являвшихся вопросом жизни и смерти, какими те были для низших обитателей Полосы.

Карденас приблизился к глазевшей во все глаза пожилой женщине, одетой лишь в купальник и накидку. Очевидно, она отдыхала в плавательном бассейне на заднем дворе, когда дом Андерсонов приложил все силы, пытаясь ликвидировать двух зашедших в гости федералов. Несколько капелек воды все еще дрожали на ее ногах ниже колен, сопротивляясь испарению. Она слегка отшатнулась, когда к ней подошел инспектор.

— Бояться нечего, — успокоил он ее. — Вам незачем бежать.

— Я и не собиралась... ну, может быть, и собиралась, — пробормотала она. Не может быть, а точно, знал Карденас. Он не объяснил ей, что малозаметные движения тела и лица открыли ему намерения женщины столь же ясно, словно та высказала их вслух.

Он сверкнул своим иdentом и увидел, как она слегка расслабилась.

— Обещаю, я не стану вовлекать вас. — Он показал на раскинувшиеся перед ними дымящиеся развалины дома, едва тлевшие теперь в огнегасителе, спущенном с парящей над руинами пожарной вертушки. — Вы знали живших там? Некого мистера Джорджа Андерсона и...

— Сурци, — запинаясь вымолвила женщина. — Ее звали Сурци. У нее была дочь. — Глаза ее говорили о глубокой озабоченности. Не судьбой возможно уничтоженных соседей, а своей собственной и своей родни. — Что произошло?

— Пока трудно сказать. — Карденас не испытывал ни малейших угрызений совести, прибегая к успокоительной лжи. — Возможно, взрыв газопровода. А возможно, в доме было что-то взрывоопасное. — Он приложил максимум усилий, стараясь говорить так, словно не стряслось ничего необычного. — Такое то и дело случается.

— Но ведь здесь вы. — Она повела рукой кругом. — Полиции тут, кажется, многовато.

— Обычное дело, — небрежно обронил он с доверительным видом. — Просто все зависит от того, кому случится быть поблизости, когда происходит что-то чрезвычайное. Дома никого не было, так что никого не умуэртило. Вы знали Андерсонов?

— Очень мало. Знакомство типа «здравствуйте, доброе утро, как вы?» Здесь, в Ольмеке, люди ценят свою уединенность. — И платят за нее, не стала добавлять она, так как этого и не требовалось. — Они казались довольно милыми.

— Миз Андерсон работала?

Проявляя все признаки успокоения, женщина задумалась.

— Если и работала, то дома. Я не часто видела ее куда-то едущей. И она, казалось, всегда бывала дома, когда прибывал ее муж. Хотя она отвозила девочку в соче. Каждый день. И привозила домой. Правда, я в общем-то не обращала особого внимания.

Карденас кивнул, создавая впечатление, будто соседка сообщила бог весть какие ценные сведения.

— Вы случайно не представляете, какой соче посещала дочь?

Соседка покачала головой и поплотнее запахла накидку вокруг голых морщинистых плеч.

— Нет. Мои дети уже давно выросли. — Взглянув направо, она показала на мальчика и девочку, стоящих перед гражданами помоложе нее. Все четверо недоуменно взирали на внезапно и шумно возникшие посреди их тихого района руины. Родители-то мало чего говорили, но их потомство оживленно болтало.

— Можете спросить у семьи Мартинес. Их мальчик примерно того же возраста, что и девочка Андерсонов, и я, кажется, слышала, что они ходят в один соче.

Все так, подтвердил мальчик Карденасу, хотя он занимался в младшей группе соче, куда ходила и Катла Андерсон. Поблагодарив, Карденас было повернулся уйти, но столкнулся с парой витяков. Он всячески уворачивался от тархтящих мошек, пока не вмешалась Морган из Комрела, отогнавшая эту пару. Карденас скрылся в патрульной машине и стремительно унесся с места взрыва. «Надо бы мес-

сануть мелькарке «граacias»¹», — сказал он себе, когда сцена с пригородными руинами осталась позади. Он чувствовал себя неуютно, имея дело со СМИ, особенно с теми представителями оных, которые угадывали в нем интуита или же знали об этом его качестве.

Спиннер патрульного автомобиля отследил увезшую Хаяки «скорую», и послушная машина доставила инспектора в Ногалесский Центральный, избранный госпиталь департамента для раненных при исполнении служебных обязанностей сотрудников. Перехвативший его в коридоре четырнадцатого этажа мед-мелькарь уведомил Карденаса, что сержант все еще в операционной. Инспектор не стал давить на этого серьезного молодого человека, пытаясь подробности. Его тон и так вполне уверил Карденаса, что с массивным сержантом будет все в порядке. Инспектор по голосу определил, что мелькарь говорит правду, а не сочиняет удобную профессиональную ложь. Тем не менее, остаток дня он провел в госпитале, пока ему не позволили наконец заглянуть в послеоперационную палату.

Лежа с закрытыми глазами, лицом вниз, Хаяки плавал в воздухе, обмотанный только-только приставшим эписпреем. Эта розоватая искусственная эпидерма постепенно сливалась с собственной кожей сержанта, зарубцовывая и исцеляя ужасающие ожоги, покрывавшие большую часть его широкой голой спины. Было невозможно определить, сколько у него осталось собственной эпидермы. Как и положено любой жертве серьезных ожогов, он плавал в подвешенном состоянии над койкой, паря в магнитном поле, которому предназначалось предохранять его серьезно пострадавшую кожу от любого контакта с твердой поверхностью. Даже самые тонкие и мягкие простыни могли умножить травмы жертвы сильных ожогов. Диамагнитные свойства человеческого тела, которые позволяли ему отталкиваться от магнитного поля, создаваемого больничным проектором Перкинса, были реализованы лишь в последние тридцать лет.

Из носа и таза сержанта тянулись трубочки. Сфокусированные на его торсе сканеры выдавали на экраны показания всаженных ему в тело в стратегических точках нанохи

¹ Gracias — спасибо (исп..)

Карденас провел достаточно много времени в госпиталях («Слишком много времени», — спокойно думал он) и повидал в действии достаточно много аппаратуры, чтобы научиться истолковывать многие из показаний датчиков. В целом, они показывали, что состояние пациента стабильное, хоть и не дающее повода радоваться.

С той самой минуты, как Карденас покинул место преступления, в нем постоянно нарастал мрачный, тихий гнев. Тот факт, что обыкновенный, ничем не примечательный дом в инурбе попытался убить их с напарником, и так уже служил достаточной причиной для ярости. И то обстоятельство, что дом не проявлял разборчивости в своей смертоносной деятельности, всего лишь делало эту попытку намного более предосудительной. Представлялось очевидным, что данная система устанавливалась отнюдь не с целью защиты от такого повседневного преступления, как кража со взломом. Она была не только чересчур сложной и дорогой, но и вдобавок едва ли с успехом могла сохранить имущество домовладельца. Ее спроектировали с расчетом принять непрощенных гостей с распростертыми объятиями — а потом уничтожить их, да так, что владелец системы готов был пожертвовать на этой попытке всем своим жилищем.

Если не воров и, по всей вероятности, вовсе не нанесших визит федералов, то кого же? В основе большинства систем защиты домов лежала ярость. А в основе этого, куда более изощренного устройства, которое чуть не убило его с напарником, лежал страх. Кого или чего приходилось страшиться вроде бы обыкновенной инурбной семье вроде Андерсонов, да притом до такой степени, что они решили превратить собственную резиденцию в самую сложную мину-ловушку, с какой когда-либо доводилось сталкиваться Карденасу? Он был уверен лишь в одном: это как-то связано с причиной, по которой покойному Джорджу Андерсону понадобились две личности.

Плавающее в послеоперационной палате тело чуть заметно шевельнулось. Выражение лица Карденаса не изменилось. Он не мог интуитивно лежащего без сознания. Но этого и не требовалось. Достаточно было просто посмотреть на парящее над койкой тело друга. С эндорфинной капельницей

или без нее, Хаяки наверняка страдал от боли. Когда же сержант придет в себя и будет снова в состоянии чувствовать, станет еще хуже. Карденас ничего не мог тут поделать.

Но он вполне мог, черт возьми, сделать кое-что иное. Для начала ему очень сильно хотелось потолковать с этой бывшей миз Джордж Андерсон.

Ярость инспектора по адресу безразличного механизма, чуть не лишившего жизни его друга и напарника, начала понемногу спадать лишь ночью, когда он сидел в своем кодо с видом на благоустроенный пейзаж и искусственно проложенное с привязкой к рельефу русло реки Санта-Рита. Капельно орошаемая растительность смягчала суровый ландшафт по обоим берегам. Двигалась по этой озаряемой лунным светом местности только одинокая любительница ночного бега трусцой, на обуви и кепочке которой светились голубые квантовые точки. Пояс бегуни ритмично пульсировал, предупреждая потенциальных грабителей, что наряд девушки полностью заряжен и готов парализовать любого нападающего, у которого хватит глупости схватить ее.

За рекой виднелись огни Полосы, тянущиеся до самого Калифорнийского залива. Прошедший минувшей ночью ливень очистил воздух, открыв сияющие в небе звезды, взиравшие с полнейшим безразличием на незначительные изменения, внесенные человечеством в древний ландшафт Соноры. Вид этой мирной панорамы помог ему успокоить мятущиеся мысли. Равно как и охлажденное «Дос Экис» у него в руке.

Сделав последний глоток пива, он поставил пустую бутылку рядом с ее тремя пустыми сестрами. После того, как бутылка опустела, вплетенная в стекло одноразовая индукционная спираль живо отключилась. Стекло сразу же начало нагреваться. Повернувшись на вращающемся кресле, Карденас негромко произнес несколько слов в свой вит. Настенный экран мигнул, оживая, и предложил на выбор для беглого просмотра подборку бессодержательных программ. Развалившись на кресле в одном нижнем белье, он уставился невидящим взором на медленно ползущие данные.

Медицинские предзнаменования выглядели отличными, но куда Хаяки лежит в магполе, полагать, будто опасности миновала, никак нельзя. Если этот большой толстый ленивец умрет...

Не обращая внимания на предлагаемые юмористические и документальные передачи, он выбрал короткий успокоительный сон. И так же, как в другие бессчетные ночи, заснул в кресле.

Угнездившийся в тихом тупичке соче имени Мэри Энсон Картер представлял собой аккуратный автономный комплекс, спроектированный для наставления всем аспектам Реальной Жизни детей в возрасте от четырех до тринадцати лет. До-университетские академические дисциплины, конечно, уже с середины века преподавали не в школах. Этими предметами ученики намного лучше овладевали в мирной и приватной обстановке родной резиденции ребенка, с помощью домашних ящиков и подальше от отвлекающих действий детей одного с ними возраста. В четырнадцать лет подросток поступал на двухгодичные курсы аналитических исследований и в продвинутый соче, а в шестнадцать делался выбор между высшим образованием, программами профессионального обучения, государственной службой и уймой менее определенных взрослых вариантов выбора, таких как военная служба.

В соче ребенок узнавал о психологии отношений между мужчиной и женщиной, свиданиях, институте брака, сексе, о том, как открыть счет в банке и производить операции с ним, как выполнить простой ремонт по дому, как иметь дело с кредитом, как купить жилище, управиться с адвокатами, проконсультироваться у врачей, составить планы на отпуск, приобретать товары и услуги, покупать и готовить пищу — словом, обо всех необходимых составляющих повседневной жизни, о которых дети, как почему-то ожидали самодовольные предыдущие поколения, должны были узнать самостоятельно, чаще всего при посредстве совершенно неадекватных вариаций постепенного усвоения. Иными словами, в соче детей обучали всем действительно важным вещам.

Биология и математика, география и словесность, история и литература, рисование и основы гражданственности — все эти предметы лучше изучались дома, через домашний ящик.

С восьми утра до полудня, четыре дня в неделю, дети собирались в своем местном соче обучаться тому, чего ожидало от них человеческое племя: как быть достойным человеком и выжить в мире, становящемся все сложнее не с каждым годом, а с каждым днем. Вот в этом-то бурлящем доподростковом вареве и числилась некая двенадцатилетняя Катла Андерсон, с которой очень хотел побеседовать Анхель Карденас. Та пожилая соседка, с которой он поговорил перед разрушенным жилищем Андерсонов, сообщила ему, что мать девочки всегда отвозила ее в соче и вновь привозила домой. Думая об этом, он показал свой идент вооруженному охраннику при входе.

— Кому се происходит? — небрежно поинтересовался он.

Скучающий караульный с заметно высывающимся из кобуры на бедре автоматическим пистолетом и висящим на цепочке из жилетного кармана станнером подергал себя за бороду и пожал плечами.

— Нада¹ особенного, хомбер. Кого ты сюда заявился арестовывать? Учителя или нина? — Он чуть встрепенулся. — Надеюсь, что учителя. Соче этот тихий, и большинство нинов мне по душе.

Инспектор шагнул через деактивированные ворота. Как только он прошел, охранник снова активировал их. Тихое злое гудение указывало, что позади визитера подана энергия на микроволновой барьер, мощность которого вполне позволяла ему изжарить незваного гостя.

— Ни уно, ни отро², — объяснил Карденас. — Просто мне нужно поговорить с одной из учениц.

Повернувшись на вращающемся стуле, охранник просканировал биб безопасности.

— Это ведь не по поводу взрыва фургона, продающего мороженое, в прошлом месяце, верно? С тем делом разобрались. Наши нины не имели к нему никакого отношения. — Он неодобрительно фыркнул. — Виновата шайка антибов из урба Миранос.

¹ Nada — ничего (исп..)

² Ni uno, ni otro — ни то, ни другое (исп..)

— Мне просто нужно по-быстрому задать несколько вопросов. — Карденас говорил столь же терпеливым, сколь и намеренно неинформативным тоном.

Охранник оставил попытки выудить из посетителя какие-либо данные.

— Личность учащегося? — официально спросил он.

— Андерсон, Катла. — Глядя за спину охранника, инспектор присмотрелся к бибу безопасности.

Караульный кивнул самому себе.

— Да, я знаю это имя. Запомнил считай весь список по сещаемости. Хотя не припомню, чтоб действительно доводилось разговаривать с этой девочкой. — Пальцы его не по возрасту живо пробежались по клавиатуре. В качестве меры безопасности, с бибом оператор мог работать не через голком, а только вручную.

Снова мельканье пальцев. На бибе было двести шестьдесят три LEDa. Восемнадцать вспыхнуло красным, а остальные зеленым цветом. Охранник постучал пальцем по одному из красных указателей.

— Ее здесь сегодня нет. — Он откинулся на спинку стула. — Может, заболела. Но здесь ее нет.

Карденаса эта новость удивила намного меньше, чем охранника.

— А ее монитор не мог выйти из строя? Или оказаться заслоненным?

Охранник оттопырил нижнюю губу.

— Сдохнуть мог запросто. Или сигнал может не пройти, если она работает в лаборатории, хотя мы стараемся не ставить нинов туда, где это возможно. Правда, на занятиях по кулинарии такое иногда случается в массовом порядке. Радиационные помехи. Когда они готовят птицу на праздник, может стать действительно худо. — Он поработал с клавиатурой. — Пойдите с Алисией Таварес; класс номер одиннадцать. Она в этом месяце курирует девочку. — Он повернулся со стулом и показал. — Прямо по входному коридору, вторая дверь налево, по другую сторону от заповедника дикой природы. Она сейчас преподает Продвинутые Постоянные Поездки.

Инспектор поблагодарил караульного и зашагал в указанном направлении, проходя мимо классов, где дети обучались

навыкам, необходимым для выживания в обществе. Выйдя из главного здания, он побрел через миниатюрную версию знаменитого нью-мексиканского Хорнада дель Муэрто¹, в комплекте с пустынным ландшафтом, источником и копиями исторических образцов материальной культуры, появившихся посреди урбанизированной, индустриализированной Полосы, с целью показать ее подрастающим гражданам, какой была некогда жизнь, и какой по-прежнему оставалась в тех местах, где не понастроили ни индукционных труб, ни торговых галерей, ни игровых площадок.

Войдя в строение, он отыскал путь к классу номер одиннадцать. Его идент-браслет перебрал несколько тысяч муниципальных кодовых комбинаций, прежде чем через несколько секунд остановиться на одной, которая открывала дверь данного класса, разрешая ему войти.

Оказавшись в классе, он обнаружил, что его внимательно разглядывают две дюжины пар глаз. Лишенные окон стены из непробиваемого поляризованного стеклянного сплава были покрыты рисунками, движущимися пейзажами, изображавшими разные виды современного транспорта. В данный момент класс рассматривал межконтинентальный сверхзвуковой транспорт в разрезе, но изучал не аэродинамику его очертаний и не физику его работающих на водороде двигателей. Для тех, кого это интересовало, подобные технические детали можно было куда лучше проанализировать дома. А дети учились этикету путешествий: как заказать еду, как есть, находясь на борту, как пользоваться ванной и туалетом, как разобраться с беспокойствами, причиняемыми другими пассажирами, — короче, как выжить и преуспеть в мире современных путешествий.

Наставляла их стройная темноволосая молодая женщина с тонким лицом, рабочую одежду которой в данный момент скрывала форма стюардессы компании «Юнайтед Вариг». «Юнайтед Вариг», конечно же, заплатила кругленькую сумму за преимущественное право столь широко демонстрировать свой фирменный логотип в учебном заведении. Нины, похоже, не возражали. Они были слишком заняты, пробуя друг на друге рекомендованные для путешествий фразы.

¹ Хорнада дель Муэрто — пустыня в Нью-Мексико.

— Продолжайте упражняться в этих кратких диалогах, — приказала им Алисия Таварес. — Завтра будет устный опрос.

В ответ из рядов хорошо одетых младших граждан поднялся стон. Это тебе не бедный школьный округ, размышляла Карденас. В том урбе, где он вырос, у школ не было денег на такие легкомысленные штучки, как маскарадная форма.

— Чем могу помочь? — Она уловила мельканье его идента. — Боже, надеюсь, никто не попал в беду. То дело с фуригоном, торгующим мороженым...

— Не имеет никакого отношения к моему сегодняшнему визиту сюда, — закончил он за нее. Когда он улыбнулся, кончики его вислых усов приподнялись на полсантиметра. Это действие неизменно вызывало ответную улыбку на устах всякого стоящего достаточно близко, чтобы заметить данное явление, и Таварес не стала исключением.

— Рада это слышать. Что я могу для вас сделать... — она снова взглянула на его идент, — ...инспектор?

— Вы в этом месяце курируете ученицу по имени Катла Андерсон.

Таварес кивнула, и выражение ее лица сменилось на озабоченное.

— Она ведь не попала в какую-то беду, правда?

— Мы пока не знаем. Если и попала, то не по своей вине. — Он посмотрел мимо учительницы на класс, состоящий из сытых детей.

— Здесь ее сегодня нет.

— Да.

— Похоже, вы не удивлены.

Она пытливо посмотрела на него.

— Вы очень наблюдательны, инспектор. Катла весьма способная девочка. В некоторых отношениях — просто блестящая. Но у нее возникла настоящая проблема с посещаемостью. Насколько я могу судить, родители ее в этом не виноваты. Но в иные дни она просто не появляется. Ее родители протестуют и утверждают, что поговорили с ней об этой проблеме, но та все равно остается. Действительно, очень жаль. Такая умная девочка.

— Ее родители не звонили сегодня сказать, что она не придет?

Таварес покачала головой.

— Насколько я знаю, никто из них с нами не связывался. Такие неожиданные отсутствия носят случайный характер, и поэтому я не думаю, что Катла пропускает занятия, участвуя в какой-то регулярной деятельности вне соче.

Карденас кивнул.

— Как она ладит с другими нинами?

— Довольно неплохо. — Ответив рефлекторно, учительница тут же сделала оговорку. — Хотя я замечала, что, когда она не занималась положенной по программе деятельностью, то предпочитала держаться особняком. Почему бы вам не спросить у каких-нибудь ее односочниц? — И, повернувшись, обратилась к двум девочкам, исследовавшим подносы с муляжами еды. — Малага, Роза, вы не могли бы подойти сюда на минутку?

Карденас оказался лицом к лицу с двумя двенадцатилетними девочками, одной кофейного цвета и одной — песчаного. Он улыбнулся, и его усы заплясали. С любопытством поглядывая на него, более светленькая из пары подняла взгляд на учительницу.

— Это ведь не что-нибудь такое, о чем будет опрос, правда?

— Нет, — заверил ее Карденас. — Я просто хочу спросить вас о вашей подруге — Катле Андерсон.

Первой ответила другая девочка.

— Вы хотите сказать, о гуфачке? — хихикнула она. — Именно так мы ее все называем. Потому что она впитывает в себя все окружающее, как губка, но когда спросишь о чем-нибудь, она в половине случаев лишь странно улыбается, словно знает ответ, но не уверена, как его тебе изложить.

— Точно, — быстро добавила первая девочка. Ее слова угрожали споткнуться друг о друга в обычной для двенадцатилеток манере речи. — Катла, си, она муй cerebro, но все равно какая-то странная. Кабеса вареса¹, вердад?

Таварес скорчила недовольную гримасу.

— Малага, не забывай о манерах.

Девочка обиженно подняла взгляд.

— Хой², федоко же спросил!

¹ Cabeza vareza — себе на уме, голова-дсбри (исп.)

² Ноу — эй (исп.)

— А мне все равно. — Девочка с кожей песочного цвета была ростом почти с него. — Катлы сегодня здесь нет.

— Нохо, — безразлично согласилась ее подруга. — Шун танула, сабе?

— Ты не знаешь, где она может быть? — непринужденно спросил Карденас.

Девочки переглянулись, прежде чем та, что повыше, ответила:

— Никто не знает, где носится западный ветер. Вот это и есть Катла.

Он чуть улыбнулся и мягко произнес:

— Ты мне лжешь, Малага.

Она пристально посмотрела на него.

— А вот и нет. В иные дни Катла просто не рисуется.

— Я ведь спрашивал-то не об этом. — Он наклонился чуть поближе, буравя ее взглядом прямо в глаза. — Ты отлично знаешь, о чем я спрашивал. И знаешь, что я знаю, что ты лжешь. Пор фавор¹, не лги мне больше, Малага.

Девочка обернулась за помощью к подруге. Долгую минуту они молчали. Затем та, которую звали Розой, заговорила, хотя и явно с неохотой, не встречаясь взглядом с визитером.

— С Катлой иногда трудно говорить. И не оттого, что она хамит: просто молчит и все. Но иногда — иногда она принимается рассказывать нам, где бывает, когда не приходит сюда. — Еще не совсем женский голос упал до шепота, словно она боялась, что кто-то, здесь не присутствующий, может подслушать их разговор.

— Она любит тусоваться с отморозками.

Карденас тихо выдохнул.

— Катле Андерсон всего двенадцать. Она слишком мала, чтобы тусоваться с нинлоками. Захоти она примкнуть к ним, они бы просто посмеялись над ней. Она б замедлила их пульс.

— Только не подковы, — замотала головой Малага. — Эти примут в компанию, если тебе одиннадцать. — Внезапно сообразив, что она, возможно, разгласила слишком

¹ Por favor — пожалуйста (исп..)

много запретного знания, девочка поспешно добавила: — Во всяком случае, у меня ввод именно такой.

Инспектор выпрямился. Подкоды представляли собой слабо связанные, случайные группки антиобов, еще не достигших до вступления в настоящую шайку. Несмотря на сказанное девочкой, он никогда не сталкивался с допущением в клику одиннадцатилеток и ни разу не слышал о подобном случае. Но двенадцать — в двенадцать могли и стерпеть. Средний возраст подкода колебался от тринадцати до четырнадцати лет, после чего те шли дальше в настоящую шайку нинлоков, переходили в чистяки — или же заканчивали путь одиночками на Полосе. Или в могиле.

Подкоды были текучими бандами зрелых детей и незрелых подростков, лишенными какой-либо настоящей структуры или организации. В отличие от шаек нинлоков, члены этих банд бывали преданы только друг другу. Соединяющие их узы образовывались через дружбу и распадалась столь же легко, как и завязывались. Вовлеченные в такие банды ребята редко совершали серьезные преступления. Большинство из них обращалось к антиобской деятельности не по убеждению, а от скуки. Они были скорее правонарушителями, чем преступниками.

Именно в таком возрасте их лучше всего было ловить, до того как они начнут спускать свою жизнь в сортир. Особенно такие толковые, явно многообещающие ребята, как эта Катла Андерсон.

Достав свой спиннер, Карденас запросил названия всех известных группировок подкодов, какие, по сведениям полиции, крутились в радиусе десяти киломов от соче. За пределами этого круга двенадцатилетка оказалась бы на чужой территории.

— Гобрески, — прочел он вслух, когда названия появились на экранчике. — Нарулас, Розовые, Хабаньерос, Терравиллас. Пропашие Перрос. Ветевенга. Сократиз. Конвирхил.

— Ветевенга, — пробормотала Роза. — Именно эта. Я не знаю, где они фокусируются.

— Есть еще что-то. — Карденас переключил внимание на девочку повыше ростом.

— Она... Катла часто упоминала имя одного антиоба. Парня. — Роза метнула на подругу предупреждающий взгляд,

но та оставила его без внимания. — Комит себя Диким До хом. Я... мы... встречали его раз-другой. Его сюда никогда не зачисляли, но ему разрешили посетить несколько занятий. И всякий раз, когда он бывал здесь, они корешились с Катлой. — Подняв руку над головой, она направила кисть от себя, ладонью вниз. — Примерно вот такого роста, довольно тощий. Волосы обычно короткие и зеленые. С правой стороны на голове выбрит зачеркнутый вопросительный знак. Помнится, как-то раз он говорил, будто ему пятнадцать — но, по-моему, просто хвастался. Кожа и черты как у афрангло. — Она коснулась левого уха. — Когда не на сешене, всегда носит музуху. А ноды сбывал, словно какой-то классный Нобуру-сан.

— Из них получалась отличная пара, — добавила все еще колеблющаяся Роза. — Он был еще более странным, чем Катла.

Инспектор записал всю эту инфу.

— Вы обе очень помогли. Спасибо. — И повернулся, собираясь уйти.

Тут чья-то ручка робко схватила его за рукав. Он оглянулся и увидел, что задержала его Малага, впервые сильно походившая сейчас на ребенка своего возраста.

— С Катлой — с ней все в порядке, правда?

— Надеюсь. Хотелось бы думать именно так. Если она случайно нарисует где-нибудь неподалеку отсюда, вы ведь дадите мне знать? Меня зовут инспектор Карденас. — Номер ему давать не требовалось. Уж как иметь дело с властями и использовать их для своих надобностей дети усваивали в соче на одном из первых же занятий.

Когда он покинул соче, на небе собирались тучи. Снова муссон, размышлял он. Снова дождь. Этот ливень внесет беспорядок в его день, но он не возражал. Только психи что-то имели против дождя в пустыне, безотносительно к тому, сколько очищенного обессола извлекали и перекачивали на север с мелей Калифорнийского залива.

Антиобы имели склонность вести в основном ночную жизнь. Подкоды не были исключением. Сообщив о своих намерениях через голком, он направился не в офис, а домой. Если ему предстоит всю ночь гоняться за подкодами, то не мешает немного вздремнуть.

4

Сап-Ата-авеню никогда не спала. Именно туда приходили играть жители окрестного куска пирога Полосы, когда бывали в настроении малость оттянуться. Чистяки и антиобы, граждане и нинлоки, админы, техи и ээ-уаны свободно смешивались между собой, временно оставляя в стороне свои социальные различия, связанные общим желанием погрузиться в сверкающее море современных нравов.

Ищешь малость незаконного развлечения? Попробуй Тексмекссексхекс. Развлечение стимулирующее, но безопасное. Одобрено Минздравом (хотя, возможно, и не «Хорошим Домоводством».) Чувствуешь потребность в скорости? Поуправляй миккинутой «Дисони» — личной индукционной капсулой на 100% безопасной полосе препятствий на скоростях, при которых губы будут шлепать тебя прямо по щекам. В настроении витализировать немного агро? Надень стимкомбез «Караш» и пробегись через любую из многих сотен искусственных сред, уничтожая по пути скверных инопланетян, скверные формы жизни, скверных плотоядных и, за тайный гонорар наличными, свою/своего супругу(а) (требуется пригодный для сканирования снимок 4х6; предпочтительно голографический.)

Попробуйте кухню всех семи континентов, от триобриандских трохусов тортеллини до сент-джорджского крильоснова, от пломбира «Мамирауа купурусу» до мочаночавого коктейля «Голубой Гиацинт» (две доли кофеина с плато, три сахара из низин, и нельзя вкусить гуараны, пока не начнешь валиться.) Выбирай себе южамериканское барбекю из грызунов: от куи до капибары¹. Блюда, блюда, блюда, от иных худо, иные для блуда, а малость даже отсюда.

«Кстати, о выпивке, — зашептал со знающим видом на ухо инспектору раздражающе настойчивый подвижный реклам, когда Карденас брел мимо дорожки, идущей от главного бульвара, — пол-литра «ершей» всего трояк за штуку в счастливую хору², проведенную в кафе «У Робусто», третий

¹ То есть, если перевести с испанского, от морской свинки до водосвинки.

² Hora (исп.) — час.

двор справа, его нельзя не заметить». Молотя одной рукой, он отогнал парящего в воздухе электронного зазывалу. Будучи у него такое желание, он мог бы заграммировать свой браслет выдавать частоту, которая предупреждала бы всех тихих досаждал держаться от него подальше, идентифицируя инспектора как находящегося при исполнении сотрудника СФП. Однако такая защита позволила бы определенным элементам населения засечь специфическую несущую волну и заметить его присутствие. И потому федералам вроде него, предпочитавшим действовать под покровом сравнительной анонимности, приходилось страдать от того же избытка вездесущей рекламы, что и всем прочим гражданам.

Подобно любому популярному ночному логову, Отвод № 64 так и кишел рекламами. По-прежнему раскаленный воздух пронизывала музыка, состоявшая чуть не сплошь из рекламной какофонии. Карденас поймал себя на том, что насвистывает популярную современную очаровалку. Из шикарного бистро, гордо похвалявшегося своей бирманско-каджунской кухней, выскочила и чуть не налетела на него смеющаяся молодая пара, опьяненная вином и юношеской любовью. Он снисходительно улыбнулся и посторонился, давая парочке пройти. Хихикая, юноша и девушка старались не слишком долго пялиться на превосходящего их возрастом мужчину с яркими глазами и внушительными усами, когда прошли дальше по улице. Инспектор надеялся, что счастливое состояние не покинет их вместе с похмельем.

Как всегда при подобных операциях, он слился с толпой, став одним из ничем не примечательных присутствующих среди множества других, требующих внимания. Прodelывал он это едва ли не лучше всех в департаменте. Со спрятанным под манжетой рубашки браслетом и без синей фуражки и блейзера, он был последним из ночных гуляк на улице, в котором прохожий опознал бы федерала, не говоря уж про старшего инспектора. Умение растворяться в среде всегда было одной из его способностей. Оно не принадлежало к числу тех, которые запросто измерялись при департаментских тестах на пригодность и мастерство. Тем не менее, начальники и коллеги одинаково высоко ценили этот талант. Да и вообще, многое из того, что мог проделать Карденас, не

поддавалось количественной оценке. Это иногда беспокоило дотошных бухгалтеров, но не коллег-полицейских.

Перед салоном «Бледный ряд» ошивалось четверо ребят, надеясь увидеть, как кого-нибудь выкинут вон, чтобы помочь ему подняться. Ну а в процессе оказания помощи, возможно, очистить карманы дезориентированного бледного. Для прочих на улице все выглядело, будто они всего лишь стояли и болтали. Но «прочие» видели их не так, как Карденас. Их нацеленность, позы и даже запах их тел говорили ему, что они намеревались устроить маленькую свалку.

Самым старшим в группе был парнишка лет четырнадцати. Лицо его с обеих сторон обрамляли свернутые в спираль косички, а ермолку украшали древние символы, бросавшие в лицо вызов на древнееврейском. Равно как и витатуированные арамейские непристойности, покрывавшие большую часть его выставленной напоказ правой руки. Рука эта выглядела не особо внушительной — в четырнадцать-то лет. Но в ней проглядывало обещание дурного расцвета. Подвитованный, решил Карденас. Соискатель, нацелившийся присоединиться к одной из двух-трех организованных ортодоксальных банд ниналков, кочующих по западной половине Полосы.

Одежда и внешность его спутников были менее броскими. Девочки обеспокоено следили за подходящим инспектором. А паренек поменьше попытался компенсировать до подростковый недостаток в росте повышенной бравадой.

— Чем оборачиваешься, хомбер? — нагло осведомился парнишка тоненьким голоском.

— Йа, тебе это идет, — добавила одна из девчонок. Ее спутница захихикала. Их обеих еще можно спасти, решил Карденас. Но он не занимался профилактикой доподростковой преступности.

— Приятная ночка, — небрежно обронил он, завязывая разговор.

— Была, — прорычал парнишка повыше ростом, явный вожак бездельничающего квартета. — Пока ты не аррибал.

Рычание у него получилось не очень-то пугающим. Голос у этого подкода еще не сломался.

— И остается, — улыбнулся в ответ Карденас, не вынимая рук из карманов легкого плаща. — Я б не портажил такую

фиску в заднем кармане. Погонит кто-нибудь не ту синус-волну, и ты, вероятно, потеряешь кусок задницы, эготиста¹.

Дерзость паренька улетучивалась, как водородное горючее из брюха «Геммера» дальнего радиуса действия, пока одна рука рефлекторно метнулась к единственному широкому карману, пришитому сзади к центру его штанов.

— Чингаринга! — воскликнула одна из девчонок. — Да этот хомбер — бомбер!

— Мне не нужно то, что у вас есть, — успокаивающе продолжал Карденас. — Мне нужно то, чего у вас нет.

— Аблай, — настороженно пробормотал парень. — Чего тебе надо, федоко?

Не обращая внимания на обтекающий их неровный поток смеха, болтовни и визга ночной жизни, Карденас сосредоточился на вожаке. Пар из этого подкода вышел уже основательно, и он даже не взглянул в сторону вышедшего из салона «Бледный ряд» одурманенного бланблана, или англосакса мужского пола. А две девчонки и другой паренек усиленно старались не впиваться взглядами в очумелого чистяка. Гражданин, пошатываясь, удалился в ярко освещенную сонорскую ночь, не сознавая, что только-только избежал вероятной опасности.

— Я ищу ветевенгского подкода примерно твоего возраста по прозвищу Дикий Дох. Тощего афрангло с зеленым ежиком и выстриженным вопросительным знаком, торчащего от музухи. А также двенадцатилетнюю девчонку, нонсафадю, которая любит веть с ним. Катлу Андерсон.

Голос делавшегося то мрачным, то испуганным паренька упал до шепота.

— Не сабе такого подкода. И такой девчонки.

Карденас тоже умел понижать голос.

— Не пытайся гнать мне фак-якк. Вот сволокут тебя с фиской в центр, и проведешь в итоге пару ночес² в «обезьяннике». А ты знаешь, что там творится.

Когда паренек поднял взгляд на этот раз, на лице у него был написан настоящий страх. Одна из девчонок дернула было его за руку, но он стряхнул ее.

¹ Egotista — самохвал (исп..)

² Noches — ночи (исп..)

— Дикий Дох считает себя чингаруном, но он не настоящий нин. Просто ему нравится играть, а ветевенгас позволяют ему амбулировать с ними. А девчонку я не знаю. Это вердад, хомбер.

Карденас знал это, точно также, как раньше узнал, что парень врет.

— Где мне его найти?

Тут наконец подал голос другой паренек, которому явно надоело сдерживающее присутствие федерала.

— Дох большой поклонник Нобуру. У него заверченный пояс, и, может, с полдюжины ног при нем. Когда он не тусуется с нинами, то любит крутиться около «Мелариума». Ты знаешь «Мелариум»?

Инспектор кивнул. Это популярное место свиданий предлагало тысячу различных видов возлияний, во многих случаях законных; громкую музыку, иной раз законную; и танцы в магкомбете для тех, кому хотелось скорей поплавать в воздухе, чем подержаться, и тут уж законность зависела от степени обоюдного согласия.

— Спасибо, — выпрямился он. — Вы все заработали по паре положительных очков. Может когда-нибудь пригодиться. — Он повернулся, собираясь уйти, но не раньше, чем наградил поувадшего вожака последним немигающим взглядом. — Гуляй ночью, если охота, но фиску я б на твоём месте выбросил. Именно настолько серьёзо.

«Мелариум» был одним из самых популярных ночных заведений в Большом Ногалесе, столь же хорошо известным полиции, как и публике. Он являлся ещё одним местом, где могли смешиваться чистяки и труженики, где инженеры, маскохудожники и скромные сборщики могли общаться и разговаривать, не пребывая под бременем классовых предубеждений. В свете алкоголя и стимов все граждане были равны.

Он постоял некоторое время, наблюдая за шествием людей, втекающих в здание и выходивших, зачастую нетвердо держась на ногах. Ко входу подкатывали частные машины, работающие на водороде, высаживали своих оживленно болтающих пассажиров и проворно уносились на ближайшее доступное место парковки. Сборщики и другие работяги с окраин, слишком бедные, чтобы позволить себе личный

транспорт, прибывали пешком с ближайшей индукционной станции. Но одеты они были столь же хорошо, а то даже и лучше, чем их более зажиточные сограждане.

Карденас позабавился, наблюдая и разнося по категории ям изумительный диапазон жестикуляции и мимики. Когда с него хватило, он направился к главному зданию. Но не к главному входу, а к боковому, в стороне от толпы. Он искал соискателей, тех, кто слишком беден, или слишком мал, или слишком агро, чтобы их пустили в «Мелариум». Инспектор высматривал нинов, и поиск этот не занял у него много времени.

Своими татуированными черепами или сложно заплетенными волосами, своими иной раз клочковатыми, а зачастую откровенно-оскорбительными нарядами и, наконец, своим угрожающим снаряжением нинлоки без единого слова нагоняли страху на обыкновенных граждан. Они это знали, и поэтому, когда в их среду неосторожно забредал одинокий гражданин среднего возраста, им представлялось само собой разумеющимся, что тот либо спятил, либо пьян, либо обстимился, либо что-то еще. Но этот посторонний не вел себя, как псих, не пошатывался, словно пьяный, не нес невнятицу, как обстимившийся. Выходит, оставалось лишь Что-то Еще. И нины мигом заподозрили неладное.

Никто не удивился, узнав, что человек, столь смело разгуливающий среди них, был федералом. Но федералы были слишком умны, чтобы в одиночку погружаться в компанию нинлоков. А это предполагало, что у федоко вместе с его Что-то Еще упаковано и Нечто Большее. И наряду с ненавистью возникла неуверенность. Карденас воспользовался этим, чтобы задать вопросы.

Получив указание перебраться от бокового к заднему входу в «Мелариум», самое здание которого, казалось, пульсировало от бушующей музыки и энергии, инспектор засек взглядом Дикого Доха, как только тот попался ему на глаза. Этот перечеркнутый вопросительный знак тут же выдал его. Да еще законченный пояс Нобуру, который паренек с гордостью носил на талии. Интегрированный распределитель соединял пояс с муз-очками, закрывавшими изрядную долю лица парня. Его легкие широкие брюки «Страйкер» переливались

от темно-лиловых до прозрачных в зависимости от того как падало на фототропический материал уличное освещение. Нижнего белья он не носил. Простой фильтрованный жилет светился серией вопросительных знаков, таких же, как выбритый у него на голове. Хотя вокруг такого выдающегося подкода вилося несколько девчонок, ни одна из них не походила на Катлу Андерсон.

Умиротворяюще воздействовали музухи или нет, Доху не очень понравился вид шагающего к нему усаха. Окруженный взявшими его в плотное защитное кольцо юными Редкими Птицами, он дожидался, что принесут слова.

— Хойо, хомбер, — запустил он пробный шар из под очков. — Тут свободная улица, и мы никого не беспокоим.

— Ты из охраны? — Заговорившая девчонка показала на пульсирующую массу «Мелариума», до минимального возрастного предела которого ни она, ни ее спутницы не достигали.

Карденас покачал головой и, не обращая на нее внимания, сфокусировался на парне.

— Ты Дикий Дох?

— А кто интересуется? — осторожно ответил парень.

В качестве ответа инспектор поднял левую руку. Рукав задрался, открыв идент-браслет, мелькнувший намного более широкой, чем обычно, последовательностью LEDов. Карденас подправил их пульсирование до опто. Хоть парень и постарался не подать виду, увиденное произвело на него впечатление.

— Как я уже сказал, улица эта свободная. — Шагнув в сторону, он демонстративно посторонился, давая взрослому пройти. — Не наступите на какого-нибудь федоко.

Пара девчонок хихикнула.

Карденас оставил это предсказуемое малолетское хамство без внимания.

— Как я понимаю, ты любишь веть с одной предпубкой по имени Катла Андер...

При упоминании имени девочки уверенный до той поры нин мгновенно и необыкновенно изменился. И толкнул ближайшую девчонку на Карденаса, который рефлекторно поймал ее, уберегая от падения. Одновременно жилет подкода

взорвался, когда его владелец дернул за петельку, которая дестабилизировала вплетенные в жилет композитные магнетические волокна. Ослепленный на мгновение светом, эквивалентным нескольким десяткам вспыхнувших разом доисторических фотовспышек, Карденас отшатнулся. Девчонки завизжали и лихорадочно терли глаза, тогда как Дикий Дох резко развернулся и рванул к высящейся рядом архитектурной массе «Мелариума».

Пытаясь избавиться от плавающих перед глазами тусклых лилово-желтых пятен, Карденас побежал следом за ним. И как же паренек собирался попасть в здание, гадал на бегу инспектор, и не находил ответа. Но подкод не удирал бы в том направлении, не будь у него на уме какой-то определенной крысиной норы. Любой другой на месте Карденаса оказался бы ослепленным вспышкой, гадая, в какую сторону удрал паренек. А Карденас знал, куда направлялся парень, так как тот за миг до взрыва своего жилета смотрел и крепился в сторону «Мелариума».

Подкод определенно поразился, увидев устремившегося к нему полицейского инспектора, пока возился со старомодным засовом, запиравшим заднюю служебную дверь. Прежде чем он смог провести по замку незаконным обесмыслителем, Карденас схватил его за плечо. Ожидая борьбы, или, по меньшей мере, какого-то вызывающего жеста, инспектор сильно удивился, когда парнишка расплакался. Слезы так и текли из под музолинз. И боялся он не Карденаса — его до смерти пугало нечто иное. Вкрапленные миражовки рябили на тощей груди.

— Отколи! Я нада не сделал... я нада не знаю. Пор фавор, мадре, пожалуйста!..

— Не волнуйся, ниньо, все вакан. Успокойся. — Постепенно плач прекратился. Тяжело дыша впалой сложной изукрашенной грудью, Дикий Дох отключил музолинзы и неуверенно моргнул, глядя на удивительно сильного хомбера, крепко державшего его за руку. Не выпуская добычи, Карденас чуть отступил, пытаясь предоставить все еще испуганному пареньку как можно больше личного пространства.

— Ты... ты действительно федерал, так ведь? Вердад?

Медленно кивнув, Карденас выдал свою самую отеческую профессиональную улыбку.

— И ты не станешь меня трогать потому что... оттого что я сабе Катлу?

Инспектор мягко, осторожно отпустил руку парнишки. Потирая ее, Дикий Дох окинул его взглядом. Карденасу на мгновение подумалось, что подкод собирается снова задать стрелача. Но после того, как парень полыхнул своей вспых-рубашкой для дезориентации преследователя, его шансы скрыться сильно уменьшились, и он это знал.

— А с какой стати мне, или, если уж на то пошло, любому другому захотелось бы тронуть тебя только потому, что ты знаешь Катлу Андерсон?

— Чингаме, — пробормотал мальчишка. — Может, потому, что Катла разговаривает со мной, рассказывает мне всякое, а кто-то, может, боится, что я трындель, орикон.

— Трепач? — улыбнулся Карденас. — Это почему же? Ты и правда слишком много болтаешь?

Дох быстро замотал головой.

— Вовсе нет. Но есть люди, которые напрочь не верят на слово, сабе? Я умею держать язык за зубами. Но всегда есть те, кому охота помочь тебе в этом. — Страх его начал, наконец, таять, и он окинул Карденаса почти таким же взглядом, каким смотрели на него бывлые подруги Катлы в соче. — С ней все в порядке, с Катлой?

— Мы не знаем. Она не появилась сегодня в соче.

Дох медленно кивнул, словно наполовину ожидал этого.

— Я боялся — я всегда боялся за нее. Такая тихая Катла-клавиша. Милочка Катла. — Инспектор испугался, как бы парнишка снова не ударился в слезы. — Она, бывало, рассказывала мне о некоторых вещах.

От грохота, пульсирующего в глубинах «Мелариума», у Карденаса начинала болеть голова. Он не шибко уважал современную музыку. С его точки зрения, добавление к маримбе электроники, эховерба и тяжелого баса было путаным искажением прекрасной традиции. В этом он представлял собой исключение, прекрасно осознавая это. Большинство его коллег упивалось громовым усиленным пульсированием звука.

— Каких «вещах»? — поощрил он подкода по возможности деликатно.

К мальчишке стала возвращаться прежняя вызывающая манера держаться.

— А с какой стати мне тебе что-то рассказывать, федоко? Если ты вердад, то ничего мне не сделаешь. Ничего незаконного при мне нет. — Он постучал себя по тощей украшенной миражовками груди. — Я ничего не прячу.

Карденас показал на все еще обтягивающий талию парнишки броский пояс.

— Впечатляющий набор.

Слегка сбитый с толку такой сменой темы, Дикий Дох быстро оправился. Так как музолинзы по-прежнему оставались отключенными, инспектор заметил, что один глаз у парня голубой, а другой черный.

— Без тонтос¹, хомбер. Почти целый год собирал весь комплект.

— Но кое-что пропустил. — Карденас показал на пробел с правой стороны пояса. — Могу достать тебе Седьмую Ноду.

Последние остатки настоящего страха в глазах мальчишки сменились алчностью.

— Чингуешь, федоко. Седьмую Ноду никто достать не может. Они пропали, умуэртвились, кончились, заэкспииались. Нобуру отправил всего несколько, прежде чем комиссию по безопу заставила их прекратить и демонтировать.

Карденас отвел взгляд, словно ему было совершенно безразлично все, что мог подумать Дох.

— Именно такое я и слышал. Знаешь, нам по ходу работы случается конфисковывать всякие незаконные материалы, которые люди пытаются тайком провезти через такие места, как Санхуана и Пеньяско.

— Ты действительно можешь заполучить Седьмую Ноду? — Карденас промолчал, а Дикий Дох помассировал ладонью левой руки недавно подсаженную миражовку и пробормотал: — Чего ты хочешь узнать, хомбер?

— Ты боишься за Катлу Андерсон, потому что она знает определенные «вещи». И боишься за себя, потому что она рассказывала тебе об этих вещах. — Карденас сцепился взглядом

¹ Tontos — дураки (исп.)

с подкодом и не отпускал его. — А теперь ты можешь передать их мне. Не волнуйся. Что бы там ни было, твое имя в деле фигурировать не будет. Я об этом позабочусь.

Дикий Дох медленно кивнул.

— Да уж, лучше позаботься, федоко, а то однажды найдешь меня в конце калле¹ со всеми семью нодами в зубах. Катла, она всегда болтала о своей семье.

— У нее были какие-то семейные проблемы?

— Только не у Катлы, хомбер, уж никак не у Катлы! — Паренек зажестикублировал, призывая к молчанию, и Карденас снова принялся слушать. — Она была отличная девчонка. Правда, отличная. Но, как я сказал, транкило². Уже не девочка, но еще и не женщина. Но здесь... — он постучал себя по голове, аккуратно там, где ее окружал ремешок музолинз и ниже зеленой изгороди из волос — ...она была металл, хомбер. Металл и Музон, и желторотый ящик на плечах, сабе?

— Значит, она была умная.

— Не просто умная, федоко. Взять, к примеру, меня. Я, может, и антиоб, но у меня есть хороший кранч, понимаешь? В натуре. Но по сравнению с Катлой и я, и мои компадрес просто криль. А проблемас были не у нее. Они возникли у остальной семьи. — Подавшись вперед, он понизил голос до шепота, словно поблизости могла таиться какая-то громадная, зловещая сила, следящая и слушающая. — Ты когда-нибудь слышал о хомбере по имени Клеатор Моккеркин?

Карденас с миг подумал и отрицательно покачал головой.

— Папаша Катлы. Настоящий характер фео³, дурной хомбер, сабе? Вердад чингаринга. Во всяком случае, именно так говорила мне Катла. Он...

— Минутку. — Говорил Карденас по-прежнему сочувственным тоном, но, тем не менее, этот тон заставил подкода оборвать фразу. — Ты уверен? Клеатор Моккеркин?

Парнишка ничуть не заколебался.

¹ Calle — улица (исп..)

² Tranquilo — тихоня (исп..)

³ Character feo — скверный тип (исп..)

— Эй, федоко, думаешь, я мог бы напутать с таким имечком?

— Она когда-нибудь упоминала о Джордже Андерсоне? — не отставал инспектор.

Лицо парня исказилось.

— Андерсон? Катла говорила, мол, это тот хомбер, который живет с ее матерью. Что ты о нем знаешь?

Как раз над этим вопросом Карденас немало размышляла в последнее время. И связанных с ним подробностей от этого дерзкого и все же напуганного парнишки ждать не приходилось.

— Неважно. Значит, Катла не любила своего папашу, говорила тебе, что он мало¹. И что насчет него? Что она тебе рассказывала?

Дикий Дох с самого начала не казался особенно диким. Теперь же он выглядел просто обеспокоенным.

— То, что я обещал никому больше не рассказывать. Хой, знаю, ты можешь получить ордер на выкачку правды. Глаза мальчика-мужчины впились в смотрящего на него следователя умоляющим взглядом. — Прошу тебя, хомбер, не делай этого. Не заставляй меня стучать на нее.

— Не волнуйся. — Карденас приложил все силы, пытаясь успокоить паренька, насколько любой федерал мог успокоить нинлоко. — Я прошу тебя помочь, а не давяю.

Дох устремил взгляд мимо инспектора, мимо нависающей, громящей массы «Мелариума», в ночь.

— Он богат, этот ее папан. Купается в динеро². Держится особняком. Катла, она не так уж много и знала о его бизнесе. Так, слышала иногда, как он орал в голком. Скверные слова, хомбер. Мат-перемат. И не просто ругань, а угрозы, себе? Она рассказывала, что он говорил страшные вещи, страшно угрожал, если думал, будто выходит не по его задумке. Как то раз она долго не ложилась и прошла мимо его кабинета, и рассказала, что ей послышалось, будто оттуда доносились вопли. Вопли и громкие звуки.

— Какие звуки? — терпеливо спросил Карденас.

Дикий Дох на миг задумался.

¹ Malo — злодей (исп.)

² Dinero — деньги (исп.)

— Примерно вот такие. — И, опустив правую ладонь, с силой шлепнул по гладкой мостовой. — Громкие, но приглушенные, словно по земле колотят чем-то мягким и тяжелым. До своей комнаты она добралась бегом. Этот Моккеркин, он дрался и с ее матерью. Сурци?.. — Инспектор кивнул. — Бил ее, бывало, не только руками, но и словами. По словам Катлы, мать говорила, что слова бились сильнее рук. Я пару раз встречался с ее мамашей. — Парнишка сделал бессознательный жест, означающий умеренно-непристойное одобрение. — Что за чудо, хомбер! — И поспешил сделать оговорку комплименту. — В смысле, для старой леди.

— Значит, Моккеркин, бывало, бил мать Катлы. А может, и других людей. Еще что-нибудь? Как насчет самой Катлы?

Дох отвел взгляд.

— Я обещал не говорить, хомбер.

Карденас мог быть очень убедительным.

— Только мне, хомбер, — подался он к парню. — Обещаю, никуда дальше сказанное не пойдет.

И все же Дох колебался. Наконец, он придвинул рот вплотную к уху Карденаса. И от того, что он шептал, по коже инспектора пробежали мурашки. Карденас ничего не сказал, только выслушал и, когда дрожащий подкод закончил, выпрямился и серьезно посмотрел на мальчика.

— Она говорила, насколько часто это случалось?

Паренек отвел взгляд.

— Слишком часто. Раз в неделю. Иногда чаще. Она говорила, он называл это «дружничать». Говорила, ее трогали так, что ей тошно становилось, иногда она уходила в уборную и блевала. Но никогда не рассказывала. Никогда. Так что сам понимаешь, хомбер, — продолжал паренек, — почему она не очень-то обожала своего папана. Именно в этом все и дело, это-то и заставило ее мамашу свихнуть при первой же возможности. Хотя, по словам Катлы, ее мамаша знала, что этот Моккеркин просто взорвется, когда выяснит.

— Так значит, они убегали. — Среди водоворотов мыслей инспектора начало смутно вырисовываться объяснение по меньшей мере нескольких ранее непроницаемых загадок. — От своего мужа и отца Катлы, этого типа Моккеркина.

Дох энергично закивал.

— По словам Катлы, ее мамаша больше года работала над их отрывом. Она готова была скорей умереть, пытаясь сбежать, чем хоть день еще прожить с тем хомбером. — Он знающе улыбнулся, готовый поделиться еще одной тайной. — Конечно, им требовалось на что-то жить. Поэтому ее мамаша, говорит Катла, сротала немного денег у мистера Моккеркина.

— Сколько? — уточнил Карденас.

— Нонада¹, — пожал плечами парень. — Не уверен, что и Катла знает. Больше миллиона, меньше миллиарда. В любом случае это в общем то-то², чего она мне рассказала. Лишь что их было много. Достаточно, чтоб заставить папочку Моккеркина взбеситься сильнее, чем разозлился бы, просто выяснив про вихренье его женщины и дочери. Как я мирно³, эта чика Сурци респирует его личную жизнь, его деньги и его репутацию. Хой, случись вдруг нечто такое со мной, я сам мог бы стать малость чересчур, сабе? И еще одно: сделали они это не в одиночку. Катла говорит, будто у ее мамы был друг, который им помог. Один из самых близких деловых помощников папаша, какими б там делами тот ни занимался. — Он покачал головой. — Если этот чингарун Моккеркин и так уже не взбесился, то уж рогов, которые наставил ему партнер с его же женщиной, должно было хватить, как думаешь?

— Значит, Сурци сбежала с одним из партнеров Моккеркина, его дочерью и его деньгами. Катла рассказывала тебе, кем был тот партнер? Держу пари, его звали Джордж Андерсон.

Дикий Дох глянул на него с недолгим, но тем не менее желанным видом превосходства.

— Неверно эзе⁴, федоко! Что до меня, то я никогда не видел этого хомбера. Но вот Катла, она как-то раз упомянула про него. Сказала, он мол был верным другом ей и ее мамы, прежде чем они захмутили этого хомбера Андерсона. Буммер... нет, Бруммель. Хой, именно так. Уэйн, по-моему. Уэйн Бруммель.

¹ Nonada — пустяк (исп..)

² Todo — все (исп..)

³ Miro — думаю (исп..)

⁴ Esc — это (исп..)

Изумительно, размышлял Карденас, как многочасовые раздумья над спутанной граммой приводят лишь к перенапряжению мозгов, когда для разъяснения всего нужно лишь слово-другое от дерганого подклада. Благодаря этому нервничающему пареньку инспектор теперь со всей определенностью знал, кем был Уэйн Бруммель, равно как и Джордж Андерсон. Они были одним и тем же человеком, двумя личностями, и оба покойными.

Это объясняло, почему Сурци Андерсон-Моккеркин так нервничала, говоря с Карденасом по голкому. И то, почему она так и не появилась в морге. Услышанное от парня рассказало ему, почему ее самый обыкновенный на вид, ничем не примечательный инурбный дом был превращен в сложную роботизированную бомбу. Страшилась она не полиции. И не взломщиков или бродячих извращенцев. На самом деле она до ужаса боялась оставленного ею мужа.

Конечно, Джордж Андерсон-Бруммель мог просто свернуть сырой ночью не туда, лишь для того, чтобы его там распылила шайка болтающихся ниналков, ищущих легкую дичь. Смерть его могла быть случайной, не более чем еще одним пунктом печальной статистики в вечернем полицейском подсчете. Сурци явно думала иначе. С дочерью на буксире она вихрянула, самбулала, сделалась нерасположенной к контактам.

И если Джордж Андерсон-Бруммель столкнулся с гуманоидами, каких мог нанять на долгий срок некто вроде этого Моккеркина, такое поведение было, вероятно, самым разумным. Выяснять, какая из правд истинна, не входило в задачу Анхеля Карденаса, но он теперь слишком глубоко погрузился в обстоятельства дела, чтобы подать назад с неуязвленной совестью, не говоря уж о чувствах профессионала.

Он порывлся во внутренних карманах пиджака. Выудив «вафлю», он пропустил ее через спиннер, совершая одну небрежную операцию. А затем отдал ее подкладу.

— Иди с этим в «Ногалесский Центральный». Или если у тебя, гм, есть причины не желать заходить туда самому, то отправь кого-нибудь другого отнести ее. Доставь ее в отдел «Контрабандных Операций» на третьем уровне. Скажи там, что эту штуку дал тебе я — идент на ней проставлен — и

отдай ее дежурному полицейскому. И тебе живо доставят твою Седьмую Ноду из отдела Реквизита. — Когда уставившийся на него непонимающим взглядом парень никак не прореагировал, Карденас любезно добавил: — Для твоего пояса. Я держу свое слово. — И с этими словами повернулся, готовый уйти.

— Хой! — Оглянувшись, инспектор увидел таращащегося ему вслед ошарашенного подкода. — Ты уверен, что ты фредроко, хомбер?

Карденас улыбнулся.

— Не все мы смотрим на вас, как на мусор, Дох. Я лично твердо убежден, что в каждом объединении есть люди, которых можно спасти. — Улыбка его слегка расширилась. — И неважно, сколько миражовок им надо носить, чтобы выглядеть ваканно.

И снова зашагал прочь.

5

Еще более замечательным, чем извлеченная из уличного нина информация, стало известие, что Хаяки проснулся, бодр и шунтанут из ИЦ. Карденас застал его плавающим в гелевой ванне, похожим с виду на парализованного ленивца, застрявшего посреди гигантского пудинга. Хотя насыщенный лекарствами гель медленно пропитывал кожу и помогал исцелиться всему телу, подлинный смысл заключался в ускорении отрастания нормальной эпидермы под тонкой защитной пленкой искусственной кожи. Гель был прохладным и облегчал боль до такой степени, что на сторонний взгляд пострадавший сержант чувствовал себя почти комфортно.

Почти.

Подсоединенная паутина трубок по-прежнему подавала питание и удаляла отходы жизнедеятельности, одна, расположенная около головы, снабжала его ледяной водой и фруктовым соком, которые он мог теперь принять через рот. Когда вошел Карденас, Хаяки негромко произнес команду, и одна из питательных трубок вошла ему в рот. Инспектор

подождал, пока его друг и напарник закончит пить, и лишь тогда переместился в поле зрения сержанта.

— Я вижу, у тебя всегда найдется место для «Джелло»¹.

Тонкие, гибкие держатели не давали телу медленно погрузиться на дно ожогового чана, но Хаяки все же мог достаточно повернуть голову, чтобы сфокусироваться на говорившем.

— Он мне больше нравился с фруктами, хотя, похоже, плавать в нем лучше налегке. — И улыбнулся, хотя и не так охотно, как обычно. — Теперь я никогда больше не буду смотреть на Смоляные Ямы Ла Бреа² с той же беззаботностью. — Улыбка растаяла. — Что произошло?

— Резиденция Андерсонов была заминирована. И тебе, в итоге, досталась изрядная доля заряда.

— Дай-ка я угадаю. — Широкое тело едва-едва шевелилось в желатиновой ванне. — Ты сынтуитил, что именно должно случиться, вот потому-то ты и разгуливаешь, сверкая виноватой улыбкой, а я застрял в этой миске антисептического студня с крутейшим из всех загаров.

— Да, именно так, — отпарировал Карденас. — Я так сильно люблю взрываться, что решил подождать до последней минуты, желая хорошенько нюхнуть кордита. — Лицо его сделалось серьезным. — У тебя все нормально?

Лицо Хаяки отразило испытываемое им отвращение.

— Две тысячи триста шестьдесят два канала и ни черта такого, что стоит смотреть. Еще не нашел мать и дочь Андерсон?

— Нет, но выяснил несколько иных вещей. — И просветил сержанта по части результатов своего расследования. Когда он закончил, рослый полицейский хотел было кивнуть, но скривился от боли и остался неподвижен.

— Похоже, мотивом послужило нечто большее, чем обычная бытовая жестокость.

— Без тонтос, — согласился инспектор. — Если у этой машины Сурци такой богатый опыт по части умения скрываться

---

¹ «Джелло» — товарный знак полуфабрикатов желе и муссов, выпускаемых в порошке.

² Находятся в Хэнкок-Парке в Лос-Анджелесе. Желаящим узнать, как они выглядят, рекомендуется посмотреть фильм «Последний киногерой» (со Шварценеггером), а точнее, тот эпизод, где герои подцепляют заминированного покойника подъёмным краном.

от мужа, как кажется, найти ее будет нелегко. На Полосе затеряться не трудно. Особенно если ты достаточно обеспечен — и достаточно напуган.

— В соче она девочку больше не отправит. Во всяком случае, на какое-то время забудет об этом. После того дела с домом они зароятся еще глубже, чем раньше. — Хаяки на мгновение умолк. — Надеюсь, ты разыщешь их раньше, чем ее бывший муж.

Карденас серьезно кивнул. У него возникло очень сильное ощущение, что если им не удастся найти мать с дочерью первыми, то, обнаружив их, они расстроятся еще больше, чем при виде некоего Джорджа Андерсона-Бруммея.

— Жаль, меня не выпускают отсюда. Мне действительно хотелось бы помочь с этим делом. — Хаяки сверкнул той чудесной улыбкой Будды, которая очаровывала детей и успокаивала женщин. — Я не держу зла на мать с дочерью. Все это со мной сделал дом, а не они.

Инспектор наклонился над чаном.

— Никуда ты не пойдешь, пока не залечишь спину. Я буду держать тебя в курсе мессагами. — И повернулся к выходу.

— Хой, Анхель! — Карденас оглянулся. — Знаешь, что самое худшее, когда застрянешь вот так? — Инспектор покачал головой, и его напарник со скорбью объяснил: — Я терпеть не могу «Джелло».

Для получения доступа к информации о Клеаторе Моккеркине не потребовалось много кранча, и не понадобилось прибегать к услугам ящичного туннельщика. В файле конфиденциального макросье содержалось даже больше сведений, чем хотелось знать Карденасу.

Нынешнее его местонахождение оставалось неопределенным, хотя было известно, что он часто навещался в свои резиденции в Большом Майами, Лале, Нолинсе и Харлингене. Это не очень удивляло. У такого человека, как Моккеркин, наверняка имелось много врагов и никаких друзей, кроме купленных и оплаченных. По всем отчетам он был весьма неприятным типом. Список его приводов в полицию составлял обширный каталог антиобной деятельности, простирающейся от мелких

краж в подкодном возрасте до мошенничества, поджогов по заказу, нападений со смертельным оружием и без оногo, вымогательства, сексуального насилия и так далее, вплоть до трех арестов за убийство — одно прямое и два через наемников. Хотя он отмотал три отдельных срока в тюрьме, ему ни разу не доводилось сидеть за те тяжкие преступления, в которых его обвиняли.

Интересное дело, его также обвиняли в незаконном приобретении оружия. Данное обвинение проистекало из его участия в парагвайских мятежах 69 и 71 годов. Благодаря многочисленным контактам в Центральной и Южной Америке он достаточно разбогател, чтобы откупиться или отделаться от самых серьезных соперников. И что еще хуже, он мог позволить себе это, не мараю рук честных полицейских: адвокатов, чье судебное мастерство которых было обратно пропорционально морали, было предостаточно. Если верить списку приводов, ему бы следовало прямо сейчас сидеть в тюрьме.

Вдобавок к этому длинному стат-списку, имелось и несколько вит-клипов. Уединившись в своем тесном кабинете, Карденас вновь и вновь прокручивал их. Записи, сделанные при слежке и в зале суда, показывали высокого, весьма загорелого субъекта чуть моложе инспектора, с коротко стриженными очень белыми волосами, мускулистым торсом и маленьким ртом с плотно сжатыми губами, открывавшимся только для речи. Он никогда не улыбался, не хмурился, и вообще его лицо никогда ничего не выражало. Особенно интересны были виты, сделанные в зале суда. Моккеркин обладал одним из тех голосов, которые традиционно именовались «ядовитый язык». Даже его небрежные реплики «в сторону», предназначенные своим адвокатам или сторонникам, бывали пропитаны ядом. А его блиставшие удивительной эрудицией выступления на свидетельском месте отличались тем высокоразвитым чувством сарказма, которое сделало бы честь любому политическому доке из лагеря правых. Сразу делалось ясно, откуда у него взялось прозвище, одинаково популярное и среди блюстителей порядка и среди представителей преступного мира.

Карденасу на протяжении его карьеры довелось познакомиться не с одним антиобом. Он знал Маленького Наполеона и Типо Репо. А также Фрегадо Фредди и Асину Ноги, Марианну Молто и Джонни Полморды, «Молнию» и Гразо Карлоса. И к этому длинному перечню антиобов можно было теперь добавить Клеатора Моккеркина — или же Моккера, Насменника. Именуемого для удобства просто Моком. Подходящее прозвище, решил инспектор, вновь прокручивая вит-файл. Столь отталкивающий антиоб, он действовал весьма успешно и представлялся опасно умным. Не из тех, кому захочется встать поперек дороги. Сбежав с его женщиной, с его дочерью и его деньгами, бывший помощник Моккера Уэйн Бруммель проявил изрядное мужество.

Или исключительную глупость.

Сколько в этом плане было задумано Бруммелем-Андерсоном, гадал Карденас, а сколько Сурци Андерсон-Моккеркин? Если хочешь успешно избежать внимания такого субъекта, как Моккеркин, для этого потребуется время и хорошо разработанный план. А бывшая жена Моккеркина была, по всем отчетам, достаточно привлекательной и умной, чтобы сбежать без всякой помощи. Хотела ли она приобрести не много дополнительной защиты для себя и дочери или действительно была влюблена в несчастного Бруммеля? Ответить на этот вопрос могли только два человека. Один из них был убит, выкачан и одракулен, а другая серьезно захирела.

Для уклонения от длинных рук и мастерства Мока им, вероятно, потребовалось изрядно поездить. Карденас подозревал, что, сверясь он с записями налогового инспектора, обнаружилось бы, что семейство Андерсон не очень долго занимало свое недавно разрушенное жилище. Он пока не знал, сколько именно времени эта троица пробыла в бегах. Но знает. И, несомненно, смена места жительства совпадала с соответствующим изменением личности.

Единственное, чего он не мог определить из доступной информации, так это характер деятельности покойного Андерсона-Бруммеля. Тот был промоутером, спору нет. И промоутировал он самого себя. Успешно промоутировался в доверие к Сурци Моккеркин, промоутировался в пропавшие деньги Мока и промоутировался, как минимум, и

подлюжины противозаконных банков органов здешнего сегмента Полосы, где его разные спешно присвоенные части тела пойдут за хорошую цену. И, как знал Карденас, такой тип, как Моккеркин, не удовольствуется смертью одного лишь Бруммея. Мок не успокоится, пока к нему не вернутся отсутствующие компоненты его беглой семьи. Если такое случится, то Катла Моккеркин, вероятно, останется невредимой. Во всяком случае, физически.

Инспектор не стал размышлять, чем такое решение вопроса может обернуться для Сурци Моккеркин. Он имел дело со многими субъектами вроде Клеатора Моккеркина и потому не питал никаких иллюзий насчет того, как подобные люди поступали с предавшими их женщинами. Севамериканской Федеральной Полиции требовалось побыстрее найти эту Сурци и ее дочь, пока их не настигли приспешники Мока. Очень жаль, размышляя инспектор, что эти покамест неизвестные и неопознанные личности не вошли в покинутый дом Андерсонов, опередив их с Хаяки.

И мать с дочерью теперь снова в бегах. На сей раз они, надо полагать, убегают лишь вдвоем. Он сомневался, чтоб столь ловкая особа, как Сурци Моккеркин, доверилась более чем одному постороннему. И раз теперь служивший им буфером мужчина исчез, ей придется делать все самой. Что же касалось Катлы, то в дополнение ко всем ее талантам, о которых Карденас уже узнал, он добавил такое качество, как способность быстро восстанавливать физические и душевные силы.

Покуда он предавался раздумьям, созерцая переливающиеся над противоположной стороной стола глубины ящичного туннеля, в нижнем правом углу его возникла записка. Его хотел видеть капитан. Карденас улыбнулся. От внимания Пэнгборна ускользало очень немного. И чем выше профиль дела, тем больше свербело в заднице у начальника инспектора. А уж если он следил за ходом этого дела, то тогда, должно быть, чесался, как безумный.

Он сохранил пополненное макросье, закрыл вит и направился вверх по лестнице.

У Шона Пэнгборна был свой кабинет. Не тесный закуток, не подраздел сектора этажа, занятого многими разными

службами, а настоящий кабинет. Благодаря его местонахождению на предпоследнем этаже штаб-квартиры Ногалесского Отделения Федеральной Полиции (верхний этаж окружался со всех сторон броня, и он отводился под отдел баллистики и подразделение быстрого реагирования), визитер мог видеть оттуда половину поперечного сечения Полосы, устремиться взглядом мимо одетых в зелень кодо и небоскребов с расположенными в них конторами, мимо деловито гудящих макиладор и торговых галерей и помечтать о прохладных водах Калифорнийского залива.

Инспектор расположился в кресле. К Пэнгборну он относился с симпатией, и симпатия была взаимной. У них было много общего, помимо возраста и опыта. Хотя бы то, что ни тот, ни другой не были целиком изначальными. Оба щеголяли замечательными частями: у Карденаса это были глаза, а у Пэнгборна часть уха и другие, более чувствительные участки, о которых все знали, но остерегались даже намекать в его присутствии. Оба являлись старшими федералами и одинаково понимали справедливость и несправедливость и то, что иногда, наверное, можно сделать для устранения последней.

Однако ни тот, ни другой не относились к числу невинных младенцев. Они знали, что не могут уничтожить зло, а в состоянии лишь уменьшить его. На Полосе иногда хватало и этого.

— У меня есть для тебя траба-дjobb, Анхель. — Пэнгборн изучал взглядом подвешенный в воздухе справа от него экран. С того места, где сидел Карденас, он не мог различить подробностей. — В Санхуане. Филиал «Макровенди ЕУ», Милан, — знаешь такую фирму? — орет благим матом, от того что кто-то спаззует половину их новых моллисфер прежде, чем те успевают вставить в их новые чувственники. Поскольку их органические копатели ничего не нарыли, они пришли с протянутой рукой, моля о помощи низких федералов. — Он махнул рукой сквозь экран, временно искажив слаженную ауру. — Я подумал, что тебе, возможно, захочется провести несколько дней на побережье. Пораскапывай немного для «Макровенди», отыщи их компрометатора, запроси пару ордеров. Департаменту никогда не помешает не-много хорошего пиара.

Карденас недоверчиво улыбнулся.

— Если тебе все равно, Шон, то я предпочел бы остаться здесь и разобраться с тем, над чем работаю прямо сейчас.

Пэнгборн, нахмурившись, велел экрану убраться. В ответ на устную команду паривший у него над столом информационный призрак исчез.

— Чинга, Анхель. Половина народу в Департаменте знает о задании для «Макровенди», и в последнюю пару дней они все как один целовали мне начу, пытаюсь получить его. — Он экспансивно взмахнул рукой. — И вот я подношу его тебе на блюдецке, а ты мне в ответ, мол, спасибо не надо.

Карденас пожал плечами. Когда надо, он умел расходовать слова столь же скупно, как и кредиты из своего жалования.

— Это ни ответ, ни объяснение. — Раздраженный Пэнгборн вызвал экран на другой стороне стола. Отдавая ему команды, он, прищурившись, внимательно изучил взглядом результаты. Через пару минут снова повернулся к визитеру, так и не убрав занимающий виртуальное пространство сбоку от стола вызов.

— Скажи мне, Анхель: чего такого особенного в этом деле? Допускаю, в него вовлечено несколько интересных персонажей, но детали предполагают, что объяснения то банальные. Жена сбегает, прихватив изрядную долю денег мужа, с одним из его партнеров и с их ребенком. — Он бросил короткий взгляд на экран. — Разумеется, учитывая послужной список этого куло Моккеркина, было б очень даже неплохо пришить ему что-нибудь. Но это же работа и слежка для новичков, сбор новых сведений и простое сложение. С этим может справиться любой младший сотрудник.

— Тут имело место умерщвление, — указал Карденас.

Пэнгборн закатил глаза.

— Обыкновенное убийство из мести. Ничего неординарного. Судя по подробностям в досье на этого покойного Андерсона-Бруммея, сомневаюсь, что соче в гранде¹ понесло такую уж большую утрату. С этим делом справится и кто-нибудь другой. Отправляйся в Санхуану, пораскапывай с недельку для «Макровенди», проведи некоторое

¹ Соче в grande — общество в целом.

время на пляже, мирюсь с чиками. — Он заговорщицки понизил голос. — В бухгалтерии есть место для движения. Думаю, мы сможем устроить тебя в «Коронадо». А что до этой заурядной злополучности... — он указал на мерцающий внутри призрака файл только-для-чтения — ...то я брошу на него Гонсалеса или Ратленда.

Карденасу не хотелось спорить с Пэнгборном. Капитан был одним из немногих в департаменте, кто почти понимал, на что похожа жизнь интуита. Почти.

— Мне действительно хочется довести это дело до конца, Шон. Как старший инспектор я могу когить некоторое влияние.

— Полагаю, именно это и происходит, когда люди начинают стареть, — опечалился Пэнгборн. — Они тогда начинают страдать от приступов безумия; сперва слабых, постепенно развивающихся в помешательства, которые в конечном итоге начинают затуманивать им рассудок. — Он откинулся в кресле, которое оценивающе вздохнуло. — Либо дело в этом, либо ты проявляешь больше, чем типичное упрямство. Но впрочем, ты ведь знаешь, что я просто ругаю тебя и намерен предоставить тебе барахтаться в той грязи, которую ты сам выберешь. Не так ли?

— Конечно, знаю, — усмехнулся Карденас. И он не лгал.

Когда Пэнгборн поднялся с кресла, инспектор встал вместе с ним. Двое старших офицеров полиции прогулялись до двери в кабинет капитана.

— Прослужив в полиции тридцать лет, я усвоил две вещи. — Пэнгборн тронул себя за искусственное ухо, у которого протез не вполне сросся с изначальным хрящом. — Не пытайся взывать к здравому смыслу того, кто специализируется на остроумии, и никогда не играй в покер с интуитом. — Он положил руку на плечо инспектора. — Окажи мне одну услугу, ладно? Закончи это как можно быстрее и постарайся не дать себя распылить по ходу дела.

Карденас подошел достаточно близко к двери, чтобы та среагировала на его присутствие, опознала инспектора и открылась.

— Постараюсь. Смерть всегда осложняет расследование.

— Не говоря уж о том, что добавляет возни с бумагами. — Пэнгборн отпустил его притворно-раздосадованным взмахом руки. — А в Санхуану отправлю Гонсалеса. Он может прихватить с собой свою новобрачную. Поселю их на несколько дней в «Коронадо», он с меня иконы писать будет. — Тон его сделался более серьезным. — Береги себя, Анхель. Обычные наемные головорезы меня не тревожат. Но прочитанное об этом Моккеркине — настораживает.

— Меня тоже. Спасибо, Шон.

Покидая этаж с кабинетом капитана, Карденас не испытывал никакого торжества. Только спокойное удовлетворение оттого, что ему будет позволено продолжать заниматься той задачей, которую он сам перед собой поставил. Он чувствовал, что обязан это сделать ради Хаяки. Чувствовал, что это нужно для него самого. И по какой-то неопределенной причине он считал себя обязанным сделать это ради кое-кого, с кем пока еще не встречался.

Ради двенадцатилетней девочки по имени Катла Моккеркин.

Чем больше он узнавал о Моке, тем меньше ему нравился этот субъект. Имеющуюся информацию приходилось добывать из недр центрального севамериканского ящика макросье. В популярных СМИ не проскакивало почти ничего. Клеатор Моккеркин явно был одним из коварно-умных антиобов, что не испытывали ни потребности, ни желания видеть свой снимок мелькающим в вечерней передаче. Он ценил анонимность не меньше, чем могущество.

А могуществом он обладал немалым. За следующую пару дней Карденас связал с Моком финансовые звенья полусотни линий, опоясывающих весь земной шар. Вдобавок к незаконной торговле оружием во впечатляющих масштабах Моккеркин извлекал доход из торговли запрещенными лекарствами, сифонил кранч, добывал и продавал виды, занесенные в Красную книгу, а также запрещенные «вафли» и молли. Этот доход пополнялся деньгами с более заурядной деятельности, вроде вымогательства и похищения людей. Из этих денег не нашлось бы ни гроша честных, но все они

были шикарно отмыты, и крутилось их достаточно много, чтобы ввести в искушение даже сведушего подчиненного вроде покойного Уэйна Бруммея, которому уж точно следовало б знать, что к ним лучше не прикасаться.

Этот Мок был педантично разнообразным фелеоном. Самый настоящий вердад скверный чингарун. Если его при спешники настигнут сбежавших Сурци и Катлу раньше властей, то, как знал Карденас, результатом будет отнюдь не ожесточенный спор, за которым последует ряд согласованных визитов к брачному консультанту. Насчет дочери инспектор ничего предположить не мог, но он серьезно сомневался, что Сурци хорошо спится в эти последние дни.

После долгих часов, проведенных за просмотром инфы, он расслаблялся, прогуливаясь ночью по улицам Полосы, зыря темными глазами из стороны в сторону и сбрасывая прогулкой накопившуюся за день энергию. Он не обращал особого внимания на броские выставки, на сверкающие муниципальные произведения искусства или на назойливые рекламыв. Его интересовали люди; суесящиеся обитатели Полосы во всей их многообразной, колоритной этничности, попурии из разных цветов, размеров и форм. В этом коммерческом центре западного полушария случайный слушатель мог шнекнуть якк на нескольких десятках языков и диалектов, от азеров до зулусов, вдобавок к преобладавшим испанскому и английскому. А в основе всего этого лежал, подобно ряду разговорных пружинных матрасов, провинциальный суржик Полосы — нервное отрывистое гибридное арго, известное под названием испангон, испано-английский жаргон.

Карденас мог волубать с самыми лучшими из них. Его беглое владение речью любых групп часто удивляло нинлоков и пожирателей тины, с которыми ему нередко приходилось иметь дело. Чего он не мог произнести, то подразумевал — одна из выгод пребывания в интуитах.

Почему он не поймал Пэнгборна на его предложении? Ведь пляжи Санхуаны он любил ничуть не меньше любого другого туземца. Капитан был совершенно прав, говоря, что с делом странной цепочки Андерсон-Бруммель-Моккеркин могли разобраться и младшие инспектора. Уж не был

ли Карденас и вправду таким тайным мазохистом, как по-дозревали некоторые из его более молодых коллег? Ведь он не добивался какого-то повышения. За последние пять лет он отказался от полудюжины более высокооплачиваемых (и куда менее рискованных) административных постов.

Сегуро¹ разумеется, он любил Полосу, с ее шумом, своеобразием, сюрпризами и постоянным нескончаемым действием, которых не доставало в его собственной жизни. Но это не служило достаточным объяснением. Равно как и отсутствие стабильной домашней жизни, хотя его недавние отношения с дизайнером из «ДженДайна»² Ипатией Спанго продлились дольше большинства подобных связей. Может быть, дело заключалось в том, что он расточал любовь, которую носил в себе, словно тщательно охраняемую ценность, на ребят вроде Живчика Г, Бак-а-рана, и, совсем недавно, Дикого Доха. Именно они-то и были его семьей. Там, где большинство федералов выдавали лишь повестки в суд, Анхель Карденас также дарил надежду. На Полосе обитали разные подкиды, нины и сироты, которых он еще даже не встречал, и все они, несомненно, заслуживали спасения.

И Катла Моккеркин, как представлялось не только возможным, но и в высшей степени вероятным, была одной из них. И он отлично понимал, что любые младшие инспектора, которым поручат это дело, вряд ли будут соотносить свои действия с такой возможностью. Карденасу не требовалось интуитивно эту девочку для осознания, что ее стоит защищать. Для этого хватало и знания, что она была нормальной с виду двенадцатилеткой, имевшей несчастье угодить в жернова между двуличной, хоть и стремящейся защитить дочь, матерью и аморальным, пугающим отцом.

Он никак не ожидал, что кто-либо, помимо внутреннего круга Мока и Севамериканской Федеральной Полиции, будет интересоваться обстоятельствами, окружающими лихорадочно-поспешное бегство Сурци и Катлы Моккеркин из мирного окружения инурба Ольмек, не говоря уж о том, чтобы знать о них. И поэтому немало удивился, когда после ужина в патио ресторана «Чере-шери», расположенного чуть

¹ Seguro — здесь, само собой (*исп.*)

² Сокращенное название существующей и в наше время корпорации «Дженсрал Дайнемикс».

дальше по улице от его кода, к нему приблизилась пошатывающаяся маска в человеческом обличье, выдавшая шепотом фразу:

— Следуй за мной, си, федоко, если все еще хочешь задохнуться Мока.

Тощая фигура не остановилась, а продолжала, кренясь, двигаться по пешеходной улице, словно некое неуравновешенное пугало, сбежавшее с родимой фермы.

Текущие очертания морфомаски подергивались рябью при каждом шаге закамуфлированной фигуры. Поспешно заплатив по счету, Карденас последовал за ней. Он не мог даже уверенно сказать, мужчина или женщина таится под этим постоянно меняющимся покровом. Когда фигура свернула в переулок, освещенный лишь рассеянным светом остатков фототропической краски, покрывавшей окружающие стены, инспектор заколебался. Попытаться сынтунитить намерения окутанного маской было достаточно трудно и без стараний проделать это в темноте.

Но кто б там ни плелся под этим фабрикуемым фасадом, этот некто знал о его интересе к Клеатору Моккеркину. А так как данный интерес являлся не вполне общеизвестным, Карденас горел желанием узнать, откуда же о нем пронюхал его невидимый проводник. К тому же он обладал какой-то информацией, или, во всяком случае, утверждал, будто обладает ей. Следуя за фигурой все глубже в переулок, инспектор предоставил одной руке лечь на натку, которую всегда носил в правом кармане брюк. Натка эта могла вырубить не большую толпу; он не сомневался в ее способности вывести из строя бредущую маску, каким бы там сумасшедшим ни оказался владелец данного камуфляжа.

Неподалеку от конца переулка фигура свернула. Она теперь приняла вид высокого, красивого юноши. На сцене царила такая тишина, что слышно было, как капает конденсировавшаяся влага с артериальной сети трубопроводов, что обслуживали систему кондиционирования зданий. До земли никакой воды, конечно же, не добиралось. На Полосе случайное испарение повторно используемых водных ресурсов являлось преступлением, наказуемым если не законом, то суровым посрамлением со стороны соседей.

Внезапно морфомаска вспыхнула, и изображение молодого человека превратилось в образ стройной женщины среднего возраста. Пальцы инспектора крепко сжали натку. Но эта демонстрация была прелюдией к диалогу, а не угрозой. Какой-то миг Карденас боялся, что его заманили в этот закоулок просто ради показа нескольких реклам. Если так, то он невольно восхищался нахальством этого масочника.

Нет, этого не может быть, сказал он себе. Невидимый бродяга знал о его интересе к Моку.

— Ты намерен говорить, компадре, или будешь просто мелькать мне?

Владелец маски содрогнулся, хотя Карденас не мог сынтуитить, от чего именно: от воздействия искренности, дегенерации или от смеха. Юноша стал женщиной среднего возраста, та стала подростком-нинлоко, а потом святым в белой мантии. На глазах инспектора стремительно проморфировались множество личностей. Так как Карденасу уже доводилось видеть мельтешение морфомасок в действии, он проявил лишь поверхностный интерес к этой смене оболочек.

— Ты хочешь задокать Мока. Черепаха слышал.

По крайней мере, теперь у этой фигуры появилось имя, размышлял инспектор.

— Откуда ты знаешь?

Постоянно видоизменяясь, по маске пробегали волнами огоньки и ландшафты; вселенная камуфляжа. Невидимый владелец становился фонарным столбом, почтовым ящиком, зарядной станцией, алтарем и, весьма характерно, мусорным бачком.

— Когда превратишься в тортугу, научишься слышать. Я много чего слышу в Полосовой глуши, да, многое. — Дрожащий голос стал громче. — И там говорят: «Тот интуит, который правильный, он хочет знать о женщине Мока». — Карденас слегка напрягся. — Твоя слава опережает тебя, федоко.

Инспектор оставил комплимент без внимания.

— Что тебе известно о Сурци и Катле Моккеркин? С ними все в порядке? Они еще на Полосе?

Маска стала мерцающим двуногим столпом из потрескивающих огоньков и вращающихся опто.

— Нынче карамба время, федоко. Тьемпо темпо. Время, когда всем черепахам пора найти нору, забиться туда и сидеть не шелохнувшись. — Дрожь усилилась. А вот эту реакцию Карденас уже мог истолковать: этот метящий в осведомители напуган. Сильно напуган, вплоть до самого подомы его маски.

— Я не стану впутывать тебя в дело. Чего ты хочешь?

— За серию? Нада, хомбер. Но Черепаха вынес слишком много тампо тьемпо. Слишком много пробыл в тюрьме. — Фигура морфировала в весьма подробное изображение тесной зарешеченной камеры. — Когда я в следующий раз окажусь в доке, то, возможно, позвоню моему доброму компадре Карденасу-интуиту, и мне сбавят срок, сечешь? — Снова серьезное содрогание. — В перевоспитке напрочь лишают панциря!

Пытаясь представить себе, что же скрывалось под морфомаской, Карденас сообразил, что он по-прежнему не может определить, кто перед ним — мужчина или женщина.

— Ты всегда можешь найти меня через ящик СФП. Другой я никогда не забываю. — Он придвинулся чуть поближе, пока маска, уподобившаяся теперь вставшему на дыбы пони, предупреждающе не дрыгнула передней ногой и нервно вспыхнула красным. — А как насчет семьи Мока?

— В Полосовой глуши ходит якк. — Под маской что-то шевельнулось. Возможно, она пожала плечами. — Тебе нужно повидать одного инфомана. — Голос слегка понизился. — Сабе галерею «У Моккеки»?

— Я знаю, где она, — кивнул Карденас.

— В заднем чане за пекарней. Поговори с Индейцем в квадрате. Он знает. — И повернувшись, неуклюжая фигура внезапно рванулась прочь из переулка.

— Погоди! — поспешил следом за ней инспектор. — Еще один вопрос!

Добравшись до улицы, он замедлил шаги. Несколько любопытных пешеходов взглянули в его сторону. Их взгляды не задержались на нем. Карденас прогуливался не в форме. А без лазурно-голубого мундира СФП в нем было не так-то легко опознать блюстителя порядка. Это означало, что он мог быть блюстителем чего-то другого, и поэтому граждане на

него не пялились. Ночью даже в той части Полосы, где хватало гуляющих, задерживать на ком-то или на чем-то взгляд было неосмотрительным.

Черепахи уже и след простыл. Он мог успеть перейти через улицу, или войти в ближайшее здание. Или же он/она мог(ла) стоять всего в футе от Карденаса. Морфомаска позволяла своему носителю сливаться с окружением. Морф был не столь изощренной штукой, как военный хамелеон-комбез «аль-Леви», но в городской окружающей среде он действовал достаточно эффективно.

Карденас сверился со своим идентом. Было еще рано, хотя время имело значение только для него. Игорные заведения оставались открытыми круглосуточно, и без всяких перерывов за хорошее поведение. Когда он направился на север, в сторону ближайшей общественной индукционной трубы, то поймал себя на размышлении о личности субъекта, назвавшегося Черепахой. Карденас знал многих индейцев. Но индеец «в квадрате»? С таким этническим описанием он пока не сталкивался. Что означало такое прозвище, внешний облик указанного субъекта или его душевный склад?

«Проклятая морфомаска», — пробормотал он про себя, удлиняя и без того широкий шаг. Сквозь эту проклятую штуку не поинтуитишь, получится ничуть не лучше, чем при попытке что-то увидеть сквозь панцирь черепахи. В чем, конечно же, и заключалось намерение обоих видов животных.

6

Торговая галерея Моккеки была лишь одной из пары десятков коммерческих точек, занимавших полуостров, что вдавался в мелководье названного застройщиками Лисьим озером водоема. Владельцев ничуть не волновало, что в песчаной впадине никогда не было озера, пока застройщики не заключили контракт на заполнение ее повторно используемыми сточными водами. Так было принято в игре умников-землеустроителей. Два искусственных острова в центре озера отвели под рекреационные цели и заселили роболисами,

энергично охотившимися на робомышей. Решившие присоединиться к ним настоящие крысы проигнорировали своих не имеющих запаха механических сородичей и патрулировали берег в поисках головастика, лягушек, рыб и остатков человеческой еды типа гамбургеров, которые в конечном итоге выбрасывало течением на берега островов. Ирония современной жизни заключалась в том, что упаковки гамбургеров и гренков, лапши и пиццы подвергались биоразложению быстрее, чем остатки приставшей к ним еды, чему настоящие грызуны, в отличие от электронных, не переставали радоваться.

Подобно другим здешним торговым галереям, галерея Моккеки представляла собой аляповатый, навязчивый архитектурный конгломерат из маленьких лавочек, спроектированных с расчетом привлечь и приезжих, и местных. Внутри зданий мексиканской деревни и индейского племени можно было найти причудливые кафе, ресторанчики типа «Макдоналдсов», торгующие одеждой бутики, торговые автоматы, фирменные магазины, продающие выставочные образцы крупным дистрибьютерам и, если знаешь, как и где искать, менее приглядные развлечения и товары.

Нескольких небрежных расспросов хватило, чтобы привести Карденаса к комерсио владельца, известного под прозвищем Индеец². Причина такого необычного обозначения стала ясна, как только инспектор зашел в сувенирную лавку и представился владельцу. Стоявший за стойкой Машупу Мингас продемонстрировал снимки своей матери-индуски и отца-зуни. Он был не вдвойне индейцем, щеголяющим происхождением от двух племен, а индейцем в квадрате, происходившим от родителей с противоположных сторон мира. Подобный этнический фон был своеобразным, но не исключительным. Во всяком случае, не в нынешние времена массовых миграций людей из всех уголков всех континентов. Однако раньше инспектор с такой комбинацией как-то не сталкивался.

Мингас остался сердечным даже после того, как Карденас назвался представителем СФП. Малорослый, но жилистый, он улыбался, указывая на приманки своего комерсио, от привлекательных полотен с юго-западными пейзажами,

пылавших светом своих квантовых капельных красок, до дешевых устарелых традиционных туристских сувениров вроде вкрапленных в люцитовые пресс-папье скорпионов и тарантулов. Так как забирать с собой живых пустынных арахнидов запрещалось, эти создания были лишь бесплодными клонами, которых создавали исключительно для торговли сувенирами. Продавались также виты, карты-«вафли» и впечатляюще широкий набор региональных продуктов питания, отличающихся изрядной выдумкой и зачастую юмористической упаковкой. На небольшой веранде позади лавки стояла пара столов и стульев, где покупатели могли посидеть, потягивая напитки и глядя на отдаленные острова с их роболисами. Там и сейчас сидела хорошо одетая парочка индейцев, сосредоточивших свое внимание на озере.

Болтая с посетителем, Мингас уминал сэндвич «Филли». Этим деликатесом Полосы назывался филладельфийский сырный бифштекс, подаваемый с красным и желтым перцем «чили» вместо обычных луковиц и сыром «ялапеньо» вместо швейцарского. На самонагревающейся упаковке проступили пятна жира. Одна коричневая капля упрямо цеплялась за нижнюю губу лавочника.

— Итак, что же я могу продать вам, инспектор-сэр? Красивый снимок залива? — Выйдя из-за стойки, он показал на ряд имитаций зунийских ожерелий-фетишей. Вместо сплетенных из серебра, вырезанных из бирюзы, яшмы и других полудрагоценных камней зверей на этих гирляндах светились их пластиковые подобию. Каждое существо величиной с ноготок щеголяло крошечным светящимся LED-глазом. — Видите, — принялся превозносить свой товар Мингас, — когда до него дотрагиваешься, фетиш издает крик изборажаемого им зверя. — И продемонстрировал это, мягко сжимая большим и указательным пальцами миниатюрного медведя. Через интегрированное в ожерелье звуковоспроизводящее устройство, медведь живо издал короткий, приглушенный рык.

— Очень остроумно. Беру. — Ответ инспектора вызвал на лице Мингаса удовлетворенное выражение. Ипатии оно пришлось бы по душе, решил Карденас. Разумеется, вещичка сугубо для туристов, но придумана остроумно и сделана

довольно неплохо. Сработана, вероятно, здесь же, на Полосе, в одной из тех гигантских мастерских сувениров, которые имели тенденцию собираться в промышленном подразделении Паленке.

Покуда Мингас пропускал коробку с ожерельем через машинку для подарочной упаковки, одевавшую ее в кокон из прозрачного пластика, Карденас забавлялся, изучая взглядом набитое голограммами вращающееся колесо.

— Я хотел бы купить еще кое-что.

В голосе лавочника прямо-таки сквозила нетерпеливая готовность услужить.

— Если у меня этого нет, сэр, то смогу достать в двадцать четыре часа.

— Один знакомый сказал мне, что такой пронырливый информант, как вы, может что-то знать о нынешнем местонахождении женщины и ее дочери по имени Сурци и Катла Моккеркин, — проговорил Карденас не отрывая взгляда от голограмм.

Мингас закончил заворачивать ожерелье и вручил его покупателю.

— Вот, инспектор-сэр. Платы не нужно. — Тон его сделался неестественным, а улыбка — натянутой. — Я твердо-на-твердо верю в необходимость поддерживать свою местную полицию.

Тут Карденас оторвал взгляд от колеса с голограммами. И, вперив его в глаза лавочнику, отчеканил:

— Если ты что-то обо мне слышал, то должен знать, что я интуит. А это значит, что я могу определить, когда от меня что-то скрывают. У меня нет времени играть с тобой в слова. Двум женщинам грозит настоящая опасность, и я должен найти их раньше ее бывшего мужа. Один человек уже умер. Джордж Андерсон, он же Уэйн Бруммель. Мужчина, с которым она жила. И этот один — уже один лишний.

— Я ничего не знаю о том, про что вы говорите, инспектор-сэр, — отвел взгляд Мингас.

— Лжете.

— Это не преступление. — Мингас по прежнему держался вызывающе. — Если, по-вашему, один покойник — уже лишний, то учтите, что моя смерть заставит вас почувствовать себя вдвое хуже.

Карденас бросил небрежный взгляд через плечо.

— Здесь никого, кроме туристов и местных чистяков. Девочке всего двенадцать, и она не причинила вреда ни одной живой душе. Я хотел бы обезопасить и осегурить хотя бы ее.

— Я свои права знаю. Вы не можете арестовать меня за ссылку на неведение.

— Да, не могу. Но могу кое-что иное. — Карденас принялся извлекать свой спиннер. — Дайте только пару минут.

Это состязание воль лавочнику было суждено проиграть. Плечи у Мингаса опустились.

— Я люблю прислушиваться. К людям, рекламам, витклипам. Ко всякому. — Он оправдывался за свое вполне законное, но общественно спорное пристрастие. — Такое местечко, как Моккека, идеально подходит для этого.

Карденас заплатил за ожерелье.

— Что ты слышал? У тебя есть хоть какое-то представление, где они могут сейчас быть?

Лавочник метнул взгляд в заднее окно. Молодая индейская парочка сидела за одним из столиков на веранде, сосредоточив все свое внимание на своих напитках, жареных змеях, виде на озеро и друг на друге. Они ни разу не оторвали взгляд друг от друга и не взглянули в сторону лавки. Но Мингас все равно понизил голос.

— Эта дама и ее дочь могут быть где угодно. Понятия не имею, где они, и живы ли они вообще. О них ходит слух, вот и все. Глянтьумань. Но тоймен этой женщины, покойник Андерсон? — Карденас ободряюще кивнул. — По слухам, он швырялся уймой кредита, и не всегда со своей дамой. Поговаривали, будто он был завсегдатаем полудюжины секстелей от Агуа-При¹ до Сонойоты. — Мингас подался поближе. — Ходит слух, будто в его конюшне была одна особенно сегуро². Давалка по имени Кой Джой³, которая теперь не перестает оплакивать свое счастье в зарегистрированной цитадели спаривания под названием «Коктэйль»⁴.

¹ Агуа-При — современный мексиканский город Агуа-Присте.

² Seguro — здесь в значении верный, преданный. В других значениях — безопасный (*исп.*)

³ Coy Joy — это имечко (явно вымышленное) означает нечто вроде Скромница-Удовольствие.

⁴ Игра слов. Англ. cocktail (буквально, «петушиный хвост») звучит точно также, как название борделя Cocktalc (это можно перевести как «Пенисказка».)

— Я смогу его найти, — бесстрастно пробормотал Карденас.

— Найдите его сами, сэр. — Мингас убрался обратно за стойку, словно та могла каким-то образом защитить его от пронзительного взгляда инспектора. — Но как бы вы ни отыскивали, пожалуйста, не упоминайте ни обо мне, ни о моем бизнесе.

— Каком? — Карденас взял упакованное ожерелье и ушел так же тихо, как и вошел.

Благодаря тому, что «Коктэйль» был зарегистрирован, отыскать его не составило труда. Он являлся одним из десятка подобных заведений, разбросанных среди баров, магазинчиков и ресторанов, содержавших и приватные кабинки с куда более изощренными аксессуарами, чем солонки или перечницы. Работала также и пара санкционированных глумеров. Последние своего присутствия не рекламировали, но те, кому требовались их особые услуги, знали, где их найти. Спроектированные для обслуживания важных персон, они обеспечивали пользователей безопасным местом, где те могли предаваться своим пристрастиям, не боясь причинить вред самим себе или любым иным ни в чем неповинным гражданам. Клиент мог прийти с собственными принадлежностями или взять их напрокат. То же самое относилось к избранному пристрастию. В наличии имелись модельные смирительные рубашки всех размеров, или же они моделировались по требованию заказчика.

По сравнению с настороженной атмосферой, нависающей над глумерами, секстели дышали степенностью. Как было известно Карденасу, в индивидуальных или групповых номерах, испещривших, словно соты, более крупные заведения, царил совсем иной дух. Там воздух заполняли цвета, звуки и запахи, душившие чувства аурой несдерживаемого желания. Или же клиент мог раскрепоститься в окружении, отдававшем спокойной традицией. Чего б он там ни желал, секстели выражали полную готовность обеспечить этим. Были-таки некоторые вещи, размышлял Карденас, которые никогда нельзя будет симулировать, невзирая ни на какие

граммы, ни на то, сколько кранча имелось в распоряжении твоего домашнего ящика.

Индукционная труба высадила его как раз перед сексзонай. По одну сторону от станции тянулся ряд макиладор, в организованных недрах которых все еще трудилась ночная смена. Выходя, рабочие могли отправиться домой, зайти чего-нибудь перекусить или предаться более сладострастным занятиям, по своему вкусу. Карденас направился в противоположную сторону от станции. Согласно его спиннеру, «Коктейль» располагался в другом конце зоны.

Секстель работал всюду, хотя настоящий наплыв гостей произойдет, когда освободится смена на одном из близлежащих сборочных заводов. Лучше бы найти разыскиваемую им женщину до того, как забронируют все ее рабочее время. И то при условии, что она сейчас на месте. Точно так же, как заводы макиладоры, обслуживавшие их работников эротические заведения работали круглосуточно.

Перед ним появился знак обходного пути. Следуя его указаниям, он свернул в боковой крытый проход. Инспектор прошел менее двадцати метров, прежде чем его осенило, что с его собратьями-пешеходами что-то не так. Никто другой бы этого, вероятно, не заметил. Но выучка интуита обостряла все чувства, а не только те, какие обычно использовались людьми.

Народ вокруг него двигался, наслаждаясь теплым вечерним воздухом, и все эти люди выглядели нормальными, вели себя нормально, говорили нормально. Фактически, отсутствовал только один компонент нормальности.

Ни один из прохожих не имел запаха.

Остановившись, он протянул руку и схватил за предплечье бредущего в одиночестве хорошо одетого старикана, шедшего в противоположном направлении. Пальцы его сомкнулись, встретив лишь сопротивление воздуха. Одновременно старик зло улыбнулся ему — и исчез. Равно как и пара, приближавшаяся сзади. Равно как и стены, и улица, и пылающие вывески, рекламирующие восторги тех эротических заведений, мимо которых он проходил.

Вот только он не проходил мимо хорошо освещенных общественных учреждений. Он находился не на обозначенном

обходе, а в переулке, что шел не согласно плану департамента общественных работ, а направлялся по узкой «подсобной дороге», бывшей едва ли не просто щелью между зданиями. А обход был иллюзией. И притом очень ловкой, размышляя он, поворачивая и возвращаясь по своим следам. Не более, чем дорогая миражовка. Женщина, державшая только что выключенный ею проектор, сунула его в рюкзачок у себя за спиной. Серебряно-ниобиевые серьги негромко забренчали, когда она откинула с лица длинные черные волосы. Рядом с ней стоял индеец, высокий мужчина. На его лбу была голловная повязка, удерживавшая темные волосы и вспыхивавшая постоянным потоком легко узнаваемых трехмерных юго-западных символов. Подняв руку, он провел по краю повязки кончиками пальцев.

Безвредные туристические символы, обозначающие дождь, четыре священных растения (кукурузу, бобы, тыкву и табак), гром и молнию, Землю-Мать и Небо-Отца, внезапно сменились зловещей смесью из светящихся линий, изображающих молнию, скрещенную с ножами, копьями, лазерами, и со всех капала призрачно светящаяся кровь. Карденас мигом узнал эти символы. Эти мужчина с женщиной принадлежали к числу инзини, Юго-западного индейского эквивалента японской якудза или итальянской мафии.

Зародившись примерно в начале века как псевдорелигиозная организация, они распространили свое влияние по всему району Четырех Углов¹ и за его пределы, оседлав волну процветания и нелегальных прибылей, порожденных взрывным развитием Полосы. Пренебрегающие табуировками в стиле якудза, предпочитая им куда более современное и гибкое проецирование символов, они глубоко внедрились в незаконную иммиграцию, отмывание кредита, торговлю видами, занесенными в Красную Книгу, и полудюжину других разновидностей антиобной деятельности. По существу, не имеющие вожаков и вольные как ветер, они оказались исключительно крепким орешком, который СФП все никак не могла раздавить. Точное

¹ В данном случае имеется в виду район, где сходятся границы четырех штатов: Нью-Мексико и Аризоны (США) и Соноры и Чиуауа (Мексика.) Расположен между Ногалесом и Агуа-При.

название на языке навахо звучало как хуган хазьангии нитьчи би иинизиинии, или «семья злых духов», но и друзья и враги называли их просто инзини.

Пистолет в руке мужчины был не столь многоцелевым, как носимый в наплечной кобуре Карденасом. Он не мог скрывать, маскировать или всаживать в цель наркотик. Начиненный разрывными патронами, он мог только убивать. И этот киллер был вполне готов применить его. Гадать инспектору не требовалось. О намерении и способности этого малого в избытке свидетельствовали все оттенки его позы, пота, взгляда.

— Дорогая игрушечка, — небрежно начал он разговор, подразумевая только что убранный женщиной портативный проектор. — Меня таким обычно не одурачить, но я был поглощен своими мыслями.

— Ни с места, — приказал индеец. — Подыми руки и положи ладони на макушку. Пальцы не сцепляй. Сунешь руку в пиджак или брюки — убью. Попытаешься дотронуться до пиджака или брюк — убью. Двигайся медленно и плавно. Не прикасайся одной ногой к другой.

Покуда он говорил, индианка достала собственное оружие. Подойдя к Карденасу, она тщательно обыскала его, отобрала сперва пистолет, а затем и спиннер. И продолжила проверку.

— Канал открыт, но передает только местонахождение. У него не было возможности что-то отправить, — сообщила она своему спутнику. На глазах у Карденаса она включила на приборе пара-сайт и воспользовалась им для набора инструкций. Закончив свою работу, она сунула прибор обратно в карман Карденасу. И даже не улыбнулась. — Весь следующий час введенная мной грамма будет сообщать твоему монитору в участке, что все в порядке. Именно так все и будет на самом деле, покуда ты сотрудничаешь с нами.

— Чего вам надо?

— Ты из СФП.

— Инспектор Анхель Карденас, — кивнул он. — Желал бы иметь возможность сказать, что рад с вами познакомиться, мистер и миз?..

Мужчина сделал жест в сторону настоящей улицы.

— Ты провел некоторое время, болтая с одним лавочником в галерее Моккеки. Мы только что оттуда, где немного... потолковали... с ним. — Упоминание о недавно посещенном лавочнике помогло Карденасу вспомнить. Теперь он узнал их: это была та самая парочка, которая сидела на веранде позади лавки Машупо Мингаса.

Выходит, покуда он расспрашивал лавочника, они на блюдали за ним.

— Мы знаем, что ты возглавляешь поиски женщины по имени Сурци Моккеркин, которая вихряет вместе с дочерью. Расскажите нам, пожалуйста, что именно сообщил вам хозяин лавки. Если вы сделаете это для нас, мы вас просто уложим спать на подножье. Обычный нарколеп, ничего серьезного или создающего привыкание. — Он показал на здание слева от них. — Это вполне удобное место. Мы вам снимем номер на день и уведомим администрацию заведения, что вы хорошенько отсыпаетесь. Вас никто не побеспокоит. Когда же вы проснетесь, то почувствуете себя отдохнувшим лучше, чем удавалось за много недель, и без всяких вредных последствий. Мы к тому времени завершим проверку предоставленных вами сведений и отправимся своей дорогой.

Дуло компактного пистолета слегка сместилось.

— Если же ты не скажешь того, что мы хотим узнать, то мне придется начать отстреливать твои разные довески. В конце концов, ты нам все расскажешь. Так почему бы не избавиться себя от боли и физического вреда и не сэкономить мне боеприпасы?

Прекрасная речь, подумал Карденас. Она должна была успокаивать. Да только она была спокойно преподнесенной ложью. Едва они получают искомые сведения, как тут же убьют его. Не сделав ни малейшей попытки скрыть свои лица, они не могли оставить его в живых, ибо иначе он мог сообщить об их действиях и обличье. Его застрелят и оставят в переулке скавам, точно так же, как оставили Уэйна Брумеля-Андерсона. Он определил все это по глазам парочки, по тому, как они держались, и по самым тонким модуляциям и голосе мужчины.

Будь у него хоть полминуты, он мог бы изгнать из своего спиннера доминирующую грамму и вызвать подмогу.

Поскольку прибор знал о его местонахождении в любое время, помощь прибыла б за считанные минуты. Узкая «подсобная дорога» не давала ни малейшей возможности куда-либо спрятаться, а стены были слишком высокими и слишком гладкими для восхождения. Переулок представлял собой тупик в разных значениях этого слова.

С руками на макушке он попытался тянуть время. Если б он смог как-то отвлечь их на достаточно долгий срок, чтобы коснуться спиннера или бросить пару слов в свой голком, — но женщина следила за его движениями столь же внимательно, как и ее спутник. Если он хоть дернется, они выстрелят ему в ту руку, которая шевельнется. Это не давало ему возможности доложить о своем положении, но не мешало говорить. Притворная потеря сознания, как ему думалось, их не одурачит. Они будут и дальше мучить его, пока он не откликнется на их требования.

Пистолет снова переместился.

— Говори. — Индеец быстро оглянулся в сторону главной улицы. — И не ври. Если мне покажется, будто ты врешь, я что-нибудь прострелю. Ничего существенного — сначала. Ты мне кажешься довольно здоровым федоко. И, как мне представляется, вполне выдержишь шесть-семь тщательно нацеленных выстрелов, прежде чем отключиться. Убить они тебя не убьют, но чувствовать ты себя будешь все неудобней.

— Хотел бы я вам что-нибудь рассказать, но владелец лавки, о котором шла речь, мало что знал.

На сей раз ответила женщина.

— Выходит, тебе стало скучно, и ты решил наведаться в сексзону Поремас, просто желая расслабиться. Далеко ж тебя занесло. Да к тому же в рабочее время. — Выражение ее лица не изменилось. — Зачем ехать в такую даль и именно в эту сексзону? — Она указала на улицу у нее за спиной. — Чего такого особенного в этой зоне? Да и в любом случае ты с виду явно не из любителей «клубнички».

— Больше никаких задержек. — Опустив дуло пистолета, ее спутник прицелился в левую ногу инспектора. — С хромотой хорошо вызывать сочувствие, но не жить до конца жизни. Говори, федоко. И на этот раз выдай мне настоящий вердад.

Лишенный всяких вариантов выбора, Карденас слегка ткнул кончиком языка один из верхних зубов. И уже соби-
рался настроить соседний, когда воздух наполнился глухим
стуком. На лицо инзини наплыло выражение легкого удивле-
ния, когда он повалился ничком. Лицо его разбилось всмят-
ку, ударившись о мостовую. На затылке у него, как с интере-
сом заметил инспектор, образовалась такая вмятина, словно
по нему врезали из пушки шаром для кегельбана. Кровь и
спрессованные мозги разлетелись во все стороны. Карденас
не без усилия придержал язык.

Круто развернувшись, спутница покойного инзини под-
няла собственное оружие. Когда она вскинула пистолет, не-
кая сила вдавила лицо ей в череп. Зрелище вышло достаточ-
но ярким, чтобы заставить скривиться даже федерального
инспектора с тридцатилетним опытом. Безликое тело кач-
нулось назад и рухнуло на неподатливую мостовую переул-
ка. Из кармана ее рубашки торчал пистолет Карденаса, не-
действенный до тех пор, пока снова не окажется в радиусе
досягаемости ключа-биочипа, имплантированного под кожу
правой руки. Анхель не сделал ни малейшей попытки вер-
нуть себе оружие. Он вообще не сделал ни малейшего дви-
жения.

Из теней начали выступать силуэты. Двое из них сжима-
ли в руках пистолеты, в то время как оставшаяся пара дер-
жала длинные извилистые предметы, похожие на ветки де-
реьев. Когда четверо незнакомцев приблизились, Карденас
увидел, что те предметы, в которых он сперва заподозрил
какие-то деревянные изделия, изготовлены из имитирую-
щего древесину пластика. Трубки были украшены цветны-
ми изображениями животных и растений. На незнакомцах
были комбинезоны, каждый из которых отличался иным
узором из ярких цветных пятнышек и кругов. Светящиеся
точки вспыхивали достаточно смелыми пуантилистскими
узорами, чтобы вызвать колебания даже у французского им-
прессиониста.

Двое из новоприбывших были белыми и блондинами, и
то время как кожа их спутников выглядела чернее, чем у
любых других людей, с какими доводилось сталкиваться
инспектору. Один из последних щеголял курчавой добела

поседевшей бородой, которая придавала ему вид запыленной версии Древнего Морехода. Он держал одну из странных изукрашенных трубок, а куда более молодой белобрысый спутник — другую.

Перешагнув через изуродованный труп инзинки, второй блондин сунул пистолет в кобуру. Перешагивая, он постарался не смотреть на то, что недавно было ее лицом. А Карденас не мог этого себе позволить, несмотря на угрозу, которую она представляла для него.

— Мерзкое это дело. — Блондин ободряюще улыбнулся Карденасу. — Можешь опустить руки, приятель. — Когда Карденас так и сделал, новоприбывший кивнул на другого безжизненного инзини. — Эти идиоты больше тебя не тревожат.

— Спасибо за помощь, — осторожно ответил Карденас. — Я оказался в скверном положении. — Его язык переместился на второй коренной зуб, но не нажал. Пока рано.

— Струт¹. — Блондин фальшиво рассмеялся. — Тебе повезло, что нам с ребятами случилось оказаться поблизости.

— Интересное совпадение, — уклончиво заметил инспектор.

— Куда как верно, приятель. Конечно, ты сейчас думаешь, что совпадение это было далеко не случайным.

— Такая мысль приходила мне в голову, — не стал отрицать Карденас. И показал на искусно изукрашенную трубку в руках старшего из них. — Что это за штука? И кто вы?

— Мы-то? — Блондин охватил своих спутников широким взмахом руки. — Да как кто, мы — озерники из страны Оз, приятель. Навестив ваш великий Севамериканский Юго-Запад, мы едва не могли уехать, не посмотрев на этот выдающийся двигатель мировой торговли, Полосу Монтесумы.

— Вы следили за мной, — обвиняющее сказал Карденас.

— Вовсе нет, приятель, вовсе нет. — Блондин показал на два трупа, лежащих без движения на мостовой переулка. — Динкам, мы следили за этими дронго. Больше нам не придется этим заниматься. — Он снова прошелся пытливым взглядом по лицу инспектора. — Надеюсь, ни за кем больше не придется долго следить. Нам охота вернуться домой. Но сперва мы подрядились найти одну

¹ Stewth (австрал.) or it's truth (англ.) — верно, правда.

шейлу с ее дочкой и потолковать с ней. Ты случайно не знаешь чего-нибудь насчет того, как бы нам к этому по-дойти, а?

— Нет, не знаю. — Пытаясь соврать, ничего не потеряешь, решил Карденас.

Это не сработало. Сделав жест одной рукой, блондин по-дозвал к ним своего младшего коллегу. Этот тощий иностранец крепко держал обеими руками разрисованную трубку.

— Так вот, приятель, мы называем эту штуковину диджериду. Там, откуда я родом, это традиционный музыкальный инструмент аборигенов. Его никак не назовешь настоящим хайтех-комплексом, да уж. В один конец дудишь, и из другого выходит музыка. Однако, вот эти две красавицы не простые, а усиленные. Когда они заряжены, то подудишь в один конец, и из другого выстреливает звуковым шаром. На самом-то деле это больше похоже на фигурную звуковую волну. — Он показал на заднюю стену ближайшего здания.

— Парень, который умеет с ней обращаться, может про-дуть дырку сквозь бетон. Зависит лишь от того, какой уро-вень усиления установишь. Когда он достаточно поднят, ме-ханизм становится более, ну... диджерубным. — Взгляд упал на мертвого индизини. — Кость выдерживает такое не шибко хорошо.

Он чуть кивнул, и спутник помоложе поднял трубку. При-ставив меньший конец к губам, он нацелил другой в лоб ин-спектору.

— Мы б хотели сыграть тебе эту традиционную ру-тону, полисмен. И уж только от тебя зависит, сыграем ли мы ее на мостовой — или на твоей голове. Ты что-то знаешь о том куда сбегали те шейлы Моккеркин, иначе эти двое йоббо не шле-пали бы за тобой. Скажи нам, и мы распрощаемся. — Когда Карденас продолжил колебаться, блондин одарил его улыб-кой, которую всякий другой счел бы искренней. — Брось, приятель. Мы не собираемся причинять вреда этим леди. Это просто бизнес. И в отличие от этих валяющихся здесь недоно-сков, мы действительно отпустим тебя. Нам без интересу рас-пылять севамериканского фараона. Мы тебя никогда больше не увидим, а ты не увидишь нас. Как только мы поужинаем с шейлами, снова вернемся в свой Кенгуру-таун.

Однако одурачить Карденаса не удалось и блондину. Тот был хорош, но все же не настолько, чтобы одурачить интуита. Инспектор знал, что, как только они получают от него искомые сведения, убьют его столь же быстро, как любые инзини.

— Ладно, тогда скажу. — Он указал на типа помоложе. Вожак кивнул, и его спутник опустил зловеще зияющий раструб диджериду. Когда он это сделал, Карденас надавил языком на верхний коренной зуб. Подобно своему соседу, зуб в ответ слегка выгнулся наружу, к внутренней стороне щеки инспектора. Когда оба они внутренне отцентрировались, цепь замкнулась.

В материал плаща Карденаса были вплетены сотни незаметных нитей из металла высокой проводимости, которые соединялись с батарейкой из схожего материала. Перемещение пары взаимодополняющих композитных зубов в верхней челюсти позволяло Карденасу высвобождать заряд, запасенный в этой гибкой плетеной батарее.

В результате произошла невидимая вспышка электромагнитного импульса, способного своей мощностью изжарить любую незащищенную электрическую цепь в радиусе десяти метров. Поскольку всякое современное оружие полагалось на электрический спуск, закодированный на биочип его владельца, имплантированный, либо носимый внешне, то эта бесшумная вспышка энергии сделала неэффективными не только пистолеты в руках противников Карденаса, но и их музыкальные инструменты. Кроме того, она разрушила любые имеющиеся у них средства связи, вплоть до наручных хронометров, музо-линз и даже простых часов. Вдобавок слабо освещавшие переулок лампы на зданиях живо разразились треском, заискрились и погасли. Волна электронного разрушения пощадила только пистолет и спиннер Карденаса, снабженные интегрированной полицейской защитой. Вставив в его спиннер иллюзионную грамму, ныне покойная инзинка сунула нейтрализованный прибор обратно во внутренний карман пиджака хозяина. К несчастью, его служебный пистолет остался за пределами досягаемости на ее трупе.

Внезапное наступление темноты во всем переулке вкупе с вонью, пошедшей от их «спекшегося» оружия и других при-

боров, настолько отвлекло и дезориентировало озерников, что Карденас успел рвануть мимо них. Для прорыва мимо последнего, стоявшего между ним и улицей, ему пришлось с силой пнуть его по коленной чашечке. Тот застонал и рухнул, вцепившись в поврежденное колено.

— Догнать его! Догнать проклятого легаша! — Сыпая проклятиями, блондин бросился в погоню за убегающим инспектором.

Быстро оглянувшись, Анхель увидел в руке иностранца что-то, отразившее свет. Это был очень большой складной нож. Несмотря на отчаянность минуты, Карденаса удивила ирония данной ситуации. Вот он, блюститель порядка, действующий в гуще современного окружения конца двадцатого первого века, а за ним гонится человек с ножом. Хотя он еще точно не разглядел, инспектор подозревал, что в снаряжение спутников блондина тоже входит подобное первобытное приложение.

Если он хоть на мгновение задержится, чтобы активировать спиннер, то рискует сократить расстояние между собой и преследователями. В чем он нуждался сейчас, так это в паре минут передышки. Иначе они, вероятно, догонят его и порежут на куски, пока он будет кричать в голком, вызывая подкрепление. Он должен хоть ненадолго оторваться от них.

Вот теперь-то и начали окупаться все пробежки трусцой, которым он предавался в искусственном зеленом поясе, окружавшем его кодо комплекс. Несмотря на свой возраст, он находился в превосходной форме. Если он только сможет остаться вне досягаемости в этом спринте, существует вероятность, что на длинной дистанции ему удастся оторваться от погони. Будь они в каком-нибудь районе вроде Ольмека, прогуливающиеся чистяки могли бы вызвать ему помощь. Но это была зона наслаждений. Те граждане, которые видели погоню, переходили на другую сторону улицы и старательно избегали соваться не в свое дело.

Хотя Карденас тяжело дышал, чувствовал он себя по-прежнему хорошо. Оглянувшись, он увидел, что расстояние между ним и преследующими озерниками медленно, но заметно возрастало. Еще три квартала, и впереди покажется индукционная станция. Если он сможет добраться до

нее, одного крика должно хватить для подъема по тревоге транспортной охраны. Прибытия одного-двух вооруженных охранников могло и не хватить для охлаждения пыла преданных своему делу заграничных профессионалов, но оно должно заставить их призадуматься. По крайней мере, у Карденаса появятся союзники в форме. Понимание, что местные власти подняты на ноги, могло побудить отступить его преследователей.

Осталось всего два квартала. Парочка в масках удивленно вскрикнула, когда он стремительно промчался между ними, а затем нырнула в дверной проем, стремясь избежать подбегавших сзади. Впереди показались неяркие желанные верхние огни станции. По счастливой случайности, одно такси выгружало пассажиров, ехавших до зоны наслаждений, и принимало на борт тех, кто уже пресытился удовольствиями. Если ему удастся добежать до автотакси, прежде чем оно закроет двери, он гарантированно уйдет от погони. Не понадобится даже подымать на ноги охрану. Общественный транспорт умчит его прочь от опасности задолго до того, как подоспеют озерники. А коль скоро машина загерметизируется, он сможет спокойно корчить рожи преследователям, когда она рванет по улице. С выведенным из строя оружием они не смогут до него добраться.

Еще один квартал. А затем он падал, подскакивая, стукаясь о твердую мостовую, инстинктивно сгруппировавшись и покотившись по ней, чтобы уменьшить силу удара. Распрямившись и принимая сидячее положение, он увидел стоящего над ним младшего из аборигенов. Поднятый клинок в темной руке блеснул на свету, падавшем со станции, перед тем, как начать с размаху опускаться.

7

Карденас вскинул руку, защищая грудь, но блокировала удар не она. Его остановила конечность более массивная и состоящая более чем из десятка элементов, ни один из которых не был плотью. В рассеянном свете, льющемся

от флегматичных уличных фонарей и пламенеющих выхлопов, тускло блеснули чешуйки сваренного металла. Пластик вспыхивал всеми оттенками радуги, фрагменты раскулаченных механизмов лязгали и барабанили, подкрепляемые керамическим позвякиванием, а кусочки металлизированного стекла сверкали, словно гроздь алмазов.

Из расположенной поблизости ливневой канализации выкарабкалось нечто, похожее с виду на гигантского краба, сработанного из уличного хлама и промышленных отходов. Покуда одна рука блокировала потенциально смертельный удар озерника, вторая отбросила в сторону тяжелую пластиковую решетку дренажного люка. Карденас, моргая, откинулся вправо на тротуар. Его пораженный противник ни гнулся было подобрать выбитый у него из руки нож. Третьей металлическая нога ударила его по затылку, заставив рухнуть наземь без чувств.

Завидев этот появившийся из-под земли фантастический механический призрак, трое смертоносных спутников павшего озерника резко притормозили. Лязгающее создание не обладало гладкой внешностью орудия блюстителей порядка, но они были в Севамерике чужаками и ни в чем не могли быть уверены. Они знали лишь одно — эта хрень вмешалась, намереваясь спасти заваленного федерала. И связываться с ней без настоящего оружия было равнозначно попытке вскрыть танк консервным ножом.

Оставив потерявшего сознание товарища на произвол судьбы, они попятились, развернулись и удрали, швыряя назад только австралийские ругательства. Карденас глядел им вслед. Не сводя глаз с брошенного ими заваленного соотечественника, он медленно поднялся на ноги и принялся отряхиваться. Пока он занимался этим, механизм, гудя и лязгая, приблизился к нему.

Хотя машина втрое превосходила его размерами, шесть складных ног позволяли ей спрятаться в проеме меньшего диаметра, чем ливневая канализация, из которой она возникла. В ее моторизованных глубинах мелькали LED-ы, а когда кое-как подогнанные друг к другу части шумно скреблись друг о друга, раздавались электрическое скрежетание и стоны. В центре клубка механических конечностей

висела корзинка из желпроводов, обвивавшихся несколько раз вокруг укрытой в ее ядре своеобразной фигуры. Этот полуголый мужчина с длинными лохматыми волосами, глубоко запавшими покрасневшими глазами, темной щетиной и покрытыми шрамами руками сильно смахивал на только что замеченного ночным патрулем алкаша. Вот только вел он себя отнюдь не как алкаш, и явно сам управлял охватывающей его машиной, а не наоборот.

В ответ на подергивание правой руки красноглазого, мощная клешня поднялась на шипящих сервомеханизмах и ловко смахнула грязь с плаща инспектора.

— Вы в порядке, офицер? — Карденас лишь миг спустя понял, что голос исходит от человека, а не из машины, на которой тот ездил — или которая его возила. Глядя на фантастическую массу всяких частей и членов, лома и утиля, определить это было трудновато.

— Спасибо, у меня все отлично. А откуда вы знаете, что я из полиции?

— Мы с друзьями прослышали, говори я. — Один глаз у длинноволосого страдал постоянным подергиванием — зрелище не для слабонервных. Но Карденас был способен выдержать такое лучше большинства иных людей. — Решил рвануть на подмогу, когда вы освободились.

— А почему не раньше? — Карденас проверил свой спиннер. Тот все еще работал под мертвящим воздействием инсталлированной инзинкой пара-сайтной граммы. Но если та не врала, то эта грамма через — он сверился с хронометром у себя на браслете — минут примерно сорок должна издохнуть.

— Не был заинтересован, заявлял я. — Этот отшельник в плаще из желпроводов проявлял чудное безразличие к возможной реакции инспектора. — Только после того, как вы вырвались на волю. Тогда решил помочь. Андадь, эй, мне аблают. Прикинул, что вы свою часть выполнили. Кроме того, четверо против одного — эт не по честному. — Он усмехнулся из-за и из-под проводов, выставя напоказ желтые, почерневшие или вообще отсутствующие зубы. — Фералом Диком меня звать, а на налоги мне начхать. — Усмешка, к несчастью, расширилась. — Можешь называть меня Фералом, предлагай я.

— Ты сказал, что прослышали вы с друзьями. — Карденас бросил многозначительный взгляд на пространство позади верхового краба. — Я больше никого не вижу.

— Тэкс-тэкс — кто говорил о ком-то другом? Что в имени, кроме названия?

Вот тут они и высыпали из открытой ливневой канализации. Десять, двадцать, тридцать — настоящее множество. Карденасу лишь однажды довелось видеть столько, и паника, вызванная ими среди захваченных врасплох футболистов и болельщиков, для которых и предназначалась, были достаточно реальной, пусть даже и неоправданной.

Бопсы.

Потомство того, что в конечном итоге, за отсутствием лучшего определения и в агонии официального ошеломления, назвали беспроводными обслуживающими подземными системами. Бопсы были крошечными, изысканно сработанными, самовоспроизводящимися роботоидными формами жизни, чьи действия предполагали, пусть и без подтверждений, что они являлись компонентами общественной механизированной формы жизни, управляемой какой-то одиозной граммой искусственного интеллекта. Человечество, ожидавшее, что первый истинный ИИ возникнет из синтеза масштабных научно-исследовательских проектов и заумных университетских конференций, сильно поразилось при виде ИИ, когда тот наконец явил себя миру, приняв обличье механизмов величиной с кулак, а то и меньше. Первоначальные страх и паника от появления бопсов вскоре сменились озабоченностью, затем неуверенностью и, наконец, досадой, когда тысячи крошечных устройств не выказали ничего похожего на стремление к какой-либо цели, не говоря уж о враждебности.

Бопсы большей частью избегали людей, прячась в огромной циркуляционной системе Полосы: в системе воздушного кондиционирования, в трубах водопровода и канализации, транспортных туннелях, в проводах оптоволокну и индукционных трубах. Подобно каким-то механическим тараканам, они чурались дневного света. Но в отличие от своих членистоногих подобий, они были чистыми и не разносили болезней. И равным образом, они не часто проникали в личные

резиденции и не трогали человеческой еды. Они просто воспроизводились. Как признали наконец инженеры, несколько лет пытавшиеся изобрести способ истребить их, людям, пожалуй, лучше привыкнуть к ним. Бопсы обосновались здесь всерьез и надолго.

Через некоторое время граждане таки привыкли к их присутствию, пусть оно и не стало для них вполне обыденным. Как выразился на начальном этапе «вторжения» один бопс, невзирая на чьи-либо желания, бопсы существовали. Хотя ни один бопс не причинил никакого вреда ни одному человеку, люди постоянно разбивали, расплющивали, расчленяли и уничтожали другими способами элегантные маленькие автоматы. Но даже дети вскоре утратили свой страх перед ними. Нападения людей на бопсов не породили никакого возмездия, не спровоцировали никакого воздаяния. Параноики, убежденные в том, что бопсы вознамерились захватить власть над миром, быстро остались почти без последователей, особенно когда стало ясно, что бопсы — не более чем мелкое раздражение.

Практически единственное обстоятельство, которое продолжало беспокоить людей, заключалось в том, что никто не мог понять, откуда же они взялись.

Они, похоже, расцветали в присутствии Ферала Дика, заметил Карденас. Он не отступил ни на шаг, когда у его ног закопошилась и стала взбираться по ним пара десятков миниатюрных машин. Несколько минут они ощупывали и обшаривали его, действуя мягко и, пожалуй, уважительно по отношению к его неметаллической персоне. Сенсоры и провода ласкали и щекотали, делая замеры ради каких-то невообразимых для инспектора целей. Затем, словно в ответ на невидимый и неслышимый сигнал, они все как один слезли обратно на тротуар и исчезли в открытом ливневом водостоке. Среди этих миниатюрных чудес не встретилось и двух одинаковых.

Ферал Дик нежно глядел на провал в улице.

— Я люблю бопсов, а бопсы любят меня.

Карденас был искренне заинтригован.

— Вот потому-то ты и решил вмешаться и спасти меня? Потому что бопсы хотели меня изучить?

Ферал расхохотался из-под бесчерешковой мутовки жел проводов.

— Забавный легаш, смеюсь я! Я не знаю, чего хотят бонсы. Никто не знает. Сколько биглов белый бопс будет баллгурить? — Он захихикал, процитировав детский стишок. Но им, похоже, нравится веть со мной, а мне вроде как по душе их компания. Когда живешь под улицей, а не над ней, то принимаешь любую компанию, какую только сможешь найти, мрачнюся я. По крайней мере, они не ворчат. — Он сплюнул в сторону. Карденас слегка удивился тому, что выплюнутое не лязгнуло о мостовую.

— Это все равно не объясняет, почему ты решил мне помочь.

Механическое крабообразное шмыгнуло боком в сторону зияющего отверстия ливневого водостока.

— Время от времени, замечай я, бывают случаи, когда фералу может понадобиться немного доброжелательности со стороны федерала. Верую в рассчитыванье на официальное дружелюбие, решай я. — Металло-пластико-стеклянная клешня поднялась, отдавая честь. — Вспомните меня нежно в своих досье, офицер. — Желпровода не позволяли толком разглядеть эти запавшие, но не безумные глаза.

А затем механический мастер-наездник исчез в зияющем провале ливневой канализации так же стремительно, как и появился. Подойдя к краю отверстия, Карденас расслышал едва доносящееся негромкое лязганье металлических ног сварганенной из разнородных частей машины, когда самодельный транспорт быстро удалялся под улицей. Настоящим антиобом Ферал Дик не был. Он по выбору стоял, или скорее шмыгал, за рамками обеих систем взглядов.

Инспектор сверился со спиннером. Тот по-прежнему пребывал в коматозном состоянии, но не сдох. Еще плюс-минус несколько минут, и Анхель вернется на линию опто, с полным доступом к ящику СФП. Если только, напомнил он себе, убитая инзинка не лгала. Никаких настоящих причин для этого у нее не было, поскольку она и ее равно покойный напарник намеревались заставить владельца спиннера сдохнуть куда буквально, чем его аппаратура, еще до того, как та вернется в строй.

Быстрый взгляд на улицу не обнаружил никого, кроме бредущих граждан. И никаких признаков наголову разбитых озерников из Оз. Он знал, что ему следовало бы воспользоваться общественным коммом и доложить о случившемся, по крайней мере, сообщить, что с ним произошло. Но без спиннера он не мог донести истинную картину нападения. А если он будет слишком долго ждать, то женщина, которую он искал, может уйти, закончив смену — или, того хуже, повстречать наведавшихся к ней инзিনি, озерников или каких-то гипотетических других, разделявших этот внезапный и неожиданно неудержимый интерес к местонахождению Сурци Моккеркин и ее дочери.

На кого работали те наемные убийцы-индейцы? На Мока, на себя, или на какую-то другую, пока еще не идентифицированную группу с острой заинтересованностью в Сурци Моккеркин и ее дочери? Чем больше антиобных команд проявляло смертельный интерес к этой паре, тем больше Карденас стремился ее найти — первым.

Если ему приходилось дожидаться возможности поговорить с Кой Джой, то он мог ничуть не менее эффективно делать это, одновременно проверяя тех, кто к ней навещался. Развернувшись, он направился обратно по улице в сторону «Коктэйля». На сей раз он остался поблизости от группы заехавших гульнуть чистяков. А также обратил особое внимание на свое окружение и каждые несколько шагов присматривался к нему с целью убедиться в его реальности. Он совершенно не собирался снова забредать в еще одну обманную миражовку.

Найти «Коктэйль» не составило труда. Расположенный на главной улице, именно там, где указывал Машупо Мингас, он втиснулся между «Перистым куполом» и «Калифорнийскими ночами». В отличие от некоторых сотрудниц, все три заведения щеголяли образцово сдержанными фасадами. Внешнее освещение было приглушенным, а вывески скорее статичными, чем одушевленными, и никакие сладострастные рекламы не выпархивали из Медисонных эжекторов подлизываться к случайным прохожим. Хотя Карденас давно уж не работал в зоне наслаждений, он знал, что не все секстели одинаковы. Если основываться на том, что ему помнилось,

три соседних заведения занимали нишу, рассчитанную на привлечение клиентов из верхнего слоя среднего класса или, возможно, нижнего слоя высшего класса.

По другую сторону улицы большую часть нескольких городских микрорайонов оккупировала «Рара Авес». Совместное севамериканское предприятие «Асакуса-Чубаско» похвалялось своими товарами столь же нагло, как и его работники. Более дешевое, менее скромное и откровенно лас-вегасское по своей манере привлекать публику, оно щеголяло постоянным потоком посетителей, жаждущих принять то, что им предлагалось, и твердое, и влажное. Вдобавок к удовольствию сиюминутной похоти, посетитель «Рара Авеса» мог также провести ночь в одиночестве, сыграть в азартные игры и потребить предоставляемые заведением блюда и не-сексуальные развлечения. Универсальная международная сеть дешевых развлекательных центров для работников макиладор, она пользовалась прочной популярностью, и особенно часто посещалась «синими воротничками». Лицензированные «Рара Авесы» функционировали по всей Полосе, и каждое заведение почти ничем не отличалось от другого. На полках в Агуа-При лежал точно такой же товар, какой предлагался в Эльпасо-Хуаресе, или в Санхуане, или в Браунсвиле¹.

Хотя секс-торговля была на Полосе законной более полутора веков, там еще оставались граждане, которые по самым разнообразным причинам предпочитали анонимность, не говоря уж о более личном стиле обслуживания. Все это клиент находил в таких конфиденциальных заведениях, как «Коктэйль» и его соседи, так же, как в тех эксклюзивных учреждениях, которые обслуживали очень богатых. А рекламируемое снаружи зачастую вытеснялось тем, что перспективному клиенту предлагалось внутри.

В мебелированной антиквариатом конца двадцатого века внешней приемной находилось, наверное, около десятка мужчин и женщин. Некоторые ожидали, так сказать, про

---

¹ Явная ошибка автора. Ранес им поминался город Масматаморос (т.е. Большой Матаморос), крайняя восточная точка Полосы, куда навсряка и входит современный техасский город Браунсвилль. Кстати, Эльпасо-Хуарес образован (также как Санхуана из Сан-Диего и Тихуаны) путём слияния соседних Эль-Пасо (США) и Сьюдад-Хуареса (Мексика.)

никновения во внутренние структуры данного учреждения, в то время как другие расслаблялись и приступали к отдыху, следующему за завершением деятельности. Для определения, где которые, не требовалось быть интуитом. Зайдя фланирующей походкой в заведение, Карденас привлек к себе лишь случайный взгляд-другой со стороны будущих и бывших клиентов. Его же особенно заинтересовала сидевшая на кушетке пара среднего возраста, весьма увлеченная вит-программой столетней давности. Цвет у программы отсутствовал напрочь, и проигрывалась она по виту размером с небольшое авто.

Ненавязчивое освещение имело нежно-розовый оттенок, словно какой-то сдвинувшийся физик нашел способ подрумянивать фотоны. Картины на стенах изображали пейзажи Европы и Южной Америки. Изображение какого-нибудь французского замка казалось заимствованным из стандартного туристического буклета, пока не заметишь происходящую во дворе замка оргию. Пейзаж с изображением южно-чилийского леса навевал воспоминания о визите в Скалистые горы, пока не присмотришься поближе и не увидишь, что творится среди деревьев. Не говоря уж о творящемся с самими деревьями. Карденас с интересом разглядывал картины. Сделаны они были очень остроумно и, в пределах своей темы, с удивительным вкусом. Пристально глядя на них, он ни чуточки не смущался. Это было не то место, где следовало смущаться.

Слева от него манила к себе богатая товаром лавка, предлагающая подношения, недоступные даже через частный ящик. Стол, к которому он подошел, ничем не отличался от того, какой можно встретить в каком-нибудь хорошо оборудованном отеле со средними ценами — если сбросить со счета искусно извивающиеся фигуры, которые составляли мастерски сработанную скульптуру, цепляющуюся за заднюю стену. Свидетельствуя об оживленности бизнеса «Коктэйля», клиентами занимались трое клерков: две женщины и один мужчина, одетые в форменную фототропическую одежду, делавшуюся прозрачной в разных стратегических местах при каждом движении.

Им занялась женщина лет так тридцати. Хотя выглядела она привлекательной, он по опыту знал, что наняли

ее за способность передавать интегрированные услуги по вертикали; иначе эту особу не разместили бы в передней. Сбоку стоял, сложив руки на груди, безмолвный бледный монолит. Массивностью этот вышибала ничуть не уступал Хаяки. Как подозревал Карденас, он присутствовал больше для вида, чем для действия. Если б руководству часто требовались услуги субъекта подобных размеров, то оно не соответствовало бы своей должности. А с буйными клиссами легче разобратся, попросту наводнив приемную или коридор нарколептическим газом.

— Добро пожаловать в «Коктэйль», сэр. Чем могу помочь? — Она улыбнулась отработанной и профессиональной улыбкой.

Он улыбнулся в ответ. В таком заведении, как «Коктэйль», если не улыбаешься, то тебя никто не примет всерьез.

— Думаю, я в настроении для чего-то неординарного.

Девушка кивнула. Мигом уловив ритм, она подалась вперед и прошептала («Неплохой, хоть и совершенно ненужный штрих», — подумал Карденас):

— Значит, вам кто-то рассказал о нас. Вас направили правильно. «Коктэйль» заслужил свою репутацию умением удовлетворять всевозможные потребности. — Губы ее придвинулись вплотную, а духи источали синтезированные феромоны. — У вас на уме что-то определенное, сэр? Чего бы вы ни пожелали, если мы не сможем обеспечить этим тут же на месте, то пошлем за запасами. Можете положиться — мы в течение часа гарантированно рапидно доставим все, чего ни пожелаете, задействовав все ресурсы Полосы. Вы только скажите, чего вам нужно, сэр. — Он попытался, но она разошлась и гнала свою рекламную речь во всю прыть, и потому Карденас решил просто дать ей выговориться до конца.

— Вам что-то нужно, вам что-то требуется? У «Коктэйля» это есть или будет, как только пожелаете. Вас интересуют секс с осязаемыми? Мы предлагаем новейшую военную технологию, приспособленную к нашим эксклюзивным спецификациям. Вы можете обусловить оттенки цвета, окружения, ароматов и звуков, от музыки до мурлыканья. Если вы предпочитаете нечто более громкое, не волнуйтесь — все

апартаментос у нас абсолютно звуконепроницаемы. Как раз сейчас на линии несколько новых композиций из Чэнду, основанных на древних ханьских текстах. Первоначально, конечно же, фантазия, но с нашими омнифоническими проекторами все возможно.

Она продолжала улыбаться ему, ожидая ответа, пытаясь оценить его. Карденас ничем ей в этом не помог, дожидаясь, когда у нее иссякнут предложения. Она казалась достаточно милой для сводни, и если б он перебил ее хорошо отрепетированную рекламную речь, то это могло уронить ее достоинство в глазах нанимателей. Невзирая на преднамеренно уютное ощущение, навеваемое обстановкой салона, он ни на минуту не сомневался, что весь этот разговор демонстрируется на удаленном мониторе.

— Мы предлагаем полный диапазон стандартных морфов, — продолжала девушка, не уstraшенная его молчанием. — Мужских, женских, звериных. У нас в штате состоят два зарегистрированных ээ-улана, готовых создать заказной морф для удовлетворения ваших личных надобностей. — Ее интимный шепот сделался еще тише. — За определенную цену, я, возможно, буду готова обеспечить образцом, по которому можно будет смастерить детский морф. Полу-законный, гарантированно не дающий оснований для судебного преследования, обязательство записано нашим собственным юридическим отделом.

Отвращение инспектора, должно быть, отразилось у него на лице, поскольку она поспешно дала задний ход:

— Или вы традиционалист? В таком случае, несмотря на то, что вы мне сказали, возможно, вам придется больше по вкусу одно из наших родственных заведений. — Выпрямившись и опустив взгляд, она извлекла плавающий в воздухе список, очерченный розово-красными искрами. Неплохой декоративный штрих, решил Карденас.

И по прихоти спросил напрямик:

— А как насчет вас?

Позабыв про список, она подняла неуверенный взгляд.

— Боюсь, что я строго административный работник, сэр. — Она явно надеялась, что он не будет настаивать, чтобы начальство не приказало ей удовлетворить пожелание

клиента. — Я польщена, но мне следует предупредить вас, что я более чем наполовину бионическая.

Карденас скопировал выражение, которое чересчур часто видел на лицах доставленных в участок преступников на почве секса.

— На которую половину?

Хотя ее лично данный ответ отнюдь не успокаивал, он таки убедил девушку, что этот крепкий гость с густыми усами все же пришел куда надо.

— Если мой физический тип кажется вам привлекательным, сэр, то, наверное, вы могли бы позволить мне предложить?..

Утвердив свои верительные грамоты извращенца, он не видел больше никакой необходимости продолжать обсуждение.

— Я знаю, что мне нужно. А также знаю, кто мне нужен. Просто хотелось немного полюбоваться на ваш янк. Мне нужно два часа с Кой Джой.

Он пережил неприятный миг, когда она не ответила. Неужто Машупо Мингас с самого начала скормил ему неверные сведения? Если так, то Карденаса ждало довольно утомительное отступление.

Беспокоился он напрасно. Задержку у девушки вызвали лишь необходимость проверить, каков текущий статус его запроса.

— Вам повезло, сэр. Миз Джой сейчас возвращается с перерыва. Она будет доступна для вас через... — она свистнула со скрытым датчиком — ...пять минут. На два часа, говорите?

Карденас изобразил на лице нечто похожее, как он надеялся, на порочную улыбку.

— Я хотел бы не спеша.

— Все мы разные, — пожала плечами женщина.

Они договорились о цене, которую Карденас заплатил специальной карточкой, выданной инспекторам для оплаты расходов не связанных с расследованием. Расплачиваясь, он пожалел, что не сможет увидеть лицо департаментского аудитора, который будет оформлять данный расход. Через несколько минут очень высокая, очень красивая и очень хорошо вооруженная женщина препроводила его по коридору

пустой апартаменто. Поскольку он не оговорил обстановку, его обеспечили тем, что было чистым и имелось в наличии.

В просторном номере наличествовали двухместный хлопчатобумажный шезлонг, мягкий волнистый песок в качестве пола, живые карликовые пальмы и еще какие-то мясистые растения, трехстенная голопанорама тихоокеанского пляжа и неба и автоматическая фауна: крабы, чайки, флегматичный пеликан, пара ящерок. Искусственное «солнце» над головой палило меньше, чем предполагала его проецируемая интенсивность, а лизавшая песок импортированная соленая вода была приятно теплой. Убивая время, он проверил содержимое ближайшего холодильника. В нем обнаружился хороший запас ледяных прохладительных напитков, игрушек и ассортимент как натягиваемых, так и напыляемых презервативов, все, несомненно, с ресторанной наценкой. Когда он рассеянно производил эту инвентаризацию, как подобает любому хорошему клиенту, пеликан неприлично заговорщицки подмигнул ему.

Такое несоответствие, как ванная, выходящая прямо на пляж, явно никого не волновало. Именно оттуда и появилась Кой Джой, которая как раз прихоращивала свои светлые, соломенно-желтые волосы. Под облегающим голубовато-золотым платьем из эрзац-шифона на ней ничего не было. Она оказалась стройнее, чем он ожидал, ростом чуть повыше него и не столь усталой с виду, как многие сильвы, которых он встречал. Хотя и совершенно лишенное всякого намека на наивность, ее лицо выглядело на удивление неиспорченным. Этот невинный вид, то ли настоящий, то ли липовый, несомненно, очень ценился многими клиентами. Он гадал, скольких она облегчила до его прибытия.

— Я Кой, — начала она без предисловий. — Мне приступить? Раз вы запросили меня, то знаете, чем я занимаюсь.

Хотя производимое им расследование не требовало от него дознания, чем же таким она занималась, ему было любопытно. Кроме того, это могло ознакомить его с чем-то полезным, пусть на первый взгляд и незначительным, в отношении Уэйна Бруммеля-Андерсона.

— Разумеется. — Усевшись на песок, приятно теплый и электростатически обработанный, так что не приставал ни к коже, ни к ткани, он достал себе из морозильника холодную сервесу¹ и, для поддержания легенды, расстегнул рубашку. — Начнем.

Сексапильно улыбаясь, она подняла обе руки высоко над головой. Этот жест не только вытянул верхнюю половину торса, но и активировал всаженную грамму, заставившую ее одежду дезинтегрироваться. Аэрогелевый текстиль музыкально забренчал, преобразаясь в волшебную пыль и плавно оседая на песок. Из скрытых динамиков полилась негромкая, томная и бесстыдно эротичная музыка. У него слегка расширились глаза, не оттого, что он увидел танец или услышал музыку, а из-за происходящего с телом Кой Джой. Теперь стало понятно, в чем заключалась ее «специальность».

Она была цветовым оборотнем.

Заметив, как изменилось выражение его лица, она с удовлетворением поджала губы.

— Нравится? — тихо спросила она. — Я нравлюсь тебе? Наверняка должна нравиться, иначе ты не запросил бы меня. — Скользя под медленное пульсирование мелодии из невидимых динамиков, она провела ладонью по другой руке, а затем погладила той другую. — Обошлось мне в кучу денег, да, но хорошая генжинерия недешева. А каждой девушке нужна специальность. Эта потребовала большого труда, но в конечном счете она безопаснее, чем некоторые. И есть еще одна добавочная выгода. Я нравлюсь себе такой.

Завороженный вопреки себе, Карденас следил за представлением скорее с большим интересом, нежели с профессиональной отвлеченностью. Смена расцветки была лишь одной из тысячи приманок, доступных в секстелях Полосы. Хотя и поскромнее иных, такое действо требовало постоянной заинтересованности со стороны девушки. Он поймал себя на том, что гадал, что же толкнуло ее претерпеть долгий и сложный, хотя и не особенно опасный, курс обработки.

Кой Джой получила генжинерированные хроматофору. Извлеченные из эпидермального слоя кожи предстателей отряда головоногих, они были имплантированы

¹ Cerveza — пиво (исп..)

ей и придали не только способность изменять цвет, но и создавать массу экзотических узоров, просто визуализируя их. Когда она плясала и описывала перед ним пируэты в ритме постепенно нарастающей пульсирующей музыки, ее стройная обнаженная фигура меняла свой цвет со светло-бежевого на темно-коричневый, а затем на черный, и снова на бежевый. Все знакомые оттенки человеческой кожи. Но вот ярко-синий к ним не относился, равно как и цвет жженой умбры, или изжелта-зеленый, или мерцающий темно-бордовый. Любой из ее генетических предшественников, будь то спрут или кальмар, каракатица или наутилус, наверняка восхитился бы таким представлением.

Завороженный зрелищем, он наблюдал, как она стала двигаться быстрее. Откликаясь на соответствующую грамму, освещение в номере померкло. По мере того, как девушка все больше и больше углублялась в представление, испытываемые ею эмоции отражались на ее внешности. Быстрые смены цветов усиливались узорами, растекавшимися по ее коже словно свет, только они появлялись изнутри самого тела. Разноцветные узоры сменялись гладкой кожей, а та, в свою очередь, изгонялась изображениями лепестков. Появились красные полосы, имевшие вид следов от легких ударов кнутом, которые сменились тремя кругами света, вырвавшегося наружу из ее главных эрогенных зон, словно расходящаяся по глади пруда рябь. Соски у нее вспыхнули розовым, затем бордовым и наконец пульсирующим темно-алым. Появляющиеся круги мигали все быстрее и быстрее, не световые пятна, а настоящие изменения цвета, соблазняя и притягивая к ней, когда она простерла к нему руки. Ее разомкнутые губы пульсировали нежным неестественно-розовым цветом, какого не могла реализовать никакая помада.

Она теперь меняла цвет так быстро и так часто, что ее тело стало одним сплошным эротическим смазанным пятном — дразнящим, искушающим, настоящим живым водоворотом панхроматических кривых и палящего света. И все это находилось теперь очень близко, клонясь к нему, полуслепляя его затуманенное зрение. Почувствовав жар ее тела в такой близости от его собственного, он попытался

сосредоточиться на глазах девушки — практически единственной ее части, которая не меняла цвет. Нагнувшись, она приблизила к его лицу свое. Накатывавшиеся из центра во все стороны малиновые волны темнели до пурпурных, приближаясь к краям. Ко всем ее краям. Загипнотизированный этим зрелищем, он с трудом сглотнул, когда она протянула к нему руку...

Сделав медленный глубокий вдох, он неохотно оттащил себя от края бездны, в которую в иное время, при иных обстоятельствах мог бы с радостью позволить увлечь. Подняв левую руку, он активировал свой идент-браслет и мелькнул им. Лицо ее встревожено вытянулось. И, словно внутри у нее выключили рубильник, эротическая пышность узоров и цветов мигом исчезла с ее неприкрытого тела. Она снова стояла перед ним, стройная, обнаженная и грутально неукрашенная.

— У нас тут законный секстель, а у меня — полная лицензия, — гневно зарычала она. — Чего вам надо? Справка о состоянии здоровья у меня подтверждена всего месяц назад, и все свои налоги я заплатила. Кто-нибудь жаловался? Если кто-то жаловался, то вы не к той...

— Успокойтесь. Мне нужны кое-какие сведения. Ничего компрометирующего. Обещаю. И я заплатил за два часа, так что ваши комиссионные обеспечены, чем бы вы ни занимались — или не занимались. Рассматривайте это как перекур.

— Проваливай отсюда. Катись в жопу. Ничего я тебе не скажу, федоко.

Карденас вздохнул и отхлебнул еще самоохлаждающегося пива. Оно начинало переполнять его. Иногда любезность и вежливость приводят к результату, противоположному желанному. Ни ему, ни этой силве они ничего хорошего не принесут.

— Мы можем заняться этим здесь или в участке. Сами знаете — для вас лучше будет здесь. Если же вы в итоге отправитесь со мной, то ваши работодатели не очень-то обрадуются, какую б там байку вы им ни поднесли.

Колыхнув грудями, она тяжело опустилась на песок и улеглась напротив него. При этом она подчеркнуто осталась вне досягаемости его рук.

— Два часа. Надеюсь, у тебя, черт возьми, не набралось дурацких вопросов на целых два часа.

— Надеюсь, что нет. — Он тоже переменил позу, сидя на песке, и, миг подумав, достал себе из холодильника еще сервесы. Автоматический пеликан старательно игнорировал его. — Меня интересует все, что вы мне можете рассказать об одном из ваших постоянных клиентов. Возможно, он называл себя Джорджем Андерсоном, но вероятней, разгуливал под именем Уэйн Бруммель.

Она резко вскинула голову и отвернулась.

— Если вы знаете одного из моих постоянных клиентов, то, вероятно, знаете о нем больше моего. А мне нечего сказать. Если хотите скипать меня в участок, то я сейчас откопаю какую-нибудь стабильную одежду, и мы отправимся, и к чертям администрацию. Если вы хотите узнать об Уэйне, то зачем приходите ко мне? Почему не поахать с ним самим?

Тон Карденаса, как всегда, ничуть не изменился.

— Потому что несколько дней назад его кто-то ликвидировал.

Когда у нее расширились глаза, а нижняя челюсть заметно отвисла, все ее тело тут же сделалось ослепительно-белым, как слоновая кость. Здесь, сообразил Карденас, отводя взгляд, налицо свидетельство, для которого ему не требовалось быть интуитом. Скрыть от него свои эмоции она могла не больше, чем улететь на луну.

Хотя, посочувствовал он, она несомненно могла бы симитировать такой полет.

8

Карденас знал по своему опыту, что шлюхи, как правило, не плачут. Но боль в глазах Кой Джой не вызывала никаких сомнений: куда большая, чем можно ожидать от сильвы по адресу умершего клиента, даже если тот был нежным, неизвращенным и щедрым на чаевые.

— Этот Бруммель был для вас больше, чем просто постоянным партнером?

Она кивнула, лицо ее скривилось, словно она пыталась заплакать, да забыла, как это делается. Продолжая отражать бушующие в ней эмоции, ослепительная бледность кожи сменилась светло-коричневым окрасом, испещренным мигающими пятнами неконтролируемой голубизны, которые расширялись и сокращались в ритме ее рыданий. Из-за этого двусмысленного чуда генжинерии Кой Джой вышла далеко за пределы простого неумения скрывать свои чувства. Они теперь так и бросались в глаза. Хотя было почти невозможно не смотреть на ее привлекательное обнаженное, насыщенное цветами тело, Карденас упорно старался сохранять профессиональное бесстрашие. Если ему это не удастся, он осознавал, что ничего не добьется от нее, невзирая ни на какие угрозы.

— Я понимаю вашу озабоченность и сожалею о вашей потере. Ваша реакция отвечает на мой вопрос, но обещаю, что к завтрашнему утру вам станет лучше.

Прижимая ладони к залитому слезами лицу с мягко пульсирующими индиговыми пятнами, она подняла на него взгляд и шмыгнула носом.

— Откуда... откуда вы знаете?

Не вдаваясь в подробности, он просто улыбнулся ей.

— Я умею определять. Бруммель был с вами добр?

Она с отчаянием кивнула.

— Он никогда не делал мне больно, всегда платил сверх положенного и даже ждал меня, когда мне казалось, что он закончил. Никогда не просил ничего ненормального.

Созерцая ярко-голубые завитки, усеявшие нижнюю половину ее тела и превратившие обе гибкие ноги в калейдоскопическое эхо древних столпов, Карденас гадал, а что же такая особа, как Кой Джой, сочла бы ненормальным.

— Он был... он сказал, что как только выгорит тот большой проект, над которым он работал, то он оставит женщину, с которой жил, и мы поженимся. Он много говорил о том, как мы уедем отсюда, уберемся с Полосы.

Ну что за очаровательный хомбер был этот покойный Бруммель, размышлял инспектор. Сурци Моккеркин решила сбежать с мужчиной, который начал их новую жизнь, обманывая ее. Несмотря на высказанные Диким

Доходом предположения о домашних побоях, ситуация все больше и больше наводила на мысль, что миз Моккеркин и покойный Бруммель-Андерсон, вероятно, стояли друг друга. Карденасу не требовалось извлекать свой спиннер для записи разговора. Все относящееся к делу он заносил в собственную память.

— Куда уедем?

— Не знаю... в какое-то место, которое он называл Дружба.

Карденас покачал головой.

— Никогда о таком не слышал.

— Я тоже. И он никогда ничего не говорил мне о нем, кроме названия. — Когда она попыталась улыбнуться, верхняя часть ее тела, от плеч до лба, запульсировала бледно-розовым оттенком.

Слезы снова потекли ручьем. Карденас дал им поструиться, любясь поразительной игрой цветов ее кожи, прежде чем положить конец этому плачу новым вопросом.

— А как насчет этого дела, его большого проекта? Он когда-нибудь говорил о нем, упоминал когда-нибудь имена партнеров или что-то другое?

Опустив руку, она подобрала пляжное полотенце и вытерла им глаза и нос. За спиной у нее симулированное море омыло синтетический берег, наполняя апартаменты искусственным запахом выброшенных на берег водорослей и кристаллизующейся морской соли.

— Уэйн никогда не говорил о каких-либо партнерах. Полагаю, он не нуждался в них, потому что у него был доступ к деньгам этой другой женщины. Той, с которой он жил. У нее их явно имелось в избытке. Меня не волновало, что он, что мы берем их для себя, так как она, по его словам, сама украла их у своего мужа.

Карденас внимательно наблюдал за ней.

— Уэйн когда-нибудь упоминал об этом муже?

— Нет, никогда, — покачала головой Кой. — Только о дочери, девочке, с которой жили вместе. О ней Уэйн много говорил. Кажется, он считал ее чем-то особенным, хотя она была и не его.

— Неужели он не говорил о той женщине? — Карденас был озадачен.

— Нет, не о женщине. Он никогда о ней не говорил, если это не было связано с деньгами, которые он собирался за брать. Только о девочке. Ее звали Кати — нет, Катла. А особый проект? Он ни разу не сказал о нем ничего по-настоящему ясного. Обронил как-то раз о том, что предпочитает держать меня в блаженном неведении. Все вращалось вокруг той девочки. — Она покачала головой. — Не спрашивайте меня, почему.

Карденас теперь был столь же заинтригован, как и сбит с толку.

— Большое дело Бруммеля вращалось вокруг Катлы? Вокруг двенадцатилетней девочки Катлы, а не Сурци? — Он сейчас не видел ни нужды, ни причины затрагивать имя Моккеркина.

— Именно так мне сказал Уэйн, — пожала плечами она. — Эй, я ж не выпытывала у него подробностей. Мне хватало его заверений, что мы поженимся и уедем в это место дружбы. Или в местечко Дружба. Когда он говорил о нем, взгляд у него делался совсем мечтательным. Рассказывал, что местечко это теплое, прекрасное и уединенное. Только не говорил, где же оно.

— Над каким же таким необычным делом мог человек вроде Уэйна работать с двенадцатилетней девочкой?

Поднявшись на ноги, Кой Джой принялась апатично натягивать новую одежду. Тело ее являло собой симфонию гибкого движения и приглушенного, генерируемого изнутри цвета. Кровяное давление у Карденаса снизилось наконец до чего-то близкого к норме.

— Без понятия. — Она привлекательно подняла одну ногу, разглаживая обеими ладонями на коже прозрачный материал. Создающая настроение музыка, продолжавшая играть все это время, к счастью, наконец умолкла. — Он говорил, что она тебант, но в подробности не вдавался. Сказал, что она сделала массу работы для своего отца.

Так значит, робкая маленькая Катла Моккеркин была технологическим талантом, размышлял Карденас. Она работала со своим отцом, Моком. Хотя характер этой работы оставался тайной, Карденас начал понимать, почему Клеатор Моккеркин стремился вновь обрести опеку над своим угнанным

потомством. Безотносительно к характеру той трудовой деятельности, интерес Уэйна Бруммея явно привлекла именно она. Для человека, вовлеченного в сложные деловые операции, способности прирожденного теханта могли быть крайне ценными. У техантов, так же как, например, у интуитов, возраст не обязательно служил ограничительным фактором там, где дело касалось природных способностей.

— Он вообще не обсуждал с вами характер того дела?

— Я же сказала. — И, отражая ее досаду, на неприкрытых только что застегнутым платьем частях тела Кой появились сердитые красные звезды, похожие на кляксы. — Он со мной ни о чем подробно не говорил, кроме как о нас, о наших отношениях, и об этом местечке Дружба. И никогда не говорил о деле помимо того, о чем я вам уже рассказала. — Она уткнулась лицом в ладони. — Да я и не хотела, чтобы он говорил о чем-нибудь, кроме нас с ним.

Сделав глубокий вдох, она успокоилась, насколько смогла. За исключением вспыхивающих иной раз сине-золотых пятен, цвет ее кожи вернулся к норме.

— Теперь этому конец. Конец всему. Ему, нам, Дружке; всему. — Она бросила взгляд на искусно скрытый хроно. — У вас еще осталось оплаченное время. Уверены, что не хотите?..

Слова ее, произнесенные теперь, были столь же жесткими, сколько холодными и лишенными чувств. Даже будь он склонен заняться с ней какой-то не полицейской деятельностью, ее тон напрочь убил бы любой интерес, который мог бы у него появиться.

— Нет. — Его ответ, когда он поднялся с песка, был полон эмпатии. — Вы сделали все, о чем я вас просил.

То, как она пожала плечами, осталось почти незаметным под материалом платья.

— Я рассказала все, что помню. Больше ничего нет. И теперь уж никогда не будет. — Несмотря на дрожащую нижнюю губу, она упорно старалась улыбнуться. — Если я вам действительно больше ни для чего не нужна, мне не помешает побыть следующий час одной.

— Почему бы вам просто не прерваться на ночь?

В ответ она скорей дернулась, чем рассмеялась.

— Да, верно, — ядовито ответила она. — Просто возьму и подойду сейчас к тому, кто там сейчас сидит за столом в приемной, и отключу свой таймер на остаток вечера.

— Могу вывести вас. — Данное утверждение инспектор сделал со спокойной уверенностью.

— Да зачем беспокоиться? — отказалась она раздраженным тоном, направляясь к двери, которая вела в ванную. — Я уже скогана.

И то ли из безразличия, то ли из-за правил заведения, не потрудилась закрыть за собой дверь.

Выходя, Карденас не забыл дать похвальный отзыв. Ничем другим он помочь ей не мог, поскольку она не позволила устроиться для нее бегство на сегодняшнюю ночь. Никто не обратился к нему, когда он шагнул за порог «Коктэйля» и двинулся по улице к станции. Скоро выключат свет. Когда секстель остался позади, он был озадачен больше, чем когда-либо. Уэйна Бруммеля явно привлекло к Сурци нечто большее, чем возможность пожить на уворованные денежки. Дело заключалось в ее дочери. Зная это, отсюда естественно вытекало, что именно двенадцатилетнюю Катлу на самом-то деле и хотел вернуть Мок.

В какое же дело она была вовлечена, эта тихая девочка, о которой так хорошо отзывались ее бывшие односочницы? Какую работу она выполняла для отца? Разносторонняя, способная техантка могла много чего делать.

В данный момент достаточно много, чтобы вызвать убийство других людей.

Несмотря на всю свою работу на улице и со спиннером, Карденас оказался не в состоянии нащупать единственную надежную, убедительную ниточку, ведущую к местонахождению Сурци Моккеркин и ее дочери. Если они прятались где-то на Полосе, то их личности не регистрировались ни на каком из обычных отслеживателей. Официальные запросы по обычным каналам ничего не дали. Мать с дочерью полностью исчезли из ведома общественности.

А это означало, что они где-то прятались. Если их уже не поймали приспешники Мока. Или какой-то другой за заинтересованный картель вроде инзини, или озерников.

Эта необыкновенная и неожиданная заинтересованность в Катле Моккеркин вызвала у инспектора еще большее стремление найти ее. Какого рода дело доверил заботам двенадцатилетней девочки человек вроде Мока, даже если та и впрямь была его родной дочерью и признанным техантом?

Чтобы убежать и прятаться от такого, как Мок, требовался интеллект, знание обстановки и уйма денег. Теперь стало очевидным, что у Сурци Моккеркин наличествовало и то, и другое, и третье. Избегая столь долгий срок внимания своего опасного и, несомненно, разъяренного мужа, она явно собиралась и дальше продолжать в том же духе. А тот факт, что конкретно от полиции она не пряталась, ничуть не облегчал работу по ее розыску.

По крайней мере, теперь у него появилось некоторое представление о том, почему она убегала. Подобное знание позволяло ему соответственно скорректировать параметры своих поисков. Но быстро становилось очевидным, что, если он намерен найти их раньше Мока, ему придется искать помощи за рамками официальных каналов.

Вот в этом-то и состояла одна из причин, по которой он отказывался от постоянно предлагаемой ему различной кабинетной работы. Приятные, безопасные поручения в кабинетиках с контролируемым климатом позволили бы ему провести оставшиеся до отставки годы в сравнительном комфорте и безопасности. Приятные, серые, скучные поручения, которые не подходили ему ни по духу, ни по темпериатуре. Дело заключалось не столько в том, что он любил улицу, сколько в том, что, похоже, не мог работать без нее. Полоса была у него в крови. Как тому и надлежало быть, поскольку он оставил на Полосе столько своей крови.

Вот потому он и шагал по неотмеченной на картах безымянной улице в углу Полосы, столь же далеком от успокаивающих огней центра Ногалеса или Санхуаны, как галерея Моккеки от темной стороны луны. Двигался он не спеша, размеренным шагом. Если шагать тут со слишком целеустремленным видом, рискуешь сделаться мишенью. А покажешься заблудившимся, так тоже станешь мишенью. Но вот беззаботный вид оказывал нужное воздействие, и мозги,

скрывавшиеся за глазами, что неизменно отслеживали и углов и щелей его путь, останавливались поразмыслить.

Глядя на него, они придут к выводу, что так шагает человек, излучающий уверенность. И потому, хотя некоторые, может, и желали бы освободить его от чистой одежды и скрытых активов, обитатели Костезоны хоронились по своим укрытиям и позволяли ему спокойно пройти мимо.

Костезона являлась для патрулей районом низкого приоритета, где выражение «низкого приоритета» означало в переводе с бюрократического языка «место, на которое ни логоплательщикам наплевать». Карденас определенно не встречал никаких коллег-федералов, когда все больше углублялся в зону. Кучи эргономического мусора, неубранные, но вполне перебранные, переполняли рециркуляционные бачки и заваливали переулки. Бродячие кошки, лишенные имплантированных идент-чипов, рыскали и орали среди мусора органического, ежедневно извергаемого десятками продовольственных магазинчиков и дешевых многоквартирных домов. Квилки торговали прямо на улице самой последней электронной начинкой и приборами, зачастую законными, а иной раз не очень. Зачастую, хоть и не всегда, из-под полы торговали и неприятными, но пользующимися большим спросом принадлежностями, которым никак не полагалось попадать в частные руки.

О высоком качестве личины Карденаса свидетельство вало то обстоятельство, что его не засекли и не опознали ни нем федерала. Лавочники, владельцы ресторанов, нищие и созерцательные, но настороженные скавы и пенкари принимали его за ветерана-визитера со знанием и опытом по части обычаев зоны. Они открыто обращались к нему с зазывными речами, солиситируя, согласно своему положению, дело или милостыню, но в остальном предоставляя ему спокойно выполнять свою повестку дня. С непокрытой головой, сгорбившись, он шел, засунув руки в карманы, не улыбаясь и явно будучи погруженным в собственный мир. И не нашлось никого, готового рискнуть нарушить его сосредоточенность, в чем бы та ни заключалась.

Знай они его конечную цель, внимания к нему, вероятно, было бы еще меньше. В недрах Костезоны водилось много

культов, и далеко не все из них отличались кротостью. По опыту профессиональных воров, из фанатиков обычно выходили плохие жертвы, да и в любом случае у них имелось мало такого, что стоило бы украсть.

Одно из немногих достоинств, какие можно было найти в этой зоне, заключалось в отсутствии докучливых мобильных рекламов. Не было никакого смысла просаживать неплохие деньги на рекламу для почти-не-граждан, у которых дела с избыточным доходом обстояли весьма плохо. С другой стороны, шум все-таки стоял: вездесущее гудение уцененной электроники, жужжание сенсорики, бессмысленная уличная болтовня и громкие, иногда излишне громкие, виты и музыка. Не обращая внимания, по мере возможности, на это гудение, он сосредоточился на поиске пути через лабиринт улочек и проходов, где давно не видели никаких представителей окружного отдела общественных работ. Если данное местечко не перебазировалось, то спиннер мог привести его к намеченной цели напрямую. Но извлечение на свет полицейского спиннера было бы не лучшим способом сохранить ту анонимность, благодаря которой удавалось остаться целым, настолько углубившись в Костезону.

Дорогу ему перебежала пара собак. Они зарычали и потрусили дальше, скрывшись за темным апартаментом справа от него. У шнауцера были две искусственных передних ноги, в то время как его спутник коккер щеголял парой миниатюрных приемных тарелок на месте ушей. На обоих были радиопередающие ошейники, указывающие, что это отнюдь не бродячие псы. Кто-то пожалел их и вместо того, чтобы усыпить, отремонтировал собак, чтобы те могли выжить на улицах. В зоне с избытком хватало биохирных талантов, хотя большая часть специализировалась на процедурах, за которые дипломированный биохirurg угодил бы за решетку или лишился лицензии.

Шагая, Карденас вернулся к размышлениям о значении слова «дружба», о котором поведала ему Кой Джой. Говорили о ней ее любовник Бруммель метафорически или поминал какое-то реальное место? Проверка полосовых названий, как и тщательный поиск, охватывающий обширную территорию, не обнаружил в радиусе двухсот киломов ни одного

урба, улицы или застройки под названием Дружба. Существовал городок Френдшип¹ в штате Пенсильвания и другой Френдшип, в штате Айова. И даже Френдшип в провинции Манитоба. Связь с местными регистрационными центрами в каждой общине не идентифицировала никого из недавно переселившихся, кого можно было бы принять за Сурци и Катау Моккеркин. Если же Бруммель говорил о другом реальном месте, то оно находилось за границами Соединенных Штатов.

Тот ли там проход, слева от него? Или нужный ему дальше? Он усиленно пытался вспомнить связующую улицу, выданную спиннером. И решительно свернул в первую же узкую улочку, какая подвернулась. Если он вспомнил неправильно, то худшее, что могло случиться, это отсутствие реакции. Это если кто-нибудь не распознает в нем федерала, ибо тогда он может оказаться перед уставившимся на него счетверенным дулом спиттера «Итака» или чем-нибудь равно неприятным.

Проход закончился у двери, которая выглядела созданной из деревяшек и металлолома, но на самом деле была цельным листом сплава холодной отливки, обладавшим достаточной прочностью, чтобы вызвать зависть у любого банковского сейфа давних времен. На двери не было никаких ручек, окосшек или глазков и никаких видимых петель. Равно невидимым оставался и динамик, который, колеблясь, пролаял ему:

— Какое слово служит паролем, байт?

— Нет никакого слова, — ответил ровным тоном Карденас. — Есть лишь цифры, маскирующиеся под слова.

Скрытый вопрошающий не отозвался. Карденас представлял себе, как по другую сторону двери оживленно переговариваются дьяконы. Потребуется какой-то миг для того, чтобы известие о его присутствии передали дальше.

— Чего ты ищешь? — спросили наконец из-за двери.

— Орилака Мудрого, если он дома и не нездоров, — затормозив добавил Карденас.

— Ты федоко. — Тон был слегка обвиняющим. Инспектор не выискивал ни скрытых витов, через которые за ним наблюдали, ни оружия, которое, несомненно, на него навели.

¹ Friendship — дружба (англ.)

Любую попытку убежать по узкому, тесному проходу между домами могли запросто пресечь.

— Я искатель истины, как и ты сам.

— Именно этого ты и ищешь у Мудрого? Истину? — хотел знать голос.

— Ни у кого из нас нет доступа к истинной истине. Даже у Мудрого. Мы можем лишь искать ее. И я собрат-искатель. — Он улыбнулся невидимому собеседнику. — Мудрый ищет покоя, который лежит в изучении мест между человеком и машиной. Моя работа — обеспечивать покой первого. Ради этого мы уже обменивались сообщениями. Иногда в мой личный ящик прибывает информация, исходящая, как я знаю, от него. А иногда и у меня есть возможность помочь его Ордену. — Он слегка наклонился вперед. — Есть те, кому не нравится то, во что вы верите, и то, чем вы занимаетесь. Есть те, которые считают вас всех антиобами. Я не из таких. Я друг.

— И притом разговорчивый. — Дверь открылась, впуская его, но не отодвигаясь внутрь, а подымаясь и исчезая в притолоке. — Заходи, искатель.

— Я вооружен, — предупредил он, прежде чем шагнуть через порог.

— Мы знаем. — Дверь за ним закрылась.

Он оказался в очень маленьком коридоре, залитом голубым светом. Когда тот погас, его приветствовала с довольной полуулыбкой неожиданно пышнотелая молодая женщина, облаченная в цельную одежду, состоящую из расплавленных, раскатанных в тонкий блин и отлитых в новую форму забракованных электронных компонентов. На ее неудобном на вид костюме мигали и вспыхивали огоньки, но она, казалось, ничего не имела против того, что в платье то и дело происходили какие-то соединения и связи. При виде того, как у него разбегаются глаза, ее улыбка расширилась.

— Это держит начеку тех из нас, кто стремится узнать Путь, — объяснила она.

— И какой же это Путь? — спросил инспектор, когда она повернулась, чтобы проводить его, а он последовал за ней.

— Как какой, конечно же, Правильный Путь. Но если ты и правда искатель, как утверждаешь, а не просто еще один тупой федоко, то и так уже знаешь это.

— Голубой свет? — спросил он, когда они свернули за острый угол в коридор, лишенный отличительных черт.

— Мы не боимся обыкновенного оружия вроде того, какое у тебя при себе. У нас есть способы справиться с ним. Нас волновало, что ты мог, по собственной воле или чужой, принести с собой дисраптор. Это вызвало бы у нас озабоченность. — Оглянувшись на него, она блаженно улыбнулась. — Мы не можем допустить, чтобы вторгшиеся к нам чужаки гнобили наш кранч.

— Я считаю точно также, — правдиво ответил он.

Коридор неожиданно привел их в большое затемненное помещение. Потолка не было, и ряды спиральных кресел свободно двигались между двумя этажами. Изрядную часть пространства заполняли пылающие экраны и голографические проекции. Перед этой поразительной массой дисплея сидели или развалились две дюжины дьяконов Мудрого. Некоторые из операторов были подсоединены напрямую через контактные кепки, в то время как другие что-то бормотали в чувствительные голкомы или барабанили по клавиатурам. Плавные колебания голосов, шепчущих своим пультам устные команды, напоминали Карденасу приглушенное григорианское песнопение, хотя язык, на котором они говорили, имел столько же общего с латынью, сколько финский с фиджийским.

В центре всего этого на противоположной стороне помещения удобно расположился Орилак Мудрый, откинувшийся в шезлонге, вращавшемся в ответ на его негромкие команды. Седовласый и с сардонической жилкой, с бдительным взглядом и полным телом, он взмахом руки отпустил от себя женщину, которая только что закончила наполнять его полуметровую гликолевую трубку, и лениво выпустил в сторону Карденаса облачко ароматного дыма. Принюхавшись, инспектор идентифицировал вдобавок к маскирующему запаху по меньшей мере три различных усыпляющих вещества.

— Почему ты просто не глотаешь? — Он остановился перед шезлонгом. Если тому и предназначалось казаться тронным, то дизайн его выглядел решительно бесцеремонным. Препроводившая его молодая женщина сложила руки на груди и осталась рядом с ними. Он не знал, какие сюрпризы

кроме ее безусловно привлекательной фигуры таились под покрывавшим девушку с головы до пят мигающим электронным одеянием, но подозревал, что они могут оказаться смертельными.

Орилак Мудрый взмахнул трубкой, словно дирижер посреди болеро Равеля.

— Может быть, более действенно. Но в глотании таблетки нет ничего эстетически привлекательного. Так забавней, и я действительно думаю, что это повышает силу. — Он сузил глаза. — Ты интуит.

Впервые с момента появления в ведущем к двери проулке, Карденас удивился.

— Откуда ты знаешь?

— Я не знал. Но я хорошо угадываю. Приходится быть догадливым, когда вынужден жить с моими физическими проблемами. — И, поморщившись, переместил свою массу на шезлонге.

— Это и есть истина, которую ты усвоил?

— Уж лучше поверь в это, братец. Никакая другая истина не сравнится с неисцелимой болью в спине. Все это связано с реальностью. Но, впрочем, реальность вся состоит из связанности с чем-то. Ты связан со своей работой, Камила связана со своими предпочтениями. — Он сделал размашистый жест, охватывая помещение с занятыми дьяконами. — Все мы связаны с чем-то. Именно те немногие, кто понимает природу этих связей, и достигли в какой-то мере понимания своего внутреннего «я» и жизни. — Он снова пыхнул трубкой. Дым взвился спиралями, похожими на готовящихся ужалить полупрозрачных змей. — Будучи интуитом, ты и так уже это знаешь.

— Кое-что знаю, — искренне ответил Карденас.

— Но не достаточно. — Орилак, закашлявшись, отложил трубку. — Иначе не был бы здесь.

Инспектор чуть заметно кивнул.

— Мне нужна твоя помощь. Твоя и твоих собратьев по вере.

— С какой стати нам помогать вам? — резко бросила женщина, заботившаяся о прикованном к шезлонгу священнослужителе. — СФП никогда для нас ничего не делала.

— Позвольте не согласиться, сеньора. Мы оставляли вас в покое.

— А, чудесное благо официального недосмотра! — хохотнул Орилак. — Федоко с чувством юмора. А юмор — это клин для достижения неохотно открывающихся истин. — Поднявшись в сидячее положение, он подмигнул гостю. — Часть работы священника заключается в умении отпускать краткие афоризмы.

— У тебя это здорово получается, — правдиво сказал ему Карденас.

— Нас связывает друг с другом еще кое-то. Полагаю, ты обязан задать мне несколько вопросов. Это не значит, что я отвечу на них.

— Тебе и не придется. Вопросы эти не о тебе или твоей секте. Я пытаюсь найти одну женщину.

Стоявшая рядом с ним Камила негромко рассмеялась. При этом украшавшие ее одежду огоньки замерцали ярче.

— Тогда тебе нужно заглянуть в секстель, а не в Костезону. Карденас смерил ее взглядом, полным терпения.

— Одну женщину и ее дочь.

Камила выдержала его взгляд.

— Остаюсь при своем мнении.

Инспектор со вздохом переключил внимание на Орилака, выказавшего умеренное любопытство.

— Их ищут и другие. Некоторые хотят их допросить, и некоторые — убить.

— А у тебя какие намерения? — хмыкнул Орилак.

Карденас сделал глубокий вдох.

— Я просто хочу выяснить, что же, черт возьми, происходит.

Выказав неожиданную энергию, священнослужитель резко поднялся в сидячее положение, да так проворно, что поразил свою заботливую сиделку. Закрыв глаза, он выставил руки перед собой и встал на колени, повернувшись к гостю. Лицо его выражало удовлетворение.

— Чудо из чудес! Многая хвала Универсальному Ящерице. Федоко, у которого есть не только чувство юмора, но и намеки на мудрость. Кто бы подумал увидеть такое. — Откинувшись назад, он снова взял трубку. — Это, друг мой,

настолько близко к универсальной истине, насколько любое слышанное мной толкование. По крайней мере за последнюю неделю. Я не говорю, будто мы сможем помочь тебе, но что именно ты хочешь узнать об этих двух женщинах? И почему это другие хотят допросить их или желают умертвить?

— Когда найду их, то обязательно у них спрошу, — ответил Карденас. Мудрый склонялся к поддержке его просьбы. Инспектор видел это.

— И связанные, и несвязанные все одинаковы, — вздохнул Орилак, — и они даже не понимают этого. — Отложив трубку, он взял толстыми пальцами голком. — Как их зовут?

Вместо ответа Карденас повозился со спиннером и передал священнику «вафлю», содержащую многое из того, что он узнал о Сурци и Катле Моккеркин.

Говоря прямо в голком, Орилак связался со своей паствой. И сразу же замигали, оживая, новые экраны, а сбоку и наверху запылали свежезаряженные голограммы. Прошло меньше минуты, прежде чем Мудрый потер пристегнутый к его правому уху крошечный приемник. Выражение его лица не внушало особых надежд.

— Никаких сведений об их текущем местонахождении нет. Они не связаны с общиной. Ты уверен насчет имен и внешности?

Карденас плотно сжал губы.

— Убежден. Я думал, у ваших людей есть доступ к закрытым ящикам.

Орилак чуть пожал плечами, и по облегающей его лопатки плоти пробежала рябь.

— О, да неважно, что ищешь, если внутри ничего нет. Если разыскиваемая тобой парочка находится в Севамерике, их присутствие нигде не зарегистрировано. Они, должно быть, хорошо и истинно спрятались. Наверное, даже прибегнув к хирургии.

Нетерпеливый и разочарованный, Карденас покачал головой.

— У них хватало времени на бегство или изменение внешности, но не на то и другое.

— Сожалею, — оправдываясь, сказал Орилак. — Если б они существовали, мы бы знали. — Он снова окинул взглядом свое

мигающее, светящееся окружение. — Люди-то могут спрятаться, но вот цифры — нет. Ты знаешь, что слово «нумерология», бывало, означало нечто совсем иное?

У Карденаса больше не было времени для философской болтовни.

— Вы не могли бы поискать их еще раз? В местечке под названием Дружба?

Орилак передал эту информацию своим. И почти мгновенно пришел ответ, что в недавнее время ни одной женщины и девочки указанной внешности не зарегистрировано ни в Пенсильвании, ни в Айове, ни в Манитобе.

Карденас отказался признать поражение. Сурци и Катла Моккеркин должны где-то да быть. По части «то» он уверен, и ему надо лишь точно определить это «где».

— Попробуйте лингвистические аналоги, — предложил наконец он.

— Которые? — спросил гостеприимный хозяин.

— Все. Самые близкие друг к другу физически и лингвистически.

Для данного поиска было задействовано столько кранчей, что в помещении заметно потемнело. И где-то, знал Карденас, из вполне законных предприятий выкачивались, несомненно незаконно, кранч и энергия.

Пока шел поиск, Орилак Мудрый безмолвствовал, опустил подбородок на грудь, закрыв глаза. Теперь же он поднял голову, и Карденас с огромным облегчением понял суть того, что собирался сказать священник, прежде чем тот открыл рот.

— Есть. — Для священнослужителя, подумал Карденас, Орилак Мудрый мало склонен к нескончаемому догматическому разглагольствованию. Между хозяином и гостем материализовался голографический экран. Он показывал мерцающую запись цепочки путешественников, стоящих по очереди в таможню. Когда две фигуры прошли, Карденас узнал мать и дочь. Они изменили цвет волос и прически и надели платья, призванные замаскировать их физические черты, но основываясь на архивах соче, он бесспорно видел перед собой Сурци и Катлу Моккеркин.

— Когда и куда? — живо спросил он. Все виденное и слышанное им фиксировалось его открытым спиннером.

Экран в ответ на команду Орилака сфокусировался на бланке, который внимательно изучал таможенник. Обзор длился всего секунду. Едва не войдя в красноватую голограмму, Карденас прочел название.

— Коста-Рика, — задумчиво пробормотал он. — Не удивительно, что поиск по линии СФП их не обнаружил. Они выехали за пределы нашей юрисдикции.

— Вашей юрисдикции, — указала с нескрываемым удовольствием сиделка.

— Ла-Амистад. — Карденас поработал со своим спиннером. — А в переводе — Дружба, национальный парк, тянущийся вдоль всей границы с Панамой. Самый большой нетронутый участок влажного тропического леса, оставшийся в Центральной Америке. — Оторвавшись от спиннера, он встретился взглядом с Орилаком. — Да, в таком месте хорошо скрываться от упорных преследователей. — Он сунул спиннер обратно в пиджак. — Меня зовут инспектор Анхель Карденас, и я перед вами в долгу.

— Искатели истин связаны друг с другом более прочными узами, чем долг, друг мой. Когда будешь в следующий раз глубоко в ящике, удели мысль тем из нас, кто посвятил жизнь поискам. И предоставь нам спокойно продолжать свои изыскания.

— Я так и сделаю. — Карденас повернулся к выходу. — Только постарайтесь, — попросил он с прощальной улыбкой, — не красть слишком много кранча.

— Кто, мы? — Орилак Мудрый указал на занятое кипучей деятельностью помещение. — Мы платим за все, что ты видишь вокруг себя.

— Вердад, — отозвался инспектор — но какой валютой?

— Ну конечно же, связующей валютой, — заверил его на прощанье гостеприимный хозяин. И добавил более серьезно: — Надеюсь, ты найдешь эту полусемью раньше, чем это сделают те, о которых ты говорил. Мне не по душе беспричинное убийство.

— В отличие от искреннего убийства?

— Мы мирный орден. — Орилак поднял руку. Этот жест был и благословением, и разрешением удалиться. Карденас предпочел не указывать на смертельный аппарат, скрытый

под благопристойным и хорошо освещенным платьем очаровательной Камиллы. Это было бы невежливым.

9

Вот из подобных-то озарений и складываются следовательские карьеры. За долгие годы службы в Департаменте Карденас выдал немало таких наитий. В конце концов, было вполне разумным предположить, что болтливый Уэйн Бруммель обсуждал свое потенциальное убежище и с женщиной, с которой жил, и с той, которую когал на стороне. И головой инспектор качал не из-за разговорчивости покойного, а из-за понимания иронии ситуации. Говоря с детства и по-английски и на испангоне, он ухитрился проморгать возможность использования языка дедов Карденаса каким-то англо вроде Бруммеля.

Согласно архивам, Мока столько раз привлекали к суду по разным обвинениям, что Карденасу и считать не хотелось. И в большинстве случаев его отпускали, иногда в силу каких-то юридических формальностей, а обычно за отсутствием твердых улик. Согласно закону, жену нельзя заставлять свидетельствовать в суде против своего мужа. В отношении роббенка процедурные положения были менее ясными.

Кроме того, учитывая их нынешнее душевное состояние, ни Сурци, ни Катлу Моккеркин не понадобилось бы принуждать давать свидетельские показания — так считал Карденас.

Установление местонахождения обеих Моккеркин не гарантировало, что ему удастся не только добиться их экстрадиции, а даже просто увидеться с ними. Как кратко указали сердитая сиделка Орилака Мудрого, Коста-Рика находилась за пределами юрисдикции СФП. Хотя США заключили десятки договоров с Центрально-Американской Федерацией, те не простирались до официального разрешения блюстителям порядка обеих территорий открыто действовать в пределах границ соседа.

Но вот неофициальные набеги, размышлял он, выходя со станции индукционной трубы около госпиталя, были (как

часто случается, когда речь идет о деятельности правоохранительных органов) совсем иным делом.

Хаяки ждал его, неудобно втиснутый в кресло-каталку рядом со столом выписки пациентов. Он выглядел сейчас менее похожим на довольного Будду и больше — на страдающую расстройством пищеварения гориалу, которую чересчур долго держали в небольшом упаковочном ящике. Когда подошел старший коллега, он скорбно глянул на инспектора.

— Официально меня не выпустят, пока за меня не распишется кто-то из Департамента, — проворчал он. — В такие времена я жалею, что холост. А то чувствую себя какой-то чертовой посылкой, которая одиноко стоит на почтамте, дожидаясь, пока кто-то явится ее забрать.

— Значит, я могу поставить на тебя штампик «Отказ, вернуть отправителю»? — съехидничал Карденас. Хаяки ответил нехарактерным для него ругательством. Покуда Карденас расписывался на необходимых бланках, сержант не переставал обиженно ворчать.

Когда ему наконец официально позволили покинуть кресло-каталку, он пнул его в подъезд перед приемным покоем. Пинок получился слабоватым, иначе кресло не пережило бы такого обращения.

— Как спина? — сочувственно спросил Карденас.

Спрашивать ему, конечно же, не требовалось. Он и так знал. Но после долгих скучных дней, проведенных в реабилитации, его другу требовалось поговорить.

Нельзя сказать, что Хаяки был особенно разговорчивым малым. Сержант лишь вкратце коснулся омерзительных удовольствий госпитального простоя, прежде чем вновь проявить интерес к делу, которое и привело его к вынужденному отпуску. Толкая свой якк и слушая ответы Карденаса, он часто встряхивал плечами или вращал торсом, словно его заново отросшая кожа была слишком тесной и сидела не совсем как надо.

— Коста-Рика, — пробормотал рослый сержант, когда инспектор завел патрульную машину. — Ла-Амистад. Странное место бегства для человека при деньгах. Можно б ожидать, скажем, Прагу или Петербург. Но уж никак не джунгли.

Карденас нырнул в пока не слишком бурный поток уличного движения, оставив бездействующей мигалку, лучи которой исполосовали верх официальной машины. Они не спешили.

— Очевидно, скрытость для них важнее комфорта. Если тебя распылят, то все равно, где ты валяешься, в пятизвездочном отеле или на автостоянке.

Хаяки потер щеку, мягко массируя новую эпидерму. Кожа у него не чесалась, но зудела. Для уменьшения симптомов госпиталь снабдил его спреем.

— Амистад, Амистад — по-моему, я уже натыкался на это название.

Его напарник включил сканер патрульной машины и приказал ему настроиться на станцию, передающую негромкую классику из лондонского Ист-Энда. Парящие мелодии ранней симфонии Брага-Сантоса создавали соответствующий интерьеру машины музыкальный фон.

— Это самый большой участок девственного влажного тропического горного леса, какой остался в ЦАФ. И конечно, Резерва Амистад означает просто заповедник Дружба. Даже не верится, что я мог этого не заметить.

— Слишком много новых слов приходится усвоить, — улыбнулся сержант. — Когда живешь в таком местечке, как Погалес, где каждый день обновляется словарь, твоему cerebrum легко упустить очевидное. — И постучал себя пальцем по лбу, подчеркивая сказанное. Отсутствие волос, улетучившихся при взрыве, уничтожившем жилище Андерсонов, сделало его более, чем когда-либо похожим на азиатскую версию Просветленного.

— Если они прячутся в самом центре ЦАФ, — заметил он, — то дело от нас уплывает.

Пальцы Карденаса погладили руль.

— Не обязательно.

— Ты это интуитишь, Анхель? — удивленно посмотрел на него напарник.

На лице инспектора появился намек на улыбку, слегка приподнявший кончики его густых вислых усов.

— Тебе причитается несколько выходных по болезни. А у меня накопилось время отпусков. С Пэнгборном я все обсудил.

Похоже, есть обязанности официальные и обязанности неофициальные. И кроме того, есть обязанности полуофициальные. — Он посмотрел на друга. — Ты да я, да мы с тобой, нам предстоит отправиться в небольшое полуофициальное путешествие. Я уже запасся mosquito net антиферомы.

Хаяки скрестил руки на груди и погрузился глубже в сиденье. Колени загораживали ему обзор через лобовое стекло.

— Вот и весь мой небольшой послеоперный отдых и оттягиванье, — пожаловался он.

— Коста-Рика тебе понравится, — проигнорировал его жалобу Карденас. — Как я понимаю, там прекрасные пляжи.

Сержант снова посмотрел на него. Напарник сосредоточился на уличном движении.

— Ты же сказал, что отсутствующая миз Моккеркин и ее дочка направлялись в горный тропический лес. Никаких пляжей в горном тропическом лесу нет.

— Я сказал, что пляжи там прекрасные, — сухо ответил Карденас. — И не говорил, что мы едем туда.

Международный аэропорт Интель в Сан-Хосе угнезвился между одетых в зелень гор и действующих вулканов, окруженный промышленными предприятиями и сборочными заводами, которые во многих отношениях не только подражали индустрии Полосы, но и поставляли для нее компоненты. Еще в конце двадцатого века энергичные тикос Коста-Рики признали, что будущее заключалось не в выращивании бананов или копры, а в хайтехе и экотуризме, и соответственно перестроили структуру своей страны. Теперь Коста-Рика была самым богатым членом ЦАФ, предметом зависти своих соседей и образцом для успешно развивающихся экономик в Панаме и Белизе.

С соблюдением всех формальностей, но вежливо их пропустили через таможню и иммиграционный контроль, а потом попросили зайти в кабинет с сильно затемненными окнами. Первоначальная неуверенность сменилась успокоением, когда их приветствовала лейтенант Корасон из полиции ЦАФ. Невысокая коренастая крепкая блондинка лет сорока с небольшим, она усадила их к своему столу, предложила прохладительные

напитки из холодильника и заговорила, изучая голографический экран, содержимого которого ее гости не видели:

— Полуофициальный визит, не так ли? — заметила она на безупречном английском, отвечая на взгляд Карденаса не дрогнувшим пристальным взглядом. Несмотря на ее невысокий рост, ему не хотелось бы пересечься с этой женщиной в бою. — У нас такие не часты. Я вижу, что вы пытаетесь отыскать одну севамериканку и ее дочь.

— Они скрываются от ее мужа и других заинтересованных антиобных сторон, — кивнул Карденас. — В деле замешана уйма денег, плюс какая-то конфиденциальная информация, которой, возможно, обладает дочь. Нам бы очень хотелось отыскать их и забрать домой. Там их можно будет поместить в программу надежной защиты. Мы считаем, что на данный момент они в панике.

— И вы убеждены, что паническое бегство привело их сюда?

— В Ла-Амистад. — Карденас положил ногу на ногу. Беседа могла быть и обычной, но вот лейтенант Корасон такой определенно не была.

— Для перепуганной матери с ребенком, они, похоже, действовали довольно неплохо. — Она вызывающе улыбнулась. — Им, например, удалось ускользнуть от ваших людей.

Карденас на такое не клевал.

— Мы узнали, где они, лишь после того, как обе давно уже убрались.

Лейтенант кивнула, заново изучая взглядом экран. Затем она тихо выдохнула и скомандовала ему отключиться. Внимание ее переходило с одного федерала на другого.

— Вам известно, что там во влажном тропическом лесу Ла-Амистад? Кроме кецалей, ленивцев, ягуаров и ормега-солдадос?

— Много влаги? — с ходу предположил Хаяки.

Она наградила его неодобрительным взглядом.

— Там находится Ла-Сьюдад-Симиано¹. И только в нем есть санкционированные жилища. Все прочее оставлено диким, в соответствии с постановлениями правительства, ВФЖП, ОТИ и других признанных научных организаций,

¹ La Ciudad Simiano — Обезьяний Город (исп.)

которые отвечают за сохранение здоровья и биоразнообразие заповедника. Если ваши леди в Ла-Амистаде, то они там с разрешения администраторов Симиано. — Тон ее посуровел. — А те могут плохо отнестись к визиту пары Севамериканских федералов.

— Мы с ними потолкуем. — Хаяки показал на своего друга. — Мой напарник умеет быть очень убедительным. У него есть подход к людям.

Обаятельная улыбка, которой Корасон одарила явно заинтригованного Карденаса, диссонировала с ее тоном.

— Оно и видно, — обольстительно пробормотала она. — К несчастью, как только вы вступите в Сьюдад-Симиано, то будете иметь дело уже не с людьми.

— Знаю, — улыбнулся Карденас.

Хаяки выглядел сбитым с толку.

— Ну а я — нет. Меня долго латали, а прилетели мы сюда довольно спешно. Я не такой гуру по части исследований, как Анхель. Что это за «Сьюдад-Симиано», и почему у меня такое ощущение, что он может представлять для нас проблемы?

— Все зависит от того, как вас воспримут местные обитатели. Я могу лишь информировать офис заповедника о вашем предстоящем прибытии. Если вам повезет, то вы получите доступ без всякого труда. Если же нет... — она откинулась на спинку кресла и пожала плечами, — ...тогда даже я и мое начальство не сможем провести вас. — И объяснила, в чем дело.

Короткий прыжок на самолете местной авиалинии до Сьюдад-Нейли, ближайшего городка с аэропортом около обширного заповедника Амистад, занял немного времени. В тропическом воздухе самолет трянуло всего в нескольких ямах. Помимо обеспечения их лучшей имеющейся машиной для поездки в горы — тягачом «4X4» на аккумуляторной батарее со спальными и кухонными принадлежностями для двоих — дружелюбная, хоть и сомневающаяся лейтенант Корасон ничем больше не могла им помочь. В конце концов, они ведь путешествовали полуофициально. А это означало, что хотя

местная полиция не станет вмешиваться в их деятельность, она равным образом не сможет и оказать официальную помощь. Двух федералов это не беспокоило. Они прибыли, ожидая, скорее, молчаливого согласия, чем помощи.

Дорога из Нейли была превосходной, но за пределами горного городка Сан-Вито ее характер стремительно изменился. После Сабалито она быстро выродилась в горную тропу. Раскинувшийся на протяжении свыше миллиона гектар, обширный Резерва де Биосфера Ла Амистад был самым большим нетронутым участком тропического леса на северо-востоке Южной Америки. И те, кто отвечал за его целостность, явно намеревались и в дальнейшем сохранять его таким. Тащась на восток, постоянно поднимаясь все выше и выше, федералы оказались окружены со всех сторон одетыми в зелень горами. На севере над всем этим регионом высилась Фабрика, вышиной в 3336 метров. Хотя спутники и не видели ее, они не чувствовали себя обманутыми. В окружающей их местности и без того хватало и тревожно-крутых склонов, и драматических, пронзающих облака пиков.

Сверхмощные аккумуляторные батареи «4X4» они перезарядили в Прогрессо, последнем городке перед въездом в джунгли зоны Лас-Таблас. Заповедник продолжался в соседней Панаме, но граница оставалась неотмеченной. Несмотря на высоту над уровнем моря, пот с обоих спутников лил целыми литрами. Они привыкли к сухой жаре Полосы, а не к знойной влажности джунглей.

— Собираетесь повидать симианос? — спросил на запи-
нающемся английском служащий станции комплексного обслуживания.

— Если мы хотим проехать в зону Лас-Таблас, то у нас нет иного выбора. — Хаяки хорошо запомнил слова любезной лейтенанта Корасон.

Старик кивнул, отключая водородный наполнитель и загерметизировав бак машины.

— Локо народ, эти симианос. Держатся особняком. За границами Резервы их особо и не видно. Так-то оно и лучше, си?

Карденас улыбнулся. Старик не боялся симианос; его безразличие светилось, как тусклая лампочка.

— Сколько мы вам должны?

— Севамериканос! — пробормотал про себя служащий, пропуская через аппарат карточку инспектора. — Вечно они испытывают границы. Вечно они искушают судьбу.

Тем не менее он пожелал им удачи. В конце концов, они ведь были туристами, и в качестве таковых, их присутствие в его маленькой общине следовало ценить. Тикос хорошо усвоили уроки конца двадцатого века.

За пределами Прогрессо дорога вскоре выродилась в насыщенную влагой вязкую кашу, в которой изредка, подобно кусочкам фруктов в пудинге, попадался гравий. Периодические тропические ливни продолбили в тропе овраги, похожие на параллельные надрезы в торте. Сидя за рулем прокатной машины, Хаяки страдал от постоянных подскоков и провалов на рытвинах и ухабах больше, чем его спутник, поскольку его череп едва не касался крыши. И словно путь был недостаточно труден, начался еще и дождь.

По мере того, как дорога делалась все более скользкой, им вскоре пришлось измерять продвижение в таких категориях, как метр соскальзывания вбок на каждые два пройденные вперед. Дождь прекратился так же внезапно, как и начался, уступив место серо-белым облакам, которые набежали с изумрудных горных вершин, словно привидения. Один раз огромная птица с когтями и клювом, сплошь в черно-белом оперении, взмыла прямо перед машиной, резко вереща, пытаясь убраться с пути приближающегося «4X4». Хватило и короткого взгляда: было видно, что размах крыльев у этой птички больше двух метров. Пораженный Хаяки вдарил по тормозам, вынудив Карденаса схватиться обеими руками за приборную доску, чтобы его не бросило вперед. К счастью, ни один из окружающих его шести защитных мешков не надулся.

— Сожалею, — извинился сержант. — Она застала меня врасплох. Я следил за дорогой и не видел, как она подлетела. Что это вообще за тварь, черт возьми? Эта проклятая штука выглядела, словно дельтаплан.

— Гарпия. — Внимательно прислушивающийся Карденас снова различил пронзительный крик. Он доносился теперь издали и затихал. — Тебе и не полагалось увидеть, как она подлетает.

— Откуда ты знаешь, что это была именно она? — неужели ты поглядел на него напарник.

— Часто смотрю виты про природу. — Он кивнул на разбитую перед ними разбитую дорогу. — Ставь ее на низшую передачу и малую скорость, когда включается сцепление. Нам ни к чему слишком сильно загружать сенсоры и уж совсем ни к чему застревать здесь. Топать обратно к Прогрессо далеко и сыро.

— Знаю. — Хаяки ворча потянулся к ручке переключения скоростей, чтобы переключить машину обратно на привод. Передняя передача была, конечно же, только одна. А когда требовалось переключить двигатель на более низкую передачу, борт-ящик машины чувствовал это и соответственно снижал мощность.

Из леса слева от них появилась спотыкающаяся вниз по склону фигура. На ней был простой дождевик, раскрашенный в цвета местного флага. Если не считать этого самого дождевика и хайтех-трости в руке, персонаж мог сойти прямо с обложки мая. За ним следовали молодая женщина с ребенком на руках и еще двое мужчин, выглядевших заметно моложе шедшего впереди. Эти трое остались ждать на обочине дороги, которая под воздействием беспрестанных ливней стала почти неотличимой от центра проезжей части. Патриарх группы, опираясь на трость, проковылял к работающему на холостом ходу «4X4». Хаяки опустил стекло бокового окна.

— Прошу прощения, сеньорес, — обратился старейший из компании на сносном английском, — но мы с семьей сегодня угодили под ливень. — Слегка повернувшись, он показал на топи проезжей дороги. — Наш грузовик, который вез продукцию с фермы, сломался на обратном пути из Резервы. Мы очень устали, а ребенок моей невестки замерз и проголодался. Вы не могли бы подвезти нас в Сьюдад? А уж оттуда мы сможем устроить доставку нужных частей для починки грузовика.

Карденас внимательно посмотрел на говорившего.

— Разумеется, будем рады помочь. — Он сунул руку во внутренний карман. — Вот кое-что для нянь.

Когда он извлек на свет пистолет и направил его в лицо подошедшему, Хаяки вжался в сиденье, насколько позволяла его

спинка, и, пустив в ход левую руку, заставил ее откинуться еще дальше. Глаза местного в дождевике расширились, когда он уставился на дуло крошечного, но смертоносного пистолетика.

— Назад. — Голос Карденаса был ровным, даже успокаивающим. Но когда ему хотелось, он мог вложить в него достаточно холода, чтобы нейтрализовать и соус хабанеро. — Держи руки на виду. Никаких резких движений. Фредозо, двигай нашу тачку.

— О да, — напряженно пробормотал сержант. По-прежнему откинувшись назад, он маневрировал своей массой до тех пор, пока не смог дотянуться до ручки переключения скоростей. «4X4» тронулся вперед, интегрированные показания сенсоров на шасси и подвеске сообщали, что ходовая часть в полном порядке. Коробка передач откликнулась, как положено.

Когда они поползли вперед и покатали мимо крошечной семейной группы, молодая женщина вскинула обе руки и с размаху бросила спеленатого ребенка прямо в лобовое стекло. Карденас с криком резко открыл дверь на своей стороне и выбросился из машины. Хаяки сделал то же самое, совершив жесткую посадку в усеянной гравием грязи. Заметив отсутствие водителя, машина сразу же выключила двигатель и начала становиться на дополнительный тормоз. Сделать это она не успела.

Ударившись в лобовое стекло, узел отскочил от изолирующего прозрачного материала, прежде чем приземлиться на капоте. Не содержащий ничего органического, он разразился сильнейшим электрическим разрядом. Во влажном воздухе резко запахло озоном, когда из капота, кузова и шасси «4X4» во все стороны посыпались искры. Спроектированный для мгновенного поражения электрошоком всех, кто находился в машине, узел в итоге изжарил лишь ее электрическую систему.

Откатываясь прочь, инспектор вскинул оружие и повел им кругом, когда что-то горячее и очень быстрое пропахало в земле борозду как раз там, где он лежал всего миг назад. Швырнувшая сверток молодая женщина отбросила дождевик и как раз занималась наведением многоствольного барстера на Хаяки, когда второй выстрел Карденаса прорвал

ей насквозь правое плечо. С искаженным лицом она выронила барстер и схватилась за предплечье. На другой стороне дороги Хаяки скатился в кювет и теперь непрерывно стрелял.

Под прикрытием огня, который вел старший член липового фермерского квартета, двое мужчин помоложе подхватили свою раненную сообщницу и полууволокли-полуунесли ее вперед по дороге. Один из выстрелов сержанта угодил отступающему главарю по ребрам и освободил его от грудной клетки. Когда он рухнул ничком в грязь, трое его отступающих коллег прибавили ходу. И меньше, чем через минуту исчезли за ближним поворотом дороги.

Двое федералов осторожно приблизились к неподвижному телу человека, просившего подвезти его с семьей. На землю начал опускаться густой туман. Никаких признаков его спутников не наблюдалось. Кровь и дождевая вода перемешались и собрались в лужи, которые скоро впитаются в пористую тропическую почву.

Хаяки убрал оружие в кобуру, оглядываясь на пройденный машинной путь.

— Думаю, остальные не вернутся. Что это было такое?

Опустившись на колени рядом с убитым, Карденас задрал ему рукав, выставив напоказ татуировку, изобилующую свернувшимися змеями, перьями и письменами майя.

— Сенсемайя. Банда, действующая в основном в ЦАФ, но известная своими рекогносцировками на севере вплоть до Четырех Углов.

Сержант провел массивной ладонью по обрастающей волосами голове и шее.

— Я о них читал. Как ты узнал, Анхель?

— Что они сенсемайя? — Он выпрямился, стряхивая приставшую к брюкам грязь. — Я и не знал, вплоть до этой минуты. Но точно знал, что они отнюдь не простые фермеры и что им нужна не просто попутка. — Хаяки понимающе кивнул. Уж он-то лучше, чем кто-либо другой знал способности своего напарника.

— Позы у них были совсем не те, — пояснил Карденас, глядя на труп. — Не смиренные, а одеревенелые. Не усталые от долгой ходьбы, а напряженные. Да и женщина держалась

«младенца» не так, как надо. А те двое агро с ней выглядели не исполнившимися надежды, а напряженными и настороженными. — Нагнувшись, он подобрал упавшую трость и повертел ее в руках, с интересом изучая устройство.

— У этого дедули были самые лучшие зубы и самые гладкие руки, какие я когда-либо видел у фермера. Что же до его трости, то это прекрасный образчик маскировки, хотя исполнение не совсем идеальное.

Повернувшись, он направил верхний сегмент трости на джунгли и провел пальцем по углублению сбоку. Последовала вспышка, и переломанное посередине ствола дерево приличных размеров с шумом опрокинулось на окружающий лес. Хаяки с уважением поглядел на оружие.

— Что думаешь, Анхель? Матарос, посланные Моком перехватить нас? А может, ребята, работающие с инзини или какой-то другой командой?

Карденас сомневался.

— Может, эти ребята и не фермеры, но выглядели они как местные. Да и вели себя тоже. Если верить тому, что я прочел, прежде чем ехать сюда, округа эта по-прежнему очень дикая. Здесь в горах прячутся всякие бандиты и скавы, которые нападают из засады на неосторожных путешественников. — Он показал на машину, из которой продолжал валить дым. Огонь встроенная в машину система пожаротушения уже погасила. — Вероятно, приняли нас за туристов или, может, за едущих в Сюдад исследователей. Легкая добыча, малая вероятность сопротивления, не говоря уж о серьезном отпоре, и уйма кредита и ценного снаряжения. — Он с сожалением покачал головой. — Не было даже времени показать им идент. Правда, они и тогда не обязательно бы передумали.

Они обсуждали скрытые свойства трости, осторожно приближаясь к своему «4X4». Его внутренние системы наконец погасили пожар. Вместо полыхающего пламени из-под капота машины, как и из приборной доски подымался черный дым. Брошенный женщиной, а теперь расплавившийся и неподвижный узел лежал на капоте. Полностью разрядившийся, он стал совершенно безвредным.

Им не требовалось открывать капот, чтобы догадаться, с чем столкнутся, заглянув под него. И все-таки его они подняли.

Открывшиеся их взглядам опаленные провода, превратившиеся в шлак чипы и тлеющие компоненты подтвердили то, о чем их и так уже уведомил поднимающийся дым: эта машина никогда больше не поедет на собственной тяге. Дав крышке капота с грохотом рухнуть на сломанные опоры, они перешли к обследованию салона. Из за копченного центрального багажника и все еще горячего бардачка были извлечены лежавшие среди прочего но вообразованного мусора два комка закопченного и опаленного снаряжения: полицейские спиннеры. Когда Карденас дал бесполезным ныне комьям упасть на влажную землю, Хаяки оперся массивной ручищей о композитный корпус разрушенной машины и мрачно поглядел на окружающую зелень.

— И что теперь?

С трудом протавившись по грязи к заднему бамперу «4X4», Карденас откинул задний борт.

— Раз не можем связаться, так придется прогуляться. Мы намного ближе ко входу в Резерву и Сьюдад-Симиано, чем к Прогрессо. Кроме того, я не для того проделал весь этот путь, чтобы возвращаться.

— Я тоже проделал весь этот путь не для того, чтобы извозиться в грязище и промокнуть до самой своей ной кожи. Но, по крайней мере, здесь не холодно. — Нагнувшись рядом с другом, Хаяки принялся собирать те скромные припасы, которые уцелели при недолгом, но интенсивном пожаре. Их багаж, содержащий большую часть одежды, оборудование и запасные спиннеры, стоял целым и невредимым в комнате, которую они сняли в Посада-Прогрессо.

Карденас скорчил гримасу, созерцая затянутое тучами небо.

— Подожди до полуночи. На такой высоте даже в джунглях делается холодно.

— Спасибо за уведомление, — язвительно отозвался Хаяки. — Честно говоря, я был бы счастливее, прозябая в неведении.

10

Им удалось одолеть меньше пары киломов, когда снова пошел дождь. Запихав целиком в рот плитку из злаков и фруктов, которая составляла половину уцелевшего пайка, Хаяки мрачно передвигал ноги, скрестив голые руки на груди. В одном из карманов у него болталась фляжка с водой. Собираясь прибыть в Резерву уже к вечеру, они не особо запаслись провизией.

По крайней мере, им не приходилось беспокоиться об экономии воды. Хотя прохладный дождь заметно добавлял дискомфорта, для утоления жажды его хватало. Собирать воду было не во что, кроме сведенных чашей ладоней, если, конечно, не считать промокнушей насквозь одежды. Как и почти все прочее, водоотталкивающие плащи погибли при пожаре, поглотившем «4X4».

Вот таким удручающим манером они и тащились по грязи, промокнувшие и несчастные, дожидаясь попутки, которая так и не возникла.

— Этим путем едет не слишком много туристов. — Карденас попытался опознать ярко-красную птичку, клюющую какой-то фрукт на нижних ветках ближайшего дерева. — Ла-Амистад — это не Монтеверде или Корковадо.

— И не Ногалес. — Выбранные Хаяки ботинки были хороши для прогулок и пока оставались сухими. Он оглянулся на пройденный ими путь. — Ведь здесь же наверняка должен регулярно ездить грузовик с припасами или патрульная машина лесников?

— Уверен, что они и ездят. — Инспектор осторожно перепрыгнул через глубокую наполненную водой рытвину. — С ними те фелеоны постарались бы не встречаться. Полагаю, мы не похожи на лесничих. — Он оглянулся на напарника. — Ладно. Нет худа без добра. Возможно, в следующий раз те, что уцелели, дважды подумают, прежде чем напасть на первый же проезжающий «4X4».

— Жаль, что не подумали в этот раз. — Рослый сержант поморщился. — Мне нужен бифштекс.

— Представь себе, что ты городской патрульный полицейский двадцатого века. — Карденас нагнулся и, подобрав

деревяшку длиной с руку, бросил ее другу. — Вот тебе дубинка.

Хаяки отбил ветку в сторону; только кора да капли полетели.

— Я предпочел бы бифштекс. На паре свежих тортилий. — Он взглянул на низко нависшее небо. — Темнеет.

Карденас, прищурясь, посмотрел на небо.

— Возможно, дождь уйдет вместе с солнцем.

— Ты действительно так думаешь? — В голосе сержанта звучало столько надежды, что у Карденаса не хватило духу ответить отрицательно.

Удивительное дело, когда свет в мире растаял, дождь действительно стих. Он не совсем прекратился, а преобразился из ливня в липкий, всепроникающий туман. В то же время, температура с наступлением ночи поднялась. Итогом оказалось увеличение надоедливой влажности, сведшее на нет любые благая, которыми они могли насладиться от прекращения дождя.

Оставшегося света хватило, чтобы заметить, как дорога впереди расходилась в трех направлениях. На трехсторонней развилке был установлен первоклассный недавно отштампованный погодостойкий дорожный знак. Только теперь он был сбит набекрень, делая любые напечатанные на нем указания столь же бесполезными, как титки у боров. Усталые и обескураженные, оба спутника принялись подыскивать место для лагеря.

— Нельзя идти дальше в темноте, — указал без надобности Хаяки. Последняя пара часов пути по раскисшей дороге убедила его, что грязь у них под ногами насыщена собственной жизнью и умышленно ползет вверх по его ногам. — Жаль, что я не курю.

— Это почему? — Карденас высматривал дерево с достаточно густой листвой для защиты от непогоды.

— Потому что тогда у меня была бы зажигалка, и мы смогли бы развести костер.

— Не будь слишком суров к себе. Оглянись вокруг. — Инспектор показал на переувлажненный тропический лес. — Где тут найдешь чего-нибудь, способное загореться?

Рослый сержант обвел взглядом быстро темнеющие окрестности.

— Это не мой стиль, Анхель. Я привык гоняться за ними и сумкодранами по закоулкам Агуа-При и Сонойты. А выживание в дебрях стоит в самом низу моего резюме.

— И моего тоже, — признался Карденас, принимаясь собирать опавшие листья для сооружения лежанки. — Возможно, как ты сказал, кто-то да проедет по этой дороге. Если же нет, завтра пойдем дальше.

Вытащив из кармана вторую и последнюю фруктово-злаковую плитку, Хаяки помахал ею перед другом и скорчил гримасу.

— По крайней мере, не приходится беспокоиться о завтраке. Он уже готов. Хотя я и предпочел бы на завтрак пару бурритос с сыром, чорисо¹ со сметаной и, может быть, бок...

— Заткнись, — оборвал его Карденас. — Для остального мне и интуитом быть не надо.

Дождь, по счастью, не возобновился, когда они уселись рядом под массивным стволом большой кекропии, чтобы дожидаться утра. Усталость компенсировала отсутствие постели, и спали они, несмотря на промокшую одежду, на удивление хорошо.

И им не пришлось беспокоиться о том, как бы не заспать.

Карденаса разбудило ощущение, похожее на бегущие по телу мурашки. Подобное он прежде испытал дважды, лет двадцать назад, когда занимался наблюдением за мотелем-ловушкой в худшей части Тусона. Нынешние мурашки были покрупнее, но ощущение было тем же самым.

Вскочив на ноги и не обращая внимания на одеревенелость суставов, он принялся хлопать себя по всему телу. Те, что разбудили его, отбивались, кусаясь и жала. К счастью, под одежду пролезли немногие. Наибольшему нападению подверглись лицо и кисти рук, вот на них-то он и сосредоточился в первую очередь.

Хаяки сонно моргнул, а затем вытаращился на пострадавшего друга.

— Ты под какую мелодию танцуешь, Анхель? Поделись, а то мне тоже не помешает... — Внезапное понимание заставило и его резко вскочить.

---

¹ Burritos (*исп.*) — кукурузные лепешки с начинкой из мяса, сыра или бобов; chorizo (*исп.*) — копченая колбаса с перцем.

И вот они уже вместе запрыгали, молотя по вторгшимся в одежду муравьям. Карденас знал решительно все о злоупотребляющих стимуляторами, о кранч-мастерах, о жизни над и под Полосой. Но проживание на огромных просторах пустыни Сонора не подготовило его иметь дело с тропиками. Будь он более сведущ в местной экологии, то знал бы, что деревья рода цекропия давали приют самым разным видам тропических муравьев¹, которые в них и жили и питались, весьма плохо относясь к незванным жулкам.

Минут двадцать им пришлось хлопотать по себе, сшибать насекомых щелчками и проверять, не упустили ли какогонибудь муравьишку, прежде чем у обоих появилась уверенность, что они избавились от своих крошечных, но свирепых гостей. Теперь они окончательно проснулись — и снова устали.

Покорившись судьбе, Карденас потащился по дороге, бывшей, как он надеялся, правильной, учитывая беспосланный теперь угол единственного дорожного знака. За вершины деревьев все еще цеплялись клочья влажного тумана. Скрытые от взоров птицы захлебывались навязчивыми криками. Под пологом леса невидимые обитатели двинулись по своим утренним делам. Если бы их спиннеры не изжарились в превращенном в барбекю «4X4», то федералы могли бы вызвать машину.

— Сколько, по-твоему, до границы заповедника? — Хамки обнаружил, что гадает, где же располагалось ожидаемое лесничество: на краю Резервы или же глубже внутри.

Карденас плелся рядом со своим высоченным спутником.

— Не помню, что там было на карте. Не обратил на него особого внимания. Предоставил все навигационной системе машины.

— Моя навигационная система чихает и кашляет. — Сержант с тоской поглядел на тропический лес, ярко представляя висящие на манящих ветвях зрелые тяжелые бананы.

Но невзирая на этот стоящий перед глазами образ, он не меньше напарника поразился, когда перед ними приземлились три уакари². Оба спутника в шоке остановились.

¹ В основном, это очень агрессивные муравьи-ацтски.

² Уакари — короткохвостая обезьяна.

С яркими розовато-красными безволосыми мордочками и длинной белой шерстью, эти обезьяны величиной с собаку больше всего на свете походили на трио миниатюрных йети. Кроме неожиданности их появления поражало, что в руках у каждого из новоприбывших было по простому, но, безусловно, действенному ножу, а за плечами — по рюкзачку.

Люди и обезьяны молча разглядывали друг друга. Затем самый маленький уакари быстро взобрался на ближайшее к дороге дерево, вытащил из рюкзачка маленький коммуникатор и забарабанил пальцами по кнопкам прибора.

— Они из Резервы. — Хаяки постарался говорить шепотом.

На это в общем-то и не требовалось указывать. Расположенный в заповеднике Ла-Амистад, Сьюдад-Симиано был создан еще в 50-х годах с целью обеспечить домом тех приматов, которые были субъектами или потомством ныне запрещенных исследований в области генетических манипуляций, направленных на усиление интеллекта обезьян. Находившиеся более сорока лет в фокусе борьбы между научными и природоохранными организациями, данные эксперименты проводились также и над дельфинами. Но в то время, как дельфины с усиленным интеллектом располагали для проживания океанскими просторами, во все более заполняемом людьми мире не налицествовало никаких резерваций для человекообразных обезьян и их родственников. Вот потому в Ла-Амистаде и создали Сьюдад-Симиано — Город Обезьян.

Однако знание этого на деле ничуть не подготовило Хаяки и Карденаса ко встрече со здешними обитателями лицом к лицу.

— Я читал о том, как они свободно разгуливают кругом, — шепнул инспектор другу, — но не знал, что им дозволяется выбираться за границы Резервы.

— Ты знал, что им дозволено ношение оружия? — Хаяки в первую очередь обратил внимание на ножи. Они были сделаны из металла и композита, а не вырезаны из дерева или кости. И он благоразумно держал руки на виду и подальше от своего служебного пистолета.

— Нет. — Карденас сосредоточился на двух уакари, оставшихся на земле, пытаясь прочесть их настрой по глазам и движениям. За долгую карьеру ему довелось много чего повидать и испытать, но это был первый случай, когда он пытался сынтуитить обезьяну.

С приглушенным треском ветвей и листьев, энергичный связист спустился с вершины и присоединился к своим не разговорчивым белесым спутникам.

— Послушайте, хомберы. Мы с моим другом из Севам-риканской Федеральной Полиции. Понимаете — полисия! Федералы! Нас ждали.

Двое уакари переглянулись и тихо посовещались между собой. «Каков же уровень их интеллекта?» — невольно гадал инспектор. Способны ли они понимать человеческую речь? Или они общались только посредством своего традиционного лопотанья? Шимпанзе, за которыми наблюдали в природных условиях, пользовались простыми инструментами вроде камней и палок. Об этом знали еще с середины двадцатого века. На переход от палки к ножу отнюдь не требовалось такого уж большого эволюционного скачка. Что же касалось компактного коммуникатора, то он мог быть запрограммирован посылать один из нескольких компактных сигналов. Такой процедуре легко можно обучить и закрепить усвоенное с помощью награды в виде еды.

— Может быть, — задумчиво рискнул предположить Хияки, прислушиваясь к переговорам уакари, — лесничие Резервы уже выехали встретить нас.

— Или, может, это чистое совпадение. — Тут его внимание от бормочущих энергичных обезьянок отвлекло какое-то движение в лесу слева.

Из кустов неторопливо вышло поддюжины вельдтовых бабуинов. Более крупные, чем уакари, они располагали ногами побольше. А впереди шел единственный стройный, удивительно похожий на человека шимп. На груди у него скрещивались кожаные ремни, в то время как за плечами висел неизменный рюкзак. В отличие от своих спутников приматов он приближался на двух ногах и не имел никакого оружия.

— Это бонобо¹, — шепнул коллеге завороченный Карденас. — Их считали самыми умными и похожими на человека из всех обезьян.

— Откуда ты все это знаешь? — Внимание Хаяки то и дело переключалось с бонобо на куда более подозрительных бабуинов.

— Я же тебе говорил. — Карденас ждал, когда уверенный шимп приблизится к ним. — Нужно почаще смотреть вит.

Стоя, бонобо был ростом почти с Карденаса. Прочесть же что-либо по его лицу оказалось невозможным. Он медленно протянул одну могучую руку к лицу инспектора. Карденас напрягся, но остался недвижим. Проворные пальцы схватили человека за вислый ус и осторожно потянули. Выпустив ус, бонобо отступил на шаг, почесал собственную бородатую морду — и улыбнулся во весь рот. При виде этого бабуины и уакари заверещали от восторга.

— Не вздумай, — кратко шепнул своему спутнику Карденас, — сказать ни слова.

— Кто, я? — Хаяки старательно избегал строгого взгляда друга.

Когда общий смех стих, бонобо шлепнул себя по груди и крикнул:

— Джо!

Карденас с Хаяки повторили жест шимпа, после чего Карденас достал из внутреннего кармана своего все еще влажного костюма от «Уиллиса и Гейгера» идент-браслет. С потерей спиннеров в выгоревшем «4Х4» у него не осталось никакой другой официальной идентификации. Находясь в ЦАФ, он мог носить браслет в кармане, но не на руке. Узнает ли примат идент и поймет ли, что тот означал?

Реакция бонобо была столь же явной, сколь и неожиданной. Сунув руку за спину, он достал из рюкзака браслет, почти идентичный инспекторскому. Цвета и узоры различались, но значение не вызывало никаких сомнений.

— Будь я проклят, — пробормотал ошарашенный Хаяки. — Коллега!

---

¹ Бонобо — карликовый шимпанзе.

— Си — да, — гордо провозгласил бонобо. И, повернувшись, сделал жест, приглашающий людей следовать за ним. Те без колебаний так и сделали, с радостью увидев, что их устрашающие телохранители-бабуины убрали оружие и ножны. А перемахнувшие без всяких усилий на деревья утки кари наблюдали за происходящим сверху.

Пройдя так меньше десяти минут, они подошли к не большому пикапу с откидным верхом. Тот как раз и был откинут, являя взорам и передние сиденья, и открытый пол. На дверце с пассажирской стороны красовалась элегантная эмблема, на которой фигурировали местные деревья, солнце и тянущая вверх волосатая рука. Свои мысли о скрепленных бананах и вздыбленных кокосовых орехах Хаяки оставил при себе. Показав на машину, бонобо снова улыбнулся и сделал им знак залезать.

— Собрес — ладно! — Будучи не в состоянии втиснуться на переднее сиденье, Хаяки погрузился сзади. — Хватит и меня прогулок при такой влажности! — Он удрученно поцупал на груди совершенно сырую рубашку. — Правда, промокнуть сильнее мы б уже не смогли.

Карденас скользнул на пассажирское сиденье спереди.

— Интересно, а где же водитель?

Ответ на свой вопрос он получил, когда Джо запрыгнул на водительское сиденье. Активированный передающим устройством в виде кольца на среднем пальце, двигатель сразу же загудел. Грузовик выскочил на дорогу и вскоре достиг удивительную скорость. Сидевший за сиденьями Хаяки оказался окруженным полудюжиной любопытных бабуинов, передние клыки которых были подлиннее ножей, какие сержант отбирал в свое время у шныряющих по улицам подков. Он вымученно улыбался и цеплялся изо всех сил за борты, чтобы его не выбросило из машины.

Сосредоточившийся на вождении Джо заговорил, не глядя на гостя:

— Анхель полиция — Джо полиция!

— Да, — согласился Карденас. — Также, как и мой спутник. Вы полицейский в Резерве?

— В Резерва лесничий, — гордо ответил бонобо. — Полицейская в Сьюдад-Симиано. Защищать и служить. — Телери.

он взглянул на собеседника. — Вы и большой друг иметь разрешение на визит?

— У меня в кармане, — заверил водителя Карденас, испытывая сильное облегчение оттого, что у него имелись при себе настоящие документы. Будь полученное в Сан-Хосе разрешение на въезд в заповедник выдано только в электронном виде, оно пропало бы вместе со всем прочим у него на спиннере. Лишь по счастливой случайности он оставил эти важные удостоверения в заднем кармане брюк.

— Хорошо! — энергично кивнул бонобо. — Ла-Амистад посещай не много люди. В основном, лишь ученые. А в Сюдад приезжай еще меньше. И нам это по нраву.

— Мы постараемся быть хорошими гостями, — заверил его Карденас, — и уедем как можно скорее.

— Да Джо ничуть не против ваш пребывания. Мне нравится люди. — Он сделал жест в сторону пола за сиденьями грохочущего и подпрыгивающего на ухабах грузовика. — Вот для низших типов завязать дружба труднее. Вы знай историю экспериментов? Лишь немногие из крупных обезьян достаточно умный, чтоб воспользоваться мозговой форсаж. В основном, шимпанзе. А также орангутаны и немногие другие. А те ребята... — он показал на бабуинов, а затем на следовавших за машиной по деревьям уакари, — ...не очень-то толковый, ясно? Тамарины, беличьи обезьяны, колобусы — все они народ очень простоватый. — И, сменив тему, оживленно спросил: — Вам нравится Гундель?

— Вы хотите сказать Гендель? У него есть несколько пьес, которые...

— Великий человеческий композитор, — перебил Джо, прежде чем Карденас высказал свое мнение. — Отличный вещь. У нас в Сюдад есть маленький хор. Может, вам доведись послушать, как обезьяны-ревуны исполняй «Аллилуйя, аминь, аминь» из «Иуда Маккавей». — Он оценивающе хохотнул. — Очень своеобразно.

Дорога продолжала плавно подниматься в горы, углубляясь в старые заросли, первозданный тропический лес. Карденас слушал оживленную болтовню волосатого водителя, а Хаяки, который чувствовал себя весьма неуютно, натянуто улыбался острозубому обезьяньему секстету, делившему

с ним пространство за сиденьями грузовика. По пути они миновали множество знаков. Карденас отметил один подсвеченный знак, который плыл в воздухе над одной из развилок.

— Склады. — Джо ловко обогнул рытвину величиной с рыбный садок. — Штаб-квартира заповедник впереди. Мы ездай в Сьюдад. — Он неуверенно посмотрел на сидящего рядом. — Если у вас не отсутствуй желание ехать сейчас.

— Нет. — Заехав в такую даль и видя теперь близкий конец пути, Карденас давно уже все решил. — Сьюдад вполне подойдет.

Бонобо снова заулыбался во всю ширь.

— Сьюдад лучше всего. Приезжих людей не много. Ваша говорить с Соронг.

— Сожалею, — извинился Карденас. — Я не хотел вам наскучить.

— Нет-нет! — Джо развеселяясь хлопнул себя по груди. — Соронг глава Сьюдад. Очень толковый парень, понимаешь. Гений, как говорят некоторый исследователь-люди. Да к тому же приятный малый, пусть и не бонобо.

Вид охраняемых ворот посреди такой массы великолепных джунглей порядком смущал, но Карденас решил, что этого нельзя было избежать. Он отметил лишь отсутствие ограды.

— Резерва, — объяснил Джо, когда грузовик начал сбавлять скорость. — Животный нужна свобода передвижений.

Карденас понимающе кивнул.

— А местные тикос не убивают их, если они забредают за границы Резервы?

Джо покачал головой.

— Туристы приезжай смотреть на диких зверей. Нет диких зверей, нет и турист. Нет туриста, нет и денег. Народ знай. Даже люди понимай.

Когда они приблизились к воротам, инспектор вспомнил усвоенное на уроках истории.

— Понимали они не всегда. Скажите, Джо: вы рады, что ученые-люди манипулировали... — он чуть не сказал «обезьянничали» — ...с интеллектом ваших предков?

— Разумеется, — пожал плечами бонобо. — Говорить слова для общения всяко лучше, чем визжать и кидаться свой экскременты. Джо по-прежнему может ук-укать не хуже любой, но язык лучше. Но мне жалко этих малышей. — Он ткнул большим пальцем через плечо, показывая на бабуинов за спиной. — У них просто нет этого. — Он слегка постучал себя по горлу тыльной частью свободной руки. — Во всяком случае нет здесь места, чтоб опустить им гортань. Гортань оставайся наверху, никак не можно иметь настоящий речь. Точно так же, как у человеческого дети в первый три месяца.

Карденас не знал, чего ожидать, когда они приблизились к поселению Симиано. Абсурдистское видение зубчатых стен, на которых стоят облаченные в доспехи шимпанзе с арбалетами и пращами, восходило к фантастическим романам, прочтенным в детстве. Действительность оказалась куда проще и прозаичней. Они проехали мимо ряда знаков, предупреждающих путешественников, что те подъезжают к запретной зоне, куда нельзя въезжать без предварительного разрешения. Затем автоматические ворота узнали грузовик и поднялись, позволяя им проехать, прежде чем пересечь узкий, содержащийся в хорошем состоянии мост. Скрамная речка, над которой он нависал, отнюдь не была рвом, но действительно служила той же цели.

Штаб-квартира ничем не отличалась от того, что визитеры могли бы встретить в аналогичном человеческой поселении. Кучка маленьких сборных домиков, спроектированных с расчетом устоять перед стихиями, рассыпалась вокруг трех более прочных двухэтажных строений. Некоторые явно предназначались для научных исследований, хотя инспектор не мог сказать, на чем же фокусировались эти исследования: на тропическом лесе или на жителях Сюдада. Приматы разных видов проносились над поселением, пользуясь сетью канатов из синтетического волокна. А под этими воздушными тропами семеняли более крупные человекообразные обезьяны.

— У нас здесь свой законы и порядки. — Пренебрегая дверцей, бонобо без усилий перемахнул через борт пикапа. Бабуины высыпали из кузова, в то время как Хаяки выгрузился помедленней. Лихая езда плохо сказалась на его все еще заживающей коже.

Идя к главному зданию, они привлекали к себе любопытные взгляды. Карденас показал на ближайшую исследовательскую лабораторию.

— Кто там работает?

Их коллега оттянул верхнюю губу, скаля зубы в широкой улыбке.

— В смысле, люди или мы? В основном, люди. Ни одна обезьяна не имеет диплома — пока. Нам хватай хлопот с попытками убедить ЦАФ разрешить нам голосовать. — Он широко развел черно-седыми руками. — Вот скажи мне, человек. Я что — гражданин или экспонат? А это тут — город или зоопарк?

— Я всего лишь гость, — тактично ответил Карденас. — У меня не хватает знаний, чтобы даже подступить к обсуждению такой темы.

Джо исполнил великолепное сальто назад и ткнул длинным пальцем в сторону инспектора.

— Когда-нибудь людям придется занять определенную позицию. — Он принялся подниматься по лестнице. Во круг всего здания тянулось широкое крытое крыльцо. На пластиковом полу не было стульев, только шезлонги, подвешенные на веревках корзины, да пара качелей, сделанных из старых автомобильных покрышек.

Никакого портье в здании не было. В целом все это строение с комнатами, большей частью лишенными мебели, не застекленными окнами и открытыми дверными проемами, походило на турбазу в джунглях. С обратной стороны здания второе крытое крыльцо выходило на крутой склон, открывая вид на полог тропического леса.

— Теперь оставляй вас здесь. — Бонобо сердечно хлопнул каждого из них по спине, так что Карденаса покачнулось, и даже Хаяки поморщился. — Джо жди работа. Вы пока говорить с директором. Получать свои ответы. — Он лихо подмигнул. — Может, Джо еще увидится с вами.

— Минуточку, — начал было Хаяки, но шимп уже повернулся и поспешил на четвереньках обратно в здание. — Ну, просто прекрасно, — пробормотал сержант. — И что теперь? Где этот «директор»?

Тут огромная серая гора на противоположной стороне

крыльца, которую Карденас принял за декоративную каменную скульптуру, слегка распрямилась и двинулась на четвереньках к ним.

Оба человека не отступили ни на шаг. Может быть, его и заставили бы заколебаться двести кило мускулов, или же знание, что эти длинные серебристые руки способны оторвать ему ноги с такой же легкостью, с какой он отделяет ножки от рождественской индейки, или челюсти, способные разгрызть кость, словно воздушную кукурузу, но так или иначе Карденас счел, что бегство отпадает.

Огромная среброспинная горилла остановилась менее, чем в метре от них. А затем уселась перед ними, скрестила ноги, свела вместе громадные ладони массивных рук и наклонила голову вперед в кратком кивке с признанием их миссии.

— Добро пожаловать в Сьюдад-Симиано, джентльмены. — Одна рука сделала жест в сторону стоящей поблизости кушетки, единственного предмета человеческой мебели в поле зрения. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я — Соронг, директор обезьяньего поселения. — Другая рука протянулась к инспектору. Карденас инстинктивно протянул свою и почувствовал, как его пальцы совершенно утонули в чужой ладони. Рукопожатие было твердым, но контролируемым, и он убрал руку целой и невредимой.

Чувствуя их беспокойство, директор порывлся в висящей у него на боку сумке и извлек самые большие очки, какие когда-либо видел Карденас. Водрузив их на нос и закрепив дужки по обеим сторонам головы, огромный примат успокаивающе улыбнулся.

— Один из аскари-уакари Джо уведомил меня по коммуну о вашем появлении. Как я понимаю, у вас приключились какие-то неприятности с машиной? В заповеднике никто не прогуливается по дорогам и тропинкам. Он также сообщил мне, что вы полицейские из Севамерики. Несомненно, та пара, о прибытии которой нас известил несколько дней назад Сан-Хосе. Чем мы можем вам помочь?

Очки придавали огромному примату вид коренастого, мохнатого, но очень нагого профессора литературы. Это зрелище вызывало улыбку. Но ни один из федералов не

улыбнулся, опасаясь, что подобная реакция может быть неверно истолкована.

Но Карденас впервые после встречи на дороге с сенсе майя почувствовал, что может расслабиться.

11

— Мы приехали в поисках двух севамериканок, матери и дочери. У нас есть основания считать, что они могли бежать в Ла-Амистад. Мы знаем, что они не так давно прибыли в Сан-Хосе. Власти сообщили нам, что допуск в заповедник дают только администраторы и советники Сьюдад-Симиано. Нам бы очень помогло, если б вы смогли проверить свои архивы и посмотреть, не появлялись ли у вас в последние несколько недель какие-либо лица, соответствующие описаниям, которые мы предоставим. Если да, то где они могут находиться сейчас?

— Понимаю, — кивнул горилла-директор. — Вы употребили слово «бежать». Это очень сильное слово, мистер Карденас.

— Возможно, оно не достаточно сильное. Мы считаем, что мать и дочь явились сюда, ища убежища от тех, кто намерен причинить им вред. Если б вы могли проверить свои записи въезжающих, мы, возможно, сумели бы выделить их, даже если не доступны визуальные данные. Они могут периодически менять не только свои имена, но и внешность.

Слегка подавшись вперед, директор оперся массивным подбородком о кулак.

— Те нехорошие личности, о которых вы говорите: вы действительно думаете, что они могут попытаться последовать за этими самками в такую даль, как ЦАФ?

— Раньше или позже они выследят их, — энергично кивнул Хаяки. — Даже до столь отдаленного места, как Амистад. СФП пока не знает всех подробностей, но, похоже, на кон поставлено что-то важное. Но что бы там ни стояло, люди были готовы умереть ради контроля над этим, чем бы то ни было. Мы с напарником действуем от имени СФП, и

нам очень бы хотелось знать его природу. И мы хотим помочь этим женщинам уцелеть. У нас есть высокоразвитая программа защиты свидетелей, которая может оказаться очень выгодной для них.

Соронг откинулся назад и положил ладони на колени.

— Если они попытались проникнуть сюда, то Амистад велик. Здесь есть уйма мест, где можно спрятаться, масса тропинок в горах. Если они заручились чьей-то помощью в Прогрессо или в другой из человеческих общин, то их, возможно, будет невозможно выследить.

— В нынешние времена нет тех, кого нельзя было бы выследить, — кратко ответил Карденас. — Люди, идущие по их следу, народ искушенный и располагающий средствами. Это вам не простые уличные локо. Нам с напарником представилась возможность лично познакомиться с их способностями. Эту женщину, Сурци Моккеркин, и ее дочь Катлу обязательно найдут. Возможно, у тех, кто охотится на них, на это уйдет какое-то время, но когда денег не жалеют, результаты обязательно последуют. Я видел слишком много трупов, чтобы думать, будто такое положение дел приведет к чему-то иному. Если, конечно, мы не сможем первыми взять их под защитную опеку.

— Это при условии, — вставил Хаяки, — что их еще не выследили и не забрали отсюда.

Горилла-директор с тяжким вздохом поправил очки.

— Не забрали.

Хотя Карденас и не сумел сынтуитить реакцию директора, он не замедлил откликнуться на нее.

— Вы их видели? Они точно в заповеднике? — Он постарался, чтобы его голос оставался ровным. — Вы случайно не знаете, где они находятся?

— Знаю.

— Ну так скажите нам! — выпалил Хаяки, прежде чем Карденас смог удержать его.

— Наверное. — Ничуть не тронутый волнением сержанта, директор повернулся и стал созерцать раскинувшиеся за крыльцом волнистые девственные джунгли. — А если я вас заверю, что принудительное удаление из заповедника обеим самкам не грозит?

— Вы не сможете этого добиться, — напрямик ответил ему Карденас. — И никак не сможете доказать мне, что это вам по силам.

Соронг полузакрыв глаза, словно размышляя о более важных вещах, прежде чем снова посмотрел на гостей.

— Давайте-ка прогуляемся. — Поднявшись, он провел их обратно через здание и спустился по парадной лестнице на центральный двор. Хотя там присутствовало много приматов, разговорчивого Джо среди них не было. Хаяки изнывал от нетерпения, но Карденас видел, что излишней настойчивостью тут ничего не добьешься. Попытка надавить на существо вроде Соронга могла привести к результатам, обратным желаемым. Их хозяин поможет им, когда будет готов — или вообще не поможет.

— Мы не просили данного нам повышения интеллекта, — объяснил Соронг, когда они пересекали эту прибранную, сохранившуюся в порядке площадку, — но теперь, когда оно нам дано, мы не намерены отдавать его. Ответственные за повышение гены, похоже, являются доминантными и передаются потомкам в соотношении четыре к одному. Те, кто не столь одарен, с рождения окружены здесь такой же нежной любовью и заботой, как и всякие ущербные человеческие дети. А за теми приматами, которые способны лишь к низшим формам интеллекта, от макаков до верветок, присматривают остальные члены нашей общины. Здесь меньше интеллектуального предубеждения, чем в вашей типичной человеческой общине. — Поднявшись с четверенек, он показал на здания поселения и на нетронутый тропический лес, раскинувшийся по горным склонам разными оттенками первозданно-зеленого.

— Для тех из нас, кто ныне живет здесь, Амистад — приматский рай. Согласно учредившим Сюдад-Симиано договорам, никакие люди не допускаются в заповедник без нашего разрешения. Даже ученые, желающие проводить исследования. Мы сами управляем своими делами. В обмен на такое дозволение, мы охраняем заповедник лучше, чем могли бы любые лесничьи-люди. С того момента, как мы взяли Резерву под свою опеку, в нем не исчезло ни одного вида растений или животных. Ни один другой заповедник

в обеих Америках не может этим похвастаться. — Глубоко посаженные глаза под густыми бровями не мигая глядели на Карденаса. — Прошедшие здесь обучение шимпы и гориллы работают лесничими в Африке, Южной Америке и Азии, охраняя заповедники, которые людям трудно сторожить. Они выискивают браконьеров, снимают для ученых показания с приборов. Такие отношения выгодны для всех сторон. В то же время, как я сказал, более интеллектуально развитые приматы присматривают за менее развитыми. Такая организация функционирует очень хорошо. Единственные люди, которых сюда допускают, те, кто предварительно аккредитован и принят нами. И больше никто.

Хаяки наблюдал за тем, как дорожку перед ними перебегает вприпрыжку компания сифак.

— Но вы же нам говорили, что для людей есть много способов прошмыгнуть в Резерву.

— Незаконно проникнуть трудно, но отнюдь не невозможно, — кивнул Соронг. — Но остаться незамеченным в границах Резервы сколь-нибудь продолжительное время крайне трудно. И мало кто пытается. Одна из причин в том, что из-за нашего присутствия заповедник приобрел определенную... репутацию. В основном незаслуженную, но мы не прилагаем активных усилий развеять ее. Подчиненные Джо арестовывают любого обнаруженного без санкции в границах Резервы. Вида десятка-другого приматов, безотносительно к размерам, агрессивно держащих ножи или другое оружие, обычно вполне достаточно для усмирения даже самых дерзких непрошенных гостей.

— Это означает, — мудро заметил Карденас, — что если обе Моккеркин находятся, как вы утверждаете, в заповеднике, и вам известно их текущее местонахождение, то они находятся здесь с вашего разрешения.

Над противоположным краем двора доминировала большая статуя. У ее цоколя лежали цветочные венки. Глаза прекрасно изваянной фигуры, казалось, глядели куда-то вдаль, за пределы поселения, за пределы джунглей. Обе руки воздеты, а толстые пальцы разведены в сложном жесте. Статуя представляла пожилую морщинистую горную

гориллу. В цоколь была вделана бронзовая табличка, на которой стояли многочисленные даты и единственное имя.

КОКО

Хаяки поднял взгляд на увековеченную в бронзе серьезную, грустную физиономию.

— Какой-то ваш друг?

Их хозяин взирал на статую с почтением, если не сказать с благоговением.

— Нет, не друг. Боюсь, давно покойный родственник. Самый замечательный индивид в анналах развития приматов. Можно сказать, предшественник. Коко был проектом. Тем, кто в очень значительной мере освоил человеческий язык жестов и таким образом помог вымостить дорогу нынешнему интеллектуальному положению обитателей этого поселения. У нас Коко почитают, как у вашего вида чтут Эйнштейна или да Винчи.

Карденас не желал показаться невежливым, но сколь бы ни была ему лично приятна эта экскурсия, профессионально он испытывал столь же острое желание продолжить розыски, как и его напарник. О чем он и сказал Соронгу.

Горилла вздохнул и порылся в шерсти под мышкой.

— Я как раз и боялся, что дело может дойти до чего-то подобного, когда мы подписали первоначальную договоренность.

Его гости переглянулись.

— Какую договоренность? — без колебаний спросил Карденас.

— Между нами и самками, которых вы разыскиваете. Они назвались не той фамилией, о которой вы упоминали, но, учитывая их обстоятельства, пожалуй, следовало ожидать, что они воспользуются различными чужими фамилиями.

— Просто чтоб вы знали, — уведомил его Карденас, — Моккеркин их настоящая фамилия. Сурци и Катла Моккеркин. Они сказали вам, от кого убегают?

— Только что им грозит опасность и нужно убежище.

Инспектор понимающе кивнул.

— Они убегают от мужа женщины и отца девочки, который по всем данным и свидетельствам особенно скверный

преступник. Охотятся за ними и другие. По причинам, которые мы не можем определить, и с целями, насчет которых мы все еще не уверены. Это дело уже привело к смерти нескольких человек, в число которых чуть было не попали и мы с напарником. — Подавшись вперед, он попытался пустить в ход присущую ему силу убеждения. — Основываясь на всем известном нам и уже проверенном в ходе расследования, присутствие этих женщин представляет опасность для любого и каждого, кто окажется поблизости от них.

Вид у Соронга был определенно подавленным.

— Если это так, то тем, кто согласился на нынешнюю договоренность, включая меня, не сообщили истинной степени риска. Понятное дело, — спокойно объяснил он, поправляя очки. — Мы, жители Симиано, не боимся никого, кто может выслеживать этих двух самок. Джунгли не город, и те, кто прибывает сюда причинить неприятности, обычно получает их в полной мере. Мы умеем позаботиться о себе.

Глядя на двухсоткилограммового сереброспинника, Карденас не видел никаких причин сомневаться в утверждениях директора. Одно дело напасть из-за угла на кого-то, прогуливающегося по улицам Полосы; и совсем иное — пытаться вытащить кого-то из потайного убежища в джунглях, защищаемого интеллектуально развитыми вооруженными обезьянами. Инзини, озерники из Оз и их собратья-антиобы, скорей всего, окажутся в этих зеленых каньонах столь же не в своей стихии, как и Карденас с напарником. На Полосе-то они могли без труда слиться с окружением. А вот в Ла-Амистаде они будут выделяться, как тофу¹ в шаверме. Сурци Моккеркин и Уэйн Бруммель хорошо выбрали себе убежище на черный день.

— Вы говорили о «нынешней договоренности», — подтолкнул умолкшего директора инспектор.

— Убежище обезьянам мы предоставляем не по доброте душевной. Наши здешние ресурсы ограничены и должны по необходимости распределяться в пользу тех, кто больше всего в них нуждается. Благотворительные пожертвования, стипендии для поддержания девственности заповедника и выплаты добровольцам, которые помогают в медицинских

¹ Тофу — китайский и японский сосвый творог.

исследованиях, покрывают большую часть наших расходов. Еще есть существенные ежегодные гонорары, получаемые Сюадад-Симиано за помощь в исследованиях для разработки вакцины против СПИДа. Но тем не менее, всегда есть нужда в средствах. — Он окинул Карденаса спокойным взглядом.

— У нас есть финансовая договоренность с этими самками заботиться об их безопасности. И меня тревожит мысль о нарушении этого соглашения, пусть даже и в пользу закона, действующего за пределами Резервы.

— Это будет сделано для их же блага. Они не могут вечно убежать и прятаться. Даже здесь. — Лишь миг спустя Карденас сообразил, что Соронг ожидал еще кое-чего. — У СФН имеется фонд для компенсации тем, кто помогает в работе полиции. Если вы озабочены потерей источника дохода, то уверен, мы сможем выработать нечто, удовлетворяющее все стороны.

Огромная обезьяна медленно кивнула.

— Знаете, федерал, для многих людей Сюадад-Симиано по-прежнему спорный проект. Они ощущают угрозу себе. Как и все остальное, улыбка Соронга представляла собой нечто зрелище. — Как будто месть — это трансвидовое чувство! Как будто те, кто здесь живет, денно и нощно размышляют о возмездии за всех наших родственников, которых мучили в примитивных медицинских лабораториях, или томили в крошечных клетках в том, что с натяжкой сходило за зоопарки, или забивали на мясо в буше, или похищали детенышами, чтобы затем продать.

— Рад слышать, — мягко отозвался Карденас, — что вы не мстительны.

Директор развел огромные руки в беспомощном жесте.

— Да какой был бы смысл? И жертвы и преступники давно мертвы. В то же время люди убивали других людей куда чаще и куда более рьяно, чем нас. Здесь, в Сюадад-Симиано, мы надеемся выйти за пределы всего этого. Но есть люди, которых и генетически усиленные травы приводят в ужас. Я даже приблизительно не могу описать, как такие луддиты реагируют на существование моих друзей и меня. — Он слегка наклонился вперед. — Вы когда-нибудь

просматривали древний вит-сериал с общим названием «Планета обезьян»?

— Нет, кажется, такого я не видел, — сообщил ему Карденас.

Директор снова уселся.

— Тактика запугивания. Всего лишь тактика запугивания. Однако невежд всегда хватает, и они готовы проглотить любой вздор, какой преподнесут им на блюдецке иные близорукие организации. Поэтому тем из нас, кто живет здесь, подобает избегать неприятностей и неблагоприятной огласки. Мы просто хотим, чтобы нас оставили в покое, предоставили самим себе. Чтобы мы смогли в меру возможностей вычислить конечные последствия своего повышенного интеллекта.

Хаяки некоторое время помалкивал. Теперь же он счел нужным вступить в разговор.

— Возможно, местная война между вами и антиобами со всего северного полушария — не самый лучший способ достичь покоя.

— Я вижу, мы придерживаемся одного мнения. — Глухо крикнув, Соронг стукнул себя в грудь сжатым кулаком. Это действие вызвало гулкий звук. — Если можно будет утрясти финансовые детали — а я не вижу к тому никаких препятствий, — то в интересах сохранения мира и гарантирования безопасности двух самок мы можем согласиться выпустить их под вашу опеку. В конце концов, они же люди. Другое дело, будь они бонобо. — Он сузил глаза. — Но мы это сделаем, только если они согласятся отправиться с вами по собственной воле. Сюодад-Симиано должен поддерживать свою репутацию.

Карденас отвернулся от внушительного изображения Коко.

— Также, как и СФП. Мне бы не хотелось, чтобы пострадала ни та, ни другая.

— Полагаю, вы хотели бы встретиться с этими двумя самками и убедиться, что они и в самом деле та пара, которую вы разыскиваете.

Хаяки сдержал волнение. Все начинало выглядеть, словно долгое путешествие на юг в конце концов все-таки окажется продуктивным.

— Да, это было бы удачным следующим шагом.

Карденас кивнул, соглашаясь с напарником.

— Сколько пройдет времени, прежде чем вы сможете разыскать их и привезти сюда или отвести нас к ним?

Соронг усмехнулся, словно ребенок-переросток.

— Примерно пять минут. — Подняв массивную серую руку, он указал на одну из многих дорожек, ведущих в окружающие джунгли. — Они поселены в гостевом доме номер три. Он отмечен табличкой, пропустить его невозможно. Я бы пошел с вами, но у меня много дел. После того, как вы представитесь, мы сможем продолжить. Обязательно объявите о своем прибытии, прежде чем войдете в здание.

Поблагодарив его, они разошлись в разные стороны, и двое федералов направились к указанной дорожке. Вокруг них сразу сомкнулась густая зелень. Близость экзотической растительности тропического леса, дающего пристанище множеству насекомых и пауков, вероятно, ничуть не беспокоила приматов. А вот привыкшие к урбанизированным ландшафтам и открытым пространствам двое приезжих горожан с севера чувствовали себя в густых джунглях куда менее непринужденно. Карденас порадовался, что идти в указанном направлении им недалеко, о чем и сказал.

— Да не так уж это и страшно. — Хаяки низко пригнулся, проходя под нависшей над дорожкой ветвью, отягощенной листвой и мелкими растительными эктопаразитами. — Нужно всего лишь представить себе, будто проходишь через ботанический сад в Северном Тусоне. Запах точно такой же.

Оглянувшись на напарника, Карденас чуть расширил глаза. На сей раз интуитить было предоставлено сержанту.

— Что-то случилось?

— Зависит от точки зрения. — Инспектор продолжал пристально глядеть в его сторону. — От того, сможешь ли ты представить, что разгуливающий у тебя на плече паук подобен тем, каких можно обнаружить в ботаническом саду в Северном Тусоне.

Повернув голову налево, Хаяки оказался носом к носу с типичным огромным представителем арахнид, известных как пауки-кругопряды. С ножками подлиннее пальцев федерального и черно-желтым брюшком величиной с его кулак,

гигантский паук-кругопряд на плече сержанта являл собой внушительное зрелище. Подстегнутый изяществом наряда своего гостя Хаяки заорал и бешено замолотил себя обеими руками, пока не сшиб огромного арахнида в кусты. Для несчастного сержанта не имело ни малейшего значения, что данный паук не был ядовитым. Знай Хаяки об этом, едва ли он прореагировал бы более спокойно.

Карденас не мог его обвинять. Он знал по собственному опыту, что пауков мало кто любит. Он не стыдился признаться, что и сам не принадлежит к числу таких любителей. Приведя себя в порядок среди листьев и прочего лесного мусора, куда его забросило резкое движение сержанта, кругопряд живо шмыгнул прочь и пропал из виду.

Хаяки еще несколько минут продолжал нервно дергаться и отряхиваться.

— Б-р-р-р! Я предпочел бы столкнуться с бандой нинлос. — Он поднял указательный и большой пальцы. — Эта проклятая тварь была вот настолько от моего лица!

— Мне говорили, что в подобных местах тебя достает не то, что удастся разглядеть. — Карденас осторожно отогнул в сторону молодое деревце, росшее прямо в центре тропы. — А достают те, кого не разглядишь. Например, пиявки. Клещи и блохи. Разносящие лейшманию мухи. Жуки, которые...

— Суть уловил, — оборвал его напарник. — Я лично был готов вернуться на улицы Ногалеса, как только наш челнок приземлился в Сан-Хосе. Всегда предпочитаю толстые стены и твердую мостовую.

— И кофе с круассанами в кафе «У Росы». — В голосе Карденаса явственно засквозила тоска. — Блинчики с опунциевым джемом и взбитыми сливками. Сопапильи¹ с брусникой.

— Я же тебе сказал, — заворчал на друга Хаяки. — Суть я уловил.

— Вот, должно быть и оно. — Узкая тропа вывела их на небольшую поляну, и Карденас увеличил шаг, радуясь возможности убраться из-под кустов. Перед ними на фоне внушительной листвы высилось здание, не похожее ни на одно из встретившихся им в поселении Сьюдада. Сооруженное

¹ Сопапильи — мексиканские треугольные пончики.

большей частью из местных материалов, оно выглядело архитектурным напоминанием о давних временах. Покоящееся на вогнанных в землю сваях, одноэтажное строение было достаточно просторным, чтобы содержать под крытой пальмовыми листьями крышей три-четыре комнаты приличных размеров. Двадцать сработанных из расколотых бревен ступенек составляли широкую лестницу, ведущую к крытому переднему настилу, с которого обитателям открывался отличный вид на окружающие джунгли. Не было видно никаких проводов, характерных для современных построек.

Карденас первым поднялся по лестнице. Никаких стекол не было; и окна, и двери закрывали только сетчатые ширмы. Периодическое шипение невидимого электронного фумигатора указывало, что сооружение оборудовано по меньшей мере одним образчиком современной технологии. Очевидно, склонность жильцов податься назад к природе не обязательно включала и стремление ее кормить.

Карденас немного удивился, найдя дверь-ширму незапертой. Переглянувшись, они вошли. В помещении было удивительно прохладно и сухо, явно благодаря бесшумным стараниям скрытых приборов для кондиционирования воздуха и поглощения влаги. Медленно двигаясь по коридору и глядя направо, он воззрился на уютную гостиную. Сработанные из ротанга и других местных материалов кушетки и кресла с завезенными из внешнего мира подушками сгустились вокруг вездесущего вива. На полу сплетенные из кокосового волокна циновки перемежались с декоративными подушечками, сработанными из пальмовых волокон. Что же касалось украшавших стены и покоящихся на деревянных столиках картин, барельефов и цветоползов, то он поймал себя на попытках догадаться, сработаны ли они человеческими руками — или руками, принадлежавшими ближайшим родственникам человека.

— Кто это? — спросил с противоположной стороны коридора сильный женский голос. — Надеюсь, вам удалось найти какой-то...

Обернувшись на голос, Карденас оказался лицом к лицу с немного приземистой и безусловно привлекательной женщиной лет тридцати с небольшим. Белокурые волосы длиной

до плеч были стянуты на затылке в конский хвост, в высшей степени разумную прическу для горных тропиков. Какой-либо макияж или косметика на ее лице отсутствовали. Вся одежда состояла из просторного халата, на котором преобладали изображения бугенвиллий, уместные скорее в южной части Тихоокеанского бассейна, чем в Центральной Америке. Ногти на пальцах маленьких босых ног оставались некрашенными. Единственной уступкой современным обычаям был изящно вписанный в ее правое ухо аудио муз-плеер.

— Сурци Моккеркин? — Карденас сунул было руку во внутренний карман рубашки, собираясь показать свой идент-браслет. — Я...

Кровь, казалось, так и отхлынула от ее лица.

— Роджер! — завопила она.

Прежде чем инспектор и его спутник смогли объяснить-ся подробней, в комнату ворвался, чуть задев испуганную женщину, красно-оранжевый комок мускулов и бросился к паре визитеров. Крепко сжатое в одной руке тяжелое мачете, запачканное древесным соком, ударило сперва по Хаяки, обрушившись с достаточной силой, чтобы отсечь руку от плеча. Удивительно гибкий для столь рослого человека, привыкший иметь дело со всякими противниками, сержант метнулся в сторону и ударил нападающего, когда тот проносился мимо. Достаточно мощный, чтобы свалить едва ли не любого человека, удар не остановил фигуру с большим ножом.

Но впрочем, та и не была человеком.

Круто развернувшись, разъяренный орангутан еще раз с размаху ударил по сержанту, который метнулся за ротанговую кушетку и схватил для защиты кресло. Оранг, куда более сильный, чем любой человек такого же веса, одной рукой поднял кушетку и отшвырнул ее прочь. Покуда красновато-оранжевая обезьяна скрадывала Хаяки, Карденасу удалось броситься к женщине. Поскольку вся ее поза отражала ужас, он поспешил успокоить ее. И, сунув руку за пазуху, все же таки достал свой идент.

— Сурци Моккеркин? Инспектор Анхель Карденас и сержант Фредозо Хаяки, Сеоамериканская Федеральная Полиция. Я говорил с вами в Ногалесе. Мы здесь с целью помочь

вам. — Он показал на двух бойцов с мрачными физиономиями. — Отзовите своего охранника.

Напряжение в какой-то мере покинуло ее, но выражение лица оставалось настороженным. Не сводя глаз с Карденаса, она, не оборачиваясь, приказала:

— Роджер! Все в порядке, это полиция, а не матарос.

Державший мачете над головой, оранг медленно опустил длинные мощные руки. И только когда лезвие приблизилось к полу, Хаяки начал ставить на место кресло, которое держал перед собой для защиты. Орангутанг моргнул большими обманчиво детскими глазами.

— Сурци уверен?

— Пока да, — уведомила она его. — Подожди снаружи, на крыльце. — Тон нес в себе угрозу, когда она продолжила, адресуя слова стоящему рядом с ней человеку: — Я позову, если ты мне понадобишься. И прежде чем уйдешь, поставь на место кушетку.

Снова пустив в ход лишь одну руку, оранг послушно перевернул небрежно отброшенную мебель обратно на ножки, поставил ее на прежнее место и бросил подушки туда, где им надлежало быть. Одарив Хаяки и Карденаса предупредительным взглядом, он просеменил вон из комнаты, по-прежнему стискивая злоедейский длинный клинок.

— Ваш друг? — Карденас жестом указал на выходящего примата.

— Мой телохранитель. Его дала мне ассоциация Симияно. Я плачу за защиту и убежище. — Выражение ее лица чуть смягчилось. — Телохранителей сменяют по очереди. Им всем не особенно нравится находиться в человеческом обществе. Но дело свое они знают.

Поставив плетеное из прутьев и ротанга кресло на прежнее место, Хаяки опустился на него. При высокой влажности короткое физическое упражнение вызвало водопады пота на лице и верхней части тела.

— Не стану спорить.

Она поколебалась еще с миг, прежде чем наконец сделала жест в сторону мебели.

— Итак, вы здесь. Я ничего не могу с этим поделать. Так что вполне можете присесть.

Заняв кресло около кушетки, Карденас сложил руки на груди и с серьезным видом подался вперед.

— Вы сказали, что платите здешним, гм, жителям, за убежище для вас. А где Катла?

Сурци Моккеркин, казалось, съежилась. В другое время, в другом месте, она была бы исключительно привлекательной и, вероятно, жизнерадостной женщиной, подумал Карденас. Тропики низводили внешность всех людей к одному низкому потному общему знаменателю.

— Раз вы нашли меня, то явно знаете о ней. — Она выглянула в забранное ширмой окно. — Когда она не сидит перед ящиком, дразня моллисферы, то любит прогуливаться по лесу. Говорит, увиденное вдохновляет ее. — Моккеркин покачала головой. — Я рада за нее. Это было самое безопасное место для бегства, какое я смогла придумать, и у меня были здесь контакты.

— У вас, — надавил на нее Хаяки, — или у Уэйна Брум-мея?

Она посмотрела на рослого сержанта, но без удивления.

— Так вы и про Уэйна знаете?

— Именно с этого для нас и началось дело, — сочувственно кивнул Карденас. — Вы не явились на назначенную мне встречу в морге Ногалеса.

Повернувшись налево, она провела ладонью по большой псевдодеревянной скульптуре тапира. Спина у него отодвинулась в сторону. Сунув руку внутрь, она достала бутылку местного пива и отщелкнула пробку, активируя встроенный охладитель. Она подождала, пока пиво не станет холодным, но не предложила гостям налить по стаканчику.

— Бедный Уэйн. Вы знаете, он и правда любил меня. — Будучи вынужденным лишь смотреть, как она опрокидывает глоток ледяного пива, Хаяки ощутил настоящую боль. — Проблема Уэйна была общей для всех мужчин: они всегда мнят себя более умными, чем на самом деле. Мне не хватает его, но не так сильно, как мне думалось. — Она показала на свое окружение. — Именно он проделал всю нудную работу, подыскивая безопасное прибежище, на случай, если оно нам понадобится. Жаль, он так и не смог насладиться им. — Сделав

приличный глоток золотистой жидкости, она оценивающе посмотрела на Карденаса. — Я говорю вам правду.

— Знаю, — успокаивающе ответил инспектор, не трудясь объяснить, откуда он и в самом деле это знал.

Она скрестила весьма привлекательные ножки, большая часть которых оставалась на виду ниже края халата.

— Первое, о чем я подумала, увидев вас здесь, что все кончено, а вы матарос, подсланные моим мужем. — Его лицо скривилось в выражении явственного отвращения. — «Никто не насмехается над Насмешником», — бывало, говорил он. Пинче каброн, этот ублюдок! — Тон ее сделался умоляющим. — Он заворожил меня, сперва. Я была очень молода. В конечном итоге все дошло до такой степени, что я не смогла больше выносить. Я полдюжины раз от него сбегала. И каждый раз его люди находили меня и приводили обратно. — Она отвела взгляд. — И каждый раз, когда меня привозили обратно, дела становились еще хуже.

А потом появилась Катла. Я перестала убежать. Чтобы вырастить ее, а также побудить его смягчиться. Когда я почувствовала, что она уже достаточно большая, достаточно сильная, то начала искать выход. Потерпев столько неудач, пытаясь сбежать в одиночку, я сообразила наконец, что мне нужна помощь. И искала ее, но без толку, пока не повстречала Уэйна. — Она глотнула еще пива. — Дело заключалось даже не в том, что Уэйн был хорошим парнем. В конце концов, он ведь работал на Клеата. Просто он был не таким скверным, как большинство других мужчин, которых я встречала. И он любил меня и был терпимым с Катлой.

Для меня этого было достаточно. Я рассказала ему о задуманном мной, и он поддержал меня. Вместе мы совершили побег, попытались затеряться на Полосе. — Она покачала головой. — Четыре новых личины за два года, и все равно этого оказалось недостаточно. Все это время Уэйн не переставал искать безопасное место, на случай, если нам придется покинуть Севамерику. Не знаю, как он наткнулся на мысль отправиться сюда, но он на нее набрел. Он рассудил, что это место, куда не смогут проникнуть даже приличные Мока. — Она невесело улыбнулась. — О федералах мы не говорили.

— Ваш дом чуть не убил нас, — почувствовал неодолимую тягу сказать Хаяки.

— Это тоже дело рук Уэйна, — покосилась на него она. — Он предназначал эту ловушку не для вас. Она задумывалась для встречи хомберов Мока, на случай, если те когда-нибудь появятся. Но как вам-то удалось вывернуться?

Хаяки показал на молчаливо-внимательного Карденаса.

— Мой напарник очень хорошо чувствует аномалии в ситуациях. — И обвиняюще добавил: — Ваш дом чуть не снес мне задницу при взрыве.

— Я б извинилась, если бы считала, что с этого будет какой-то толк, — пожала плечами она. — Теперь ничто не имеет значения. Больше ничего не имеет значения. — Когда она глядела на Карденаса, в ее глазах проглядывала искренняя жажда покончить со всем. — Если вы смогли найти меня здесь, то значит Клеат тоже сможет это сделать.

— Не обязательно, — поправил ее инспектор. — Не все официальные каналы информации поставлены под угрозу, знаете ли. Факты вашего дела известны лишь очень немногим. — Он указал на Хаяки. — Формально, мы с Фредозо здесь в отпуске, и не находимся здесь по официальному делу.

Она смотрела так, словно не видела разницы.

— Не имеет значения. Я не могу отсюда уехать. Сюдад-Симиано моя последняя, самая большая надежда. И у Катлы тоже.

— У СФП есть очень эффективная программа защиты свидетелей.

Смех ее был резким и нервным. Она недоверчиво уставилась на него.

— Вы, должно быть, шутите! Покинуть этот поселок, куда никому не проникнуть без разрешения, чтобы вернуться на Полосу и дать показания против Мока? Я, может, и не такая умная, как Катла, но у нас в какой-то мере одни гены. Поэтому я останусь здесь, даже если присные Клеата смогут найти меня. — Она резко выбросила руку в сторону коридора. — Пусть приходят. Посмотрим, как им понравится иметь дело с Роджером и его сородичами! Но вернуться? Ни в коем случае, федоко. Если только вам не удастся убедить меня, что вы сможете продать на Шпицбергене нарезанный тонкими ломтиками лед.

— Ладно, — ответил Карденас. — Раз вы так настроены, то ладно. Но если вы расскажете нам, что же все это значит, то, возможно, СФП сможет оказать вам некоторую дополнительную помощь. Вы ведь не будете против, не так ли? Если вам известно нечто такое, что мы можем использовать против Клеатора Моккеркина, при этом не связанное для вас с непосредственным появлением в суде. Всегда есть шанс, что мы сможем сделать ход против него, покуда вы остаетесь здесь, вне поля зрения. Это устранило бы угрозу вам и вашей дочери, не вынуждая вас вернуться на Полосу. Разные вам бы не хотелось увидеть, как это произойдет?

Она снова засомневалась.

— Вы не собираетесь заставлять нас возвращаться с вами?

Инспектор покачал головой.

— Просто не могу. Это же Центрально-Американская Федерация, а не Севамерика. Вас не обвиняют ни в каком преступлении, так что закон об экстрадиции тут неприменим. Можете говорить, не стесняясь. — Он встретился с ней взглядом, не моргнув глазом. — Да я в любом случае не стал бы пытаться забрать вас и вашу дочь против вашей воли.

Сурци поразмыслила над его предложением. Внезапно она стала выглядеть моложе своих лет, походя скорей на испуганного подростка, чем на закаленную женщину, сумевшую выжить на Полосе.

— Все дело в деньгах. Деньгах Мока. Наличных Клеата. Мы с Уэйном смогли присвоить изрядную долю кредита. Никто не делал такого с Моком, думая, будто ему это сойдет с рук. А то, что в этом участвовала я, еще больше усугубляло дело. Мок из-за этого выглядит не только полным козлом, но и полным кретином. Он хочет вернуть свои деньги. Хочет вернуть меня.

Инспектор понимающе кивнул, не улыбаясь, наклонился к ней и заявил мягко, но решительно:

— Если вы намерены мне лгать, миз Моккеркин, то я ничем не смогу вам помочь. Деньги, которые вы с Уэйном Бруммеlem или Джорджем Андерсоном похитили, лишь малая часть этого дела.

Лицо ее покраснелось от возмущения, и она приподнялась с кушетки.

— Я не лгу, проклятый ты федоко! Зачем еще, по-твоему, такой, как Мок захотел бы вернуть меня?

Ни в малейшей степени не отреагировав на ее вспышку, Карденас попытался остаться столь же чутким и сочувствующим.

— Я не так уж уверен, что он хочет вернуть вас, миз Моккеркин. Но мы знаем, что он хочет вернуть вашу дочь.

12

Она уставилась на него. За исключением звуков тропического леса, доносившихся сквозь забранные ширмами окна, в комнате стояла мертвая тишина.

— Не понимаю, о чем вы говорите, инспектор. Катла способная, совершенно нормальная, обыкновенная двенадцатилетняя девочка, страдающая лишь из-за трудностей, какие бывают у всех девочек ее возраста. И я не могу себе представить никакой особой заинтересованности моего мужа в ее возвращении, помимо того, что она доводится ему дочерью.

Хаяки покорно вздохнул.

— Миз Моккеркин, имейте некоторое уважение к нашему умению делать свою работу. Мы ведь вас нашли, не так ли? Кроме того, мы способны определить, когда вы лжете. — Он кивнул в сторону инспектора. — Мой напарник — интуит.

Хозяйка дома пристально посмотрела на Карденаса. Тот обычно предпочитал не афишировать свою способность. Но тут был другой случай. Она увидела правду в его глазах и бессильно осела на кушетке.

— Мы беседовали с друзьями вашей дочери, миз Моккеркин. Как в том соче, в который вы ее зачислили, так и вне его. И знаем, что Катла куда более, чем просто «способная». Нам известно, что она техант и что она работала над каким-то важным проектом для вашего мужа, когда вы обе исчезли.

Сплетая и расплетая пальцы, Сурци Моккеркин отступила под натиском, но лишь со скрипом.

— Катла моя дочь, джентльмены, и я люблю ее. — Подняв голову, она умоляюще посмотрела на внимательно слушающего инспектора. — Но я не притворяюсь, будто понимаю ее. И уж точно не знаю, откуда у нее такие мозги. — Она сардонически рассмеялась. — Одно могу сказать, что явно не от меня! Со мной по-другому, у меня есть обычные мозги, и навалом — на улице я не пропаду. Но книжные мозги — может, они достались ей по линии Клеата. Я не слишком уверен, что это такая уж полезная штука.

Она, Катла, вообще-то очень робкая, но иногда, когда была уверена, что мы одни и за нами не наблюдают, то пыталась поговорить со мной о некоторых вещах. Проект Клеата был одной из них. Он... он говорил ей, что если она не будет работать с ним, с его людьми, то может что-то случиться не с ней, а с кем-то другим.

— Он угрожал вам, чтобы заставить ее работать с ним? уточнил Хаяки.

— Не называя по имени. — Она переключила внимание на рослого сержанта. — Ему и не требовалось. Достаточно было намекнуть, что с кем-то близким может что-то случиться. Он мог говорить о какой-нибудь односочнице или о случайном друге. Вам никогда не доводилось быть с ним рядом, сержант. В его голосе есть определенное качество. Оно естественное, но Мок может заказать на дом обед из китайского ресторанчика, и это прозвучит так, словно он собирается совершить серийное убийство. А когда он действительно угрожает... — Голос ее замер.

Карденас вернул разговор к прежней теме.

— Этот проект, над которым он заставлял работать Катлу: вы можете что-нибудь рассказать о нем? Мы не знаем никаких подробностей, только что он довольно значительный. В нем явно очень заинтересованы и другие, кроме вашего мужа.

Она широко развела руками и пожала плечами.

— Я же говорила вам, Катла пыталась мне это объяснить, и не раз. Я о нем помню лишь немного и не притворяюсь, будто понимаю даже то, что помню. Он как-то связан с процедурой, которую она называла «квантовой кражей».

Двое федералов переглянулись.

— И это все? — подтолкнул ее Карденас.

— О нет, есть еще многое. Просто я ничего этого не понимаю.

Наморщив лоб, Сурци Моккеркин попыталась вспомнить терминологию и определения, которые явно выходили за рамки знакомых ей понятий. И по мере того, как она объясняла, перескакивая с пятого на десятое, Карденасу становилось все более очевидным, что многое из этого равным образом выходило и за рамки их с напарником знаний. И что еще хуже, без погибших в машине спиннеров, зафиксировать какие-либо подробности они могли только с помощью собственных мозгов.

— Все вертится вокруг дистанционного управления оптическими свитчами, которые драйвят коммерческие нервные узлы Ящика. Я говорю о глобальном Ящике, а не каких-то местных боковых дендритах. — И, увидев выражение их лиц, добавила с кривой усмешкой. — Я ж вам говорила, что не понимала этого. Просто помню кое-что.

— Продолжайте, — поощрил ее Карденас, отчаянно жалея, что при нем нет спиннера. Или знающего немало Орилака Мудрого.

Усилия вспомнить, казалось, помогли ей расслабиться. В промежутках между ними она осушила остатки пива.

— Весь фокус — Катла упорно называет его именно так — явно в том, чтобы настроить подсоединенные параллельно усилители так, чтобы в соответствующий момент лазеры точно отрегулировались на нужной длине волны. Если правильно откалибровать луч, то получится местный дубликат информации, которая перекачивалась в этот момент. Когда на удаленном сайте будет создан точный дубликат, оригинал уничтожат. — Она откинулась на спинку кушетки.

— Предполагалось копировать таким образом на другую молли дубликаты банковских кодов, или подробности биржевых операций, или просто скачиваемую информацию.

— И в тоже самое время, — добавил Карденас, напряженно пытаясь осмыслить сказанное, — первоначальная информация превращалась в бесполезную?

— Не просто превращалась в бесполезную, — поправила она его. — Она стиралась, словно ее никогда и не было. Но

она оставалась в виде идеального дубликата, созданного где-то в другом месте.

Оба федерала на мгновение притихли, пытаясь пережить все это. И как столь часто бывало, Хаяки аккуратно подытожил только что услышанное.

— Банкам это страсть как понравится.

— Очень остроумно, — заметил Карденас. — Ты не только похищаешь информацию, но и одновременно ликвидируешь первоначальную запись. Все равно, что убегать от кого-то, заметая оставленные следы. — Он слегка свел брови глядя на Сурци Моккеркин. — Если срабатывает.

Отставив бутылку в сторону, она извлекла из статуи ташира другую и щелкнула охладителем. Налить гостям она снова не предложила. Карденас полагал, что ее нельзя винить.

— Этого я вам сказать не могу. Я бы не поняла, сработает ли нечто подобное так, как надо, даже если бы увидели в действии.

— Значит, вы не знаете, является ли эта бредовая идея чем-то большим, чем теорией? Вам не известно, насколько далеко продвинулось практическое применение, вышли ли люди вашего мужа за рамки чистой теории?

— Да, — пробормотала она, — не знаю. Но я знаю одно. Мне надоело смотреть, как мою дочь используют, не говоря уж о том, что ее втягивали в деятельность этого ублюдка.

Хаяки задумчиво кивнул.

— Та пара миллионов, которую прихватили вы с Бруммом, конечно же, не имеет никакого отношения к подобным фокусам.

— А что мне, черт побери, оставалось делать, федоко? — повысила голос она. — Устроиться на работу мыть полы или стелить постели в дешевых отелях? Если собираешься сбежать от Мока, то лучше бежать подальше, и по быстрее. А на это нужны деньги. — Она немного поутихла. — Уэйн был не таким уж и плохим парнем, учитывая обстоятельства.

— Значит, вам его сильно не хватает, — сочувственно предположил Карденас.

Взгляд, на который он натолкнулся, был таким ледяным, что на мгновение подумалось, будто она интуитит его.

— Этого я не говорила. Я сказала, что он был неплохим парнем, и это так. Моей главной заботой, моей единственной заботой, было защитить Катлу. Увести девочку подальше от ее пинче отца.

— А не попытаться заполучить для себя. — Хаяки больше не улыбался.

Стальной блеск во взгляде хозяйки дома померк, и она отвела взгляд.

— Думайте, что хотите. От мертвой матери очень мало толку. — Еще один большой глоток пива, и когда женщина снова посмотрела на своих гостей, к ней в какой-то мере вернулась прежняя решимость.

— Я никуда с вами не поеду, джентльмены. Можете не утруждать свою проклятую программу защиты. У вас нет никакой юрисдикции в ЦАФ и меньше, чем никакой, в Сюодад-Симиано. Я знаю. По этому вопросу в добытых Уэйном сведениях говорится очень конкретно. Р-разумеется, тут не Полоса, и не Нуэва-Йорк, и даже не Агуа-При, но мы с Катлой способны справиться. Пока нам удавалось справляться. Если я вернусь, если нога моя ступит на землю Севамерики, то мне конец. — Речь ее, вследствие второй бутылки пива, начала делаться невнятной. — Этот пинче каброн может гонять свои лазеры, пока у него задница не отвалится. Катлу он не вернет.

— Ладно. — Карденас встал. — Больше мы не станем вас беспокоить, миз Моккеркин.

Хаяки уставился на напарника во все глаза.

— Хох, Анхель, ты часом не?..

— Она не хочет уезжать, и мы не можем ее заставить, — твердо заявил своему напарнику инспектор. — Она предпочитает остаться здесь, и я рад за нее. — И, снова переключив внимание на хозяйку дома, добавил: — Если Соронг даст разрешение, и нам удастся найти место для ночлега, мы с напарником пробудем здесь еще пару дней. Подумайте о нашем предложении, миз Моккеркин. Подумайте обо всем, что я сказал. Жизнь в бегах, даже в столь приятном месте, каким вы, возможно, находите тропики ЦАФ, начинает через некоторое время утомлять. Я знаю, мне доводилось видеть, как такое случалось. Подобная жизнь быстро старит. Есть

и более коварные убийцы, чем пуля. Полное страха ожидание действует медленнее, но может быть столь же смертельным. — И по какому-то наитию кивнул на заднее окно гостиной. — Одно знаю наверняка: это совсем не то место, где можно попытаться вырастить ребенка.

Крепко сжимая бутылку с пивом, она пробормотала на прощанье:

— Хотела бы сказать, что было приятно побеседовать с вами, инспектор. Но это не так.

Он двинулся мимо нее, косясь одним глазом на затененный коридор, чтобы не столкнуться с неким весьма раздражительным орангутаном.

— Пару дней. Подумайте об этом.

Они оставили ее сидеть на кушетке и пить пиво, пусть и без особого удовольствия, углубившись в мысли, которые, как надеялся Карденас, подтолкнут ее к какому-то решению.

Как только они оказались снаружи, Хаяки наконец решил дать выход своей досаде.

— Что все это означало, Анхель? Я думал, ты склонялся к мысли поехать с нами, а ты просто дал ей ускользнуть.

Памятуя о пауке, который попытался прокатиться на плече его друга, Карденас без излишнего энтузиазма изучал тропу, шедшую обратно к центральному поселению.

— Никуда она не поедет, Фредозо. Она слишком напугана. Ей нужно дать время подумать о своем будущем, а не просто о завтрашнем дне. Время поразмыслить о будущем своей дочери. — Он сделал жест в сторону зеленого окружения. Над головами у них пролетела пара попугаев ара. Они пронеслись над самыми верхушками деревьев, наполнив воздух пронзительными криками.

— Это прекрасное местечко — на несколько месяцев, самое большое на год. Но это никак не постоянное пристанище для того, кто привык жить на Полосе. Меня не волнует, какой тихой, сдержанной и интравертной может быть эта Катла и сколько прогулок по джунглям она совершает — все равно, она двенадцатилетняя девочка. ЦАФ — не Севамерика. Для биолога, делающего научную карьеру, жизнь в заповеднике может быть терпимой. Но даже тогда лишь терпимой.

На сей раз по тропе впереди шел Хаяки, вынуждая Карденаса увертываться от веток и листьев, которые норовили хлестнуть по нему.

— Ладно, но можем ли мы ждать год, пока миз Моккеркин не примет решение?

— Конечно, не можем. Но, думаю, нам и не придется. Она ведь и сама понимает, что если мы смогли ее найти, то смогут и подручные Мока. Все сводится к тому, считает ли она себя здесь в большей безопасности, и сможет стерпеть изоляцию, или же что ей с дочерью лучше переложить ответственность за безопасность на СФП. — Он осторожно перешагнул через пересекавшую тропу колонну муравьев.

— Возможно, мы не можем ждать год, но пара дней у нас в запасе есть. — На лице у него появилась легкая улыбка. — Теперь Пэнгборн станет дергаться в ожидании хоть какой-то связи. Не говоря уж о том, что у нас вот-вот закончатся «отпуска».

Они вышли из леса на открытый двор поселения Сьюдад. Через дорогу маршировала на занятия группа юных приматов, сопровождаемая степенной и очень достойной на вид шимпанзе.

— Так значит, наш план — оставить ее в покое, дать повариться в собственном соку, обдумывая наше предложение, и не оказывать больше никакого давления?

— Эксактаментион¹, — согласился Карденас.

— Она может ничего не сказать своей дочери о нашем визите. А у девочки, возможно, есть свое мнение.

— Вероятно. — Инспектор зашагал через двор. — Но девочка еще не достигла возраста самостоятельности, даже в ЦАФ. Не стоит давать матери еще одну причину невзлюбить нас. Лучше оставить ее в покое и предоставить ей разобраться самой.

— Думаешь, она примет верное решение?

Карденас остановился посмотреть, как смешанная группа макак и маленьких игрунок занимается акробатикой на сложной гимнастической стенке, сооруженной вплотную к джунглям. В сочетании с присущим природным атлетизмом, четкость выполняемых упражнений ошеломляла.

¹ Exactamente — именно, точно (исп..)

— Надеюсь, да. Если не ради нее самой, то ради ее дочери. — Снова зашагав дальше, он направился к зданию Администрации. — Если у них здесь есть жилье для санкционированных исследователей, то они, вероятно, смогут нас пристроить на пару дней.

Администрация Сьюдад-Симиано могла это организовать за плату, конечно. Квартиры для гостей оказались приятным сюрпризом: аккуратные и чистые. В них имелись легкое тропическое постельное белье, противомоскитные сетки и фумигаторы. Стоял даже вит-плеер, но никаких комм-аппаратов и никакого доступа к ящикам. Если им захочется поговорить с внешним миром, придется воспользоваться подконтрольным аппаратом в здании Администрации. «Что это, способ гарантировать недоступность приезжих? — гадал Карденас, — Или отмечать все контакты между Сьюдадом и человеческой цивилизацией? Способ защитить гостей — или изолировать местных жителей?» Не имеет значения. Ни ему, ни его напарнику скрывать нечего, никаких секретов у них нет.

Поданная гостям еда стала еще одним сюрпризом. Предвидя вегетарианскую диету, оба федерала пришли в восторг, увидев в меню все от рыбы до оленины, хотя в нем не значилось мяса домашних животных. Жители Сьюдада не выращивали для пропитания других животных, но ничему не имели против убийства и потребления тех, кого им удавалось поймать в дебрях. Шимпанзе в особенности любили животный белок. За время короткого пребывания федералов в заповеднике, Хаяки пристрастился к тропической саранче, зажаренной в кунжутном масле. Помимо присущего этому блюду хруста, эти кузнечики содержали вдвое больше протеина, чем говядина. Карденас же сделался большим приверженцем местных фруктов, со многими из которых он никогда раньше не сталкивался.

На второй день заскучавший Хаяки наткнулся в лесу на теннисный корт. Там он познакомился с молодым орангутаном по имени Пахек. Хотя физически оранг и уступал сержанту в росте, он превосходил его в длине рук, и они провели несколько энергичных состязаний.

Завидуя способности напарника расслабляться, Карденас, все более впадая в пессимизм, продлил их пребывание

еще на день, так и не дождавшись ни слова от Сурци Моккеркин. Все выглядело, словно единственные свидетельские показания, какие им удастся получить от нее касательно смерти Уэйна Бруммея и его вероятных убийц, сведутся к лишь к предположениям. Они не могли заставить ее дать свидетельские показания. Да если уж на то пошло, у них по-прежнему не было никаких доказательств, связывающих ее преступного мужа с тем распылением. Что же касалось бесчестной эксплуатации ее дочери отцом, едва ли здесь совершалось уголовно наказуемое преступление. С точки зрения суда, без свидетельских показаний, данных в суде или записанных в присутствии представителей защиты и обвинения, любая информация от матери Катлы останется лишь разговором.

В общем и целом, поездка получилась не очень удачной. Они приобрели информацию о намерении Мока заняться некой квантовой кражей. Это могло оказаться чем угодно, от настоящей угрозы обществу до бесплодной гипотезы. Сурци Моккеркин подтвердила, что муж разыскивал ее, и что у него имелась причина для ярости, смертельной ярости по отношению к мужчине, с которым она сбежала. И больше ничего. Не было никаких твердых доказательств заказного убийства, кражи кранча или жестокого обращения с ребенком. А то обстоятельство, что остальные были готовы убивать, лишь бы узнать нечто, известное Катле Моккеркин, пусть и намекало на многое, но никого не связывало напрямую с убийством Уэйна Бруммея.

Которое в конце концов и было тем самым делом, которое полагалось расследовать им с напарником.

Хорошая еда и приятное, хоть и изолированное, окружение не очень-то помогали инспектору выйти из хандры, в которую он впал. Если б они сумели добиться от Сурци Моккеркин твердого свидетельства, что ее муж заказал убийство Бруммея, или хотя бы что это наиболее вероятный вариант, то смогли бы задержать Мока по подозрению в убийстве и подвергнуть его допросу. Но если она откажется пойти даже на это, им не останется ничего иного, кроме как сесть на ближайший шатл до дому. А поскольку она так боялась мужа, Карденас не питал радужных надежд убедить ее сообщить хотя бы, где он живет.

Они не могли позволить себе застрять тут еще и на четвертый день. Во всяком случае, безрезультатно. Сделать они могли лишь одно: нанести последний визит Сурци Моккеркин, повторить и свою просьбу о помощи, и предложение надежного убежища. После этого оставалось надеяться, что время и одинокие раздумья достаточно подействовали на ее разум, дабы заставить изменить свою позицию. На успех уже не надеялся ни тот, ни другой.

Мысленно смирившись с ожидающим разочарованием, Карденас заказал билеты на завтрашний шатл из Сан-Хосе в Ногалес через Мехико. И все же, размышлял он, подымаясь впереди Хаяки по лестнице гостевого дома, в прошлом бывали времена, когда разум и логика подводили его, а вот чистое упрямство окупалось.

Несмотря на внешнюю простоту строения, предыдущий визит подтвердил, что в нем функционировала скрытая сервоэлектроника, которая, должно быть, и уведомила ее о прибытии гостей. Сурци Моккеркин встретила их в главном коридоре. Держалась она настороженно, но уверенно.

— Заходите. Я сейчас кое-чем занята на кухне.

Они последовали за ней в ту часть дома, которой раньше не видели. Кухня занимала противоположную от гостиной, где они беседовали три дня назад, сторону здания. Оборудованная с расчетом справиться с надобностями двух-трех человек, она могла похвалиться шкафчиками, непроницаемыми для насекомых, со встроенными поглотителями влаги, небольшой духовкой и плитой, раковиной, холодильником, ультразвуковым очистителем и большой кладовой. Покупки двое федералов продолжали осмотр, хозяйка дома вынула из очистителя тарелки и стаканы и расставила их в открытом шкафчике.

— Как я понимаю, вы, джентльмены, готовитесь к отъезду.

— Именно так, — признал Карденас. — Как вы узнали?

Она поставила на частично заполненную полку пару ярких самоохлаждающихся пластиковых стаканов.

— Я, знаете ли, пробыла здесь достаточно долго, чтобы обзавестись несколькими друзьями. — Видавшие слишком многое глаза встретились с ним взглядом. — Если вы зашли

попрощаться, то рада вас видеть. Если же вы решили сделать последнюю попытку уговорить меня уехать, то забудьте об этом.

Пытаясь смягчить напряжение, он рискнул небрежно заметить:

— Жалко, что нам не удастся встретиться с вашей дочерью. Вы уже говорили, что она любит гулять по лесу.

— Она предпочитает людям машины и природу, — невесело улыбнулась Моккеркин. — Не могу сказать, что виню ее.

— А как насчет вас, Сурци? Вы не скучаете по людям, по волнующей городской жизни, по разным людским делам и по местам, куда можно сходить?

Отведя взгляд, она решительно вернулась к расстановке посуды.

— Неважно, чего мне хочется. Я теперь хочу лишь самого лучшего для Катлы.

Ажет, понял Карденас. Может, даже лучше, чем осознала она сама. Скуку она терпела не лучше, чем лифчик не того размера. Еще месяц, может два, проведенных в здешней изоляции, и жизнерадостная, весьма общительная женщина вроде нее в полной мере почувствует последствия. Могли ли они ждать еще два месяца, пока она не сломается?

Решение упрощалось тем, что у них не было выбора.

— Если вы передумаете, — сказал он ей, — то можете связаться со мной напрямую. — Инспектор кивнул в сторону поселения. — Адрес на молли Администрации. Воспользуйтесь безопасным каналом.

Она избегала встречаться с ним взглядом.

— Счастливого полета, джентльмены. — Губ ее коснулась призрачная улыбка. — Остерегайтесь на обратном пути бродячих фермеров.

Карденас улыбнулся, кивнул и повернулся к выходу. Они с Хаяки вместе вышли из кухни.

— Ну вот и все, — подвел итог сержант. — Мы сделали то, что было в наших силах, Анхель.

Инспектор кивнул, сворачивая к коридору.

— Если она не даст свидетельских показаний, не говоря уж о том, чтобы вернуться, то мы можем дальше не

расследовать это дело. Оно наверняка умуэртвилось. — Он оглянулся. — Хотя мне хотелось бы поговорить и с дочкой

— Думаешь, она могла бы заставить мать передумать?

Хаяки приподнял брови.

— Нет, — покачал головой Карденас, — если то, что рассказала нам Сурци о дочери, правда, а мне думается это так

— Тогда финиш. — Хаяки свернул в коридор, направляясь к передней двери. — Тебе так думается, значит, так оно и есть.

И тут рослый сержант остановился так внезапно, что Карденас чуть не налетел на него.

По передней лестнице подымалась масса мандрилов. Крупные, красномордые бабуины надвигались молча. Каждый держал в руке нож, лишь немногим длиннее их внутренних верхних клыков. Карденас быстро попятился назад

— На кухню, — коротко бросил он.

Вскинув голову при их внезапном возвращении, поруженная Сурци Моккеркин сунула руку в ящик кухонного стола и вытащила пистолет, хоть и маленький, но не особенно женственный. Заглянув в дуло, Карденас коротко кивнул

— Хорошо. У меня такое ощущение, что он вам понадобится. Есть еще какой-нибудь?

Лицо ее поморщилось в замешательстве.

— О чем вы говорите? Зачем вы вернулись? Что происходит?..

— Вот они! — крикнул Хаяки, отдирая от стены портитивную духовку и швыряя ее в первого мандрила. Она ударила обезьяну прямо по ярко расцвеченной морде, вызвав вопль гнева и удивления.

Это послужило сигналом остальным приматам ринуться на кухню всей оравой. Теснота помещения сработала против нападавших. Не в состоянии обойти неприятеля с флангов, они вынуждены были попытаться задавить трех людей численным перевесом во фронтальной атаке. И сразу же стало очевидным, что целью вторгшихся обезьян являлись не федералы. Те просто оказались у них на пути.

Зажав нож в мощных зубах, один мандрил попробовал перепрыгнуть через Карденаса, тогда как инспектор попытался прицелиться в него из пистолета. Выстрелить он не

успел. Выстрел Сурци снес мандрилу всю морду, одновременно чуть не ампутировав ухо Хаяки. К сержанту ринулись еще двое, пытаясь обойти его. Будь на его месте человек менее рослый, такой тактический ход мог и сработать. К несчастью для разъяренных приматов, Хаяки был настолько рослым, что одно лишь его присутствие преграждало им доступ к намеченной жертве. Тут полыхнуло и его оружие, превратив одного из стремительнодвигающихся нападавших в разможенный труп.

Нож угодил сержанту в левую руку, разодрав кожу ниже короткого рукава рубашки. Хаяки обрушил толстое ребро правой ладони по грудной клетке мандрила. Зверь завизжал от ярости, отскочил от стены, о которую ударился, мотнул головой и снова прыгнул на него. Одновременно другой метнулся мимо ног Хаяки, даже не трудясь мимоходом резануть по ним. И зубы и клинок предназначались только женщине, забившейся почти в самый угол кухни.

Карденас ткнул дулом пистолета в шею бабуину, продавив шерсть и нажимая на скрытую под ней кожу. Завопив от неудержимой ярости, тот с горящими глазами потянулся назад, когда инспектор нажал на курок. Ошметки бабуина забрызгали инспектору лицо. Смертельно раненый примат бешено заскреб рану, отскакивая от шкафчиков и пола и истерически визжа. Покуда инспектор выискивал новую цель, Сурци Моккеркин всадила в дергающееся, бьющееся тело один, два, три разрывных шарика, пока от налетчика не осталось почти ничего, кроме больших кусков окровавленного мяса и шерсти.

Увидев, как его коллег ликвидировали одного за другим, единственный оставшийся убийца-примат размахнулся и метнул свой нож. Свистнувший клинок чуть-чуть не попал в цель, пролетев рядом с головой Сурци Моккеркин и вонзившись в заднюю стену кухни. Разъярясь от досады, уцелевший мандрил резко развернулся, забрызгав при повороте кухню мочой, и рванул на четвереньках обратно тем же путем, каким пришел. Они слышали, как грохочут при его отступлении ступеньки лестницы.

Тяжело дыша, Карденас помог напарнику сунуть раненую руку под изогнутый кран в раковине. На порез сразу

же хлынула холодная вода, смешиваясь с кровью сержанта и стекая в слив. За спиной у них хозяйка дома все еще сжимала оружие обеими руками, глядя широко раскрытыми глазами на следы бойни, залившей кровью ее кухню.

— Спрейкожу, — лаконично потребовал Карденас. Когда она никак не отреагировала, повысил голос до крика. — Сурци! — Резкость его голоса отвлекла ее внимание. Он сбавил тон. — Спрейкожу, у вас ведь она есть? А также аэрозоль дезинфектант и бинты.

— Я... я пойду проверю. Думаю, есть. Может быть. — Она двинулась к двери.

— Какое же фазное это задание, — процедил сквозь зубы Хаяки. — Сперва меня пытался убить дом, а потом мартышки.

— Пытался убить нас, — напомнил ему Карденас, не красная давить на руку друга. — Не считай себя исключением. Тебе ведь не пришлось иметь дело ни с инзিনি, ни с озерниками.

— Не хотел бы оставить все развлечение исключительно для себя, — отпарировал сержант. Спустя мгновение из коридора донесся вопль Сурци Моккеркин и грохот ее пистолета.

— Мьерда! — Карденас рванул вон из кухни. Обматывая на бегу раненую руку полотенцем, Хаяки последовал за ним.

Оседавший ее плечи примат был не очень крупным. Определенно, куда меньше недавно вторгшихся в дом мандрилов. Но этот ревун был достаточно крупным и достаточно сильным, чтобы держать в мощной волосатой руке мачете. Когда они вбежали, он выронил клинок и одним громадным прыжком добрался до передней двери, ухватился за притолоку и махнул на волю. Через несколько секунд раздался визг, за которым последовал пронзительный крик. Хотя Карденас, признаться, не понимал значения издаваемых обезьянами звуков, на победный вопль это как-то не походило.

Пошатываясь, Сурци Моккеркин повернулась к ним лицом. Выражение на нем отсутствовало, в глазах застыло полнейшее непонимание. На глазах у объятых ужасом федералов она медленно опустилась на колени, а затем рухнула

ничком на пол. Мужчины бросились к ней. Один-единственный взгляд сказал обоим больше, чем им хотелось знать. Ей уже ничем нельзя было помочь. Ее почти обезглавили.

Тут появилась огромная фигура, полностью заслонившая собой дверной проем. В одной руке она держала обмякшее тело ревунa. Соронг рассеянно отбросил его в сторону. Оно перевернулось пару раз, катясь по покрытому лаком паркетному полу, и осталось лежать неподвижно и беззвучно. У ревунa была сломана спина.

Опираясь всем весом на костяшки пальцев, серебрoспинный медленно приблизился к телу Сурци Моккеркин. Одной огромной ручищей он приподнял ей голову, а потом уронил обратно на пол. Подняв взгляд на Карденаса, он тихо заметил:

— Это совсем не пойдет на пользу нашей репутации.

Инспектор и не знал, как ответить. Осознав присутствие напарника, он наконец, нашелся с ответом:

— Мой друг ранен.

Соронг взглянул на порез, тянущийся вдоль предплечья Хаяки.

— Я сам отведу вас в лазарет. — Взгляд его снова обратился к вызывающему жалость женскому трупу. Кровь залила полкухни. — Роджер снаружи — мертвый. Что случилось?

Карденас постарался насколько смог реконструировать нападение.

— Ревун, должно быть, притаился на стропилах и прыгнул на нее сверху. — Он показал на открытые балки гостиной. — Думаю, один из напавших на нас мандрилов мог скрыться.

— Далеко ему не уйти. Самка активировала предупреждающее устройство. Тревожный сигнал разлетается быстро, но большинству из нас приходится по-прежнему передвигаться пешком. Я глубоко сожалею о своей медлительности. Скажите... — он посмотрел на Карденаса, — ...она согласилась вернуться с вами?

— Нет. — Инспектор старался не смотреть на тело. — Она собиралась остаться здесь. Тут она чувствовала себя в безопасности.

В глубине широкой груди Соронга пророкотал медленный гром.

— Мне известно, что она искала здесь убежища от тех, кто собирался причинить ей вред. Я знаю, что вы говорили о них. Но кто мог совершить подобное дело?

— Люди, нанятые ее мужем. А может, другие. Когда она уехала из Штатов, то оставила там много врагов.

— Не могу поверить, что обезьяны способны на такое, опустил голову сереброспинный. — И ради чего? Из-за денег? — Последнее слово он так и выплюнул. — Вот к этому и приводит повышенный интеллект? К жадности? К жажде вещей, в которых мы никогда не нуждались? К готовности подражать всем нравственным изыскам и этическим несовершенствам *Хомо сапиенс*?

— Что крестьяне, то и обезьяны, — тихо пробормотал себе под нос Хаяки. Хотя отпуская свое замечание сержант вполне серьезно, он позаботился, чтобы его никто не услышал. Пусть оно было лишено какого-либо намеренного упрека, он понимал, что Соронг может отнестись к этой английской поговорке без особой симпатии.

— Я хочу попросить об одной услуге, — сказал Карденас горилле. — Когда ваши ребята поймут сбежавшего, позаботьтесь, чтобы им удалось выяснить, кто заплатил этим убийцам. Есть разные ниточки, которые мне очень хотелось бы отследить.

Огромная голова с мохнатыми бровями медленно кивнула.

— Обещаю так и сделать. А в ответ и я попрошу вас об одной услуге.

Карденас заколебался.

— Если это нечто в пределах моих сил, то считайте ее оказанной.

— Я думаю, вы именно тот человек, который может это сделать. Вам, возможно, уже доводилось этим заниматься. — Протянув руку, он подобрал безжизненное тело Сурци Моккеркин, держа его с такой легкостью, словно оно вообще ничего не весило. Голова ее свесилась под немыслимым углом. Карденас порадовался, что белокурые волосы скрыли ее лицо.

Глубоко посаженные, болезненно разумные глаза встретились с глазами ожидающего человека.

— Вы будете тем, кто скажет дочери?

— Мьерда! — Карденас метнул взгляд на дверь. — Ведь те, кто это сделал, могут попытаться убить и ее. Мы должны найти ее, и побыстрее.

Соронг, похоже, задумался.

— Если она не здесь, то, вероятно, отправилась на одну из прогулок по лесу. Она любит убраться подальше от разговоров. Гуляет она всегда с каким-нибудь проводником, который заодно охраняет ее, и на короткие прогулки они не берут с собой средств связи. Мы выясним, когда она должна вернуться. Не беспокойся, друг Карденас. Уверен, она вернется целой и невредимой.

Впервые в жизни Карденас полагался на слово обезьяны.

13

Сереброспинный справедливо оценил опыт своего гостя. За долгую карьеру на долю Карденаса слишком часто выпадала обязанность сообщать охваченным горем людям ужасные новости. Однако со времени повышения в звании до инспектора, ему уже много лет не приходилось выполнять этот особенно тягостный долг. Но поскольку Соронг весьма настойчиво попросил об этом, а выполнить его было больше некому кроме Хаяки, Карденас счел, что у него не осталось никакой альтернативы.

Из-за своего особого дара он в любом случае мог справиться с предстоящим разговором лучше большинства иных людей. Это означало, что разговор мог оказаться легче для нее, но вовсе не легче для него. Благодаря способам, какие мог воспроизвести и понять только другой интуит, он сможет прочесть ее эмоции и предвидеть определенные реакции. Но это также означало, что он намного глубже почувствует ее боль. И все же он знал, что у него нет иного выбора. Больше этого сделать некому.

Покуда они дожидались, когда девочка вернется из леса, он систематизировал то немногое, что они знали, пытаясь не тревожиться о ее безопасности. Делу должно было помочь

то обстоятельство, что она, по всем сведениям, необычно взрослая. Или, может, было просто легче думать о ней как о необычно взрослой, уникально одаренной техантке, а не одинокой двенадцатилетней девочке в бегах, у которой только что жестоко убили мать. Много ли она знала о причинах их бегства? Сколько ей рассказала Сурци? Знала ли она о тех обстоятельствах, которые привели к жизни с незнакомцем по имени Уэйн Бруммель, который не был ей отцом? Или же она просто терпела все это, пребывая в сравнительной изоляции, с головой уйдя в изучение технологии и природы?

Очень скоро они все выяснят. По словам шимпанзе, с которыми они с Соронгом поговорили в здании Администрации, она должна вернуться с утренней прогулки со своим проводником бонобо к ленчу. Когда она вернется в лагерь, там позаботятся о ее защите, а потом направят не в теперь-уж-небезопасный дом в лесу, а в тихое помещение в главном исследовательском корпусе поселения. Как серьезно и разумно указал заботливый сереброспинный, это строение располагалось рядом с лазаретом Резервы. Если реакция будет угрожать здоровью, девочку можно будет немедленно переправить в соседнее здание для оказания срочной медицинской помощи.

От предложенного ленча федералы отказались. Они предпочли ждать в отведенной комнате, окруженные тишиной и кондиционированным воздухом, что давало возможность приезжим людям заниматься своей работой в угнетающей атмосфере джунглей. Хаяки рассеянно поигрывал с наложенным на спрейкожу герметиком. При той скорости, с какой он жертвовал по ходу расследования этого дела личной шкурой, скоро сменится весь наружный слой его кожи.

Покуда его напарник выходил в ванную сменить бинты, Карденас расслаблялся, любуясь висящими на стене картинами. Все они, как его уведомили, написаны жителями Сюдада. Некоторые щеголяли яркими цветами, но любительской техникой. А немногие достойные внимания отражали мастерство и наблюдательность, которым позавидовал бы любой человек-фотореалист. Гостям сообщили и то, что по меньшей мере четверо представленных тут местных художников внесли неплохой вклад в доход Сюдада благодаря продажам работ в галереях Нуэва-Йорка, Лондона и Цюриха.

Созерцание обезьяньей живописи прервала открывшаяся дверь и просунувшаяся в комнату голова Хаяки.

— Она здесь, Анхель!

Карденас покорно кивнул.

— Кто-нибудь уже сказал ей что-либо?

Сержант покачал головой.

— Она знает, что нынче утром с ее матерью что-то случилось. И знает, что с ней хотят поговорить какие-то приезжие. Вот и все. Соронг лично проводил ее. Я ее пришлю. — И убрался, предоставив своему напарнику размышлять о предстоящей встрече.

Видев прежде Катлу Моккеркин только на фотографии, Карденас понятия не имел, чего ожидать. Присоединившаяся к нему в гостиной исследовательского корпуса девочка двенадцати лет выглядела высокой и худощавой, но ни в коем случае не нескладной. Напротив, Катла держалась с самообладанием и зрелостью, которые предполагали, что она уже миновала переходный возраст и успела подняться на более приятный уровень. Одета в шорты, блузку и походную обувь, ростом уже почти с мать, она обладала прямыми черными волосами и зелеными глазами, это сочетание поражало. Треугольное лицо было привлекательным, но излишне серьезным. Инспектор внимательно изучил его взглядом, выискивая ключи к поведению, тайнам характера, тонким связям с юной особой, с которой ему предстояло столкнуться. Лицо ее представляло из себя прекрасную маску, проецируемую изнутри чадру.

Но ей было всего двенадцать, и сколь бы умелой и усовершенствованной ни была та завеса, за которой девочка сочла нужным укрыться, она не помешает заглянуть внутрь такому, как Анхель Карденас.

— Олла-ло¹, Катла. Меня зовут Анхель Карденас. Я инспектор Севамериканской Федеральной Полиции. — Девочка осталась стоять, и он указал на маленькую кушетку напротив своей. — Не присядешь?

— Соронг мне сказал, что со мной хотят поговорить приезжие с севера. Держался он очень таинственно. — Приняв

---

¹ Hola — привет (*исп.*), совершенно тоже самое что и английское «Хэлло». Олла-ло — гибрид обоих приветствий.

предложение Карденаса она присела, плотно сдвинув колени, соприкасаясь голеньями, прижав локти к бокам и крепко сцепив руки. Упакованная посылка, решил он, физически закрыта столь же плотно, как и психически.

Продельвая такое уже слишком много раз, он знал, что отсрочка вела лишь к такому нарастанию беспокойства, которое, в конечном итоге, делало ситуацию еще хуже.

— Мы приехали забрать тебя обратно в Штаты, Катла. Только так мы сможем защитить тебя от того, что случилось утром с твоей матерью. Мне искренне жаль. Мы никак не могли этому помешать. — Он помолчал, выжидающе глядя на нее. Нельзя было предсказать, как она прореагирует, но он знал, что у девочки хватит ума сделать необходимые выводы. Так было лучше, чем произнести все вслух.

Она не шелохнулась. Просто сидела напротив него, опустив глаза, думая. И когда наконец ответила, ее подростковая фигура, как и ее голос, казалось, стали ниже.

— Вот почему она не вышла встретить меня. Вот, значит, что Луджу, Мундштук и Зрел делали в доме со всеми этими... чистящими средствами. А я-то гадала, почему они так странно смотрят на меня. — Она с трудом сглотнула, борясь со своей юностью, пытаясь быть очень взрослой. — Мне можно ее увидеть?

Очень хитрое это дело, проявлять одновременно и твердость и сочувствие. Карденас знал это не понаслышке.

— Вероятно, лучше не надо. Этим могут заняться помощники Соронга.

На лице девочки появилась мрачная улыбка.

— Команда зачистки другого рода? Мама всегда говорила, что это может случиться. Но не думала, что это случится здесь. Только не здесь.

— Мне очень жаль, — утешающе повторил он. — Должно быть, она была счастлива здесь.

— Счастлива? — резко подняла голову Катла Моккеркин. Чувствуя надвигающуюся вспышку, о приближении которой сообщали незначительные сокращения мускулов и легкие изменения цвета кожи, он не столь удивился ее реакции, как другой, оказавшись на его месте. — Мама никогда не была здесь счастлива. Не знаю, была ли она

вообще где-нибудь счастлива. Она не была счастлива с папой, не была счастлива с мистером Бруммеелем и не была счастлива сама по себе. — Черные волосы колыхнулись. — Я думаю, она была счастлива, когда жила со мной, но на этот счет у меня тоже не было настоящей уверенности.

— Ну, в таком случае, здесь была счастлива ты, — высказался Карденас, пытаясь закрыть тему покойной матери.

Катла не рассмеялась. Внимательно присматриваясь к этому гладкому, как воск лицу, Карденас заподозрил, что оно уже довольно давно не знало искреннего смеха.

— Кто, я? Здесь нечем заняться, кроме как гулять по джунглям да смотреть на птиц и все время прихлопывать насекомых. Некоторые из этих обезьянок милы, но они все равно остаются обезьянами. Тут нет никаких настоящих танцев, никакой музыки, никаких клубов, никаких тусовок. Не с кем поделиться мыслями, кроме Соронга, а он всегда слишком занят, чтобы проводить время с человеком, которому всего двенадцать. Счастлива? Да для меня тут скука смертная с того самого дня, как мы приехали сюда. Я, бывало, отправлялась в долгие прогулки по лесу и мечтала о возвращении на Полосу. — Она скорчила гримасу. — Маме я говорила, что они меня вдохновляют. И это правда. Они вдохновляли меня на мысли об отъезде. — Ее речь соскользнула к невнятному бормотанию. — Но мама... мама думала, что здесь мы будем в безопасности.

— От твоего отца?

Ее сплетенные пальцы сжались так крепко, что побелели.

— Да, от отца. От моего отца, от Мока. — Она подняла взгляд. — Он хочет вернуть меня. Я это знаю. Но я не хочу возвращаться. Я и раньше не хотела к нему возвращаться, а теперь тем более не желаю.

Говоря все время как можно более мягким тоном, Карденас попытался встретиться взглядом с глазами, которые упорно избегали смотреть на него.

— Потому что он заставляет тебя вытворять разные штуки, верно? Работать для него? — Она посмотрела направо и коротко кивнула. Что угодно, заметил он, лишь бы не встречаться с ним взглядом. — Он хочет вернуть тебя для дальнейшей работы над этим механизмом квантовой кражи.

Катла, явно удивившись, резко повернула к нему голову, и ее глаза наконец встретились с ним взглядом. Она впиалась немигающими глазами в его — и резко рассмеялась.

— Все дело в этом? Вы думаете именно так? — Откинув голову, она закатила глаза к гладкому звукопоглощающему потолку. — Та старая штука!

В первый раз с тех пор, как они оказались вдвоем в гостиной, Карденас пришел в замешательство.

— Ты хочешь сказать, что его организация не пытается создать такое устройство с твоей помощью?

— О, план-то такой есть, спору нет! — Он увидел, что она не создавала истинного источника начинавшей проскальзывать в ее голосе истерии. — Сегуро, план есть. Но и только. Чтобы построить хотя бы модели, нужно оборудование, которое стоит в Ливерморе, или Сандии, или Эльпасо-Хуаресе¹. Все это дело лишь уйма якка, и базарвисы, и гордо лордо² инженеров и техов, которых отец держит на жаловании. Она разве только не шипела. — А я жалованья не получала, потому что я его дочь, и мне полагалось просто помогать. По доброте душевной и из уважения к отцу. Уважения! Мерзкие старикашки, почти все они. И одна мерзкая старушонка. И их всех ненавижу!

— Успокойся, — сказал ей Карденас. — Тебе никогда больше не придется видеть их. Никогда. Я тебе обещаю.

— Вы? — Она окинула инспектора медленным взглядом с ног до головы, оценивая его характер, и он явно не произвел на нее впечатления. — Да вы просто тупой старый федоко. Вы отвезете меня назад и передадите Службе Защиты Детей или чему-то в этом роде и займетесь следующим делом. Мок меня вернет меньше чем за месяц.

— Нет, не вернет, — медленно покачал головой Карденас. — Мы собираемся включить тебя в Защиту Свидетелей. Ты и рядом не увидишь обычных сотрудников СЗД. У тебя наступит новая жизнь. Гарантирую. Отец даже найти тебя не сможет, несмотря на весь кранч, какой ему удастся купить. Мне жаль, что все пошло так. Ты не заслуживаешь

¹ В Ливерморе и Сандии даже в наше время находятся крупнейшие центры ядерных исследований, занимающиеся, в частности, разработками лучевого оружия.

² Gordo lordo — здесь, большой треп (исп.)

того, чтобы твою жизнь выворачивали наизнанку, когда она едва только началась.

— Откуда вы знаете, чего я заслуживаю? — открыто бросила вызов она. — Может, я скверная девчонка, достойная дочка своего папеньки. Может, я этого заслуживаю. — Она обмякла, осев на подушки. — Может быть, мне следует просто вернуться к нему и делать то, чего он от меня хочет.

Карденас подался вперед так резко, что поразил ее.

— Не говори этого! Не думай такого. Ты человек и личность со своей собственной жизнью, которая только-только началась. И она может быть хорошей жизнью. Ты не фелеон. Не «скверная девчонка». Я знаю. Это я умею определять.

— Да? — Так и капавший с ее языка сарказм приводил в замешательство своей взрослостью.

— Я интуит, Катла, — понимающе улыбнулся он. — Ты знаешь, что это означает?

Она чуть расширила глаза и посмотрела на него немного иначе, как смотрели столь многие люди, узнавая эту особенную и значительную правду.

— Правда? В самом деле? — Он кивнул. — Никогда раньше не встречала интуита. Разумеется, я знаю, что это такое. Вы действительно можете прочесть мысли людей?

— Нет, — устало вздохнул он. — Это всего лишь уличный миф. Зато могу посмотреть на человека, изучить его, поговорить и сказать о нем немного больше, чем способен другой. Делая это здесь, сейчас, с тобой, я могу определить, что ты не дурной человек. Ты заслуживаешь жизни, какой была лишена до этой поры, и определенно не заслуживаешь вынужденного возвращения к отцу.

Она вцепилась в его слова, словно застрявший под водой аквалангист, которому дали еще один баллон с воздухом.

— Вы действительно думаете, что сможете спрятать меня от него?

— У СФП есть ресурсы, о которых не знают даже те, кто на нее работает, — кивнул он. — Но чтобы воспользоваться ими, ты должна вернуться со мной и моим напарником в Штаты. Вернуться на Полосу.

Она понимающе кивнула.

— По крайней мере, я смогу наверстать упущенное, посмотрев те виты, которых здесь не увидишь. И порыться в настоящем ящике. А может, и повидаться с некоторыми из друзей.

Карденас не собирался ей лгать. Если она поймает его хоть на одной лжи, то навсегда перестанет доверять ему, он это чувствовал.

— Насчет этого не знаю. Надо будет посмотреть. Значит, ты вернешься с нами?

— А что мне еще делать? — пожала плечами она. — Остаться здесь я не могу. Никак не могу без — без...

Это постоянно нарастало с той секунды, как она присела на кушетку. И теперь полились слезы, частые и обильные, сопровождаемые глухими тяжелыми рыданиями. Он позволил ей упасть к себе в объятия и прижал к своей груди так же крепко и надежно, как привлек бы родную дочь, если бы она у него была. Отчаянно вцепившиеся в него руки девочки были удивительно сильными.

«Что сказать ей, чтобы помочь перестать плакать?» — гадал он после того, как прошло несколько бесконечных минут неудержимых рыданий. Что-то, направляющее ее мысли в иное русло, способное заставить ее сфокусировать свое внимание на чем-то другом.

Он мягко освободился от ее рук, хотя остался в пределах досягаемости.

— Объясни мне кое-что, Катла. Если механизм квантовой кражи не более, чем болтовня и теория, то почему отец так стремится вернуть тебя?

Вытирая глаза тыльной стороной обеих рук, она несколько раз шмыгнула носом и попыталась переключить внимание на неожиданно сочувствующего старикана. И вдруг внезапно улыбнулась.

— Извините. Я... — Девочка ткнула пальцем, и почти показалось, что она может рассмеяться. Почти. — Я насквозь промочила вам усы.

Подняв руку, Карденас пощупал свой вислый ус. Тот попытался ее слезами и... другими жидкостями. Выражение отвращения, в котором сморщилось его лицо, было отчасти искренним, отчасти рассчитанным. К его удовлетворению,

оно спровоцировало желанную реакцию. Улыбка ее расширилась, и она продолжила вытирать глаза.

— Вы действительно не знаете, да? Разве мама не сказала вам?

— Действительно не знаю, — признался он, подняв край рубашки, приоткрывая слегка волосатый живот и пытаясь вытереть лицо тканью.

— Я не просто техант, а еще и мнемоник. Отец, Мок, никому другому не доверяет. Никогда никому не позволяет сблизиться с ним. Даже маме не позволял. Но мне... — Голос ее грозил снова сорваться, надломленный воспоминаниями о покорном несчастливом детстве.

Говоря едва ли громче, чем успокаивающим шепотом, Карденас мягко побудил ее продолжать.

— Неважно в чем дело, Катла. Я пойму. — Протянув руку вперед, он осторожно приподнял указательным пальцем ее подбородок. — Посмотри на меня. — Ее темные, слишком рано повзрослевшие глаза снова встретились с ним взглядом. — Ты ведь знаешь, что я пойму, не правда ли? — Никакого кивка в знак молчаливого согласия не последовало, но она вновь обрела голос.

— Отец... Мок хочет вернуть меня, потому что... — Она уставилась в пространство, глядя то в одну, то в другую сторону. — Он называет меня своей «маленькой кудрявой моллисферой».

Карденас моргнул.

— Не уверен, что понял. Ты запоминала для него какие-то вещи?

Теперь она кивнула-таки, взмахнув черными волосами при энергичном движении головы.

— Не просто некоторые вещи. Все.

Услышанное ошеломило инспектора.

— Под словом «все» ты имеешь в виду?..

Сидящая с серьезным лицом девочка коснулась пальцем лба.

— Весь его бизнес прямо здесь. Я знаю, что не понимаю всего. Может, оно и к лучшему. Но все, что мне сказали или показали, я храню в памяти. Имена, места, люди, сделки, время, даты, цифры. Много-премного цифр. В основном ка-

сающиеся денег, но также и иных вещей.

— Сделки, — пробормотал себе под нос Карденас. — Какого рода сделки?

— Не могу сказать, — покачала головой она. — Отец говорил, что если я кому-нибудь скажу, то это сделает меня соучастницей в том, о чем расскажу.

— Катла, — прошептал ей Карденас самым серьезным тоном, какой только мог выдать, — ты двенадцатилетняя девочка. У тебя только что убили мать. Ты не сделала ничего дурного и виновата лишь в одном — у тебя оказался не тот отец. Клянусь, ничто рассказанное мне не сделает тебя соучастницей ни в чем. Ты лишь запоминала разные вещи. Факты и цифры. Как книга или молли. Разве может книга быть соучастницей?

Девочка заколебалась.

— Полагаю, не может. Думаю, нет. — Лицо ее приобрело слегка мечтательное, отстраненное выражение, когда она принялась рассказывать, без всякого порядка, о куче тех «сделок», которые ее вынудили занести в память.

По мере того, как инспектор слушал ее воспоминания, волосы у него на голове вставали дыбом. Старательно сохраняя на лице нейтральное выражение, он выслушивал отчет об ужасах и правонарушениях, которые заставили бы обычного ребенка двенадцати лет дрожать от страха. Катла же, казалось, не была ни в малейшей мере обеспокоена. И это заставляло его гадать, много ли из изложенного она действительно понимала.

В конечном итоге, она вернулась оттуда, куда перенеслась, явно ничуть не пострадав от самонаведенного транса.

— Этого достаточно? Рассказать еще? — Она могла с таким же успехом описывать содержание любимых вит-шоу прошлой недели.

— Нет, Катла. Все отлично. Скажи, ты знаешь, что такое «мероин»? — Она покачала головой. — А как насчет «семидесятого калиберна»?

Она наморщила нос.

— Думаю, что первое — какое-то лекарство. А другое, наверное, какая-то машина?

— Это имеет отношение к определенному типу пистолета, — уведомил он ее, ничего не утаивая. — А первое... Не важно. — Она не переспросила его, а он предпочел не возвращаться к обсуждению.

Не удивительно, что Мок так отчаянно стремился восстановить свою опеку над дочерью. Лучше любого спиннера, или голком-контроллера, или пара-сайта, она была ходячей говорящей дышащей граммой. Той, которую он мог вызвать в любое время, чтобы подтвердить детали деловой операции, или привести статистику, относящуюся к предыдущей сделке, или выдать историю и личные характеристики друга, врага или случайного торгового партнера. В своем невинном, доподростковом мозгу она носила детали всего его незаконного бизнеса. «Каким преимуществом была бы такая информация для какого-нибудь конкурента!» — сообразил инспектор. Теперь он получил объяснение внезапной живой заинтересованности в девочке, проявленной такими, как инзини и озерники.

В отличие от ящика или молли, к ней не могли подступиться никакие хакеры, не существовало никаких электронных или дистанционных средств доступа к хранившейся у нее в памяти информации. Двенадцатилетнюю «кудрявую моллисферу» Мока не могли испортить с помощью вируса или скопировать с помощью сканера. Ее даже нельзя было заставить свидетельствовать против него в суде как члена семьи.

Но это не означало, что она не стала бы этого делать. Любые остатки дружеских чувств, какие она могла испытывать к отцу, вероятно, погибли с насильственной смертью ее матери.

— Я не хотела этого делать, — говорила между тем она. — Сперва это было довольно забавно. Вроде как пофасонить, доказать, что я это могу. А потом мне это надоело. Но папа все настаивал. Поэтому я продолжала этим заниматься. Для меня это не составляло труда. Когда я стала старше и начала понимать кое-что из того, что он велел мне запомнить — не такие слова, о которых вы недавно меня спрашивали, а другие вещи, — то сообразила, что они связаны с очень скверными делами, муй мало. Но отец, он... — Она помолчала, беря себя в руки. — Не важно. Мне не нравится об этом думать.

Он заставил меня продолжать заниматься этим. Заставил! Маме я не рассказывала. Думала, если она не будет об этом знать, то отец ничего ей не сделает. Когда она меня спрашивала, чем я занимаюсь с ним и его друзьями, я ей врала, говорила, будто это связано с проектом квантовой кражи. А потом она пришла ко мне однажды ночью, очень поздно, когда я уже спала, и велела мне проснуться и одеться. Я не понимала, что происходит, пока не села с мамой в машину и не увидела мистера Бруммея. Мы уехали. Сбежали. — Она опустила взгляд на сжатые руки. — Но от Мока нельзя убежать. Именно это постоянно твердил мне отец. «От Мока никому не убежать». И он был прав, прав, и теперь мамы больше нет, а я одна, и что мне теперь делать? — Когда она уткнулась лицом в ладони, слезы полились вновь. — Куда мне теперь деваться? У меня никого нет.

— Ни дядей, ни тетей, ни кузенов?

— Если они у меня есть, — произнесла она сквозь рыдания, — то я не знаю ни как их зовут, ни где они живут. Мама никогда не упоминала мне ни о каких родственниках. Может быть, она не хотела, чтобы я говорила с ними, так как это могло навлечь на них неприятности. От Мока.

Поднявшись с кушетки, Карденас пересел к ней. Когда сильная рука обняла ее за плечи, она позволила себе прильнуть к нему. С виду она ничуть не походила на человека, держащего в голове всю историю и анналы всемирного преступного синдиката.

Он подождал, пока она не успокоится, дав выплакаться ему в жилетку. Затем он выпрямился, крепко взял ее за плечи и посмотрел в глаза.

— Ты будешь в безопасности, Катла. В безопасности, и окружена заботой. Я сам позабочусь об этом. Ты сможешь начать новую жизнь, с новыми друзьями, в ином месте. И в конечном итоге ты вырастешь, заживешь нормальной жизнью и сможешь многое позабыть.

Все еще тяжело дыша, она безразлично пожала плечами.

— Может, вы и правду говорите. Может, именно так все и будет. Не знаю. Это не имеет значения. Мамы больше нет, так что это не имеет значения. Мне... мне хотелось бы вам верить, мистер Карденас.

Он улыбнулся и уселся чуть прямее.

— Я же тебе сказал: зови меня Анхелем. Или произноси мое имя на английский лад, Энджел¹, если тебе так больше нравится.

Она невольно улыбнулась.

— Что бы ни произошло, забыть я не смогу. Я не в состоянии ничего забыть. Мне никогда не удавалось. Я не умею.

— Эй, вы, — раздался голос у них за спиной. — Как там все идет?

Карденас оглянулся на озабоченного сержанта.

— Справляемся, Фредозо. Думаю, скоро закончим. — Рослый федерал кивнул и закрыл дверь.

— Кто это? — Катла посмотрела через плечо инспектора. — Ваш друг?

— Мой напарник. Сержант Фредозо Хаяки. Он хороший человек. Когда мы вернемся на Полосу, я поручу ему отвезти тебя, чтобы встретиться с людьми, которые помогут тебе начать новую жизнь. — Он вопросительно посмотрел на нее. — Если ты не будешь против.

— А почему этим не можете заняться вы, мистер... Анхель? Вы сказали, что лично позаботитесь обо мне. Мне думается, что я смогу полюбить вас.

Этого было достаточно. С груди Карденаса словно сняли тяжкий груз.

— Я буду там, буду с тобой каждый миг, какой смогу выкроить. Но так как я инспектор СФП, есть и другие дела, с которыми никому не справиться кроме меня. Я буду навещать тебя как можно чаще. А когда не смогу, за тобой приглядит мистер Хаяки. — Он ободряюще улыбнулся. — Фредозо тебе понравится. Он всем нравится. Это просто большой плюшевый медведь.

Настроение ее впервые чуть поднялось.

— Мне он напоминает Соронга.

Карденас подавил смех.

— Ну, теперь, когда ты упомянула об этом, мне и самому начинает так казаться. Обязательно говори ему об этом при всяком удобном случае. Думай о нем, как о своем защитнике. Все что тебе понадобится, можешь попросить у него. —

---

¹ Как в английском, так и в испанском варианте это имя означает «ангел».

Он поднялся с кушетки. — Ты отправишься с нами, Катан? Позволишь нам помочь тебе?

— Почему бы и нет? — Встав, она почти не уступала ему в росте. — Я уже сказала, что мне здесь нечего больше делать. Меня тут ничто не удерживает. Так что я вполне могу отправиться с вами. — Ее тон, выражение лица и даже поза так и излучали ненависть и вражду. — Да все что угодно лучше, чем возвращаться к папочке и его леперо друзьям.

Успокаивающе положив ей руку на плечи, Карденас повел ее к дверям.

— Ты хотела бы увезти что-нибудь с собой?

Она резко покачала головой.

— Я ничего не хочу отсюда брать. Не хочу вообще вспоминать это место.

— Ни одежды, ни личных вещей, ничего? — перечислил он.

Она посмотрела на него.

— Если у СФП есть деньги на то, чтобы позволить мне начать жизнь заново, то, возможно, она сможет купить мне какую-то новую одежду? — Она проявляла признаки возвращения к жизни. — Я помню кое-какие туфли, которые видела еще в Ольмеке. Черные, с порхающими каблуками. Конечно, в Ольмек мне, полагаю, вернуться нельзя, но...

— На Полосе полно магазинов, — похлопал он ее по плечу. — Даже я знаю, что девушка не может купить туфли по ящику; их же надо примерить.

Она кивнула. На ее лицо возвращался румянец.

— Если есть нужный сканер, можно сделать и виртуальную примерку, но это не скажет, каково будет ходить в них. Для этого пока нет сима.

— Ты же техант. Может, тебе удастся такой изобрести.

— Было бы забавно поработать с туфлями. Понимаете, если есть всего лишь небольшая активируемая чувствительная платформа, которую можно соединить с виртом, и суметь вычислить алгоритм, который позволит тебе компенсировать различия в массе клиента, то можно...

Слушая ее бессвязный хаотичный монолог о женской обуви, чувствительных к давлению спиралях и анализаторах распределения массы тела, он все более осознавал, какую замечательную будущую молодую женщину им предстоит

сопровождать обратно в Ногалес. Дай ей немного подрасти, дай немного мира и покоя, подобающее образование, и перед ней раскроется великолепное будущее. Новая личность защитит ее от таких, как инзини и озерники. Требовалось лишь гарантировать, что она не станет снова молли Мока. А лучшим способом достичь этого было удаление ее из уравнения индивида, который отчаянно хотел ее вернуть.

Как только они окажутся в безопасности на Полосе, преисполненный решимости Анхель Карденас собирался, как и обещал Катле Моккеркин, лично позаботиться об этом деле.

14

Это означало массу звонков с просьбой об услуге. Означало необходимость много часов манипулировать как частным, так и департаментским кранчем, таращиться на вит-экран, пока глаза, казалось, не начинали самостоятельно вращаться у него в голове. Когда ему удавалось выкроить время, он навещал Катлу Моккеркин. По каким-то не вполне понятным причинам, его присутствие успокаивало ее куда лучше, чем это получалось у Хаяки и представителей Службы Защиты Детей при СФП. Но он ничуть не возражал. Проводить время с этой не по летам развитой вдумчивой девочкой было одинаково приятно им обоим.

Так как конструирование для Катлы совершенно новой личности, способной выдержать самые тщательные поиски, требовало времени даже для специалистов из СФП, ее поместили в расположенной в районе Ногалеса резиденции, находящейся под круглосуточной охраной. Поскольку она согласилась помочь им найти улики против отца, необходимость гарантировать ее безопасность была больше, чем когда-либо. Учитывая это, ее среду обитания старались сделать все же как можно более будничной. Памятуя о ее прошлом и о том, через что ей уже пришлось пройти, все, от федералов до психунов соглашались, что чем более заурядным будет непосредственное окружение девочки, тем лучше будет для ее здоровья и благополучия. Поэтому, когда она иной раз

выбиралась на одобренные экскурсии, обычно в развлекательный центр или торговую галерею поглубже на Полосе, то ее сопровождал только один сотрудник службы защиты. И то время как Хаяки выписывал петли, следуя за этой парой, двое-четверо других переодетых федералов топали следом за ними, бдительно высматривая все неожиданное, необычное и потенциально опасное.

Ничего не происходило. По просьбе озабоченной охраны, Катла с удовольствием перекрасила волосы и изменила прическу, а также пользовалась другой косметикой с целью выглядеть старше и надевая специальную обувь, делающую ее выше ростом. Но она категорически отказывалась надевать особый набрюшник даже для простых прогулок. Услышав об этом, Карденас улыбнулся. Можно сколько угодно менять внешность девушки, покуда та считает, что это делает ее более привлекательной. А вот такой вариант, как наложение слоя искусственного жира, начисто исключался.

Как и любой находящийся в подобном положении, Мок не имел склонности задерживаться подолгу в каком-то одном месте. Владея множеством тщательно подготовленных резиденций как в Севамерике, так и за границей, он часто переезжал с места на место. Делалось это как для присмотра за своими предприятиями, так и с целью помешать соперникам и блюстителям порядка успеть сфокусироваться на его деятельности.

Прошло почти три недели после возвращения двух федералов с надежно опекаемой ими Катлой Моккеркин из глубин тропического леса ЦАФ, когда сидевшему у себя в закутке Карденасу пришло сообщение, что Исследовательский Отдел точно определил место, которое его сотрудники сочли самым сердцем противозаконных владений Мока. С нетерпением изучая информацию, парившую в туннеле ящика над столом, он лишь слегка удивился, увидев, что центр паутины располагался не на одном из моковых изолированных аванпостов в Турции и Кайкосе, или на Кубе, или Эспаньоле, или в Нуэва-Йорке, а на самой Полосе. Старая поговорка о спрятанном у всех на виду снова оказалась верна.

Покуда Мок вамосил по свету, оперативный центр его операций оставался в самой середине его владений. Хотя

никто не мог сказать наверняка, находится ли в настоящее время сам Клеатор Моккеркин в своем нервном центре, анализ передвижений этого субъекта указывал, что, судя по его истории, тот, вероятно, будет пребывать в указанном месте два месяца.

Карденас спешно сверился с календарем. У него оставалось десять дней.

— Не думаю, что это хорошая мысль.

Пэнгборн стоял, придерживая одной рукой дверцу патрульного автомобиля. Вокруг них бурлил деятельностью гараж Ногалесского Центрального. Были въезжающие и выезжающие патрульные машины, сновали взад-вперед машины спецобслуживания, эхом отражались от подвальных стен крики федералов и вспомогательного персонала, да порой общий гам перекрывали, а потом снова тонули в нем ругательства и вспышки волнения. Шум внутри, как и на самой Полосе, не прекращался круглые сутки.

Не застав капитана в кабинете, Карденас отследил его до подземного гаража. Сталкиваться с ним, когда тот собирался домой, было, вероятно, не лучшим способом добиться разрешения на задуманное инспектором. Но он не желал терять ни минуты.

— Я очень тщательно все продумал.

— Ты всегда все так продумываешь, Анхель, — закатил глаза Пэнгборн. — Но в данном случае меня волнует не это. Даже ты не можешь просто зайти в подобное место и попросить о встрече с боссом.

— Да не хочу я с ним встречаться. Я хочу арестовать его и привезти в участок.

— А, ну в таком случае, — отозвался с грубоватым сарказмом Пэнгборн, — это куда как облегчит дело! Это разом снимает все мои заботы. — Он пристально посмотрел на своего друга и подчиненного. — Я не хочу потерять тебя, Анхель. Ты самый лучший интуит, какого я когда-либо видел. А также замечательный партнер для игры в покер.

— Мне через несколько лет на пенсию, так что ты в любом случае потеряешь меня, вердад? — Он улыбнулся очаро-

ывающей улыбкой, подымая кончики замечательных усов вместе со щеками.

— Я предпочел бы не отправлять тебя на пенсию в связи с полной потерей трудоспособности. Или из-за чего-нибудь похуже. — Пэнгборн мог уклониться от разговора, скользя на водительское сиденье патрульной машины и закрыв за собой дверцу. И то, что он этого не сделал, было знаком уважения, которое он питал к инспектору — а также того, что он колебался. Карденас это чувствовал — само собой.

— Пока этого каброна не закатали куда-нибудь подальше, его дочь никогда не будет в полной безопасности. Чего бы там ни утверждала и ни делала Защита Свидетелей. Кроме того, — привел довод он, — даже если бы речь не шла о будущем невинной двенадцатилетней девочки, этого хомбера все равно следует изъять из обращения.

Пэнгборн разрывался на части. Посадить за решетку такого, как Мок, ничуть не повредило бы его послужному списку.

— По крайней мере, возьми с собой Хаяки.

— Это придется проделать соло, — покачал головой Карденас. — Если я отправлюсь с отрядом, то даже если ребята в нем привычны работать в штатском, слишком велик риск, что их узнают. Такие личности, как Мок керкин, всегдастораживаются, когда в их район прибывают необычные лица. Вот потому-то умные ребята и не живут в деловых густонаселенных районах. Слишком большой наплыв народа. Что же касается Фредозо, то он один величиной с целый отряд, и привлекает еще больше внимания. А вот я способен слиться с окружением. Я всегда умел это делать. Кроме того, я обычно могу определить...

— Как прореагируют окружающие тебя люди; да, да, знаю. — Пэнгборн пожевал нижнюю губу. — Ты можешь и не застать его. Исследовательский Отдел мог ошибиться, и он, возможно, ловит рыбу на Багамах или когерит где-то свою текущую позку.

Карденас красноречиво пожал плечами.

— Тогда я его не застану. Знаю, возможно и такое. Но мне хотелось бы попробовать. Ради девочки.

Шеф сдался.

— Знаю, что с тобой бесполезно спорить. Ты всегда можешь предвидеть все мои доводы. Это не значит, — добавил он строго (и больше для вида), — что я не могу приказать тебе не идти на операцию.

— Тогда мне можно затребовать транспорт?

— Полагаю. А то ведь знаю, придется иначе следующие десять дней слушать тебя, а здесь и без того хватает суматохи. Езжай, езжай. Катись отсюда. — Он неуверенно махнул рукой и занял наконец сиденье в своей машине. — Отправляйся в еще одну экспедицию, трать деньги Департамента. Все равно я вижусь с тобой, только когда тебе что-то нужно. — Положив ладонь на ручку дверцы, он поднял взгляд на глядящего на него удовлетворенного старшего полицейского. — А где, собственно, расположен этот преступный командный центр? Ты сказал, что он на Полосе.

— В Масматаморосе, — кивнул Карденас.

— Едва-едва в пределах нашей юрисдикции, — крикнул капитан. — Слишком далеко для трубы. Воспользуйся авиарейсом. Он прямо в Масмате?

— Не совсем. По словам выследивших его спецов, он на самом краю восточного конца, на воде. На искусственном архипелаге, который построили еще в тридцатые напротив берега Южного Падре.

— Это имеет смысл, — задумчиво кивнул Пэнгборн. — Легко заметить непрошенных гостей, два десятка путей бегства в случае нападения. Я как-то читал о нем. Сам там никогда не бывал.

— Вот потому я и должен отправиться туда один, — сказал ему Карденас.

— Хотел бы я сказать, что ты сумасшедший, да только знаю, что это не так. Об этом сказано в твоем личном деле. Береги себя, Анхель. Я хочу сам провозгласить все лучшие тосты, когда ты будешь уходить на пенсию. Если в итоге не уйду раньше тебя.

Карденас отступил, и Пэнгборн закрыл дверцу патрульной машины. Мощный гидроэлектромотор загудел, оживая, и машина плавно соскользнула с зарядной люльки. Инспектор глядел ей вслед, пока она не свернула и не исчезла в

машинном водовороте гаража. А затем круто повернулся и направился к ближайшему лифту.

Второй раз за два месяца ему пришлось заказывать билет на шатл.

Пока корабль снижался над Масматаморосом, ему еле-еле удалось различить сквозь покрывающую все дымку обширную торгово-промышленную застройку, которая покрывала плавный изгиб побережья Севамерики, словно бурые водоросли на зачерствевшей тортилье. Строгие меры по охране окружающей среды предотвращали выброс в атмосферу худших загрязнителей и токсинов, но не могли полностью ликвидировать промышленные отходы.

Обзор-то, черт возьми, безусловно поумерили, разочарованно размышлял он. Но это не имело значения. Он здесь не в отпуске.

Масмата была концом Полосы, крайней точкой, последней остановкой на линии индукционной трубы, тянувшейся через весь континент до отдаленной Санхуаны. За ее пределами расстился уже зеленовато-голубой Мексиканский залив. А в промежутке находился лишь огромный Порт-Изабель, чья углубленная и искусственно поддерживаемая в таком виде гавань соединяла этот самый восточный конец Полосы с остальной Севамерикой и миром.

Международный аэропорт Сиснерос был сооружен в изрядном отдалении от побережья, на севере основного коммерческого пояса и вдали от любой угрозы штормовой волны. Автомобиль быстрофазной индукции отвез его от аэровокзала прямо в центр Масматы, откуда он отправился на местном транспорте в Порт-Изабель. Покамест он не беспокоился о том, как бы его не заметили, и без труда сливался с толпами. Вот за пределами Порт-Изабеля, вне торгового центра Полосы, ему придется быть поосторожней.

Узкая песчаная коса, тянувшаяся на десятки миль на север в Техас и на юг вдоль побережья Тамаулипаса состояла, если судить по карте, из островов Северный и Южный Падре, а также тех, которые ограничивали большую лагуну Мадре с юга. На самом же деле эти полужидкие поднятия дна

залива представляли собой беспрестанно меняющийся лабиринт из неустойчивого песка и ила. Они были неоценимым даром природы в качестве преграды от гонимых ураганами волн. Охраняемые более ста лет в качестве пристанищ для отдыха и заповедников дикой природы, они могли похвастаться очень редкой коммерческой застройкой, за исключением самых северных и южных оконечностей.

Взрывная экспансия Полосы Монтесумы от Санхуаны на Тихоокеанском побережье и на восток вдоль старой границы между США и Мексикой, а затем на юг от Рио-Гранде до своего предела в Масматаморосе и в Порт-Изабеле. Истощив несколько десятков лет назад все доступные для застройки места на побережье близ Порта, многочисленные и нетерпеливые коммерческие круги объединились, лоббировали и в конечном итоге добились разрешения на строительство не на защищенном законами острове Южный Падре, а позади него.

В дно вогнали тысячи не поддающихся коррозии композитных свай и поставили стабилизируемые компьютером платформы. За песчаной косой поднялись одно за другим плавающие или фиксированные строения. Прямо за самим островом выросли дома и кодо от умеренно до очень дорогих, дающие своим обитателям доступ к водным путям Саут-Бея, Байя-Гранде и Мексиканского залива. За переживающим бурный рост жилым районом позволили расцвести торговой и экологически безопасной промышленной застройке. Позади нее ближе к материку проходил каботажный водный путь, оживленный более чем когда-либо, благодаря перевозкам на север продукции макиладор Полосы. Такая организация дела устраивала всех, кроме «зеленых». Но и те давно оставили попытки спасти что-либо, за исключением изолированных осколков первоначальной биосферы Полосы и перенесли свою борьбу в края с более восприимчивой обстановкой.

Обе бухты, устье Рио-Гранде и плотная застройка в регионе, известном под вольным названием Западный Падре, обслуживались колоритным набором больших паромов и маленьких водных такси. Холеные, высокоскоростные личные суда на подводных крыльях пересекали пути менее

быстроходных, но более маневренных амфибий на воздушной подушке и древних моторных катеров. Посреди этого вдохновенного судового хаоса с невероятным апломбом туда-сюда крейсировали кажущиеся самоубийцами владельцы прогулочных парусных яхт. А над всеми ними высились громадные туши грузовых и транспортных судов, плавающих под флагами десятка государств.

Посреди этого соленого южно-техасского варева Карденас дружески болтал с водителем своего катера на воздушной подушке и пытался не обращать внимания на тот судовой бедлам, сквозь который они в настоящее время продвигались, постоянно петляя. Инспектор никогда особо не увлекался морскими прогулками. Чем раньше взятое напрокат суденышко пристанет к Западному Падре №4, тем лучше для него. Он попытался скрыть свои чувства от водителя катера, чтобы у того не пробудилось любопытства в отношении одинокого путешественника среднего возраста, который, несмотря на затаенный страх перед водой, тем не менее собирался провести свой отпуск в плавающем отеле.

По этой же причине он изо всех сил постарался не демонстрировать чувство облегчения, когда катер плавно поднялся по причальному пандусу и свернул на пролетную улицу. Втискиваясь на свободное место в потоке местных водных машин, водитель заехал в подъездную ячейку избранной его пассажиром гостиницы. Карденас выбрал это жилище по буклету, ориентируясь на совершенно обыденные и все же достаточные удобства — и из-за близости к тому, что, по утверждению Исследовательского Отдела, являлось центром империи Мока на Полосе.

Из его номера открывался вид на ряд опрятных, но неопределенного вида кодо, которые занимали следующую к западу полосу искусственной территории. За ними, отделенные от туристического и жилого пояса водным протоком, располагались первые торговые и промышленные строения. Со своего балкона на третьем этаже инспектор не мог видеть здания, где, если повезет, трудился в настоящее время Клеатор Моккеркин. Мок, несомненно, узнал об убийстве обманувшей его жены вскоре после его совершения. И все следующие дни, вплоть до нынешнего, Моккер, несомненно,

пребывал в пароксизме досады из-за отсутствия сведений о месте, где находилась его дочь — его «маленькая кудрявая моллисфера», поправился Карденас. Та же надменная уверенность, которая натолкнула Мока на вверение истории и архивов всех его незаконных предприятий замечательному мозгу своей необыкновенной дочери, теперь, должно быть, причиняла ему невыносимый дискомфорт.

Хорошо, подумал Карденас. Он вспомнил почти обезглавленное тело Сурци Моккеркин. Пусть этот леперо помучается, пока Карденас не сможет задержать его по подозрению в найме убийц. Инспектор полагался на свое знание личностей такого типа, как Мок, которое позволит ему произвести арест. Мужчины и женщины вроде Моккеркина всегда пребывали настороже, ожидая нападения конкурентов или тяжеловооруженных блюстителей порядка. Но Моккеркин не может ожидать одного человека, да притом физически невзрачного. Обычно репутации человека, безжалостно разбирающегося со всяким, кто лез в его дела, вероятно, хватало, чтобы одинокие оперативники держались от него подальше.

Новенький спиннер, содержащий почти всю информацию, которая хранилась в его предшественнике лежал в чехле за пазухой Карденаса. Потребовалось меньше пяти минут на отгрузку нужных файлов из центрального хранилища СФП и полдня для оформления их в соответствии с личными требованиями владельца. В кармане брюк лежал голком. Под правой штаниной к голени был пристегнут прозрачный фликер. Заряженный мощными быстродействующими нарколептическими ампулами, он мог одним выстрелом завалить любого индивида и держать его парализованным до шести часов без ущерба для здоровья. Он и обойма из четырех шприцев были изготовлены целиком из прочного нейтрального пластика и композитов, делавших их невидимыми для металлодетекторов. Квадратный, размером с пачку стимстиков, он не возбуждал бы подозрений, если его изображение выдаст на экран ультразвуковой, рентгеновский или магнитно-резонансный сканер.

В другом внутреннем кармане его волнистого темно-бордового плаща хранилось более серьезное устройство. Сделанный из неметаллической и неэлектропроводной керамики,

шокер стрелял крошечными заряженными шариками на расстояние в двадцать метров. При контакте шарик мгновенно насыщал цель всей силой аккумулированного электрического заряда. А силы этой хватало, чтобы свалить на взнись даже такого великана, как Хаяки, и удерживать в таком положении около часа. На большем расстоянии ни от того, ни от другого оружия не было большого толку, но он отправлялся на операцию отнюдь не в качестве снайпера. Насколько он мог предвидеть, неизбежные столкновения произойдут в помещениях.

Другое снаряжение лежало в остальных карманах плаща и брюк. Талию под самым краем брюк стягивал тактический мед-пояс, содержащий полдюжины прижатых к коже крошечных прохладных сенсоров. Происходящий от своего чуть более мощного военного эквивалента, этот пояс был его самым ободряющим агрегатом, полевым госпиталем.

Как бы сильно ни стремился Карденас встретиться с человеком, о котором столько слышал и читал за последние три недели, чтобы арестовать его, инспектор заставил себя быть терпеливым. Этот затраченный на путешествие день был не пряженным, но не особенно длинным. Ему надо было поесть и хорошенько выспаться. Завтра он осуществит хранящееся в сверхоперативной памяти спиннера судебное предписание об аресте. Терпение, как он знал по долгому опыту, спасло жизни куда большему числу полицейских, чем любая огневая мощь.

Мимо проносились или проплывали высокоскоростные машины службы доставки и весьма вместительные туристические баржи. Они поздоровались с водителем нового нанятого им водного такси на слипе позади отеля. Быстрый взгляд показал, что водительница еще одного стоявшего тут такси не обращала ни малейшего внимания ни на путешественника, ни на своего более удачливого конкурента. Вместо этого она уткнулась носом в считыватель. По воде дрейфовали тусклые пятна масальсы.

Пусть и не на подводных крыльях, и не на воздушной подушке, этот катерок был привлекательным антиком, так же как и его водитель.

— Доброе утро, сэрьор. Куда вас отвезти? — Статный, покрытый густым загаром водитель бросил оценивающий взгляд на небо. — Неплохой денек для пляжа. Или вы предпочитаете Си-такеа Парк? Я слышал, что там сейчас мигрирующая стая гринд.

Воспользовавшись поручнем, Карденас осторожно спустился в катер.

— Нет, спасибо. Я здесь по делу. — Он кивнул за корму. — Спасибо, просто за угол.

Разочарованно бормоча что-то себе под нос в досаде на мелочного пассажира, водитель спрыгнул в катер и занял место за пультом управления. Утро выдалось погожее, и он свернул акриловый купол катера. Негромко фырча и подняв волну, катер попятился от слипа, остановился, а затем двинулся в узкий водяной проток.

Движение на противоположной стороне промышленной зоны выглядело куда более оживленным, чем в туристическом поясе, поскольку та выходила на каботажный водный путь и вспомогательный порт Лагуна-Виста в каких-то пятнадцати киломах. Большие пассажирские суда на подводных крыльях, курсирующие вдоль деловитого побережья залива, с ревом неслись на север в сторону Порт-Арансаса, Корпус-Кристи и Галвестона и на юг к Ла-Песке и Тампико. Огромные баржи на воздушной подушке, наполненные сельскохозяйственной и химической продукцией, курсировали по центру водного пути. Прогулочные суда и местный транспорт держались около берегов, стараясь избегать волн, поднимаемых более крупными судами. Движение по водному пути, конечно, не сплошным потоком, размышлял Карденас, но все же оживленное, как после полудня в Агуа-При, когда у дневной смены самый разгар работы.

Ночь и туман создали бы более подходящую атмосферу для вторжения. А вместо этого — яркий и резкий дневной свет Южного Техаса, да пятна бледной беловатой дымки по темно-сапфировому небу, походившей на диетический майонез на голубом маисовом хлебе.

Когда они приблизились к адресу, который он дал водителю катерка, Карденас еще раз проверил свое снаряжение. Это ведь был не Ногалес и не Нако. Он здесь

действовал переодетым в штатское. Опасаясь возможных утечек, ни он, ни его департамент даже не уведомили власти Масматы или Порт-Изабеля о его прибытии. И брошенный в голком призыв о помощи не пригонит в дни счета тактическую команду на вертушке. Он был предоставлен самому себе.

Такое происходило не в первый раз, и ему, пожалуй, нравилось подобное положение вещей.

Но это нисколько не умирало мотыльков, которые в настоящее время трепетали у него внутри. Внешне он выглядел, словно путешествующий бизнесмен, готовый нанести визит собрату-предпринимателю. Водитель водного такси определенно не почувствовал никакого несоответствия. Высадив своего клиента на невзрачном пассажирском причале, он снял с карточки Карденаса сумму гонорара плюс чаевые и отбыл, ворча на манер таксистов всего мира.

Оставшись один на плавучем причале, инспектор перключил внимание на возвышавшиеся у него за спиной здания. Слишком массивные, чтобы стоять на плотках, они покоились на небоящихся ураганов пилонах, вогнанных глубоко в дно водоема. Фундаменты из укрепленного бетона были залиты в сложную систему переплетающихся тросов из цветных металлов. За исключением помещенных на видном месте логотипов и адресов, эти коммерческие строения мало чем отличались друг от друга.

Цель его путешествия выглядела достаточно невинно: мешанина взаимосвязанных сборных металлических зданий, казавшихся и по отдельности, и вкуче ничем не примечательными. Белый, как яичная скорлупа, купол, венчавший самое высокое строение, защищал чувствительные антенны внутри от разрушительного действия погоды, но сам по себе едва ли возбуждал подозрение. Вся прочая коммерческая застройка щеголяла схожими защитными приспособлениями. А многие похвалялись и несколькими, похожими на бордавки из слоновой кости на панцирях спящих черепах.

Не было ни зубчатых стен, ни башен, ни бойниц, предназначенных для того, чтобы бдительные сотрудники службы безопасности поливали беспощадным огнем водный путь и пешеходные дорожки. Строение походило на обыкновенный

склад, покрашенный в зеленый цвет для слияния с естественным и искусственным окружением. На стене красовалось начертанное высокими белыми буквами из промышленного пластика название ТАЙИШ ИМПОРТ И ЭКСПОРТ. На первый взгляд, данное здание ничем не отличалось от десятков других, деливших с ним водный поток.

Простояв на причале минут двадцать, Карденас не увидел никого, кто бы входил в здание или выходил из него. Это не означало, что оно было заброшенным. Те, кто работал в нем, вполне могли быть заняты делом. Или же тут мог быть подводный вход, вне поля зрения проплывающих мимо судов, равно как и любых патрулирующих властей. Учитывая характер многих аспектов бизнеса Мока, Карденас ожидал подобного.

*Fortuna favet fortibus*¹, часто провозглашал философ Баркс. Стараясь быть готовым ко всему, инспектор направился к ближайшим видимым дверям. Остановившись перед углубленной в стену металлической дверью, которая была столь же непримечательной, как и остальное строение, он нажал на кнопку звонка. Сознывая, что его сканируют, он постарался принять как можно более непринужденный вид.

На звонок никто не ответил. Он попробовал опять, несколько раз, но без толку. То ли в настоящее время никто не наблюдал по монитору за этим входом, то ли наблюдавшие манкировали своими обязанностями. Отступив на несколько шагов, он изучил взглядом подымавшуюся перед ним рифленую зеленую стену. Расположившееся на коньке крыши трио чаек старательно игнорировало его присутствие. Немногие проделанные в глухой стене окна были длинными, узкими и располагались весьма высоко. Недостигаемо высоко.

Стараясь производить впечатление человека заблудившегося, одинокого и безвредного, он принялся обходить здание кругом. Обратная сторона ничем не отличалась от фасада, за исключением того, что выходила она не на открытую воду каботажного водного пути, а на стоящее напротив другое, более крупное промышленное строение, из которого доносилось гудение работающих механизмов. Западный Падре №4 отделяла от Западного Падре №5 узкая полоска воды, подобный переулку канал.

¹ *Fortuna favet fortibus* — Удача благоприятствует отважным (лат..)

С этой стороны имелась большая подъемная въездная дверь, размеры которой проектировались с расчетом на приличные габариты доставляемых грузов. Четверо рабочих при помощи крана с присосками выгружали с причалившей в канале челночной баржи пару больших упаковочных ящиков. Грубоватый нетерпеливый капитан баржи давал трудившимся на причале рабочим громкие, полезные и не всегда серьезные советы.

Сделав глубокий вдох, Карденас состроил самую деловую мину и подошел к рабочим. Сосредоточенные на выполнении задачи, те не обратили внимания на неброско одетого незнакомца. Инспектор с миг понаблюдал за их деятельностью, словно заинтересовавшийся турист, прежде чем обратиться к тому, кого он принял за старшего.

— Я ищу вашего босса. У меня спецдоставка из самого Ногалеса.

Ни вопрос, ни утверждение не вызвали у рабочего ни малейшего намека на подозрение. Сосредоточив все внимание на тяжелых ящиках, он ткнул большим пальцем через плечо.

— Внутри. Высокий парень в синей каске.

— Спасибо. — Карденас повернулся и вошел в главное здание. Его никто не остановил.

Он оказался в большом складе, освещенном свисающими с потолка лампами. Ящики и цилиндры аккуратно стояли на четко отмеченных поддонах или хранились в огромных судовых контейнерах. Погрузочные механизмы праздно стояли там, где их оставили, дожидаясь руководства.

Другие рабочие обоих полов занимались шунтением товаров или инструктировали роботов для выполнения различных задач. Все помещение пронизывала атмосфера спокойной деятельности. Большая часть сотрудников ходила в отлитых на заказ касках, защищавших головы от падающих предметов.

Карденас проложил себе дорогу к центру этой деятельности, останавливаясь иногда, чтобы спросить, как пройти, — пока наконец тот, кого он искал, не появился в поле зрения. Ростом этот человек не уступал Хаяки, но выглядел куда менее массивным. Пренебрегая депиляторами, он щеголял густой щетиной на темной коже. Глаза у него были такими же

черными, как волосы, а нос — выдающимся. В одной руке он держал небольшой коммерческий спиннер, жестикулируя им при разговоре с двумя рабочими.

Отвернувшись в сторону, Карденас сделал вид, будто внимательно разглядывает близстоящий цилиндр с ярлыком «Скоропортящийся Товар — Молниеносно Засушенные Фрукты» на английском и португальском. Когда происходящий у него за спиной разговор закончился, и двое рабочих ушли, он быстро двинулся к высокому мужчине в синей каске. Одна рука скользнула в карман к шокеру, а указательный палец лег на спусковой крючок.

Темные глаза перевели взгляд на него. На лице высокого человека проявилось любопытство, но не подозрение.

— Да, чем могу помочь?

— У меня спецдоставка из Ногалеса. — Рука его стиснула шокер. — Для Мока.

Черты лица высокого мужчины искажила искренняя озадаченность.

— Для чего?

— Не для чего, а для кого. Для Мока. — Что-то тут не так, понял Карденас. — Для Клеатора Моккеркина.

Явно сбитый с толку, высокий бригадир медленно покачал головой.

— Никогда о нем не слышал. Я Йогеш Чанай, бригадир дневной смены. Вы уверены, что этот парень здесь работает?

Замешательство бригадира, увидел Карденас, было откровенным и неподдельным. Это понял бы любой компетентный интуит, а инспектор был куда более, чем просто компетентным.

— Тогда мне нужно поговорить с вашим боссом.

— Здесь такого нет, — уведомил его без всякого негодования Чанай. — Днем во главе всего объекта стою я. — Сдвинув на затылок каску, он почесал лоб, обдумывая требование визитера. — Могу дать вам несколько корпоративных адресов в Нуэва-Йорке. Это поможет?

— Нет, этого не требуется. — На мгновение растерявшись, Карденас размышлял над своим следующим шагом. — Мне нужно сделать доставку этому конкретному парню. Мне сказали, что он работает здесь.

— Ну, — отозвался весельчак Чанай, — похоже, что кто-то направил вас не туда. — Он начал было поворачиваться, чтобы идти по своим делам, но остановился. — Слушайте, возможно, он работает в пристройке.

Карденас постарался выказать не более, чем сдержанный интерес.

— В какой пристройке?

— Внизу. Компания содержит пристройку для обработки данных. Для сбора сведений, исследований, такого рода дел. Ну знаете, пережевывание кранча? Не самое интересное занятие. — Он усмехнулся. — Я сам не большой поклонник сбора статистических данных. Никогда туда не спускался. Не видел почти никого, кто б входил туда или выходил оттуда. Как мне представляется, там все в основном автоматизировано. Как тому и следует быть. Никак не связано со мной и моей бригадой.

Инспектор благодарно кивнул.

— Полагаю, мне следует проверить и спросить.

— Можете попробовать. — Это Чанай сказал не очень-то ободряюще. — Только если там сегодня никого нет, вы не сможете войти.

— Полагаю, мне все равно следует попытаться.

— Идите через вон ту застекленную дверь. Там есть лифт, но без ключа вы не сможете им воспользоваться. Пожарная лестница слева. Нужно спуститься всего на два этажа. Каботажник здесь не так уж глубоко.

— Спасибо, — кивнул Карденас. Направляясь к указанной двери, он несколько раз незаметно оглянулся через плечо. На лице, как и в позе бригадира не отражалось никаких признаков тревоги или беспокойства. Похоже, он не обращал никакого внимания на передвижения визитера.

Замечания Чаная оказались столь же точными, как и указанное им направление: найденный Карденасом за застекленной дверью лифт не откликался на его требования. Равно как и непрозрачная поликарбонатная преграда, помеченная надписью «ПОЖАРНЫЙ ВЫХОД». Однако электронный замок поддался наконец одному из принесенных им компактных устройств. Спускаясь по лестнице, он прошел через вторую застекленную дверь и спустился по пластико-

вым ступенькам, стараясь ступать как можно тише. Внизу открылась еще одна дверь, ведущая в темный коридор. Потолочное освещение среагировало на его присутствие и вспыхнуло, озарив проход, тянущийся на восток, к скальной основе Южного Падре. Благодаря невидимым вентиляторам воздух оставался свежим и прохладным.

Осторожно двигаясь вперед, он прошел, наверное, метров тридцать по этому коридору с голыми стенами, мрачно сознавая, что за исключением потолка над головой и пола под ногами кругом нет ничего, кроме тепловатой соленой воды залива. Коридор закончился тупиком с тремя дверями. Держа руку близ шокера, он попробовал сперва открыть ту, что была слева. Дверь отворилась при первом же прикосновении, явив взору уборную с многочисленными кабинками. Вторая вела в кладовую со сваленным в беспорядке конторским оборудованием и запасами. Третья — перед третьей он заколебался. Проведя языком по губам, он наконец нажал на кнопку доступа. Подобно своим предшественникам эта преграда тоже без жалоб сложилась, открываясь внутрь.

Его встретило полдюжины старомодных письменных столов со шкафчиками по обеим сторонам. На столах стояли коммуникаторы и настольные процессоры, а на стенах висели не поддающиеся описанию картины. Одна стена могла похвалиться сносным головитом, походившим на питаемое снегами озеро высоко в Скалистых горах. Синтезированный солнечный свет бликовал на чистой голубой воде, а на прозрачных отменях плавала виртуальная форель. В противоположном конце помещения тихо гудела троица дорогих стандартных коммерческих трансляторов, которые действительно и без всякого человеческого контроля обрабатывали данные. Так же, как в уборной и кладовой, люди на рабочем месте отсутствовали.

Он попробовал получить доступ к одному из трансляторов. Система безопасности на нем стояла минимальная, и он проскользнул почти без усилий. Слишком легко. В нем, похоже, не содержалось ничего, кроме самых банальных списков и архивов, относящихся к бизнесу, которым занимались на складе у него над головой.

Выйдя, он постоял в коридоре и поразмыслил.

Этот филиал не имел смысла — если «Тайиш Импорт и Экспорт» не являлась законным бизнесом, в котором Мок не имел никакой доли. Тогда все усилия, затраченные им самими и сотрудниками Исследовательского Отдела, дали лишь ложную наводку.

Можно было многое говорить об удачных попытках прятаться под самым носом, да только, похоже, здесь ничего и никого не прятали. Кипя от злости, Карденас твердо решил провести самую тщательную инспекцию окружения, какую только мог выполнить любой федерал. Возвращаясь прежним путем, он приблизился к офису. Не найдя ничего порочащего, двинулся дальше в кладовую. Он не знал, сколько времени у него в запасе. Это по большей части зависело от того, вспомнит или не вспомнит своего визитера дружелюбный Йогеш Чанай и додумается ли поручить кому-нибудь проверить, покинул ли тот здание.

Поэтому он работал как можно быстрее, и его депрессия все нарастала. Каждая следующая комната оказывалась такой, какой и казалась. Прежде чем продолжить инспекцию, Карденас остановился, чтобы воспользоваться удобствами уборной. На небольшой служебной двери за последней кабинкой не было даже электронной дверной ручки. Засон поддался приложению силы. По другую сторону двери обнаружился чулан с полками, слева и справа доверху заваленными бумагой, дезинфектантом, мылом и другими чистящими принадлежностями. У одного ряда полок стояла пара древних швабр. Он начал было закрывать дверь, но заколебался. У задней стены полки отсутствовали.

Глупо, размышлял инспектор. Но у него оставалось немного времени, да и в любом случае осмотр уже почти закончен. Он повозился со скрытым под ремнем брюк служебным поясом, пока не нашел сумку с нужным инструментом. Без большого энтузиазма он провел по задней стене «Шлаг-сезамом». Ничего. Достигнув низа, он уже собирался отправить прибор обратно на пояс, когда пара индикаторов внезапно сменила цвет с красного на зеленый. Мигом напружинившись, сузив глаза, он принялся водить инструментом по полу близ основания задней стены. Зеленые огоньки загорелись ярче. Прибор приглушенно забибикал.

Аккуратно положив прибор на пол, он щелкнул парой рычажков на передней панели и отступил на шаг. Прошло тридцать секунд, после чего прозвучал щелчок. За ним последовало глухое механическое гудение.

Когда он сделал еще один шаг назад, пол провалился, а задняя стена откинулась вверх, открыв взору ярко освещенный пологий пандус, ведущий вниз. Снова положив правую руку на шокер, он двинулся по нему.

15

Хорошо освещенное помещение у основания пандуса выглядело просторным и тщательно распланированным, с низким, но не вызывающим дискомфорта потолком. Плоские стены темно-серого оттенка были лишены одушевленных картин и головита, украшавших офис уровнем выше. Отдельные ящики-узлы «Сува-Шива» мигали огоньками, а пол под ногами был мощным и прохладным на ощупь. На противоположном конце помещения виднелась обыкновенная дверь, а сбоку от нее — забранная зеркальным стеклом прорезь двухметровой ширины.

Движение. Слева. Выхватив шокер, он резко развернулся и пригнулся — только для того, чтобы расслабиться и провести тыльной стороной ладони по лбу, словно это могло стереть напряжение.

В поле зрения вкатилась пара одинаковых роботов-уборщиков высотой в полметра. Не обращая на него внимания, они принялись подметать и пылесосить вымощенный композитной плиткой пол. Спроектированные для уборки в офисах в разгар работы, они занимались своим делом в сверхъестественной тишине, столь же беззвучные, как пара механических гробовщиков.

С чувством облегчения он начал было выпрямляться, когда что-то другое заставило его обернуться. Что именно, он не мог определить сразу: может, интуиция, или не совсем уместный звук, или намек на тень. Анализировать было некогда. Резко развернувшись, он увидел пикирующий прямо

в лицо крылатый силуэт. В последнее мгновение он бросился в сторону. Спасли инспектора только необыкновенные рефлексы, отточенные десятилетиями службы в полиции, вкупе с полученной им уникальной тренировкой.

Чайка, одна из того флегматичного сидящего на крыше трио, что наблюдало за его высадкой на пассажирском причале, врезалась в пол у его ног, проехала по инерции несколько метров и вмазалась в стену. Обернувшись как раз вовремя, чтобы стать свидетелем этого столкновения, Карденас ожидал услышать, как ломаются кости, и увидеть, как летят перья. А вместо этого во все стороны полетели осколки пластика, металла и матового стекла, когда искусственный представитель *Laridae* разбился на множество кусков.

Настороженно поглядывая, нет ли тут еще каких-нибудь неожиданных новоприбывших, он подполз на четвереньках, чтобы изучить разрушенный аппарат. Сработали его чудесно, даже творчески. Голова, хотя и резко свернутая набок, в основном сохранилась, и расположенные за глазами щитками крошечные камеры слежения по-прежнему застыли в положении сканирования. Расколовшийся клюв раскрылся, и поэтому он увидел, что там находилось.

Из груды обломков раздался резкий металлический звук, и он поспешно отдернул руку. Занимавший то место, где у птицы должен находиться язык, растяжимый шприц чуть-чуть не угодил по пальцам.

Поднявшись, он с силой опустил правую ногу на дрожащую голову бывшей птицы и наступил на нее всем весом. Отлитые из тонко сработанного композита распорки и стойки шумно затрещали. Шприц, подобно жалю умирающей осы, беспорядочно тыкал, ища тело, в которое мог бы вонзиться. Ногу Карденас убрал, только когда уверился, что устройство окончательно сдохло, и только тогда шприц, почти с кисти руки длиной, перестал пытаться уколоть его.

Тяжело дыша, он настороженно огляделся кругом, переводя взгляд со стен на потолок, с открытой двери позади него, ведущей к входу-уборной, на затемненное стекло на противоположном крае помещения. Атака почти полностью застала его врасплох. Кому нужны охранники-люди? Они бросались в глаза, вызывали подозрение самым

своим присутствием, были потенциально подвержены подкупу, да и дороги. А кажущийся покинутым филиал оказался, в конце концов, не таким уж и покинутым.

Располагавшаяся выше компания «Тайиш Импорт и Экспорт» обеспечивала идеальную маскировку. Какое ж лучшее прикрытие центра противозаконных операций, чем законный бизнес, сотрудники которого совершенно искренне не ведали о незаконной деятельности, происходящей прямо у них под ногами? Это было все равно, что печатать фальшивые деньги в банковском подвале.

Его глаза продолжали внимательно осматривать противоположные углы помещения. Птиц было три. Как они, черт возьми, сюда проникли? Ему пришло в голову, что приносившие чистый воздух вентиляторы могли пропускать и еще кое-что. Кое-что запрограммированное находить дорогу по трубам и воздухопроводам. Находить дорогу — и убивать. Просачивающийся сквозь полосу темного стекла тусклый свет намекал на существование еще одной комнаты, доступ в которую давала единственная дверь. В помещении не наблюдалось никаких признаков движения, за исключением роботов-уборщиков. Неужели Мок и его подчиненные занимались своей работой только по ночам? Это в изрядной мере объяснило бы ту пустоту, в которой он оказался. Но это отнюдь не означало, что Мок оставлял свое главное место работы без присмотра, полагаясь в качестве защиты лишь на обманчивую реальность импортно-экспортного предприятия наверху. Об этом наглядно свидетельствовали лежавшие у его ног все еще потрескивающей грудой разбитые останки погибшего воздушного убийцы.

Стоя посреди помещения, он оставался слишком открытым для удара. Летящим убийцам предоставлялось много места для маневра. Нужно было найти лучшее укрытие.

Что-то подсказало ему, что не стоит пытаться выйти в коридор, ведущий на поверхность. Ведший в чулан и расположенную за ним уборную короткий пандус будет идеальным местом засады. Да и в любом случае, он пока не хотел уходить.

Постоянно поглядывая на выход, он быстро зашагал к задней двери. И чуть ли не сразу, как только он повернулся спиной

к выходу, оттуда пронеслась вторая копия чайки, вынужденная перевернуться на бок, чтобы ее крылья вписались в проем. Карденасу хватило одного взгляда, чтобы заметить полностью вытянутый шприц, нацеленный прямо на него.

Выхватив на бегу из кармана плаща шокер, он выстрелил, но промахнулся. Времени у него хватало лишь еще на один выстрел, прежде чем убийца с пустыми глазами доберется до него. И потому инспектор остановился, резко развернулся и упал на пол. Скользя по полу назад, он как можно лучше прицелился и выстрелил. Искусственная птица разразилась градом искр меньше, чем в метре от лица. Он вскинул свободную руку, отвернулся и почувствовал жар взрыва, когда чайка резко сделала вираж вправо и врезалась в пол позади него.

Тяжело дыша, с шокером в опущенной руке, он поднялся на ноги, чтобы проанализировать повреждения. Трепыхаясь и дергаясь, словно живое существо, искусственная чайка больше минуты источала искры и дым, прежде чем перестала бить своими композитными крыльями и застыла в неподвижности. Он поднял взгляд.

Никаких голосов не прозвенело. Роботы-уборщики продолжали выполнять свои запрограммированные обязанности, как будто ничего не произошло. Один такой уже подметал останки первой чайки. А в остальном помещении царил такая же тишина, как на дне морском, на котором оно и покоилось.

«А где же, — гадал он, осторожно двинувшись опять к задней двери, — третья птица?»

Хотя эта дверь могла похвалиться лишь обыкновенной пластиковой ручкой, без каких-либо видимых систем защиты, она не откликнулась на его попытки открыть ее, потянув на себя. С напряженным выражением лица, постоянно всматривая настороженным взглядом, нет ли где механических птиц, он сунул шокер в карман и достал компактный инструмент, который ранее применил для доступа к скрытой двери в уборной. Начав с верха двери, точно так же, как делал на задней стене чулана, он принялся медленно и методично водить прибором по двери. На сей раз он не станет пренебрегать проверкой пола.

— Привет, сынок. Что ты тут делаешь?

Перебросив «сезам» из левой руки в правую, Карденас неловко завожился, доставая пистолет, но при виде окликнувшего его слегка расслабился. Тем не менее, держал руку у груди, близ пистолета, делая вид, будто соскребает с плаща невидимую грязь.

У подножия пандуса, ведшего в чулан уборной, стоял старый человек. Слишком старый, мгновенно понял инспектор, чтобы быть Моком. Хотя в век синтоллагенных инъекций, эпидермального нейронного массажа и кожезаменительной терапии было затруднительно с первого взгляда точно определить чей-либо возраст, Карденас был уверен в том, что заставшему его врасплох человеку по меньшей мере семьдесят с лишним, а вполне возможно, и больше.

Инспектор также сильно удивился бы, окажись этот старик весом больше пятидесяти кило. Ростом он сильно уступал Карденасу. Характерные индейские черты сделали более резкими особенности его обветренного лица. Естественная обработка физиономий такого типа начиналась на раннем этапе жизни в маленьких деревнях, рассеянных по всему югу Севамерики. Вместо оружия или средств связи на служебном поясе на талии висели лишь принадлежности туалетного работника. А обе руки сжимали электростатическую метлу.

— Ищу кое-кого, — придумал наконец ответ Карденас.

Старик щелкнул рычажком на метле и принялся работать ей, методично водя туда-сюда в одном углу, иногда останавливаясь, чтобы убрать мешающий ему стул. Праздные ящичные терминалы и занятые роботы-уборщики не обращали на него никакого внимания, как и он на них. Добавляя в воздух бодрящий поток ионов, заряженные волокна метлы бесшумно всасывали пыль и мусор из щелей, трещин и прочих скрытых мест, которые пропускали отличавшиеся узким кругозором роботы-уборщики.

— Здесь никого нет. Давно уж не было. Вы-то, наверно, здешний, иначе не смогли бы найти вход.

Карденас не видел никаких причин развеивать это полезное заблуждение пожилого зрителя. И снова прибег к той же байке, которую преподнес бригадиру на складе.

— Совершенно верно. У меня спецдоставка из Агуа-При, для Мока. — И, поколебавшись лишь самую малость добавил, просто для полной уверенности. — Вы случайно не Мок, а? Это не какая-то хитрая личина? — Способный в большинстве случаев определить, лжет ему кто-либо или нет, он настороженно ожидал ответа зрителя.

Тот негромко рассмеялся.

— Я — Мок? С чего это ты взял? Полно, сынок; ты просто смеешься над стариком. — И сверкнул улыбкой, полной искусственных зубов. — Я Родриго. Занимаюсь тут уборкой.

Карденас многозначительно показал на деятельных роботов-уборщиков.

— А они чем тогда занимаются?

— Их тоже нужно чистить и ремонтировать. Они мне очень помогают, здешние владельцы, кажется, хотят, чтоб тут было как можно меньше людей. Но они не так хороши, как люди. Кое-какие места пропускают. — Он неуверенно покачал головой. — Не знаю, почему. Мне не помешала бы кой-какая немеханическая помощь, да и одиноко здесь порой становится. — На лице снова появилась улыбка. — Но платят хорошо. — И с этими словами вернулся к работе.

По-прежнему настороже на случай появления смертоносных летающих механизмов, Карденас прошел обратно к пандусу и посмотрел вверх. На него ничего не налетело, сверху не бросилась в атаку орава каких-нибудь матаро, охранных, ниндзя или еще кого-либо. И в уборной его тоже не поджидали представители инзини, озерников из Оз или любой другой недоброжелательной организации, желающие узнать, как продвигается дело, и, если успешно, остановить его. За исключением занятого уборкой старика и старательных роботов-подметальщиков, он был один в этом святой святых.

— Вы случайно не знаете, — осторожно спросил он, — где я могу найти Мока?

Прекратив подметать, пенсионер оперся на метлу и посмотрел на визитера.

— Полагаю, вы и правда не знаете. Да ясно, не знаете, раз пытаетесь что-то доставить лично ему. Серьор Моккеркин умер три месяца назад. — Старик наморщил лоб, пытаясь

вспомнить. — По-моему, три месяца тому. — И пожав плечами, продолжил подметать. — А может, и три с половиной.

Стоя в центре подводного командного центра, окруженный онлайнowymi пультами и многочисленными ярко горящими датчиками, Карденас уставился на зрителя, разинув рот. Ответ старика был, мягко говоря, совсем не тем, что он ожидал услышать.

— Что значит умер? Не мог он умереть.

— Все мы когда-нибудь умрем, сэрьор, — отозвался, не прерывая работы, Родриго. — Мне об этом сказала миз Ларримор, которая здесь работала. Мистер Моккеркин выходил из торговой галереи «Бразос» в Харлингене, сделав какие-то покупки. С ним шло еще двое сотрудников, когда в них врезался потерявший управление автобус. Мистер Моккеркин и еще один погибли на месте. Другой угодил в госпиталь. — Уборщик почесал реденеющие волосы с проседью. — Думаю, он скончался в прошлом месяце, но не уверен.

Мысли Карденаса бешено крутились в голове.

— А мистер Чанай, бригадир на складе наверху, знает об этом?

Зритель снова пожал плечами.

— Не знаю. Спросите у него. Я никогда не видел, чтобы люди, которые работали здесь внизу, и те, которые работают в импортно-экспортной фирме, общались друг с другом. По-моему, они из разных контор. Но точно не знаю. Я всего лишь уборщик. — Улыбнулся он непринужденно, заметил Карденас. — Подметаю тут.

— А как насчет других людей, которые работают внизу? — Инспектор показал на пустые кресла перед многочисленными пультами.

— Не знаю, сэрьор. Это не мое дело. Я не забиваю себе голову такими вещами. — Он принял задумчивый вид. — Полагаю, они работают, когда меня здесь нет. Или, может, им велели некоторое время не приходить, после того, как задавили мистера Моккеркина. Точно не знаю.

«Задавили», — Карденас поймал себя на том, что повторяет это слово. Не один месяц назад. Но это же бред! Это не имело ни малейшего смысла. Если Клеатор Моккеркин действительно погиб в результате несчастного случая на улицах

Харлингена, то кто же, черт возьми, столь яро руководил и последние несколько месяцев постоянными попытками похитить Катлу Моккеркин и кто продолжал охоту, приведшую к убийству ее матери?

— Может, кто-нибудь кроме вас появится здесь сегодня?

Родриго, похоже, начинал уставать от расспросов.

— Пожалуйста, сэрьор. Я не знаю. Вы, вероятно, знаете лучше моего.

— Ладно, — медленно кивнул Карденас. — Больше не буду вас беспокоить. Заканчивайте свою работу.

Родриго был явно благодарен. Карденас подождал, пока смотритель не закончит подметать пол и пылесосить тихо гудящую электронику. Приготовившись уходить, старик оглянулся на него, задержавшись перед пандусом.

— Вы собираетесь здесь ждать, сэрьор?

— Да, — уведомил его Карденас. — Да, думаю, я подожду тут еще немного, посмотрю, не явится ли кто. Если вы, конечно, не против. — И обворожительно улыбнулся.

— Да с чего мне быть против? — оттопырил нижнюю губу Родриго. — Это не мое дело. Я уборщик, а не сторож. — И начал подниматься по пандусу.

— Еще один вопрос, — окликнул его Карденас. Старик остановился и оглянулся. — Если то, что вы мне говорите, правда, и ваш работодатель умер, то почему вы по-прежнему приходите сюда и убиваете?

Старик поглядел на него терпеливым взглядом, как на ребенка.

— Потому, что когда я связываюсь со своим банком, деньги всегда на месте. Мне по-прежнему платят за работу.

Карденас не мог так этого оставить.

— Кто вам платит? Один из других сотрудников, кто-то, кого сейчас здесь нет?

Старая голова медленно мотнулась из стороны в сторону. Заметно уставший от бесконечного ряда вопросов, Родриго добавил в свой ответ нотку нетерпения.

— Опять же, сэрьор, не знаю. Я знаю лишь, что, когда проверяю свой счет, оплата там есть. И покуда это так, я буду и дальше выполнять свою работу. Пока кто-нибудь не велит мне прекратить, или до тех пор, пока не перестанут

выплачивать деньги. Я никогда особо об этом не задумывался. Полагаю, действует какая-то программа, которая автоматически платит мне. — Он снова покачал головой. — Я часто думаю, что кое-какие вещи были лучше в прежние времена, когда все было не настолько автоматизировано. — Он слегка поморщился. — У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

— Только один. — Повернувшись, инспектор показал на единственную оставшуюся дверь рядом с зеркальным стеклом на противоположной от входа стороне помещения. — А здесь что? Еще один чулан?

— Не знаю. Она всегда заперта. Меня никогда не просили убирать там, если вы об этом.

— Видели когда-нибудь, как кто-либо входил или выходил?

— Нет, сэрьюр. Не видел.

«А вот это, — размышлял Карденас, — уже интересно». А он-то мысленно уже махнул на старика рукой.

— Спасибо за помощь.

— Пожалуйста, сэрьюр, — кивнул смотритель. — Вы уж извините, но у меня это последняя работа за день, и я хотел бы теперь отправиться домой. — Повернувшись, он медленно поднялся по пандусу. После того, как он удалился, вход остался открытым.

Если Мок умер, упрямо размышлял Карденас, то, должно быть, его работу взял на себя кто-то другой. Какой-нибудь доверенный помощник или заместитель. Но кто? Он мог понять какого-нибудь подручного, сильно заинтересованного в проекте квантовой кражи, сколь бы эфемерными ни представлялись перспективы, не говоря уж о полном архиве организации Мока. И то, и другое объяснило бы постоянные попытки похитить Катлу. Но зачем доводить до успешного завершения отданный Моком приказ об убийстве из мести Сурци Моккеркин? Полоса Монтесумы — это вам не древняя Калабрия или Сицилия, или даже Москва. Современные преступники интересовались отсасыванием кранча и кредита, а не продолжением личных вендетт другого субъекта. Сколь бы ни был предан своему бывшему хозяину его заместитель, Карденас

не видел для подчиненного никакого резона заключать контракт на убийство, в котором у него или у нее нет ни какой личной заинтересованности.

Если, конечно, Сурци Моккеркин не подстраховалась, флиртуя еще с кем-то из подручных Мока кроме несчастного Уэйна Бруммея, а потом оставила их в трудном положении наряду со своим покойным мужем.

И все равно тут что-то не складывалось. Каждый раз, когда он создавал основанный на известных ему фактах новый сценарий, тот сразу же рушился из-за очевидных изъянов внутренней логики. Единственной возможностью решения этой головоломки было приобретение дополнительных данных. И помышление, в котором он сейчас находился, выглядело безусловно подходящим местом, где можно начать их искать.

Размышляя, как и где лучше всего приступить к этому делу, он не переставал настороженно поглядывать на выход. Если старик не был величайшим актером, какого Карденас когда-либо встречал за долгую службу в полиции, он был лишь простым уборщиком, каким и назвался. Тем не менее, на случай, если старик терпеливо дожидался, когда у непрошеного гостя иссякнут вопросы, чтобы поднять тревогу, Карденас периодически подходил к пандусу проверить подход со стороны чулана.

Инспектор пристально глядел на тянущиеся вдоль стен подводного помещения многочисленные рабочие места. Которая моллисфера вероятней всего поддастся зондированию? Какого рода ловушки он мог встретить? Ему уже доводилось заниматься подобными вещами. В последний раз ему поручили прозондировать корпоративный ящик главного научно-исследовательского накопителя информации «Джен Дайна» в Агуа-При. Выходки ящика неизбежно чреваты коварными сюрпризами. Невозможно, чтобы в подобном месте какая-либо из молли или главный ящик будут работать без интегрированной защиты.

В конечном итоге, когда он заподозрил, что защиты все-таки нет, его мысли снова вернулись к двери напротив входа и к тому, что могло скрываться за ней и окном с толстым зеркальным стеклом. Если там не более, чем простой чулан, то зачем запрещать входить смотрителю,

которому и так уже доверили ключ-код к этому изолированному помещению?

Проверка, вероятно, займет всего несколько секунд. Наряду с дверной ручкой имелась и маленькая вертикальная щель, предназначенная для приема бесхитростного кодового ключа. Он снова снял с пояса «сезам», накрыл им щель, щелкнул рычажком, включая прибор и подождал. Менее чем через тридцать секунд прибор установил комбинацию и применил ее. Раздался щелчок. Снова потянув за дверную ручку, он обнаружил, что дверь легко открылась.

Слишком легко.

Перед его взором предстала небольшая прихожая площадью примерно в два квадратных метра. В ней стояли пара шкафчиков, маленький холодильник, а на стене красовался маленький головит, показывающий крытый розовой черепицей дом в тропическом окружении. В головите медленно восходила луна, отбрасывая золотистые блики на протекающий перед домом ручей. Непосредственно справа от Карденаса манила к себе еще одна искушающе приоткрытая дверь. Изгибаясь, но оставаясь в то же время вне прихожей, он обнаружил, что может увидеть очень немного через открывающийся таким образом проем.

Червячки и искусственная приманка предназначались для привлечения рыбы. Открытые двери неизменно притягивали любопытных людей. Он не собирался заканчивать свой путь загарпуненным и выпотрошенным, когда наличествовал столь явный крючок.

Внешне как будто ничто не препятствовало входу, и именно потому-то он и сдерживался. Изучив взглядом прихожую в течение нескольких минут, он повернулся и широким шагом пересек в обратном направлении помещение и поднялся по пандусу. Схватив пару старомодных швабр, которые приметил во время своего недавнего пребывания в чулане за уборной, он вернулся с ними к прихожей и снова встал перед только что отпертой им дверью. Та была приоткрыта, точь-в-точь так, как он ее оставил.

Отставив одну из швабр в сторону, он ухватил другую одной рукой за верх, а другой около нижнего конца. Держа ее вертикально, он забросил швабру в прихожую.

Последовала внезапная вспышка, после которой на сетчатке его глаз долго еще плясало множество остаточных изображений. Мгновенно разрезанные на части, четыре куса швабры с металлическим стуком попадали на пол.

Шагни он, не подумав, в этот закуток, столь же быстро, но куда более неряшливо, на пол упали бы четыре куса его тела.

16

Просвещенный таким способом, Карденас вновь принялся инспектировать этот безобидный на вид закуток.

Он обнаружил два из смертоносных устройств спрятанными в паре шкафчиков, одно скрывалось в передней дверце холодильника, а другое было искусно спрятано за окном изображаемого в головите дома. Промышленные лазеры обычно обладали ярко-малиновым лучом, но эти, мгновенно превратившие швабру в мусор, снабдили на заказ особой оптикой, которая нейтрализовала их цвет, не влияя на эффективность. Заглянув в прихожую, визитер не видел ничего, но стоило шагнуть внутрь, как его разрезало на части, так и не давая возможности выяснить истину.

На глаза не попадалось никакой кнопки, ни для включения безвредного верхнего света, ни для куда менее безобидных оптических сторожей, охранявших вход в комнату за внутренним порталом. Предназначенный для избавления от мелких неудобств и получения доступа в запертые помещения и ящики, служебный пояс Карденаса не мог предложить ему ничего, чтобы управиться со столь сложной — и смертельной — сторожевой системой.

Посозерцав некоторое время этот пустующий закуток, он повернулся и снова проследовал через наружное помещение вверх по пандусу. На этот раз он не задержался и чулане уборной. Выбрав одно из двух больших стальных зеркал, установленных над раковинами уборной, и пустив в ход инструменты со своего пояса, он вскоре отковырнул зеркало от промышленной липучки, удерживавшей его на стене.

Вернувшись к прихожей, он осторожно отставил зеркало в сторону и взял оставшуюся швабру. Последовав в прихожую за первой, она подверглась той же участи, что и ее предшественница.

Зеркало создавало отражающий экран почти столь же высокий, как Карденас. Принесение в жертву второй швабры позволило ему запомнить, пусть и не идеально точно, углы, под которыми закуток пересекали крест-накрест лучи бесцветных лазеров. Сгорбившись, чтобы скрыть за зеркалом как можно большую часть себя, он медленно и осторожно двинулся в прихожую.

Раздалось единственное «бац», за которым последовал сильный запах горящей панельной обшивки. Продвигаясь вперед черепашным шагом, он пересек закуток, миновав тихо гудящий холодильник и пройдя под обманчиво успокоительным головитом. Ощувив спиной болтающуюся внутреннюю дверь, он толчком открыл ее, слегка споткнувшись, проходя утиной походкой через теперь уже не перекрытый портал.

Когда инспектор уверился, насколько мог, что находится вне радиуса действия невидимых сторожей, он выпрямился и отставил в сторону ниспосланное провиденьем зеркало. Отраженные стеклом лазеры прожгли пару малюсеньких дырочек в противоположной стене прихожей и еще две в потолке. Крошечные черные отверстия слегка дымились и сильно воняли, но он не видел пламени и не слышал звона пожарной сигнализации. В этом не было ничего странного. Любое столь важное место, как эта подводная цитадель, сооружали из негорючих и пожароустойчивых стройматериалов. Для того, чтобы сработала встроенная пожарная сигнализация, потребовалось бы нечто большее, чем малость дыма.

Комната, в которой он оказался, была тускло освещена. Слева от него всю стену занимал единственный головит с видом открытой пустыни. Когда он посмотрел на него чуть подольше, из-за расплывчатого кактуса выскочила ящерица-ядозуб и исчезла за камнем. Парящий в небе ястреб приглушенно заклекотал. Посмотрев направо, инспектор увидел наружное помещение с пустыми рабочими местами и ведущим в чулан уборной пандусом на противоположном конце, отчетливо видимые

сквозь высококачественное стекло с односторонней прозрачностью.

А перед ним находилось маленькое рабочее место с единственным удобным креслом и бездействующим ящичным туннелем. На пустом столе дожидался на своем рычаге голком. Никакой клавиатуры для ручного ввода не было. Под неярко светящимся туннелем, который, казалось, уходил в бесконечность, из стены высовывался равнодушный стеклянный глаз сканера. Держа зеркало из уборной, Карденас снова выставил его перед собой, когда приблизился к рабочему месту и уселся в кресло. На него ничто не прыгнуло, и кресло под ним не взорвалось. Удовлетворенный, но по-прежнему сохраняя бдительность, он внимательно изучил голком, прежде чем снять его с рычага. Это был «Пелуриндо-Амадо-24». Дорогой, многоязычный, но с относительно простым управлением, он предназначался для пользователя, который хотел получить лучшую технологию для голосового управления, но технологически не был особенно подкован. Активировав его нажатием кнопки, он поднес голком к губам.

— Открыть, — тихо прошептал он в осмотрительно снабженный фильтром микрофон.

Тусклый глаз сканера оживил внутренний свет, и изнутри туннеля раздалось слова:

— В доступе отказано. Требуется разрешение.

— Устное?

— Да, — уведомил его услужливый механический голос.

Карденас понял, что здесь требовалось справиться с более простой и менее смертельной проблемой, чем лазеры. Сняв с себя служебный пояс, он разложил его на столе, получив таким образом быстрый и легкий доступ к содержащемуся в нем. В то время, как важные промышленные молли и ящики обычно защищались многими слоями сторожевых систем, физически меньшие и менее значительные вспомогательные устройства — вроде голкомов — как правило, могли похвалиться куда менее сложными мерами предосторожности.

Достав из чехла спиннер, он включил собственный голком в надлежащее гнездо. И вызвал из накопителя спиннера операционный файл голкома. Копаясь при сборе сведений о Моке в общенациональном накопителе информации СФП и

Вашингтоне, Карденас отследил голосовой файл прослушиваемой линии, включавший в себя и пару безобидных фраз, произнесенных неким Клеатором Моккеркином, когда тот регистрировался лет десять назад в гаванском отеле «Четыре Сезона». Используя этот файл в качестве акустического образца, полицейские техники в Ногалесе успешно сгенерировали синтарим, который идеально подражал звучанию его голоса.

Как только спиннер шунтанул необходимый файл, инспектор приставил свой прибор к узлу снятого с рычага на столе. Немного продуманного жонглирования управлением, и синтарим был переден в местный голком. Убрав спиннер обратно в чехол и вернув собственный голком на его рычаг, он взял местный и повторил прежнюю команду.

— Открыть, — скомандовал он вновь. Если синтарим достаточно точен, и он сделал полный перенос, то голком, который он держал в руке, должен убедить находящуюся за стеной молли и соединенный с ней ящик, что к ним обращается если не самолично Клеатор Моккеркин, то кто-то с достаточно знакомым голосом, чтобы удовлетворить охраняющую грамму. Конечно, Моккеркин мог никогда и не бывать в этой комнатухе, и уж тем более не пользоваться здешним ящиком. Тот мог быть просто защищенным оборудованием, которым пользовался, скажем, его главный финансист. Но там, где применялся такой уровень тщательно продуманной физической маскировки и внутренней защиты, казалось разумным предположить, что лицо, стоящее на вершине иерархической лестницы должно, по меньшей мере, иметь возможность проверять работу подчиненных.

Или нет, пессимистически отметил он, когда голос ящика ответил:

— В доступе отказано. Требуется разрешение.

Он попробовал вновь, на случай, если синтарим передал в первый раз неточно. Результат вышел тем же. Поджав губы и наморщив лоб, он поискал объяснение.

— Введена ошибочная устная команда?

Ящик ответил без колебаний, искусственный голос отчетливо доносился из открытого туннеля.

— Устная команда принята. В визуальном разрешении отказано.

Инспектор уже с того мгновения, как уселся в кресло, подозревал, что все будет не так-то легко. Бормоча под нос что-то неразборчивое, он снова принялся за работу, доставая из чехлов на служебном поясе необходимое оборудование. Быстрый взгляд показал, что ведущий в чулан уборной вход оставался благословенно безмолвным и пустынным.

Прошло уже немало времени с тех пор, как ему в последний раз пришлось воспользоваться «хамелеоном». Достав из поясного кармана гибкую маску, он разложил ее на столе. После нажатия на вплетенную в обратную сторону кнопку активации, непрозрачный эпидермоид ожил. Он осторожно приложил маску к лицу и плотно прижал ее. Появившееся знакомое ощущение щекотки указало, что маска работает, деловито накладываясь на его черты. Ношение маски затрудняло дыхание, но не делало его невозможным. Когда «хамелеон» установился и был готов, то уведомил инспектора тихим писком.

Крутанувшись на вращающемся кресле, он повернулся лицом к сканеру и опять обратился в голком.

— Открыть.

Ящик без колебаний ответил:

— Устная команда принята. В визуальном разрешении отказано.

На этот раз он не испытал чувства разочарования. Именно такого ответа он и ожидал. Даже самому действенному «хамелеону» требовалось время на совершение своего оборотнического волшебства. Сделав на миг паузу, давая «хамелеону» обработать полученную информацию, он повторил требование. И опять получил отказ. И опять.

Каждый раз, когда он оглашал свое требование, стенной сканер направлялся на его лицо в попытке идентифицировать сидящего перед ним. И каждый раз имплантированные в «хамелеон» сенсоры отслеживали сканирование, преломляя свет из адаптера, покуда маска постепенно выстраивала топологию искомым самым сканером параметров. С каждым последующим неудачным запросом, эпидермоиду удавалось придать большую плотность постоянно трансформируемой

маске. Нано-двигатели в чувствительном материале выполняли тонкие подгонки формы, постоянно преобразая черты лица. Изменяемые линзы, через которые Карденас глядел на упрямую стену, изгибались в ответ на информацию, уловленную встроенным аналитическим инструментарием маски, когда та пыталась скормить ящику то, что тот хотел узнать.

Потребовалось девять попыток, прежде чем ящик наконец ответил:

— Устная команда принята. Визуальная команда принята. Сканирование сетчатки принято. Санционирование завершено. Добро пожаловать, одобренный визитер.

Он вошел. Поддерживающая туннель молли, а через нее и ящик, стали теперь доступны, хотя это не означало, что все хранящееся внутри внезапно превратилось в открытую книгу. Он на пробу вызвал архивы и содержание. Когда они появились в туннеле перед ним, перемещаясь и застывая в ответ на его приказы, он окидывал их взглядом полицейского, жалея что у него нет времени для записи всех подробностей. С дальнейшим анализом деятельности маленькой противозаконной империи Мока придется подождать, пока ей не займутся финансовые эксперты СФП. А в данный момент его интересовала только информация, относящаяся к смерти Сурци Моккеркин и продолжению попыток похитить ее дочь.

И так как инспектору не удалось выделить что-либо, прямо относящееся к этому делу, пришлось в конечном итоге прибегнуть к более прямолинейной вариации устного допроса.

— Сурци Моккеркин мертва, — уведомил он ящик. — Тебе известно об этом?

— Эта информация мной уже зарегистрирована, — сообщила ему молли, говоря из глубин туннеля. Холодный и лишенный эмоций, как каменистая равнина центральной Гренландии, голос добавил: — Данная конкретная грамма ликвидирована.

Карденас обнаружил, что ему хочется как можно быстрее избавиться от «хамелеона» и его облегающей лицо, насыщенной сенсорами упругости. Маска ограничивала обзор и создавала ощущение нервозности и неудобства.

— А как насчет попыток вновь завладеть Катлой Моккеркином?

— Эта операция проводится. По инструкции, если указанное лицо окажется невозможно вернуть, она должна быть ликвидирована для предотвращения возможного распространения засекреченных внутренних данных. Соответствующие инструкции были распространены.

По спине Карденаса пробежал холодок. Ну что за чудесным человеком был этот Мок! Чем больше он узнавал о покойном, тем лучше понимал, почему такая, как Сурри Моккеркин, рискнула погибнуть, лишь бы уйти от него. К несчастью, для нее риск этот оказался чересчур велик.

Если этот леперо не мог вернуть дочь, то собирался убить ее, лишь бы не дать хранящейся у нее в голове информации попасть в руки конкурентов или властей. Шикарное обращение с родной дочерью. Как с чипом памяти. С одноразовым чипом памяти.

— Я желаю прекратить данную операцию, выполнить не медленно.

— Указанная грамма может быть отменена только по получении определенной командной парадигмы, оттранслированной мистером Клеатором Моккеркином.

Тупик. Он попробовал подойти иначе.

— Через минуту я ее предоставляю. А пока будь любезен, предприми необходимые предварительные шаги к прекращению попыток возвращения.

Ящик категорически отказался — на вежливый, бесстрастный манер ИИ его типа.

— Указанная грамма может быть отменена только по получении определенной командной парадигмы, оттранслированной мистером Клеатором Моккеркином.

Он завяз. Если он применит голком и спиннер для проведения зондирования, то, скорей всего, инициирует встроенные защитные механизмы этой скрытой от глаз и, вероятно, бронированной моллисферы. Карденас не знал, какими именно те могут оказаться, но учитывая характер человека, чье кресло он сейчас занимал, они скорей всего будут весьма неприятными. Если же он продолжит проводить требование изустно, не предоставляя требуемой парадигмы, то подобный хайтех-ящик

скорей всего заподозрит неладное и либо напрочь отрежет ему доступ, либо потребует какую-то добавочную форму идентификации. А когда он не предоставит ее, может сработать сигнализация или активироваться новая защита, кроме лазеров в закуртке.

Он мог распылить надетую им личину, позвонить, куда следует, и отключить поступающую к этому ящику энергию или, если уж на то пошло, добиться приказа о закрытии или даже ликвидации всего промышленного комплекса Западный Падре №3. Именно для этого и существовала полицейская страховка. Но этот продвинутый ящик, смоделированный с расчетом жонглировать надежно защищенной национальной информацией, не говоря уж об интернациональной, наверняка будет в постоянном контакте с несколькими, возможно, с десятками разбросанных по всей планете дублирующих молли. И если он уничтожит этот ящик, то остальные ящики системы могут неопределимо долгий период времени продолжать функционировать. Засечь их будет крайне трудно. А их дальнейшая работа будет включать и продолжение действия граммы, требующей захватить или уничтожить Катлу Моккеркин.

С другой стороны, любая принятая здесь команда мгновенно распространится по всей сети — в том числе и команда, отменяющая приказ. В добавок к этому, если он вызовет команду подрывников, то вся остальная ценная информация, заключенная в настоящее время в данном ящике, все нити, которые могли привести к аресту и судебному преследованию десятков, а может, и сотен разыскиваемых лиц и предприятий, будут утеряны. Сейчас более чем когда-либо, он должен действовать предельно осмотрительно.

Он мог попробовать еще один способ. Возможно, тот вызовет целый шквал нежелательных реакций, но он твердо решил рискнуть. Если не получится, то, в худшем случае, отключится вся система. Он не добьется ответа на свое требование, но, скорее всего, не повредит никаких постоянных файлов. Эти соображения были и должны оставаться второстепенными, по сравнению с гарантией здоровья и безопасности ждущей в далеком Ногалесе некоей двенадцатилетней

девочки. С мрачным лицом под маской- «хамелеоном», он вновь обратился к машине:

— Клеатор Моккеркин умер. Следовательно, все текущие программы, требующие его ввода, следует немедленно приостановить.

И замер, затаив дыхание, не зная, чего ожидать. В зависимости от уровня своей ИИ изощренности, разные модели по-разному реагировали на директивы, предлагающие перспективу внутреннего конфликта. Он ожидал, что такой продвинутый ящик, как этот, проигнорирует его слова, или отвергнет ввод как не поддающийся обработке, или, возможно, потребует уточнения.

Но он никак не ожидал, что тот ответит без всякого колебания:

— Знаю. Мистер Моккеркин был сбит и задавлен потривавшим управление автобусом, идя на север по Хьюстон-стрит, около торговой галереи «Бразос», на внутренней половине, при температуре тридцать восемь градусов по Цельсию, относительной влажности в шестьдесят четыре процента, и три пятьдесят четыре днем семнадцатого сентября.

Карденас сглотнул.

— Если грамма, относящаяся к возвращению... или ликвидации... Катлы Моккеркин может быть отменена только командной парадигмой, оттранслированной Клеатором Моккеркиным, а Клеатор Моккеркин умер более трех месяцев назад, то как может быть отменена эта грамма?

— При описанном вами сценарии она не может быть отменена. — Ящик излучал ледяную уверенность, которая просто бесила. — Однако данная грамма потеряет силу, когда будут осуществлены ее параметры.

— Но того, кто хотел ее осуществить, не осталось! — «Полегче, — велел себе Карденас. — Успокойся, соберись, возьми себя в руки. Будь как ящик. Будь молли. Вращайся, но не срывайся со своей оси». — Лицо, которое ввело первоначальную грамму, Клеатор Моккеркин, скончалось. Следовательно, не осталось никого, способного позаботиться об осуществлении граммы.

— Осталось, — ответил с предельной серьезностью ящик.

Карденас откинулся на спинку кресла, словно получил оплеуху, и уставился на туннель, в котором светились секретные

списки, статистика и изображения. Где-то там, в глубине показалось лицо, но оно не было лицом человека. Безразличное, лишенное сочувствия, невозмутимое и эффективное, оно было заинтересовано лишь в одном: в выполнении своей программы. Рассеянное среди неизмеримого лабиринта информации, соединявшей весь мир, оно не могло быть нейтрализовано, кроме как из этого центрального источника, да и тогда только опытными оперативниками, у которых будет сколько угодно времени, чтобы выведать его секреты и избежать расставленных внутри ловушек.

Карденас позаботится, чтобы они приступили к работе, как только это будет безопасно. Но сперва он должен обеспечить безопасность Каты Моккеркин. Если специалисты возьмутся за ящик Мока, то этого может оказаться достаточно, чтобы побудить отключить по тревоге главный терминал и автоматически децентрализовать все операции. Результат будет тот же, что и при взрыве этой конторы. И наоборот, если ящик останется работать, несмотря на зондирование, нет никакой гарантии, что даже самые умелые специалисты сумеют вовремя проникнуть во внутренности главной молли, чтобы успеть спасти Катлу Моккеркин.

В отсутствие Клеатора Моккеркина и инструкций, которые мог дать только этот ныне недостижимый человек, ящик Мока твердо решил довести до завершения все существующие граммы, которые были записаны на его широко разбросанных, но тесно взаимосвязанных молли. Моккеркин вот уж не один месяц, как умер. Это ящик продолжал отдавать приказы подчиненным вернуть или убить Катлу Моккеркин. Это ящик продолжал управлять широко раскинувшимися предприятиями и операциями Мока, в лице не очень искушенных подчиненных Моккеркина. В конце концов, как указал старый смотритель, никого не волновало, кто там все оплачивал, лишь бы им платили. И, как он и предполагал, процесс этот и в самом деле был автоматизирован. До такой степени, какой никто и вообразить не мог.

Лишенным воображения и отличающимся ограниченным кругозором безжалостным похитителям и матаро могли платить на такой же действенный бессловесный обезличенный лад, что и уборщику, сообразил Карденас.

И именно ящик, со внезапной ясностью понял он, был и ответе за смерть Сурци Моккеркин. Чудовищная посмертная месть за ее покойного мужа. Даже сдохнув, тот оставался смертоносным фелеоном.

Местная молли стояла где-то за стеной и генерировала туннель доступа, который нельзя уничтожить. Иначе будет потеряна связь с ящиком Мока, а равно и любой шанс заставить систему отменить приказ захватить или убить Катлу Моккеркин. Когда дружелюбно настроенный Йогеш Чанай говорил, что деятельность внизу, куда он никогда не спускался, должно быть, в основном автоматизирована, этот простодушный бригадир склада и понятия не имел, насколько точным окажется его представление о происходящем.

Единственный способ гарантировать в будущем безопасность Каты Моккеркин заключался в нейтрализации граммы, содержащей приказ похитить или убить ее. А единственное лицо, которые могло это сделать, умерло. Единственное лицо.

Если не...

Ящик не сказал, что Клеатор Моккеркин должен лично ввести необходимую командную парадигму для прекращения данной граммы. А вот сказал он, что «указанная граммa может быть отменена только по получении определенной командной парадигмы, оттранслированной мистером Клеатором Моккеркином». Возможно, всего лишь возможно, существовало-таки еще одно лицо, которое могло быть знакомо с требуемой парадигмой и, соответственно, могло ввести ее.

— Закрыть, — грубо оборвал разговор Карденас. Туннель послушно, без комментариев, потемнел. Подняв руки, он с облегчением содрал с головы «хамелеон», провел рукой по волосам и взъерошил их, глубоко вдыхая воздух, который ему не приходилось больше цедить сквозь проникаемую мембрану. Встряхнув маску для просушки, он сложил ее и сунул обратно в пустой карман у себя на поясе. Поднявшись с кресла, обернул служебный пояс вокруг талии и застегнул его.

Второй раз за это утро он пригнулся, укрывшись за позаимствованным зеркалом, и медленно двинулся обратно через крохотный закуток при входе. Как только инспектор миновал смертельную прихожую и вернулся во внешний

офис, то сразу отставил зеркало в сторону и потянулся. Не желая расстраивать любезного, порядком помогшего старого зрителя, он собирался водрузить зеркало обратно на место, воспользовавшись одной из промышленных липучек, входивших в набор из множества всяких штучек у него на поясе.

К несчастью, одна из сигналок на поясе выбрала как раз этот момент, чтобы забибикать. Громко. То ли он сделал наконец что-то, возбудившее подозрения у системы безопасности, охранявшей помещение, то ли сам запустил какой-то скрытый защитный механизм.

Он не увидел ничего, указывающего на проникновение газа, и не учуял его, но вот встроенные в пояс сенсоры заметили. Любой, застигнутый в этом помещении без подобной защиты свалился бы, так и не узнав, что же его поразило, чтобы очнуться лишь через некоторое время. Или никогда. Оставив зеркало и зажав ладонью нос и рот, он со всех ног бросился к выходу. Бибиканье стихло, лишь когда он взбежал по пандусу и промчался через чулан в уборную.

При обычных обстоятельствах он бы не пожалел времени для возвращения замаскированной двери в первоначальное состояние. Но со смертью Мока инспектор не видел причин скрывать тот факт, что кто-то имел доступ к командному центру. Уж это-то он мог предоставить и зрителю. В данный момент его интересовало лишь одно — как бы обогнать тянувшийся следом за ним газ. Спеша из уборной, он не притормозил, хотя сенсор у него на поясе уже умолк. Порталы в два других наружных помещения, которые он обследовал сразу по прибытии, оставались закрытыми, какими он их оставил. Никаких признаков старого уборщика не наблюдалось. Когда Карденас вышел из уборной, дверь за ним захлопнулась. Не имеет значения. Он увидел все, зачем пришел, и узнал все, что мог. Осталось лишь вернуться в номер отеля, собрать немногие личные вещи, какие он привез с собой, и успеть на следующий рейс обратно в Ногалес.

Как и раньше, лифт в конце узкого коридора не откликнулся на его прикосновение. Не ожидая ничего иного, он не стал задерживаться и собирался вернуться на поверхность тем же путем, каким пришел, поднявшись по лестнице. Он

взялся за ручку расположенной поблизости двери и потянул на себя. Та не поддавалась, и он попробовал вновь. Все попытки отпереть дверь, пустив в ход «сезам», оказались такими же бесплодными. Нахмурившись, он вернул устройство на место в сумку, отступил на шаг, ухватился обеими руками за дверную ручку и потянул изо всех сил. Ничего. Выпустив ручку и отступив еще на шаг, он принялся с размаху бить ногой рядом с гермозамком. Звук ударов по металлической преграде вызвал в коридоре гулкое эхо. Как и дверь, гермозамок не поддавался. Истошив все силы, он прошлепал назад, гадая, что же он сделал не так.

Прошлепал?

Пришел в действие еще один защитный механизм.

Опустив взгляд, инспектор увидел, что вокруг его ботинок стремительно подымалась вода. К тому времени, когда он добрался до дверей на противоположном конце коридора, она уже плескалась выше его голеней и подступала к коленям. Все три двери оказались запертыми, загерметизированными, неприступными. То, как захлопнулась за ним дверь в уборную, обрело теперь зловещий смысл. Доступный еще воздух начал пропитываться вонью каботажного водного пути: едкой смесью соленой воды, горючего из судов подревнее и коммерческими отходами с Западного Падре №3 и №4.

Прошлепав обратно к лифту и лестнице, он снова протянул было руку к дверной ручке, но остановился. Достав из поясной сумки компактный полицейский резак, инспектор торопливо обследовал металлическую преграду. Дверная ручка гнездилась в бронированном замке. Борясь с подступающей водой, он сдвинулся влево и активировал резак, начав со средней из трех дверных петель. Сплав оказался прочным, и резаку потребовалось на рассечение петли больше времени, чем хотелось Карденасу.

К тому времени, когда он взялся за нижнюю петлю, вода уже достигла груди и подымалась быстрее, чем прежде. И даже лихорадочно работая резаком и жалея об отсутствии более мощной коммерческой модели, инспектор невольно восхищался простотой западни. Заполнение входного коридора морской водой было не только способом создать препятствие на пути вторгшихся с поверхности, но также и

средством очень эффективно разделаться с любым, кто уже приобрел несанкционированный доступ и пытался после этого уйти. Покуда затопление коридора делало свое дело, сотрудники могли расслабиться в своих изолированных водонепроницаемых офисах и беспрепятственно продолжать работу.

Теперь на месте оставалась только самая верхняя петля, крепившая дверь к металлическому косяку. Обеспокоено ожидая, когда резак рассечет металл, инспектор гадал, сколько же обидевших Мока гостей в конечном итоге уплыли от него вместо того, чтобы самостоятельно уйти. Уж когда Мок присутствовал тут, визитеров определенно обыскивали, прежде чем впустить. И прежде чем допустить их, наверняка конфисковывалось любое оружие, способное дать им возможность спастись.

Вода поднялась до подбородка. Смоделированный для работы в любой среде и сделанный в соответствии с жесткими требованиями СФП, резак продолжал рассекать упрямую оставшуюся петлю. Вокруг него бурлила морская вода. Он почти ожидал увидеть проплывающих мимо семг или сардин. Трижды ему пришлось наполнять легкие воздухом и работать под водой. В последний раз воздуха в прослойке между поднимающимся морем и непроницаемым потолком едва хватило на вдох.

Снова нырнув, он приставил резак к петле, работая при свете его горения. Когда луч наконец перерезал последний всажженный болт, инспектор выключил инструмент, сунул его в карман и принялся изо всей силы пинать по средней петле в месте ее соединения с дверью. Окружающая вода ослабляла его удары. Но при всех трех перерезанных петлях дверь все равно начала поддаваться. Чувствуя слабость, вес окружающей воды добавил к его усилиям и собственное давление.

На какой-то ужасный миг ему подумалось, что дверь останется заклиненной, несмотря на все его усилия освободиться. Прожив всю жизнь в пустыне Юго-Запада, он не особенно любил океан. Из всех возможных смертей, какие он представлял для себя в ходе почти тридцатилетней службы в департаменте, из всех тесных соприкосновений с костлявой, какие испытал, работая на убогих улочках Полосы, он

менее всего мог себе вообразить возможность утонуть при исполнении служебных обязанностей.

Давление поднимающейся воды оказалось неудержимым. После удара правой ногой преграда наконец поддалась. Ручка и замок остались накрепко запертыми, но дверь отошла с перерезанных петель как раз достаточно, чтобы пропустить единственное человеческое тело.

Почти истощив запас воздуха, протискиваясь через проем, увлекаемый вырывающейся на волю водой, Карденас поймал себя на вознесении мрачных благодарностей за свое невнушительное телосложение. Хаяки никак не смог бы прорваться.

Он стукнулся головой о перила, когда ревушая вода с силой швырнула его на лестницу по другую сторону нижней лестничной площадки. Оглушенный столкновением, втягивая в легкие огромные бодрящие глотки воздуха, инспектор остановился на третьей ступеньке. Поскольку вода хлынула за ним из коридора, он с трудом поднялся на ноги. И, спотыкаясь, побрел вверх по лестнице, опираясь на перила и перетаскивая себя.

По счастью, дверь наверху оказалась незапертой, и не пришлось доставать уже спасший жизнь резак из кармана, куда тот был рассеянно засунут. Пара рабочих в касках увидела, как он, пошатываясь, выходит с лестницы, и сразу же двинулась к нему. Все еще откашливаясь от морской воды и с трудом дыша, Карденас начал шарить под промокшим насквозь плащом, нащупывая шокер.

Более рослый из пары могучего вида бородач протянул к нему руку, чтобы поддержать, взяв за плечо.

— Фасиль, хомбер. С тобой все в порядке? У тебя такой вид, словно ты побывал в настоящей лягушкодавильне!

Его равно озабоченный спутник успокаивающе улыбнулся инспектору.

— Мы здесь, компадре, предпочитаем рыбачить с удочками. — Искреннее недоумение на лице второго рабочего, когда он поглядел мимо Карденаса, подкрепляло присущий ему простодушный вид. — Что там внизу, собственно, случилось, черт возьми?

Карденас позволил руке обвиснуть, не выхватив шокера. Его озабоченность оказалась напрасной. Подобно

своему начальнику Чанаю, эти рабочие пребывали в блаженном неведении о незаконной деятельности, которой занималась контора под складом.

Порывшись в поясной сумке, он извлек вместе с водорослями свой идент-браслет и слабо мелькнул перед рабочими и тем и другим.

— Анхель Карденас, инспектор, СФП. — И кивнул на лестницу, с которой вышел. Оттуда уже отчетливо доносилось журчание быстро поднимающейся по лестничному колодцу воды. — У вас, кажется, протечка в одном из подвальных помещений. Не могу сказать наверняка. Я немного устал и не слишком хорошо себя чувствую. Интересно, не мог бы один из вас — не мог бы?..

Одновременно потянувшись к нему, оба рабочих успели подхватить его, когда он упал ничком.

17

Очнулся он, сухой и расслабленный, на больничной койке в Масматаморосе, со все еще упрямо цепляющимся за уголки его рта слабым, постепенно тающим привкусом залива. Покуда он остаток дня восстанавливал силы на койке, нашлось время поразмыслить и о том, что пребывание в больнице оказалось физически куда менее, тягостным чем у напарника.

Едва добившись на следующее утро официальной выписки, он сразу же связался с Пэнгборном и доложил ему обо всем случившемся. Капитан позаботится о том, чтобы за пустующим командным центром Мока внимательно следили, на случай, если кто-нибудь из подчиненных покойного фелеона попытается воспользоваться его оборудованием. В соответствии со специфическими инструкциями инспектора, власти не станут пытаться проникнуть туда или вмешиваться в скрытую работу центра, пока не удастся гарантировать безопасность Катлы Моккеркин.

Пэнгборн также уведомил его, что сказанное уборщиком Родриго проверено. В указанный смотрителем период времени перед торговой галереей «Бразос» в Харлингене и

правда произошел несчастный случай с двумя людьми. Интересно, что оба пострадавших путешествовали без каких-либо документов, и окончательная идентификация обоих все еще не была произведена.

Приятно было снова оказаться в Ногалесе, где влажность колебалась между низкой и нулевой, а запах соли наполнял ноздри, только когда лицо приближалось к краю бокала, заполненного плещущей «маргаритой». Хаяки был столь же рад его видеть, как инспектор — вернуться домой.

— Как спина? — спросил Карденас, когда они забирали патрульную машину из подземного гаража СФП.

— Да в порядке, насколько может быть отросшая заново, — повел массивными плечами Хаяки. — Я едва не изжирился, а ты чуть не утонул. Для одного дела это чересчур. И готов отправиться в отпуск.

Карденас расположился на пассажирском сиденье.

— Ты только что побывал в нем, не забыл? В прекрасной Коста-Рике из Центрально-Американской Федерации. Разве ты не провел приятного времени в живописном тропическом лесу Всемирного Наследия?

Хаяки направил патрульную машину из гаража на яркое сонорское солнце.

— О си, разумеется. Есть лишь одна проблема: не могу больше смотреть на бананы, как раньше.

Оставив позади бесконечный сплошной аркомплекс Полосы, шоссе сузилось, начав петлять по изрезанной каньонами местности, ведя в отведенную под заповедник территорию вокруг пика Бобокивари. Универмаги и длинные торговые галереи, крутая кодо-застройка и, наконец, дорогие частные резиденции сменились пламенеющими окотильо и оливиновыми пало верде. В вышине кружила над чем-то далеким и мертвым тройка сарычей. Раз через шоссе перебежала мексиканская земляная кукушка, с опущенной головой, вытянутым хвостом и болтающейся в клюве мертвой змеей, похожей на добытые на помойке спагетти. Змея подскакивала и подпрыгивала в такт движениям птицы, словно большая резиновая лента.

Въехав в заповедник, они оставили коммерческую застройку позади. Скучающий охранник у въездных ворот

слегка оживился, когда Хаяки мелькнул своим идентом. Работник заповедника, он был далек от системы СФП и не имел ни малейшего представления о том, что происходило в пределах его собственной юрисдикции.

Переоборудованный кордон лесника, дом безопасности располагался на дне извилистого каньона, куда можно было попасть только по воздуху или по ухабистой грунтовой дороге. Невзирая на современную воздушную подушку, патрульная машина все же среагировала на несколько крутых ухабов, пока Хаяки петлял по этому неудобному тракту. Федералы поймали себя на воспоминаниях об оборудованной для поездок по джунглям «4Х4», которую они брали напрокат в Сан-Хосе. С нежностью вспоминая ту машину, Карденас сожалел, что оставил ее в виде сгоревшего остова.

Оба федерала возблагодарили судьбу, когда в поле зрения замаячило одноэтажное строение. Сооруженное из серых каменных глыб, с белой островерхой крышей и термотропическими пуленепробиваемыми окнами с тремя рамами, оно было оборудовано собственным водо- и энергоснабжением. Установленная на крыше «тарелка» связи держала находящихся внутри здания в постоянном контакте с внешним миром, с Полосой и со штаб-квартирой СФП в Ногалесе. Принадлежащая заповеднику вертолетная площадка позади дома предоставляла возможность быстрого прибытия и отбытия, случись такая необходимость. Карденас предпочел ехать на патрульной машине, чем лететь, потому что предпочитал иметь маневренность, обеспеченную наличием собственного транспорта, а также поскольку знал, что они с напарником смогут расслабиться и насладиться поездкой.

Они были не единственными, кто предпочитал наземный транспорт. Под козырьком навеса для машин между парой больших «4Х4» стоял припаркованный патрульный автомобиль без номерных знаков. Когда они приблизились к воротам огороженного участка, Хаяки притормозил. Его проволочная ограда с виду не производила впечатления. Но Карденас знал, что напряжение на ней было довольно-таки внушительным.

Как только им дали разрешение на въезд, ворота поднялись, давая проехать. Хаяки провел машину через ворота на

свободное место под навесом для автомобилей. Несмотря на разрешение миновать ворота, их встретили два сотрудника в форме служащих заповедника. Как бы они ни были обличены, оба на самом деле служили не в министерстве охраны природы, а в СФП.

Прежде, чем новоприбывших пустили в здание, они обменялись с дежурными рукопожатиями и приветствиями. Третий сотрудник, встретивший их уже в дверях, оказался старым другом Хаяки. Покуда эти двое отправились на кухню в поисках холодных напитков и теплой беседы, Карденас отправился на поиски сотрудника департаментской службы помощи неблагополучным семьям, которому поручили присматривать за Катлой. Это было необходимо, пока ее безопасность не будет гарантирована и для девочки нельзя будет организовать постоянное место проживания.

Сотрудница нашла его первой.

— Вы Анхель Карденас, не так ли? Мне передали, что нужно ожидать вас.

Обернувшись, он уставился в глаза привлекательной темноволосой женщины лет тридцати пяти-тридцати восьми. Она была столь же высокой, как он (или столь же невысокой, зависит от точки зрения), с волосами, коротко подстриженными с одной стороны по принятой среди многих государственных служащих моде. На выбритой стороне головы покачивалась единственная длинная серьга из серебра и сугилита, вероятно, сделанная навахо. Косметика была наложена умеренно, лишь с целью подчеркнуть ее необычно большие глаза и широкие скулы. Руку ему она пожала твердо и уверенно, рукопожатием опытного профессионала.

— Я Минерва Форхорсес¹.

— Рад с вами познакомиться, — обворожительно улыбнулся Карденас. Его взгляд устремился мимо нее. — А где Катла?

— Катла, так запросто? — Его свойское упоминание девочки пришлось ей по душе. — Вы, должно быть, о многом говорили с ней, там в Коста-Рике.

---

¹ Фамилия Минервы (Fourhorses), по всей вероятности, индейская (навахо?) и означает «Четыре Лошади».

— Достаточно, чтобы у меня возникло чувство, будто я знаю ее давно и хорошо, говорить с ней на неформальной основе, не напоминая, что я федерал. — Шагая бок о бок, они двинулись по коридору. Пол, заметил он, был укрепленным, покрытым приклеенной эпоксидной смолой плиткой «Сальтильо». Обувь сотрудницы службы помощи громко цокала по полу, словно у той были кастаньеты вместо каблуков.

— Это полезно. Она девочка молчаливая, хотя беседует достаточно охотно. Но сдержанная. Остерегающаяся. — Тон женщины открывал искреннюю озабоченность, признак первоклассного работника службы помощи. — Это и неудивительно, учитывая в какой обстановке она росла и через что ей пришлось пройти. Я прочла официальные отчеты.

— Такое никак не назовешь нормальным детством, — знающе кивнул Карденас.

— Узнать, что ее мать убили. — Форхорсес плотно сжала губы. — Если бы не доступ к ящику, думаю, она просто сидела бы, уставившись на стенку. Она смотрит на него как на пристанище. Оно приемлет ее, и ей не требуется оправдываться или объясняться. — Темные, как два омута, глаза встретились с ним взглядом. — Я никогда не видела никого, что столь мастерски работал бы с голкомом. Даже среди спецов в центре города.

— Она техантка, — объяснил Карденас. — Прирожденная.

— В отчете об этом говорится, — кивнула сотрудница службы помощи. — Но одно дело читать об этом, и совсем иное — наблюдать такие способности в действии.

Они свернули в еще один коридор. Сидевший посередине полицейский в штатском оторвался от экрана, с которого читал. Узнав Форхорсес, он улыбнулся и пропустил их дальше.

— Именно эта способность и причинила ей столько неприятностей, — объяснил Карденас. — И, возможно также, что именно она и гарантирует ее будущее.

Опасение Форхорсес сделалось прямо-таки осязаемым.

— Надеюсь, вы не собираетесь просить ее сделать что-нибудь, что усилило бы стресс. Внешне она, возможно, выглядит и говорит, словно находится в добром здравии. А мои собственные наблюдения, сделанные за эти последние несколько дней, говорят, что на самом деле она очень хрупкая. — Голос ее

посуровел. — Я не могу дать одобрения на что-либо, способное нанести вред ее психическому здоровью. Ей сейчас нужно не что иное, как например, стабильность и утешение. И больше всего ей нужна надежда.

— Именно это-то я и хочу ей дать. — Он улыбнулся застенчиво озабоченной женщине. — Мы с вами хотим для нас одного и того же, миз Форхорсес.

— Минерва, — рассеянно поправила его сотрудница службы помощи, когда остановилась перед двустворчатыми деревянными дверями. — Катла будет в туннеле, за работой. Она всегда этим занята. — И трижды постучала в дверь.

Долгий миг Карденасу думалось, что они так и не дождутся никакого ответа. Затем раздался тихий девичий голос, который он так хорошо помнил по своему недавнему пребыванию на юге.

— Заходите, миз Форхорсес.

Идя первой, сотрудница службы помощи открыла одну из двух дверей.

— Доброе утро, Катла, — услышал Карденас, когда последовал за ней. — Здесь кое-кто хочет тебя видеть. — И шагнув в сторону, Форхорсес с явным интересом принялась наблюдать за реакцией своей подопечной на появление визитера.

Повернувшись на вращающемся кресле, Катла Моккеркин сразу узнала смуглого усатого федерала. И ее улыбка, пусть и не чрезмерно радостная, была все же не просто вежливой.

— Здравствуйте, инспектор Карденас. Я вас помню.

— Хох, Катла. Рад снова видеть тебя. — Пройдя дальше в комнату, он расположился в пустом кресле и подкатил его поближе к ней. — Я хотел бы немного поболтать с тобой — если ты не против?

Она пожала плечами и положила голком, который держала в руке. Почувствовав это движение, вит-камера ящика, с которым она работала, затемнила светившийся перед Катлой туннель.

— Ты не обязана беседовать с инспектором Карденасом, если не хочешь, — напомнила ей наблюдавшая женщина.

— Все в порядке, миз Форхорсес, — робко улыбнулась девушка. — Я знаю мистера Карденаса... Анхеля. Он был добр со мной, когда я была в... когда мне пришлось покинуть

Резерву. Он хороший человек. — Ее улыбка превратилась в робкую усмешку. — Даже если он спаззанутый федерал-интуит.

На недоступный никакому другому полицейскому лад Карденас знал, что это было не оскорбление. Форхорсес внимательно наблюдала за ним.

— Как у тебя дела, Катла?

Она с тоской поглядела на приглушенный, слабо светящийся туннель.

— Полагаю, нормально. — В голос снова вкрался намек на озорство, который у него уже ассоциировался с ней. — Но вы ведь и так это знаете, верно? И просто завязываете вежливый разговор.

— Когда я был в твоём возрасте, другие ребята, бывало, говорили мне, что я чересчур умен, — усмехнулся он. Она пристально посмотрела на него. — И поэтому я знаю, что такое чувствовать себя отличающимся от всех остальных. От всех своих друзей. Значит, ни с кем не поболтаешь. — Он слегка наклонился к ней. — У меня есть для тебя кое-какие новости. Твой отец, Мок, умер.

Выражение ее лица не изменилось. Но он заметил легкое напряжение мускулов на шее и предплечьях, засек учатившееся дыхание. Она этого не проявляла — по крайней мере, для всех других — но так реагировала.

— Его сбил автобус, когда он переходил через улицу.

Она кивнула в знак того, что услышала, почти без всяких эмоций.

— Рада слышать. — А затем, несколько удивив его, равно как и бдительно следящую Форхорсес, девочка язвительно фыркнула. — Я как-то раз слыхала, как он говорил о смерти. Он сказал, что федералам его никогда не схватить. Что, если он не умрет от старости, то сгинет в огненной буре. Его сбил автобус? — Карденас кивнул. — Просто великолепно! Совершенно заурядная гибель. Именно это он и заслужил — умереть, как все прочие, незамеченным, без показа его подлой, мерзкой, леперовой рожи во весь вит. Я рада, что это случилось именно так! — Когда гнев девочки поутих, возобладали ее исключительный интеллект. Карденас терпеливо ждал, зная, что это произойдет.

— Но, — начала она заново, слегка запинаясь, — если папа умер не один месяц назад, то кто же тогда приказал убить маму всего несколько недель назад? — Опустив взгляд, она глубоко задумалась. — Мистер Бруммель не мог этого сделать, так как он тоже уже умер. Мистер Вандерберг не любит насилия, а миз Берил не знает, как оттранслировать нужные инструкции. — Ее замешательство и озадаченность были видны невооруженным глазом, когда она снова посмотрела на Карденаса. — Вы знаете, кто это приказал?

Он мрачно кивнул.

— Эти приказы исходят из того же источника, который по-прежнему пытается похитить или убить тебя. От ящика компании твоего отца, той, чья штаб-квартира в юго-восточном Техасе.

Ее рот открылся в удивлении.

— Это та глупая молли на Падре! Папа заграммировал ее так, чтобы она управляла всем, когда сам лично не контролировал операции. Но я ничего не знаю о той граммсе, про которую вы говорите. Должно быть, он ввел ее в ящик после того, как мы с мамой сбежали вместе с мистером Бруммелем.

Форхорсес не могла больше этого выдержать. Разговор между ее подопечной и федералом уходил все дальше и дальше за пределы разумения Минервы.

— Не понимаю. Кто пытается похитить или убить Катлу?

— Программа. — Карденас посмотрел в ее сторону. Внедренная ее отцом. Он был, по всем сведениям, неумолимым, беспощадным сукиным сыном. — Он кивнул в сторону девочки. — Содержащая эту грамму молли поддерживает контакт со всеми элементами противозаконной империи ее отца. Она распространяла директивы подчиненным, приказывая убить Уэйна Бруммеля, который жил с матерью Катлы и был ее партнером в весьма крупномасштабном присвоении фондов. Затем по ее приказу недавно была убита ее мать. А теперь она пытается захватить или убить Катлу, потому что она является теханткой, хранящей в памяти многие, если не все, деловые операции своего отца. — Снова повернувшись к девочке, он посмотрел на нее со вспыхнувшим вновь сочувствием. — Она ходячая моллисфера.

Тон Форхорсес показывал, что она все еще не совсем понимала происходящее.

— Но если отец умер, то почему эта чудовищная грамма по-прежнему интересуется ей?

— Потому что она не была формально отменена, — кратко объяснил он. — И до тех пор, пока это не сделано, она будет и дальше спускать директивы тем элементам империи отца Катлы, которые по-прежнему откликаются на команды центра. А те приложат все силы для выполнения этих команд, так как считают их исходящими от ее отца или от его заместителя — кем бы он ни был. В конечном итоге, даже до низших рядов дойдет распоряжение оставлять без внимания любые директивы, исходящие всего лишь от молли. Вся проблема лишь в том, что мы не можем ждать, когда же это произойдет, когда природа возьмет свое. Потому что к тому времени для Катлы может оказаться уже слишком поздно.

Форхорсес двинулась в его сторону, просительно разведя руки.

— Ну так экспиайте тогда эту проклятую молли, которая составляет такие приказы! Вырубите, отключите ее — взорвите ее!

— Нельзя. То есть, можно, конечно, но если мы уничтожим ту молли, нет никакой гарантии, что встроенные резервные копии не раскидаются по всему ящику. А не зная, где находятся все желпровода, мы не можем быть уверены в полном отключении граммы. И не можем позволить ей распространиться по вспомогательным хамам, местонахождение которых неизвестно, потому что тогда нам вообще никогда не распылить эту грамму. Она словно змея. Ей можно отрубить голову, но тело будет извиваться еще много часов.

Несчастное выражение лица Минервы показывало, что она поняла.

— Значит, никто не может приказать этой грамме самоликвидироваться?

— Я был там. Разговаривал с ней. Она настаивает, что ликвидация граммы может быть достигнута только вводом «командной парадигмы, оттранслированной Клеатором Моккеркином» — отцом Катлы.

— Но ведь... ее отец умер, — воскликнула Форхорсес. Инспектор кивнул. — Значит, не осталось никого, способного закрыть эту грамму.

— Возможно, кое-кто и остался. — Карденас снова повернулся лицом к Катле Моккеркин. Также как и Минерия Форхорсес.

И упал духом, когда она ответила на его незаданный вопрос.

— Я не могу этого сделать.

— Почему же? — Он всем сердцем сочувствовал ей; этой бедной, забытой, блестящей девочке, у которой не было ни какого настоящего детства. Она заслуживала лучшего. Все дети ее возраста заслуживали лучшего.

— Потому что я не знаю этой парадигмы. Как и приказ убить, мой леперо отец, должно быть, оттранслировал и вслух ее после того, как мы с мамой убежали с мистером Бруммом.

У них не осталось никакого выбора. Придется ему отдать приказ вывести из строя молли, которая по-прежнему вращалась в недрах той подводной цитадели в Техасе. Если им повезет, грамма не распространится по всему уцелевшему ящику Мока. А если не повезет...

Она робко обратилась к нему жестом, прервав его печальные думы.

— Что такое, Катла? — спросил он как можно мягче.

— Я не могу ввести парадигму, потому что не знаю ее. Но, думаю, я смогу сделать нечто другое.

— Что именно, Катла? — Позабыв, что ей полагалось по время визита Карденаса держаться на заднем плане, Форхорсес поднялась со своего места и встала рядом с федералом.

Юные, но далеко не наивные глаза пристально смотрели на них обоих.

— Возможно, я сумею стереть всю систему. Это совершенно иная парадигма. Дело это непростое — понадобится сделать много шагов — но выполнимое. Я так думаю.

Мысли Карденаса так и закрутились в голове. Стирание ящика Мока, безусловно, ликвидирует грамму, настойчиво приказывающую похитить или убить Катлу, но это также

приведет к потере неисчислимо ценной для центрального управления СФП информации. Фамилии, цифры, статистика, места, истории совершенных и планы ожидаемых преступлений: все это будет утрачено. Он так и сказал, и заработал мрачный взгляд со стороны Минервы Форхорсес.

— Ничего из этого вы не потеряете, мистер Карденас, — умоляюще возразила Катла Моккеркин. — Федеральная Полиция сможет все это получить. Я ведь собираюсь попробовать стереть только ящик. — Она многозначительно коснулась виска кончиками пальцев. — А остальное, все прочее муй мало содержимое — оно по прежнему здесь.

В своей сиюминутной заботе о ее безопасности, он как-то позабыл о способностях девочки, и о том, почему Мок вообще так высоко ценил ее. Он поклялся никогда больше этого не делать.

— Скажи мне, какое тебе нужно оборудование.

Она показала на настенный аппарат.

— Думаю, это можно проделать и отсюда. Покуда у меня есть непрерываемый доступ к мегаскоростной связи и достаточно кранча. Только я... — на этот раз она не встретила с ним взглядом — ...только я не знаю... смогу ли я это делать.

Он успокаивающе положил руку ей на плечо.

— Почему же нет, Катла?

Она по-прежнему избегала смотреть ему в глаза.

— Мама моя умерла. У меня нет ни братьев, ни сестер. А если есть какие-то дальние родственники, то я не знаю ни кто они, ни где они. А теперь и отец мой тоже умер. Я не очень-то любила его. Он причинил зло многим людям. Но... он был моим папой. Материалы в ящике — это все, что от него осталось. Стереть их... это будет все равно как самой убить его.

— Оттранслированная им грамма в ответе за убийство твоей матери.

— Знаю! — Она вдруг чуть не расплакалась. — Неужели вы думаете, будто я этого не помню? Неужели вы не понимаете, что если бы я обращала больше внимания на ящик, то могла бы наткнуться на эту гнусную, ужасную грамму и что-то сделать с ней до того, как убили маму? Если б я постоянно следила, как мне следовало, ее могли бы и не убить. Но

я держалась подальше от папиной системы. Я не хотела приближаться к ней, иметь к ней какое-то отношение. Думала... думала, если буду чересчур много зондировать, то она может выследить меня и выяснить, куда мы исчезли. Но мне следовало поступить как раз наоборот. Мне следовало сохранить с ней связь. Это я виновата. Мама не должна была умереть! Она не должна была умереть!

Катла, рыдая, упала к нему в объятия. Он крепко обнял ее, прижимая к себе. Подняв взгляд он увидел, что Форхорсес странно глядит на них.

«Я знаю, что тут узы, — мысленно воззвал он к этой женщине, хоть и знал, что та не сможет почувствовать его мыслей. — Ты видишь это, а я это чувствую. Но да поможет мне Бог, у меня никогда не было своего ребенка, и я не уверен, что же делать. Тридцать лет интуитской тренировки, и я не знаю, что же делать».

Форхорсес знала, что делать. Она мягко освободила плачущую двенадцатилетнюю девочку из сочувственных, но не ловких объятий Карденаса и, обняв залитую слезами Катлу, принялась медленно укачивать ее взад-вперед, постоянно шепча ей что-то. С темными пятнами от слез на груди тонкой рубашки, Карденас откинулся на спинку кресла и смотрел. И когда почувствовал, что прошло достаточно времени, то обратился к девочке со всей возможной эмпатией.

— Я понимаю, как это может быть для тебя трудно, Катла. Но если ты не остановишь сейчас эту программу, она будет и дальше отправлять людям приказы, велящие изловить тебя. Это было бы не так уж и страшно. Но могут быть и другие приказы, повелевающие людям сделать нечто худшее. — Он умоляюще подался вперед. — Ты единственная, кто может положить этому конец, Катла. И я вынужден не согласиться с тобой по поводу того, о чем ты недавно говорила. Это не равно, как если бы ты кого-то убила. Ящик Мока всего лишь системная компиляция, коллекция бездушных внедренных грамм. Точно также, как и любой другой ящик.

Тон Форхорсес отражал тщательный подбор каждого слова.

— Вы просите двенадцатилетнюю девочку, пережившую громадное эмоциональное напряжение, нырнуть напрямик обратно в самую середину источника ее дискомфорта.

— Это... это ничего, миз Форхорсес. — Катла отодвинулась и вытерла глаза тыльной стороной обеих рук. — Мистер Карденас прав. Я единственная, кто может это сделать. А сделать это нужно. — Она шмыгала носом между фразами. — Это следовало сделать давным-давно. Возможно, будь это сделано, мама была бы все еще здесь. — Поднявшись, она прошла к маленькому столу в углу комнаты. Взяв голком, она покрутила прибор в руке, манипулируя своими изящными, миниатюрными пальчиками на тот же лад, на какой разогревает палочку дирижер перед концертом.

Покуда Форхорсес и Карденас продолжали наблюдать за действиями Катлы, сотрудница службы помощи наклонилась к нему и со страхом прошептала:

— Если девочка в результате этого пострадает от каких-нибудь вредных последствий, мне придется возложить ответственность на вас и СФП.

— Я давно уже принял на себя ответственность за серьезные происшествия, Минерва. — Он кивнул в сторону девочки. — Единственный, кто может спасти ее от этой граммы — это она сама. — В голове у него внезапно возникла парафраза из давно читанного. Плохие граммы, созданные людьми живут после них; а хорошие зачастую погребают вместе с их прежними молли. Он придвинулся немного ближе к Катле.

— Ты действительно можешь сделать это отсюда? — Он показал на голком, соединенный со стандартной коммерческой молли, которая в свою очередь соединялась через тарелку «Нокаролы» на крыше с далеким Большим Ящиком. — Тебе не нужно еще что-нибудь? Какое-нибудь сделанное на заказ оборудование, или связи с резервными копиями, или техническая помощь? Свежие желпровода или специализированные «вафли»?

На все еще не высохших слезах на лице Катлы мелькнул отблеск света, когда та живо замотала головой. И ответила она с полной уверенностью.

— У-у. Но проблемо, федерал. — Легкая улыбка, которую она сумела выдать, заставила девочку выглядеть намного младше ее дюжины лет. Выражение лица у нее при этом было обнадеживающе детским.

И то и другое поразительно контрастировало с ее словами и действиями, которые вполне подходили опытному зондировщику и ээ-улану. Когда Карденас вновь присоединился к Форхорсес, двое взрослых замерли в молчании, дивясь скорости и мастерству, с которыми девочка сперва получила доступ, а потом начала зарываться глубоко в Большой Ящик. С ее уст без всяких затруднений сыпались команды, которые зачастую были столь же непонятными, сколь и сложными. Образы в туннеле текли и возникали так стремительно, что Карденас не мог за ними уследить. И сам далеко не средний ящикорез, он с благоговейным трепетом наблюдал за этим ловким, словно бы не требующим никаких усилий представлением.

В плечо его впились пальцы. Заставив себя оторвать взгляд от происходящего прекрасного танца девочки с голкомом, он уставился в пораженные глаза Минервы Форхорсес. Рот ее был разинут, но никаких слов не раздавалось. Вместо этого она тыкала перед собой пальцем другой руки.

В ногах большой двуспальной кровати по другую сторону комнаты возникло поддюжины крошечных машин. Самая большая достигала всего сантиметра в высоту и щеголяла тремя крутящимися антеннами. Стоявшая рядом с ней была одноглазым созданием с тусклой поверхностью и походила на миллипед с танковыми гусеницами. Другие четыре устройства выглядели ничуть не менее диковинными. И что бы понять, чем они занимаются, вовсе не требовалось быть инженером или дизайнером.

Точно так же, как и находящиеся в комнате люди, они наблюдали за Катлой Моккеркин в действии.

— Бопсы, — кратко заметил он.

— Чего они хотят? Как они сюда попали? — Реакция Форхорсес на совершенно неожиданное появление миниатюрных механизмов ничуть не отличалась от реакции всех прочих. Она была одновременно и заморожена, и насторожена. — Сюда ничто не должно было проникнуть. Это жedom безопасности.

— Он по прежнему безопасен. — Карденас не мог дать гарантии этого утверждения, но опыт показал ему, что, к чему бы ни стремились бопсы, это никак не связано с насилием. Если,

конечно, не считать человеческого насилия, направленного против бопсов. — Они не станут ее тревожить. Просто не обращайтесь на них внимания.

— Именно это все и советуют делать. — Внимание Форхорсес по-прежнему осталось прикованным к загадочно симпатичным маленьким битботам. — Я больше беспокоюсь за Катлу.

Карденас кивнул в сторону девочки.

— Тело ее, может, и здесь, но ее cerebro носится где-то внутри Ящика. Сомневаюсь, что она сейчас осознает наше присутствие. — И в самом деле, отсутствующее выражение на лице у девочки показывало, что та работала в состоянии, близком к самонаведенному трансу, насколько такой посилен для двенадцатилетней девочки.

Поэтому Форхорсес сохраняла спокойствие, не двигалась в сторону крошечных визитеров и не выкрикивала предупреждения Катле. Бопсы, со своей стороны, сидели или стояли, в соответствии со своей конструкцией, и смотрели в почти абсолютной, непроницаемой тишине. Как и Форхорсес, Карденас поймал себя том, что гадает, чего же они хотят, что же они думают. Если они думали. Все наверняка известное о бопсах не заполнило бы и единственного чипа в моли размером с шарик подшипника.

Тут они напрочь забыли и о самих бопсах, и об их происхождении, и об их намереньях. Вдали что-то громынуло, и комната слегка вздрогнула.

— Звук, словно кто-то врезался в стену на грузовике, — нахмурилась Форхорсес. — Или уронил что-то крупное.

Карденас уже вскочил на ноги и направлялся к единственному окну комнаты. Щелкнув кнопкой, опускавшей стеклянную раму над нижним воздуховодом, он прищурясь посмотрел сквозь заряженную противомоскитную сетку. Взгляд его скользнул по гравию и декоративному ландшафту, равно как и по выбеленной бетонной стене, устремляясь вверх по каменистому склону горы, замыкавшему западный конец каньона. В поле зрения ничего не двигалось, чему он порадовался. При неожиданном грохоте Катла Моккеркин оторвалась от своей работы, но лишь ненадолго. Когда она снова принялась зондировать,

предчувствующая недоброе Форхорсес пригнулась рядом с Карденасом.

— Что это? Вы что-нибудь видите? — Ее глаза расширились, когда она увидела в его руке пистолет. То была довольно массивная департаментская модель. В отличие от ультра-компактного оружия, которое он брал с собой в Коста-Рику и Матаморос, этот большой трехбойменный пистолет был каким угодно, только не прозрачным. — Для чего это? — спросила она, почти сразу же осознав глупость этого вопроса.

— Пригнитесь. — Схватив женщину за рукав рубашки, он увлек ее на пол рядом с собой. — Это был не грузовик. Едва он договорил, как по спальне прокатилась рябь нового грохота, миниатюрный звуковой удар, раздавшийся на расстоянии излишне близком, на вкус инспектора. — Кто то стреляет по дому.

— Но это невозможно! — Сотрудница службы помощи была до крайности потрясена — и, как увидел Карденас, испугана. — Мне говорили, что никто не может въехать в этот каньон без разрешения охраны СФП.

— Обязательно скажем об этом тем, кто стреляет. — Карденас был не в настроении тратить слова на светские любезности. Если Форхорсес не нравится его тон, она может запереться в ванной. Повысив голос, он крикнул: — Как там у тебя дела, Катла?

Ответ девочки представлял собой приглушенное бормотание, словно донесшееся откуда-то издалека.

— Отлично, полагаю. — Уточнять она не стала, а Карденас благоразумно решил не нажимать на нее. Пусть занимается своим делом. А он тем временем займется своим. Поглядев в одну сторону, он увидел kloкочущий в ящичном туннеле водоворот информации. Взглянув в другую, увидел шестерых бопсов, стоящих на полу, блаженно игнорируя его, и увлеченно наблюдающих за усилиями Катлы. Они не двинулись и никак не прореагировали на пару взрывов.

Что-то бухнуло по двери. Резко втянув в себя воздух, Форхорсес попыталась двинуться к Катле, но Карденас удержал ее. Одновременно он сел на пол и прислонился спиной к стене под окном. Жаркий сухой воздух пустыни вливался в комнату у него над головой, ероша волосы, сталкиваясь

с кондиционированным воздухом комнаты. Подымая дуло служебного пистолета, он прокрутил диск настройки через «Нарколептические» и «Паралитические», прежде чем установить на «Разрывных». Теперь он мог при желании разнести в клочья дверь, добрый кусок коридорной стены за ней и все органическое, имевшее несчастье оказаться между ними.

Покуда инспектор и сотрудница службы помощи ждали, не шевелясь, дверь широко распахнулась. В комнату девочки ворвалась массивная фигура, сжимающая очень крупногабаритное автоматическое оружие. Глаза Форхорсес расширились, она втянула в себя воздух, а палец Карденаса напрягся на спуске пистолета.

18

Выпустив дыхание, которое он, сам того не сознавая, задержал, Карденас опустил оружие и сделал Хаяки знак пригнуться. Упав на четвереньки, сержант заполз в комнату и присоединился к сотруднице службы помощи и напарнику. Грохот, который насторожил инспектора, раздавался теперь громче, ближе и чаще. Эхо выстрелов говорило, что защитники дома открыли теперь ответный огонь.

— Сколько?

Хаяки вежливо кивнул съезжившейся Форхорсес.

— Пока нельзя сказать наверняка. С десятков, а может, и больше.

— Как они получили доступ?

— Не знаю. — Подняв голову в теплый поток воздуха, Хаяки выглянул в окно. — Об этом будем беспокоиться потом. А сейчас все больше озабочены из-за тех, кого мы не смогли подсчитать. Пара сумела добраться до самого навеса для машин. Главное здание по-прежнему цело. Мак-Карди занят попытками установить надежный периметр. — Он посмотрел в сторону бушующего туннеля. — Как я понимаю, она увлечена не игрой.

Выражение лица Карденаса избавило сержанта от любых нужных объяснений.

— Я так и подумал. Что она делает?

Повернувшись, инспектор слегка приподнялся и оперся дулом пистолета о подоконник. На склоне горы ни против наблюдалось движение. Он с силой ткнул дулом пистолета вперед. Оно продырявило противомоскитную ширму. Тщательно прицелившись, инспектор выстрелил. Форхорсес вздрогнула. А погрузившаяся с головой в собственный мир Катла Моккеркин не обратила на этот шум за спиной ни малейшего внимания. Вдали, за стеной приусадебного участка, удивительно большой объем гранита, кедра и кустарника разлетелся в разные стороны градом новообразованного гравия и щепок. Движение на склоне горы не повторилось.

— Убивает своего отца, — уведомил Карденас своего напарника. — Хотя, возможно, более подходящим описанием будет изгнание нечистой силы. — И объяснил, продолжая обшаривать взглядом горный склон.

— Так ты думаешь, что рвущиеся сюда действуют по приказу этой граммы-одиночки? — Хаяки занял позицию рядом с напарником, проткнув противомоскитную ширму стволом своего куда более мощного оружия на другом конце окна. Форхорсес сидела, прислонясь спиной к стене, обхватив руками прижатые к груди колени.

— Не могу быть уверен. — Карденас всегда хорошо стрелял. Конечно, разрывные пули, на стрельбу которыми был теперь установлен его пистолет, допускали большую погрешность в прицеливании. — Очень даже может быть. За мной могли проследить досюда. Или же кто-то сумел расколоть код и установить местонахождение через департаментский ящик. — Он кивнул на склон горы. — Это могут быть индигины, или озерники, или какая-то другая группа, которой очень хотелось бы выжать мозг девочки, как старую половую тряпку. Только этому не бывать.

— Да. — Расположив свое оружие, Хаяки выстрелил. Для столь впечатляющего убойного устройства, громыкнуло оно на удивление негромко. — Не бывать. — Заметив что-то справа и чуть позади, он кивнул в сторону наблюдающих бопсов.

— Откуда они взялись?

— Ответ на это сам, — отозвался Карденас, — и можешь потребовать за ответ любую цену и купить себе собственную полицию.

Что-то ударило по крыше западнее комнаты. На скрючившихся у окон посыпались осколки потолка, изоляции и пыль. Катла Моккеркин проигнорировала это вторжение. Карденасу никогда не доводилось видеть никого, ни ребенка, ни взрослого, настолько сосредоточенным на механике зондирования. Равно невозмутимые бопсы стояли не шелонувши.

— Не так-то легко напугать этих маленьких кукарачас¹, верно? — непочтительно заметил Хаяки.

— Нетрудно быть бесстрашным, когда не понимаешь, что значит смерть. — Палец Карденаса начал было давить на спуск пистолета, но расслабился, так и не выстрелив. Замеченное им движение оказалось всего лишь перепуганным кроликом, давшим деру из норы с такой скоростью, с какой только могли нести его группы быстро сокращающихся мышечных волокон замечательных ног. Грохот стрельбы стал теперь постоянным, похожим на гром надвигающейся муссонной грозы.

— По крайней мере, — закончил он, — я полагаю, что они его не понимают. Я еще не встречал такой машины, которая понимает.

— Пожалуйста, не могли бы вы перестать говорить об этом? — Отражая профессиональную озабоченность, Форхорсес дернула головой в сторону девочки. Ей не требовалось беспокоиться, заметил Карденас. Катла углубилась в игру с ящиком, не замечая стрельбы и шума.

Никто не прибежал, чтобы приказать им эвакуироваться или перебраться в другую часть дома. В этом отношении, размышляя Карденас, отсутствие новостей не было хорошей новостью — невзирая на противоположное мнение Линкольна.

Однако кое-кто прибежал, но с другой целью. Эта женщина была очень тоненькой, очень ловкой и чрезвычайно решительной. Но за время, которое ей потребовалось на то, чтобы распахнуть дверь, быстро окинуть взглядом комнату и обнаружить Катлу, Хаяки с Карденасом успели переключить внимание с

¹ Cucaracha — таракан (исп..)

окна на нее. Когда ворвавшаяся подняла пистолет, а Форхорсс попыталась выкрикнуть предупреждение, оба мужчины одновременно выстрелили. Когда пыль рассеялась, от матары очень мало что осталось — как, если уж на то пошло, и от двери.

— На ремонт, вероятно, вычтут из нашего жалования. Хаяки кивнул на дымящиеся обломки, бывшие некогда входом в комнату.

— Полицейская работа не отличается аккуратностью, равнодушно отозвался Карденас. И показал на видневшуюся вблизи на стене точку, где в композит вонзился крошечный шприц. Та женщина сумела-таки сделать один выстрел, прежде чем федералы разнесли ее на атомы. И этот шприц наверняка содержал мизерную дозу чего-то неприятного и, вероятно, смертельного. Проведя мысленную линию, Карденас прикинул, что заряд прошел всего в полуметре над головой Катаы. Насколько он мог судить, та и ухом не повела.

А в туннеле бурлили странные образы, когда девочка играла на ящике, как на электрической скрипке. Особенно беспокоило множество стремительно появляющихся и исчезающих трехмерных призраков. Они, похоже, не тревожили серьезную двенадцатилетнюю девочку, которая продолжала что-то тихо шептать в голком. То, как она крутила его двумя пальчиками, позволяя парить над губами, граничило с гипнотизацией.

— Анхель!

Обернувшись на крик Хаяки, Карденас вновь навел пистолет на разрушенный дверной проем. Глаза появившегося в проеме человека с пистолетом вылезли из орбит. Ноги его пытались найти точку опоры, осязаясь среди обломков и останков несостоявшейся убийцы.

— Господи, поосторожней, ребята!

Оба федерала опустили оружие. Новоприбывший был одним из своих. Он тяжело дышал, и взгляд его перескакивал с работающей за ящиком девочки на испуганную сотрудницу службы помощи и на вооруженных готовых к стрельбе коллег.

— Мы надежно обеспечили три азимута на периметре, с четвертым, переходящим под контроль. — Раскрасневшийся от

притока адреналина, этот молодой парень ухитрялся выглядеть одновременно и напуганным, и измотанным, и возбужденным. Такое бывает с людьми, когда в тебя стреляют, Карденасу это было хорошо известно. — Лейтенант Мак-Карди говорит, что если вы хотите перебраться в холл, там уже безопасно.

Держась в стороне от окна, Карденас медленно поднялся на ноги.

— У нас здесь все в порядке. Передай Митчу.

Молодой федерал энергично кивнул.

— Если будут какие-то изменения, я дам вам знать.

— Как им удалось проникнуть в охраняемую зону? — Хакьяки тоже встал. И тоже избегал стоять перед окном.

Вестник покачал головой.

— Это выясняют. Митч просит не беспокоиться. Брешь найдут и заткнут. — И с этими словами он снова исчез в коридоре.

Внимание Карденаса привлек треск, раздавшийся в глухо бурлящем туннеле. Когда он посмотрел подольше, бушующие образы растаяли, а в туннеле наступило затемнение. Катла Моккеркин положила голком на стол. Возможно, ее последние слова достигли звукоуловителя, — а возможно, и нет. Справа на полу возникло некое движение. Карденас мельком увидел, как уносятся прочь чуждые человеку конструкции из керамики, металлизированного стекла и композита. Приблизив голову к полу и повернув ее вбок, он попытался заглянуть под кровать. Там было темно, и он не увидел норы. Но бопсы исчезли, так же бесшумно и незаметно, как и появились.

— Прощай... папа, — услышал он последние слова Катлы Моккеркин. Прозрачные глаза посмотрели на него, когда он поднялся на ноги. — Я устала, мистер Карденас.

— Знаю, Катла, — сочувственно ответил он. — Знаю. — Он показал на погасший теперь туннель и на все, что совсем недавно было внутри. — Все кончено?

Она кивнула и смахнула с лица волосы.

— Исчезло. Все исчезло. Я стерла всю систему, от Южного Техаса до Санхуаны, по всей Полосе. От Мэна до Мадагаскара. Там все исчезло. Все, что создал мой отец. Я перерезала все нити.

— Молодец, — вот и все, что додумался сказать Карденас. Маячивший рядом с ним массивный Хаяки не побоялся высказать собственное мнение.

— У местных филиалов будут резервные копии.

— Для местных нужд. Любой расширенный ящик, хоть законный, хоть противозаконный, все равно, что дракон. Отрубишь ему голову, а прочие его части все равно могут причинить тебе немало неприятностей. Но только если они способны сотрудничать друг с другом. Главное было гарантировать безопасность Катлы. Сосредоточившаяся на Катаграмме была высокоцентрализованной. При стертом ядре согласованности больше нет. Нечто подобное, носящее личный характер, не будет поддерживаться на местном уровне. Такого не позволил бы себе даже такой леперо, как Моккеркин. — Он встретился взглядом с озабоченной Форхорсес. Теперь, когда эта опасность стерта в порошок, мы можем, ничем не рискуя, нацелиться на уцелевшие изолированные сегменты скверного бизнеса Мока. Катла расскажет, как и где их найти.

Хаяки многозначительно кивнул.

— А как насчет других, которые тоже гонялись за ней? Не-моковских элементов? — Он показал за окно. — На них то ведь ликвидация команды захватить или убить девочку не повлияет.

— Да, — признал Карденас, — но они хотели заполучить ее в свои руки с целью добыть сведения о внутренних механизмах бизнеса их конкурента. И когда этот бизнес начнет разваливаться, либо от истощения, отсутствия руководства из центра, либо из-за того, что СФП будет энергично арестовывать народ, они живо потеряют интерес. Подробное знание Катлой дел рушащегося предприятия быстро утратит всякую ценность. Что же касается воображаемого квантового средства похищать разные виды ценного кранча, то скоро пойдет гулять слух, что это не более чем дурацкая несбыточная мечта. — Он откинул голову назад, обратив взгляд к потолку. В комнату вторгся глухой механический гул.

— Эвакуационный вертипроп подлетает, — заметил он. — Им потребовалось довольно много времени. — Сунув пистолет в кобуру, он оглянулся на девочку. Форхорсес

стояла рядом с ней, по-матерински успокаивающе шепча ей что-то. Катла кивала в ответ. Инспектор слегка толкнул напарника локтем в бок. Хаяки уловил намек друга, и двое федералов безмолвно покинули комнату, предоставив сотруднице службы помощи и дальше утешать эмоционально опустошенную двенадцатилетнюю девочку. Как бы ни был Карденас озабочен состоянием девочки, он достаточно долго жил на свете, чтобы знать: бывают времена, когда, невзирая на личную заинтересованность, лучше предоставить делать свое дело кому-то другому, чем лезть в него самому.

Кроме того, он изнывал от жажды и проголодался, и, безотносительно к текущему положению дел снаружи, ему очень настоятельно требовалось отлечь.

Он только что вышел из душа, когда приятный женский голос кодо-синапса уведомил, что к нему пришли. Вытирая затылок прихваченным из ванной банным полотенцем, он прошел к всегда включенному туннелю, прилипшему в одном углу кабинета, и солиситарил идентификацию. Усиленный для улавливания звуков во всей комнате, голком прямым передал его запрос скрытой молли.

В глубинах туннеля материализовалось изображение. Нише для визитеров на первом этаже стояла, ожидая допуска в лифт, Минерва Форхорсес. По контрасту с последним разом, когда они виделись, она выглядела шикарно в костюме из вельфволокна, с сумочкой в тон к нему, в туфлях последней модели и широкополой термотропической шляпке. А внешность спутницы сотрудницы службы помощи, в противоположность последним случаям, когда он с ней встречался, еще больше приковывала к себе внимание.

Одетая в шнур-платье из зелено-голубого мигальника, обвивавшего ее расцветающую фигурку, словно сжимающий кольца питон, Катла Моккеркин выглядела не только на несколько лет старше своего реального возраста, но и откровенно изысканной. Соответствующий платью легкий радужный головной убор защищал ее макушку от сонорского утра и откидывался на затылок, перепутываясь с волосами. Когда она двигалась, он мигал и переливался даже в ограниченном

пространстве входной ниши кодо-комплекса. Из висевшей у нее на плече сумочки с повышенной степенью сохранности выглядывала пара музолинз. Каблуки ее полупарадных туфель были отключены для пешей прогулки, их интегрированная внутренняя гидравлика бездействовала.

— Минерва, Катла! Какой приятный сюрприз. Заходите, — пригласил он их через туннель, произнеся после этого устный код допуска, который даст двум женщинам доступ к лифту кодо-многоэтажки.

Вытирая из волос последние остатки влаги, он быстро двинулся накинуть какую-нибудь одежду. С тех пор, как он в последний раз видел и дочь Мока, и ее психунку, прошло уже несколько недель. Неотложная работа в Департаменте заставила его снова погрузиться в текучку и поток жизни на Полосе. Он не забыл о девочке, но вынужден был отодвинуть эту заботу на самый конец своих мыслей. Одно из первых правил, которые усваивал в полицейском училище любой новичок, заключалось в том, что поглощенный мыслями полицейский был полицейским, нарывающим на раннюю смерть.

Перемена в Катле Моккеркин была совершенно явственной и далеко не ограничивалась ее модным нарядом. Глаза девочки смотрели на окружающий мир, а не внутрь, и стояла она выпрямившись, а не сгорбившись, как ребенок постоянно ожидающий удара. Даже шаг у нее сделался иным, более широким и уверенным, словно она искала, куда бы еще пойти, а не как обойти в страхе стороной. Стоявшая перед ним сейчас привлекательная, уверенная в себе личность на много больше походила на молодую женщину, чем на испуганного ребенка.

Но настороженность по-прежнему осталась, проявившись в том, как ее взгляд обшарил дальние углы помещения и быстро метнулся к окну, ведущему наружу. Со временем и при дальнейшей спокойной жизни страх и недоверие должны постепенно сойти на нет, хотя, как подозревал Карденас, они никогда не покинут ее окончательно.

Он двинулся было обнять ее, но сдержался. Те отношения, которые сложились между ними, были искусственными, следствие трагических обстоятельств, которые и толкнули их друг к другу. Они не выдержат испытания временем.

А попытки укрепить их, пусть даже самые невинные и доброжелательные с его стороны, никак не поспособствовали бы растущей независимости девочки. Он удовольствовался сердечным, насквозь профессиональным рукопожатием и улыбкой.

— Рад снова видеть вас обеих. — Он переключил внимание на сотрудницу службы помощи. — Чем обязан честью этого визита?

— У нас есть кое-какие новости. — Когда в Форхорсес никто не стрелял, она так и светилась. — Хорошие новости. Правда, Катла?

Девочка кивнула, сфокусировав половину своего внимания на Карденасе, предназначив оставшееся для интерьера его кодо. Было очевидно, что даже в доме федерала она все еще не чувствовала себя в полной безопасности.

— Я уезжаю. Покидаю Полосу. Я буду скучать по некоторым друзьям, но все говорят, что мне нельзя вернуться в мой соче. И я понимаю, почему. — Улыбка у нее по-прежнему оставалась робкой, а сама она — углубленной в себя. — Все будет в порядке. Я привыкла к переездам.

Проводив их внутрь, Карденас жестом предложил им присесть на кушетку. Минерва с благодарностью приняла холодную гарану, тогда как девочка выбрала ролу. Карденас как обычно заварил себе кофе со льдом.

— Тебе теперь ничего не должно больше угрожать, Катла, — сказал он ей. — Воспользовавшись той информацией, которую ты нам предоставила, мы арестовали почти всех важных помощников твоего отца вместе с великим множеством более мелких и прикрыли их разбросанные повсюду операции. Другие скверные парни, которые охотились за тобой, взяли это на заметку. Насколько мы могли определить, это заставило их быстро утратить интерес к тебе. Но сотрудники Департамента Общественных Ресурсов и мои друзья в СФП правы: просто для пущей уверенности тебе будет безопасней и удобней жить под другим именем, в другом месте.

— Именно это мы и пришли вам сказать. — Форхорсес явно волновалась за девочку. — Отдел генеалогии сумел найти ее тетю и дядю, про которых она даже не знала. В Новой Англии. Небольшой городок, приятное окружение. Все тщательно проверили и сочли безопасным. У той пары есть

двое детей: мальчик пятнадцати лет и девочка четырнадцать лет. Они согласились принять Катлау в свою семью. Через год будут инициированы официальные процедуры по удочерению. Я не предвижу никаких проблем. Катла станет Гармонией Джин Френсис.

Девочка робко наклонила голову.

— Мне всегда нравилась музыкальная гармония, но у меня ее никогда не было. А теперь я буду Гармонией. Это очень вакан.

— Я тоже так думаю, — согласился он. Щеки Катаы залила румянец смущения — или, возможно, надежды.

Он с миг поразмыслил.

— Как тебе понравится встретиться с одним моим старым другом? С таким, с которым ты сможешь без риска поговорить даже в своем новом доме в Новой Англии? — И в ответ на встревоженный взгляд Форхорсес поспешил успокоить сотрудницу службы помощи. — Не беспокойтесь. Это никоим образом не поставит под угрозу ее новую личность.

— Разумеется. — Девочка с любопытством посмотрела на него. — Я не прочь.

Поднявшись с кушетки, он жестом предложил ей проследовать за ним к противоположной стороне кабинета. Усадив ее в кресло перед столом, он встал рядом.

Взяв голком, он активировал туннель и проинструктировал молли-драйвер принимать открытые команды. А затем передал прибор устного ввода ей. Она выжидающе посмотрела на него, чувствуя себя внутри ящика уютней, чем в чьей-либо квартире. Наклонившись и приблизив рот к самому ее уху, он прошептал ей что-то, но очень тихо, так что Форхорсес ничего не расслышала. Сотрудница службы помощи продолжала неуверенно следить, лицо ее отражало озадаченность.

Катла внимательно выслушала, состроила гримаску, но наконец кивнула. Поднеся голком к губам, она повторила ожидающей молли команду, которую он ей шепнул.

— Входит Чарлибо: собака.

Возникший в туннеле голографический образ был настолько полон жизни и выразительности, что вошедшему в тот момент в комнату постороннему было бы простительно принять его за настоящую собаку. Образ этот, как знал Карденас, мог стать

еще более аутентичным, но не сделает этого без специализированной провокации, с какой Катла, в скором времени Гармония, надо надеяться, никогда не столкнется. Подавшись еще дальше вперед, он проговорил в голком:

— Чарлибо, особу рядом со мной зовут миз Гармония Френсис. Она мой добрый друг. Я хотел бы, чтобы ты тоже стал ее другом.

Необыкновенно жизнеподобная голограмма большой немецкой овчарки смерила его в ответ серьезным взглядом. Затем она переключила внимание на девочку, свесив на левую сторону светящийся язык, живо виляя хвостом из переливающегося кранча, разглядывая ее глазами, составленными из бесчисленных накоплений замысловато оттранслированных окулярных грамм. Катла была прямо заворожена.

— Что он умеет делать?

— Ты здорово удивишься, когда узнаешь. Сам я здорово удивился. Я мог бы сказать, но предпочел бы дать поэкспериментировать тебе самой. Чарлибо очень разносторонний. Он будет с тобой играть, составит тебе компанию и даже посторожит тебя. — Он успокаивающе, по родительски положил ладонь ей на плечо. — И ты сможешь брать его с собой, куда захочешь, куда бы ни отправилась. Везде, где есть доступ к Большому Ящичку, ты всегда найдешь Чарлибо. — Он отступил на шаг. — Почему б вам не познакомиться?

Зачарованная, она с головой окунулась в завязывание дружбы с этой собачьей граммой. Оставив ее у экрана, Карденас с Форхорсес тихонько вернулись обратно к кушетке и креслам перед широким фототропическим окном.

Увиденное произвело на сотрудницу службы помощи не просто сильное впечатление.

— Это самая реалистичная программа животного, какую я когда-либо видела! Где вы ее купили?

— Я ее не покупал. Это продукт кой-какой работы, которую мне пришлось проделать некоторое время назад, в «Джен-Дайне». Чарлибо был настоящей собакой. Моей собакой. Некоторое время, много лет назад, он также был моими глазами. Он погиб, делая свое дело, но сущность его удалось скачать и превратить в независимый психоморф. Не просите меня объяснить технологию. Ящичные дизайнеры получше моего

все еще пытаются разобраться с этим. Но органический или граммический, он по-прежнему мой пес. А теперь он также и пес Катлы, даже если существует лишь в качестве морфологического резонанса, обитающего в самых глубоких щелях Большого Ящика.

Форхорсес усиленно пыталась понять.

— Вы сказали, что он сможет быть ей другом. Это мне понятно. Но что вы имели в виду, когда сказали, что он сможет и охранять ее?

Выражение лица Карденаса стало серьезным.

— Если того требует ситуация, Чарлибо может делаться совершенно осязаемым.

Челюсть у нее так и отвисла.

— Никакая частная грамма не может становиться осязаемой! Подобная технология предназначена только для восприятия. — Он ничего не сказал; просто посмотрел на нее в ответ. Она резко втянула в себя воздух и медленно кивнула. — Ладно, впечатление на меня вы произвели. — Она бросила взгляд на девочку перед туннелем в противоположном конце кабинета. — Вы уверены, что он не причинит ей вреда?

— Чарлибо не причинит вреда никому и ничему, одобренному мной. У нее все будет отлично. И даже если ей никогда не понадобится позвать его на помощь, она будет чувствовать себя в большей безопасности, зная, что он тут. Это все равно, что воображаемый пистолет, который отец положил тебе в детстве под подушку для борьбы с ночными чудищами.

— Что?

— Неважно. У меня есть два выходных. Что вы делаете сегодня вечером?

Выражение ее лица стало удивленным. По правде говоря, он и сам был немного ошеломлен энергичностью этого предложения.

Это было месяц спустя, когда он сидел перед активированным туннелем у себя в кабинете в центре города, прокручивая фоновую информацию по делу, которое им с Хаяки поручили расследовать, когда по всему инфовоиду перед ним нагло выплеснулось объявление.

МЕСТЬ ЗА МОКА!

Оно поразило его, а Анхель Карденас был не из тех, кого легко поразить. Оно висело, неярко светясь у него перед глазами, плавающие в темноте туннеля буквы. Первой его реакцией была мысль, что это шутка, состряпанная, вероятно, Хаяки или кем-то из ребят в Архивном Отделе.

Но при быстром отслеживании идентифицировать отправителя не удалось, а более глубокое зондирование заблудилось в дальних туманах и тайнах Большого Ящика. Определить он сумел лишь одно: кто б там его ни отправил, исходило оно не из Департамента.

Это, конечно, не исключало возможности того, что данное объявление просто шутка, устроенная каким-то другом или коллегой. Но тем не менее... Он сделал запись самого объявления и относящегося к нему пути поступления, насколько ему удалось его отследить. Не могло ли оно исходить от одного из подчиненных Мока? Большинство из них сидело за решеткой, дожидаясь суда или уже отбывая срок. Но не было никакой гарантии, что в ходе зачистки, выполненной на основе подробных сведений, предоставленных Катлой Моккеркин, переловили абсолютно всех.

Была, конечно, еще и враждебная грамма. Та, которая пыталась захватить или ликвидировать дочь Мока. Та, которая чуть не утопила его в подводном командном центре Мока в юго-восточном Техасе. Та моллисфера, которая, когда ее демонтировали и проанализировали, снабдила богатой жилой инфокранча правоохранительные органы десяти стран.

Может, та центральная молли выплюнула последнюю мстительную команду перед тем, как ее отрезали от своего ящика и удалили? Вообще-то мстительность это не то качество, какое обычно приписывали инертным граммам. Что, если какая-то созданная в последнюю минуту ренегатская мутация главной молли Мока сумела остаться незамеченной и со своей базы в Белизе, на Барбадосе или в Ботсване замышляла месть федералу, ответственному за прекращение деятельности ее ядра?

Такая идея представлялась совершенно бредовой. Мало кто поверил бы в нее хоть на миг. Но Карденас провел больше времени за зондированием Большого Ящика, чем другие, и видел самое худшее из того, что тот мог сделать. Ящик был странной

территорией. Местом, где никто, даже те, кто повседневно по- полнял его, ремонтировал и использовал, не мог вполне понять природу того, с чем работал. Местом, которое постоянно эволю- ционировало. Обычно в согласии с эволюцией человечества но иногда, в зависимости от того, кому предпочитаешь верить, и без оного. Кто мог сказать, что возможно, а что нет в этой ти- инственной, полумагической, математической среде, которая являлась Ящиком?

И не имело значения, что кто-то нацелил на него — пи- столет или грамму: он к любым угрозам относился всерьез. И не станет обходиться иначе с этой. Если это шутка, он скажет пару ласковых тем, кто ее устроил. А если это грамма, то он доберется до ввода.

И взяв голком, он принялся давать отпор.

Опадали пожухлые листья. Гармония Френсис сидела на подоконнике второго этажа у себя в спальне в Вер- монте и смотрела, как их сгребают в кучу на лужайке пе- ред домом. Было тихое сентябрьское воскресное утро. Ее названные брат и сестра еще спали. Они вообще спали дольше, чем она, потому что они-то привыкли к тихим воскресным утрам. А поскольку Гармонии довелось ни- слаждаться в жизни очень немногим, для нее эти рассве- ты по-прежнему отдавали новизной. И потому она не хо- тала упустить или потерять понапрасну ни одного из них.

В поле зрения появился ее дядя Джим с электрограбли- ми в руке и приступил к извечному спортивному упражне- нию ранней осенью в Новой Англии, известному как сбор- листьев. Внизу, как она знала, тетя Луиза синтила жидкос- тесто для вафель с черникой, подаваемых на стол вместе с яичницей с беконом и шоколадным китовым молоком.

Негромкий звук отвлек ее внимание от окна. Опустив- взгляд, она увидела стоящую на ковре возле ее левой ноги- шестиногую машину величиной с большой палец. Четыре крошечных линзы глянули на нее в ответ, когда миниатюр- ная головка с любопытством чуть склонилась набок. Устрой- ство издавало тихое, непрерывное, и довольно приятное ме- ханическое мурлыканье.

— Ну, — воскликнула со спокойным удивлением она, — и откуда ты взялся? Из той мышинной норы на чердаке? — В голове у нее непрощено возникла знакомая детская песенка. «Сколько бопсов белый бопс бил бы батогами, если б этот белый бопс жил бы в барабане?»

Бопсы наблюдали, но не взаимодействовали. Это было общепринятой мудростью. А этот, вместо того, чтобы просто таращиться или убираться, приблизился к ней. Тетя Луиза ударилась бы в панику, если б его увидела, а дядя Джим, вероятно, замахнулся бы на него лопатой или ботинком. Поколебавшись с миг, она протянула руку вниз. Бопс сразу же шмыгнул вперед и к ней на ладонь. Подняв машинку, она уставилась на нее, дивясь на квартет миниатюрных рубиново-красных линз.

— Что вы собственно такое, малыши? Чего вы от нас хотите? И чего вы хотите от меня?

Тут из под кровати, из ванной, из-под двери чулана появились новые бопсы. Десятки новых бопсов. От разнообразия форм и размеров просто дух захватывало. Не попадалось и двух похожих. Все выглядело так, словно они экспериментировали над самими собой, ища идеальную структуру, пытаясь найти наилучший способ быть тем, чем они были. Это она могла понять. Она и сама во многих отношениях шла тем же путем. Тихо стрекоча, жужжа и гудя про себя, они карабкались на подоконник, и к ней на плечи. Может, они вместе и эволюционировали, размышляла она, но кто из них щекотливей, не вызывало никаких сомнений. Покрытая любопытными жучками, она захихикала, а затем рассмеялась.

И гадала, что подумал бы об этом тот симпатичный федерал Анхель Карденас.

Эль Фин¹.

---

¹ El fin — конец (исп..)

ГЛОССАРИЙ ИСПАНГОНА

(испано-английского жаргона)

Выражения

«Андаль!» — пшел! Убирайся! От исп. andale — уматынн
«Вердад» — правда; это точно. От исп. verdad — «правда»
«До опто» — взять что-либо по максимуму.
«Комо се происходит?» — «Что происходит?»
«Фаз» — прикольный, чудной, необычный.
«Хох» — восклицание на Полосе. Аналогично «Тпру!»
«Что за хрень?» — что стряслось?

Глаголы

Примечание: в жаргоне Полосы многие испанские глаголы «довешены» путем англицизирования их первоначальных суффиксов. Например, к глаголу солиситар (просить, ходатайствовать) вместо обычных испанских окончаний добавляется англ. -ed и -ing (или по-русски соответственно -ить, -ил или -ила.) Получается, «он о чем-то солиситарил» или «они что-то солиситарила».

аблатъ — говорить или сказать что-либо. От исп. hablar
говорить

амбулатъ — идти, ехать, двигаться

аррибал — прибыл; аррибать — прибыть. От исп. arribar
прибыть

бунговать — употребляется в том же смысле, что и незить
ветъ — ошиваться, якшаться с кем-либо

- витализировать — создать или сотворить что-либо (преимущественно — объемное изображение.) От англ. vitalize — оживлять
- вихрять — убираться прочь; рекомендовать кому-либо умятывать, сгинуть
- волубать — сказать, говорить. От англ. voluble — говорливый, разговорчивый
- дракулить — «увести» у кого-либо кровь
- задокать — законопатить кого-либо (как в архаическом английском выражении «посадить в док», т.е. на скамью подсудимых — только хуже)
- иденить — идентифицировать, опознавать, устанавливать личность
- каньонить — глубоко резать
- карнить — атаковать гражданина назойливой рекламой
- когать — трахать. От мекс. жарг. coget
- когитать — делать, творить, изобретать. От англ. cogitate — обдумывать, придумывать, размышлять, замышлять
- козить — использовать. Например, «козить для чего-либо»
- кохонить — делать что-либо еще круче. От исп. cojones — яйца
- мессить — отправлять мессагу; связываться
- миккить — выполнять что-либо по индивидуальному заказу; особенно если это делает мультинат индустрии развлечений «Дисони»
- незить — напортачить
- портажить — нести, везти
- пшикать [мелькать] — показывать рекламу
- радужить — менять цвет
- распылить — убить
- респирать — вымогать, обычно деньги
- ромпать — разрушать. От англ. romp & исп. romper — уничтожать
- ротать — украсть; ограбить кого-либо
- сабатъ — знать. От исп. saber — знать, иметь понятие
- скипнуть — взять или уволочь. От англ. жарг. skip — слянуть
- скостить — «увести» у кого-либо кости и костный мозг
- скрагать — излупцевать кого-либо
- снекать — поймать, перехватить что-либо

- солиситарить — просить, ходатайствовать. От исп. *solicitar* — просить, добиваться и т.д.
- сомберить — говорить мрачно. От исп. *sombra* — тень
- фактурить — создавать или производить что-либо
- фасилить — не напрягаться, расслабиться. От англ. *facile* и исп. *facil* — легкий, не требующий усилий
- чпокнуть — открыть
- шлаковать — водить кого-либо за нос; дразнить. А также плавить что-либо
- шрудать — отчетливо говорить или воспринимать. От англ. *shrewd* — проницательный, тонкий, трезвый, расчетливый и т.д. и т.п.
- шунтить — синоним слова амбулатъ
- экспиать — убивать. От англ. *expiate* — искупить (грех и т.п.)
- юлатъ [кубарить] — передавать что-либо

Другие

- агро — агрессия. Агрессивная личность. Из новозеландского сленга
- антиоб — антиобщественный элемент, криминальный тип
- берли — особенно грязный или скверный мусор; барахло. Из австралийского сленга
- биохир — хирург продвинутый по части мастерского управления механическими устройствами
- блестка — нелегальный наркотик
- Большой Ящик — современный эквивалент древнего, исторического Интернета
- Бопсы — беспроводные (радиоуправляемые) обслуживающие подземные системы. Индивидуальные компоненты общественных ИИ форм жизни, обитающих на Полосе
- буитры — от исп. *buitre* — стервятник (гриф, сип белоголовый и т.п.)
- вакан — нечто крутое, в жилу. Из перуанского сленга
- вердес — экологические активисты. От исп. *verde* — зеленый
- вертипроп — воздушное судно способное летать, как самолет, но с вертикальным взлетом и посадкой

- вертушка — современный вертолет
вит — видеоглаз, камера, шоу... множество всяких употреблений, относящихся к видео
вольнар — вольнонаемный специалист по технологиям
вонкер — филон, дрянь. Из австрал. сленга
ВФЖП — Всемирный Фонд Живой Природы
вырубалка — карманное оружие для доставки парализующего электрического разряда
гейзхейз [гляньтумань] — слухи. От англ. gaze — пристально вглядываться и haze — легкий туман
генженерия — генная инженерия, часто по косметическим причинам
глумер — секстель, где практикуется жесткий секс. От англ. gloom — мрачный
голком — прибор голосовых команд, который держат в руке, для управления электроникой
гразо — (исп.) жирный
грамма — компьютерная программа
гуфак (-чка) — (молодежный жаргон) дурак (дура), неумеха
динкам — правда; настоящий. Из австрал. сленга
«Дисони» — гигантский мультинат индустрии развлечений «Дисней-Сони»
дисраптор — устройство для разрядки мощного электромагнитного импульса
дронго — бродяга, неудачник, скверный парень. Из австрал. сленга
друл — «стукач». От англ. drool — пускать слюну
душевник — бедная часть большого города; необязательно трущобы
дюробль — крепкий парень; от англ. durable — прочный, крепкий, надежный; и исп. duro — твердый, жесткий, суровый
желпровода — электронные нервные узлы
индукционная труба — массовая транспортная система на магнитной подвеске, пронизывающая всю Северную Америку
интегральный — нетронутый, целый, неврединный
инфовоид — удобный трехмерный участок открытого, активного ящика

- йоббо — неудачник, бродяга. Из австрал. сленга
квик — от англ. quick click — быстро щелкнуть. Магазин,
торгующий высокотехнологичными компонентами
кейрецу — огромный торгово-промышленный конгломерат
Из японского
киломы — километры
кодо — кондоминиум, дом-совладение, кооперативный дом,
квартира в таком доме
комерсио — лавка, магазин или бизнес. От исп. comercio
комм — телефон или иное средство связи
космобаза — нелегальный наркотик
Костезона — опасный, бандитский район
кош — как в выражении kosher cash — «кошерные налич-
ные». Законные деньги
кранч — вычислительная мощность. От англ. crunch — хру-
стеть, щелкать как орешки
крильоснов — пища сделанная из криля
куло — жопа. Из исп. сленга
леперо — гнусный матерщинник. От мекс. жаргонного lepero
— прокаженный
макиладора — производственный завод старой границы
(Полосы)
макросье — большое полицейское досье
масальса — северо-мексиканская еда. От мекс. salsa
острый соус, и маса — кукурузные хлопья, из которых
пекут тортильи (кукурузные лепешки)
матаро(а) — наемный убийца. От исп. matar — убивать
Медисонный эжектор — устройство для навязывания бес-
помощной публике размножающейся, изменяющейся
рекламы. От Медисон-авеню, улицы в Нью-Йорке, где
обосновалось множество рекламных агентств
мед-очки — специализированные высокотехнологичные
очки медперсонала
мероин — синтетический опиат, наркотик [от слов метадон
и героин]
миражовка — миражная татуировка
молли — моллисфера. Сферический накопитель информа-
ции, подвешенный в магнитном поле, считывается
лазером при вращении. Интегрированный лазер по-

только считывает информацию, хранящуюся на поверхности, но может и изменить фокусировку, что позволяет ему считывать с многих слоев, составляющих сферу — словно читая информацию, напечатанную на концентрических слоях луковицы

монгер — нытик; болтун

музолинзы — похожее на очки устройство для сенсорного воспроизведения

муй мало — очень плохой. От исп. *muu malo*

мультинады — гигантские многонациональные корпорации, компании, конгломераты

муэрто — мертвец. От исп. *muerto* — мертвый. Употребляется также как глагол в значении убить

мьерд — дерьмо. От исп. *mierda*

натка — противопехотная граната

нача — зад. Из мекс. сленга

нег и поз — парень и девушка. От англ. негатив и позитив

нейпрон — очень прочное, но почти не имеющее массы волокно, созданное на основе на аэрогелевой технологии

нины; нинлокос — буквально «сумасшедшие ребята». От исп. *niño & loco*, ребенок и сумасшедший

нодестер — дилер, торгующий музплатами

нонзафадо — не в теме, не свой

обессол — обессоленная морская вода

ОТИ — Организация Тропических Исследований

пар — толки, разговоры, слух

пара-сайт — веб-сайт

паризрак — изображение образованное из «твердого» дыма.

Аэрогельная технология

пенд — пенис. От мекс. жаргонного *pendejo*

пинче каброн — гребаный козел. Из мекс. сленга

платы — маленькие, гибкие электронные средства хранения информации

подкод — дитя до тринадцати лет

психуны — психологи и психиатры

пшикарь [мелькарь] — спец по рекламе. Может быть любого пола

Пара Авес — Редкие Птицы. От лат. *Rara Aves*

Санхуана — аркомплекс, состоящий из Большого Сан-Диего

и Тихуаны

Севамерика — Северо-Американский Союз, состоящий из
прежних США, Канады и Мексики

секстель — узаконенный бордель

сильва — высококлассная шляха

симивиты — порнуха. От англ. seamy — темный, непригляд
ный, непристойный

скав — от англ. scavenger — падальщик, уборщик мусора

скимник — мошенник. От англ. skim — снимать пенки,
сливки и проч.

снаппер — полицейский снайпер. Из архаического амери
канского сленга 20-го века

сок — наркотик любой разновидности

соче — аналог школы, среда для обучения детей полезным
жизненным навыкам

спазованный — растоптанный, подавленный

стимстик — легальный курительный наркотик

страйн — австралийский сленг

струт — правда, вердад. Из австрал. сленга

субсигнал — чип личной идентификации, инсталлирован
ный под кожей

сумкодран — грабитель невысокого пошиба

СФП — Севамериканская Федеральная Полиция; федералы

сэрьюр — уважительное обращение к мужчине; комбинация
англ. сэр и исп. сеньор

тактиль — программа, которую можно «пощупать». Употреб
ляет огромные количества кранча

тамбаки — очень крупная, очень вкусная рыба из бассейна
Амазонки

техант — технологический гений, т.е. технический талант

тико/тика — прозвище жителя/жительницы Коста-Рики

тихарь — прибор, устанавливающий тишину путем подавл
ения звуков

тодос — вот и все

тоймен — игрушка, содержанка мужского пола. От англ.
toyman

тортуга — черепаха. Из исп.

траба-джоб — работа, халтурка. От исп. trabajar — работать,
и англ. job — работенка

трохус — съедобный моллюск из южной части Тихого океана
трындель — некто слишком разговорчивый. На мекс. жаргоне — *horicon*

федерал — от исп. *federale* — фараон, полицейский

федоко — пренебрежительное обозначение федерала

фежоада — пряное бразильское блюдо

фелеон — очень нехороший скверный парень. От англ. *felon* — преступник (тяжкий) и мекс. жаргонного *feon* — безобразный лох

ферал(а) — незарегистрированный житель (жительница) низов Полосы

фиска — тонкий, как проволока, клинок ножа

фликер — пистолет, стреляющий зарядами для подкожного впрыскивания; невидим для большинства детекторов оружия

«хамелеон» — высокочувствительный снабженный сенсором прибор, надевающийся на лицо и способный изобразить черты лица другого человека

хардзин — печатная газета, журнал, брошюра и т.п.

хихило — комб. хихикать и жиголо

хомбер — человек, произносится на английский лад и означает парень, чувак. От первоначального исп. *hombre*

хуэвос — «что хуэвос, то хуэвос». От исп. *huevos* — яйца. В переносном смысле — мужество

хэнгл [висбазар, базависа] — детальное обсуждение. От англ. *haggle* — торговаться и *hang* — висеть

цветополз — светящийся, похожий на неоновую рекламу, кинетический настенный декор

цедящий — работающий с ящиком (компьютером, Сетью, Паутиной и т.д.)

церебро — мозги; мозговитый

чика — цыпочка, девочка. Из исп. сленга

чингарун — очень крутой мачо. От исп. *chingaron* — крутой, и *vinegaroon* — особенно уродливый пустынный паук

чистяк — солидный, честный гражданин среднего класса

чифладо — главарь банды нинлоков. От английского *chief* — шеф, глава & исп. *chiflado* — сумасшедший

шейла — женщина, бабенка. Из австрал. сленга

шлаг-сезам — прибор для раскодирования и отпирания

электронного замка

шокер — маленькое похожее на пистолет устройство, стреляющее электрически заряженными шариками

якк — болтовня, треп; способность говорить. От англ. уак болтать, трепаться

ящики — соединенные компьютеры. Интранеты с инфранетами и с самим Большим Ящиком

Сидней Дж. Баундс

ОДУШЕВЛЕННЫЕ

Гаррингтон втиснулся в кабину. Его темные волосы сбились в немыслимую прическу, неприятный зуд в месте, до которого было невозможно добраться, доводил его до бешеного отчаяния. Он сидел в своем марсианском катере, из кабины которого, поднятой высоко на огромных баллонах-опорах, открывался вид на скалистый ландшафт, изуродованный разбросанными повсюду небольшими кратерами. Из-за пыли, покрывавшей всю поверхность Марса, весь этот пейзаж, который всегда был неизменным, окрашивался в ржаво-красные тона. В кабине катера было нормальное земное давление, и Гаррингтон снял шлем скафандра. Он жаждал как можно быстрее оказаться на базе, чтобы там наконец съесть что-нибудь горячее. А также его ожидал очередной сеанс связи в Землей, но на самом деле, он ничего не хотел так сильно, как избавиться от этого проклятого зуда.

Разозленный затянувшимся ожиданием, он посмотрел на Пуча, геолога экспедиции. Пуч находился снаружи. Постукивая своим неразлучным молотком, он отбивал куски скалы и складывал их в пристегнутый сбоку мешок. Гаррингтон, наклонившись вперед, нажал кнопку связи на пульте управления и закричал в микрофон:

— Поспеши, Шелтон! Я должен скоро выходить на связь!

Ответ Пуча пришел тотчас же. Он говорил резким, неприятным голосом. Можно было подумать, что он чем-то удивлен:

— Подожди еще пару минут, Майкл. Кажется, я что-то нашел.

Неудовлетворенный таким оборотом дела, Гаррингтон следил из-под бровей за фигурой в скафандре, быстрым шагом удалявшейся от катера. Вдруг, совершенно неожиданно, Пуч исчез, словно грунт под ним разошелся и проглотил его. Только облако пыли поднялось над тем местом, где пропало геолог, свидетельствуя о том, что произошло что-то таинственное и непонятное.

— Пуч?

В ответ из приемника донесся голос Шелтона, прерываемый свистящим тяжелым дыханием:

— Треснул шлем... не могу дышать... помощи... на помощь!

Гаррингтон, не раздумывая, надел шлем и вытащил из ящичка шлем от запасного скафандра, схватил баллон с кислородом и, как молния, выскочил наружу. Защелкнув карабин страховочного фала на раме катера возле люка, он быстро пошел к тому месту, где исчез Пуч. При гравитации на Марсе, составлявшей одну треть земной, это было нетрудно.

— Пуч! — позвал он снова.

На этот раз ответом был хрип, звук, который бросил Майкла в дрожь. Гаррингтон побежал еще быстрее и оказался на краю трещины, в которой, по-видимому, находился геолог. Пуч лежал внизу, рука его была плотно прижата к растрескавшемуся шлему. Гаррингтон бросил вниз баллон с кислородом и шлем, а сам, натянув фал, начал спускаться по откосу расщелины. Она была довольно мелкой. Оказавшись внизу, Майкс через мгновение понял, что помочь Пучу уже ничем нельзя.

Должно ли было это в конце концов произойти? Только один-единственный несчастный случай, и надо же, с трагическим концом! Мысль о том, как на сообщение о смерти геолога отреагирует Брунель, не давала Гаррингтону покоя. Капитан был очень нервным и вспыльчивым человеком. Но разве в этой лишенной кислорода атмосфере кто-нибудь из них имел бы шансы выжить?

Гаррингтон взобрался наверх, подтягиваясь за линь, и, смертельно уставший, поплелся к катеру. Связался с базой и сообщил о случившемся несчастье. Через некоторое время база вызвала его на связь, и он услышал непривычно резкий голос Брунеля:

— Оставайтесь на месте, Гаррингтон. Мы сейчас будем.

Гаррингтону ничего не оставалось делать, как с беспокойством ожидать прилета катера с капитаном. Он не любил Брунеля. Ни один из членов экипажа не симпатизировал ему — капитан Первой Марсианской Экспедиции был военным, а как обычно, все ученые, составлявшие остальной экипаж, не способны были четко выполнить приказы, особенно отдаваемые резким командирским голосом капитана.

Писк радиосигнала вырвал Гаррингтона из размышлений. Это Лане вызывал его на связь. Гаррингтон объяснил ему порядок установления связи с Землей. Сам Лане не смог бы сделать этого без указаний со стороны.

Второй катер на полной скорости подлетел к катеру Гаррингтона и затормозил, поднимая тучи пыли. Через минуту из него выпрыгнули Брунель и Дэлби.

— Где вы находились, когда это произошло? — Брунель категорически жаждал объяснений.

— В катере.

— Значит, Пуч находился снаружи один? И это после того, как мной был отдан приказ, чтобы наружу выходили только по двое? Что он там делал, черт побери?

— Целый час мы вдвоем обшаривали окрестности, но приближалось время сеанса с Землей. Я вернулся в катер. А Пуча что-то задержало...

Лицо капитана, скрытое панорамным стеклом шлема, покраснело от гнева. Даже в скафандре, который скрывал все индивидуальные особенности человека, Брунель казался суровым и холодным. Его язык стегал, как бич.

— Он погиб потому, что вы нарушили приказ! Все пары, работающие снаружи, должны быть связаны фалом. Вы хотите что-нибудь добавить, Гаррингтон?

— Пуч сообщил, что нашел что-то необычное, но как только он начал подробнее исследовать это, грунт под его ногами обвалился.

Брунель молча пошел к месту происшествия, за ним последовали Брунель и Дэлби.

— Очень интересно знать, что же Пуч мог здесь найти? — спросил Дэлби.

Брунель осторожно обошел яму. Он смутно понял, что там яма чем-то напоминает ему мышеловку. В глубине души он осознал, что Пуча чем-то могли привлечь в нее. Пристегнув страховочный фал, он осторожно спустился в яму. Вероятнее всего, Пуч упал головой вниз и, напоровшись шлемом на что-то острое на дне ямы, разбил стекло. Но он инстинктивно чувствовал, что здесь что-то не так. Он начал искать какие-нибудь подозрительные следы на дне, но там были только мелкие обломки скал, а между пальцами просачивалась только ржавая пыль.

Обвязав мертвое тело Пуча веревкой, Брунель отстегнул мешок с образцами от его скафандра и стал подниматься наверх. Гаррингтон и Дэлби общими силами вытянули его.

— Снимите с него скафандр, — приказал капитан. — Он еще может нам пригодиться.

Брунель пошел к катеру и, пока они вытаскивали труп геолога, вернулся с лопатой в руках. В марсианском грунте они вырыли могилу и положили в нее скрюченное тело Пуча.

Они склонили головы, когда Брунель стал говорить слова, которые в таких случаях произносились над могилой:

— Прахом ты есть и прахом стал, прахом ты был и прахом будешь...

Затем они засыпали могилу песком, натаскали камней, сделав какое-то подобие надгробия, и вернулись к своим катерам. Через мгновение стартовали на базу.

Бледное солнце закатилось за горизонт, и вскоре наступила темнота. Через разреженную атмосферу планеты ярко и пронзительно светили звезды. Какой-то шальной метеорит ударился о поверхность грунта, подняв тучу пыли и оставив после себя небольшой кратер. Только бледно-голубой спутник разогнал немного космическую тьму. Не было ни малейшего ветерка. Ничто не нарушало царящего вокруг покоя. Но вдруг с поверхности поднялась небольшая лиловая тучка. Правда, она тут же опала под первыми ударами мелких капель начавшегося дождя.

Бледная ладонь, раздвинув песок, который ее скрывал, поднялась к небу. Через минуту вторая ладонь присоединилась к

ней. Показались плечи, руки, голова... голова с лицом Пуча. С волос на раскрытые губы сыпался песок. Обнаженное тело поднялось и выпрямилось. Оно покачнулось и замерло. Его руки неуверенно задвигались, как бы пробуя описать полный круг. Затем застыли на мгновение неподвижно. Видимо, тело пыталось сориентироваться в пространстве. Потом, делая мелкие шажки, оно двинулось вперед. Сквозь ночь обнаженное мертвое существо направлялось к далекой базе экспедиции.

Внутри базы, под ее надувным куполом, сидел Гаррингтон и вслушивался в звуки, доносящиеся из динамика радиостанции. Он был без скафандра, в рабочем комбинезоне, и чувствовал себя на седьмом небе от испытываемого комфорта. После короткого ночного отдыха остальные члены экспедиции разлетелись на катерах, чтобы продолжить исследовательскую работу. В ходе этих исследований Лане, ученый-металлург, систематически, метр за метром, всаживал в грунт щуп металлоискателя, обходя большую территорию. Его голос как раз сейчас доносился из динамика:

— Похоже, что я отыскал залежи довольно чистого железа...

Гаррингтон слушал эти слова без всякого интереса, впрочем, как и все остальные переговоры работающих членов экспедиции. Его роль сейчас сводилась к дежурству и организации действий членов экипажа на случай внезапной угрозы их жизням. Оставшись в одиночестве на базе, он довольно долго размышлял о смерти Пуча. Разве он мог тогда ему помочь? Однако странное, какое-то непонятное чувство вины преследовало его.

Желая размяться, Гаррингтон потянулся так сильно, что коснулся ладонями лежащих на столе образцов породы, добытых Пучем. Их анализ, сделанный Брунелем, не показал ничего необычного. Пожав плечами, Гаррингтон начал приглаживать пальцами волосы. В этот самый момент над входом в базу замерцал зеленый огонек, сигнализирующий о том, что кто-то просится войти. Удивленный Майкл включил сервопривод шлюза и спросил:

— Кто это там? Кто из вас вернулся?

Одновременно его слышали на обоих катерах, и через мгновение голос капитана уже ревел в динамике:

— Что это вы там выдумываете, Гаррингтон? Никто из нас еще не мог вернуться! Мы все находимся в десяти милях от базы. Насколько я знаю, только Лане удался далее миль от места работы. Кто его видит?

Винцент, врач экспедиции, спокойным голосом сказал:

— Я вижу Лане. Он справа от меня, направляется к катеру. Эй, приятель, что там у тебя происходит на базе?

В этот момент Гаррингтон ощутил себя так, как будто попал в струю ледяной воды. Он задрожал. Что происходит? Он, как загипнотизированный, начал вглядываться в указатель давления атмосферы под куполом базы. И тут открылся шлюз. Гаррингтон молниеносно вскочил с кресла и бросился назад. Из приемника доносился хриплый голос Брунеля:

— Гаррингтон! Что случилось? Почему молчишь? Отвечай!

Пуч ждал. Молча и неподвижно, он присматривался к телу, лежащему неподвижно на полу, пока голос из приемника не замолчал.

Лане, не задерживаясь более, сложил приборы и побежал к катеру. От Гаррингтона не было ничего слышно, и его охватило чувство, что больше он никогда не услышит его голоса.

Брунель по радио уже отдавал приказ:

— Винцент и Лане, быстро возвращайтесь на базу. Мы возвращаемся тоже.

Врач выжимал из катера все, что только мог двигатель. Он поднимал тучи песка и пыли, пролетая на небольшой высоте над барханами.

— Катер разлетится от такой скорости!

— В условиях тяготения Марса может и не разлететься, — хмуро проворчал Винцент и припал к искателю, ожидая появления базы в поле видимости. Как только купол вынырнул из-за барханов, он поправил курс.

— Все выглядит нормально, — произнес он.

Брунель ответил по радио:

— Меня беспокоит то, что делается там внутри. Посади катер в ярде от базы, и ты, Лане, сходи и посмотри, что там произошло. Винцент останется на связи. Держите меня в курсе всего происходящего.

Врач лихо посадил катер в тучах пыли. Купол базы имел неприглядный внешний вид. К тому же в местах, куда попадали метеориты, он был покрыт заплатами, и от этого ощущение запущенности еще больше усиливалось.

Изнутри не доносилось ни малейшего шума. Никаких признаков движения. Лане энергично потянулся за шлемом и надел его на свою рыжую голову.

— Пойду проверю, что там, — проворчал он.

— Давай.

— Держи меня на связи.

Лане выскочил из катера и пошел к шлюзу. Когда он начал открывать его люк, ему припомнились последние слова Гаррингтона, которые он слышал по радио. Это не могла быть авария. Гаррингтон был специалистом в таких делах и очень хорошо знал свое дело. Лане заколебался перед окончательным открытием люка. Его начал парализовать страх. Злой на себя, он сказал в микрофон:

— Открываю люк.

С этими словами он вошел внутрь базы.

Гаррингтон сидел перед приемником и ничего не видящим взглядом смотрел на Лане. Его комбинезон был в крови. Он не дышал.

— Гаррингтон мертв, — потрясенно прошептал в микрофон Лане. — Похоже, что он получил ножевое ранение. Но это же невозможно!

Внезапно Лане замер от ужаса. Гаррингтон медленно поднялся с кресла и двинулся к нему. В этот же самый момент он увидел лежащее возле кресла мертвое тело Пуча. От ужаса Лане закричал:

— Пуч здесь! Он восстал из мертвых!

Блестящее лезвие ножа распорол скафандр ученого. Острые вошло между ребрами. Резкая боль пронзила все тело, и темнота обрушилась на сознание Лане. Мертвое тело

со стуком упало на пол. С невыносимым ужасом ожидал Винцент прибытия второго катера, в котором прилетели Брунель и Дэлби.

— Что еще произошло? — голос капитана был глух.

— Пока ничего, — заплетающимся языком пробормотал перепуганный врач.

Обо всем, что произошло с момента входа Лане на базу, капитан уже знал, и потому Винцент не мог добавить ничего нового.

— Там находятся только Гиррисон и Лане! — крикнул Брунель. — И никого более! Запомни это, Винцент! Никого больше!

— Пуч...

Брунель грубо оборвал врача:

— Забудь о нем! Он мертв! Он там, откуда не приходят!

Запустив двигатель катера, Брунель с Дэлби несколько раз облетели купол базы.

— Заметил что-то? — спросил Брунель у своего напарника.

Бородатый физик отрицательно покачал головой.

Внезапно Брунель громко закричал:

— Следы! Я вижу следы человеческих ног!

В этот момент Дэлби тоже заметил их — ровная строчка отиснутых на пыли следов босых ног бежала через пустое плоскогорье. Таинственные следы небольших ступней.

— Это Пуч! — громко крикнул Дэлби, потрясенный своим открытием. Брунель ничего не сказал. Они подрулили к шлюзу, где их ждал, нетерпеливо пританцовывая от страха, Винцент.

— Кроме небольшого аварийного запаса, все находится под куполом. Кислород, вода, батареи... — Брунель замолчал, давая возможность Дэлби и Винценту уяснить себе всю безнадежность их положения. Через минуту молчания он сказал:

— Чтобы продержаться до прилета звездолета, нам нужно все это достать оттуда. Ну что ж, пошли!

Ни один не запротестовал.

Брунель подошел к механизму открывания шлюза у основания купола и повернул рычаг, выпуская из купола воздух. Сморщиваясь наподобие парашюта, он стал съезживаться и

опадать. Через несколько минут перед людьми на земле лежала смятая пластиковая оболочка. Воздух вышел из него полностью. Под серыми складками не было видно никакого движения.

— Порядок! — засмеялся Брунель. — Ни одно живое существо не сможет находиться там сейчас. Помогите-ка мне приподнять оболочку.

Дэлби и Винцент подскочили к нему и стали сдергивать мягкую пластиковую оболочку, пытаясь попасть вовнутрь. Это было утомительное занятие. Пластик цеплялся за края оборудования, аппаратуры, инструментов, находившихся под ним. Они не успели сдернуть полностью покрытие, как вдруг что-то под оболочкой зашевелилось и поднялось.

Все трое застыли на месте, как мумии. Брунель почувствовал, как кожа на животе и спине у него покрылась мурашками. Из складок оболочки купола вынырнул Гаррингтон и направился к ним. Его комбинезон был в крови. Лане замыкал шествие. В скафандре, из которого вышел воздух, он двигался как-то безобразно. В молчании мертвые тела, тяжело переставляя ноги, подходили к троем оставшимся в живых астронавтам. Брунель вдохнул воздух и заорал:

— Бегите! Бегите отсюда! Винцент, Дэлби, к катеру!

Молниеносно повернувшись, он бросился бежать. Там, в кабине, на всякий случай был спрятан пистолет 45-го калибра — это было единственное оружие, которое имелось в экспедиции. Винцент и Дэлби остались на месте. Как загипнотизированные, вглядывались они в приближающиеся в них существа. Когда же наваждение прошло, было уже поздно. Пуч подошел к Дэлби и воткнул в его скафандр нож. Гаррингтон и Лане схватили Винцента и, вырвав шланги из баллонов, придавили сопротивляющееся тело к земле.

Брунель выскочил из катера с пистолетом в руке. Когда Пуч повернулся в его сторону, капитан выстрелил несколько раз. Он ясно видел, как каждая из пуль попадала в бледное тело мертвеца, вырывая куски плоти и заставляя брызгать кровь, но Пуч продолжал идти к нему. Патроны кончились. Брунель, сжимая бесполезный кусок железа в руке, повернулся и залез в катер. С максимальной скоростью он рванул-ся вперед через пустое, зловещее плоскогорье...

С огромной скоростью он гнал свой катер в сторону от базы. Его холодный академический разум лихорадочно работал, пытаясь отыскать объяснение произошедшему воскресению мертвецов. Но он никак не мог справиться с мыслями. Он был полностью дезориентирован. Через мертвую пустыню катер вели только его руки, вели чисто автоматически. Спустя какое-то время Брунель все же осознал, что его никто не преследует.

За ним никто не гнался. Поняв это, он уменьшил бешеную скорость. Постепенно до него начала доходить безнадёжность его положения. Появилось чувство обречённости. Ему скоро понадобятся вода и кислород. Чтобы их получить, надо добраться до аварийных запасов. И все время он должен быть начеку. Он теперь остался единственным живым человеком на Марсе. Тот небольшой аварийный запас давал шанс дожидаться прибытия с Земли звездолета. Корабль! Удастся ли ему предостеречь членов его экипажа?

Но прежде всего ему нужно позаботиться о себе. Если он погибнет, то экипаж земного корабля уже ничего не спасет.

Он развернул катер и направил его туда, где находился аварийный запас. Увеличил скорость и начал производить поспешные вычисления курса. После этого он начал считать, сколько осталось до прилета земного корабля. «Нужно будет поберечь припасы, — подумал он, — корабль находится только на полпути сюда».

Он затормозил катер и огляделся, замечая, что окружающий ландшафт в этом районе стал очень холмистым. Антенна радара повернулась в сторону радиомаяка, указывавшего местонахождение аварийного запаса. Капитан внимательно осмотрелся. Ни малейшего движения! Воодушевленный результатами наблюдений, он начал переносить припасы в катер. Каждое свободное пространство в каюте он заполнял продуктами, батареями, баллонами с кислородом. Емкости с водой он поместил под ногами.

Едва Брунель управился с работой, как на горизонте что-то едва уловимо изменилось. Брунель стал ждать. Постепенно ему удалось различить пять человеческих фигур. Три из них были в скафандрах. «Это Дэлби и Винцент присоединились к ним», — отметил он.

Тяжело ступая, фигуры двигались через ржаво-красную пыль, направляясь, несомненно, к нему.

Брунель залез в кабину и с большой скоростью двинулся к ним. Он попытается корпусом катера разметать эти ужасные существа. Поверхность планеты в этом месте была неровной и испещренной метеоритными кратерами. Брунель атаковал на максимальной скорости, но существа молниеносно расступились, и он промахнулся. Он возобновил атаку, двигаясь в наземном режиме, и вдруг почувствовал, что катер начинает крениться набок. Он увидел перед собой кратер и мгновенно затормозил. На теле выступил холодный пот. Он повернул назад. Если бы катер перевернулся, то это был бы конец всем надеждам. Они бы тогда быстро добрались до него. Он обернулся и увидел, что эти нелюди двигаются за ним. Конечно, он имел преимущество в скорости. Но каким-то образом они обнаружили и добрались до него. Рано или поздно они опять найдут его, и он будет вынужден снова бежать. И так могло продолжаться до бесконечности. Но ведь он нуждается во сне, да и теперь мог не выдержать этой непрерывной гонки. Он вспомнил о корабле, направляющемся сейчас к Марсу. Звездолет находится теперь на таком расстоянии, что единственный приемник, с помощью которого можно было бы с ним связаться, находится на базе. Эта мысль подействовала на него отвращающе. Он заложил небольшой вираж и направил катер в сторону базы. Захватив батареи, он выпрыгнул из кабины. Только приемника нигде не было. Вероятно, эти нелюди забрали его и где-то спрятали. Скорее всего, засыпали песком. Эта мысль поразила Брунеля. Он удивился их неограниченным возможностям. Живая смерть!

Он заметил их появление на горизонте. Маленькие подвижные точки быстро двигались в его сторону. Брунель повернулся и, вскочив в катер, дал газ. В противоположность им он был очень уставшим, хотя и двигался все время в катере. Наверняка им не требовалось ни сна, ни еды, ни какого-либо отдыха. Они рано или поздно догонят его, сколько бы эта погоня ни продолжалась.

Брунель инстинктивно направил катер в сторону красно-желтых скал, которые наверняка создадут дополнительные помехи для движения этих монстров. Он так устал, что ему

казалось, что на горизонте поднимается дым от извержения вулкана. Ко всему еще неожиданно возник злой, сильный ветер. Его порывы постепенно усиливались, поднимая облака пыли. Они заслонили небо. Брунель изменил направление движения и тотчас остановился. Он не хотел рисковать, двигаясь в сплошной пелене ржаво-красного цвета. Выключил двигатель. Ветер превратился в ураганный, который подымал в воздух тонны пыли и песка, подметая плоскогорья. Измученный Брунель заснул.

Когда он проснулся, ураган стихал. Из-за туч стало пробиваться бледное солнце. Брунель увидел, что находится в каком-то незнакомом месте, окруженном голыми холодными скалами. Пыль и песок покрывали все вокруг. Ему захотелось есть. Он пришел к выводу, что самое лучшее, что он мог бы сейчас сделать, это остаться на месте. Когда корабль выйдет на орбиту, он сможет связаться с ним из катера и предупредить об опасности. Может быть, это и удастся.

Его внимание отвлекла другая проблема. Что же все-таки произошло? Он спокойно начал вспоминать все подробности случившегося. Кто овладел телами его товарищей? Может быть, какая-то другая форма жизни, которая, как марионетками, двигает мертвыми куклами? Может быть, это вирус? Вирус, который поражает мозг и всю нервную систему и приводит к тому, что человек впадает в состояние комы. Может быть, это какой-то марсианский паразит, который внезапно активизировался? Вирус?.. Брунель с трудом вспоминал то, что ему известно о них. Белковая оболочка, ядро из нуклеиновой кислоты... Когда вирус проникает в организм, то начинает управлять им, подавляя своими нуклеиновыми кислотами гены хозяина. Вирус влияет на него, образуя новые нуклеиновые цепочки, уничтожая старые и постепенно создавая совсем иной организм. Это было что-то похожее на кошмар. Брунель начал лихорадочно размышлять, как остановить его распространение? Что будет, если он попадет на Землю? Ведь скоро корабль приземлится...

Брунель вполне осознавал, что может произойти. Он должен быть предельно осторожен и внимателен, чтобы остановить эту заразу. Он уныло вздохнул. Губы его пересохли. Во всем теле чувствовалась слабость. Воздух в кабине катера

приобрел неприятный запах. Долгое пребывание в кабине не планировалось создателями машины. Брунель выпил глоток воды и принудил себя съесть полбанки консервов. Ему ничего не оставалось делать, кроме как ждать. Нелюди, даже если и могли как-то отыскать катер, то до сих пор не нашли его, а Брунель не мог сдвинуться с места, не оставляя следов. Да и не было смысла менять местоположение. Сколько же времени прошло с тех пор, как начался этот кошмар? Было тихо. Он выключил все приборы, кроме системы очистки воздуха. Нужно было экономить электроэнергию. Вскоре она потребуется. Сколько же прошло дней? Машинально он зачеркнул в календаре очередную цифру.

У него начала болеть голова. Заканчивались баллоны с кислородом. Он должен был решиться на рейд к базе за оставшимся там кислородом. Сохранились ли они там еще? Дай бог, чтобы баллоны были! Все труднее и труднее ему удавалось собрать свои мысли вместе. Постепенно его тело начинало двигаться все медленнее и медленнее. Лететь, а зачем?..

Вдруг где-то высоко в глубоком пурпуре неба, возник едва уловимый огонек. Был ли это корабль? Брунель посмотрел на календарь. Неужели он так ошибся? Нет, этого не могло быть! Однако все-таки этот огонек был звездолетом с Земли. С новым экипажем на борту он приближался к планете. Брунель включил приемник и услышал в динамике:

— Корабль к базе! Вы слышите нас?

Он замер от неожиданности, когда в ответ раздался спокойный и ясный голос Гаррингтона:

— Слышим вас хорошо.

— Привет, Гаррингтон. Мы постараемся сесть как можно ближе к базе. Как там у вас дела? Вы уже нашли капитана Брунеля?

— Вообще-то все в порядке. А если говорить о поисках, то все пока без изменений. Пока...

Брунель мгновенно очнулся от шока, который поразил его и, не размышляя более, крикнул в микрофон:

— Не садитесь! Говорит капитан Брунель! Не садитесь! Кроме меня здесь все мертвы! Нелюди завладели их разумами!

С корабля донесся до него другой голос:

— Говорит доктор Эллиот. Извините, сэр, но вам нужно успокоиться. Мы вскоре будем с вами.

— Ради бога! Не садитесь на Марс!

Снова отозвался Гаррингтон:

— Я же говорил вам, что командир спятил.

— Хорошо. Мы обеспечим его лечение.

Брунель все понял. Он пропустил момент начала связи с кораблем. Чужаки опередили его. Они позвали на помощь. И экипаж корабля, поймав сигнал бедствия, увеличил скорость полета. Брунель включил двигатели катера и с максимальной скоростью помчался к базе. Он напряг все силы, чтобы удержать страх, рвущийся из него наружу.

— Повторяю! Не садитесь возле базы! Экипаж базы — не люди!

Его приказы игнорировали. Монотонный голос начал отсчет времени.

— Десять... девять... восемь...

Брунель гнал катер, ни на секунду не снижая скорости. Он должен прибыть на место посадки как можно быстрее!

Вдали показалась база. Он ясно видел вновь надутый купол. Рядом с другим катером стояли люди в скафандрах. Они ожидали посадки. Все выглядело, как обычно, и у Брунеля перехватило дыхание от отчаяния. Внезапно катер накренился, зацепился за что-то и носом нырнул в кратер, попавшийся на пути. Титановое стекло кабины треснуло. Брунель нечеловеческим усилием попробовал вырваться из тисков зажавшего его кресла. Но ничего не получилось. Красный туман наполнил его сознание. Он из последних сил закричал в микрофон.

— Не открывайте люки! Не пускайте их вовнутрь!

Брунель лежал, и никто не мог ему помочь. Он был почти без сознания. И ничего не мог сделать. Лежа в этом кратере, он даже не мог видеть садящийся корабль. Все, что произошло потом, он мог себе только представить.

Из приемника краем сознания он уловил голоса прибывших людей, приветствовавшие членов Первой Марсианской Экспедиции. Внезапно все смолкло. Тишина... тишина...

Брунель заплакал.

Пуч все-таки пришел к нему. Однако капитан не стал ждать прикосновения ножа к своему телу. Быстрым движением руки он раскрыл замки шлема, и марсианский воздух ворвался в его легкие, сжигая и разрывая их.

Командир присоединился к остальному экипажу, и звездный корабль, выбросив зловещий столб огня, взметнулся в высокое пурпурное марсианское небо, взяв курс прямо на Землю.

Дж. Ф. Боун

НА ЧЕТВЕРТОЙ ПЛАНЕТЕ

А-1 Кворн оторвался от поисков пищи, выдвинул глаз и оглядел предмет, который загораживал путь.

Препятствие он заметил лишь тогда, когда чуть не уткнулся в него. Все внимание Кворна было сосредоточено на том, чтобы выискивать в лишайнике, устилавшем дорогу, достаточно крупные частицы съедобного корма. Но неожиданное тепло, исходившее от предмета, вызвало тревогу. Близился закат. И ничто вокруг, как живое, так и неживое, не могло излучать столько теплоты, сколько испускалось блестящей металлической стеной, выросшей перед ним. Он задрал главный отросток еще выше, чтобы заглянуть через верх, и одновременно расправил кожную мантию, ловя тепло. Стена была не очень большой, но все-таки достаточно высокой, чтобы причинить определенные неудобства. Слегка изгибаясь, она тянулась до пограничной полосы его владений.

Смутная память поколений подсказала Кворну, что перед ним находятся остатки древней культуры, сооружение тех дней, когда у его племени был еще досуг, чтобы мечтать, и время, чтобы строить. Вероятнее всего, эту постройку возвели далекие предки, и она лишь недавно обнажилась из-под песка, под которым была погребена тысячами. Подобные металлические предметы то появлялись, то исчезали по мере того, как передвигались ветрами песчаные дюны. Он и раньше их видел, хотя ему еще ни разу не приходилось сталкиваться с сооружением столь большим и столь хорошо сохранившимся. Оно сияло, словно сделанное только вчера, в иссиня-черную темноту неба.

Как только глаз его поднялся над верхушкой стены, он вздрогнул, пораженный и охваченный удивлением. Это была

не стена, как он думал. Это был только край огромного металлического диска пятидесяти раадов в диаметре. Но и это не все. От диска вверх уходили три мощные металлические колонны, сходясь к центру по мере того, как они поднимались к небу. И где-то в вышине, почти за пределами видимости, просматривался гигантский цилиндр, который они поддерживали в вертикальном положении. Диаметр цилиндра почти равнялся по величине диаметру диска, на котором он сначала задержал взгляд. При виде нависшей над ним громады Кворна охватило тревожное чувство, словно этот цилиндр вот-вот сорвется и рухнет вниз. Поверхность его усеивали странные шарнирные наросты, а сбоку, в верхней части, от большого цилиндра отходили два поменьше. Они располагались чуть поодаль друг от друга и разделялись вертикальным рядом из четырех конструкций черного цвета.

А-1 Кворн с отвращением и недоумением взирал на гигантское сооружение. Какую массу песка должна была унести песчаная буря, чтобы оголить его из-под земли. И надо же было этой невесть откуда взявшейся громадине оказаться именно на его пути! Кожная мантия Кворна потемнела от гнева. Ну почему с ним вечно что-нибудь случается? Почему эта железяка не могла вылезти на пути у другого, на земле одного из его соседей? Она загородила собой почти три тысячи квадратных раадов питательной почвы. Для того, чтобы преодолеть препятствие, потребовалось бы изрядное количество энергии, а этого он не мог себе позволить. Ну почему это сооружение не встретилось на пути А-1 Кааде или А-1 Варсу — или любому другому из его многочисленных соплеменников? Почему именно он должен был упереться в преграду?

Обойти препятствие он не мог, поскольку оно простиралось за пределы его территории и, следовательно, ему придется расходовать драгоценную энергию на то, чтобы взобраться на стену и преодолеть гладкую сверкающую поверхность диска — весь этот путь предстояло проделать без пищи, так как ему не удалось разглядеть на блестящей металлической поверхности никаких следов лишайника.

Над землей потянуло ночной прохладой. Большинство соплеменников Кворна уже закутались в мантии, сберегая

энергию до тех пор, пока рассвет не согреет их. Но Кворну не было нужды погружаться в спячку, у стены было достаточно тепло.

Охлаждаясь, воздух слабо мерцал. На основании громадного сооружения оседали микрокристаллы льда, очерчивавшие его блестящим контуром на фоне тускло-коричневого ландшафта, покрытого серо-зеленым лишайником, к которому прижимались, вытянувшись пунктиром, пурпурные комочки собирателей пищи. За Кворном и его соседями, отделенные пространством в двадцать раадов, длинной линией, уходящей в темноту, растянулись по холмистой местности закутанные в мантии тела соплеменников. Еще дальше тянулась другая линия. Но впереди не было никого, ибо А-1 Кворн и все другие А-1 были старейшинами Племени и двигались в первом ряду, который занимали, согласно Закону, будучи самыми зрелыми и наиболее способными к размножению.

Каада и Варс беспокойно шевелились, побуждаемые к движению теплом, которое излучала стена, но вынужденными были, подчиняясь Закону, держать свое место в ряду, пока взошедшее солнце не согреет остальных. Их темно-пурпурные мантии струились по поверхности, в то время как они раздраженно выпячивали псевдоподии до граничных полос.

Им не терпелось переговорить с А-1 Кворном.

Но Кворн не был готов к разговору. Он держался в отдалении, протягивая тонкие щупальца к возвышающейся перед ним стене. Энергия, конечно, растрачивалась, но он пришел к мнению, что лучше ему, не считаясь с затратами, разузнать все, что можно об этой штуковине до того, как он предпримет завтра попытку пересечь ее.

А то, что он будет вынужден преодолевать ее, было очевидным, ибо Закон был особенно строг, когда дело касалось посягательств на территорию соседей.

Ни один из членов Племени не имел права нарушить границу соседа на протяжении всего Времени Перехода без официального позволения. Вторжение на чужую территорию карается изгнанием правонарушителя со своего места в ряду.

А это было равнозначно смертному приговору.

Формально он мог бы попросить у Каады или Варса разрешения, но фактически был уверен, что не получит его. Отношения Кворна с соседями нельзя было назвать блестящими. Каада был сварлив, стар и эгоистичен. Он не воспроизвелся в минувший сезон, и его жизненный тонус был низким. Вечно голодный, он не брезговал время от времени исхитриться и оттянуть своей псевдоподией кусок корма с соседней территории. Кворн уже как-то предупредил его, что не потерпит подобных посягательств и потребует общего суда, если браконьерство повторится. А поскольку все они были физически неспособны солгать, то Кааду бы наверняка изгнали. После этого случая Каада стал держаться в определенных ему границах, но Кворна он заметно недолюбливал.

А с Варсом, чья тропа пролежала справа от Кворна, было и того хуже. Его выдвинули в А-1 ранг всего год назад. Тогда еще в Племени ходили всякие слухи о незаконной подкормке и воровстве зародышевой протоплазмы у тех, кто был поменьше и послабее. Но доказать ничего не могли, хотя немало молодежи погибло в борьбе за возможность вырасти и достичь зрелости.

Кворн поморщился. Если уж Варс является примером подрастающего поколения, то все общество прямиком скатывается в Пустоту. Он терпеть не мог этого предприимчивого, агрессивно настроенного юнца, который крутился у самой границы его владений и нажимал на соседей, но чуть не взрывался от злости, стоило лишь слегка случайно заползти на его территорию. Что еще хуже, Варс успешно воспроизвелся в этом году, таким образом омоложившись. Что касается Кворна, то его собственная попытка лишь частично увенчалась успехом. Запасы энергии оказались недостаточными, и процесс омоложения завершился лишь отчасти. Этого, однако, хватило бы на то, чтобы он смог добраться до зимних кормовых полей. Но все же он подстраховался, заняв место возле Каады, которому наверняка предстоит уйти в пустоту, если пищи на пути окажется мало.

Однако он не учел того, что рядом с ним будет Варс.

Кворн утешал себя мыслью, что и других могут быть такие же плохие соседи, как у него. Но уж он-то никогда не совершит грубейшей ошибки и не поменяется с ними заро-

дышевой протоплазмой, даже если бы от этого зависели его положение и способность к воспроизведению. Такие клетки, как у его соседей, никоим образом не улучшили то чувство дисциплины и порядка, которые он заботливо развил у себя. Его отпрыски были учтивыми и благородными на благо Племени и во славу рода Кворнов. Отцу следует гордиться своим отпрыском, так, чтобы когда потомство окажется способным к размножению, ему не пришлось бы стыдиться тех, кого они произведут на свет. «Каждому А-1, — мрачно думал Кворн, — следовало бы испытывать чувство ответственности за все, что имеет первостепенное значение для будущего расы».

Гнев утих, когда он усилил синергический контроль. Гнев был тратой энергии — роскошью, которой он не мог себе позволить. Так уж вышло, что ему не удалось запастись энергией в достаточном количестве. Год был плохим. Весна запоздала, а осень наступила рано. Лето вышло сухим, и лишайник на кормовых полях не удался. Крошечные луковичеобразные грибки, основной источник пищи для племенн, так и не созрели. Обычно сочные и мясистые, они на этот раз остались сухими, сморщенными и неаппетитными. А те, что встречались по пути к зимним кормовым полям, были ничуть не лучше.

С хмурым видом Кворн дотронулся осязательным волосом до стены. На ощупь она была непривычно теплой и гладкой. Он внимательно ощупал металлическую поверхность и почувствовал на ней почти микроскопические горизонтальные бороздки. Этот факт он воспринял с облегчением. Значит, на диск можно взобраться. Но в тот самый миг, когда Кворн собрался расслабиться, его щупальца скрючились в смертельной судороге, и он отдернулся назад. Стена обожгла его! В тех местах, где он прикасался к металлу, показались едва заметные струйки пара, тотчас же замерзающие в прохладном воздухе. Он отдернул отросток, повинуюсь инстинктивно-защитному сокращению клеток. Боль немедленно прекратилась, но жгучая память о ней была столь болезненной, что кожная мантия продолжала еще некоторое время конвульсивно дергаться, пока не затихла рефлекторная реакция.

С задумчивым видом Кворн поглотил поврежденный отросток. Затем, будто пронзенный током, он осознал, что не сможет перебраться через диск. И мысль эта привела его в ужас. Если он не сможет пройти, то его земля ьза препятствием останется незанятой и освободится для захвата соседями. Подождать, пока они пройдут, и присоединиться к ним позже, он так же не мог. Закон особо оговаривал этот случай. Если кто-либо из Племени отстанет от своего ряда, его земля считается незанятой, и ее дозволено занять соседям. Отставшему запрещается стремиться к возврату на старое место путем продвижения вперед. Тот, кто покинет свое место, покидает его навеки.

Он сухо отметил про себя, что именно этот пункт закона дал ему возможность занять место около Каады. И конечно же его сегодняшние соседи знали Закон так же хорошо, как и он сам. Это было частью их существа, частью их клеток, даже до того, как они отделились от своих родителей. Верхом безумия было надеяться, что такие соседи, как Варс и Каада, позволили бы ему пройти через их земли и сохранить свое место в ряду.

Горькие мысли растревожили Кворна, но его отвлек Каада, вытянувший к нему коммуникативный отросток.

— Что это за штука лежит на наших с тобой землях? — спросил он.

Его слабый сигнал еле ощущался. Было очевидно, что ему долго не протянуть, если только не улучшится питание.

— Не знаю. Это что-то металлическое. И оно преграждает мне путь. Я не могу через него перебраться. Оно жжется, когда я к нему прикасаюсь.

По отростку Каады прошел импульс острого возбуждения. Старый А-1 тотчас прервал связь, но не раньше, чем Кворн прочел там вспышку надежды на то, что он, Кворн, обжегся. Здесь на помощь рассчитывать было нечего, а дикая жадность Варса была так хорошо известна, что пытаться счастье в его стороне даже не стоило.

Волна безысходности захлестнула Кворна. Он был обречен, если только ему не удастся найти способ преодолеть барьер.

Он не хотел уходить в Пустоту. Он повидал слишком многих, ушедших туда, чтобы в нем появилось желание следовать

за ними. Поддавшись отчаянию, он на какое-то время решил даже умолять Кааду и Варса о разрешении заполнить на их земли на то короткое время, которое потребуется, чтобы обогнуть препятствие, но разум взял верх. Такая просьба несомненно встретит прямой отказ, а он, в конце концов, был все же А-1 Кворном, и у него была своя гордость. Он не станет просить, когда мольбы бесполезны.

Оставалась еще минимальная вероятность выжить, если покрепче сжать мантию и подождать, пока мимо пройдут все ряды. Он сможет тогда пристроиться сзади... и, что почти нереально, но все же возможно, за ушедшими останется достаточно пищи, чтобы ему хватило сил добраться до зимних кормовых полей. Может быть, ему все-таки удастся перебраться через диск. В стене хватает тепла, чтобы подержать его активность. Работая всю ночь он, вероятно, смог бы проложить дорожку из песка по поверхности диска и уберечь таким образом свои ткани от испепеляющего металла. Правда, опередив остальных, он формально нарушит закон, но если он не начнет есть раньше других, то не причинит никакого вреда.

Кворн придвинулся и начал подгребать песок к основанию преграды, пытаясь сделать широкую насыпь, по которой можно было бы взобраться до верхней части диска. Работа шла медленно, песок скользил. Гладкие песчинки не держались, и насыпь то и дело обваливалась. Но он продолжал трудиться, наваливая землю, пока куча песка не сравнялась с верхним краем диска. Он взглянул через верх на простершуюся перед ним плоскую поверхность.

Пятьдесят раадов!

С таким же успехом тут могло быть и пятьдесят зетов. Такое расстояние ему не по силам. Уже теперь его энергетический уровень так снизился, что он еле двигался, а ведь ему надо было еще проложить дорожку в один раад шириной через всю эту пустыню металла — нет, эта задача была выше его возможностей. В полном изнеможении Кворн распластался на насыпи. Бесполезно. Все, что ему следует сделать, так это распахнуть мантию навстречу Пустоте.

Работая, он не чувствовал прикосновения коммуникативных отростков Каады и Варса. Он был слишком занят.

Но теперь, ощутив ликование Каады и циничное — «Весьма благородное решение, А-1 Кворн. Хвалю», — брошенное Варсом, он понял, что они уже все знали.

Его тело сморщилось в отчаянии. Он устал, он слишком устал, чтобы сердиться. Уровень энергии упал совсем низко. В полном равнодушии он размышлял о Пустоте. Рано или поздно она приходит к каждому в Племени. Он жил дольше других, и теперь, наверное, пробил его час. С ним было покончено. Он воспринял эту мысль с таким хладнокровием и фатализмом, о существовании которых в себе даже не подозревал. Так он и лежал на песке, раскинув мантию и безучастно ожидая своего часа.

«Это наступит не скоро», — думал Кворн. Он все еще был далек от клеточного расстройств, которое предшествовало отмиранию. Он был просто изнурен и нуждался в пище, чтобы восстановить энергию.

Добудь он еды, у него все еще оставался бы ничтожнейший шанс на то, что он успеет проложить дорожку в срок. Но еды не было. Он выел подчистую всю свою зону перед тем, как уткнулся в преграду.

Но пока он лежал вот так, вяло и безвольно, растянувшись на насыпи у преграды, он вдруг понял, что металл не был мертв. Металл жил! Где-то внутри проходили ритмические колебания и сквозь песок передавались ему.

Дикая надежда зажглась в нем. Если эта глыба металла жива, то она может услышать его сигнал. Он сосредоточил остающиеся запасы энергии и, невзирая на боль, прижал коммуникативный отросток к металлической поверхности.

— Помоги! — отчаянно просигналил он. — Ты преграждаешь мне путь! Я не могу пройти!

С одной стороны он уловил смех Варса, с другой — злорадную алчность Каады.

«Мне не пробудить эту металлическую глыбу», — решил он наконец, потеряв всякую надежду после того, как, увеличив нажим, попробовал еще раз передать сигнал. Он не обращал внимания на боль в горящей плоти.

Что-то гулко щелкнуло внутри сооружения, и темп вибрации изменился.

«Пробуждается!» — мелькнула у Кворна дикая мысль.

Наверху раздался скрип. Из цилиндра со скрежетом и треском выдвинулся стержень и вкрутился в земаю на территории Варса. Из верхней части цилиндра высунулась решетка и начала медленно вращаться. В то же мгновение Кворн вздрогнул и застыл, пронзенный колоссальной мощью обрушившихся на него сигналов. Это были слова, но без смысла, волны звука, бьющего по его рецепторам, речи на неизвестном языке, которого он не мог постичь. «Язык Племени сильно изменился с тех далеких времен», — подумал он в отчаянии.

Затем из малых цилиндров с оглушительным ревом выплеснулись пламя и дым. И тут же из большого цилиндра, прикрепленные к тонким темным нитям, вылетели два се ребристых шара и, упав рядом с ним, ушли в песок. Нити неподвижно провисли, а Кворн сжал мантию, как броню, и скатился с насыпи.

Наступившее безмолвие было таким глубоким, что, казалось, сама Пустота завладела миром.

Кворн медленно ослабил напряжение кожной мантии. «Во имя зачинателя рода, — прошептал он с дрожью в голосе, — что это было?» Неистовые звуки ошеломили, внесли сумятицу в его чувства. Это было даже хуже, чем завывание и рев самшина, который дул порой с юга, неся с собой пыль, лишайник, грибки и даже кое-кого из Племени — тех, кто был слишком неповоротлив или слишком глуп и не успел укрыться от ярости ветра.

Кворн осторожно осмотрел повреждения мантии. Они оказались незначительными. Небольшой разрыв, который легко было восстановить, несколько песчинок, которые не трудно было извлечь. Он слился в комок, собираясь с наименьшими затратами энергии приступить к регенерации, но в это время ощутил поток излучения, исходящий от нити, которая свисала с цилиндра.

Еда!

И какая еда!

Это была отцеженная квинтэссенция тысяч пурпурных грибков! Открытие отозвалось в его чувствах пьянящей волной экстаза, радостью столь неумеренной, что его кож

ная мантия засияла ярко-алым светом. Он вытянул псевдоподию, дотронулся до нити и задрожал всем телом, предвкушая наслаждение. Оргия безудержного восторга, почти невыносимого для его плоти, вытеснила мысль о преграде. По телу прокатилась волна удовольствия, в то время как он осторожно продвинулся, накрывая собой волокно. «Возможно, это ловушка», — думал Кворн, но для него уже все стало безразлично. Слишком могущественным призывом зазвучала изголодавшаяся плоть, слишком соблазнительным был самый восторг невероятной амброзии, от которого сладко сократилась пищеварительная вакуоль, чтобы его ослабевшая воля могла ему противиться, даже если бы он и решился на это. Дрожь наслаждения росла по мере того, как все большая площадь его пищепоглотительных поверхностей соприкасались с нитью. Он прижимался к ней, обволакивая всем телом, с удовольствием чувствуя пищеварительные сокращения. Насколько он мог припомнить, ему еще никогда не приходилось так питаться. Энергоуровни подскочили вверх и напряженно вибрировали. Поглотив с нити последний кусочек амброзии, он развернулся и посмотрел на продолжение трапезы, ожидавшее его меньше чем в двадцати раадах.

Полный чувственного довольства, Кворн протянул псевдоподию с верхней части тела и попробовал другую нить. Его первичная пищеварительная вакуоль наполнилась под завязку, но желание есть еще и еще горело в нем сильнее, чем когда-либо. И это несмотря на то, что, как он знал, еда со второй нити привела бы его к критической точке, вынудила бы воспроизвестись. Мысль позабавила Кворна. Насколько он помнил, еще ни один из Племени никогда не почковался во время Перехода. Это стало бы чем-то неслыханным, это событие навеки вошло бы в анналы истории Племени и, возможно, даже вызвало бы изменения в Законе.

Псевдоподия достигла цели, коснулась ее и замерла. Там не было ничего, кроме воздуха.

Сладострастные мысли, заполнявшие Кворна, сменились чувством страха. Поглощенный едой, он не заметил, что нить натянулась и стала медленно втягиваться обратно в цилиндр! А теперь уже было слишком поздно! Он находился над краем металлического диска.

Кворн яростно пытался высвободить пищеварительные поверхности от нити, чтобы сползти вниз, но не смог пошевелиться. Он прилип к темному волокну, охваченный чем-то вязким, что намертво приклеило его клетки к веревке. Он не мог вырваться на свободу.

Трос упорно двигался вверх, неумолимо увлекая его с собой к темному отверстию, зияющему в нависшем цилиндре. Кворна охватила паника! Он еще раз отчаянно попытался освободиться. Псевдоподия тщетно металась в воздухе. В паническом страхе он пытался за что-нибудь уцепиться, но что-нибудь упереться, чтобы остановить это медленное продвижение к дьявольской боли, которая ждала его наверху глыбе металла.

Его ищущие щупальца наткнулись на чью-то плоть, и в ту же секунду Кворн уловил мысли А-1 Каады, полные ужаса. Старик отреагировал быстрее, возможно, потому, что воровал. Но как и Кворн, он приклеился и не мог освободиться.

— Так тебе и надо, — мрачно просигналил Кворн. — Эта штука лежала на моей территории. Ты не имел права кормиться от нее.

— Освободи меня! — закричал Каада, тело которого приклеилось широким куском пищеварительных тканей, и теперь свисало, раскачиваясь, с нити, пока он корчился и подергивался в безумном ужасе. «Странно, — подумал Кворн, — У тебя приклеилось не так уж много протоплазмы. И если ты ее потеряешь, то не причинишь себе особого вреда. Жизнь дороже, чем кусок плоти. Поспеши! Если ты не поторопишься, будет поздно. Этот металл ядовит для нашего организма».

— Но ведь это больно — отрезать часть пищеварительных тканей, — запротестовал Каада.

— Ты умрешь, если не отрежешь.

— Тогда почему ты сам этого не делаешь?

— Я не могу, — тоскливо сказал Кворн. — Я прилип к нити всей своей поверхностью. Мне уже не освободиться. — Он почти успокоился, смирившись с неизбежным. Жадность довела его до беды. И теперь, возможно, его ждет заслуженная кара. Но Кааде нет нужды умирать, и он не умрет, если только проявит смелость.

Кворн развернул главный отросток, чтобы взглянуть на то, как борется сосед. Каада, видно, все-таки собрался последовать совету. Ткани его нижней части, приклеившейся к нити, начали утоньшаться. Каада отвел коммуникативный отросток. Но движения его были медленными и нерешительными. А вся масса его тела уже свисала над краем диска.

— Быстрее, глупец! — просигналил Кворн. — Еще мгновение, и ты погиб.

Но Каада не мог его слышать. Протоплазма его медленно расползлась, в то время, как он нехотя отрывался от пищеварительных тканей. Но он уже находился над диском. Вот рассоединились последние клетки, и Каада рухнул, распластав мантию, всем телом прямо на металлическую поверхность. Какое-то время он лежал там, судорожно подергиваясь, а затем скрылся из виду, окутавшись облаком застывающего пара, и сущность его с воплями канула в Пустоту. Кворн поежился. Ужасная смерть. Но его судьба была не лучше. И Кворн поплотнее сжал мантию, когда его начало втягивать в темное отверстие в цилиндре. Через мгновение он последует за Каадой в странствие, из которого не возвращался еще никто из Племени. Вот его тело исчезло в дыре.

... И погрузилось в рай!

Он скользнул в теплую густую жидкость, которая растворила клей, удерживавший его на нити. Очутившись на свободе, Кворн постепенно понял, что ему не суждено умереть. Он купался в жидкой пище. Он плавал в ней! Со всех сторон его окружали немыслимые запахи, ароматы столь крепкие и восхитительные, что его ум был не в силах в них разобраться. Нить была вкусна, но это — это было нечто неопишемое! Расслабившись, он расправил кожную мантию и принялся смаковать, поглощать, переваривать, метаболизировать, испражнять. Энергоуровни взметнулись вверх. Ядра зародышевой протоплазмы разбухли, их хромосомы расщепились, и только что образовавшаяся огромная почка отделилась от его тела. Он воспроизвелся!

Сквозь затухающий туман соматического потрясения, Кворн смутно сознавал, что все неправильно, что время было неподходящим, пространство ограниченным и что его

естественная реакция на изобилие съестного проявилась ошибочно. Но в этот момент ему было все равно.

Тысячи и тысячи раз проделал он за свою жизнь путь от экватора до полюса в беспрестанных поисках пищи, взрослея и омолаживаясь, когда условия тому благоприятствовали, сморщиваясь и старея, когда с едой было плохо. Он был прикован к почве. Он был рабом грубых потребностей плоти и Природы. Но теперь он разорвал оковы.

Он упивался свободой. Должно быть, именно так все было в те далекие времена, когда реки и моря были полны водными, и в них росли пригодные для пищи водоросли, и у Племена было время на юношеские мечты и молодые надежды, и оно могло воплощать свои мысли и мечты в сверкающую реальность машин и городов. Такими были те времена, когда разум летал над землей и принадлежал далеким лунам, солнцу и вечерним звездам.

Но это было давным-давно.

Кворн лежал умиротворенно, чувствуя совершающуюся в нем перемену. Клетки множились, возмещая утраченные, тело набухло и грузнело. Он омолодился. В клетках его растущего тела, возбужденных изобилием пищи, ожили воспоминания, та память, о существовании которой он давно забыл. Прошрое пробежало перед ним в непрерывной продолжительности, восходя к самому рассвету его расы. Ибо в нем самом хранился опыт, накопленный всеми его предшественниками испокон веков. Некоторые воспоминания были расплывчатыми, другие более четкими, но все они хранились в нем. Все, что требовалось, чтобы вызволить их из мрака забвения, так это приложить определенное усилие.

Впервые за тысячелетия в условиях изобилия пищи появилась возможность реализовать это усилие, выявить раздражитель, так как им был рост, только быстрый рост, и там, снаружи, в скудной и голодной пустыне, этого не могло произойти.

С внезапной отчетливостью увидел он, как умственно и физически деградировал его Народ, постепенно приспосабливаясь ко все увеличивающемуся оцепенению органической жизни. Стремительный поток оживших воспоминаний пронесся в мозгу, оставив новое знание того, кем он был, и

кем стал. Взор его оторвался от грязи и лишайника. Увиденное наполнило Кворна жалостью и презрением. Жалостью к тому, что стало с его Народом; презрением к их неспособности осознать это. И все же он был ничуть не лучше других. Лишь случайность, приведшая его внутрь артефакта, дала ему возможность приобрести знание. Сограждане же не могли знать, что сделало с ними постепенное уменьшение еды. Тысячелетиями они приспосабливались, меняясь в соответствии с меняющимися условиями, и выжили только потому, что были более умными и стойкими, чем остальные формы жизни, которые давно исчезли с лица планеты. Сотни тысяч лет минули с тех пор, когда зло высочайшей техники обрушилось на тех, кто ее создал, и в результате сформировался вид, привязанный к простейшему способу существования, неспособный думать ни о чем, кроме насущных жизненных потребностей.

A-1 Кворн вздохнул. Лучше бы ему было не вспоминать обо всем этом. Но он не мог отвергнуть ни знания, ни ожившей памяти. Они были в нем, вызванные к жизни пищей, в которой он плавал.

Рядом подрастал его отпрыск. Отпочковавшийся организм всегда быстро рос в благоприятных условиях, а эти были идеальными. Скоро дитя станет таким же большим, как и он сам. Но тем не менее оно так и останется ребенком. Оно не сможет превратиться во взрослую особь, не обменявшись протоплазмой с другими детьми. А других детей не было.

Оно будет расти и расти, потому что в его клетках не будет контроля зрелости. Оно так и останется частично ощущающим бесформенным комком плоти. И через некоторое время это станет опасным. Когда оно уничтожит всю пищу, оно ринется на него в безумном голоде. Оно не поймет, что A-1 Кворн его отец, а если и поймет, то не посчитается с этим. Каждый ребенок в высшей степени эгоистичен, и во всем его ограниченном мирке нет ничего важнее его собственных желаний.

Кворн бесстрастно оценил ситуацию.

Было очевидно, что ему необходимо выбраться из ловушки прежде, чем отпрыск уничтожит его. И тем не менее

ему не удалось придумать, каким образом можно избежать соприкосновения с испепеляющим металлом. Теперь он уз навал его, этот элемент с одиннадцатью протонами в ядре, легкий металл, который весьма редко использовался его на родом даже в дни величия из-за его способности быстро окисляться и взрываться ярким пламенем при нагревании. Неожиданно он понял, что артефакт был ничем иным, как гигантским светильником!

Почему он построен таким образом? В чем заключалось его назначение? Почему он хранил молчание с тех пор, как обрушил на него поток неразборчивой тарабарщины перед тем, как втащила внутрь? С того самого момента, как Кворн попал в резервуар с едой, артефакт молчал, и лишь откуда-то сверху доносилось слабое пощелкивание и жужжание. У Кворна появилось странное чувство, что за ним наблюдают, собирая информацию о нем и его ответных реакциях.

И тут раздался голос. Загадочные слова вливались в него, пронизывая крошечными звуковыми лезвиями. Напряженность и скорость сигналов потрясла Кворна, и он весь задрожал, когда они прекратились так же внезапно, как и начались.

В наступившей тишине Кворн попытался припомнить последовательность шумов. Он никогда не слышал ничего похожего на эту речь. Это не было языком Народа, ни современным, ни древним. Поток и последовательность слонов не были органичными. Их природа была механической, они были плодом механического интеллекта, который мог записывать и воспроизводить, но не думать. Когда-то и у Народа были такие машины.

С чего началась речь? Там был какой-то слабый предварительный сигнал, еле различимый голос произнес одно какое-то слово. Возможно, если он его повторит, то тем самым вызовет ответ. Настроив свой голос в тот же тон и на пряженность, Кворн, как смог, просигналил слово.

И вновь раздался голос.

Кворн задрожал от возбуждения. Нечто, находящееся за пределами артефакта, заставляло его говорить. Он был уверен в этом. Так же уверен, как и в том, что артефакт записывал его самого и его отпрыска. Но кто или что — получал эту запись? И зачем?

«На этом можно было бы построить увлекательную гипотезу», — подумал Кворн. Но для теоретизирования будет достаточно времени позднее. Пока его первоочередная задача состояла в том, чтобы выбраться отсюда. Уже теперь запас пищи снижался, а отпрыск приобретал громадные размеры. Ему надо поскорее выходить, если ему вообще удастся выбраться. И ему надо что-то решать со своим собственным ростом. Он и так уже приближался к критическому уровню. Он был на самом краю вторичного воспроизведения и не имел права позволить себе это.

Кворн с сожалением начал подводить роговые клетки мантии и нижней части к внутренним поверхностям, накладывая их защитным слоем на зародышевую протоплазму и пищепоглощительные ткани. Кожного поглощения вполне хватит для того, чтобы покрыть насущные потребности и сохранить в организме нынешний высокий уровень клеточной энергии. И все же желание есть и почковаться оставалось почти непреодолимым. Тело кричало от того, что он лишал его возможности насладиться пищей, но Кворн сопротивлялся запросам плоти, пока не прошли неистовые клеточные позывы.

Рядом с ним сотрясаясь в блаженстве отпрыск. Кворн и завидовал ему, и жалел его. Этим несчастным бессмысленным существом можно было воспользоваться, как орудием для побега, но больше оно ни на что не годилось. Оно было чересчур большим и чересчур глупым, чтобы выжить в наружном мире. Он выбросил пучок волосоподобных псевдоподий и ощупал емкость, в которой находился. Поверхность резервуара была совершенно ровной, если не считать отверстий, куда не до конца втянулась нить после того, как втащила его сюда. Отдельные участки стен были сделаны из другого материала, вероятно, это были записывающие органы восприятия. Кворн поморщился от удовольствия. В верхней части резервуара находилась решетка, сквозь которую проникал внутрь непрерывный поток теплого воздуха. «Я бы с радостью исследовал, что там дальше», — подумал Кворн, но — заботами отпрыска — на это не было времени.

Кворн поместил глаз на тонкую псевдоподию и просунул его сквозь отверстие в стене резервуара. Снаружи все еще

была ночь, но слабая полоска света вдоль горизонта указывала на приближение рассвета. Под ним морозно искрился артефакт. Взглянув с головокружительной высоты ниже, на диск, он почувствовал внезапную слабость. В слабом сиянии все еще теплой поверхности чуть виднелось теплое пятно, оставшееся от сгоревшего тела Каады. Кворн поежился. Каада не заслужил такую смерть. Кворн смотрел вниз, прикидывая все шансы, оценивая их новым интеллектом, а затем выпростал мощный коммуникативный отросток, прижал его к дрожащей плоти отпрыска и резко просигналил в отпрыска нувшую массу.

«Учитывая тот факт, что клетки отпрыска были непосредственными производными от моих собственных, — мрачно подумал Кворн, — удивительно, как трудно установить контроль». За те несколько кзелов независимого существования юнцу удалось существенно развить свою индивидуальность. Чувство благодарности к роду Кворнов охватило его, когда отпрыск все-таки ответил на его твердый сигнал. Предшественники А-1 Кворна всегда добивались от податливой зародышевой массы того, что они называли «дисциплиной и порядком». В сущности, это было слабостью. Чертой, пагубной для того, чтобы выжить. Но в данный момент он уповал именно на нее.

Повинуясь приказу, воспринятому через коммуникативный отросток, отпрыск выдавил из себя толстую массу ткани, которая, вытянувшись вперед, сомкнулась со щупальцами Кворна. Крепко ухватившись за отросток своего дитя, Кворн стал подтягиваться к глазу, который все еще находился по ту сторону полуоткрытого отверстия и резервуаре.

Холод, царивший снаружи, словно иголочками пронизал его осязательные центры, в то время как он перелился на ружу, прижимаясь к постепенно растягивающейся псевдоподии отпрыска. Кворн медленно спустился под нижнюю часть цилиндра. Отпрыск негодовал. Ему не нравился морозный воздух, и он яростно пытался высвободиться, но Кворн мертвой хваткой держался за псевдоподию, которую тот крутил и дергал, стремясь вернуться к теплу и комфорту, в которых был рожден.

— Пусти! — отчаянно пискнул отпрыск. — Мне не нравится тут.

— Секундочку, — сказал Кворн, перестраивая хаотические подергивания в ритмические колебания маятника. — Помоги-ка мне раскачаться.

— Я не могу, мне холодно. Мне больно. Пусти меня!

— Помоги мне, — угрюмо приказал Кворн. — Или виси тут и мерзни.

Отпрыск напрягся и дернул псевдоподию. Размах колебаний увеличился. Кворн ухватился покрепче.

— Ты обещал отпустить меня! — заныл отпрыск. — Ты обе...

Сигнал оборвался, как только Кворн, достигнув верхней точки взлета, отпустил его псевдоподию, расправил мантию и полетел вниз. Страх охватил Кворна, когда его тело, рассекая разреженный воздух, спланировало над самым краем диска и грохнулось неподалеку о землю. За ним, в вышине, мощная псевдоподия отпрыска подтянулась и исчезла из виду. А-1 Кворн помедлил еще мгновение, задержав взгляд на странных знаках, расположенных вертикальным рядом на цилиндре, а затем переключил свое внимание на насущные проблемы...

Не было ровно никаких причин горевать о том комке частично ощущающей массы живых тканей. Его глупая плоть так и будет блаженствовать, погруженная в темный резервуар с пищей, пока его размеры не увеличатся настолько, что она упрется в испепеляющий металл в верхней части емкости.

И тогда...

Охваченный ужасной мыслью А-1 Кворн двинулся вокруг цилиндра по освободившейся полоске земли. И, сконцентрировав энергию в высокомоощных коммуникативных органах, на пути передал сигнал опасности.

— Двигайтесь! — закричал он. — Уходите вперед, если вам дорога жизнь!

Линия дрогнула. Уловив сигнал, соплеменники зашевелили красными мантиями. Ближайшие, перепугавшись спросонья, начали двигаться еще до того, как пришли в сознание. Такую тревогу не поднимали без причины.

Варс среагировал, как заметил Кворн, быстрее, чем другие. Этот молодой А-1 отличался весьма благоприятными реакциями самосохранения. В конце концов, стоит подумать о том, чтобы разделить с ним часть зародышевой протоплазмы в следующий воспроизводительный сезон.

Выгнувшись гигантской аркой, освещенное сероватой предрассветной мглой, Племя подалось вперед. Оставшийся позади артефакт снова начал передавать сигналы на неизвестном языке. Но потом внезапно прервался. Изнутри донесся вопль бессмысленной агонии, наполнивший Кворна сожалением, тем более горьким, что ничего нельзя было сделать.

Его отпрыск притронулся к испепеляющему металлу.

Кворн развернул глаз и посмотрел назад. Артефакт сотрясся от мучительных судорог безмозглого существа. И в этот миг из вершины цилиндра вырвался сноп ослепительного света. Горячая волна прокатилась над землей, срывая лишайник, увлекая за собой тех, кто замешкался и не успел закрепиться. Гигантское сооружение вспыхнуло светом ярче солнечного, оставив в воздухе большое облако взвеси, напоминающее грозные тучи, предвещающие самшин. Под облаком виднелась оплавленная земля, на которой лишь кое-где валялись металлические обломки.

Препятствие исчезло.

Кворн медленно продвигался вперед, разыскивая пищу на своей тропе и на земле Каады, которую он разделил на пополам с Варсом.

Этот молодой А-1 понадобится ему в будущем. Новые мысли и древняя память не умирали. Они остались и теперь сосредоточились на одной проблеме: как сделать жизнь лучше, чем это существование на уровне простейших потребностей. Можно будет выращивать лишайник и вывести более питательный вид грибков. Вода, отведенная из каналов, сможет тысячекратно увеличить рост лишай Ника. А при наличии обильной пищи, возможно, некоторые из его соплеменников смогут пробудить у себя умение мыслить и приложат древние знания для того, чтобы покорить Природу.

Теоретически это было возможно. Новое поколение должно походить на Варса — должно быть таким же настойчивым, эгоистичным, независимым. Со временем они завладеют миром. Вновь поднимется цивилизация. Все это возможно.

Мысли Кворна скачком вернулись к артефакту, который все еще занимал его. Слишком мало о нем было известно. Весьма увлекательной задачей представлялось поразмыслить о том, что же это могло быть. Во всяком случае, в одном Кворн был уверен. Это сооружение не было сделано его Народом. Не говоря уже о прочем, одни те кабалистические знаки на цилиндре были совершенно чуждыми.

С задумчивым видом он начертил их на песке. Что же они означали?

США

Национальное управление по исследованию верхних слоев атмосферы и космического пространства.

Дж. Брайан Кларк

ВРАТА ЗЕМЛИ

— У нас проблема, — сказал Петер Дигоннес.

— А у кого их нет? — настроение Гии Мейленд не располагало сочувствию. Она все еще была расстроена из-за приказа вернуться, который настиг ее на одном из пляжей Багамских островов.

— Все дело в наших поисках Врат Земли, — продолжал заместитель директора «Акселерации». — За последнее время все больше фактов говорит о том, что кто-то не желает, чтобы мы нашли их.

Гия удивленно подняла четко обрисованные брови.

— Интересная мысль!

— Гораздо интереснее, чем ты можешь себе представить, — нахмурился Дигоннес. — Вчера убит Жюль Эйвен.

— Что? — лицо девушки побледнело; она села. — Как это случилось?

— Работа специалиста. Никаких следов. Выстрел из лазера с дальнего расстояния.

Наступила тишина. Ошеломленная Гия с отчаянием پرداختась воспоминаниям о старом любовнике и приличном учителе.

Через какое-то время она нарушила молчание:

— А может быть, все дело в другом? И это вообще не связано с Вратами?

— Сомневаюсь. Жюль был третьим членом группы, ищущей Врата Земли, который погиб за последние два года. Хейди Джонсон упала со скалы в Канадских Скалистых горах, Лина Кук умерла без видимых причин в госпитале Денвера. Три человека из семерки отличных агентов, задействованных

на этом задании... — Дагоннес покачал головой. — Согласись, что это очень странно, Гия.

— Но в таком случае убийство Жюля это грубый и глупый шаг. Возникли сильные подозрения, чтобы начать сомневаться, что же случилось на самом деле с остальными двумя.

— У тех, что стоял за спиной убийцы, было мало времени. Согласно плану, Жюль должен был через три дня заснуть на борту «Фервея». Мы с ним пришли к выводу, что наши поиски слишком сконцентрировались на Земле. Поэтому он должен был заняться поисками на Крикуне.

С пустотой в бронзовых глазах Гия осунулась в кресле. Крикун — врата, через которые в один миг можно добраться до двадцати тысяч миров, разбросанных по всей галактике — был удален от Земли на шестьсот световых лет и двадцать шесть месяцев полета. Для миллиардов людей, теснившихся на Земле, Крикун означал дорогу к несбывшимся мечтам, к безлюдным мирам, омываемым чистыми, но отравленными морями. Однако очередь на один из многочисленных звездолетов-грузовиков была столь велика, что конца ее нужно было ждать чуть ли не двенадцать тел. Наверняка на колонизацию других планет согласилось бы еще больше людей, если не нужно было бы так много времени терять только на то, чтобы попасть на борт межзвездного парома. До тех пор, пока вопрос транспортировки будет составлять узкое место, сон о земле обетованной будет оставаться всего лишь сном.

Ее взгляд устремился к изречению: «Врата — наша цель!», которое было оправлено в рамку и висело над столом заместителя директора Акселерации. Оно было каллиграфически написано и подарено Дигоннесу, когда он впервые сел за этот стол...

Кто-то когда-то установил станции мгновенного перемещения в пространстве и времени на планете, почти точно на одинаковом расстоянии между родными планетами двух рас, достигших звезд. Отсюда время путешествия на Крикун с обеих планет составляет даже для самых быстрых звездолетов чуть более двух лет. И самое главное — среди всех двадцати тысяч Врат на Крикуне есть двое, которые ведут в Никуда.

Вывод: эти объекты чуждого происхождения (ОЧП), фигурирующие под номерами в каталогах 6093 и 11852, являются Вратами на Землю и Пхиулию.

Вопрос: какие из них ведут на Землю? Существуют ли на Земле «Врата Крикуна»? Как запустить систему?

Точные, логичные, законченные вопросы. Однако Гия, впрочем, как и все ее коллеги по Акселерации, принимали цель скорее на веру, чем на разум. Поскольку, если существовала во Вселенной какая-то справедливость, то Врата Земли должны были существовать. Иначе та колонизация тысячи доступных миров была бы сравнима с переносом с земной пустыни через тысячи километров парой песчинок за раз...

Неизвестно откуда и непонятно каким образом в ее памяти возникло слово «Гранстар». Ее глаза расширились.

«Вот! Кроме старых кораблей, которые обслуживают старые колонизированные миры в Системе и в окрестностях Солнца, «Транстар» перебросил все свои силы на рейсы на Крикуна. Если Врата Земли станут реальностью, то это будет крахом «Транстара». Транспортный гигант мгновенно станет пережитком. Можешь себе представить лучшую причину, чтобы приостановить наши поиски Врат Земли? Даже если для этого необходимо убить кого-то!?»

— Откровенно говоря, — нарушил тишину Дигоннес, — мне кажется, в этом замешан «Транстар». Но если мы начнем официальное расследование, целая армия следователей утонет в этой работе на многие годы. Успокойся, дорогая. Я вызвал тебя не для того, чтобы поручить работу шпика.

— Но и не за тем, чтобы сообщить плохие вести, — возразила она. — Хотя, может быть, за этим?

Он посмотрел на нее. Через несколько мгновений она опустила глаза под его пристальным взглядом.

— Извини. Я не должна была говорить этого.

— Да, — бросил он коротко, — не должна была.

Он тронул что-то на столе, и в комнате тут же стало темно. Появился и расширился на стене круг света. В самом центре его внезапно проявился пейзаж какой-то

красноватой, явно не земной пустыни. Крупный план нарастал, и тут перед людьми возникло гигантское блюдце с бледной сферой дрожащего света над ним, покоящегося на вершине невероятно высокого пилона.

— Ты, конечно, знаешь, что это такое, — произнес Дигоннес.

Гия улыбнулась в темноту.

— Ты бы обругал меня, если бы я не знала этого. Даже школьник узнает Звездные Врата.

— Официально ОЧП. Объект чуждого происхождения, — напомнил он ей. — Так случилось, что перед тобой мой любимый ОЧП-1.

Гия кивнула головой, вспоминая, отчего это ОЧП-1 стал столь любимым для ее начальника.

Дигоннес был одним из первых, завербованных в Акселерацию — организацию, созданную, чтобы способствовать ускорению научных изысканий. Подобно тому, как переводчик обеспечивает преодоление языкового барьера, так тренированный акселерант в состоянии соединить мешанину голосов специалистов разных областей науки в единое целое, и часто это ему предоставляется делать при взаимных подозрениях и неверии в конечный результат. Молодой акселерант, выделенный для Постоянной Земной Миссии Исследователей на Крикуне, положил начало ряду событий, захвативших ПЗМИ и базу пхиулов, которые обещали вознести его имя в один ряд с величайшими деятелями человечества.

Спустя несколько дней после своего приезда на Крикун, Дигоннес не только убедил надменных пхиулов, что люди не являются дикарями, наделенными природным даром таланта к технике, но даже в партнерстве с одним из них продемонстрировал настоящее назначение гигантских ОЧП, пролетев через поток света над одним из блюдец, мгновенно оказавшись в новом мире, носившем сейчас название Ясноград.

Конечно, это принесло ему славу, что совершенно не волновало этого спокойного человека, оставшегося на Крикуне помогать экипажам кораблей чем только можно, для зондирования тысячи миров, скрывающихся за ОЧП. Однако талант все же толкнул этого человека выше, чем

он хотел оказаться, и в результате постоянного давления земного центра Акселерации, Дигоннес вернулся на родную планету, хотя и с неохотой, для того, чтобы занять пост руководителя группы, разыскивающей Врата Земли.

Дигоннес показал на голограмму ОЧП.

— Именно поэтому мы зря теряем время на Земле. Высота этого пилона три мили, ширина в основании — две. Если что-то вроде этого и находится на нашей планете, тогда надо допустить, что все люди слепы, так? Ну хорошо, можно сказать, что это сооружение скрывается под каким-то горным массивом. Да, такое возможно. Но как же искать то, что мы не знаем, как искать? Если существует ответ на поставленный вопрос, то он должен быть только на Крикуне. И именно туда, леди, вы должны будете отправиться. Я хотел бы, чтобы ты заняла место Жюля.

Такой поворот событий уже не был для Гии неожиданно. Только она и Жюль служили когда-то в Службе безопасности Мирового совета, поэтому было естественно, что заместитель директора захочет использовать ее способности к дедукции. Но все же она не спешила с ответом.

— Что я должна буду делать?

— Зачем спрашивать? Это ведь очевидно. Нужно открыть Врата Земли.

Она нахмурилась:

— Это непростое задание.

Дигоннес сплел пальцы рук и наклонился вперед над столом. Его серые глаза внимательно уставились на девушку.

— Поверь мне, что если бы было бы можно, я ни за что не послал бы тебя. Этим я занялся бы сам. Но, как видишь, отсюда мне нет выхода. Однако я выторговал за это одну габаритную камеру на «Фервее», и поэтому ты не будешь скучать два года на борту битком набитого колонистами грузовика. К тому же у тебя нет близких родственников...

— И меня некому будет оплакивать и подавать в суд на Акселерацию., так? — с улыбкой прервала его Гия.

Дигоннес выглядел немного растерянным.

— Ну так как?

— Ну что ж, очень мило с твоей стороны, что ты вспомнил обо мне, — с грустью произнесла девушка.

— К черту, Гия! Я предлагаю тебе шанс! Кто-то либо что-то установило тысячи ОЧП на Крикуне. Они, без сомнения, желали, чтобы ими пользовались. А это значит, логически рассуждая, там должен существовать выключатель, который должен оживить неработающие Врата. Готов спорить, что он находится на виду и его можно запросто увидеть. Поэтому прошу тебя, девочка, используй свои способности и найди его, хорошо? Найди ключ от Врат Земли!

Оборудование гибернационных камер было настолько сложным и дорогостоящим, что мало у кого было столько денег, чтобы пользоваться их услугами. Вот потому-то большинство эмигрантов, направляющихся на новые планеты, вынуждены были более двух лет терпеть тесноту на борту одного из кораблей флотилии, построенного специально для рейсов на Крикун. Поэтому когда Гию Мейленд оживили за неделю до посадки «Фервея» на Крикун, на нее обрушились злобные нападки пассажиров. То, что она была акселеранткой, не имело никакого значения. Эта профессия, когда-то почитаемая, теперь ничем не отличалась от других, разве что платили немного больше. Но эта враждебность ей не докучала. Экипаж охотно сотрудничал с ней, да и связь с Землей работала бесперебойно, заваливая ее депешами. Большинство из них касалось текущих дел и только последнее сообщение от Дигоннеса звучало как-то тревожно:

В прошлом месяце был арестован известный наемный убийца. Его допрос выявил кое-какие детали, интересующие нас в отношении Врат. Арестованный не только признался в убийстве Жюля, но и рассказал нечто, позволяющее нам выйти на человека по имени Джохрем Генес, работника одной из известных фирм. Когда мы взяли за это дело, то выяснилось, что фирма эта финансово связана с «Транстаром». Полицейские, посланные, чтобы арестовать Генеса, вернулись ни с чем, после ареста убийцы он уволился с работы и скрылся. Он может сейчас находиться где угодно — как на Земле, так и вне ее пределов.

Гия, твоя миссия в основе своей заключается в обнаружении Врат Земли, но вместе с тем помни, что тебе могут противодействовать. Следи за своим окружением. Большого совета дать не могу, так как ты имеешь в этом больше, чем у меня, опыт. Береги себя.

П. Д

Девушка улыбнулась — совет, конечно, хорош. Наибольшая опасность может ожидать ее до тех пор, пока все колонисты с «Фервея» не будут отправлены на свои планеты. Если за те часы ничего необычного не произойдет, за часы, пока колонисты будут готовиться отправиться в великое путешествие, то можно будет считать, что потом вообще ничего не случится.

За день до посадки Гия позволила себе отложить на какое-то время свои хлопоты по делу и решила посетить одну из наблюдательных сфер, размещенных вдоль борта звездолета, находившегося на орбите. На расстоянии в несколько сот миль перед ней вращался Крикун с его похожим на марсианский ландшафтом. По всей поверхности планеты блестели огоньки активированных Врат. Разглядывая их, Гия знала, что в этот момент самолеты погружаются в эти светлые искорки для того, чтобы вновь возникнуть через сотни, тысячи и даже сотни тысяч световых лет, на планете, может быть, в совсем другом конце Галактики. А может быть, сейчас некоторые из них возвращаются на Крикун с экипажем, который только минуту назад прощался с теми, кто решил начать новую жизнь под чужим солнцем.

Погруженная в свои мысли, она не заметила мужчину, который тихо появился в сфере и молча наблюдал за странным пейзажем внизу.

— Захватывающе! — наконец воскликнул он. — Волнующее зрелище!

Она резко повернулась. Это не был член экипажа, как можно было бы ожидать, а бесцветно одетый, лысый, неприметный тип, улыбающийся во весь рот.

— Они меня тоже не любят. Я был во второй камере.

Гия удивленно заморгала, но тут же обрадовано засмеялась:

— Ах, это вы! Знаете, мне было интересно знать, с кем же я спала!

Он покраснел, как мальчик, застигнутый врасплох нескромной девочкой.

— Жаль, что мы не познакомились раньше. Я — Эндарт Гримс. Из ГСП. Гибернационные системы Пендера. Иногда и мы пользуемся нашей продукцией.

Она полжала его руку. Ответное пожатие было энергичным.

— Гия Мейленд из Акселерации.

— О! — он заинтересованно глянул на нее. — Акселерация! Это, случайно, не Петер Дигоннес... — Он махнул в сторону близкой планеты.

— Да, это он. Сейчас он мой шеф, — сказала она и с любопытством спросила:

— А вы отправляетесь в один из новых миров?

Он покачал головой.

— К сожалению, нет. Я попросту человек, который может себе позволить пару лет провести вне Земли, а повод для этого очень прост — между делом, я должен проверить работу наших гибернационных камер. — Он нахмурился. — К сожалению, они конструктивно очень сложны, а отсюда и дороги...

— А почему вы их не усовершенствуете?

— А разве мы не пытаемся? Дело в том, что эти системы плохи в своей основе, к тому же их нельзя ремонтировать в условиях полета. Мы и так разделили гибернационную камеру на восемь блоков-модулей. Это означает, что при ограниченной работоспособности одного из модулей не нужно будет менять другие. Например, в этом рейсе мы везем тридцать запасных блоков. Две гибернационные камеры «Фервея» подключены к восьмидесяти тоннам аппаратуры. Вот и попробуй обеспечить его надежность.

— Вот это да, — удивилась Гия. — Теперь я могу понять, почему колонисты так недолюбливают нас.

Гримс задумчиво посмотрел на нее:

— Несколько дней остракизма — небольшая цена за удобства перелета.

Он, конечно, был прав. Даже наиболее общительному человеку могло надоесть провести двадцать шесть месяцев за ключения в стальной коробке звездолета. Поэтому Гия сняла с себя ощущение вины, которое сменилось благодарностью за хороший поворот судьбы, и опять устроилась поудобнее, рассматривая планету.

— Я подумал, что планету называли Крикуном потому, потому что излучение Звездных Ворот разлетается по всей Галактике на всех радиодиапазонах и его легко обнаружить. Похоже это на правду?

— Похоже, — согласилась Гия.

— Тогда ответьте мне на один вопрос. Он такой — почему его нельзя открыть с Земли?

Гия задумалась, потом молча указала на массу звезд, собранную над краем планеты.

— Это Плеяды. Прошу провести линию прямо к Солнцу. Нет сомнения, что она пройдет точно через середину этого скопления. Вот именно она почему-то и не пропускает излучение Звездных Врат. Поэтому-то Крикун и был неизвестен до тех пор, пока «Фар Сеекер» не пробил скопление Плеяд в 2406 году, тридцать лет назад.

Гримс вглядывался в легендарные звезды, в знакомые конфигурации солнц.

— А может быть, Плеяды являются причиной, — прошептал он в конце концов, — того, что Крикун не может быть связан с Землей прямой линией связи? Как вы думаете, мисс Мейленд?

Необходимо было восемь рейсов орбитального корабля, чтобы перевести с «Фервея» на Крикун сотни пассажиров, решивших стать колонистами на одной из планет Галактики. Недовольство некоторой части пассажиров к ней еще больше усилилось, когда стало известно, что она включена в число первых счастливиц. Хотя девушка и успела привыкнуть к такому, она все же жалела о том, что не может открыто заявить о цели своей миссии, чтобы хотя бы часть недоброжелательства превратить в нейтральное к ней отношение. Даже Эндарт Гримс, хотя и был вежлив, казалось,

что отошел от нее очень далеко: добродушная внешность что-то скрывала в его душе. Во всяком случае, он не пришел проводить ее, и она тешила себя мыслью, что он очередной раз увяз в электронных дебрях, обслуживая гибернационные камеры.

Спустя несколько минут после того, как орбитальник мягко сел на столбах огня тормозных дюз, к выходному шлюзу присосались переходные камеры, ведущие к машинам, похожим на автобусы. Когда все пассажиры перешли в них, автобусы покатали, подпрыгивая на рытвинах разбитой дороги, по направлению к полускрытому под землей Земному Центру Колонизации. Гия увидела далеко в конце каменистой равнины купола и пирамиды какого-то странного комплекса сооружений, но тут же голос сопровождающего пояснил через динамик, что они видят базу пхиулов. Гия постаралась более внимательно осмотреть впервые увиденные ею воочию сооружения внеземной цивилизации. Некоторые из конструкций, насколько она помнила, насчитывали сотни лет, но все еще поблескивали под солнцем Крикуна своей яркой поверхностью. На середине дороги между базой и центром вознеслось в небо четырехэтажное здание ПЗМИ, поражающее своей экономной и строгой конструкцией.

Раздался рев двигателей, и из-за центра вылетел огромный крылатый силуэт аэробуса. Он набрал высоту, развернулся и направился к солнцу. Прикрыв глаза рукой, Гия рассматривала невероятную конструкцию, к которой направлялся самолет — огромная чаша, опирающаяся на тонкий, как черточка, пилон. Солнце светило как раз с этой стороны, и поэтому нельзя было заметить светлую сферу, собственно и образующую Звездные Врата, и поэтому она не увидела, как самолет вошел в сферу. Только разом оборвался шум двигателей, словно их выключили, и Гия поняла, что очередная партия колонистов в этот момент появилась на другой планете.

— Куда он полетел? — запищал тонкий детский голос. — Mamochka, куда он полетел?

— Это место называется Ясноград, дорогой.

— И мы туда полетим?

— Нет, дорогой. Мы отправляемся на Новый Кент.

— А почему не на Ясноград?

— Потому что это не Новый Кент, — раздраженно заметила мать и замолчала.

Но Гия продолжала развивать ее мысль: «Потому что Ясноград был первым миром, на который ввели первые Звездные Врата, открытые на Крикуне. Вот поэтому-то люди пхиулы решили оставить этот мир таким, каким он был к моменту открытия — ненаселенным и с нетронутой природой. В самолете были ученые, может быть, даже пара журналистов и даже туристы. Но они все же должны были вернуться назад. На этой планете постоянно жить нельзя. Через неделю или даже месяц они вернутся обратно. Как сделал это Петер Дигоннес и его товарищ с Пхиулии восемнадцать лет назад. Это в самом деле неплохая плата — один нетронутый мир из тысячи!»

Женевьева Хоган, вице-директор центра, была маленькой женщиной с ярко-зелеными глазами. Ходили сплетни, что между нею и Дигоннесом что-то было во время проведенных на Крикуне лет, и Гие показалось, что это вполне возможно. Кроме несомненного обаяния и интеллигентности эта женщина обладала еще ярко выраженной женственностью, которая всегда импонировала взыскательному Дигоннесу.

Заметив вновь прибывшим, что к ней следует обращаться просто по имени, она вернулась за стол, вытащила несколько листков бумаги и робко спросила:

— Как дела у Петера? Он все еще так же сидит за столом?

— Старее, но непрестанно говорил мне, что страшно хотелось бы попасть сюда.

Женни кивнула головой.

— Жалко, что его нет здесь. Нам его очень не хватает...

Гия обратила внимание на слово «мы». Может быть, ей нужен этот мужчина? Внезапно мягкость уступила место энергии, и зеленоглазая женщина стала холодным профессионалом.

— Кстати, ты получила информацию о Джохреме Генесе?

— Сразу же после выхода из гибернации.

— Теперь я задам тебе еще один вопрос. Не интересовался ли тобой кто-нибудь на борту «Фервея»?

Гей улыбнулась.

— Другой мертвяк.

— Мертвяк?

— Человек из другой камеры. Эндарт Гримс из ГСП.

— А, понимаю, я слышала об этом человеке. Но я имела в виду людей, связанных с «Транстар».

Гия подняла брови:

— Неужели ты думаешь, он, желая помешать нам в поисках Врат Земли, запишется в судовую роль под своим истинным именем?

— У него нет выбора. Кроме Гримса и тебя, единственные люди, которые не работают на «Транстар», это колонисты. А они не могут покинуть центр до тех пор, пока их не погрузят в самолеты.

— Значит, надо искать среди членов экипажа.

Женни передвинула через стол скоросшиватель.

— Вот здесь данные на всех членов экипажа «Фервея». Я получила их два месяца тому назад.

Гия открыла папку. На первой карточке была наклеена фотография мужчины с удлинённым лицом, темной кожей и слегка выпученными глазами...

Гия переложила остальные карточки, на каждой была фотография и небольшое описание личности. Среди них была только одна женщина, немного похожая на мужчину с первой фотографии.

— Что, мало данных? — спросила Женевьева.

Гия закрыла папку и вернула ее обратно вице-директору.

— Я здесь, чтобы найти Врата Земли, — произнесла она твердо. — И не намереваюсь по этому случаю искать какого-то таинственного человека.

Вице-директор разглядывала молодую женщину несколько дольше, чем этого требовала ситуация.

— И все же я советую тебе принять во внимание предостережение Петера, мисс Мейленд. Он зря говорить не будет.

— Я знаю об этом. Но поверь мне, я предпринимаю все меры предосторожности. Но основное — это мое задание!

— Конечно, решение принадлежит тебе, — Женни взяла шивала на руке папку. Потом положила ее в сейф, закрыла на папилярный замок и покачала головой.

— Сейчас давай перейдем к делу. Как Центр может помочь Гие Мейленд в поисках Врат Земли?

— Вначале Гие Мейленд хотелось бы быть в курсе сегодняшних событий, — быстро произнесла девушка. — Я два года была выключена из жизни.

Женевьева засмеялась:

— Хорошо. Думаю, что достаточно будет двух слов. Ни чего нового.

— Ничего? Совсем ничего?

— А чего ты ожидала? Нам постоянно отпускают государственные деньги на поиски того, что невозможно найти. Но что это за деньги? Одно название. Нам не хватает средств даже на то, чтобы начать хоть какие-то изыскания. Спасибо хоть за то, что нам удалось выбить разрешение на перелет сюда одного человека...

— Значит так... Чем же все-таки я располагаю?

— Немногим. Конечно, средства связи в твоем распоряжении. Я зарезервировала для тебя ежедневно пятнадцать минут на открытом канале в 18 часов. Это дорого стоит, но все же ты будешь постоянно в контакте с Петером. Кроме того, мы выделили тебе помощника. Это Галвик Хоган.

Он, видимо, стоял за дверью, так как только была произнесена его фамилия, он сразу вошел в комнату. Это был молодой, хорошо сложенный, рыжеволосый человек. Улыбка его была заразной.

— Это та дама, мама?

Вице-директор вздохнула:

Тебе не кажется, Галвик, что шутка зашла слишком далеко?

Она посмотрела на Гию.

— ... Мы не родственники, но половина нашей колонии считает меня его матерью. — Она вздрогнула. — Боже упаси!

— Бедная женщина! Она не знает, сколько потеряла! — засмеялся молодой человек, пожимая руку Гии.

Он отступил назад и оглядел ее критическим взглядом.

— Ты давно ела?

Гия поняла, в чем дело. Гибернационная камера была далека от совершенства.

— Ты считаешь, что я потеряла в весе?

Он кивнул.

— Предлагаю сходить в бар и подкормить тело. Между пережевываниями разрешаю задавать любые вопросы, а если повезет, то обещаю тебе дать неплохие ответы на некоторые из них.

— Отличная мысль, — поддакнула Женевьева. — Знаешь что, Гия? Отдохни сегодня, походи по станции. Хоган покажет тебе узел связи и познакомит со всеми. А потом хорошенько выпись, и утром я обещаю тебе встречу с Давидом.

— Давидом?

— Я еще не упоминала о нем? Он пхиул, и его задача заключается в том же, что и у тебя. Он должен разыскать Врата Пхиулии.

«Давидом» оказалось низкорослое человекоподобное существо. Голова его походила на собачью и была покрыта розовой кожей. Первой реакцией Гии на его присутствие была нервозность вместе с любопытством. Но негативные эмоции улетучились быстро под пытливым взглядом больших фиолетовых глаз, на дне которых скрывались искорки юмора. Приветливым было и его рукопожатие. На руке было всего два пальца.

— Меня зовут Давакинапвоттаопеллазанзис, — представился он, быстро исторгая из себя столь странный набор звуков. — Но для людей у меня есть более привычное имя — Давид.

Гия облизала губы. Как можно говорить с существом, которое выглядит, как стоящий на задних лапах бультерьер?

— Гм... как долго ты работаешь над этой проблемой?

— Пять земных месяцев. Я прилетел на Крикун для того, чтобы найти Врата Пхиулии.

— Я знаю это. Думаешь, они существуют на этой планете?

— Если Врата есть на Крикуне, то они есть и на Пхиулии.

— Но почему вы тогда не работаете вместе с нами?

Они находились в кабинете Женеьевы; инопланетянин сидел на низком табурете, который более или менее подходил для его мелкого, коротконого тела.

— Почему? — настаивала Гия. — Может быть, среди вас есть таким, которые против того, чтобы отыскать Врата Пхиулии?

Давид был ошеломлен. Во всяком случае, так можно было истолковать выражение его вытянутой морды.

— Не понимаю! Как это «против»?

— Если Врата Пхиулии будут открыты, — стала объяснять девушка, — то уже не понадобятся корабли, курсирующие между Крикуном и твоей планетой. Разве это может быть выгодно тем, кто посылает эти корабли? Не хотят ли они помешать поискам?

«Ошеломление», если это было именно тем, что мог понять землянин, еще больше усилилось.

— Если Врата будут обнаружены, корабли можно будет отправить в какое-то другое место.

«Интересно, жадность, это чисто человеческая черта?» — подумала Гия, стыдясь агрессивных инстинктов своей расы и завидуя наивности пхиулов. Но ей удалось быстро овладеть своими чувствами. Поскольку эта раса развивалась по тем же естественным законам, что и человечество, значит когда-то в прошлом, они прошли через то же самое; место для ангелов в другой вселенной, а не в этой реальной действительности!

Давид словно читал ее мысли:

— Пхиулы развивались очень долго. Сейчас рождаемость у нас довольно низкая, и поэтому места на планете много. Старый порядок не требует перемен. Но Врата должны будут изменить этот порядок, так как многое придет снаружи. У вас все наоборот. Вас очень много, и вам требуется большое количество новых миров. Пхиулам этого не нужно. Мы двигаемся, чтобы видеть, не оставаться.

Это ошеломило даже Женеьеву Хоган. Она не помнила, чтобы за столько лет контактов с этой расой высказывались подобные концепции.

Без сомнения, слова Давида «многое придет снаружи» относились к людям, тем стихийным существам, по оценке

пхиулов, которые так превозносили культ перемен. Вместе с тем то, что только признал чужак, не было лишено некоторых противоречий.

И не только Женестьева уловила эти противоречия.

— Если пхиулам не нужны Врата, — заметила Гия, — то зачем ты пытаешься их найти? — Уже задавая этот вопрос, она ощутила беспокойство там, где перед этим скрывалось веселье. Это было странное ощущение. В отношениях между людьми никогда так не ощущалось настроение, как это происходило при разговоре с маленьким инопланетянином.

Ответ Давида отражал его настроение.

— Люди пользуются Вратами. Почему бы пхиулам не поступить так же? Вскоре можно ожидать того, что всю Галактику заселят люди, и тогда... конечно, порядок пхиулов может уцелеть, но сам наш народ, без сомнения, проиграет.

«Народ пхиулов проиграет. Может быть, Давид не совсем точно воспользовался человеческими словами, но они все же описали стареющую расу, отодвинутую в глухой закуток вселенной...»

И Гия начала понимать весомость дилеммы, перед которой оказались пхиулы: ситуация выбора между «идти» или «Не идти», ситуация почти аристотелевская в своей жуткой простоте. Или принять вызов, который бросают Звездные Врата и в результате получить обломки некогда монолитного общества, кружащиеся в вихре перемен, либо закуклиться в себе и в конце концов потерпеть поражение от расы, которая еще жила в пещерах, когда пхиулы уже достигли звезд.

Гия подошла к пхиулу, и ощущение тоски усилилось. Оно окружило ее, словно купол невидимого излучения; форма общения так же чуждая, как и сам ее собеседник. «Телепатия?» — подумала она удивленно. «ДАВИД, ТЫ МЕНЯ ПОНИМАЕШЬ? МОЖЕШЬ ТЫ ЧИТАТЬ МОИ МЫСЛИ?»

Ответа не было. Только печаль...

Несмотря на возражения Вика Хогана, на следующий день Гия потребовала вездеход, чтобы отправиться в свою первую прогулку по планете. Разбитая дорога окружала космодром и заканчивалась дальше в двух километрах возле

огромной массы ОЧП-1. Он находился на трехкилометровом пилоне, такой на вид невесомый, что казалось, он с трудом удерживался на весу. Какое-то время Гия сидела в тени объекта, не думая ни о чем, позволяя впечатлениям свободно вливаться в мозг. Она не надеялась на этом этапе найти что-то, о чем еще не знали ученые обеих планет, но чувствовала, что ее миссия началась именно с этой небольшой прогулки. Она выбралась из вездехода и позволила себе немного прогуляться. В скафандре это было неудобно, но она ощущала ту первозданную радость, которую, без сомнения, испытывал Питер Дигоннес во время своего первого путешествия.

Трудно было описать охватившие ее чувства соответствующими понятиями. Хотя издали пилон казался невероятно хрупким, сами размеры огромного объекта шириной метров семьдесят в основании наводили на мысли о прочности бетонного цоколя. Гия знала, что неясные знаки, вырезанные на гладкой серой поверхности пилон — это результат усилий ученых Пхиули взять пробу на анализ. Она еще удивлялась непонятной стойкости этого материала против лазерного огня, когда заметила появление еще одного вездехода, остановившегося возле ее машины. Из вездехода выбрался человек и направился к ее стороне. Она была разгневана этим внезапным вторжением, и одновременно ее разбирало любопытство, кто же это!

— Как ваше здоровье!? — знакомый голос прозвучал из наушниках шлема. — Кажется, что мы оба делаем то, что каждый вновь прибывший делает на Крикуне. Я прав, не так ли, мисс Мейленд?

Она улыбнулась.

— Да, мистер Гримс. Когда вы прилетели?

— Утренним рейсом. И прошу называть меня Эндард. Или просто Эн, если вам так больше нравится. Это тоже не плохо...

«Не шутит ли он?»

— А меня зовут Гия, — сказала она дружелюбно. Они стояли рядом, пока Гримс разглядывал ОЧП. Внезапно она вспомнила о своем разговоре с этим человеком в наблюдательной сфере «Фервея». Странно, что она не обратила на это

внимания раньше. Откуда он мог знать о Вратах Земли? Она спросила его об этом.

Это удивило его.

— А чему мы говорим «небо», когда имеем в виду небо? Можно в это не верить, но название необходимо хотя бы для того, чтобы обозначить то, во что не верится. Рационально? Во всяком случае, я слышал уже где-то о Вратах Земли. Веришь, я имею пунктик на этих вещах. Ну, ты понимаешь меня? Разные там духи, привидения, Атлантида, НЛО, Бермудский треугольник и так далее. Конечно, все это ерунда, но ведь и забавно? Да? Может быть, в глубине души я немного романтик.

Это было чисто человеческое объяснение. Не очень сложное, но благодаря этому выглядевшее вполне правдоподобно. Гия решила больше не возвращаться к этой проблеме. Во всяком случае, Акселерация не обладала монопольным правом на ничего не значащие слова «Врата Земли». Похоже, что предостережение Дигоннеса повлияло на нее гораздо сильнее, чем она этого желала. Она подумала, не появилась ли у нее мания преследования. «Я не допущу этого», — строго приказала она себе.

Однако было трудно не обратить на это внимание: любопытство Гримса было подозрительно.

— Почему ты об этом спрашиваешь? Разве ты имеешь к этому какое-то отношение?

Гия постаралась ответить как можно спокойнее, чтобы не выдать себя.

— Конечно же нет. Ты сам говоришь, что это вздор. Моя работа — это акселерация, а не трата государственных денег на погоню за миражами.

Казалось, это его успокоило.

— Приятно это слышать. Значит, сейчас ты... гм... акселерируешь?

Этот тип становился невыносимым.

— В данный момент — ничего подобного, — выдавила она из себя улыбку. — Я жду группу ученых из Гайлорда. Это одна из перспективных планет, но решение о колонизации должно подождать, пока мы не оценим рапорт этой группы. Поверь мне, Эндарт, что научные исследования это только

часть моей работы. Остальное — нудная повседневная рутина, впрочем, как и в любом другом деле.

Гия направилась к вездеходу, а Гримс повернулся и посмотрел на гигантский ОЧП.

— Очень жаль, — пробормотал он. — С этой планеты нужно сделать только один шаг и можно попасть на тысячи планет. Так же, как и на каждой из этих планет, нужно сделать один шаг, чтобы оказаться на Крикуне. А на нашей бедной, тесной старушке Земле... — он покачал головой, подошел к своему вездеходу, сел и уехал. Словно нреумелый турист, он не выключил передатчик, и его бормотание было слышно, даже когда он скрылся за тучей пыли.

— ...Как жаль, ужасно жаль...

Гия усмехнулась, загерметизировала кабину вездехода и отправилась к Центру.

Вик Хоган разложил перед ней кипу фотографий объектов №1, №6093 и №11852. Гия поблагодарила молодого человека и начала формировать из предоставленной кипы три группы фотографий.

И тут Вик задал вопрос:

— Сравниваешь?

— Нет, разглядываю только красивые пейзажи, — раздраженно ответила она.

— Думаешь, этого никто еще не делал?

Гия поднесла одну фотографию поближе к свету.

— Ну и что?

Он развел руками.

— Ничего не нашли. Все ОЧП на этой планете одинаковы. Те же размеры, те же формы, даже одинаковые виды излучения сфер.

— Гм-м... — Гия понимала, что он прав, хотя и не намеревалась признать это. Она плохо спала прошлую ночь и от этого чувствовала себя прескверно. Она вновь заставила себя взглянуть на фотографию, которую держала в руке. Это был объект №6093, один из действующих Врат.

— Вик!

— Слушаю, мисс.

Она показала на столб света, выше №6093.

— Ты пролетал сквозь него? Или через другие ОЧП?

Он кивнул головой.

— Пару раз. Через шесть тысяч — 93-й.

— И какие ощущения?

Он пожал плечами.

— Такие же, как и через другие ОЧП. Только никуда не попадаешь.

— Послушай, Вик. Я знаю эти ощущения только по описаниям. Поэтому ответь мне, неизменны ли они всякий раз? Ответь мне: какие чувства возникали у тебя при пересечении Звездных Врат?

— Хорошо, я понял, — Вик на мгновение задумался. — Это такое чувство, словно тебя разрывают на куски, в потом собирают вновь. Но как и ко всему, к этому можно привыкнуть.

— Ты умеешь пилотировать? Мне нужен самолет.

Он заморгал, ошеломленный резким изменением темы разговора.

— Конечно, но куда ты собираешься лететь?

Она глянула на карту планеты, висящую на стене.

— К 6093-му. Он ближе всех.

— Около шестисот миль. Чуть больше часа полета.

— Устрой это как можно скорее. Завтра утром мы должны уже полететь, по крайней мере, это желательно... Да, еще. Я хотела бы взять с собой Давида.

Вик покачал головой.

— К сожалению, оба самолета уже задействованы на завтрашнее утро. — Он глянул на часы. — А что бы ты сказала, если бы мы отправились сейчас? В нашем запасе есть пара часов дневного времени.

Говоря это, он повернулся к коммутатору и набрал номер.

— Пхиулия, — произнес чужой голос.

— Нужен Давид.

— Это не Давид.

— Говорит Хоган. Я должен сейчас лететь с Гией Мейленд на объект №6093. Нужен Давид.

— Давид летит... — что-то треснуло в микрофоне, и пхиул отключился.

— И это все? — удивилась Гия. — Он даже не спросил, знает ли об этом Давид или нет!

Хоган засмеялся, придерживая открытой дверь.

— Это еще одно, к чему надо привыкнуть. Хотя пхиул действует, как отдельный индивидуум, они все как один гигантский организм.

Она резко остановилась, проходя возле него через открытую дверь, и недоуменно посмотрела на него. Он слотнул сялону.

— Они чужаки, мисс.

Она медленно кивнула головой.

— Да... они так же чужды нам, как и мы для них...

Давид появился, когда самолет был подготовлен к старту. В серебристом скафандре с удлиненным шлемом он напоминал какого-то экзотического космического божка-талисмана, нежели представителя расы, которая была гораздо старше человечества.

Наконец, устроившись в кабине и пристегнувшись ремнями, они устремились в полет. Два двигателя легко подняли «Элизу-111» в разреженный воздух планеты.

Самолет был хрупкой конструкцией из трубок и натянутой пленки, но в то же время это была надежная и прочная машина, которая подтвердила это утверждение, совершив в атмосфере Крикуна не одну сотню полетов. Несмотря на это, Гия облегченно вздохнула, когда они подлетели к темному пилону ОЧП №6093.

— Мы могли бы облететь по спирали от чаши вниз? — спросила она пилота, подготавливая камеру.

— Нет проблем, — ответил Вик, нажимая соответствующие рычаги. Когда они вошли в тень, отбрасываемую огромной чашей, он накренил самолет, бросая его в спираль падения.

Гия начала съемку, стараясь охватить весь объем объекта — от чаши до основания.

— Думаешь найти что-то, чего не нашли другие, делая все то же, что делали они? — спросил сидящий сзади Давид.

— Все фотографии, которые я видела, сделаны снизу, — возразила Гия, щелкая камерой. — Нет ни одной с такого расстояния и под таким углом.

— Все одно и то же, — прокомментировал пхиул.
Видимо, он был прав...

Когда они удалились от пилона, скользя в нескольких метрах над безжизненной поверхностью планеты, Хоган положил машину на крыло, заходя на вираж, устремляющийся вверх.

— Хочешь пролететь через излучение?

— Конечно! Разве мы здесь не для этого?

— Хорошо. Но смотри, это не очень приятно, особенно в первый раз.

— Я знаю об этом. — Гия вспомнила рассказы Дигоннеса.

«Разрывает на кусочки, разбрасывает по всей вселенной, а потом — медленно-медленно собирается твое тело в одно целое...»

Она обратилась к Давиду:

— Ты уже делал это?

— Не здесь. На ОЧП первом. Этот не работает, и мне тоже интересно узнать, те ли здесь ощущения или нет. Необходимо сравнить.

Гио так и подмывало сказать в шутку, что «боль» одинаково неприятна при пролете через любой ОЧП. Ей рассказывали об этом в Центре. Однако, так воспринимали переход люди. Может быть, пхиулы ощущают все по-иному, хотя трудно надеяться, что такое утверждение будет способствовать поискам. А как же описать чужаку субъективные ощущения? Сомнительно, что Давид сможет сделать это лучше, чем она.

Она опять вспомнила Дигоннеса. «Готов спорить на все свои деньги, что выключатель находится на самом видном месте». Так он говорил ей. Если только это правда, то что-то изменится. Она не сомневалась, что в ином случае волшебный ключик был бы найден уже давно. Она похлопала по камере. Не исключено, что ее фотографирование было бессмысленным...

Они отлетели на расстояние мили и оказались выше чаши. Самолет слегка накренился и выровнял курс точно на дрожащий бледный столб. Она никогда не видела черноты более глубокой, чем на внутренней поверхности чаши; впечатление было бесконечно более глубоким, чем эффект

«...А с другой стороны хорошо иметь такого приятеля рядом с собой. Для Акселерации вполне бы пригодилась парочка таких ребят...» — в ее голове возникали мысли под влиянием логики Давида.

— Это удастся сделать? — спросила она. «Мой бог, возможно все же директора Дигоннеса ждет неожиданность...»

Пилот начал щелкать переключателями, вводя новую программу в бортовой компьютер. «Подлет, зависание на пятнадцать минут, вылет. Если бы мог, то установил таймер на пятнадцать секунд, но шкала не позволяет».

— Давид, ты надеешься, что это будет ваш экспресс на Пхиулию?

— А разве это не логично? Если это окажется земной мир, неважно. Второй ОЧП приведет нас на Пхиулию.

Спустя двадцать минут «Элиза-111» приземлилась в пустыне в нескольких милях от ОЧП 6093. Пилот и два пассажира спокойно сидели в самолете, но мысли летали в их головах, как молнии.

«...Телепатия... о боже!..»

«...Это произошло с моим предком после того, как он и человек по имени Дигоннес впервые пролетели сквозь объект...»

«...Давид! Это твой отец был товарищем Дига?»

«...Да, но способность мысленно говорить внезапно исчезла после возвращения с Крикуна. Я настаиваю, чтобы мы обменялись впечатлениями, а потом вернулись к обычной речи».

«...Согласна. Вопрос: где мы были?»

«...Один бог знает, — подумал пилот. — Но наверняка не там, куда мы хотим попасть...»

«...Я начинаю подозревать, что мы были под чьим-то влиянием еще перед вторым входом во Врата...»

«...Ты права, похоже... Все, что мы до сих пор делали, было безумием. Но мы выжили и сейчас стали тремя живыми передатчиками...»

«...Ты понимаешь что-то, чувствуешь?..»

«...Что-то понимаю? Нет! Чувствую? Трудно сказать. Но знаю, что получил совершенно четкую информацию от...»

кого-то. И почему-то мне нужно осмотреть хвостовую часть. «Элизы»...

«...Интересно... Знаешь, зачем?»

«...Знаю только, что я должен это сделать, пока мы не взлетели...»

«...Похоже на то, что они вообще много знают... — мысли Давида на мгновение прервались, но тут же четко опять возникли в сознании людей. — Гия, ты согласна со мной, что тут чувствуется влияние других существ?»

«...Полностью. Я пыталась... гм... поговорить с ними...»

«...Ну?»

«...Я спросила их о Вратах Земли...»

«...Это сделал и я. Спросил о Вратах Пхиулии».

«...И что же они ответили?»

«...Ответили сильным и ярким образом. Это была пара человеческих рук, обхвативших круг. Маленьких рук. Думаю, что женских...»

«...Моих?»

«...Это было бы логично...»

«...А мне передали изображение белой точки...»

«...И ничего, кроме этого?»

«...Было еще что-то, но я не поняла. Кажется мне, что мы...»

Создалось впечатление, будто щелкнули выключателем. С захватывающей скоростью все трое вновь оказались в своих отдельных скорлупах, а их духовная общность распалась.

Галвик Хоган вылез из кабины и начал осматривать хвостовое оперение.

— Хорошо, что это продолжалось недолго, — произнес Давид.

Гия повернулась в кресле:

— Почему?

— Я сейчас несчастлив из-за потери возможности говорить мысленно. Но мне почему-то кажется, что если бы наш разговор продолжался хоть немного дольше, думаю, что время не смогло бы помешать нам. А сейчас я, ты и Хоган потеряли эту возможность навсегда.

— Понимаю, — Гия в самом деле поняла. Так же, как это бывает в любви, их интимное слияние духом было близко к сладкому оргазму. Немного больше, и это стало

бы уже кабалой на всю оставшуюся жизнь, сильнейшим наркотиком, от которого нет противоядия, кроме них самих. Она тоже понимала, что это ушло от них навсегда.

Ее сладкие воспоминания прервались бешеными проклятиями.

— Черт меня побери!.. — Вик подошел к кабине, отчаянно ругаясь, и протянул Гие небольшой кусочек глины. — Сволочи, убийцы!

Гия недоуменно спросила:

— Что это такое? Неужели взрывчатка?

— И какая! Видишь вот эти желтые маленькие точки? Она бесчувственна, как камень, до тех пор, пока на нее не попадет точно направленный радиосигнал. И не нужен приемник или детонатор. Она сама по себе взрывается...

— Убери это, прошу тебя, — оборвала его Гия, борясь с приступом обморока. Она вздрогнула, увидев, как он втаптывает каблуком сапогу взрывчатку в песок. — Больше там ничего нет?

— Я надеюсь, — ответил пилот, когда уселся в кресло и запустил двигатели.

— Подожди немного.

Он повернулся к ней.

— Что такое?

— Я решилась на этот полет в последний момент. Правда? Откуда об этом мог узнать убийца? И как он мог узнать, на каком самолете мы полетим?

Двигатели взревели, и «Элиза-111» взлетела.

— Он не мог узнать, — ответил Вик, ложась на вираж вокруг пилона и затем выводя самолет на курс, ведущий к Центру... — Предположим, что ты — его цель, и это вполне вероятно, не нужно очень напрягать воображение, значит, рано или поздно тебе понадобится самолет. И поэтому он воспользовался первой же возможностью и сунул взрывчатку в оба самолета. Сейчас он уже знает, что ты куда-то полетела, и допускаю, что ждет с пальцем на кнопке передатчика, пока мы не появимся на горизонте. — Вик захохотал. — Представляю, какая у него будет рожа, когда...

— Может быть, убийца — пхиул? — донеслись сзади до них слова.

Гия и Вик остолбенели; самолет дернулся — это Вик от неожиданности резко повернул штурвал.

— Пхиулы не занимаются убийствами, — сказала он. А потом, заколебавшись, добавил: — Неужели могут?

— Раньше — нет, — ответил Давид с горечью. — А сей час жизнь пхиулов сильно изменилась. Думаю, что кто-то из противников перемен мог сделать это.

Это было ошеломляющее заявление. Но одновременно Гия подумала о существах, которые мне были ни людьми, ни пхиулами. Может быть, легче всего было бы думать о них, как о всезнающих и всемогущих божествах, для которых знания, управляющие космосом, не являются какой-то тайной, а тем более, какой-то факт заминирования их самолета. Таинственные существа были доброжелательными. Но если люди и пхиулы были для них объектом манипуляций, даже ради их блага, то где же место для свободы? Радости победы и открытий?

Солнце за их спинами садилось за горизонт, самолет летел над каменистым ландшафтом, который быстро погружался в темноту.

Количество и яркость появляющихся звезд намного превышало то, что можно было наблюдать с поверхности Земли, но мысли женщины были обращены внутрь, они отделились от внешнего мира.

«Несмотря на их силу, они оказались смертными», — эта мысль не давала ей покоя.

Одно решение логически вытекало из другого: раз эти существа смертны, то возникли они, как и большинство жизненных форм, из органического супа какого-то первобытного океана. Прошли по той же дороге, по которой идут сейчас люди и пхиулы. Они понимали важность научных знаний, добытых болезненным опытом, который неотделим при поступательном движении общества вперед.

Зачем они передавали свою информацию?

Из-за нас, так как кроме нас и пхиулов, во Вселенной больше никого нет.

Достижение этими существами высшей ступени разумной жизни в дрящемся развитии галактики было капризом природы. Жизнь, которая не должна была возникнуть, все

же возникла в каком-то из миров. И в своем развитии избежала всяких там боковых тропок, тупиковых улочек и природных катастроф, которые привели бы к тому, что ее существование оставило бы спазматический цикл очередных срывов. А когда стали искать равных себе среди звезд, то поняли, что появились намного раньше, чем следовало бы. Что среди тысяч планет, которые беспрерывно зарождались в бесконечных молодых солнечных системах, существует едва ли горстка таких, где могут возникнуть примитивные формы жизни.

Вместе с «другими» могла возникнуть совершенно иная ситуация, содержащая единство противоречий. Это могла быть арифметика особого рода, где «два» бесконечно больше того, что называется «единство». Такое уравнение стало для тех существ трагически невыполнимым. И вот тогда они приняли решение. Раз не могут стать частью уравнения...

...то станут математиком, составляющим его!

В конце концов они почти добились своего!

Сейчас в Галактике возникла именно такая ситуация:

ЧЕЛОВЕК плюс ПХИУЛ!!!

Новая двойственность!

— Интересно, — заметила вице-директор, когда Гия закончила излагать свои мысли.

— Думаешь, что это бред?

— Быть может... — зеленые глаза Женевьевы обратились к мужчине. — Ну а ты что скажешь, Галвик? Мне было бы интересно знать твое мнение.

Молодой человек пожал плечами.

— Я не уверен в окончательных выводах. Но за основную часть могу дать голову на отсечение. Ведь именно они подсказали нам о взрывчатке!

— Да, все верно. — Женни показала на кусочек взрывчатки, вытасченный из ящика стола. — Это нашли в хвостовом отсеке «Элизы I». — Она улыбнулась. Мы разминировали самолет вовремя.

— Ну что ж, кто бы они ни были, они спасли нам жизнь. Но как же мне хотелось бы знать, кто это? Или... что... — Она показала на взрывчатку. — И кто это сделал?

— Вначале будем отвечать на первый вопрос, — улыбнулась вице-директор и показала девушке фотографию. — Узнаешь эту особу?

Гия внимательно изучила лицо.

— Ты мне показывала это. Да, помню. Это кто-то из членов экипажа «Фервея».

— Именно. Только Кармен Клаус подходит по описанию Дига под Генеса.

— Что? Женщина, наряженная мужчиной? Где она сейчас?

— Пару часов назад Кармен взяла вездеход и выехала из района Рок-Хилла.

— И что же?

— Рок-Хилл — это место, откуда хорошо видно 6093-й.

— Интересно, — Гию охватил холод.

Галвик протяжно свистнул:

— О боже! Женщина! — Но тут же развел руки и произнес: — А почему бы и нет?

Хороший вопрос. Гия поняла, что упустив из виду эту версию, она допустила грубейшую ошибку. В истории были случаи, когда женщины выдавали себя за мужчин и благодаря этому скрывались долгие годы. Ну что ж, если она раскрылась, то похоже, что загадочное дело, вместе с сопутствующей ему угрозой, вскоре подойдет к концу.

Вице-директор прямо лопалась от гордости, и это можно было ей простить.

— Я пошлю полицию, — сказала она, опережая вопрос. — Думаю, что на какое-то время нам удастся вывести ее из игры.

— Мне кажется, что именно она убийца, — предположила Гия, пожимая плечами. Она встала.

— Я, пожалуй, пойду.

— Куда?

— Мне необходимо подумать...

— О том, как отличить иллюзию от действительности?

Гия заколебалась:

— Что-то в этом роде...

— У меня есть один вопрос, который постоянно меня мучает. Как получилось так, что Галвик не воспринял ваш разговор с этими существами?

— Но я ведь тоже не получила от них информации о взрывчатке!

Галвик ошеломленно замахал руками, когда понял, на что намекала девушка.

— Даю слово чести, что это правда!

Гия остановила его, положив руку на плечо:

— Вик, перестань, меня сейчас больше волнует то, что произошло потом, когда мы вышли из Врат! Поскольку это не было галлюцинацией, то мы и пхиулы приблизились к чему-то невероятному, если, конечно, я не стала жертвой большого воображения...

Гия изучала разложенные на столе фотографии ОЧП, когда маленький чужак вошел в лабораторию. Он посмотрел на нее какое-то время, потом сказал:

— Я говорил с Женни.

Гия повернулась и посмотрела на него:

— О чем, Давид?

— О людях, пхиулах. О том, что мы вместе составляем гораздо большее, чем врозь.

Гия почувствовала, что земля уходит у нее из-под ног.

— Это она сказала тебе?

— Нет. Я начал первый. — Щеки пхиула растянулись в подобии человеческой улыбки.

Удивленная девушка уронила несколько фотографий на пол.

— О, боже! — прошептала она. — Что за день?

В глазах чужака появились искорки юмора:

— Думаю, что людям и пхиулам надо больше доверять друг другу.

— Да! — горячо воскликнула Гия. — О да!

Давид прошел вперед характерным шагом, свойственным пхиулам, и поднял фотографии с пола. Вручая их Гие, он показал на ту, что находилась на самом верху. — Я уже видел это раньше.

Она пригляделась к фотографии, отложив остальные в сторону. На ней была изображена чаша, видимая сверху. Именно эту фотографию она разглядывала перед приходом Давида.

— Положи ее на стол, — предложил пхиул. — И держи так, как держала раньше.

Заинтригованная, Гия сделала так, как он просил.

— Не понимаю... — она замолчала, широко раскрыв глаза. Большой и указательный пальцы обеих рук раздвинулись, поддерживая фото за края и немного прикрывая изображение чаши. Пара человеческих рук, окружавших круг! Маленьких рук! Это была часть сердечного молчаливого по нимания, в котором они участвовали и которое утратили. Но которое никак не могли забыть.

— Белая точка! — прошептала она. — Там была еще белая точка!

Давид кивнул головой.

— Я спрашивал о вратах Пхиулии, и мне показали круг. Ты спрашивала о земных Вратах, и тебе показали белую точку. Что это значит?

Гия посмотрела на увеличенное изображение, висящее на стене лаборатории. Оно висело там от чувства безнадежности, или из-за того, что у кого-то из работающих здесь было специфическое чувство юмора. Это был прямоугольник черноты.

Она показала на него:

— Знаешь, что это такое?

Давид кивнул:

— У меня есть такое же изображение, хотя мы и не используем стены для картин, которые, как мы знаем, ничего не показывают. Было много фотографий, сделанных над чашей ОЧП, для того, чтобы найти источник энергии, питающий Врата. Это изображение, как и сотни других, сделаны летающими роботами с очень низкой высоты возле центра чаши. Было много потрачено времени, но все впустую.

— Может быть, от того, что исследовали не тот ОЧП, что нужно, — сказала девушка, настраивая проекционный аппарат. Тщательно вставив в него фотографию ОЧП 6093, она включила освещение и начала вращать ручку трансфокатора.

— Кстати, а над какими чашами были сделаны подобные снимки? — спросила она мимоходом.

— Начиная с номера первого и по сотый, — сказал пхиул. — Но когда это ничего не дало, исследования в этом направлении были прекращены.

Между тем чернота вылилась за границы двухмерного лабораторного экрана, и это привело к тому, что в комнате установилась атмосфера подземелья, словно четкий пейзаж Крикуна был поглощен мраком. Внезапно в центре экрана появилась, а затем, когда границы увеличения стали расширяться, размазалась светлая точка. Гия крутнула ручку, и блеск сконцентрировался в четкую блестящую точку.

— Вот она! — крикнула девушка, указывая на экран.

Прошел почти час с того времени, когда Галвик Хоган, сверкая огнем тормозного ранца, покинул «Элизу I», до того момента, пока не скрылся за краем чаши. Доклады Вика доходили с перерывами, поскольку кружащий самолет то приближался к ЛЧП, насколько это было возможно, то удалялся на расстояние, где передача глушилась радиоинтерференцией объекта.

—...Добрался до края чаши... очень медленно...

— ...Я нашел! Это очень маленькое! Маленькое настолько, что даже ранец гораздо больше его. Возвращаюсь!

Было видно, как Вик перевалился через край до того, как он успел сказать это. Все стоящие внизу вглядывались в маленькую фигурку, падающую вниз, пока не хлопнул раскрывшийся парашют.

Полет вниз на три мили занял немного времени, и Вик вскоре приземлился посреди толпы. Однако все тут же подались назад, словно их заранее предупредили о том, что к парашюту можно допустить одного человека и одного пхиула.

— Прошу слушать внимательно и не рассчитывать на то, что я повторю это еще один раз, — рассмеялся Вик, обнимая Гию и пожимая протянутую лапу Давида. — Тормозной ранец работал отлично, парашют еще лучше, но прогулка по завернутому краю чаши! — Он вздрогнул. — Теперь я понимаю, что такое отсутствие трения. — Он снял присоски с колен и локтей, полез в карман на груди и вытащил оттуда предмет длинно, немного больше дюйма.

— Вот, красotka, твой огонек!

Гия восхищенно взяла предмет. Полупрозрачный цилиндр, сделанный из материала, расщепляющего свет на живые цвета. В таинственном цилиндре находилось трехмерное изображение ОЧП.

— Прекрасно! Но что это такое?

— Это тебе уже выяснять с Давидом. Я свою часть выполнил, — ответил Вик с плохо скрываемым торжеством, видя, с каким восторгом девушка протянула предмет пхиулу. — Но ставлю тысячу долларов, что вторая такая же штука находитcя в чаше ОЧП 11852.

— Вполне возможно, — согласился Давид, рассматривая скрытую в «хрустале» миниатюру.

Вокруг них собралась толпа людей и пхиулов. Крики удивления первых перекликались с горловыми звуками, издаваемыми другими. Давид отдал Гие предмет и издал серию звуков, адресованных рядом стоящему члену его сообщества. Тот развернулся и припустил бегом в направлении отдельно стоящего самолета.

— Он вернется на нашу базу и организует экспедицию пхиулов на второй ОЧП, — объяснил людям Давид. — Вскоре мы узнаем, что там, в той чаше.

— Если есть, в чем я не сомневаюсь, — проговорила Женьевева Хоган, беря предмет у Гии и поднося его к свету, — то в этом случае наши таинственные покровители вложили в шляпу двух кроликов. — Она взглянула на Гию. — Понимаешь, этого предмета два месяца назад не было на своем месте!

Девушка кивнула:

— Я просматривала фотографии, они чистые, как слеза. — Затем обратилась к Давиду: — Ты согласен, чтобы мы взяли это с собой?

— Конечно, — согласился пхиул. — Я думаю, что мы тоже найдем себе такую штучку.

В это время «Элиза I», заложив вираж, приземлилась возле них, подняв облако мелкого песка. Вик тут же принялся убеждать пилота, чтобы он вернулся на базу на другой машине, а он, Вик, отведет «Элизу» с двумя женщинами в Центр. Как и можно было ожидать, во время этого почти

часового полета, этот таинственный предмет так и не был найден, хотя Гия и Женни чуть ли не на зуб пробовали находку, пытаясь понять ее назначение.

— Ну что ж, посмотрим, что можно будет сделать в лаборатории, — сказала в конце концов Женевьева, когда на горизонте показались домики ПЗМИ. Она вздохнула:

— Гия, если это «ключ», то как нам найти замок? У меня такое чувство, что вместо ответа мы нашли еще одну загадку. И от такого множества вопросов у меня голова идет кругом.

Вице-директор не ошиблась в своих предположениях. Спустя два часа они встретились в ее кабинете и выслушали рапорт удрученного техника о проведенном исследовании.

— Что бы это ни было, материал определить нам не удалось, — закончил он, кладя найденный предмет на стол. — Взять пробу невозможно. Он не просвечивается ни одним видом излучения, ничего не отражает, короче говоря, он абсолютно инертен.

— Застывшая энергия, — буркнула Гия, пытаясь пошутить. Вик начал было смеяться, но тут же остановился, когда техник вспыхнул:

— А почему бы и нет? Того, что мы видим, в самой своей сути не может быть! Я готов поверить во что угодно — в то, что Луна сделана из зеленого сыра, в то, что вселенная меньше булавочной головки, но то, что этот материал, — он указал на найденный предмет, — каким-то образом был физически получен, в это я не могу поверить!!! Эта штука самым скандальным образом путает логику науки! — С покрасневшимся лицом техник, тяжело ступая, вышел из кабинета, хлопнув дверь.

— Ну и что? — сказала Женни после минутного молчания.

— Что-то он сильно распсиховался. — Вик поднял предмет и взвесил его в руке. — Энергия? Зеленый сыр? — Он положил его обратно на стол. — Чушь!

Вице-директор улыбнулась, но улыбка эта была какой-то жалкой.

— Ты связалась с Землей, Гия?

— Еще не успела, — девушка колебалась. — У нас пока нет причин хвастаться.

— Ну, хотя бы поставить в известность в том, что мы нашли. И... еще дело Кармен Клаус.

Вик подскочил.

— Наша подозреваемая?

— Уже не подозреваемая. Видите ли, она сама подорвалась на mine, разлетевшись на кусочки над Рок-Хиллом. Очевидно, не вовремя была нажата кнопка детонатора.

— Не понимаю, — начала Гия.

— Ну что тут не понимать, — засмеялся Вик. — Глупая женщина носила с собой немного дензонита. — Он покачал головой. — Мы все не застрахованы от ошибок, но совершить такую...

Это была страшная смерть даже для того, кто сеял смерть. Однако Гие немного полегчало, когда она поняла, что освободилась от одной мучающей ее опасности. Позже, после десятиминутного выстукивания по клавишам Т-передатчика, Гия подумала, не вышла ли она надолго из игры? В конце концов, акселерант не обязан подвергать себя риску, однако в данном случае смерть ходила за ней по пятам все эти дни.

Т-передатчик ожил и из регистратора поползла лента, на которой были отпечатаны слова ответа Дигоннеса:

«То, что Генес оказался женщиной, выяснено наверняка. Поэтому-то она так легко избежала ареста. Жаль, что она погибла, иначе возможно было бы проследить ее связи с хозяевами. Знаю, что у тебя есть подозрения, но подозрения это не доказательства. Поэтому оставь их при себе».

— Хорошо, — вмешалась вице-директор, прочитав сообщение через плечо девушки и усаживаясь в кресло рядом с ней.

«Здесь Женни, — набрала она код. — У тебя есть какие-нибудь соображения, что делать с обнаруженным предметом? Пока что от него пользы, как от пресс-папье».

«Что у пхиулов? Достали ли они второй предмет?»

«Еще нет, но я уверена, что он там».

«В таком случае, если он отыщется, предложи им оставить его на Крикуне. Их лаборатория оборудована лучше нашей. И они гораздо быстрее проведут его исследования на Крикуне, нежели мы, которым надо будет отправить находку на Землю... Значит так, если это все же ключ, немедленно отправь предмет на «Фервей...»

Галвик воскликнул:

— Но так мы потеряем два года! Пхиулы могут найти Врата еще тогда, когда «Фервей» будет все еще на этой стороне Плеяд!

«...Это составит четыре года, — пришел ответ, словно человек на той стороне канала связи угадал реакцию собеседника. — Но делать нечего, мы можем обследовать находку только на Земле. Кроме того, почему мы не можем доверять пхиулам? Разве они бессовестные бродяги, которым нельзя ни на йоту верить? По-моему, они члены равноправного сообщества наших ученых...»

— Прекрасная мысль, — захохотала Женни. — Если бы мы только смогли теперь убедить пхиулов, чтобы они вели себя так, как этого хочет Земля...

Потом они встретились с Давидом. Два предмета, один с этикеткой «6093», другой с иероглифом пхиулов, стояли рядом друг с другом на столе. Они были абсолютно идентичны — та же мигающая, непонятная субстанция цилиндра, та же самая миниатюрная копия ОЧП внутри. Женевьева передала Давиду рекомендации Дигоннеса и услышала в ответ оживленный обмен звуками между Давидом и двумя его товарищами.

— Если мы откроем секрет перед возвращением вашего звездолета, Врата Пхиулии будут открыты намного раньше, — изрек Давид.

— Мы согласны с такой возможностью, — кивнула вице-директор.

Давид кивнул головой. В его больших глазах появилось понимание и тень уважения.

— Этот вариант лучше устраивает пхиулов. Но я думаю, что он подходит и людям. Мы согласны.

Вот и все. Гия считала, что он скрывает свои чувства, но забыла о легендарном общем разуме инопланетян. Давным-давно во имя гармонии рас Петер Дигоннес и его партнер со стороны пхиулов достигли соглашения, согласно которому пхиулы должны уважать человеческую потребность в интимности, а взамен люди согласились с фактом, что в

языке пхиулов не существует слово «быстро». В самой своей сущности пхиулы отрицали быстроту мышления, и Гия была просто ошеломлена тем, с какой скоростью Давид выразил согласие с их условиями. Ее беспокоил тот факт, что с передачей экземпляра, взятого с ОЧП 11852 в лабораторию пхиулов, ее роль на Крикуне станет ненужной. Давид уловил излучение ее смешанных чувств и поступил в соответствии с ситуацией.

— Гия, тебе это не нравится? Ты не считаешь, что мы поступаем верно?

Девушка удивленно посмотрела на чужака. Может быть, опять пришло к ним то чувство, а может быть, что-то осталось от того, что они пережили после своего вылета из ОЧП, но она не сомневалась, что Давид досконально понимает ее чувства.

— Делайте то, что нужно делать, — сказала она, улыбнувшись Давиду.

Она повернулась к вице-директору:

— Именно тогда, когда здесь начинает происходить что-то интересное, я чувствую себя...

— ...Вне всего этого? — задала вопрос Женни. Ее глаза заблестели.

Девушка пожала плечами.

— Если говорить о Вратах Земли, то именно так.

— Очень хотелось бы, чтобы ты ошибалась, — покачала головой Женни.

Гию оживили, когда «Фервей» вышел в нормальное пространство за три дня до посадки на Землю. Несколько часов болезненных упражнений, после чего наступила еще более неприятная процедура поглощения лекарств, восстанавливающих обмен веществ. После чего врачи отступились от нее. Она направилась на мостик, ее шаги отдавались гулким эхом в пустынных коридорах огромного звездолета, в настоящее время почти безлюдного. Когда она вошла в обитаемую часть корабля, расположенную непосредственно под наполненным шумом мостиком, первым, кого она увидела, был молодой мужчина.

— Вик? — удивленно воскликнула она. Галвик Хоган ослабил объятия и улыбнулся.

— Приветствую тебя среди живых.

— Где?... Как?...

— Я поднялся на борт после того, как тебя уже положили в камеру. — Он опять улыбнулся. — Кстати говоря, разница в возрасте между нами уменьшилась на два года...

— О, боже! Ты провел два таких скучных года, да?

— Ну, не очень. Видишь ли, мне некогда было скучать. Я возвращаюсь, чтобы продолжить учебу...

— Предмет?

— Планетология.

— Хороший выбор, — с одобрением произнесла Гия. — Ты уже получил хорошую полевую подготовку, теперь учеба пойдет как по маслу...

— О, великая радость! Наша красавица проснулась! — Эндарт Гримс подошел к ним и, покраснев, взял Гию за руку.

— Молодая леди, как вы себя чувствуете после второго долгого отдыха в течение этих четырех лет?

Гия отметила бросающееся в глаза отличное физическое состояние толстяка.

— Подозреваю, не так хорошо, как вы. Как вам это удалось?

Гримс расхохотался.

— Никаких чудес. У меня просто накопилось много работы с аппаратурой, и поэтому я попросил разбудить меня на месяц раньше. — Он похлопал себя по животу. — Вот поэтому-то мне и удалось быстро отработать потерянное.

— Это точно, — отозвался Вик. — Все свободное от работы время он проводит в столовой. Ты должна это видеть, Гия, как он поглощает пищу.

Гримс покраснел.

— Видите ли, молодые люди, я страшно нервничаю, когда не могу найти неисправность в оборудовании.

— Вам нечего стыдиться, сэр! — произнес вновь прибывший, крепко сложенный мужчина средних лет и с веселым блеском в голубых глазах. Он подошел к Гие и поцеловал ее.

— Вы выглядите отлично, мисс Мейленд.

— Вы тоже, капитан, — улыбнулась Гия. Их старая дружба ни для кого не была тайной, хотя капитан Джоэль Грэхем не обсуждал с экипажем свои привязанности. Взяв девушку под руку, он проводил ее в свою каюту, усадил поудобнее в кресло, вызвал стюарда и предложил легкий завтрак.

Гия окинула взглядом капитанскую каюту. Тщательно подобранный антиквариат, старые книги в кожаных переплетах, отличные репродукции картин старых мастеров...

— Если бы только это видели колонисты...

Капитан рассмеялся:

— Гия, ты попала в «молоко». Многие из них побывали здесь, и все без исключения видели меня. Я помню, как один фермер заявил мне, что никакая роскошь в жизни не заменит прелести полей и лесов под открытым небом. Видимо, он прав...

— Ты не был ни на одной планете после смерти матери?

Грэхем покачал головой.

— Я бы не смог себя превозмочь. — Он подошел к шкафу и среди многочисленных сувениров из десятка миров разыскал блестящий цилиндр. — Держи! Забудь обо мне и думай только об этом предмете! В этой штучковине все будущее человечества!

Гия поднесла цилиндр к свету и внимательно начала рассматривать помещенную внутри него таинственную хрупкую конструкцию.

— Кстати, ответь мне, почему он не хранится в сейфе? — спросила она, не отрываясь от разглядывания чужого артефакта.

— Разве ты не понимаешь, как он ценен?

Капитан покачал головой:

— А зачем? Так получилось, что человек, имеющий доступ к сейфу, является подозреваемым лицом, включенным в особый список по вашему ведомству. Зачем же мне хранить эту вещичку от преступных происков «Транстара», мне, который является его работником и числится в списке подозреваемых под номером один?

Конечно, он шутил. Но вопрос был задан верно.

— Значит, о его местоположении знают все на корабле?:

— Допускаю, что это так. Знали, вне сомнения, все мои офицеры, так как часто заходили в каюту... Знали молодой Хоган и, наверное, Гримс.

— Ну конечно же, Гримс, — рассмеялась Гия и положила небольшой ОЧП в шкаф, закрыв дверцу.

Капитан с интересом проследил за ее действиями.

— Ты не любишь его?

Девушка пожала плечами.

— Что значит «любишь»? Я едва знаю его.

— Вот в этом-то и вся проблема. Он ведет себя словно... как добрый дядюшка, а это, похоже, страшно раздражает тебя. Верно?

— Ты очень проницателен.

— Нет, просто я хорошо знаю тебя. Насколько я узнал его за время полета, он порядочный человек. Может быть, немного назойливый, но это от того, что он одинок в этой коробке. Поэтому-то он и проводит столько времени за работой. Ты знаешь, как он предан своим камерам?

— Так же, как и мы своей работе, — мрачно произнесла Гия, понимая, что больше такой интересной работы, как была на Крикуне, уже не будет. Женни, правда, подбросила ей мысль, что проблема, заключающаяся в находке, будет решаться на Земле и работа будет. Это звучало разумно, но если посмотреть на всю эту проблему трезво и рассудительно, то у вице-директора было на уме нечто иное, чем подыскивание работы для акселерантки, которая лучше управлялась с расследованием, чем с ускорением.

— Над чем это ты так задумалась?

— Ничего особенного, — солгала Гия, выдавив из себя улыбку. — Думаю, что мне в самый раз вернуться к прерванному отпуску.

Она со всех сторон обдумала эту проблему и пришла к выводу, что это именно то, что ей нужно. Но первая же непосредственная связь с Землей привела к тому, что мысли о пляже и солнце пришлось решительно отбросить в сторону.

— Прибудешь на первом же пароме, — приказал ей Петер Дигоннес. Его лицо на экране, постаревшее на четыре года, было очень напряжено. В голосе сквозила какая-то озабоченность. — Если то, что ты нашла, является тем, что я ожидаю, тогда ты можешь отныне сама выбирать себе задания. Если нет, то мы с тобой будем конченными людьми...

Гия кивнула головой. Она знала, что заместитель директора не преувеличивал, когда говорил о последствиях поражения.

— Не все так плохо, — сказала она вслух. — Объект мы все же нашли, и загадка его должна решаться очень просто. По крайней мере, это, по всей видимости, должно быть в наших силах.

Дигоннес согласился.

— Быть может. Мы знаем, что до сих пор пхиулам ничего не удалось добиться от своего артефакта. Возможно, доставка нашего на Землю была именно тем, что нужно. Интересно, после всех этих лет...

Их разделяли миллионы миль, и их изображение передавала коммуникационная сеть, охватывающая Землю и ближайшее космическое пространство. Но внезапно оба они ощутили свое участие в связи, которая простиралась далеко за возможности лазеров и всевозможных волн. Гия раньше уже пережила нечто подобное; тогда она приняла это ощущение с удовольствием и узнала чувство утраты, которое исчезло так же внезапно, как и пришло. Дигоннес удивился; удивление уступило место пониманию, а затем — внутреннему спокойствию.

— Мне кажется, моя дорогая, — произнес он нежно, — что вскоре у нас будут большие хлопоты...

Так случилось, что первый орбитальный паром не был предназначен для перевозки пассажиров. Каюта была единственная, и Гия, Галвик Холган и Эндарт Гримс втиснулись в нее с большим трудом. Остальная часть парома была заполнена размонтированными частями гибернационных камер и четырьмя неиспользованными модулями.

Находка с Крикуна была помещена в специальную нишу возле кресла Гии, и как только закончились маневры отчаливания, девушка достала цилиндр и покрутила его в руках.

— Красивый сувенир, — засмеялся Вик.

— Конечно, — согласилась Гия, разглядывая хрупкую на вид миниатюру в центре цилиндра. Для нее события на Крикуне происходили только вчера, и даже двадцатishестимесячное

состояние анабиоза не могла сгладить эффект от находки этого чуждого артефакта.

В реальном времени только несколько часов назад прикосновение этой холодноватой, шелковистой на ощупь поверхности, разбудило у нее чувство небывалого успеха. Не было сомнений, вообще никаких сомнений, что мечта о Вратах Земли может наконец превратиться в реальность.

Но сейчас она ничего не чувствовала! Мечта перешла в состояние покоя... Внезапно Гия перестала крутить модель в руках. Она подняла ее вверх и взглянула вдоль нижнего края хрустального цилиндра. Осторожно провела пальцем по краю и посмотрела еще раз.

— Это не то! — прошептала она.

— Что значит «не то»? — с любопытством спросил Галвик.

Она повернулась к нему. Молодой человек вздрогнул, увидев ее побелевшее лицо.

— Это подделка! — громко произнесла она. Внезапно Гия схватила Вика за руку и положила его пальцы на край цилиндра.

— Смотри! Порезаться нельзя!

Он отнял руку и посмотрел на исчезающий след острого выступа на коже.

— Да, не порезано. А должно?

— Если бы это был настоящий артефакт, палец можно было бы порезать до кости! Видишь на грани щербинку? Даже алмаз не способен сделать такое на реальном цилиндре. Поэтому я знаю, что перед нами подделка. Скорее всего, из какого-то пластика! — Она взглянула еще на одного пассажира. — Я не права, Эндарт?

Толстяк, который, казалось, дремал, сделал вид, что пробуждается.

— ...А ...Извините?

— Эндарт, когда вы сделали эту штуку?

— Что? — Вик удивленно переводил взгляд с одного на другого попутчика. — Что такое, Гия? Какая подделка?

— Его спроси! — взорвалась девушка. Наклонившись вперед, она наткнулась на тяжелый взгляд Гримса. — Кто вы на самом деле, Эндарт?

Гримс попытался улыбнуться:

— Допустим, перед вами руководитель отдела исследований, президент наблюдательного совета. — Он пожал плечами, словно принял для себя какое-то решение. Лицо его было все еще добродушным, но бледные глаза уже отливали стальным блеском. — И вы, конечно, хотите знать мое имя?

Гия кивнула.

— Эндарт Гримс Пендер. Это мое полное имя.

— О, мой бог! — Галвик Хоган покачал головой. — «Транстар»?!

— Ну что ж, этого можно было бы ожидать, — уже спокойно сказала Гия. — Наверняка ГСП — это небольшая фирма, финансируемая «Транстаром», и открытие Врат приведет к тому, что исчезнет смысл ее существования... Да, это мотив. Теперь понятно, как смогла погибнуть Генес. Небольшой кусочек взрывчатки, и Гримс получает все, что хочет. Нас не существует, нет свидетелей, нет, если все пойдет хорошо, и Врат Земли, и нет наемного убийцы. Одним махом можно избавиться от всех, причастных к этому делу. Я не права, мистер Гримс?

Глава Гибернационных Систем Пендера задумчиво посмотрел на свою обвинительницу.

— Очень рассудительно, милая моя, но полный вздор. Например, зачем мне нужно подделывать что-то, чего никогда не существовало? — Он указал на артефакт. — Где это сделано, мисс Мейленд? Наверняка в мастерских вашего центра на Крикуне. Мне кажется, ваше обвинение построено только для того, чтобы сохранить свою репутацию за счет бедного толстяка, который никогда не причинял вам зла. Мне искренне жаль, но после посадки я хочу подать на вас жалобу властям.

— Можете подавать сколько угодно жалоб. Но я совершенно уверена, что анализ этого материала приведет к вашей фирме... Так?

На Гримса это не произвело никакого впечатления.

— О, у нас много разных материалов, мисс. Можете делать сколько угодно анализов. Доказать что-то будет невозможно!

— И мы не найдем Врат Земли! — гневно произнес Вик, повернувшись к Гримсу и хватая его за отвороты широкой

куртки. — Говори сейчас же, мерзавец, что ты сделал с оригиналом, или я тебя... ох!

Он вскрикнул и отпустил куртку, когда Гия ударила его по бицепсу.

— Ты идиот, Вик! — холодно произнесла она. Потом добавила уже более спокойным тоном: — Артефакт нельзя уничтожить, его можно только спрятать. И скорее всего, он сделал это на «Фервее». Необходимо запретить перевозки с «Фервея» на Землю до тех пор, пока не будет перерыт весь звездолет. Даже если это займет у нас целый месяц!

— Либо годы? — хрипло поинтересовался Гримс. — А вы уверены, что в конечном счете все же найдете его? — Он улыбнулся. — Почему-то мне кажется, вы и сами знаете, что надежды ваши призрачны.

«Он, конечно, был прав», — подумала Гия, представив себе огромную кубатуру гигантского корабля. Но одно было ясно наверняка, независимо от результатов поиска. Гримс должен заплатить за то, что сделал. Если даже не удастся сослать его в одну из немногих космических тюрем, то можно предоставит достаточно доказательств акционерам ГСП, чтобы лишить его поста и материального благополучия. А это точно ударит по его гордости, как и по банковскому счету.

Ну и черт с ним!

Ни одно наказание не сравнится с утратой Врат Земли. Глядя перед собой, Гия не заметила через боковой иллюминатор, как появился земной горизонт, когда нос парома вонзился в земную атмосферу. Она услышала легкий шум, когда широкие крылья начали захватывать воздух, ощутила нарастание тяжести, когда торможение вдавило ее в кресло. Шум нарастал и постепенно перешел в рев, когда грузовик заскользил вниз, к плотным слоям атмосферы. Реагируя на команды бортового компьютера, выдвинулись рули высоты. Раздался шум, когда включились тормозные двигатели.

— Взрыв на борту!

Крик пилота уже ничего не значил, так как паром начал разваливаться.

Но космонавт не растерялся и тут же отдал приказ компьютеру отстрелить пассажирский отсек.

Опять грохот, и что-то выдавило воздух из груди, вжимая людей в кресла. Спасательная капсула отделилась от корпуса паромы, и уже через мгновение Гия увидела через иллюминатор паром, разорванный, бесформенный остов, беспорядочно кувыркающийся в своем стремительном падении к Земле.

Взрыв!!!

Едва хватило времени на изумленное недоверие; раскрылся парашют, вытаскивая за собой огромный купол осовного. Перегрузка заставила потемнеть в глазах.

— Как там, все в порядке? — спросил пилот из своего отсека.

— Нормально, — ответил Вик. — Что случилось, черт возьми?

— Что-то взорвалось в грузовом отсеке, вот и все, что я знаю. Слава богу, что это старая модель с отстреливаемой капсулой. Иначе мы сейчас были бы там, внизу, в том балагане. Так или иначе, приготовьтесь, сейчас будем садиться.

Земля приняла и х внезапно, капсула подпрыгнула, ударились еще раз, наклонилась и замерла, потрескивая уставшим металлом. Хватило минуты, чтобы снять задвижки на люке, и еще несколько минут прошло, прежде чем люди выбрались наружу. Они находились на песчаном откосе, небо было чистое, а воздух — холодным. Солнце садилось. Хорошо было расслабиться, глубоко вздохнуть и задуматься над тем, через что они прошли, отделавшись лишь парой царапин и синяков. Даже Эндарт Гримс, несмотря на свой возраст и вес, выглядел почти довольным, когда оглядел местность.

— Где мы находимся?

Пилот отметил положение Солнца и посмотрел на часы.

— Сейчас вечер, мы подходили в базе Кеннеди по уходящей траектории. Думаю, что мы находимся приблизительно на шестидесятом градусе северной широты.

По откосу стали ударять порывы ветра, и, казалось, небо потемнело. Гия вздрогнула, так как совсем близко от них ударил раскат грома.

— Надеюсь, мы не промокнем до нитки, — заметила она, карабкаясь рядом с Виком вверх по склону.

Ветер усилился. Они шли, склонившись, пока не приблизились к краю прибрежной скалы, нависшей над бушующим морем. Гия опустилась на колени, тяжело дыша.

— Если бы мы упали в океан...

— ...То от нас не осталось бы и следа, — продолжил Галвик с побелевшим лицом, когда осознал, как мало отделяло их от вечности.

Вскоре и остальные потерпевшие крушение присоединились к ним. Ветер усилился так, что приходилось орать, чтобы слышать друг друга. Чайки тревожно кричали, с трудом взмахивая крыльями, стараясь противостоять напору ветра, несущего их вглубь суши.

Это был особенный шторм, и с каждым мгновением он становился все более необычным. В нескольких милях от берега над поверхностью воды нависла темная туча. Внутри и вокруг нее непрерывно сверкали молнии; слышался непрерывный гром. Гие показалось, что пилот что-то крикнул, но ветер отнес его слова, и они пропали в какофонии грохота.

— Что там такое? — прокричала она в ухо Галвику.

Да, вопрос был задан верно, но пока что ответа на него не могло быть. И, пожалуй, первый раз в жизни она ощутила настоящий страх перед неизвестным. У нее возникли такие чувства, словно у ребенка, которого оставили одного в темной комнате. Ветер ревел и рвался к чему-то над водой, к пенистой колонне, которая тянулась к тучам, словно какой-то таинственный пьедестал. Внутри этой тучи скрывалось что-то загадочное, туманный силуэт которого поднимался вверх, чтобы тут же в самом верху расщепиться в гигантское «Т».

— Этого не может быть... — прошептала Гия. — Это просто невероятно...

«Но это есть, — прошептал в ее мыслях голос. — Есть!»

И тут же, после осознания этого невероятного факта, до нее донесся высокий истерический смех. Ветер почти стих, и Эндарт Гримс смог выговориться между приступами истерического смеха:

— Видишь это? Видишь! Я дал вам Врата Земли!

— Что дал? — изумленно спросил Вик, пытаясь одновременно смотреть на тучу и на рычащего Гримса. — О чем болтает этот тип?

— Это совершенно ясно, — ответила Гия, впившись взглядом в легко распознаваемый силуэт, спеленутый в кокон из туч.

— Я хотел уничтожить все шансы на возможность найти эту штуку, — продолжал Гримс. Сжимая руки, он качался вперед и назад. — Я спрятал ее в одну из камер перед размонтированием и погрузкой на паром. Откуда я мог знать, что она потребует земного воздуха? Что это только зародыш?

Толстяка охватил новый пароксизм смеха:

— Только подумайте об этом! Если бы та штука в капсуле была настоящей, где мы были сейчас? — Хрипя, он показал на что-то над морем. — Мы стали бы частью...

Он не закончил фразы. Эндарт Гримс Пентер осел на землю и завалился на бок, выпучив глаза. Гия попыталась найти у него пульс. Но бизнес мен был мертв.

Они оказались на острове Акимиски, что в заливе Якуба, являющегося продолжением Гудзонова залива. В десяти милях от берегов острова зародыш начал развиваться, поглотив миллионы тонн материи.

Все началось с пары тонн металлических конструкций, бывших некогда космическим паромом; потом она была поглощена материей атмосферы. Словно миниатюрная черная дыра, зародыш всовал в себя вместе с воздухом и водой огромное количество рыбы и птиц, несколько китов и одного полярного медведя. Для него было все равно, где он мог оказаться — в пустыне или океане, на равнине или на вершине горы. Ему была нужна только материя. Но в отличие от черной дыры зародыш не был ненасытен. Умиравший человек точно сказал, что это был зародыш, самовоспроизводящаяся модель, растущая до невероятных размеров.

Что и произошло.

Процесс превращения закончился через два часа и тридцать минут с момента взрыва на борту парома.

Новый ОЧП вознесся над водами залива Якуба. Ветер стих совсем, воздух и вода успокоились, и спасательный вертолет без труда приземлился на плоской скале.

Спустя два часа и тридцать минут с севера прилетел большой самолет и спокойно исчез в столбе света. Спустя приблизительно одну десятую секунды реального времени, самолет возник над ОЧП, известном среди ученых под номером 6093, и вскоре сел на запыленном поле аэродрома. Преодоление шестисот световых лет заняло меньше времени, чем нужно для того, чтобы вздохнуть.

Из самолета вышли два пассажира. Молодая женщина держалась сзади, в то время как ее старший товарищ уверенно шел в направлении группы людей, поджидающей его. Среди них были и неземляне.

От группы отделилась человеческая фигура. Они встретились на полпути, пожали друг другу руки и улыбнулись.

— Здравствуй, Петер, вот ты и вернулся домой, — мягко сказала Женевьева Хоган.

Майкл Саара

НАЕМНИК

Трансгалактическая Оперативная Станция второй месяц висела в бездонной ночи вселенной. Всепространственный кокон окружал корабль, отрезая его от связи с Землей, с которой он стартовал в свой двадцатилетний полет к звездам. Десять членов экипажа спали в своих каютах. Только заместитель капитана полета, командор Аллан Калперн смотрел на коридорные часы, понимая, что ему надо идти в оперативный зал принимать дежурство. Глядя рассеянным взглядом на раскрывающиеся двери зала, он не сразу рассмотрел помещение. Но как только он сделал шаг внутрь, то увиденное поразило его, как громом. В кресле пилота, повернутом к пульта управления, безжизненно висело тело капитана корабля Карчини. Вытянутые ноги, неестественно подогнутые, упирались в мягкую обшивку палубы. Руки свисали над поручнями кресла. На коричневом комбинезоне расплывалось красное пятно.

Капитан, без сомнения, был мертв.

Кровь стекала по телу вниз, заливая основание кресла. Большая красная лужа еще не успела впитаться в ковровое покрытие пола. Высокая спинка кресла розового цвета была также забрызгана кровью, как и пульт компьютера мощности. Тысячами капелек она смешалась с разноцветными огоньками, переливающимися на большом голографическом экране, опоясывающем почти весь зал. Кровавые пятнышки собрались на плоскости экрана, резко контрастируя с висящим в воздухе изображением звездного неба.

Лицо капитана было синее и искривленное гримасой страха, смешанного как бы с выражением застывшего навсегда недоверия. Командор Калперн с окаменевшим лицом огляделся вокруг и тихо произнес в пространство: «Боевая

процедура А-3. Полная регистрация внутреннего и наружного пространства. Секретность первой степени. Красная тревога!»

Над пультами замигали фиолетовые сигналы красной тревоги. За плечами командора опустилась бронева плита, отсекая помещение зала от остального корабля.

Калперн неподвижно стоял и размышлял.

«Итак, капитан Карчини убит. Убит непонятным образом и в совершенно невероятной ситуации. То, что сейчас предстало перед моим взором, не имеет права на существование. Такого не было за всю историю галактической экспансии. Экипаж корабля состоит из десяти человек, тщательно подобранных, абсолютно нормальных и здоровых. Правда, есть и автоматы. Но они не имеют возможности, как в старых романах, причинить человеку какой-нибудь вред. Это мог сделать только человек. Но кто? И почему?»

В такой ситуации, при красной тревоге, требовался, согласно инструкции, второй человек. Калперн подошел к пульту и набрал шифр каюты Главного Кибернетика, Самсона Хевела. Минуту он ждал ответа.

— В чем дело? — голос Хевела был сонным.

— Немедленно идти в лабораторию. Мне не нравится анализ субполя эмиттера седьмой сферы. А ключа к памяти устройства у меня нет.

— Иду.

Чтобы добраться до лаборатории, нужно было пройти мимо оперативного зала. Когда кибернетик приблизился к дверям, Калперн снял блокировку и без слов втянул его в зал. Пока Хевел приходил в себя от первого потрясения, командор уже говорил, показывая на труп капитана:

— Это произошло самое позднее десять минут тому назад. Что ты делал в это время?

— Спал. — Хевел не мог отвести глаз от мертвого тела командира. Через секунду он снова стал Главным Кибернетиком корабля, так как хладнокровно задал вопрос:

— Ты что-то предпринял? Нет? В памяти регистрируются все открытия дверей на борту. Надо проверить!

Калперн кивнул, и они вдвоем подошли к программирующему устройству. Хевел закодировал вопрос. На мониторе

появились номера дверей и шлюзов, открывавшихся в течение последнего часа. Ни одна из них не находилась в жилой части корабля. Кроме дверей в оперативный зал, где они находились. Дверь зала была открыта в течение сорока восьми секунд, когда входил Калперн. Дальнейшая регистрация согласно приказу секретности производилась только автоматической системой тревоги с подключением главной памяти. С этого момента извлечение и использование этой информации могло быть произведено только на Земле. После окончания полета.

— Что дальше? — спросил Хевел.

— Ты можешь извлечь эту программу?

— Можно попробовать, — ответил кибернетик, но ничего не стал делать.

— Мы должны решить это сейчас же, правда? — скорее утвердил, чем спросил командор.

Их глаза встретились на короткое время. Взгляд Хевела был спокойным и внимательным. Так же, как впрочем и Калперна. Когда они отвели глаза, напряжение между ними спало.

— Хорошо, делай, — сказал Калперн.

Внутренняя дрожь, однако, осталась, когда кибернетик раскрыл Калперну в знак доверия все шифры и системы и нашел фальшивую запись, скрывающую регистрацию открытия дверей в оперативном зале перед смертью капитана. Так ничего и не произошло, хотя он и извлек последний шифровой ключ из памяти.

Командор тяжело вздохнул.

— Спасибо, Самсон. Ты знал, что так будет?

— Я не мог этого знать, — пожал плечами кибернетик. — Хотя подобное можно было предусмотреть. Что сейчас?

Они оба ощутили облегчение, как если бы факт того, что компьютерная система не может им помочь, дал им шанс рассчитывать только на себя.

— В первую очередь, — предложил Калперн, — место происшествия. Потом тело.

Хевел кивнул. Он сел в кресло и начал реконструкцию события на основании образа места происшествия. В течение примерно десяти минут он составлял программу. Наблюдая,

как лоб Хевела покрылся потом, а его пальцы с фантастической скоростью бегают по клавишам пульта, Калперн подумал, что наверняка это один из лучших кибернетиков Галактического Корпуса. Когда он уже почти перестал улавливать ход размышлений Хевела, тот ударил кулаком о подлокотник кресла и процедил сквозь зубы:

— Эта система самая лучшая из всего, с чем я до сих пор работал. Но боюсь, что мы так ничего и не узнаем. Могу только...

На одном из десятков миниэкранов появилось рисованное изображение реконструкции случившегося. Стоящий капитан, повернутый лицом к двери, на фоне которой виднелось неясное пятно в виде человеческой фигуры зеленого цвета. Из этого пятна вылетела точка, которая ударила стоящего прямо в живот. Фигура от удара отпрянула назад и, ломаясь, рухнула в кресло. Экран показал все фазы движения тела. Руки проделали веерообразные движения и опали вдоль туловища, а вверх и вбок полетели струйки точек. Это была баллистическая реконструкция движений. На экране появилась надпись:

ДВА СНАРЯДА. ЛОКАЛИЗАЦИЯ — СПИНКА КРЕСЛА.
ТЕЛО НЕ ПОДДАЕТСЯ ОЖИВЛЕНИЮ. ВЫВОД — ЗАМОРОЗИТЬ

— Нужно убрать труп, — сказал командор.

Все было сделано быстро. Автоматы привезли блестящую емкость и положили туда тело капитана. Один очистил палубу, пульта. Второй вытащил из спинки кресла два предмета и положил их на сиденье, одновременно регистрируя их параметры в памяти корабля. Затем обернулся к людям и высветил на мониторе вопрос:

ЗАМЕНИТЬ КРЕСЛО?

— Нет, — ответил Хевел. — Приготовьте все для замены и ждите приказаний только из оперативного зала.

Его слова проявились на экране под вопросом робота.

— Конец, — сказал кибернетик.

Дверь за автоматами тихо закрылась. Мужчины подошли к креслу и взяли по предмету. Это были конусы из твердой бронзы с выдавленными на гранях крестиками.

— Никто на Земле больше не применяет этого. Полнейший анахронизм, — пожал плечами Калперн.

— Не совсем, — Хевел наморщил лоб. — Я слышал что-то об убийстве с применением огнестрельного оружия. Мне рассказывал о нем шеф криминального бюро, которое находится как раз рядом с нашим Центром Полетов.

Настала тишина.

— У нас есть девять человек, — сказал наконец Калперн. — Подозревать каждого — случай более чем беспрецедентный. Есть ли такая инструкция, в которой говорится, как поступать в подобной ситуации?

— Нет. Ты ведь знаешь. Все конфликтные ситуации контролируются Системой. На корабле нет свободного доступа к оружию. А плазменное без согласия всего экипажа вообще нельзя взять.

Командор понимал, что кибернетик знает больше всех вместе взятых и каждого в отдельности. Он несомненно поступал так со страховкой, возникающей из функционального прагматизма. Как заместитель капитана, Калперн был ему благодарен за проделанную работу. Этим самым Хевел снимал часть запретов. Но ситуация сломала их основы. С этого момента уже не было смысла придерживаться ненужных принципов.

— С чего начнем? — Хевел, видимо, не хотел сам что-то решать.

— Попробуем определить мотивы, — сказал Калперн. — Ты можешь заблокировать каюты?

— Да. Когда надо это сделать?

— Сейчас. Ситуация требует того, чтобы мы переступили грань невмешательства. Давай изображение всех помещений корабля.

Мониторы включились в наблюдение за жилыми каютами, и изображение сменилось на инфракрасное. Система не вмешивалась в решения человека, признавая их правильными. Люди спали. Поодиночке и парами. Давление крови было в норме. Сон глубокий и спокойный. Большинство обнаженных

тел говорило о спокойствии. Положение и позы их были такие естественные, что тот, кто полчаса назад совершил убийство, не мог быть так спокоен. Хотя все члены экипажа были так тщательно отобраны, что их психологические данные были весьма совершенны.

Командор молча уставился на экраны, думая только об одном: «Если никто из них, то кто?»

— Три пары и три одиночки, — заметил он вслух. — Минимум вероятности, что оба партнера пары смогли бы так симулировать психосоматическое спокойствие. Остаются Рина, Леа и Виндж. Кто-то из них.

И тут он заметил, что Хевел постарался скрыть напряжение при упоминании имени Виндж. Это нетрудно было понять. Он сам ощутил горячую волну при воспоминании о Рине.

Нужно было что-то делать!

— На корабле должно быть оружие, Самсон, — сказал Калперн.

— Хорошо, что есть возможность уверток, — вздохнула Хевел, но сказал это с печалью в голосе.

— Я пойду в каюту капитана, — предложил Калперн. — Может быть, что-нибудь там есть такое, что поможет нам отыскать след.

Они разошлись.

По дороге командор размышлял: были ли выстрелы произведены при открытых дверях? Если так, то существовал шанс, что они могли быть зарегистрированы какими-то другими, независимо от Памяти, приборами в остальной части корабля. Конечно, если учесть, что убийца не предусмотрел и такой возможности. Он рассчитал все довольно правильно, этот убийца. Взять хотя бы этот его приказ о невыдаче данных об открывании дверей в оперативный зал!

Двери каюты капитана были заблокированы согласно его приказу. Он набрал свой персональный код на пульте дверного компьютера, достал личный магнитный ключ Корчини и вложил в щель замка. Вошел вовнутрь. Кюта выглядела так, словно ее хозяин только что на минутку вышел. На кровати лежала открытая книга карманного формата. Калперн взял ее в руки. Это был детектив. Он подумал об иронии судьбы.

Корчини любил детективы. Он читал их каждую свободную минуту, особенно во время долгих перелетов. Это была его слабость. Калперн порылся в шкафу. Во втором отделении шкафа было немного одежды, несколько талисманов из прошлых экспедиций. Белье, смешной галстук-бабочка к несуществующей рубашке. Он уже хотел уходить, когда что-то толкнуло его заглянуть в ванную. Он зажег свет и осмотрел маленькую комнатку. Она была пуста. Только на полочке под зеркалом лежала кассета. Одна из тех бесчисленных развлекательных кассет, которых было полно во всех земных магазинах. Он протянул руку и посмотрел на голографическое изображение на обложке. Из темноты на него смотрел хмурый мужчина в черном костюме, сошедший, казалось, прямо с обложки журнала мод. В больших, покрытых волосами руках, он держал обрез и целился прямо в Калперна. Мужчина усмехался такой страшной улыбкой, которая могла означать только одно — смерть. Надпись гласила:

НАЕМНИК КОМПЬЮТЕРНАЯ ИГРА

В нижнем правом углу в желтой звездочке виднелось название фирмы, сделавшей видео:

Гейне-Комптроник.

На ребре кассеты было написано:

Померяйся силами со своей судьбой. Компьютер или ты?

В горле у Калперна запершило. Он покашлял, но это не помогло. Повернув кассету, он прочел:

Хочешь риска? Опасности? Игры с неизведанным? Обратись к детективным играм «Гейне-Комптроник». ГК — это наивысшее испытание нервов, угроз и черного развлечения. Твои вечера перестанут быть пустыми! Парасистемные программы «ГК» не имеют себе равных! Они проведут тебя в мир насилия, страха и смерти! На твое усмотрение в зависимости

от программы ты можешь стать или убийцей, или жертвой. Блюстителем порядка или его нарушителем. Все это только за 15 долларов или другой валютой, имеющей аналогичную стоимость. Инструкция в кассете. ПОМНИ! «Гейне-Комптронику» дрожит вместе с тобой!

Першение в горле стало невыносимым. Он несколько раз откашлялся. Звуки отдались глухим эхом в пустом помещении. Калперн положил кассету в карман и вернулся в оперативный зал.

Сел рядом с креслом капитана. Взял в руки пулю. Хмуро посмотрел на нее, в потом перенес взгляд на дыру в спинке кресла и пятна, которые уже начали темнеть. Положил пулю в карман. Хевел вернулся через десять минут. Когда он появился в дверях, выражение его лица было красноречивее ответа.

— Ничего, — сказал он. — Снаружи ничего.

— А я нашел вот это, — похвастался Калперн, доставая из кармана кассету, — в каюте Корчины.

Хевел взял кассету и долго рассматривал ее. Потом открыл коробку и вытащил из середины серебряно-матовую плитку с дыркой для пальца. Взвесил ее на ладони.

— Ты знаешь, что это? — спросил он и, не ожидая ответа, сам ответил:

— Подпольная продукция. Подпольное издательство. Земной рынок наводнен продукцией десятка фирм, таких как «Гейне-Комптроник». Эта же одна из наиболее крупных, хотя до сих пор она не очень распространяла свою продукцию. За эти штуки не надо платить налоги, а те, кто стоят за этим, используют самых лучших программистов. Эти игры создаются на незарегистрированных компьютерных станциях. Это огромный нелегальный бизнес. Бывало даже, что такие заказы брали кибернетики из Галактического Корпуса.

Он замолчал. Они подумали об одном и том же. Каждый гнал от себя мысль об этой абсурдной версии. Калперн слышал о таких кассетах. Это была продукция, запрещенная законом. За использование и производство таких кассет полагалось жестокое наказание. Эти кассеты были чем-то вроде

наркотика. В них использовались неконтролируемые человеческие пороки, избавление от всех норм права. Калперна это никогда не интересовало. Он считал, что каждый человек, интересующийся возможностью развлечься подобным образом, является психопатом. Его раздражало то, что именно детективы были слабостью добродушного капитана.

— Посмотрим? — предложил Хевел.

— А зачем?

— Мало ли что. Может, это поможет нам в ведении следствия?

— Давай.

Хевел наморщил лоб. Посмотрел на кассету и нажал несколько кнопок на пульте.

— Что-то не так, — забеспокоился командор.

— Сам не знаю. Это что-то новое. Я даже не знаю... как это объяснить...

— Это все и так перешло границы поиска. Ничто уже не может этому помешать, но все может иметь значение.

— Это только предчувствие, — заколебался Хевел. Он кивнул головой, указывая на монитор. — Видишь? Система на вопрос, записана ли эта игра в Память, ответила отрицательно. А на вопрос, не была ли записана раньше, тот же ответ. А ведь Корчини должен был играть в нее... Хотя бы один раз. Ног я не думаю о связи... — Он кивнул на кресло капитана. — Насколько я знаю, он должен был это заранее проверить.

— Значит, Система опять дала ложные ответы?

— Думаю, что они такие же правдивые, как и регистрация движения дверей в зал. — Хевел покраснел и с усилием добавил: — Похоже, мы имеем дело с фальшивой, двойной программой.

Калперн встал с кресла.

— Ты хочешь сказать, что это дерьмо перехватило контроль над всеми системами безопасности? Но это же абсурд!

Последнюю фразу он сказал повышенным тоном. Это был произвольный жест, так как он инстинктивно почувствовал, что начал бояться.

— Это парасистемная программа, Аллан. Ты не знаешь, что эта дьявольщина может сделать. То, о чем ты говорил,

действительно похоже на перехват контроля. Надо учесть, что Память корабля охватывает все системы обеспечения. Даже я не смог бы причинить Системе какой-нибудь вред, если это будет угрожать безопасности полета. Одновременно можно делать вещи, которые могут быть лишь явно видимыми. Эта кассета могла бы действовать точно также. Не знаю, как, но можно представить себе программу, которая закодирована, как игра призраков, регистрируемых в виде реальной угрозы.

— И если бы нарушился контакт человека с Системой или продолжительность регистрации, то это могло бы вызвать тревогу, или нет?

— Откуда мы можем знать, как это действует? Может быть, оно реагирует только на негативную реакцию одного человека, а на других нет? Такие случаи наблюдались... Эти все игры довольно индивидуальны. Между прочим, поэтому они и поставлены вне закона.

— Ты допускаешь мысль, что производитель мог составить программу, пускай даже парасистемную, но лучшую, чем наши бортовые?

Хевел горько улыбнулся.

— Я же говорил тебе, что такие заказы могли попасть к гениям кибернетики. У мафии есть деньги. А у людей мозги.

Калперн вдруг ощутил потребность спросить у Хевела о его прошлом, но тут же прикусил язык. Это было бы неосторожно. После такого вопроса неожиданно могла открыться новая альтернатива. Он повернулся спиной к кибернетику и начал ходить по залу. Сердце учащенно забилося, не догадался ли Хевел? Ему показалось, что тот все понял. Когда он повернулся к нему лицом, кибернетику смотрел на монитор.

— Если ты такой подозрительный, то я боюсь вводить эту программу в Память. Я могу оставить ее в Автоматической Системе, и ты сам сделаешь это, — сказал Хевел, не поднимая головы.

Калперн вздохнул. Это походило на то, что он не обратил на высказывание никакого внимания.

— Проклятье, — пробормотал он, — так мы не добьемся ничего.

Он подошел к пульта и отстучал приказ:

Регистрация пульса у членов экипажа за последний час выше девяноста ударов в минуту.

На мониторе сразу же появились данные:

КОРЧИНИ. ВРЕМЯ МИНУТ 38 МИНУТ 40 СЕКУНД. ПУЛЬС
240. ПЛЮС 9 СЕКУНД — ПУЛЬС НОЛЬ.

ЭКИПАЖ: У ВСЕХ ПУЛЬС НИЖЕ 80

Командор отстучал следующий приказ:

Время минус 39 минут. Сколько лиц в зале 12Ц?»
ОДНО. КОРЧИНИ. ДАЛЕЕ ПЛЮС 11 МИНУТ 10 СЕКУНД
— КАЛПЕРН. ДАЛЕЕ НИКОГО

— В тот момент ты отдал приказ о введении первой степени секретности. Главная Память с этого момента пуста, — прокомментировал Хевел. — Все, о чем мы сейчас говорим, останется в ней белым пятном.

Калперн закусил губу. Факт, что он действовал в соответствии с инструкцией, не принес ему облегчения.

— Мы топчемся на месте, — признался он. — В конце концов программа не убийца. У того было оружие. Настоящее, не экранное. И спрятал он его где-то на корабле.

Хевел пожал плечами.

— Стены целые. Транспортные и вентиляционные каналы пусты. За два месяца полета его можно было уже найти. Разве что оно могло быть спрятано в нежилой части. Но за пятнадцать минут, даже с фокусом регистрации открытия дверей и нормального пульса, это невозможно! Невозможно сделать!

Калперн посмотрел на руки жестикулирующего Хевела и невольно сравнил их с руками убийцы с обложки кассеты. Они были сильные, крепкие и такие же волосатые. Это сравнение пришло внезапно и было весьма иррациональным. Но посеяло второе зерно сомнения, и аналитический ум командора уже дал ему почву для всходов. Тем более, что время

шло, а зацепиться было не за что.

— Рискнем. Чтобы увидеть, что нам угрожает, мы должны посмотреть в лицо убийцы. Может быть, его спровоцировать? Ведь сейчас уже все равно.

Хевел застыл. Он не надеялся на это. Пожал плечами и произнес:

— Ты приказываешь? Пускай так и будет.

Калперн вложил кассету в приемник, а Хевел запрограммировал блокаду принятия информации Автоматической Системой. Они решили использовать программу кассеты на Главной Памяти. На самом большом стенном экране зазвучала музыка и появилось изображение: коллаж из фигур полицейских, вампиров, страшных лиц и окровавленных тел. Затем экран потемнел. Звук исчез. Заставка окончилась. Затем на черном фоне экрана в полной тишине появилась надпись большими белыми буквами:

ВЛАДЕЛЕЦ ЭТОЙ ИГРЫ ИМЕЕТ ПРАВО ПОЖЕЛАТЬ ВСЕ, ЧТО УГОДНО, ДАЖЕ СОБСТВЕННУЮ СМЕРТЬ, ЕСЛИ ТОЛЬКО ЭТО ЖЕЛАНИЕ СОВПАДАЕТ С ВОЗМОЖНОСТЯМИ КОМПЬЮТЕРА.

Снизу экрана стали подниматься строчки инструкции:

ЧТО ТАКОЕ ПРОСМОТР ДЕТЕКТИВОВ? ИЛИ ЧТЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ УЖАСОВ? ОТКРОВЕНИЕ КАКИХ-ТО ПРЕСТУПНИКОВ? ОТВЕЧАЕМ: ВСЕ ЭТО ПЕРЕЖИТКИ ПОТРЕБЛЕНИЯ. НАСТОЯЩИЙ ЛЮБИТЕЛЬ ОСТРЫХ ОЩУЩЕНИЙ И ДЕТЕКТИВНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ ХОЧЕТ САМ ОКУНУТЬСЯ В СЦЕНАРИЙ ДЕЙСТВИЯ. СЦЕНАРИЙ, КОТОРЫЙ СОЗДАН ЛУЧШИМИ ПРОГРАММИСТАМИ И ЛЮБИТЕЛЯМИ МУЖСКИХ РАЗВЛЕЧЕНИЙ. НАЧИНАЯ ИГРУ, КОТОРАЯ ПРОДЛИТСЯ ОДИН ЧАС, ТЫ ОКАЖЕШЬСЯ ЛИЦОМ К ЛИЦУ С БЕЗЖАЛОСТНЫМ НАЕМНЫМ УБИЙЦЕЙ. ПРОГРАММА, ЗАПИСАННАЯ НА ЭТОЙ КАССЕТЕ, СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ТЕБЯ ВЫБЕРЕТ ИЗ ПОЛИЦЕЙСКОЙ КАРТОТЕКИ САМОГО ОТЧАЯННОГО И САМОГО СТРАШНОГО ИЗ ВСЕХ СУЩЕСТВУЮЩИХ УБИЙЦ, ОНА РАЗЫЩЕТ ЕГО, МИНУЯ ВСЕ СИСТЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ, ОТКРОЕТ ФАЛЬШИВЫЙ СЧЕТ В ЛЮБОМ,

ПРОИЗВОЛЬНО ВЫБРАННОМ БАНКЕ МИРА. ВСТУПИТ С УБИЙЦЕЙ В КОНТАКТ, ОПЛАТИТ ЕГО УСЛУГИ И ПРИКАЖЕТ ПРИСТУПИТЬ К ЛИКВИДАЦИИ. К ЛИКВИДАЦИИ ТЕБЯ САМОГО! ПРОГРАММА ПРЕДУПРЕДИТ ЕГО, ЧТО ТЫ ЗНАЕШЬ О ГОТОВЯЩЕМСЯ. ТЫ НЕ ДОЛЖЕН УКРЫВАТЬСЯ ОТ НЕГО. УВАЖАЕМЫЙ КЛИЕНТ. ВЫПОЛНЕНИЕ ЗАДАНИЯ БУДЕТ ПРОИСХОДИТЬ В ТЕЧЕНИЕ 60 МИНУТ. ЕСЛИ ЗА ЭТО ВРЕМЯ УБИЙЦЕ НЕ УДАТСЯ НАСТИЧЬ ТЕБЯ, ТО ПРОГРАММА ЛИКВИДИРУЕТ ПРОГРАММУ НА УБИЙСТВО, И ТЕМ САМЫМ ТЫ БУДЕШЬ СПАСЕН. НЕ БЕСПОКОЙСЯ. ТЕМ ИЛИ ИНЫМ СПОСОБОМ ПРОГРАММА ПОМЕШАЕТ УБИЙЦЕ. В ЭТОМ СЛУЧАЕ ТЫ ПОЛУЧАЕШЬ ПРАВО ВСТУПИТЬ В ЕДИНСТВЕННЫЙ В СВОЕМ РОДЕ КЛУБ МАСТЕРОВ-ДЕТЕКТИВОВ.

ПОМНИ О ПРЕВОСХОДСТВЕ КОМПЬЮТЕРА. ЕСЛИ КОМАНДА НЕ СМОЖЕТ НАЙТИ ПРОФЕССИОНАЛА ИЛИ НА ЭТО НЕ ХВАТИТ ВРЕМЕНИ, ОНА ПЕРЕБЕРЕТ ВСЕХ ЛИЦ, КОТОРЫМ ТЫ КОГДА-ЛИБО ПРИЧИНИЛ ЗЛО, И ВЫБЕРЕТ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРОМУ ПРИКАЖЕТ ВЫПОЛНИТЬ ЗАДАНИЕ. ИЛИ ЖЕ ПРОГРАММА МОЖЕТ ВЫБРАТЬ ЧЕЛОВЕКА, КОТОРЫЙ САМ, НЕЗАВИСИМО ОТ СВОИХ ДАННЫХ, ХРАНЯЩИХСЯ В ПСИХОФИЗИЧЕСКОЙ КАРТОТЕКЕ, БУДЕТ ЛУЧШЕ ВСЕГО ПОДХОДИТЬ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ДАННОЙ УСЛУГИ.

Калперн быстрым движением руки вдавил кнопку на пульте и остановил проекцию. Его голос дрожал:

— Откуда в нашем случае игра может взять данные о потенциальном убийце? Как она может знать взаимоотношения людей на нашем корабле?

Хевел хмуро посмотрел на экран, а потом на командора. Выражение его лицо трудно было определить каким-то одним словом. Очевидно, он не хотел делиться своими впечатлениями по поводу только что прочитанного.

— Видишь ли, Аллан, — наконец вымолвил он. — Я уже говорил тебе, что все наши конфликты находятся под наблюдением Системы. Чтобы можно было впоследствии их не допускать. Память может читать все внешние моторные реакции, а также имеет практически неограниченный логи-

ческий аппарат. Чтобы выбрать, она может воспользоваться личностями каждого из нас, закодированными в ней. Об этом на кораблях знают только кибернетики. На время каждого полета, длящегося более трех месяцев, в Память вводятся данные психометрического и психоаналитического анализа каждого члена экипажа.

— Это означает, что игра, руководствуясь этим, может свободно и без ограничений выбирать!? Выбрать одного из нас?!

— Теоретически это так... Но данные находятся в Автоматической Памяти, и никто внутри звездолета не может добраться до нее. Поступление информации идет только одним путем. «В», а не «ИЗ»!

Калперн кивнул и снова нажал кнопку.

ОЖИДАЙ НАПАДЕНИЯ С ЛЮБОЙ СТОРОНЫ. ИГРА ИМЕЕТ НЕСКОЛЬКО АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТОВ. А ИМЕННО:

1. ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ИГРЕ ЛИЦ, СОГЛАСНЫХ НА ЭТО;
2. ПРИВЛЕЧЕНИЕ К ИГРЕ ЛИЦ БЕЗ ИХ СОЗНАТЕЛЬНОГО УЧАСТИЯ И БЕЗ УГРОЗЫ ИХ ЖИЗНИ;
3. ПРОДОЛЖЕНИЕ ИГРЫ БОЛЕЕ УКАЗАННОГО ВРЕМЕНИ, ЕСЛИ АКЦИЯ БУДЕТ ТОГО ТРЕБОВАТЬ. ИМЕЕТСЯ В ВИДУ ЛИКВИДАЦИЯ ЛИЦ, КОТОРЫЕ В ТЕЧЕНИЕ ПЕРВОГО ЧАСА ВЫРАЗЯТ ЖЕЛАНИЕ УЧАСТВОВАТЬ В ИГРЕ, ОКАЖУТ ТЕБЕ ПОМОЩЬ, ИЛИ ПОМЕШАЮТ, ИЛИ СТАНУТ УГРОЗОЙ ДЛЯ НАЕМНИКА.
4. ПРОВЕДЕНИЕ КОНТРИГРЫ, КОТОРУЮ ТЫ МОЖЕШЬ КУПИТЬ У НАС. К СОЖАЛЕНИЮ, УВАЖАЕМЫЙ КЛИЕНТ, ПО ДЕСЯТИКРАТНОЙ ЦЕНЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ТОЙ, ПО КОТОРОЙ ТЫ КУПИЛ ЭТУ КАССЕТУ.

ПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ВЫШЕ ВАРИАНТЫ ТЫ МОЖЕШЬ ВВЕСТИ В ДЕЙСТВИЕ ТОЛЬКО ПО СВОЕМУ ЖЕЛАНИЮ. ИГРУ ОСТАНОВИТЬ НЕЛЬЗЯ.

ЗАПОМНИ! ТВОЙ МИР — ЭТО ТВОИ ВРАГИ! ТОЛЬКО РАДИ НИХ СТОИТ ЖИТЬ! «ГЕЙНЕ-КОМПТРОНИК» СДЕЛАЕТ ТАК, ЧТО ТЫ ПОЧУВСТВУЕШЬ УДОВЛЕТВОРЕНИЕ ОТ ИГРЫ. «ГК» СДЕЛАЕТ ТАК, ЧТО ТЫ ОЩУТИШЬ ВКУС К ЖИЗНИ. И, НАКОНЕЦ, ПОСЛЕДНЕЕ. ДАЖЕ ШЕРЛОК ХОЛМС БЫЛ БЫ СЧАСТЛИВ ПОМЕРЯТЬСЯ СИЛАМИ С ИГРОЙ «НАЕМНИК».

ПОМНИ! «ГК» ДРОЖИТ ВМЕСТЕ С ТОБОЙ!

Они посмотрели друг на друга.

— Ты хорошо обыскал каюту? — спросил кибернетик.

— Да. Если... — командор потер небритое лицо. — Думаю, что нужно проверить еще раз.

— Подожди. — Хевел обернулся к пульту и отпечатал вопрос:

Реализует ли сейчас программа «Наемник» альтернативу?

На экране монитора мгновенно возник ответ:

ПРОГРАММА «НАЕМНИК» — ОТСУТСТВИЕ ДАННЫХ.
УТОЧНИТЕ ВОПРОС

Прошел ли час с начала игры «Наемник»?

НЕТ. 47МИНУТ 40 СЕКУНД

Они поняли друг друга без лишних слов. Это было уже что-то. Хевел подошел к выходу.

— Я схожу в каюту Корчини, а ты просмотри все коридоры.

— Одну минуту, Самсон. А если альтернатива все же реализуется? — Калперн выпрямился и подозрительно посмотрел на кибернетика. Он не этот вопрос хотел задать. Хевел собирался пойти в каюту капитана. Это походило на рефлекс, но... кибернетик угадал мысль командора. Его лицо исказила нервная гримаса. Он немного побледнел.

— Аллан, не глупи. В этом нет смысла. Нужно доверять друг другу. Я тоже могу подумать, что это ты. Или они, все остальные. — Он коротко и сухо засмеялся. Потом покачал головой и посерьезнел. — Я, конечно, понимаю, что это кто-то из нас...

Сейчас командор почувствовал, как румянец разливается по его щекам. Он первым делом подумал, что можно пойти вместе с кибернетиком, но тут же отбросил эту мысль. Здесь его позиция казалась сильнее.

— Иди. Я буду следить за всеми помещениями внутри корабля, — сказал он тихо и посмотрел на часы. — Но только в ближайшие одиннадцать минут на случай альтернативы.

Сунув руку в карман, он вытащил магнитный ключ от своей каюты и от каюты капитана. Бросил их по очереди Хевелу.

— Если альтернатива реализуется, то можешь потом идти ко мне. В ящике стола у меня есть кинжал... — он замолчал и рефлекторно добавил: — Это семейная вещь. Девятнадцатый век. Я всегда беру его с собой.

Хевел открыл дверь и сделал жест, как бы желая подчеркнуть, что ничего не случится. Калперну показалось, что дверь за кибернетиком будет закрываться бесконечно долго. Как только ее профилированные края сомкнулись с нажимом, он быстро включил внутрисалонные камеры и начал наблюдать, как, двигаясь спокойным шагом, Хевел удаляется от оперативного зала.

«Почему так медленно?» — подумал он.

Он приглушил центральное освещение, чтобы лучше видеть циферблат. Сотни светлых квадратов клавишей засветились вечным светом ядерного распада. Командор пробежал по ним глазами, задержался на пустом кресле на середине зала и перенес свой взгляд на большой экран, полный звезд, соединенных траекториями и колонками цифр. Маленький прямоугольник лилового цвета маячил на центральной линии. Это было изображение корабля. Позади себя он оставил расстояние в два пальца. Перед ним же было огромное пространство экрана. Целые метры безмерного и абсолютного НИЧЕГО. Дороги, с которой нельзя было свернуть.

Он закрыл глаза и невольно подумал, что происходящее не что иное, как сон. В этом сне был убийца, который подсунул Корчини кассету, чтобы отвести от себя подозрение. Убийца, который много лет планировал это. Самое совершенное убийство. Убийца, который прошел профессиональный отбор, который не колеблясь, ради плана, отдал ему остаток своей жизни, чтобы отомстить за какие-то земные дела... Мужчина, а может быть, и женщина? Он открыл глаза... Нет, не так. Убийца должен был воспользоваться той возможностью, которую предоставляла кассета. Но это означает случай, который... Хотя сколько преступного вышло из случайного совпадения подробностей.

Стрелки на циферблате часов показали, что осталось восемь минут до окончания игры. Калперн чертыхнулся. Переключил изображение каюты капитана на большой экран, стерев звезды. Изображение каюты было таким натуральным, что ему показалось, будто он сам находится в ней. Он смотрел на уходящие секунды и чувствовал, как все сильнее бьется его сердце. Он подумал о Хевеле и начал анализировать все варианты, всякий раз возвращаясь к выводу, что только сильный, мускулистый кибернетик имел возможность подготовить и исполнить акцию.

Только он знал, как подступиться к компьютеру звездолета. Знал кассеты этого типа. Он был единственным членом экипажа, у которого не была измерена частота пульса. А даже если бы это и было произведено, то разве Хевел не имел алиби? Аллан думал дальше. Кого он мог вызвать в оперативный зал, когда нашел тело капитана? Согласно инструкции, после Корчини, только его...

Семь минут! Хевел все еще шел. До каюты капитана было еще полуровня кольцевого коридора. Он посмотрел на заблокированные мониторы наблюдения за каютами. Люди спали спокойно. Это еще больше усилило его подозрения.

Наконец-то. Калперн мысленно вздохнул. Дверь открылась, и в каюту Корчини медленно вошел Хевел. Без колебаний он подошел к койке и начал ворошить постельное белье. Сбросил все на пол. Подушки из тонкой материи он разорвал и вытряхнул в воздух их содержимое. Простыня была прижата к краям зажимами. Он взялся за край и с треском разорвал ее. Дно кровати было пустым. Кибернетик рывком раскрыл шкаф и вывалил на пол то, что находилось там, внутри. Его лицо было охвачено яростью, глаза застилала мгла бессознательного действия. Калперн только сейчас понял, что его слова ударили еще сильнее, чем он предполагал. «Что он там ищет? — подумал он. — Может, что-то знает?»

И громко сказал:

— Самсон!

Хевел повернулся к камере, расположенной над дверью.

— Самсон! — повторил Калперн. — Все против тебя.

Хевел часто и быстро дышал.

— По... чему?

Это была уже игра втемную. Часы показывали, что осталось три минуты. Столько, сколько хватило бы, чтобы спровоцировать его. И отыскать след. Командор положил палец на кнопку блокировки двери каюты капитана и произнес:

— Где оружие?

Реакция Хевела застала его врасплох. Кибернетик спокойно наклонился и поднял маленькую записную книжку в зеленой обложке. Медленно, очень медленно, не обращая никакого внимания на вопрос Аллана, он начал читать ее.

Две минуты... Вдруг Калперн почувствовал, как по телу разливается волна слабости. Хевел повел себя так естественно, что командор был не в состоянии ощутить эффект своего вопроса.

Экраны мигнули, и на одном из них появился текст. Калперн пробежал по нему взглядом.

ТЫ ИГРАЕШЬ ВЕЛИКОЛЕПНО. ПОСКОЛЬКУ СИТУАЦИЯ СТАЛА ПЕРЕМЕННОЙ, ИГРА ДАЕТ ТЕБЕ ПРАВО НА АЛЬТЕРНАТИВУ. ТЫ МОЖЕШЬ БЛАГОДАря ЕЙ Отыскать ответ на существующую неопределенность. Одновременно начинается новый раунд игры. Твое раскрытие или раскрытие другого лица может угрожать убийце или игре. Если ты не решишься сразу на выбор альтернативы, то знай, что у тебя есть в запасе тридцать секунд. «ГЕЙНЕ-КОМПТРОНИК» С ТОБОЙ

Калперн протер глаза, уставившись на монитор. Хевел смотрел на него с экрана. «У него должно быть здесь наблюдательное устройство», — подумал командор. Потом события побежали стремительно и вне его контроля. Хевел сделал быстрое движение в сторону двери. Рука Калперна автоматически среагировала и заблокировала дверь. Хевел нажал на кнопку открывания и пронзительно закричал:

— Аллан, открой! Открой!

Он не ответил. Наконец, напряжение нашло выход.

— Играем дальше, — сказал он громко.

Кибернетик, должно быть, услышал это, так как побледнел еще больше.

На экране монитора появился новый текст:

«ГК» РАД, ЧТО НАШЕЛ В ТЕБЕ НАСТОЯЩЕГО ЛЮБИТЕЛЯ ИГРЫ. ЭТО СЛУЧАЕТСЯ НЕ ТАК ЧАСТО. С ЭТОГО МОМЕНТА ТВОИ ШАНСЫ ИЗМЕНИЛИСЬ. УБИЙЦУ ИГРА БОЛЬШЕ НЕ ОХРАНЯЕТ. ТЫ ИМЕЕШЬ ШАНС УБИТЬ ЕГО. ЕСЛИ ТЫ БУДЕШЬ ЛОВОК И ТЕБЕ ПОВЕЗЕТ. ПОМНИ. ВРЕМЯ ИГРЫ ОГРАНИЧЕНО. «ГК» ЖЕЛАЕТ ТЕБЕ УДАЧИ».

— Аллан, ты ошалел, — прошипел сквозь зубы Хевел.

Калперн почувствовал удовлетворение.

— Нет, я чувствую только обязанность прояснить дело.

— Аллан... — Хевел повысил голос, но тут же замолчал. Он смотрел перед собой, прямо в камеру. Наконец, только через минуту, он подал голос:

— Я знаю, кто убийца!

Стало так тихо, что было слышно урчание серводвигателей, щелканье реле и дыхание обоих людей на разных концах видеокабеля.

— Я так и думал, — тихо произнес Калперн.

Кибернетик не ответил, а командор краем глаза заметил, что изображения кают на мониторах исчезли. Удивленный, он повернул голову. Мониторы залило зелено-черное дрожащее изображение обложки кассеты. Он нашел кнопку включения камер. Мониторы не реагировали на команду. Он почувствовал, что вспотел. Поднял глаза на Хевела. Потом снова посмотрел на экраны, как бы еще не веря тому, что увидел. Вытер со лба пот. Хевел продолжал хранить молчание. Калперн тихо выругался.

— Что случилось? — спросил кибернетик.

— Исчезли изображения кают. — Калперн опять ощутил першение в горле.

— Проверь блокаду дверей, — сказал Хевел. Калперн пробежал пальцами по клавиатуре пульта.

— Нет данных, — громко сказал он.

— Аллан, — выдавил сквозь зубы кибернетик, прищуривая бешеные глаза. — Ты ввел игру в Автоматическую Систему. Я не прощу тебе этого.

Командор полностью вышел из себя.

— Пойми, Самсон, я не надеялся...

— Послушай, — на этот раз кибернетик перехватил инициативу.

— Отключить Систему можно, только прекратив подачу энергии в жилую часть корабля. Выключатель находится за кварцевой плитой семьдесят четвертой секции стабилизации мощности, по левой верхней стороне. Ты видишь ее?

— Да. Но не понимаю, что из этого...

— Так должно быть. Когда настанет необходимость, попробуй уничтожить ее, хотя я не верю, чтобы тебе это удалось. Открыть ее могу только я, но из оперативного зала в такой ситуации это невозможно. Если тебе это не удастся, существует последняя, но опасная возможность, так называемый касательный удар по Автоматической Памяти. Это приведет к полной блокаде энергетических батарей. После сорока восьми часов, на это время должно хватить воздуха, автоматы откроют нас снаружи. Потом можно будет восстановить функционирование систем жизнеобеспечения. Ты сделаешь это, выдав приказ Т-706, процедура «Г» на четырнадцатой секции, нажимая на красную кнопку с надписью «Полная регулировка постсинхронизаторного канала». Запомни!

— Но ты же говорил, что Автоматическую Систему нельзя вывести... — удивленно выдавил из себя Калперн.

— Я много чего говорил, но не это сейчас главное. Человек должен быть сильнее машины. Это дело экспедиционных кибернетиков. Но помни! Только на крайний случай!

— Я не понимаю, в какой... — начал Калперн, но его голос сломался. Полгас очередной монитор, передававший изображение коридора на седьмом уровне возле кают. Он не сразу понял, что это означает. Когда погас очередной экран, показывавший соседнюю часть коридора на этом уровне, его осенило.

— Самсон! — крикнул Калперн. — Он идет по коридору! Реакция кибернетика была на удивление хладнокровной.

— Ты видишь его?

— Нет! Экраны гаснут.

Голос Хевела только сейчас задрожал.

— Выпусти меня.

Командор ударил по клавишам.

— Не реагирует! — крикнул он.

Хевел спрятал записную книжку в карман на груди комбинезона.

— Подойди к шестнадцатой секции, — приказал он Калперну.

Тот тотчас сделал это.

— Уже?

— Да.

— Зеленая кнопка, три раза.

— Есть три раза!

— А сейчас по очереди цифры: семь, четыре, три, ноль, ноль, пять.

— Есть.

— Что на мониторе?

— Желтая стрелка острием вверх и цифра тридцать один.

— Это канал управления. Нажми сейчас клавишу с надписью «индукция».

— Да.

— Где он? — спросил Хевел.

— На четвертом... минуточку... возвращается.

— Вернись назад и открой дверь.

Щель между половинками расширилась, и они бесшумно разошлись.

— Я не вижу тебя на мониторе, — крикнул кибернетик. — Только обложка кассеты.

— Он возвращается в твою сторону. Возьми в моей каюте нож. — Калперн нажал несколько клавиш. — Я открыл ее. А потом попробуй добраться ко мне.

— Хорошо. Контролируй меня. Если ты потеряешь меня из виду, сделай то, о чем мы с тобой говорили.

Кибернетик выскочил из каюты и побежал по коридору.

Калперн переключил изображение на свою каюту в тот момент, когда в нее вбежал Хевел.

— В левом ящике! — командор перевел дух. Когда в руке кибернетика блеснула холодная сталь клинка, он крикнул:

— Он бежит! Торопись!

Но было уже поздно.

К оперативному залу нужно было пробежать по кольцевому коридору. Но изображение его уже сменилось на видневшуюся на десятках экранов знакомую обложку кассеты.

— Ты не успеешь! Он перекрыл тебе дорогу! — Крик Калперна догнал кибернетика на повороте коридора. Хевел затормозил руками о стену. Повернулся и побежал в обратную сторону. Калперн видел на все уменьшающемся количестве экранов, как бежит Хевел. Экраны, показывавшие коридоры, которые он миновал, гасли. Преследователь бежал быстро. Расстояние медленно сокращалось. Когда кибернетик проскочил дверь в конце коридора, Кадперн запер ее и заблокировал. Кибернетик рванулся дальше. Когда его отделяло от закрытой двери уже несколько экранов, изображение шлюза исчезло.

— Он открыл шлюз! — крик командора разлетелся по коридорам корабля. Он хотел еще что-то сказать, но на экране появилась надпись:

«ГК» НАДЕЕТСЯ, ЧТО ТЫ ИГРАЕШЬ ЧЕСТНО. ПОСЛЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ УЧАСТНИКА ИГРЫ НАСТАНЕТ ТВОЯ ОЧЕРЕДЬ. ИГРА ДАЕТ ТЕБЕ ВОЗМОЖНОСТЬ ВМЕШАТЬСЯ В ПОГОНЮ. ПРОГРАММА ОБЕСПЕЧИВАЕТ НЕВОЗМОЖНОСТЬ ТВОЕГО ВМЕШАТЕЛЬСТВА В АВТОМАТИЧЕСКУЮ ПАМЯТЬ. «ГК» ЖЕЛАЕТ ТЕБЕ ДАЛЬНЕЙШИХ ЭМОЦИЙ

Он подбежал к четырнадцатому пульту и выполнил указания Хевела. На мониторе тут же появилась надпись:

АВТОМАТИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ОТКЛЮЧЕНА

Он в бешенстве ударил кулаком в кварцевое стекло.

— Система защитилась от моего вмешательства! — крикнул он.

Хевел остановился.

— Ну что, — захрипел кибернетик. — Остается только одно. Может быть, это подействует. Сейчас же беги к себе и вложи кассету в свою каютную память. Этого система не ожидает. Я заклинил дверь ножом!

Очередные изображения коридора гасли в таком темпе, словно преследователь имел крылья. «САМЫЙ ЛУЧШИЙ ПРОФЕССИОНАЛ» — вспомнил Калперн слова из инструкции и приказал двери открыться, моля о том, чтобы приказ исполнился. Дверь дрогнула и половинки разошлись. «Игра

предусмотрела даже это», — подумал он. Подбежав к пульта, он нажал на кнопку выброса кассеты. Она не дрогнула, а на мониторе появилась надпись:

ПОВРЕЖДЕНИЕ ВЫБРАСЫВАТЕЛЯ КАССЕТЫ

— Ах так! Ты-ы-ы... — прохрипел Калперн. Поколебался и вытащил из кармана пулю. Она была достаточно длинной. Он воткнул ее между кассетой и белыми стенками мини-гнезда. Они эластично прогибались. Он надавил изо всей силы. Пальцы от напряжения побелели. Стиснув зубы и ощущая, как обламываются ногти, он зашипел от боли, не прекращая прилагать усилий. Краем глаза командор заметил, что Хевел добежал до конца палубы и оперся плечами о стену. Калперн еще больше усилил нажим, и тут обе стенки треснули. Дуя на сорванные ногти, он вырвал кассету и бросился к двери. Кассета вылетела из рук и заскользила вглубь коридора. Наклонившись на бегу, он почти физически ощутил, как убегают драгоценные секунды.

Бег по коридорам напоминал полет снаряда. Он отталкивался руками от стен на поворотах, изменяя направление движения, оставляя кровавые отпечатки пальцев на белом пластике. В свою каюту он влетел с размаху, больно ударившись плечом о косяк двери. Издалека до него донесся отчаянный крик Хевела. Он одним ударом вогнал кассету в гнездо... Свет, контрольные огоньки на пульте комнатного компьютера, экран монитора. Погас даже огонек медицинской системы. Весь корабль задрожал. Остановились все системы, задрожали стены, пол. Командор тяжело дышал, стараясь вдохнуть как можно больше воздуха. И медленно успокаивался. Только сейчас он почувствовал адскую боль в ногах и руках. Огнем горели изуродованные пальцы. Медленно, на ощупь, он добрался до шкафчика и достал миниатюрный компьютер. Набрал восьмерки, заполняя ими все окошки. Направил компьютер себе под ноги. Горящие цифры слабо освещали пол. Он вышел в коридор и долго стоял, прислушиваясь, потом медленно пошел вперед. В такой темноте внезапно очень хорошо ощущалось ПРОСТРАНСТВО. Огромный Космос, в котором они пробили сверхматериальные дыры, чтобы добраться до далекой звездной системы. Космос был

ЗДЕСЬ, РЯДОМ, за этими тонкими стенками! От него не защищали энергетические поля; экспедиция стала беззащитной — Калперн проходил мимо молчащих, черных, как космическая пустота, ответвлений коридора, открытых дверей. Время замедлило свой бег. Когда он добрался до конца своего путешествия, то заметил в зеленоватом свете огоньков компьютера неподвижную фигуру на полу. Он приблизился. Это был Хевел. Калперн остановился, неподвижно застыв, чувствуя, как перестает дышать.

Медленно, как в замедленном фильме, Хевел поднял голову и посмотрел вверх.

— Ты успел, Алан, — сказал он, и его лицо искривилось в подобии улыбки.

— Где он? — шепотом спросил командор.

— Не знаю... Он исчез... Я не слышал, как он уходил, — также шепотом ответил кибернетик. — Это был не человек!

— Что ты говоришь? — Калперн подумал, что Хевел сошел с ума.

— Именно так. Разве живой человек смог бы прервать свое дело в такой момент?

Командор съехал по стене на пол, стискивая от боли зубы.

— В каюте Корчини ты сказал, что знаешь, кто убийца.

Хевел рассмеялся нервно и сухо.

— Это был блеф, Аллан. Я сказал об этом после того, как прочитал записную книжку Корчини. Игра не могла зарегистрировать эти записи. Поэтому Программа начала действовать так, словно ситуация стала угрожающей. Словно убийца мог быть быстро демаскирован. Машина не знает, что такое блеф... глупая машина не знает, что... это... блеф.

— Ты видел убийцу?

— За секунду до этого выключилось освещение.

Они замолчали.

— Можно было избежать этого и отыскать все же убийцу, — сказал Калперн, но в его голосе не было убежденности.

— Да. Ты поэтому продлил игру?

Они посмотрели друг на друга в зеленом полумраке.

— Может быть, это действительно кто-то из экипажа, — пожал плечами кибернетик, — а может быть... У нас будет много работы в ближайшие годы.

— Что ты там прочел? — кивнул Калперн на записную книжку Корчини, которую кибернетик достал из нагрудного кармана комбинезона. Хевел протянул ее командору. В свете компьютера он раскрыл ее здоровой рукой и прочитал на первой же попавшейся странице: «Среда. Уже месяц, как мне хочется попробовать эту кассету. Торговец уверял, что это самая популярная рыночная новинка. Я люблю игры «ГК». Они немного напоминают старинные наркотики. Мне нравятся подобные ощущения. Как будто находишься не здесь, в тесном замкнутом пространстве, а на огромной, нашей милой Земле. Сегодня перешли на вторую надпространственную. Траектория контролируется. Экипаж в норме».

Калперн отложил в сторону записную книжку и включил компьютер. Он стал прислушиваться к далеким голосам просыпающихся людей. Попробовал подсчитать эти голоса и запомнить. Но когда кто-то стал громко звать Корчини, он перестал делать это.

— Все двери в каюты были открыты, — сказал он и посмотрел на кибернетика.

— Да, все они были открыты, — как эхо, повторил Хевел.

Проснувшись, люди недолго искали командора и кибернетика.

А земной корабль тем временем продолжал свое великое путешествие к звездам.

Маргарет Сент-Клер

САДОВНИК

Уличные регулировщики, как известно, не уважают знаки «Не парковаться». Полицейские хватают яблоки с фруктовых лотков прямо на глазах владельца. Даже небольшая власть заставляет обладающего ею чувствовать, что к нему правила не относятся. Вот так и получилось, что Тиглат Гоббс, и. о. начальника Бюро Консервации Внесистемных Растений, срубил священное дерево Бутандра.

Побудила его к такому акту, должно быть, чистая бравлада. Разумеется, роща, где росли деревья Бутандра (их только пятьдесят во вселенной), хорошо защищена знаками.

Кроме предупреждений на главных планетных языках, там был полный набор реалистических и выразительных кассидских пиктограмм. Последние объявляли в образах, которые не мог понять неправильно самый грубый интеллект, что рубка деревьев или веток является самым тягчайшим преступлением. Что совершившие его лица будут наказаны. И что после наказания придется полностью возместить причиненный ущерб.

Все пиктограммы в объявлении имели хмурый вид, а те, где говорилось о возмещении, выглядели особенно угрожающе. Все пиктограммы были нарисованы бледным лиственным-зеленым цветом.

Но Гоббс обладал укусно-кислой наглостью продвинувшегося в чинах бюрократа. Он видел, что шокировал Рейнольда, маленького кассидского майора, делегированного сопровождать его, даже тем, что вступил в священную рощу. Он испытывал хладнокровное эксгибиционистское желание шокировать его еще больше.

Гоббс шагал по аллее меж деревьев, в то время как нежно-зеленые листья что-то шептали над его головой. Затем он взялся за ствол самой молодой из Бутандр, стройного растения с белой кроной, едва ли больше саженца.

— Слишком близко к другим, — резко сказал Гоббс, нужно пореже. — И пока Рейнольд беспомощно следил, он достал висящий у него на боку ручной топорик. Хрясь-хрясь-хрясь. Маленькое деревце было срублено, испустило струю сока. Гоббс держал его в вытянутой руке.

— Из него выйдет неплохая трость, — решил он.

Кофейного цвета кожа Рейнольда превратилась в несчастную нефритово-зеленую, но не проронил ни слова. Довольно-таки трясясь, он залез обратно в вертолет, и ждал, пока Гоббс закончит инспекцию рощи. Только когда они уже почти долетели до Генлиса, он сделал замечание:

— Вам не следовало этого делать, сэр, — сказал он, нервно проводя пальцем по воротнику своего мундира.

Гоббс презрительно фыркнул. Он посмотрел на обкорнанный ствол Бутандры, покоящийся у него на коленях.

— Почему бы и нет? — спросил он. — Я имею все полномочия приказать сделать выборочную порубку для разреживания и подрезку веток.

— Да, сэр. Но то было дерево Бутандры.

— Какое это имеет отношение к моим полномочиям?

— На Кассиде всегда было пятьдесят деревьев Бутандры. Всегда, за всю нашу историю. Мы зовем их «Удачей Кассида».

Рейнольд облизнул губы.

— Срубленное вами дерево не вырастет вновь. Я не знаю, что случится, если их будет только сорок девять. — Гоббс резко рассмеялся.

— Вы забываете о моем положении, — ответил он. — Гражданские власти ничего не смогут поделать со мной, даже если бы они и захотели.

Рейнольд выдал очень слабую улыбку.

— О, я не имею в виду гражданские власти, сэр, — произнес он мягким голосом. — Это будут совсем не они. — Он, казалось, каким-то образом снова воспрянул духом.

Он аккуратно посадил вертолет на крышу Административного Здания и выпустил своего пассажира. А н

роще, неподалеку от пенька испускающей сок Бутандры что-то быстро прогрызалось сквозь почву наверх.

Гоббс покинул Кассид на следующий день, отправившись в первый отрезок длинного пути обратно за Землю. В его багаже был кусок дерева Бутандры. Он особенно заботился о нем с тех пор, как одна из горничных отеля в Генлисе не попыталась выбросить его. Но первые несколько дней своего путешествия он был слишком занят заполнением форм и набрасыванием докладов, чтобы что-либо с ним сделать.

Примерно в это же время на Кассиде, в гостинице отеля «Генлис» происходил разговор.

— Расскажи нам, что ты подумала, когда впервые увидела его, — настаивала Берта, горничная на нечетных уровнях отеля. — Давай же!

Мари, главная горничная, выбирая кусок мангостинского торта с пищевого конвейера, сказала:

— Ну. Я проверяла номера на том уровне, чтоб удостовериться, что робот-помощник убрал все надлежащим образом. И когда я увидела на полу большое коричневое пятно, моей первой мыслью было, что один из них что-то пролил. Роботы ведь все такие дураки.

Затем оно двинулось, и я увидела, что это вовсе не пятно, а большая коричневая штука, обнюхивающая все вокруг, словно охотящаяся собака. Потом оно встало. Вот тогда-то я и закричала.

— Да, но как оно выглядело? Давай, Мари! Ты никогда не хочешь рассказывать эту часть.

— Оно было большим, высоким, долговязым существом, — неохотно ответила Мари. — С грубой коричневой кожей, как у картошки. У него были две маленькие розовые кротовьи руки. И у него было ужасно, ужасно доброе лицо.

— Если у него было такое доброе лицо, то я не понимаю, почему ты так напугалась, — сказала Берта. Она всегда говорила это в данном месте рассказа.

Мари откусила от своего мангостинского торта. Она медленно ела, обдумывая вопрос. Дело было вовсе не в том, что эмоции, испытанные ею при виде лица, потускнели в ее памяти. Трудность заключалась в том, как воплотить увиденное в словах.

— Ну, — сказала она, — Может, оно и не было в самом деле добрым. Или, погоди-ка, Берта, я, кажется, поняла — это было доброе лицо, но не для людей. Для человеческих существ это было совсем не доброе лицо.

— Угадай, в каком номере это произошло, — повернулась Берта к Розе, горничной с четных уровней.

— Мне незачем угадывать, я знаю, — протянула Роза. — В тысяча сто восемьдесят пятом, в том, где останавливался землянин. Человек, не оставивший никаких чаевых и так наоравший на тебя за прикосновение сама знаешь к чему.

Берта кивнула.

— Если бы я только ЗНАЛА, — произнесла она с легким содроганием. — Если б я только догадывалась! Я имею в виду, что я скорее прикоснулась бы к змее! Все равно, Мари, скажи Розе, что это, по-твоему, было за коричневое существо.

— Как говорит Роза, мне незачем угадывать, я знаю, — ответила Мари. Она оттолкнула от себя пустую десертную тарелку. — Когда человек срубает одно из наших деревьев Бутандра, то существо в номере может быть только Садовником.

Садовник покинул почву Кассида с минимальным шумом.

Полный грома ракет, формально пышный космопорт не для него. Он легко оттолкнулся своими ногами, и почва отступила. Был почти не воспринимаемый, реактивный огонь. Садовник летел все быстрее и быстрее. Он покинул сперва атмосферу Кассида, затем, намного позже, гравитационное поле планеты. И он все мчался дальше, в усеянную звездами тьму.

На четвертый день в космосе Гоббс достал палку из Бутандры. Ее тяжелая белая, с плотной структурой древесины понравилась ему. Из нее, как он и сказал Рейнольду, выйдет неплохая трость. Гоббс вынул из кармана нож и начал осторожно состругивать грубую белую кожу.

Кора сошла столь же аккуратно, как шкурка с кролика. Гоббс поджал губы, изобразив то, что в его понятии было улыбкой. Он изучил контуры дерева, а затем принялся вырезать набалдашник.

Дерево было твердым. Работа шла медленно. Гоббс был почти готов отложить ее в сторону и спуститься в корабельный бар выпить по последней, когда раздался легкий стук по раме внешнего иллюминатора его каюты.

Когда корабль находится в глубоком космосе, чувство изоляции становится почти осязаемым. Оно просачивается во все поры всех пассажиров. Корабль плывет на манер призрака сквозь извечную пустоту, в которой нет ничего — ничего не может быть, — кроме крошечного мирка, охватываемого резным бериллиевым корпусом. А теперь что-то СНАРУЖИ корабля стучалось в иллюминатор Гоббса.

Какой-то миг Гоббс сидел парализованный, столь близкий к камню, насколько может быть близок человек, не переставая дышать. Затем он выронил бутандровую палку и повернулся к иллюминатору. Там, конечно, ничего не было — ничего, кроме черноты.

Гоббс закусил губу. Слегка нетвердыми пальцами он подобрал с пола палку и запер ее в свой чемоданчик. Затем он затянул потуже ремень вокруг своего брюшка, застегнул пиджак и спустился в бар.

Там он нашел старпома. Макферсон пил сок помело и ел бутерброд с языком богулы. Пухленький, добродушный человек, он всегда любил что-нибудь поесть, прежде чем отправиться на боковую. После того, как ему принесли его собственный стакан, Гоббс завязал разговор со старпомом. До него дошло возможное объяснение услышанного им шума:

— С кораблем что-нибудь случилось? — спросил он. — Поэтому вы посылали ремонтную бригаду наружу корпуса?

Макферсон выглядел удивленным.

— Ремонтную бригаду? — повторил он. — Да нет, ничего не случилось. Капитан Торвальд терпеть не может производить ремонт в глубоком космосе — в таких случаях всегда что-то неисправно, и он не приказывал бы ремонтироваться здесь, если бы ситуация действительно не была бы чрезвычайной. Никакой бригады снаружи нет. Что заставляет вас об этом спрашивать?

— Мне показалось, что я услышал, как кто-то стучится в мой иллюминатор.

Старпом улыбнулся. Он решил превратить все это в шутку.

— Сделали вы что-либо, чего не следовало делать, сэр? — осведомился он.

Гоббс поставил стакан.

— Прошу прощения? — ледяным тоном произнес он.

Старпом отрезвел. Гоббс хотя и не попадал под категорию «VIP», все-таки был довольно важной персоной.

— Я не хотел обидеть вас, сэр, — извинился он. — Просто маленькая шутка. Разве вы не знаете, что в байках космонавтов есть поверье, что проклятье или рок, или что бы там ни было, всегда показываются своей жертве в космосе, постучав в иллюминатор? Когда человек нарушил табу на одной из планет, я имею в виду. Именно об этом я и говорил. Просто маленькая шутка.

Тиглат Гоббс был крайне упрямым человеком. Он глотнул и протянул стакан бармену.

— Еще раз того же, — сказал он хриплым голосом. — и сделайте двойной.

Тиглат Гоббс был очень упрямым человеком. Это качество в некоторых ситуациях едва ли отличимо от смелости. В следующий период бодрствования он снова достал палку Бутандры. Холодными, нетвердыми пальцами он принялся работать над набалдашником, расположившись поблизости от иллюминатора.

На этот раз не было никакого стука. Гоббс не знал, что заставило его поднять взгляд. Наконец он поднял голову. И там, подпрыгивая в крошечном пятнышке света, просачивающегося сквозь иллюминатор, было улыбающееся лицо, увиденное горничной отеля «Генлис». Коричневое и грубое, оно рассматривало Гоббса с невероятной, неопиваемой добротой.

Гоббс издал крик. Он нажал кнопку, пославшую на место ставни иллюминатора. А в следующий миг он стоял у двери каюты, как можно дальше от окна, прижимая пальцы к глазам. Когда он перестал дрожать, то решил повидаться с капитаном Торвальдом.

Ему потребовалось долгое время, чтобы добраться до сути. Торвальд слушал, барабанил пальцами по столу, пока Гоббс ходил вокруг да о коло, колебался, отступал, поправлялся. В

конечном итоге вышло, что он хотел от капитана Торвальда только одного, чтобы тот на долю секунды включил силовое поле корабля.

Торвальд покачал головой.

— Сожалею, мистер Гоббс. Это невозможно. Включение поля, знаете ли, должно быть занесено в корабельный журнал, а для него нет никакой причины.

Гоббс поколебался. Потом достал бумажник.

— Я сделаю это стоящим ваших хлопот. Пятьсот Д. З.?

— Сожалею, нет.

— Шестьсот? Семьсот? Деньги всегда нужны. Вы могли бы сказать, что столкнулись с метеоритным роем?

— Я — нет.

— Восемьсот? Слушайте, я дам вам тысячу! Вы наверняка сможете уладить все с журналом.

На лице Торвальда играла слабая, кислая улыбка, но все же он заколебался.

— Отлично, — внезапно согласился он. — Давайте скажем, что вы ставите тысячу Д. З., что я не смогу включить силовое поле корабля и снова выключить его за одну шестидесятую секунды. Это так? Предупреждаю вас, мистер Гоббс, что вы наверняка проиграете свое пари.

Веки Гоббса дрогнули. Если капитан хотел таким способом спасти свою гордость...

— Я этому не верю! — заявил он с искусственной горячностью. — Я не верю, что силовое поле можно так быстро включить и выключить. Держу пари. Я оставляю ставку на столе, капитан. — Он вытащил из кармана десять хрустящих желтых банкнот.

Торвальд кивнул.

— Отлично, — сказал он, не прикасаясь к деньгам. — Через полчаса, мистер Гоббс, вы получите свою демонстрацию. Это вас удовлетворит?

— Вполне.

Торвальд кивнул и взял банкноты правой рукой.

Гоббс вернулся к себе в каюту, поднял ставень и сел у иллюминатора. Он взвинтил себя до такой степени, что для него было почти разочарованием отсутствие улыбающегося лица за окном. Минуты шли.

Внезапно корабль встряхнуло от носа до кормы. Миллиард миллиардов крошечных золотых игл пронзил тьму. Затем каскад славы исчез и вернулась вечная чернота космоса.

Это произошло так быстро, что не было рисунка света, отпечатавшегося на его сетчатке. Гоббс мог лишь гадать, а видел ли он это вообще. Торвальд безусловно мог претендовать на выигрыш пари. Но Гоббс был вполне удовлетворен тем, что он получил за свою тысячу Д. З. В ту долю секунды, что было включено силовое поле, он увидел раздавленное и почерневшее от излучения, мертвое и опаленное бесформенное существо, похожее на паука.

Миллиард кусачих огней силового поля должен был обуглить его до костей. То, что увидел Гоббс в миг невероятной иллюминации, было вне всякого сомнения мертвым, столь же мертвым, как Луна.

К этому времени оно должно было находиться в тысячах тысяч километров от корабельного курса, куда его зашвырнул мощнейший толчок поля. Гоббс испустил глубокий вздох. Облегчение заставило его ослабеть.

Когда он и Торвальд встретились в следующий раз за обедом, они сохраняли осторожную сердечность друг к другу. Ни один из них ни тогда, ни позже не упомянул о пари.

В этот раз Гоббс выспался хорошо. В последующие несколько дней он вновь обрел большую часть своего обычного апломба. Он не спеша, на досуге вырезал трость из дерева Бутандры. Она вышла очень неплохой. К тому времени, когда корабль причалил к Ллевеллину, планете земного типа, но с гравитацией на треть меньше земной нормы, он снова полностью стал самим собой.

В глубинах космоса, в бесчисленных миллионах километров, плавала почерневшая скорлупа Садовника. Она была совершенно сухой и мертвой. Но не шевелилась ли она время от времени, словно ее колыхал ветерок? И что это за трещины появились на ней? Не были ли они похожи на трещины в оболочке куколки?

Гоббс остался вполне доволен состоянием плантации на Ллевеллине. Он так и сказал заведующему местным филиалом, молодому человеку, и тот был удовлетворен.

К концу третьего дня Гоббс был готов возобновить свое прерванное путешествие на Землю. Решение его изменило нечто увиденное им на листе газеты стерео-прессы. «Бес грабит и калечит капитана лайнера!» — ревел сенсационный заголовок крупными буквами. А дальше, буквами помельче, газета продолжала: «Лишенный пальца и тысячи Д. З. капитан не в состоянии назвать нападавшего. Полиция ведет расследование». Гоббс — он завтракал — смотрел на статью без любопытства, пока где-то в середине его глаза не натолкнулись на знакомое имя. Тогда он прочел более внимательно:

Эйнс Торвальд, капитан роскошного лайнера «Рея» (это было не точно, «Рея» была не роскошным лайнером, а фрахтером с довольно комфортабельными каютами для пяти-шести пассажиров) оказался сегодня в госпитале, лишившись тысячи Д. З. и указательного пальца правой руки.

Торвальд, найденный в бессознательном состоянии в своей каюте старшим помощником Джозефом Макферсоном, был не в состоянии детально описать, что на него напало. Он сказал полиции, что был ограблен ровно на тысячу Д. З. Другая валюта в бумажнике Торвальда осталась нетронутой.

Палец Торвальда, согласно заявлению медицинского эксперта Дингби из местной полиции, похож был ампутирован с помощью острого долота или какого-либо схожего инструмента. Никаких следов пропавшего пальца найдено не было.

Сам Торвальд после нескольких переливаний крови находится в госпитале «Милосердие», где его состояние, по поступившим данным, оценивается, как серьезное. Полиция работает, основываясь на теории, что нападение было делом рук какого-то беса, чье хобби — коллекционировать человеческие пальцы. Ведется тщательное расследование, и полиция не сомневается в аресте преступника.

Гоббс отложил газету. Руки его дрожали. Его румяные щеки побелели. То, что он подозревает, говорил он себе, это чистое безумие.

Разве он сам не видел, как то существо, что стучалось в его иллюминатор, редуцировалось бушующим огнем силового поля до почерневшего шлака? Но у Торвальда отняли ровно тысячу Д. З. И он взял взятку у Гоббса правой рукой.

Гоббс оттолкнул тарелку и потребовал у робота счет. В фойе он связался по видео с госпиталем «Милосердие» и запросил новости о Торвальде. Ему сообщили, что состояние капитана остается тяжелым, и он не может ни с кем видаться.

Гоббс просидел в вестибюле около часа и попытался подумать. В конце концов он пришел к решению. Тиглат Гоббс был упрямым человеком. Он вызвал вертолет и велел отвести себя в местный филиал Бюро Консервации Внесистемных Растений. Скотт, молодой человек, руководящий местным филиалом, куда-то вышел, и Гоббс остался его ждать.

Было почти полдень, когда Скотт вернулся, очень загорелый и прямой в своей лесисто-зеленой одежде. Он наблюдал за прополкой плантации молодых деревьев Тиллия, и на коленях его брюк была грязь, поскольку он вставал на колени рядом с саженцами. Колени брюк всегда бывали немного испачканы. У него было зеленое сердце истинного лесника.

Гоббс сразу же приступил к делу.

— Скотт, — сказал он, — я хочу, чтобы вы отправились на Кассид и проконтролировали там выкорчевывание плантации деревьев Бутандра.

С минуту Скотт недоверчиво смотрел на него.

— Прошу прощения, сэр, — произнес он наконец нейтральным тоном.

— Я сказал, что хочу, чтобы вы отправились на Кассид и проконтролировали там выкорчевывание плантации деревьев Бутандра.

— Сэр, но что за причина такого приказа?

— Потому что я так сказал.

— Но, мистер Гоббс, деревья Бутандры уникальны. Как вы, конечно, знаете, во всей вселенной нет ничего подобного им. Уничтожать эти деревья было бы преступлением против науки. Более того, они играют важную роль в планетной жизни Кассида. Для местных жителей деревья имеют большое эмоциональное значение. Я должен попросить вас, сэр, пересмотреть свое решение.

— Вы слышали приказ. Выполняйте его.

— Сожалею, сэр, но я вынужден отказаться.

Толстая шея Гоббса побагровела.

— Я за это уволю вас с работы, — задыхаясь, проговорил он.

Скотт позволил себе тонкую улыбку.

— У меня срок пребывания в должности, как у всех государственных служащих, сэр, — сказал он.

— Вас можно уволить по уважительной причине, в данном случае, за неподчинение.

Улыбка Скотта исчезла, но он не отступил.

— Ладно, — сказал он, — если дело дойдет до публичного слушания, увидим. В любом случае, я не могу выполнить этот приказ. И я очень сомневаюсь, мистер Гоббс, что вы найдете кого-то, кто его выполнит. Это не того рода вещь, которую вы можете попросить у лесника.

Гоббс поднял свою трость из дерева Бутандры, выражение его лица было убийственным. Затем его здравый смысл вновь вступил в свои права. Он кивнул Скотту и вышел.

Он позвонил в бюро путешествий, отменил свой полет на Землю и зарезервировал себе каюту на следующем корабле обратно на Кассид. Если он не мог никого найти для выполнения своего приказа уничтожить плантации деревьев Бутандра, он сделает это сам. Тиглат Гоббс, как уже говорилось, был человеком упрямым.

Путешествие обратно на Кассид ничем не запомнилось. Ничто не являлось постучать по иллюминатору Гоббса или посмотреть на него. Фактически, оно было таким спокойным, что у Гоббса появились сомнения — а правильно ли он поступает? Деревья Бутандры, как сказал Скотт, представляли немалый научный интерес, и Гоббс мог навлечь на себя немало неблагоприятной критики, уничтожив их. А наказание Торвальда могло быть случайным совпадением.

Но к этому времени Гоббс люто ненавидел деревья Бутандра. Чувства вины, беспокойства и уверенности в своей правоте срослись в нем, сформировав эмоцию подавляющей интенсивности. Какой тут мог быть вопрос — уничтожать или не уничтожать их?

С их оттапливающе шелестящей белой корой и скверным шепотом, шелестом их длинных зеленых листьев, они

заслуживали — да, заслуживали — быть убитыми. Как мог достойно мыслящий человек оставить деревья Бутандры живыми?

Обычно, когда он доходил до этого пункта в своих размышлениях, Гоббс начинал тяжело дышать. Ему приходилось делать сознательное усилие, чтобы успокоиться. Корабль Гоббса причалил в Генлисском космопорте поздно ночью. Гоббс был слишком возбужден, чтобы попытаться уснуть. Он шагал взад и вперед по залу ожидания до прихода дня.

Затем он нанял вертолет в ангаре под названием «Летайна-нем-сам» и полетел на склад, который специализировался на компактных электропилах. Он решил сперва свалить деревья, а уж потом организовать выкорчевывание пней.

Было еще рано, когда он добрался до священной рощи. В нежном утреннем свете прямые, с белой корой и зелеными листьями деревья представляли собой красивое, мирное зрелище. Гоббс заколебался, хотя и не из-за каких-то там угрызений совести по поводу замышляемого им древоубийства. То, что его беспокоило, было ощущение, что вступление в рощу для рубки деревьев даже днем было опасным. С другой стороны, наилучшей обороной всегда было нападение. Случившееся с Торвальдом почти наверняка было совпадением случайным. Но если нет — Гоббс слотнул, — самый лучший способ застраховать себя от схожего опыта, это вырубить рощу.

Роща являлась, как он решил ее на Ллевеллине, оперативной базой той твари. Оно питалось силой от рощи столь же верно, как деревья рощи питались черноземом почвы. Коль скоро роща будет уничтожена, тварь, независимо от того, убило ее силовое поле или нет, больше не будет обладать силой.

Гоббс вынул из вертолета портативную пилу и вскинул ее на плечо. Он поколебался еще долю секунды. Неожиданный порыв ветра заставил листья деревьев Бутандры насмешливо зашелестеть. Гоббс ощутил почти ослепляющий порыв ненависти. Челюсти его сжались; он открыл ворота и вошел в рощу.

Электропила не была тяжелой, и он решил начать свою операцию по лесоповалу рядом с тем, первым срубленным им деревцем. Он без труда нашел пенек и остался доволен, что тот не пустил никаких побегов. Но кто-то выкопал в земле рядом с ним глубокую ямку, и Гоббс при виде этого нахмурился.

Он поставил пилу на дерн и опустился на колени, чтобы отрегулировать ее. Насчет ямы он мог выяснить и попозже. Он коснулся выключателя. Мотор пилы замурлыкал.

Садовник вышел из-за дерева и улыбнулся ему.

Гоббс издал приглушенный, неразборчивый крик. Поднявшись на ноги, он пустился было бежать. Садовник вытянул свои длинные руки и легко поймал его. Своими маленькими розовыми кротовыми ручками он содрал с него одежду. Десятью отдельными секущими движениями своих белых крепких зубов Садовник откусил ему пальцы на ногах. Пока Гоббс рыпался и визжал, визжал и визжал, Садовник содрал кожу на внутренней поверхности его ног и бедер и связал эти члены длинной лозой.

Он сделал царапины по всей поверхности его тела своими длинными острыми кротовыми когтями и заботливо втер в каждый надрез песковидный сероватый порошок. Затем он отнес Гоббса к выкопанной им яме и, по-прежнему улыбаясь, посадил его.

Когда Садовник вернулся примерно час спустя после своих работ в другой части рощи, на человеческой фигуре Гоббса уже начал образовываться тонкий слой коры. Пройдет не так уж много времени, знал Садовник, и Гоббс станет вполне удовлетворительным деревом Бутандры.

Садовник добродушно улыбнулся. Он одобрительно посмотрел на черенок на стволе дерева справа, где великолепно произрастало то, что некогда было указательным пальцем Эйнса Торвальда.

Садовник кивнул.

— Лист за лист, — произнес он.

Томас Когсуэлл

ОБРЕТЕННЫЙ РАЙ

Не успел Титро Антос выйти из трансмиттера на планете Адд, как охранники окружили его и принялись искать оружие. Только это они и умели. Если осужденный попадал на Адд без оружия, беспокоиться было не о чем. Поэтому, обыскав его и ничего не найдя, они перевели его в постоянную рабочую группу. Дженнингс принял Антоса под свой надзор, сердито рывкнул на него в присутствии охраны, а потом, когда они уже были в казарменном куполе, обнял за плечи.

— Повезло тебе, — сказал Дженнингс.

Антос усталился на него: вот уж не знал, что на Адде жили сумасшедшие. Пятьдесят световых лет до Земли; жесточайшая исправительная колония, где одного глотка атмосферы было достаточно для того, чтобы человек в муках умирал, задыхаясь и давясь; каторжный труд семь дней в неделю; тоненькая струйка продуктов с Земли, которых едва хватало только на то, чтобы не умереть с голода и которые поступали только при выполнении ежедневной нормы поставки угля — планета смерти, одно существование которой привело к тому, что на Земле почти исчезла преступность. И не успел он отбыть и пяти минут из своего двенадцатилетнего срока, как старший группы обнимает его за плечи и сообщает, что ему повезло! Антос оглядел его.

Дженнингс был низенький, приземистый человек с брюшком, которое совсем не показывалось при ходьбе. Он был грязен и чумаз, одет в лохмотья, но в нем чувствовались спокойствие и авторитет. Титро Антос вдруг понял, что если бы не рука Дженнингса на его плече, он бы расплакался.

— Ты ведь занимался хроматографией газов? — спросил Дженнингс.

Не в силах ответить, Антос молча кивнул.

— Порядок. Ну вот что, времени на раздумья у нас нет. Нам придется включить тебя в план нашего побега, который мы разработали.

У Антоса забилося сердце. Задышавшись, он выдавил:

— Побег? Я думал... через трансмиттер? Я только что был на другом конце. Это же невозможно...

Дженнингс нетерпеливо махнул рукой.

— Не через трансмиттер. Это и правда невозможно. Мы разыскали здесь местечко, где можно жить. Знаю, знаю, — он снова замахал рукой, увидев, что Антос хочет что-то сказать, — тебе говорили, что люди не могут жить на этой планете без куполов или специальных костюмов. Что ж, ты почти прав. Но мы нашли маленькую долину, где жить можно, хотя и с трудом. Если мы доберемся туда, то со временем приспособим ее для жизни. Нам нужна хорошая группа и нужен специалист по газовой хроматографии. У нас был Эл Чертси, но на прошлой неделе он расслабился и хватанул глоток белого пара. Выжиг себе легкие. Боже мой, как он мучился... Знаешь, что это такое?

Антос кивнул. Перед тем, как отправить его на Адд, ему все очень хорошо объяснили. Атмосфера планеты не поддерживала жизни и не задерживала вредную солнечную радиацию. Людям приходилось носить костюмы с воздушными баками на спине, специальные аппараты для дыхания и защитные шлемы, предохраняющие от радиации и холода. Даже флора и фауна на Адде не годилась в пищу из-за нехватки важнейших микроэлементов. Местная пища была одной из тайн, которые позволили Земле крепко держать Адд в руках. Дополнительные питательные вещества доставлялись через трансмиттер только при выполнении норм поставки угля на Землю. И верхом издевательства было то, что Земля даже не нуждалась в угле, хотя своего и не имела. Уголь, горящий в маленьких горшочках в гостиных, был символом процветания для самых богатых. Антос кивнул. Он знал, что такое белый пар.

Дженнингс, бросив взгляд на нескольких мужчин и женщин, собравшихся неподалеку, сказал:

— В долине нам первое время придется тяжело. Но если уж мы вкалываем по двенадцать часов в день без выходных,

то лучше делать это для себя, а не для банды лодырей на Земле. — Он посмотрел на Антоса. — Ты с нами?

Антос колебался. Он был худой и слабый, и мысль о тяжелом физическом труде приводила его в ужас. Но он был упрям и откровенен, за что и угодил сюда.

На Земле в 2688 году просто нельзя было сдавать анализа мочи лошади, победившей на скачках, которые расходились с результатами Бюро анализа Федерального Совета скачек. А именно это и сделал Антос. Как бы ни менялись люди и животные, всегда находилась возможность вкатить лошади какое-то средство, вызывающее резкое увеличение скорости.

Дженнингс заметил его колебания и сказал:

— Познакомься с остальными. Джексон, инженер-механик. Как и Фрэнк Стэнд. — Антос кивнул двум чумазым мужчинам. — Милли Фрэнкс и Линор Мейер — химики. — Антос в жизни бы не догадался, что это женщины. — Сай Смит, электрик. Вилли Джордж, ничего особого, но работать умеет. Эрни Хилгард, биолог. Пит Стэндидж, историк. Лекс Паркер, учитель. — Дженнингс назвал еще несколько человек. У Антоса появилась уверенность, что это были сливки колонии.

— Я с вами, — сказал он.

— Прекрасно! — воскликнул Дженнингс. — Вот наш план. Через полчаса мы возвращаемся в свой штрек. Уголь там почти выработан, и через месяц его закроют. Мы обнаружили, что в пяти километрах от входа он почти соединяется с отводом старого, закрытого штрека. Мы соединили их проходом и спрятали там взрывчатку, продукты, баллоны с кислородом и другое оборудование, даже воздушный компрессор. Штрек полон белого пара, но все-таки мы считаем, что сможем пройти по нему. На другом конце есть маленький выход на поверхность.

Антос взглянул на него и заметил:

— Итак, вы выходите на поверхность и умираете.

— Нет. Туннель выходит в такую долинку, что закачаешься. Мы подсчитали, что через пять лет там будет даже лучше, чем на Земле. Для этого нам и нужны специалисты. — Дженнингс махнул рукой в сторону окружавших его людей. — Понимаешь, в чем состоит план? Мы взрываем свой штрек,

делаем в нем дыру, и он заполняется белым паром. Но мы-то уже в заброшенном туннеле, который тем же взрывом закупорили. Охрана сунется в рабочий штрек, увидит, что он полон белого пара и решит, что нам конец. Они просто закроют его и забудут про нас. Жизнь человека здесь ничего не стоит. Подумаешь, несколько десятков заключенных! А мы отправляемся в свою долину и делаем ее обитаемой.

Трясущейся рукой Антос разгладил свои усы, кивнул и сказал:

— А я вам нужен для того, чтобы следить за атмосферой и все такое прочее... Ну а как насчет газохроматографа?

Заметив, что он дрожит, Дженнингс положил руку на плечо Антоса.

— Оборудования у нас хватает. Найдем. — Он оглянулся и сказал: — Через пятнадцать минут выходим. Берите с собой все, что можно спрятать под одеждой.

Люди разошлись, оставив Антоса одного, и он впервые увидел купол, служащий жилым баракom для заключенных. Его охватило чувство одиночества. В куполе было темно и тихо. В зловонном воздухе чувствовался острый запах. Антос знал, что это следы белого пара, просачивающегося снаружи. Нары с сетками вместо матрасов стояли кругом по внешнему периметру купола, выступая прямо из стен. Все было серым и черным от вездесущей угольной пыли. Антос засунул руки в карманы, нащупал лишь пустоту и понял, что у него ничего нет, кроме грубой одежды на теле. Его охватило такое уныние, что перехватило дыхание. В ту же минуту рядом с ним снова возник Дженнингс и, не сказав ни слова, молча положил руку ему на плечо. Антос заставил себя дышать нормально.

— Как вы переносите эту тишину? — спросил он у Дженнингса.

— Привыкнешь. Ну все, пора идти.

Через люк группа перешла в герметичный вездеход, который доставил их к тамбуру у входа в шахту. Они вошли и целый час добирались до конца штрека. Добравшись до места, они взялись за кирки и лопаты. Охранники снова уселись в вагонетку и уехали. Затем для Антоса начался кошмарный сон.

Быстро и привычно люди возвратились на милю назад и заложили взрывчатку. Они засыпали пол обломками оборудования и даже бросили коричневый воздушный баллон. Они откопали небольшой боковой туннель и также заминировали его. Обойдя заряд, все они, тяжело дыша от усталости и задыхаясь, вползли в боковой штрек. По очереди люди вдыхали воздух из баллонов. Антос смутно слышал грохот взрывов и сжался. Волна кусочков угля и скальной породы поглотила их, угрожая задушить.

В закрытом туннеле пыли было меньше, но больше белого пара. Люди нагрузили на себя все оборудование, которое только могли взять. По очереди они толкали и тащили воздушный компрессор. Через каждый час они останавливались, загружали компрессор измельченным углем, перезаряжали баллоны с воздухом и шли дальше. У Антоса все сильнее гудело в ушах, и вскоре он уже не слышал тяжелого дыхания своих спутников. Перед глазами все затуманилось, мышцы дергались и отказывались повиноваться, он почти не мог стоять. Антос схватился рукой за стену, чтобы не упасть, и почувствовал, что кто-то осторожно опустил его на пол туннеля и прижал к лицу маску воздушного баллона. Дрожащие мускулы медленно успокаивались, дыхание стало нормальным. Через пять минут он смог сесть и оглядеться.

— Остальные открывают вход в долину, — сказал ему Дженнингс.

Антос обнаружил, что может говорить.

— По крайней мере, вырвались из тюрьмы, — сказал он.

— Мы еще о ней сто раз пожалеем. Ну ничего, проживем. Пожалеем, но мы туда еще вернемся. Через несколько лет.

Антос было отвернулся, но тут до него дошло. Он снова повернулся к Дженнингсу.

— Что?

— Ах да, я тебе об этом еще не сказал. Когда мы приведем в порядок долину, то захватим и всю планету. Охранников немного. Если вывести трансмиттер из строя, то кораблю понадобится пятьдесят лет, чтобы добраться до нас. За это время мы им приготовим встречу.

Антос вскочил на ноги, чтобы с негодованием запротестовать, но голос из темноты сказал:

— Туннель готов. Пошли.

Дженнингс похлопал Антоса по плечу, убедился, что тот может идти, вошел в маленький проход туннеля и начал взбираться. Антос шел следом. Он вышел на поверхность и огляделся.

Он стоял на краю огромного естественного блюдца диаметром километров шесть. Его окружало кольцо гор. Шахта, через которую он только что выбрался наверх, находилась у основания южного ободка. Внутри горного кольца были разбросаны пятна оранжевого цвета — кровоточащие глотки действующих вулканов. Фонтаны пара и дыма вырывались из трещин по всему днищу долины. Вся она была заполнена легкой дымкой, почти закрывавшей солнце. Но Антос знал, что без этой дымки жесткая, непрофильтрованная солнечная радиация сделала бы долину непригодной для жилья. И он дышал. Он стоял на поверхности Адда и дышал. Глубоко вздохнув, Антос закашлялся: в воздухе были мельчайшие следы белого пара. Ног он мог дышать. Он внимательно вгляделся в дно долины. В центре лежало большое чистое озеро. В него впадал широкий быстрый ручей, вырывающийся из скал на востоке. Ручей и озеро окаймлял широкий пояс зелени. Издалека Антосу не было видно, что именно росло там, но зеленые предметы, возвышающиеся над остальными, были очень похожи на деревья.

— Ну вот, — сказал Дженнингс, обращаясь ко всем. — Не фонтан, но жить можно. Мы еще сделаем из этой долины конфетку! Почти все нужное сырье здесь прямо под ногами. Поэтому не будем терять времени. Разбиваемся на группы. Первая группа будет искать временные жилища, вторая вернется назад и принесет все, что мы спрятали в туннеле. Третья — искать что-нибудь съедобное. Четвертая... — Дженнингс назначал людей в группы. Через десять минут после того, как они вошли в долину, люди разошлись и начали работу. Они работали, пока не падали с ног от усталости, и только тогда отдыхали. Они работали так, как никогда раньше, когда они были еще заключенными и добывали уголь.

Дни сливались в недели и месяцы. За четыре года они сделали то, что рассчитывали сделать за пять.

Дженнингс собрал их на площади под открытым небом и сказал:

— Что ж, мне кажется, что пора переходить к следующей стадии. Долина обжита, в хорошем состоянии, и, за исключением одного важного соединения, мы экономически независимы. Если мы захватим лагерь, то получим запас этого соединения. Мы готовы.

— Беру на себя подрывную команду, — сказал Антос. Хочу проследить, чтобы никого не задело. Вы согласны, полковник?

— Мне другого и не надо, — улыбнулся Дженнингс Антосу.

Четыре года полностью изменили Антоса. Он был худ, как щепка, но широк в плечах. Казалось, он весь состоял из мускулов и жил. Его усы стали огромными и какими-то потрепанными. Большие влажные глаза не упускали ничего. Газохроматографист Антоос стал заместителем Дженнингса.

— Готовься, Титро. Завтра займемся этим, — продолжал Дженнингс.

Операция прошла, как по маслу. Охранники ничего не подозревали, и их без труда выманили из здания трансмиттера. После взрыва люди Антоса быстро расплавили все уцелевшие детали. Затем Антос с безопасного расстояния объяснил, что все они — и охранники, и заключенные — полностью отрезаны от Земли, и единственное спасение для них — присоединиться к группе Дженнингса в долине. Антос предусмотрительно объявил, что им не надо принимать решение на месте, и что на следующий день он вернется за ответом. Он хотел, чтобы до них дошло, что припасы с Земли больше не придут, что атмосфера земного типа существует только в долине, что даже в куполах воздух постепенно испортится.

Когда на следующий день Антос вернулся, все были готовы идти за ним в долину. Охранников с оружием согнали в одну группу, заключенные держались отдельно. Антос собрал оружие и объяснил, что разницы между охраной и заключенными больше нет. Чтобы доставить всех людей из колонии в долину, понадобилось три дня. Охранники шли последними, и Антос остался с ними. Когда они вышли из туннеля в долину и огляделись, он наблюдал за их лицами.

Потом он привел их на площадь, где их ждал Дженнингс. Все несколько сотен человек сели. С площади открывался прекрасный вид на долину.

Дженнингс обвел ее рукой и громко, чтобы все слышали, сказал:

— Вот она. Все почти как на Земле.

Туман и дым в долине были настолько густы, что лучи солнца не проникали в нее. Длинные языки желтого пламени лизали уголь открытых жил. Уголь пылал, извергая в воздух густые облака дыма.

— Вы только вдохните, — сказал Дженнингс. — Добрая старая двуокись серы и закись азота, вдоволь углекислого газа и окиси углерода. Когда мы впервые пришли сюда, небо было голубым, вы только подумайте, голубым. Кислорода в воздухе было столько, что дышать нечем! Весь этот белый пар смахивал на земную атмосферу, какой она была семьсот лет назад, до того, как наши предки изменили ее. Солнце светило почти все время. Вы можете себе представить, что здесь творилось? Вы посмотрите на это озеро — оно было голубым, как небо! К счастью мы нашли залежи фосфатов и сбросили их в воду. Вы посмотрите на озеро теперь — богатая, зеленая, питательная вода! — Вода в озере была густой, как студень, от водорослей, пузыри болотного газа тут и там прорывались на поверхность.

Дженнингс продолжал:

— Здесь есть даже рыба, но мы начали добычу ртути всего два месяца назад. Пока еще содержание ртути в карпах слишком низкое, и есть их нельзя. Дайте нам еще несколько месяцев. Вы чувствуете, как жарко? Сто по Фаренгейту, и температура все время растет. Скоро она будет нормальной: теперь в воздухе достаточно углекислого газа, чтобы получить тепличный эффект. Сейчас у нас только одна нерешенная проблема. Мы все еще не можем получить незаменимое пищевое соединение, дихлородифенилтрихлорэтан. Но он биологически неразрушим, а в канализационных стоках колонии его громадное количество. Нам придется время от времени возвращаться туда, извлекать ДДТ и использовать его в пищу до тех пор, пока мы не научимся производить его. Ну как, неплохо, а?

Охранник и заключенные закивали головами и захлопали. Дженнингс поднял руку, призывая всех к молчанию.

— Но это еще не все! То, что мы сделали здесь, можно сделать со всей планетой! Мы провели разведку. На ней есть громадные запасы нефти. Мы наводним нефтью ручьи, реки, озера, океаны и истребим вредные организмы, выделяющие кислород. Мы подожжем открытые месторождения угля, чтобы оградить себя от вредоносных лучей солнца и наполнить воздух необходимым для нас углекислым газом, угаром и серными соединениями. Уничтожив местную флору и фауну, мы сможем освоить огромные куски Адда, а то и всю планету. Мы распылим ДДТ, чтобы растения и животные пропитались им и стали съедобными. На создание нужного тепличного эффекта для всей планеты много времени не понадобится. Мы сделаем здесь вторую Землю. Вы с нами?

Раздался одобрителный рев, аплодисменты, свист, крики. Овация не утихала. В переднем ряду вскочил со своего места охранник, подошел к Дженнингсу, пожал ему руку и повернулся к толпе. Увидев, что он хочет что-то сказать, люди постепенно успокоились.

— Четыре месяца назад, всего четыре месяца назад я прибыл на Адд с Земли, — прокричал он. — И вот что я вам хочу сказать. Здесь, — он показал рукой на долину, — здесь я чувствую себя, как дома, в Нью-Йорке. Мы сделаем обитаемой всю планету!

Аплодисменты были оглушительными.

СОДЕРЖАНИЕ

Генри Каттнер « <i>Земная Звезда</i> »	5
Рон Гуларт « <i>Жестяной ангел</i> »	77
Эдгар Пэнборн « <i>Компания славы</i> »	201
Алан Дин Фостер « <i>Мокова программа</i> »	403
« <i>Врата Земли</i> » сборник рассказов	691
Сидней Дж. Баундс « <i>Одушевленные</i> »	693
Дж. Ф. Боун « <i>На четвертой планете</i> »	708
Дж. Брайан Кларк « <i>Врата Земли</i> »	728
Майкл Саара « <i>Наемник</i> »	776
Маргарет Сент-Клер « <i>Садовник</i> »	801
Томас Когсуэлл « <i>Обретенный рай</i> »	814

Условия подписки:

до сообщения об отправке книги в типографию	— 2500 руб.,
с момента отправки в типографию до получения тиража	— 3000 руб.,
после получения тиража	— 3500 руб.

По всем вопросам книг обращайтесь на почту
marina.che.sz@mail.ru

По всем вопросам книг «ТОЙ (СЕВЕРО-ЗАПАД)»
обращайтесь на почту
igoratarin@gmail.com

Часть книг печатается в ознакомительных целях
по просьбе фэнов и переводчиков
(тираж не превышает 10 экземпляров).

Относительно книг отмеченных * прежде чем делать заказ нужно
убедиться в наличии их на складе.

Перед сдачей в печать
издательство имеет право внести частичные изменения
в состав тома

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА

НАПЕЧАТАНО

- Э.Гамильтон* «Дверь в иной мир»*
Э.Гамильтон «Космический наемник»*
Р.Вильямс «Пропавший линкор»
А.Спрэг де Камп «Безумный мир»*
Дж.Кэмпбелл «Из мрака ночи»*
Сборник «Метеор Бафомета»
Сборник «Зоны нейтрализации»
Сборник «Искра жизни»
М.Лейнстер «Забывтая планета»
Г.Бир «Концерт бесконечности»
Дж. Виндж «Королева лета»*
Э.Гамильтон «Узник Марса»
К.Балмер «Гончие Антареса»*
К.Смит «Инструменталитет человечества. 1 том»
Дж.Уильямсон «Камень с зеленой звезды»
К.Балмер «Звезды Скорпиона»
Э.Петайя «Пещеры Марса»
Дж.Клейтон «Пьющая души»
К.Андерсон «Марсианская война»
Сборник «Жестяной ангел»
Э.Гамильтон «Огненная принцесса»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

- К.Балмер* «Армада Антареса»
Д.Писерчия «Земля через миллион лет»
А.Картер «Конец всех времен»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

- Дж.Уильямсон* «Принцесса легиона»
Т.Ли «Электрический лес»
К.Раули «Золотые земли»
Дж.Рэкхем «Темная планета»
А.Картер «Воображаемые миры»
«А.Лидин представляет архивы Бориса Завгороднего»
К.Смит «Инструменталитет человечества. 2 том»
К.Балмер «Секрет Скорпиона»
М.Фостер «Хриники Лера»

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

НАПЕЧАТАНО

Р.Говард «Стервятники Техаса»

Р.Говард «Пески веков»

Жозеф-Анри Рони-ст. «Дикие времена»*

Ф.Х.Фармер «Древняя Африка»

Жозеф-Анри Рони-ст. «Неведомый мир»

И.Москвин «Сыщик Иван Путилин»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Дж.Драммер «Невеста бога Змей»

Сборник «Герои Говарда»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Ф.Х.Фармер «Темное сердце»

Р.Сильверберг «Владыка смерти»

Дж.Гилман «Кровь на серебре»

Гарднер Фокс «Мадам буканьер»

Алан Дин Фостер «Бледный всадник»

МЕЧ И МАГНЯ

НАПЕЧАТАНО

Г.Фокс «Дворец демонов»*

Г.Фокс «Мир демонов»*

Э.Линн «Хроника Торнора»

Дж.Коулсон «Крантин»

Дж.Джейкс «Сокровища идола»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Б.Ламли «Земля древних»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Г.Фокс «Вор с Ларна»

Сборник «Клиники Востока»

Э.Оффутт «Король дракон»

Ф.Фразетта «Рогатый шлем»

Ч.Саундерс «Имаро»

А.Мартин-Барнс «Огненный меч»

Ш.Грин «Джалав»

СТАРЫЕ ЖУРНАЛЫ

НАПЕЧАТАНО

Удивительные истории,

Amazing Stories, 1926 (1-3)

Вокруг света

Красная газета. 1927 (1—8)

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Удивительные истории,

Amazing Stories, 1926 (4-6)

Фантастические приключения,

Fantastic Adventures, 1939 (1-4)

HORROR BOOKS

НАПЕЧАТАНО

Сборник «Ренегаты»

Сборник «Еще один крик»

Сборник «Смех мертвых»*

Б. Стэблефорд «Лондонские оборотни»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Сборник «Реликт»

Т.Ли «Кровавая опера»

Б. Стэблефорд «Карнавал разрушений»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Р.Гуларт «Вампирелла»

Сборник «Из бездны»

КНИГН «ТОЙ (СЕВЕРО-ЗАПАД)»

БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

НАПЕЧАТАНО

Сборник «Миры иные»

Сборник «Листая старые журналы»

Виктор Гончаров «Век гигантов»

Сборник «Затерянные миры»

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Сборник «Миры чужие»

Сборник «Золото Арсан-Доулая»

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Сборник «Война грядущая»

Сборник «Гибель Земли»

Сборник «Тайна нового Парижа»

ЗВЕЗДНЫЕ КАПИТАНЫ

ПЛАНИРУЮТСЯ ПОЛНЫЕ ИЗДАНИЯ ЦИКЛОВ

ГОТОВИТСЯ В ПЕЧАТЬ

Б. Чандлер

Джон Граймс (том 1)

Э. Гамильтон

Капитан Будущее (том 1)

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Рон Гуларт

Флэш Гордон

Ф. Нулан

Бак Роджерс

Э. Оффутт

Звездные дороги (том 1)

Шеер — Далтон — Маар — Шольц

Перри Родан (том 1)

ЖЕСТЯНОЙ АНГЕЛ

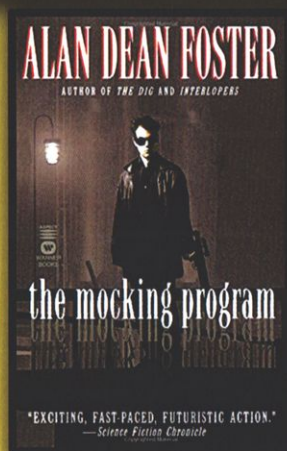
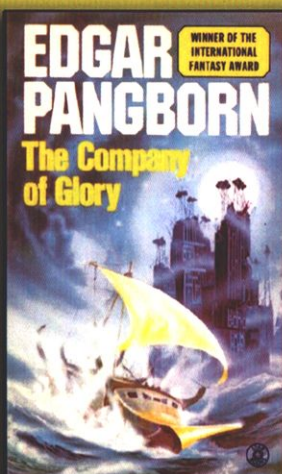
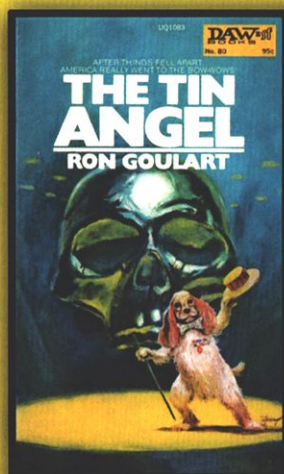
(сборник)

+16

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ
КЛУБНОЕ ИЗДАНИЕ

Составитель серии *А. Лидин*
Ответственный редактор *И. Кремнев*
Главный художник *Л. Соловьева*
Верстка *В. Кудрешов*
Корректор *Л. Михайлова*

ЗАБЫТАЯ КЛАССИКА

ISBN 978-5-93835-691-7

•Северо-Запад•